ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

РОМАН ГУЛЬ

Переписка 1953—1958

SHOUT
SHARE
IT

- ГЕОРГИЙ ИВАНОВ - ИРИНА ОДОЕВЦЕВА - РОМАН ГУЛЬ: Тройственный союз. Переписка 1953-1958 годов
  - ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
  - 1953
    - 1. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 10 мая 1953>. Монмонранси.
    - 2. Роман Гуль - Георгию Иванову. 17 мая 1953. <Нью-Йорк>.
    - 3. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 мая 1953. Монморанси.
    - 4. Роман Гуль - Георгию Иванову. 25 мая 1953. <Нью-Йорк>.
    - 5. Георгий Иванов - Роману Гулю. 31 мая 1953. Монморанси.
    - 6. Роман Гуль - Георгию Иванову. 13 июня 1953. <Нью-Йорк>.
    - 7. Георгий Иванов - Роману Гулю. 23 июня 1953. Монмонранси.
    - 8. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 июля 1953. Монморанси.
    - 9. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 25 июля 1953. Монморанси.
    - 10. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 13 августа 1953. Монморанси.
    - 11. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 31 августа 1953. Монморанси.
    - 12. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 26 сентября - 8 октября 1953. Монморанси.
    - 13. Ирина Одоевцева - Ольге Гуль. 29 октября 1953. Монморанси.
    - 14. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 29 октября 1953. Монморанси.
    - 15. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 6 ноября 1953. <Нью-Йорк>.
    - 16. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 ноября 1953. Монморанси.
    - 17. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 25 ноября 1953. <Нью-Йорк>.
    - 18 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец ноября>. Монморанси.
  - 1954
    - 19 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало февраля. Монморанси>.

- 20. Роман Гуль - Георгию Иванову. 5 февраля 1954. <Нью-Йорк>.
- 21. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 9 февраля 1954. Монморанси.
- 22. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Февраль 1954>. Париж.
- 23. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 марта 1954. <Нью-Йорк>.
- 24. Георгий Иванов - Роману Гулю. 16 марта<1954>. Париж.
- 25. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 апреля 1954. <Нью-Йорк>.
- 26. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 апреля 1954. Париж.
- 27. Роман Гуль - Георгию Иванову. 7 апреля 1954. <Нью-Йорк>.
- 28. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 10 апреля 1954>. Париж.
- 29. Роман Гуль - Георгию Иванову. 19 апреля 1954. <Нью-Йорк>.
- 30. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец апреля 1954>. Париж.
- 31. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 мая 1954. Париж.
- 32. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 июня 1954. Париж.
- 33. Роман Гуль - Георгию Иванову. 12 июня 1954. <Нью-Йорк>.
- 34. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 июня 1954. <Нью-Йорк>.
- 35. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 июня 1954. Париж.
- 36. Георгий Иванов - Роману Гулю. < Около 25 июня 1954>. Париж.
- 37. Георгий Иванов - Роману Гулю. < Около 25 июня 1954>. Париж.
- 38. Роман Гуль - Георгию Иванову. 27 июня 1954. <Нью-Йорк>.
- 39. Георгий Иванов - Роману Гулю. < Начало июля 1954>. Париж.
- 40. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 июля 1954. <Нью-Йорк>.
- 41. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 31 июля 1954. <Нью-Йорк>.

- 42. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 3 августа 1954. Париж.
- 43. Роман Гуль - Георгию Иванову. 4 августа 1954. <Нью-Йорк>.
- 44. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 августа 1954. Париж.
- 45. Георгий Иванов - Роману Гулю. < 9 августа 1954>. Париж.
- 46. Георгий Иванов - Роману Гулю. 18 августа 1954. Париж.
- 47. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 августа 1954. Париж.
- 48. Роман Гуль - Георгию Иванову. 23 августа 1954. <Нью-Йорк>.
- 49. Георгий Иванов - Роману Гулю. 26 августа 1954. Париж.
- 50. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 26 августа 1954. <Нью-Йорк>.
- 51. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 3 сентября 1954. Париж.
- 52. Георгий Иванов - Роману Гулю. 6 сентября 1954. Париж.
- 53. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 сентября 1954. Париж.
- 54. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 26 сентября 1954. <Нью-Йорк>.
- 55. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 октября 1954. Париж.
- 56. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало ноября 1954>. Париж.

○ 1955

- 57 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало 1955. Париж>.
- 58. Роман Гуль - Георгию Иванову. 20 января 1955. <Нью-Йорк>.
- 59. Георгий Иванов - Роману Гулю <Февраль 1955>. Йер.
- 60. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 февраля 1955. <Нью-Йорк>.
- 61. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 марта 1955. Йер.
- 62. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 мая 1955. Йер.
- 63. Роман Гуль - Георгию Иванову. 14 мая 1955.

<Нью-Йорк>.

- 64. Георгий Иванов - Роману Гулю. 24 мая 1955. Йер.
- 65. Роман Гуль - Георгию Иванову. 11 июня 1955. <Нью-Йорк>.
- 66. Георгий Иванов - Роману Гулю. 15 июня 1955. Йер.
- 67. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 30 июня 1955. <Нью-Йорк>.
- 68. Георгий Иванов - Роману Гулю. <16-17 июля 1955>. Йер.
- 69. Роман Гуль - Георгию Иванову. 21 июля 1955. <Питерсхэм>.
- 70. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 23 июля 1955. Йер.
- 71. Георгий Иванов - Роману Гулю. 29 июля 1955. Йер.
- 72. Роман Гуль - Георгию Иванову. 1 августа 1955. <Питерсхэм>.
- 73. Роман Гуль - Георгию Иванову и Ирине Одоевцевой. 3 августа 1955. <Питерсхэм>.
- 74. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало августа 1955>. Йер.
- 75. Георгий Иванов - Роману Гулю. 8 августа 1955. Йер.
- 76. Георгий Иванов - Роману Гулю. <После 8 августа 1955>. Йер.
- 77. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 августа 1955. Йер.
- 78. Роман Гуль - Георгию Иванову и Ирине Одоевцевой. 1 сентября 1955. <Питерсхэм>.
- 79. Ирина Одоевцева и Георгий Иванов — Роману Гулю. <Начало сентября 1955>. Йер.
- 80. Георгий Иванов - Роману Гулю. 12 сентября 1955. Йер.
- 81. Роман Гуль - Георгию Иванову. 9 октября 1955. Нью-Йорк.
- 82. Роман Гуль - Георгию Иванову. 15 октября 1955. Нью-Йорк.
- 83. Ирина Одоевцева - Ольге и Роману Гулю. 17 октября 1955. Йер.
- 84. Георгий Иванов - Роману Гулю. 20 октября 1955. Йер.
- 85. Георгий Иванов - Роману Гулю. 25 октября

1955. Йер.
- 86. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 октября 1955. Нью-Йорк.
- 87. Георгий Иванов - Роману Гулю. 14 ноября 1955. Йер.[608]
- 88. Роман Гуль - Георгию Иванову. 17 ноября 1955. Нью-Йорк.
- 89. Роман Гуль - Георгию Иванову. 29 ноября 1955. Нью-Йорк.
- 90. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 1 декабря 1955. Йер.
- 91. Георгий Иванов - Роману Гулю. 2 декабря 1955. Йер.
- 92. Георгий Иванов - Роману Гулю. 5 декабря 1955. Йер.
- 93. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Декабрь 1955>. Йер.
- 94. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. <Декабрь 1955>. Йер.
- 95. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Декабрь 1955 - начало января 1956>. Йер.

○ 1956
- 96. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 января 1956. Йер.
- 97. Роман Гуль — Георгию Иванову. 21 января 1956. Нью-Йорк.
- 98. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 января 1956. Йер.
- 99. Роман Гуль — Георгию Иванову. 29 января 1956. Нью-Йорк.
- 100. Георгий Иванов - Роману Гулю. 3 февраля 1956. Йер.
- 101. Георгий Иванов - Роману Гулю. 7 февраля 1956. Йер.
- 102. Роман Гуль — Георгию Иванову. 19 февраля 1956. Нью-Йорк.
- 103. Георгий Иванов - Роману Гулю 28 февраля 1956. Йер.
- 104. Роман Гуль — Георгию Иванову. 17 марта 1956. Нью-Йорк.
- 105. Ирина Одоевцева и Георгий Иванов — Роману Гулю. 18 марта <1956>. Йер.
- 106. Георгий Иванов - Роману Гулю. 2 апреля 1956. Йер.

- 107. Роман Гуль — Георгию Иванову. 8 апреля 1956. Нью-Йорк.
- 108. Георгий Иванов - Роману Гулю. 13 апреля 1956. Йер.
- 109. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 16 мая <1956>. Йер.
- 110. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 18 мая <1956>. Йер.
- 111. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой. 19 мая 1956. Нью-Йорк.
- 112. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. <Конец мая 1956>. Йер.
- 113. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 3 июня 1956. Йер.
- 114. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 9 июня 1956. Йер.
- 115. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 11 июня 1956. Йер.
- 116. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 24 июня 1956. Нью-Йорк.
- 117. Георгий Иванов - Роману Гулю. 9 июля 1956. Йер.
- 118. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 10 июля 1956. Нью-Йорк.
- 119. Георгий Иванов - Роману Гулю. 23 июля 1956. Йер.
- 120. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 14 августа 1956. Йер.
- 121. Роман Гуль — Георгию Иванову. 15 августа 1956. Питерсхэм.
- 122. Георгий Иванов - Роману Гулю. Начало сентября 1956. Йер.
- 123. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой Георгию Иванову. 10 сентября 1956. Нью-Йорк.
- 124. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. <Середина сентября 1956>. Йер.
- 125. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 сентября 1956. Йер.
- 126. Георгий Иванов - Роману Гулю. 25 октября 1956. Йер.

○ 1957

- 127. Роман Гуль - Георгию Иванову. 1 января 1957. Нью-Йорк.
- 128. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 января

1957. Йер.

- 129. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 января 1957. Йер.
- 130. Роман Гуль - Георгию Иванову. 22 января 1957. Нью-Йорк.
- 131. Роман Гуль - Георгию Иванову. 10 февраля 1957. Нью-Йорк.
- 132. Георгий Иванов - Роману Гулю. 14 февраля 1957. Йер.
- 133. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 марта 1957. Йер.
- 134. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 марта 1957. Нью-Йорк.
- 135. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Апрель 1957>. Йер.
- 136. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 мая 1957. Нью-Йорк.
- 137. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Август 1957>. Йер.
- 138. Георгий Иванов - Роману Гулю. 27 августа 1957. Йер.
- 139. Роман Гуль - Георгию Иванову. 4 сентября 1957. Нью-Йорк.
- 140. Георгий Иванов - Роману Гулю. 9 сентября 1957. Йер.
- 141. Роман Гуль - Георгию Иванову. 16 сентября 1957. Нью-Йорк.
- 142. Георгий Иванов - Роману Гулю 23 сентября 1957. Йер.
- 143. Георгий Иванов - Роману Гулю. 6 октября 1957. Йер.
- 144. Георгий Иванов - Роману Гулю.<Конец октября 1957>. Йер.
- 145. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 ноября 1957. Нью-Йорк.
- 146. Георгий Иванов - Роману Гулю<Начало ноября 1957>. Йер.
- 147. Георгий Иванов - Роману Гулю<Середина ноября 1957>. Йер.
- 148. Ирина Одоевцева - Ольге Гуль 14 ноября 1957. Йер.
- 149. Георгий Иванов - Роману Гулю. 8 декабря 1957. Йер.
- 150. Ирина Одоевцева - Роману Гулю 10 декабря

1957. Йер.
- 151. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 15 декабря 1957. Нью-Йорк.

○ 1958
- 152. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 января 1958. Нью-Йорк.
- 153. Георгий Иванов - Роману Гулю. 1 февраля 1958. Йер.
- 154. Георгий Иванов - Роману Гулю. 1 марта 1958. Йер.
- 155. Роман Гуль - Георгию Иванову. 8 марта 1958. Нью-Йорк.
- 156. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 марта 1958. Йер.
- 157. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 25 марта 1958. Нью-Йорк.
- 158. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 26 марта 1958>. Йер.
- 159. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 26 марта 1958. Йер.
- 160. Роман Гуль - Георгию Иванову. 30 марта 1958. Нью-Йорк.
- 161. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 2 апреля 1958. Йер.
- 162. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 12 апреля 1958. Нью-Йорк.
- 163. Георгий Иванов - Роману Гулю. Середина апреля 1958>. Йер.
- 164. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 18 апреля 1958. Йер.
- 165. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 21 апреля 1958. Нью-Йорк.
- 166. Георгий Иванов - Роману Гулю.<Конец апреля 1958>. Йер.
- 167. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 28 апреля 1958. Йер.
- 168. Роман Гуль - Георгию Иванову. 3 мая 1958. Нью-Йорк.
- 169. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 11 мая 1958. Йер.
- 170. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 14 мая 1958. Йер.
- 171. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 28 мая 1958. Йер.

- 172. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 14 июня 1958. Йер.
- 173. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 19 июня 1958. Нью-Йорк.
- 174. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 23 июня 1958. Йер.
- 175. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 29 июня 1958. Нью-Йорк.
- 176. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 12 августа 1958. Йер.
- 177. Ирина Одоевцева - М. М. Карповичу. 15 сентября 1958. Йер.
- 178. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 17 сентября 1958. Йер.
- 179. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 29 сентября 1958. Нью-Йорк.
- 180. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 октября 1958. Ганьи.
- 181. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 5 ноября 1958. Нью-Йорк.
- 182. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 11 ноября 1958. Ганьи.

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197

- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241

- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285

- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329

- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373

- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417

- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461

- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505

- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549

- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593

- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637

- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681

- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725

- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769

- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813

- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857

- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901

- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945

- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989

- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033

- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077

- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121

- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128
- ○ 1129
- ○ 1130
- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139
- ○ 1140
- ○ 1141
- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154
- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165

- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172
- ○ 1173
- ○ 1174
- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183
- ○ 1184
- ○ 1185
- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198
- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209

- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216
- ○ 1217
- ○ 1218
- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227
- ○ 1228
- ○ 1229
- ○ 1230
- ○ 1231
- ○ 1232
- ○ 1233
- ○ 1234
- ○ 1235
- ○ 1236
- ○ 1237
- ○ 1238
- ○ 1239
- ○ 1240
- ○ 1241
- ○ 1242
- ○ 1243
- ○ 1244
- ○ 1245
- ○ 1246
- ○ 1247
- ○ 1248
- ○ 1249
- ○ 1250
- ○ 1251
- ○ 1252
- ○ 1253

- ○ 1254
- ○ 1255
- ○ 1256
- ○ 1257
- ○ 1258
- ○ 1259
- ○ 1260
- ○ 1261
- ○ 1262
- ○ 1263
- ○ 1264
- ○ 1265
- ○ 1266
- ○ 1267
- ○ 1268

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ - ИРИНА ОДОЕВЦЕВА - РОМАН ГУЛЬ: Тройственный союз. Переписка 1953-1958 годов

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Если когда-нибудь мы прославимся и письма наши будут изданы, что подумают потомки? Все ведь может случиться» — так писал Георгий Адамович Ирине Одоевцевой 3 марта 1958 года.

Через полвека и с отправителем этого письма и с его адресатом случилось самое существенное: их эпистолярное наследие постепенно включается в общий культурный фонд отечественной словесности. Тем самым потомкам предоставляется возможность составить об их жизни и мнениях целостное представление, не замутненное априорными суждениями, вынесенными современной им критикой, и не обусловленное общественными предрассудками. Это особенно важно в случае с Георгием Ивановым, Ириной Одоевцевой и Романом Гулем. Все трое — эмигранты и рассматривались в советской печати (когда рассматривались, что было крайне редко) исключительно как представители «враждебного окружения», носители «чуждой идеологии». Но и с точки зрения представителей русской диаспоры, тоже сильно политизированной, их интенсивное общение между собой можно признать едва ли не нонсенсом — настолько разнились их изначальные «идеологические платформы». В 1920-е годы Георгий Иванов представлялся Роману Гулю не более чем расколотой в революцию «прелестной чашкой». Так он написал в своей автобиографической книге «Жизнь на Фукса» (1927) — о «берлинском сидении»: «…приехали прелестные чашки, разбитые революцией, Г. Иванов, Г. Адамович, Н. Оцуп…». Для Георгия Иванова с Ириной Одоевцевой Роман Гуль в ту пору существовал разве что в не достойном внимания образе одного из «большевизанов». Если вообще существовал.

И тем не менее — тридцать лет спустя — они имели право сказать о себе подобно Борису Пастернаку: «Нас мало, нас, может быть, трое». И продолжить еще более для нас существенным: «Мы были людьми. Мы эпохи».

Представленная в этой книге переписка велась в эпоху слома поступательного движения коммунистической идеологии по всей планете. Как раз в эту пору — с 1953 по 1958 год — общение всех троих ее участников оказалось особенно тесным. Завершилось оно не по причине разрыва отношений, а из-за кончины главного действующего лица, Георгия Иванова (после его смерти Одоевцева и Гуль продолжали оставаться в поле зрения друг друга, продолжали и переписываться, но этот корпус их писем уже не связан прямо с нашим сюжетом).

Георгий Владимирович Иванов (29. X (10. XI). 1894, Пуки Тельшевского уезда Ковенской губ. — 26. VIII. 1958, Йер, департамент Вар, Франция; 23. XI. 1963 перезахоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем) — поэт, прозаик, мемуарист, критик. Его предки по отцовской и материнской линии — военные, и сам он учился во 2-м кадетском корпусе Петербурга, но не закончил его, увлеченный литературой. Печатался с 1910 г., в 1912 г. выпустил первую книгу лирики «Отплытье на о. Цитеру», был приглашен Н. С. Гумилевым в «Цех поэтов», много печатался в разнообразной периодике, приватно общался с Кузминым, Блоком, Ахматовой и другими корифеями «серебряного века», сам став его органичным представителем. До 1922 г. жил в Петербурге-Петрограде, откуда осенью 1922 г. уехал в Берлин под совершенно формальным предлогом работы «над составлением репертуара государственных театров». В Россию больше не вернулся, хотя и ничьего иностранного подданства тоже не взял, проведя всю дальнейшую жизнь в статусе «русского беженца». В 1923 г. вместе с Одоевцевой, на которой женился еще в Петрограде осенью 1921 г., уехал из Берлина во Францию, где и провел оставшиеся годы жизни, преимущественно в Париже. Во Франции вел до 1938 г. активную литературную жизнь, печатался в ведущих эмигрантских изданиях, газете «Последние новости», журнале «Современные записки» и др., был неизменным председателем собраний литературного общества «Зеленая лампа», издал имевшие большой резонанс беллетризованные мемуары «Петербургские зимы» (1928), сборник стихов «Розы» (1931), ставший самой заметной книгой лирики целой литературной эпохи, но в 1938 г. изданием «поэмы в прозе» «Распад атома» неожиданно поставил точку в своей творческой деятельности. Военные годы провел с Одоевцевой в Биаррице, на юго-западе Франции, после войны вновь стал писать стихи, возобновив в 1945 г. их публикацию. В отличие от довоенных лет, материальное положение Георгия Иванова катастрофически ухудшалось, в конце концов приведя его и Ирину Одоевцеву в пансионат для апатридов (политических беженцев, не имеющих французского гражданства) на юге Франции в Йере, неподалеку от Тулона, где он с женой и провел остаток дней с начала февраля 1955 г. до самой кончины. К послевоенным годам житейского неустройства относятся тем не менее высшие проявления ивановского лиризма, сделавшие его первым поэтом русской эмиграции и вообще одним из лучших русских лирических поэтов XX века.

Ирина Владимировна Одоевцева, в первом браке Попова, во втором Иванова, наст. имя Ираида Густавовна Гейнике (15 (27). VII. 1895 (по другим сведениям, 1901), Рига — 18. X. 1990, Ленинград) — поэт, прозаик, мемуарист. Родилась в семье адвоката, в конце 1918 г. записалась в Институт живого слова в Петрограде, где услышала лекцию Н. С. Гумилева, в «Литературную студию» которого вскоре перешла, став в ней его главной ученицей. Печаталась с 1921 г., в 1922 г. выпустив в Петрограде первый и единственный на родине поэтический сборник «Двор чудес». Как и Георгий Иванов, в 1922 г. (но отдельно от него) уехала из Петрограда в Ригу к отцу, откуда и отправилась в Берлин. Во Франции стихи в довоенные годы писать почти прекратила, обратившись к прозе, одобренной на первых порах самим И. А. Буниным. До войны Одоевцева опубликовала романы «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1930) и «Зеркало» (1939), писала для кинематографа. Благодаря постоянной помощи отца, а после его кончины в 1933 г. благодаря значительному наследству, жила вплоть до 1944 г., когда немцы реквизировали ее с Георгием Ивановым виллу под Биаррицем (вдобавок уничтоженную авиацией союзников), вполне обеспеченной жизнью (помимо виллы была куплена еще и квартира в Париже, разграбленная в военные годы). После войны, как и Георгий Иванов, вернулась к стихам, а также опубликовала переведенный на французский, английский и испанский роман «Оставь надежду навсегда» (по-русски издан в 1954 г., позже, чем в переводах!). Но наибольшую литературную известность Одоевцевой принесли ее мемуары, писавшиеся и изданные уже после смерти Георгия Иванова: «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983). В 1987 г. Ирина Одоевцева вернулась на родину, поселившись в Ленинграде, откуда она шестьдесят пять лет тому назад уехала за границу.

Роман Борисович Гуль (1 (13). VIII. 1896, Киев — 30. VI. 1986, Нью-Йорк) — прозаик, критик, мемуарист, редактор. Родился в семье юриста, состоятельного землевладельца, детские и отроческие годы провел в Пензе, в имении отца. В 1914 г. поступил на юридический факультет Московского университета, где наибольшее впечатление на него произвели лекции И. А. Ильина, авторитет которого был для Гуля неколебим до середины 1940-х гг. Летом 1916 г. Гуль был мобилизован и отправлен в школу прапорщиков. Весной 1917 г. участвовал в сражениях Первой мировой войны на Юго-Западном фронте младшим офицером, затем командиром роты и полевым адъютантом

командира полка. Не принадлежа ни к какой политической партии, Гуль с молодости был настроен антимонархически, но не в большевистском духе. Поэтому в революционные месяцы 1917 г. Гуль, поддерживая идею созыва Учредительного собрания и установления в стране демократического строя, оказался в рядах Добровольческой армии, первоначально вдохновленной этим пафосом. В составе корниловского Ударного полка Гуль становится участником знаменитого Ледяного похода. После гибели Корнилова, недовольный растущими монархическими настроениями армии, осенью 1918 г. Гуль подает рапорт об увольнении из армии и отправляется в родной Киев. В занятом армией Петлюры Киеве Гуль был арестован, но затем, по соглашению с немцами, также находившимися в Киеве, вместе с другими офицерами был вывезен в Германию в первых числах января 1919 г. В это время он пишет свой «Ледяной поход», изданный отдельной книгой в Берлине в 1921 г., а затем и в Советской России. В Берлине Гуль несколько лет работал в журнале «Новая русская книга», проникнувшись в то же время идеями «сменовеховства», приведшими его в газету «Накануне». Гуль оказался среди тех, кто поверил в объявленный коммунистами нэп, то есть в демократическую эволюцию большевистского режима. До самого конца 1920-х гг. он поддерживал тесные связи с писателями из СССР, где беспрепятственно издавались его сочинения. До 1933 г. Гуль жил в Берлине, писал и печатал книги, так или иначе связанные с историей террора в России: «Генерал Бо» (1929) — об Азефе и Савинкове, «Скиф» (1931) — о Михаиле Бакунине, «Тухачевский: “Красный маршал”» (1932), «Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (1933). В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, Гуль был помещен в концентрационный лагерь Оранненбург, откуда вскоре освободился и уехал во Францию, продолжая работать над избранной темой. Она завершилась изданием книги «Дзержинский» (1936). Во Франции Гуль вступил в масонскую ложу «Свободная Россия» (1935), а в 1945 г. — в ложу «Юпитер», из которой затем вышел из-за ее «просоветского» направления. В годы Второй мировой войны Гуль жил на юге Франции, занимался фермерством, работал на стекольном заводе. После войны участвовал в издании антикоммунистических материалов вместе с историком С. П. Мельгуновым, затем в 1948 г. создал демократической ориентации группу «Российское народное движение» и начал издавать журнал «Народная правда», в котором публично порвал отношения с Иваном Ильиным из-за его шовинистических настроений. В это же время Гуль на чинает печататься в нью-йоркском «Новом журнале» и в 1950 г. навсегда

уезжает в США. Некоторое время он и в Америке продолжает издавать свою «Народную правду», но затем навсегда связывает судьбу с «Новым журналом», став в нем сначала ответственным секретарем, а затем, после кончины главного редактора М. М. Карповича, заняв его место.

До 1953 г., года начала переписки, живущий в Нью-Йорке Роман Гуль и обитающие во Франции Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой были знакомы поверхностно. Первая встреча с Георгием Ивановым, по версии Гуля, состоялась еще в Берлине «…в “Доме Искусств”, в кафе “Леон” на Ноллендорфпляц. Познакомил меня поэт Николай Оцуп, с которым в Берлине я общался . Больше в Берлине Г. Иванова я не встречал. Живя с сентября 1933 года в Париже, я Г. Иванова тоже не встречал. Встретил я его (т. е. “заново познакомился”) лишь в 1946 году в Париже, после войны. Но “новое знакомство” было кратко: встречался раза два на литературных собраниях…». То же самое можно, очевидно, сказать и о встречах Гуля с Одоевцевой. Правда, судя по одному из писем, какие-то их контакты были возможны на кинематографической ниве.

Следует еще сказать об одной важной содержательной черте выносимого на суд читателей эпистолярного наследия широко теперь известных авторов. Строго говоря, их письма невозможно было бы публиковать при жизни любого из отправителей, равно как и при жизни упоминаемых в письмах людей. Невозможно — по чисто этическим соображениям. Характеристики, порой ужасающие, данные в письмах личностям как известным, так и мало известным, таковы, что любую из них можно оспорить или вовсе назвать преднамеренно искажающей реальность. Деликатно выражаясь, все они субъективны, часто вызваны минутными эмоциями или раздражающими воображение ситуациями. И тем не менее — это яркий и правдивый документ, в том смысле, что он прямо отражает вкусы, настроения и переживания людей, волею судеб вовлеченных в исторический водоворот, из которого выбраться никому не дано. На каком расстоянии от произошедших событий частная жизнь становится историческим свидетельством — вопрос, не подлежащий точному арифметическому исчислению. Нам кажется, что полувековая черта, отделяющая сказанное и написанное от придания этому сказанному и написанному огласки, как раз та граница, которую можно переходить, не опасаясь причинить кому-либо реальных бед и страданий.

В одном из писем к Роману Гулю Георгий Иванов и утверждал и сомневался: «Пусть знаменитый “будущий историк литературы” разбирается в нашей “переписке с двух берегов океана”. Только

будет ли этот будущий историк и будущее вообще?».

Сегодня сомневаться не приходится: для всех троих участников выставляемого на обозрение эпистолярного действа будущее наступило.

Настоящее издание базируется на основе коллекции писем Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой и Романа Гуля, хранящихся в Йельском университете, США: Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University Library. Roman Gul' Papers. Все письма Георгия Иванова и Ирины Одоевцевой к Гулю — написанные от руки оригиналы. Гуль писал на машинке и его письма к обоим — машинописные копии, оставленные у себя автором. Сохранились ли сами оригиналы, и если сохранились, то в чьем распоряжении они находятся, нам неизвестно.

Георгий Иванов до конца дней писал по старой орфографии (с ятями, ерами и т. п.), Ирина Одоевцева смешивала старую с новой, Роман Гуль использовал исключительно новую (шрифт машинки иного и не позволял, плюс к тому все иностранные слова он вынужден был писать кириллицей). Георгий Иванов правилами пунктуации полностью пренебрегал, Ирина Одоевцева ставила знаки препинания «по настроению», Гуль опечатки во вторых экземплярах, само собой разумеется, почти не исправлял. Поэтому, за исключением случаев, когда можно говорить об устойчивых отклонениях от «нормы», в расстановке знаков препинания, кавычек и т. п., мы унифицируем всю переписку, придерживаясь современных представлений о пунктуации. Без оговорок исправляем также явные описки и орфографические ошибки, сохраняя некоторые устойчивые «ошибочные» начертания («прийдется», «цалую», «имяни» и т. п.). Подчеркнутые в письмах слова, а также подписи, даются курсивом. В комментариях сведения об упомянутых в письмах событиях и лицах, данные о которых без хлопот можно найти в любой энциклопедии или в Интернете (фамилии Пушкина, Достоевского, Толстого, и т. д., даты двух мировых войн и проч.), мы оставляем без внимания.

В работе над книгой неоценимую помощь нам оказали К. М. Азадовский, Н. А. Богомолов, Стефано Гардзонио (Garzonio), А. А. Генис, Т. Л. Гладкова, Г. Б. Глушанок, Чезаре Дж. Де Микелис (De Michelis), Рита Джиулиани (Giuliani), А. А. Долинин, Ричард Дэвис (Davies), Татьяна Зен (Senn), Алессандро Каталано (Catalano), Е. П. Кушкин, А. В. Лавров, Даниэла Рицци (Rizzi), Омри Ронен, Наталья Скиарини (Sciarini), С. Г. Стратановский, Г. Г. Суперфин, Р. Д. Тименчик, И. Н. Толстой.

Всем им большое спасибо.

Андрей Арьев, Симоне Гуаньелли

1953

1. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 10 мая 1953>. Монморанси.

<Около 10 мая 1953>
5, aw Charles de Gaulle
Montmorency (S et O)[1].

Дорогой Роман (Николаевич?)

Простите, если я ошибаюсь в Вашем отчестве. Ведь мы, в сущности, почти не были знакомы.

Во-первых, очень, очень благодарю Вас за отзыв о «Петерб<ургских> Зимах». Особенно меня обрадовало, что Вам понравились позднейшие мои статьи о Блоке—Гумилеве и Есенине[2]. И, поверьте, то, что это написали Вы, мне очень дорого: от «Генерала БО» — до «Коня Рыжего»[3], я очень люблю и «уважаю» Вас, как блестяще одаренного писателя. Кстати, еще до получения «Н<ового> Ж<урнала>» я сговорился с Мельгуновым[4] — о ряде отзывов о книгах Чеховского Издательства[5]. Так что, когда Вы мою рецензию о «Коне Рыжем» прочтете[6] — не подумайте, что я Вам плачу комплиментами за Ваши комплименты — все, что там сказано, сказано «от души»…

Хорошо. Теперь вот что. Одновременно с этим письмом я посылаю на Ваше имя единственный экземпляр повести И. Одоевцевой[7] и свои стихи для «Нового Журнала»[8]. Думаю, так правильней, ибо возможно М. М. Карпович[9] — уехал опять в Европу, и до осени рукописи будут валяться в Кембридже[10], ожидая его.

Прошу Вас как члена редакции о следующем: мои стихи напечатать не вместе с прочей поэтической публикой, а отдельно[11]. (В хвосте — это не имеет значения.) Прошу это и потому, что приятнее не мешаться с Пиотровско-Маковскими и ко[12], и потому еще, что эти стихи «Дневника» нечто вроде поэмы (для меня).

2). Если М. М. Карпович сидит у себя — будьте любезны, передайте ему, что мы просим прислать нам под эти рукописи, не дожидаясь печатания, общий аванс. Суммы не называю, но само собою, каждые лишние 10 долларов очень существенны. Если его нет, и Вы можете «своей властью» исполнить эту просьбу, сделайте это, пожалуйста, по возможности быстро.

3).Во всяком случае будьте милым, черкните мне обратной почтой — как и что. И европейский адрес М. М.[13] — если он в Европе.

И. В. Одоевцева шлет Вам сердечный привет и просит сказать, что она всегда помнит Вашу дружескую услугу с кинематографистом Зильберштейном[14], в свое время чрезвычайно выручившую нас. Прибавлю от себя — мало кто из литературной братии поступил бы так, как Вы — особенно с незнакомыми людьми из «чуждого лагеря». Как правило — даже «друзья» поступают наоборот.

Так ответьте, пожалуйста, насчет аванса и Карповича. И еще раз очень благодарю за рецензию в НЖ [15].

Вам преданный Георгий (Владимирович) Иванов.

2. Роман Гуль - Георгию Иванову. 17 мая 1953. <Нью-Йорк>.

17 мая 1953

Дорогой Георгий Владимирович, получил ваше письмо, большое спасибо. Отчество мое — Борисович вместо Николаевича, но сие не важно. Николаевич тоже есть — Р. Н. Гринберг[16] («Опыты»[17]), с которым мы дружим (с ним).

Пойду по пунктам Вашего письма.

Отзыв о «Петербургских зимах» — писал очень искренно. И рад, что Вам он был приятен. В частности, я не отмечал некоторых досадных неверностей. Почему Вы называете Клюева — Николаем Васильевичем (вместо Алексеевичем)?[18] Потом, у Вас на стр. 171 — получается так, что в 1913 г. Рейснер говорит о красной армии и чека?[19] В стихах Есенина вместо «дождь» — «день»; вместо «пронеслась» — «замерла»[20]. Вы не держали корректуру? Я не хотел об этом упоминать в рецензии, ибо в конце концов — не в этом же суть. Но это досадно. И читатель (литературный) это замечает. М. б., это Чехов виноват?[21] Он — могет... Далее. Спасибо за отзыв о «Коне Рыжем». Но разрешите — не поверить, чтоб на стр. «Возрождения» [22] мог бы появиться не только уж хороший, но даже приличный отзыв обо мне. Уж слишком я знаю — всю психопатию и злобность господина редактора.[23] Он уж даже «высказался» о моей книге —- что ее и издавать-то вовсе было не надо (это после того, как он мне в Париже — во времена нашей «дружбы», когда он по субботам приезжал к нам завтракать и обсуждать все дела — предлагал как-то издать «Коня Рыжего» вместе с его книгой — у него тогда появился какой-то издательский «шанс» — в Германии). Ну, да Бог с ним. Не пей из колодца, пригодится плюнуть. Ваш отзыв на стр. «Возрождения» меня теперь — спортивно заинтересовал. Жаль, что Вы дали туда, — лучше бы было в НЖ. Одним словом, их бин гешпаннт.[24] Думаю — «наоборот» — Мелилгунов [25] заплатил бы двойной гонорар тому, кто меня бы хорошо обругал. На мне у него заработать можно. Скажу Вам по чести — Я очень хладнокровен — к отзывам. Конечно, хороший приятен, но и на плохие не обижаюсь. Разумеется, *Ваш* отзыв был бы мне и приятен и интересен. Далее. Меня волнует, что Вы адресовали Ваше письмо М. С. Цетлиной.[26] Ведь у НЖ — СВОЙ адрес уже года два. И я боюсь, как бы не затерялся Ваш пакет, тем более, что М<ария> С<амойловна> 5-го числа уезжает в Европу. С

«Опытами» мы состоим в самых корректных отношениях, но все же — адрес у нас — свой. Я скажу М<арии> С<амойловне>. А Вас прошу — напишите, по какому адресу Вы послали повесть И<рины> В<ладимировны> и Ваши стихи и как послали — воздухом или простым? заказным или нет? Дабы я мог бы тут предупредить М<арию> С<амойловну>, что вот, мол, пакет придет для нас и пр. И на чье имя? На мое? И на ее адрес? Это не годится, конечно. (Это Ваше письмо М<ария> С<амойловна> мне переслала.) «Закругляю», как говорят советские: мой адрес (личный) на бланке.[27] А адрес редакции Нов. Журн. такой: <...>[28]

Посылать лучше на адрес редакции (ибо начиная со второй половины июня, две недели в месяц я буду отсутствовать, буду в деревне). Мих. Мих.[29] с июня месяца будет у себя в деревне, в Вермонт, у него вакации. Далее. Все Ваши просьбы относительно напечатания Ваших стихов так, как Вы хотите, будут исполнены. Относительно аванса тоже. Как получу, так тут же позвоню Мих. Мих. в Кэмбридж (мы часто переговариваемся, тут это много проще, чем из Монморанси в Париж) и тут же сделаю, постараюсь даже перевести по воздуху (есть такие банковские чеки — на любой банк; но если Вам это все-таки неудобно, напишите, тогда вышлем по почте, но сие длиннее). Далее. Очень тронут, что И<рина> В<ладимировна> помнит что-то такое приятное для меня. А я — признаюсь — и позабыл. [30] Но я вообще не из «ницшеанцев» (не из дорогих, не из дешевых) — не толкаю,[31] не так скроен. Да и как толкать, когда мы сами все того гляди — упадем...

Кстати, мне всегда было неприятно видеть в «Возрождению» — Ваше имя, имя Ир. Вл., Н. Н. Евреинова [32](другие — в порядке). Ведь между нами говоря, это все-таки не журнал, а какой-то «народный нужник». Почему Вы пренебрегаете Нов Журн.? Понимаю, что стихи не пекут как французские булки. Но кроме стихов - рецензии, статьи? Ведь во всех смыслах - НЖ - приятнее (и платит, наверное, лучше "все-таки"), и место не "народный нужник". Пишите почаще и Вы, и И. В. [33], а мы всегда будем рады и напечатать, и поддержать.

Всего хорошего

Дружески Ваш: Роман Гуль

Ирине Владимировне цалую [34] ручки.

3. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 мая 1953. Монморанси.

21. V. 1953
5, av. Charles de Gaulle
Montmorency (S et O).
Дорогой Роман Борисович,

Спасибо за Ваш быстрый и дружеский ответ. Посылаю вторично рукопись стихов, прибавив два «только что из печки». Предыдущая рукопись Одоевцевой и моя — отправлены на Ваше же имя и по тому же адресу, заказной бандеролью, но простой, а не воздушной почтой. Недоразумение с адресом произошло вот почему: я искал — и не нашел! — адреса НЖ в XXXII книжке, единственной, которая была у меня под рукой. И отыскал письмо М. М. Карповича от 6 января с. г. на бланке — The New Review. 112 West и пр. Так что я добросовестно заблуждался. Надеюсь, что Цейтлинша [35] любезно перешлет Вам ее, как переслала письмо.

Буду Вам очень-очень признателен за быструю присылку аванса (и, понятно, если можно, то именно «воздушным чеком», о котором Вы упоминаете). Спасибо, что напечатаете мои стихи отдельно, и, пожалуйста, просмотрите корректуру — чтобы слова были правильные. Что же касается знаков препинания, то всецело полагаюсь на Вас.

Ну насчет Мельгунова и «Возрожденья» — не мне об этом спорить. Редактор редкая сволочь, тупица, дурак и к тому же «предатель». Ссорит всех со всеми, кого можно унизит, кому требуется вылизать ж. — его стихия.

Я ему приблизительно и высказал это мнение о его особе, когда бросил из-за полной невозможности иметь с ним дело — свой критический отдел в «Возрожденья». Почему я теперь, когда он написал мне всякие нежности, предложил сотрудничество возобновить, согласился?.. Да только потому, что это немедленные, хотя и жалкие, деньги — в ту минуту, когда они необходимы, сразу на бочку. И потому-то я не посылаю ничего Вам: напиши, наклей на триста франков марок и жди потом «по напечатании»... А на письма милый М. М. <Карпович> принципиально не отвечает или отвечает год спустя. Если можно вести дело так, как сейчас выходит из Вашего письма, я с наслаждением плюну на Мельгунова. Чтобы не откладывать в долгий ящик — ответьте, хотите ли Вы нечто вроде «Парижских Зим» — т.е., м. б., без прежней «игры пера», зато сериозней и без

того легкомыслия, которое «Зимы» портит. Таким вот образом: я Вам посылаю «порцию» — законченную саму по себе. Вы ее читаете и посылаете мне более менее обратной почтой за нее гонорар. А я пишу и посылаю второй кусок, снова зная, что получу за нее сразу деньги. Если это Вам подходит, то ничего лучшего не желаю. Занялся бы и рецензиями. Но тут неясно, как технически это делать. Пока я узнаю только, что вышла книга — у Вас уже местный Иваск[36] отозвался...

Хорошо. Простите, кстати, за черт знает какую бумагу — нет другой и в здешней дыре негде купить. Спасибо, что не выводили меня на чистую воду с всякими несуразностями «Пет<ербургских> Зим». Я ничего не исправлял и почти не держал корректуры — не столько по лени, сколько по тому болезненному отвращению к всему этому, в котором был, когда имел возможность этим заняться. Теперь я об этом жалею, хотя, впрочем, не все ли равно: «скорбь науки и скорбь личности» или как там получилось в предисловии Завалишина,[37]стоят Рейснера в 1913 году...

Так вот, дорогой Р. Б., — следующий раз отвечу Вам более толково и более разборчиво, пока же жду Вашего ответа и воздушного чека. Что касается «Коня Рыжего» и нелюбви к нему Мельгунова — то я условился, что напишу, что хочу и о ком хочу, и если он полезет со своим редакторством — то не получит ничего от меня. «Где наша не пропадала». Но он теперь в Мюнхене «спасает Россию» вместе с Вейдле.[38]

И. В. кланяется Вам очень дружески. Вам преданный Г. И.

Спасибо за купоны!

4. Роман Гуль - Георгию Иванову. 25 мая 1953. <Нью-Йорк>.

25 мая 1953

Дорогой Георгий Владимирович, — получено все. Стихи: — *чудесные*. Сейчас пишу второпях, но все ж скажу об одной ассоциации, которую они вызвали: «Васька Розанов в стихах», много, много общего и в «философии», в «касании к миру» [39]. Но сейчас дело не <в> «баснях», а в чеке, который посылаю Вам с какой-то неимоверной стремительностью. Далее. Я говорил с М.М. и о прозе. Это можно тоже сделать. Стало быть — к сентябрьскому номеру шлите прозу (она может быть и вместе со стихами, сие одно другого не кусается)[40]. Оплатим. Заказной пакет буду ловить у Цейтлиной>. Если с рецензиями у Вас с Мелилой [41] будет ч<то>-н<ибудь> не ладно — шлите к нам. Гораздо будет вкуснее. Обрываю.

Сердечный привет, Ваш <Роман Гуль>

Ирине Владимировне цалую ручки и с нетерпением жду повесть.

Первая строфа В<ашего> «Дневника» [42] — просто гениальна — в ней такая магия — что физиологически хочется «грациозного», да как...

5. Георгий Иванов - Роману Гулю. 31 мая 1953. Монморанси.

31 мая 1953
5 av. Charles de Gaulle
Montmorency
(S et O)

Дорогой Роман Борисович,

Очень благодарю Вас и за «неимоверную стремительность», с которой Вы прислали мне чек, и особенно за милые слова о моих стихах. То, что они *Вам* нравятся, мне очень дорого. Я совершенно так же, Вы писали о себе в предыдущем письме, – равнодушен к мнению «сволочи», будь то восторги или ругань. Последняя даже больше забавляет меня. Но если пишешь стихи «для нескольких человек» — тем ценней и дороже, если один из этих нескольких тебя так нежно и лестно приветствует. Тем более что от Вас, скажу начистоту, я этого не ждал. Видите ли — «добрые друзья» не раз сообщали мне, что Вы меня терпеть не можете, считаете «холодным эстетом», «мертвецом» и т. д. И Ваша рецензия была для меня большим и вполне неожиданным сюрпризом. Не будь ее, я бы не обратился непосредственно к Вам и, м. б., так бы никогда не узнал, что Вы не враг, а друг. Очень жалею теперь, что пока Вы были в Париже, не столкнулся где-нибудь с Вами — мы бы наверное сошлись бы и близко подружились. Но так всегда, или почти всегда, в моей странной жизни.

Моя жена, напротив, торжествует: «я тебе говорила». Она, действительно, всегда, с очень давних времен, «тянулась» к Вам и была Вашей горячей поклонницей, ставя в пример Ваши книги — от которых «прежде всего нельзя оторваться» — начал читать и обязательно прочтешь в один присест, «не то, что этот выматывающий кишки Алданов» (сравнивая — с чем я вполне соглашался — Вашего Азефа и его[43]).

Вот тут, кстати, о рецензии, которую я написал вчерне о Вас. Вы, должно быть, правы насчет Мельгунова: он, когда я уславливался с ним насчет книг, которые я прорецензирую для июльского «Возрождения» — не моргнул глазом насчет «Коня Рыжего». Но сказал, чтобы я выписал из Чех<овского> фонда книги — в том числе и Вашу, — т. к. они еще ему не присланы. Но теперь выяснилось, что Ваша как раз давно ему была послана. Его все нет. У секретарши книги тоже нет — «мы не получали».

Опасаюсь, что тут какой-то подозрительный мандеж [44], имеющий целью «замотать» «Коня Рыжего» — так, как будто произошло какое-то недоразумение. Этот старый чорт на днях вернется, и я это выведу на чистую воду без обиняков. Но как быть. Обязательно хочу написать о Вас. С удовольствием бы послал маленькую статейку о «Коне Рыжем» — вместо «Возрождения» в «Нов<ый> Журнал». Но возможно ли это? Не говорю уже, что о Вас была чья-то рецензия[45] — но если и можно написать во второй раз, то хотя бы тоже параллель между Вами (исторически<ми> Вашими книгами) и Алдановым, на которой рецензия начинается,>[46] возможна ли, возможна ли в «Нов<ом> Ж<урнале>», где М<арк> Ал<ександрович> как свадебный генерал тянет из номера в № свою нуду о Бальзаке[47] и пр.? А у Мельгунова это как раз не только возможно, но и желательно для «известного историка», который Алданова — но дурацки, как все у него — ненавидит.

Ответьте, пожалуйста, на этот счет. Если да — я пришлю две-три странички, как маленькую статью, а не отзыв о книге, т. е. более общего характера и о Вас и о Вашем месте в русской литературе. Тогда хорошо, если бы Вы прислали бы мне «Коня Рыжего», для скорости и удобства. Читал я его и в «Нов<ом> Журнале» и в отдельном издании[48] и читал очень внимательно — но книга мне необходима для цитат. Ответьте.

Кстати — если бы видели пометки Бунина на страницах «Нов<ого> Журнала» — Вы бы очень веселились странными отметками нашего лауреата. В свое время, когда мы жили в Русском Доме в Жуан ле Пен[49], по его экземпляру я и знакомился с вашей этой *прекрасной* — такой *человечной* и такой *русской* книгой.[50]

Хорошо. Я, между прочим, стараюсь писать сегодня не так неприлично грязно, как в прошлый раз, но боюсь, что получается все-таки вроде почерка Керенского или Маклакова[51]. Это все остатки моей недавней хвори, едва не сведшей меня в гроб да и по сей день не вполне меня отпустившей.

Я очень рад возможности посылать Вам отрывки из того, что будет называться «Жизнь, которая мне снилась»[52]. Не будь Вашего согласия на предложенный мною «товарообмен» — рукопись и, когда она получена, драгоценный чек — я бы, конечно, никогда не написал бы этой, давно мне «снившей<ся>» книги. Но теперь с позавчерашнего дня я уже пишу для Вас первый отрывок. Когда, приблизительно, я должен Вам его доставить, чтобы он попал в сентябрьскую книжку? Не знаю, конечно, но думаю, что получится ничего себе. М. б. даже и хорошо. Пишу я теперь приблизительно тем же стилем, что мои

последние, понравившиеся Вам стихи — т. е. стараясь попроще без турусов на колесах дутой метафизики и пр. напущенья тумана. И в то же время хочу быть чутку серьезней, не врать что попало как — увы! — в ранних «Петербургских Зимах» — того, что Вы, деликатно, назвали Dichtung'ом![53]

Да, чтобы не забыть, — исправьте, пожалуйста, в моем «Дневнике» описку: *толковать* (а не *говорить* , как в рукописи) мне в общем не о чем…[54]

Одоевцева Вам нежно кланяется. Она малость тревожится попадет ли в Ваши руки своевременно рукопись[55]. Насчет этой рукописи, от себя — и между нами!— прибавлю: если можете напишите автору, когда ее прочтете, по возможности лестно, т. к. сейчас это психологически очень важно для нее. Ведь стихи, написанные во время болезни[56] — действитель<но> написаны во время очень сериозной болезни и вообще в таких душевных и физических обстоятельствах, что лучше не вспоминать. И она еще медленнее, чем я, выкарабкивается теперь из ямы, в которой мы оба сидели. Это, повторяю, между нами. Что рукопись такая грязная[57] — потому что писалось во время оккупации и бог знает где валялась. Поэтому, если можно, не откажите прислать корректуру. Ну, как говорится, о обещанном авансе «не напоминаю», зная на опыте, как Вы быстро прислали мне деньги за стихи. Но все-таки… «округлите» его по возможности. Можно, для простоты, прислать на мое имя, но если это не полагается для отчетности или чего-нибудь вроде — то по carte d'identite[58] фамилия ее тоже Ivanoff, причем буква имени I превратила<сь> за это время перемен карт в F., т. е. «F. Ivanoff».

Обнимаю Вас.

Ваш Георгий Иванов.

6. Роман Гуль - Георгию Иванову. 13 июня 1953. <Нью-Йорк>.

13-го июня 1953

Дорогой Георгий Владимирович,

Письмо я Ваше получил, но несколько задержался ответом. По причинам вполне уважительным. Во-первых, я только на днях получил рукопись Ирины Владимировны. Ни прочесть, ни даже заглянуть — пока не в состоянии, ибо идет печатание кн. 33 — и я замотан до чрезвычайности. Но это не затягивает дела, как такового>. Ибо М. М. сейчас заканчивает — работу в Кембридже и на днях выезжает к себе на дачу в Вермонт.[59] В Кэмбридж я ему ничего не посылаю, ибо это вполне не имеет смысла: он замотан выше меры и там читать ничего не может. Но окончив свои университетские дела — в Вермонте он будет на полной свободе — и вот туда-то (в начале след. недели) я ему и пошлю рукопись Ир. Влад. Постараюсь ее (с большим интересом — хочу) прочесть и высказать свое мнение Михаилу Михайловичу. Одним словом, с максимумом> благоприятствования и таким же интересом рукопись будет прочтена, и тут же Вам сообщу, как и что. Вы понимаете, конечно, что с рукописью — труднее производить такие операции (приятные), чем со стихами. Там коротко — раз и два. И чек летит в облаках — к Вам. Тут это длиннее. Вооружитесь терпением ненадолго. И все — хочу думать — будет олл райт, как говорят французы. Это насчет рукописи.

Теперь (идя по Вашему письму). Не удивляюсь, что какие-то «друзья» что-то там наговаривали Вам о моем отношении и прочее. Эта чесотка в литературных кругах вполне эпидемична. Врали, конечно. Одни врут как чешутся, другие — злее — живут этим почесыванием. Ну да, как бы это сказать поэлегантнее... — скажем... Бог с ним (но подумаем круче). «Коня Рыжего» я Вам выслал и думаю, что Вы его получили. В НЖ о нем ничего не было (оцените — до чего мы скромны, до «стыдливости»). Поэтому, я полагаю, было бы очень хорошо, если б Вы написали (только об Ал<данове> не надо, это «бяка»). Но если Вы хотите в «Возр<ождении>» — дуйте, только думаю, что безумный старик — взовьется штопором и кого-нибудь искусает из-за этого. Кстати, в «Возр<ождении>» в списках ««для отзыва» я книгу свою видел. Одним словом, действуйте, как сочтете нужным, - я честно говорю. ВАШ отзыв хотелось бы прочесть. И в НЖ для него место найдется, как рецензию, странички на две с половиной

(машинных). Платим за рецензии так же, как и за статьи, - полтора доллара страничка.

Идем далее по Вашему письму. Между прочим, очень интересно то, что Вы пишете о Великом Муфтии,[60] о его пометках на страницах НЖ. Хотелось бы прочесть. Кстати, он сам без всяких встреч, разговоров и прочего — писал мне дважды или трижды — страшные комплименты относительного «Рыжего (часть их я опубликовал предисловием). Скажите, а читая, ругал? Между нами, по чести, — напишите, было бы интересно Смешно. Я, как и Вы, философски и юмористически отношусь ко всем этим вещам и вещичкам. Для забавы — черкните.

Письмо Ваше, слава Богу, не похоже ни на Сашкины, ни на Ва<силия> Ал<ексеевича>.[61] Сашка пишет, как «порочный школьник» или даже как «Пьеро» — за кулисами.[62] Черт знает что. Но — характерно. С эдаким почерком в правительство брать людей просто было неприлично. Вот и получилась... клякса... правда, говорят, что через сто лет Сашка — это тема для драмы. [63] Верно. Только трудно тянуть-то эти вот сто лет.

Очень рад, что Вы уже пишете «Жизнь, которая мне снилась». Прекрасно. Вот Вам и сила ЧЕКА (но не Че-Ка!). След<ующая> книга выйдет в сентябре. У Вас — весь июль и даже пол-августа (или даже чуточку больше). Но лучше бы было, если б прислали августе. В удаче Вашей вещи — уверен. Я понимаю, что «прежние» «П<етербургские> З<имы>» Вас и не удовлетворяли, и, м. б., даже раздражали. Последние главы — ведь совсем другое — по общему тону, по общему строю — крепче, проще, сильнее — и без «рококо». «Рококо» пережито. Очень, очень жду Ваши вещи. М. М. тоже очень рад этому.

В стихах Ваших уже было исправлено — «толковать». Я ведь в набор сдал ВТОРОЙ список. Очень, очень хороши стихи. Я люблю возиться — с «техникой» журнала. И сверстал их сам очень хорошо. Только одно стихотворение разорвалось (со страницы на страницу). Все остальные — целехоньки (им же больно стихам-то, их рвать нельзя).

Далее. Еще о рукописи Ирины Владимировны. Не сумлевайтесь. [64] В первую свободную минуту засяду, прочту, пошлю. У меня тоже сейчас чертовщина большая — я должен выполнить свою работу вдвойне (я ведь работаю еще в радио-отделе Ам<ериканского> Ком<итета> для Мюнхена [65], и вот, чтобы уехать на две недели в деревню, куда уже отвез жену, — надо в две недели сделать месячную нагрузку, это нелегко, но выполнимо. Посему я и замотан немного). Но это не затянет дела. Будьте «у Верочки» (Боже, как нас обогатила революция — в смысле языка! Закачаешься!). Насчет корректуры не ручаюсь. Это

нам очень трудно. Еще скажу: сентябрьская беллетристика у нас уже набрана. Вас начнем с сентябрьской (это я принял в расчет). Но прозу И. В. можем начать только с декабрьской. Впрочем, если все будет устроено в смысле гонорара — то это значения большого иметь не будет. Все попытаюсь обговорить с Мих. Мих. Он — самодержец. Но очень конституционный. И мы с ним работаем очень хорошо и дружно. Транскрипцию карт д'идантитэ принял во внимание. Вспомнил я эти карт д'идантитэ — и прямо рвать потянуло. Ведь тут ничего подобного, все по-человечески. Сошли на берег — и не видите никаких карт д'идантитэ, никакого Афганистана Парижской Префектуры,[66] ничего. Вообще, хороша страна Америка.[67] Очень. И у нас в Европе о ней были совершенно не те представления. Ну, скажите, можете ли Вы себе представить, что по Бродвею бегают белки (самые настоящие), я живу возле Бродвея. Они перебегают Бродвей и бегут к Гудзону, где живут — в саду (над берегом) и в аллее (набережной). Или — на Бродвее стая голубей — садится людям на плечи, на руки, когда люди эти их кормят. А таких старичков, старушек (и не старичков и не старушек) множество. А как хорош — этот самый Риверсайд Драйв — набережная по Гудзону — вся в зелени, на газоне, на луговинах можно валяться как хочешь, не то что «ферботен»[68]. Одним словом, зря Вы не приехали в Америку. Жили бы тут во всяком случае не хуже (а уверен даже лучше), чем в Монморанси.

Кончаю. Дружески жму Вашу руку.Ручки Ирины Владимировны цалую. Ваш искренно: <Роман Гуль> (Роман Борисович!)

7. Георгий Иванов - Роману Гулю. 23 июня 1953. Монморанси.

23. VI. 1953
5, av. Charles de Gaulle
Montmorency (S et O).

Дорогой Роман Борисович,

Сегодня, 23 июня, получил «Коня Рыжего». Спасибо. О — преувеличенно — лестной надписи не буду распространяться. Я «скисняюсь», когда слышу такие выражения по моему скромному адресу. Но, разумеется, большое спасибо за такую надпись.

«Портрет без сходства» и «Контрапункт»[69] пошлем Вам, как только раздобудем экземпляры, т.е. через несколько дней. Насчет отзыва о «Коне Рыжем» – решим, с Вашего согласия так: я даю отзыв в «Новый Журнал». Вы правы, Мельгунов, по-видимому, хотел бы замять отзыв о Вас: книга «была» у него, но «кто-то ее унес». Это «не к спеху» — когда он опять вернется из Мюнхена, он книгу «поищет» и прочий сухой мандеж в том же роде. Так что мне и проще и приятней прислать рецензию к Вам. Если я буду жив и здоров — вероятно я пришлю ее Вам довольно скоро, во всяком случае до «Жизни, которая…»[70]

Чтобы кончить с этим, удовлетворяю тут же Ваше любопытство — законное! — насчет отметок и реплик Бунина. Нет, совсем не то, что Вы думаете. Кусок из письма, напечатанный перед текстом[71], подтверждает, что «Великий Муфтий» — в отличие от большинства нашей братии — мущина искренняя: пишет и говорит, что думает. Разница только в выражениях. Он отзывался и делал пометки в выражениях менее академических, чем в письме. И одобрения, и осуждения, сопровождались эпитетами весьма смачными. «Молодец с. с!» Или «св…. » — «вроде меня работает», чередовались еще более сильными выражениями, когда что-нибудь, как-нибудь «задевало» белых или «оправдывало» красных. Вот это последнее и было забавно: отметки делались в 1948 году[72], когда на губах Муфтия не обсохла полпредская икра и не износились подметки, на которых он шлялся на рю Гренель[73]. И особенно забавно, трогательно даже — что в своей «непримиримости» он был ребячески искренен, без всякого оттенка притворства…

Хорошо. Значит, рецензию я даю Вам, на Мельгунова плюю, все в порядке. Перехожу к другому.

Это «другое» чрезвычайно взволновало нас обоих. Так

взволновало, что прямо не нахожу слов. В Вашем последнем письме есть приписка: «а лучше приезжайте в Америку». И еще: «там вам будет житься не хуже, а, уверен, даже лучше, чем в Монморанси»

Видите ли, Роман Борисович, — переехать для нас в Америку значит, наверняка, не «лучше, чем в Монморанси» или вообще где бы то ни было во Франции, а значит возвращение в жизнь из (по корявому выражению Вейдле) «предсмертья»[74]. Нам обоим здесь отвратительно — тошно. Русский Париж — кладбище с могилами не дорогими, а чуждыми [75], располагающими не столько вздохнуть, сколько плюнуть. Делать здесь нечего ни Одоевцевой ни мне. Короче говоря, если бы представилась возможность из «прекрасной Франции» вырваться — и я и она считали бы часы и минуты до отъезда и, сев на пароход или аэроплан, и не оглянулись бы назад.

И вот Вы пишете: «Приехали бы вы…» Значит ли это, что Вы можете достать для нас визы, такие визы, которых не надо ждать месяцами, заполняя десятки анкет и выстаивая часы в очередях? Если Вы это нам предлагаете устроить — ухватимся руками и ногами и будем Вашими неоплатными должниками навсегда. Но ни я, ни она не в силах преодолеть всяких рогаток и волчьих ям, всех очередей, анкет, сертификатов домисил (фр. domicile — жилище. — А. А.) за десять лет (тоже требуется) и т. д. — которые нужны, чтобы получить визу в «обычном порядке».

А если я Вас правильно понял и вы хотите нам протянуть руку, чтобы перебраться к Вам через океан, то, пожалуйста, пожалуйста сделайте это. В надежде, что это так, перечислю наши расчеты и возможности.

Чех<овское> Изд<ательство> обещало подписать в конце мая контракт с Одоевцевой на ее роман[76]. Это до сих пор еще не сделано, т. к. они — как Вы лучше меня должно быть знаете — ждут кредитов *. Допустим, 500 долларов у нас разойдутся, но тысяча останется на билеты и на первое время. Одоевцева с детства знает досконально английский язык — ее здесь не раз спрашивали англичане, «давно ли она на континенте», принимая за своего брата. Она свободно, отличным стилем по-английски пишет. Кроме того — в отличие от меня — она очень социабельна, очень любит людей — всяких людей — работу — всякую живую работу.

В Биаррице после liberation она два семестра была студенткой (для собственного удовольствия) американского военного университета, и у нас на даче сплошь и рядом собиралось по тридцать—сорок и студентов и профессоров, и «контакт» между ними и ею был полный.

Пишу это к тому, что, может быть, возможно было бы скажем через милого Мих. Мих. Карповича, устроить ей место учительницы при каком-нибудь колледже? Тогда бы мы, приехав, имели сразу почву под ногами. А она бы — поверьте — не подвела бы того, кто бы ее рекомендовал. Впрочем, лучше подождать Вашего ответа и не пытаться сказать сразу все. Но м. б. полезно — для визы — прибавить, что И. В. как-никак автор двух книг, изданных по-американски и в Нью-Йорке. «Ангел Смерти» — «Out of Childhood», Richard R. Smith, N. Y. и «All Hope Abandon», Panteon Books, 1949, N.Y. Последняя – не знаю, слышали ли Вы о ней – антикоммунистическая книга. Отберите, кстати, у М.М. Карповича экземпляр и прочтите на досуге – увидите сами, что это и как написано.

Я, кроме контракта Чех<овского> Изд<ательства>, никаких доказательств, что я тоже писатель, не имею. Но тут, вероятно, на выручку можете прийти Вы?

Так вот, дорогой Р. Б., — будьте милым, ответьте на все это по возможности сейчас же, т. к., повторяю, оброненная Вами фраза — как вдруг приотворенная дверь из склепа и в щелку воздух и солнечный луч. Если нам прийдется свидеться и поболтать — я Вам тогда расскажу, чего мне пришлось пережить, и Вы поймете жадность, с которой хватаюсь за Вашу обмолвку. Ну, понятно, с нетерпением ждем и «известий» о «Годе жизни». И. В. сердечно Вам кланяется и благодарит «за прошлое и будущее».

Ваш всегда Г. И.

<На вклеенном перед P. S. обрывке листа:>

Мой рост 175 см., ее 167.

Длина рук моя 59, ее 57.

Обхват груди мой 90, ее 88.

Талия моя 78 см., ее 66 см.

P. S. Конечно, нам — если это возможно и для Вас необременительно — нужны вещи. Какие? Более менее всякие. Более всего мы оба были бы довольны получить по непромокаемому пальто. Если непромокаемых нельзя, то недурно и промокаемые. Я лично был бы очень польщен костюмом — лучше всего темным, синим или серым. Если нет костюма, недурно и приличные штаны. Обоим мечтаются недырявые пижамы, но это, пожалуй, уже люкс, который нахально просить. Спасибо Вам отдельно. Т. е. за это желание помочь[77].

Г. И.

* Напишите, что знаете, когда можно ждать этих ассигновок и вообще что знаете

8. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 июля 1953. Монморанси.

16. 7. 1953[78]

Дорогой Роман Борисович,

Начинаю сразу, без всякого вступления с неприятного. Что поделаешь? Раз иначе нельзя, печатайте сколько, как и когда хотите.[79] Не скрываю я огорчена, но

> Нам ли, брошенным в пространстве, Обреченным умереть[80],

и к тому же столько пережившим, огорчаться из-за таких, в сущности, пустяков?

Утешением является чек, очень и очень срочно мне нужный. Будьте милым, вышлите его мне с той же сказочной быстротой, как Г<еоргию> В<ладимировичу> [81] за стихи.

Ну, и довольно об этом, хватит. Мимо. мимо...

Теперь только о приятном. Большое спасибо Ольге Андреевне [82] и Вам за посылку и желание приодеть нас.

Пижама, да еще и пестрая, мне, безусловно, придется по вкусу. Предчувствую, что я в ней если и не буду похожа на колибри, летающих под Вашими окнами, то на «попугая с Антильских Островов», что тоже не плохо. Она, во всяком случае, внесет в мои сны что-то крылатое, перистое, экзотичное, о чем я давно мечтаю. Для меня, страдающей бессонницей, сны важны и дороги.

И я действительно очень благодарна Вам и Ольге Андреевне. Как жаль, что мы с ней не знакомы и что мне даже не пришлось увидеть ее. Но я прекрасно представляю себе очаровательную светловолосую Олечку Новохацкую в институтском платье.

Не знаю, что Вы думаете о «ряде волшебных изменений милого лица»?[83] Мне это кажется вздорным, как и

> «Но Я боюсь, изменишь облик ты».[84]

Нет во мне этой боязни и не верю я «изменениям». Для меня люди — «настоящие» люди, о других и говорить не стоит — не меняются и не меняют «облика», ни при каких обстоятельствах — никогда. Снаружи, конечно, посыпаются солью времени, изнашиваются, морщинятся, но это по существу значения не имеет. Для меня одним из подтверждений этого являетесь именно Вы.

Ведь «Конь Рыжий» пронес Вас через все Ваше «земное странствие» из Керенска [85] до Нью-Йорка абсолютно не изменившегося. Возможно, что Вы со мной не согласны. Вам изнутри виднее, чем мне со стороны — читательскими глазами.

Впрочем, еще и до «Коня Рыжего» Вы для меня были именно таким, каким оказались в действительности. И меня — не в пример Г. В. — ничуть не удивило Ваше «необычайно» дружеское отношение к нам. Обратно девочке из анекдота» которая увидела льва, но нашла что он «не похож». Лев разочаровал ее несходством. Но Вы оказались совершенно «похожим». И совпадение с моим представлением о Вас не удивило, но все же очень порадовало меня.

Я ведь Вас давно знаю. Я с увлечением читала и «Скифов», и «Генерала Бо», и «Тухачевского».[86] Еще до войны мне очень хотелось познакомиться с Вами. Но благодаря всяким «он, она, оно, они сказали» из моего желания ничего не вышло.

Впрочем, я никогда не жалею о прошлом и всегда смотрю не назад, а вперед. И сейчас уже думаю о встрече с Вами. Оттого, что мы действительно решили ехать в Америку.

Решили, несмотря на все трудности. Для Г. В. это просто необходимо. Для него это, выражая<сь> «высоким стилем», вопрос жизни и смерти (без преувеличения, увы!). Здесь он, несмотря на комбинированные усилия доктора и меня, «медленно, но верно» сходит на нет. Он физически поправился и совсем здоров, но потерял всякий интерес к жизни и заскучал. За последние месяцы только переписка с Вами его немного задела и встряхнула. Он сам захотел ехать в Америку, на что прежде не соглашался. И если нам это действительно удастся, то этим мы отчасти будем обязаны Вам. Но поездка даже с туристической визой все же дело сложное. О проекте ее напишу Вам следующий раз, а то боюсь, что пропущу «почту». Я, которая терпеть не могу писать письма, вдруг неожиданно расквакалась и раскудахталась: из желания «вступить с Вами в контакт».

Шлю Вам обоим самый сердечный привет. *Ирина Одоевцева*.

И пожалуйста, кланяйтесь от меня белкам, пробирающим к Гудзону. Сколько я читала описаний Нью-Йорка, а о них никогда не слышала, хотя для меня они важнее небоскребов.

Г. В. благодарит и просит сказать, что скоро пошлет отзыв о «Коне Рыжем»

«Жизнь» [87] двигается. Ворот его рубашек 38-39, размер ботинок 42.

Аванс пришлите, пожалуйста, *таким же чеком, как Г. В.,* это самое удобное. На имя M-me F. Ivanoff, как у меня проставлено в carte d'identite.

Пишу, лежа в саду, чем и объясняется корявость почерка.

Теперь буду ждать от Вас очень большое письмо.

9. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 25 июля 1953. Монморанси.

25. 7. 53

Дорогой Роман Борисович,

Ну до чего приятно быть с Вами в «деловых отношениях». Даже не верится, что такое бывает. Ведь обыновенно, чуть только коснется денег, начинается извод и канитель.

Итак, спасибо. Спасибо и «за это и за то». Это - для понятливости - чек, то - посылка, которую Вы мне так мило обещаете. В сущности мне более или менее ничего не надо - конечно, менее, чем более - научилась обходиться и приспосабливаться. Но отказываться не буду. Я с детства сохранила страсть к праздникам и подаркам. К тому же ине никто не посылает американских подарков. Так что Вашей посылке буду, и уже начинаю, очень радоваться.

Г. В. написал о «Коне» [88] рецензию и вышлет ее на будущей неделе - «Жизнь» [89] подвигается

С сердечным приветом от нас обоих, Ирина Одоевцева. [90]

10. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 13 августа 1953. Монморанси.

13-го. августа. 1953

Дорогой Роман Борисович,

Действительно, до чего все «неладно получилось». В особенности для меня — ведь переписывать «Жизнь, которая снилась» Г. В. придется мне, а мне сейчас моей реальной собственной жизни за глаза и за уши. Я кончаю свой французский роман,[91] работаю целый день и избегаю не только писать, но даже и думать по-русски. Но делать нечего, завтра же начну «раскопки» черновиков Г. В. Задача эта нелегкая, чтобы «соединить в создании одном прекрасного разрозненные части», [92] придется зря ухлопать много времени и сил. Сам автор только рычит и злится. Он ненавидит всякий род коллаборации, даже переписку его рукописей, все желает делать сам. Но сейчас он чувствует себя так мерзко, что ничем, кроме рычанья и перечеркиваний моей переписки, участвовать в работе не может. До чего досадно, что рукопись не дошла![93] Выслана она была авионом, но не застрахована, на Ваш домашний адрес. Г. В. не хотел верить мне, что она не дошла, а теперь всполошился. Оказывается, что я не переписала целой страницы рецензии (букв 1500), и он очень просит Вас прислать ему корректуру. Он вернет ее Вам немедленно, т. е. в тот же день. Он считал моей излишней предосторожностью посылку дубликата рецензии и отнесся к нему «без должного внимания». Очень, очень прошу Вас, пришлите корректуру, а то Г. В. рвет и мечет, хотя «свидетель Бог, не я тому виной».[94]

Теперь о «Годе жизни». Мне очень нравится названье, но, отличаясь сговорчивым характером, спорить не хочу. Предлагаю на выбор «Театр призраков» или «Маскарад». Во всяком случае прошу сохранить стихи в виде эпиграфа.[95] Но к названию вернемся еще. Ведь это не к спеху, не то, что это письмо, которое должно быть на почте через час — сегодня суббота, в воскресенье у нас почта не действует. Сознаюсь Вам все же, что «Год жизни» не повесть, а роман. Так и печатайте, пожалуйста — Отрывок из романа. Повестью я сделала его лишь в Вашу честь - т.е. попросту отрезала от него целую часть. Но, сознаюсь, и в тайной надежде, что Вы, начав его печатать и узнав, что у него есть еще и конец, напечатаете и его. Я, видите ли, очень избалованный писатель, привыкший к читательской любви, поэтому я для начала была

даже немного «поражена».

Но все это пустяки. Теперь о посылке. Еще раз спасибо, так она нас обрадовала. В особенности меня, не ждавшей ничего кроме пижамы — кстати, она очаровательна, — у нас с Вами общий веселый вкус. Действительно, она похожа на персидскую колибри (если бывают в Персии колибри). Но платье, блузки и т. д. никак не ждала. Г. В. сам виноват, что синий костюм ему велик и, главное, широк. Он так размахнулся, давая мерку, потому что любит длинные пальто, как здесь носят. Но Ваше пальто ему по мерке, как и светлый костюм, доставивший ему большое удовольствие. Курточка и полосатая пижама ему очень подошли Лучше и желать нельзя. Мне же не пришлось даже перешивать ни одной пуговицы — все отлично сидит. Теперь буду с нетерпением ждать серый костюм. Очень люблю серый цвет.

Спасибо за желание написать о нас. В следующий раз пришлю «сведения», сейчас некогда. К тому же я как не любительница воспоминаний не помню даже, где был напечатан мой «Извозчик», [96] да и вообще ничего о себе не помню или вернее — не знаю. Так что биографию свою написать никак не могла бы.

В Америку мы по всей вероятности никак не соберемся. А жаль. Хотя бы из-за Вас. Но все это слишком трудно и сложно. Не стоит и стараться.

Ольге Андреевне напишу следующий раз. Пока же сердечно ей кланяюсь.

Всего Вам хорошего. Кончаю, а то письмо не уйдет. Пришлю Вам свои стихи вместе с рукописью. Г. В. просит забронировать за ним для отзыва «Антологию» Иваска.[97] До свидания. И. Одоевцева.

<Дальше — рукой Георгия Иванова :>

Дорогой Роман Борисович, спасибо за все. Извините, что сам не пишу, т. к. действительно вроде как дохну. *Непременно* пришлите мне набор заметки о Вас — не буду спать спокойно, пока не наведу порядок. Верну сейчас же. Целую ручки и благодарю очень Ольгу Андреевну. Ну Елагин [98] ошибается — я очень высоко ставлю его талант. Это я когда-то писал, зная его только по имени, в пику колхозному духу.[99] Но он-то, как я потом убедился, совсем другого сорта.

11. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 31 августа 1953. Монморанси.

31-го августа. 1953

Дорогой Роман Борисович,

Получили ли Вы статью и рецензию Г. В., которые он выслз Вам 6-го августа?[100] Не получая от Вас ответа, очень боимся, что нет — ведь из-за забастовки пропала масса писем. На всякий случай я переписала рецензию — простите, что так грязно, но черновики у Г. В. такие, что переписка их является огромным трудом, и я действительно потрудилась — Вам на славу, отечеству на пользу — до головной боли. Конечно, если статья уже Вас, печатайте и рецензию по экземпляру Г. В., она, насколько помню, более обстоятельна. Но Г. В. нездоров, писать сейчас не в состоянии и только черкает то, что я переписываю. Так что, извините. Вашу посылку получили — восторги и благодарности! Все, за исключением синего костюма, совершенно по мерке и к нельзя более кстати. Напишу еще о посылке, пока что шлю лишь Вам и Ольге Андреевне благодарности от нас обоих. Кстати, получила ли она «Контрапункт»? Вы обещали мне написать, но письма от Вас я еще жду.

Г. В. совершенно расхворался. Главным образом от гнусных матерьяльных условий, еще увеличившихся забастовкой, — даже лекарства ему купить не на что. Мы все ждем мой контракт «Ч<еховского> фонда».[101] Сообщите мне, пожалуйста, получили ли они наконец кредиты.

Г. В. Вам очень кланяется и просит: если рукопись до Вас дошла, выслать сейчас же ему чек, если же нет, то пришлите, пожалуйста, сейчас же 20 дол<ларов>. Получив их, я Вам сейчас же отошлю дубликат рукописи par avion. Без денег, к сожалению, этого сделать не могу.

Кончаю, чтобы не опоздать на почту. И еще раз спасибо. И. Одоевцева.

12. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 26 сентября - 8 октября 1953. Монморанси.

26 сентября - 8 октября 1953

Дорогой Роман Борисович,

Сглазили Вы нашу электрическую переписку. Начала Вам отвечать сейчас же по получению Вашего письма 19го, но «жизни мышья беготня»[102] помешала мне окончить ответ. Жорж был очень болен все эти дни. Сейчас ему лучше, и я могу, хотя и плохо еще, собравшись с мыслями, написать Вам. Отвечаю по пунктам, научившись от Вас. Во-первых — Жорж очень благодарит за чек и очень жалеет, что не будет корректуры. Но ничего не поделаешь, хоть первый вариант рецензии и был «поглянцовитей».[103] Он будет с нетерпением ждать окончания «Рыжего Коня»[104] как критик, а я, как «рядовой читатель». И оба просим не задерживать. Во- вторых — напишите, пожалуйста, когда у Вас должна быть статья. Я немного сбилась с ног и с рук, ухаживая за Жоржем, переписывая его рукопись и пиша для себя. Энергии не хватает. При том же все это производится кустарным способом без помощи каких бы то ни было машин. Живем мы с «полным конфортом, без всяких удобств».[105] Так что действительно «Утомилась, утомилась, утомилась я»,[106] как поется в песне.

В-третьих — Я очень рада, что в НЖ пойдет «отрывок из романа "Год жизни"», а не «отрывок из *повести*» (никогда повестей не писала) «Кира, Ася, или Остров голубых Антилоп».[107] «Год жизни» — название, которое мне чрезвычайно дорого, и я, скрепя сердце, решила им пожертвовать, чтобы потрафить Вам. Но появление этой самой Маскарадной Киры да еще из повести «не доставило бы мне никакого удовольствия». Теперь другое дело. И я хочу Вас просить, так как я сама не смогла этого сделать, разбить текст красными строчками. Он переписан слишком сбито, слепо, что придает ему скучный и безжизненный вид. Слишком по-прустовски, сплошной полосой. Придайте ему, пожалуйста» динамизма разбивкой диалогов. Ведь Вы отлично справитесь этим, у Вас настоящее чувство ритма, вкуса и веса фразы. И графически Вы тоже прекрасно располагаете текст. Думаю, что просить корректуру не полагается. Если не полагается, то я и не прошу. С пунктуацией не стесняйтесь. Только, пожалуйста, не ставьте точки с запятой. «Не ндравится» мне эта запятайная тонка, и к многоточиям и восклицательным

знакам я отношусь с «разумной экономией». Вот и все сведения, которые могу сообщить о себе и Жорже. После случая с Евреиновым[108] — бррр... не хочется (с многоточием). Если же Вы вздумаете сромантизировать что-нибудь на наш общий с Жоржем счет, мы будем только польщены. Выдуманные биографии часто интереснее настоящих — впрочем, Вас это не «кусается», чему доказательством служит «Конь Рыжий» и рецензия Георгия Иванова. Дальше, по пунктам: Вы просите помочь Жоржу поправиться. С радостью исполнила бы всякую Вашу просьбу, а эту в особенности. Только как? И так уже я делаю все, что могу и даже немного больше, а толка никакого. Ему нужен санитарный режим, полный покой и перемена атмосферы — по мнению докторов. Одним словом, как в чеховской «Женитьбе» — Дайте мне атмосферы![109] А как раз эти самые чеховцы ни атмосферы, ни покоя (не только полного, где уже там) не дают. А подвергают нас и, главное, конечно, Жоржа пытке ожидания обещанного мне контракта. Год жизни нашей ушел на эту пытку. Конечно, никто не виноват.

Но нам от этого не легче.

И поэтому опять обращаюсь к Вам с просьбой. Узнайте, пожалуйста, что и как и «доколе терпеть»? Можете сказать Т. Г. Терентьевой,[110] что Жорж очень болен, но не говорите, что я Вам жаловалась. Ведь мне полагается радоваться и благодарить за такую скорую и верную помощь. В последнем письме от 20-го июля она «надеется» еще раз, а пока сулит 50 дол<ларов> за стихи «Антологии», которые мы тоже еще не получили. А мне даже лекарств купить Жоржу не на что. И дальше — какая уже тут Америка? Хотя для Жоржа это было бы без преувеличения продлением жизни, ведь ему необходимо — по мнению врачей — радикально переменить обстановку. Ом очень оживился и даже слегка «встрепенулся, как пробудившийся орел» [111] (чему доказательство стихи «Дневника»), от Ваших писем и надежды уехать в Америку. Но это продолжалось недолго. Выяснилось,что необходим залог, а его за нас никто не внесет. Сколько, казалось бы, у Жоржа читателей и почитателей, и нет никого, кто бы захотел ему помочь. Даже странно, мне иногда просто не верится. Как-то так вышло, что Вы наши единственные Американские Друзья (с большой буквы). Так представьте же себе, до чего мы Вас обоих ценим и с какой нежностью относимся к Вам, а через Вас и к «душке миссис Хапгуд».[112] Поблагодарите ее от нас очень и очень.

Теперь снова о себе. Посылаю Вам стихи. Бели можно, напечатайте их все вместе, они друг друга дополняют и поддерживают. Но не настаиваю (я уже хвасталась Вам моим

легким характером, единственным моим несомненным достоинством), попрошу все же не печатать в рассыпную «на затычку» по мельгуновской манере.[113] И еще попрошу прислать мне весь гонорар (авансом, конечно) без вычета из «этого» аванса «того» аванса. Конечно, если это не встретит препятствий. Для наглядности — это письмо ждет отправки уже десять дней. Ну, вот и довольно жалких слов. Продолжаю — у меня еще имеются стихи, и я Вам их с удовольствием пришлю. Ведь Н. Журнал единственное место, где можно печататься с удовольствием! Дальше — буду ждать Вашу рецензию о «Контрапункте». Читали Вы, как Иваск выразился обо мне в «Опытах». «Умри, Денис»,[114] да и только: «Не подражает Гумилеву, а продолжает его».[115] Мы с Жоржем от души посмеялись.

Синий костюм перешила и, представьте себе, довольно удачно. Слишком горько было оставить без употребления.

Возвращаюсь вспять: нельзя <ли> послать мне гонорар новым способом. Ваши молниеносные чеки не без неудобств. Оригинал приходит восхитительно быстро, но подтверждение его запаздывает на 3-4 дня, а без него банк не платит. И к тому же на каждом долларе теряется 50 франков! Не могли ли бы Вы прислать чек, выписанный на какой-нибудь Ваш местный, т. е. чек на текущий счет непосредственно в Нью-Йорке, как Вы выписываете для Америки, а не туристический. Эти чеки здесь оплачиваются как доллары, по свободному курсу. Кстати, так посылает свои скудные подачки Литературный Фонд.[116]

Но если это по каким-либо соображением неудобно, будьте милым и пришлите мне хоть половину гонорара на риск, просто в плотном конверте. Мы не раз получали так доллары, между прочими и от М. М Карповича. Но если и это неудобно, посылайте по-прежнему и на Жоржа. «Жвиняюсь» за все беспокойства. И «жвиняюсь», что мои стихи так грязно переписаны, стило мое отказывается чисто писать по дряхлости. Посылаю Вам стихи Дряхлова.[117] Буду рада, если Вы их напечатаете, — они стоят того. Передайте, пожалуйста, наши самые сердечные приветы Ольге Андреевне и «примите таковые же сами» от нас с Жоржем.

Ирина Одоевцева

13. Ирина Одоевцева - Ольге Гуль. 29 октября 1953. Монморанси.

29 октября 1953

Многоуважаемая и дорогая Ольга Андреевна,

Я еще не собралась Вас поблагодарить за первую посылку и вот уже снова подарок. Меня не меньше вещей радует Ваше милое отношение к нам.

Все, что Вы нам прислали, чрезвычайно пригодилось и почти каждодневно служит.

Не знаю, как Вас и благодарить.

Я очень жалею, что нам не пришлось познакомиться в Париже. Мы, как Вы должно быть знаете, собирались в Америку, но увы... Вряд ли нам с Вами придется когда-нибудь встретиться.

Вы мне сделали бы большое удовольствие, прислав какую-нибудь Вашу фотографию. Я Вас помню не совсем ясно, но Вы теперь заняли в моей жизни такое место, что эту неясность необходимо ликвидировать. Р<омана> Б<орисовича> я помню отлично, и его, и его улыбку.

До свиданья — в письме.

Сердечно Ваша

И. Одоевцева

14. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 29 октября 1953. Монморанси.

29 октября 1953

Дорогой Роман Борисович,

Все дороги ведут в Рим, а все мои благодарности летят прямо к Вам. Ну, до чего Вы милый! Я всегда была уверена, что на свете гораздо больше милых людей, чем кажется, и на Вашем примере убеждаюсь, что была права. Скажу Вам только, как армянин в анекдоте, два слова: «Спа сибо».

Чек и письмо пришли только сегодня — на седьмой день Действительно сглазили Вы нашу «электрическую переписку». На конверте Вашей рукой, Вашим отличным почерком (я между прочим и графолог, и толк в почерках знаю) выведено Montmorency Seine, а мы, извиняюсь, Seine et Oise,[118] вот и прогуляло письмо по Франции лишних четыре дня, попав в руки невероятно умного почтаря, не вернувшего Вам его в Америку, а решившегося попытать счастье в единственном Montmorency (S. et O.). Подумать, что на такое Соломоново решение понадобилось всего только четыре дня. Поистине, велик французский картезьянский народ![119]

Посылаю Вам еще три стихотворения — в уплату 20-долларного аванса. Не бойтесь — больше Вас стихами затапливать не буду. Понимаю, что такое стихотворное изобилие может стать угрожающим, как наводнение. Обещаю не посылать Вам стихов, пока Вы сами не попросите. Печатайте их вперемешку с прежними, если хотите.[120] По Вашему усмотрению — как и когда. Протестовать не буду. Еще о стихах: в стихотворении с лисицей и вороной поправьте, пожалуйста:

Лампа светит уютней и шире,
Образуя *спасательный* круг. [121]

«Спасательный», вместо «домашнего», как там написано. Ну, вот и все.

Продолжаю уже в Париже, куда ездила менять чек. И, получая лишние две тысячи, думала о Вас со всяческими добрыми пожеланиями.

Жорж все еще болен и совершенно извел и себя и меня

кашлем. Вчера доктор посоветовал повезти на юг. А почему бы не на луну? Возможности одинаковые. Жорж просит сообщить, когда последний срок посылки статьи. Всю мою переписку он уже дважды перечеркал. Отношение к своим рукописям у него чисто толстовское.[122] Но я, к сожалению, не обладаю талантами Софьи Андреевны [123] — ни как переписчица произведений мужа, ни как многодетная мать. Единственную свою дочку — цветок-Наташу [124] — и ту отослала в «Новый журнал». (Все же прошу отнестись к ней с нежностью.)

Пожалуйста, сообщите о «чеховцах». Известили нас, что опять откладывается,[125] не указывая срока. Весело.

Посылка пришла тоже сегодня. Все те же два сакраментальных слова.[126] Хоть и спешила, но успела убедиться, что по мерке. И очень приятного цвета.

Жорж шлет Вам сердечный привет и целует ручки О<льге> А<ндреевне>. Кстати, Жорж все еще не может успокоиться насчет неудачи рецензии о «К<оне> Р<ыжем>». Вышел ли НЖ?

Пожалуйста, ответьте мне — люблю чеки, но ценю дружеские письма.

Будьте счастливы

И. О.

15. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 6 ноября 1953. <Нью-Йорк>.

6 ноября 1953 г.

Дорогая Ирина Владимировна,

Пишу второпях, из редакции. Письмо Ваше получил. Стихи тоже. Они уже сданы в набор. Но пустить мы их сможем только в 36-ой книге. В 35-ой идут стихи одного Н. Клюева [127] (в этой же книге идет отрывок из Вашего романа). Когда сдавал этот отрывок в набор, понял, что с оплатой его мы, кажется, переборщили. В нем будет меньше страниц, чем я думал. Но это ничего. Мы не особенные «шейлоки» и живого мяса от Вас не потребуем. В доказательство сего скажите, пожалуйста, Георгию Владимировичу, что он может получить от Дома Книги [128] 1300 франков за рецензию в книге 34-ой.

В Дом Книги Конторой «Нового журнала» одновременно послано письмо, чтобы они перевели Г. В. деньги, но, думаю, что они ленивы и нелюбопытны,[129] и потому будет правильнее, если Вы при приезде в Париж сами зайдете в это замечательное общественное заведение...

К 35-ой книге статья Г. В. явно опоздала. Тем не менее мы ее ждем и рады будем встретить в ближайшее время.

Целую Ваши ручки и очень благодарю Вас за Ваши прекрасные стихи.

Сердечный привет Г. В.

Искренне Ваш <Роман Гуль>

Все-таки я не понимаю, почему Вы так категорически пишете о том, что Вам до Америки не доплыть. Есть ли к тому достаточно серьезные основания? Вы писали о залоге, но залог я не думаю, чтобы был непреоборим. Так, например, за Берберову[130] внес Р. Н. Гринберг. Думаю, что он внес бы и за Вас. Ведь это чистая формальность.

16. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 ноября 1953. Монморанси.

16. 11. 53

Дорогой Роман Борисович,

Спасибо за письмо. Будьте добры - исполните две мои просьбы. Первая - отправьте сейчас же мне II-ую часть «Года жизни» по воздуху, т. к. она мне срочно нужна. Вторая просьба, не забудьте напечатать эпиграфом приложенные к «Г<оду> ж<изни>» стихи - «Как неподвижна в зеркале луна...» [131]

Они составляют с «Годом жизни» одно целое. И насчет разбивки и пунктуации, как я уже просила, присмотрите. Вот и все.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Ваша

Ирина *Одоевцева*

17. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 25 ноября 1953. <Нью-Йорк>.

25 ноября 1953 г.
И. В. Одоевцевой

Дорогая Ирина Владимировна,

Посылаю Вам рукопись (все, что не напечатано) [132]. Этим первая просьба выполнена. Вторая просьба об эпиграфе - тоже в порядке. Книга сверстана.

Всего хорошего. Простите за краткость. Пишу второпях.

Искренне Ваш *<Роман Гуль>*

18 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец ноября>. Монморанси.

<Конец ноября 1953>
5, civ. Charles de Gaulle
Montmorency (S et O)

Дорогой Роман Борисович,

И<рина> В<ладимировна> получила рукопись[133] и просит поблагодарить Вас за быстрое исполнение ее просьбы. Прилагаю письмо к М. М. Карповичу[134]. Оно не заклеено, чтобы Вы могли осведомиться, в чем дело. Очень рассчитываю и на этот раз на Вашу любезную исполнительность и скорый ответ. Я очень хотел бы прислать Вам рукопись и получить за нее просимые деньги до праздников, чтобы не сидеть без гроша в «мертвые дни» — время, когда французы веселятся, богатые русские уезжают и жить еще поганее, чем обычно.

Я болен, болен и болен. В «Кристабели», которую предлагаю, [135] есть — символически — сходство с — ужасными — посмертными стихами Бунина 1910—1953[136]. Мои правда «малость» повыше сортом. Но возможно, что и я сдохну ко дню, когда они появятся — тогда уж тоже на первой странице!

Хорошо. Я бы написал Вам, собравшись с силами, поподробнее. Но опыт последнего времени показал, что «дружеская переписка», завязавшаяся было между нами, Вами отклоняется. Увы, ощущаю Вас как в высшей степени внимательного и исполнительного члена редакции… Но что касается прочего, чувствую вдруг возникшую «стенку». Жалею, что так. И не знаю, чему это приписать. Т. е. какая кошка вдруг пробежала между нашей так мило и неожиданно наладившейся — чтобы оборваться — «эпистолярной дружбой».

Задал бы кое-какие вопросы — но, увы, знаю, что не получу ответа, как на множество заданных в письмах И. В. Хоть бы сообщили столь волнительные для нас, что и когда с Чеховскими кредитами[137].

Мы оба шлем сердечный привет Ольге Андреевне.

Ваш всегда Г. И.

Но то, что касается Карповича и «Кристабели», пожалуйста, не задержите!

1954

19 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало февраля. Монморанси>.

<Начало февраля 1954>

Дорогой Р. Б.,

Не могу скрыть удивления, что не получил *никакого* ответа на мое письмо к М. М. Карповичу via (при посредстве, через - лат.) - Вы.

Редакция, разумеется, вольна принять или отклонить мое предложение, но сотрудникам с моим стажем и имянем следует отвечать. Чтобы не затруднять ответом лично М. М., я и послал Вам незапечатанное письмо к нему, чтобы Вы озаботились передачей мне ответа. Повторяю - удивляюсь и не нахожу объяснений. Привет.

Ваш Г. И.

20. Роман Гуль - Георгию Иванову. 5 февраля 1954. <Нью-Йорк>.

5 февраля 1954

Дорогой Георгий Владимирович, Вам должен был написать в ответ на Ваше письмо Мих. Мих. Думаю, что он Вам написал. [138] Я же пишу в ответ на Ваше ко мне. Прежде всего простите, что так долго не отвечал. И работы много, и был нездоров, да и продолжаю, недугую, по-стариковски. Что касается «Кристаб<ели>», то М. М. Вам уже, наверное, писал, что напечатать нам ее в журнале трудно просто потому, что ведь она вышла в свое время в изд-ве «Петрополис».[139] Мы не можем печатать вещи, уже печатавшиеся. Бывают, конечно, иногда такие проскачки, что поэт нам не скажет, что его стихотворение уже было напечатано, а мы не вспомним — и — вот появится, как у нас появилось одно в кн. 34.[140] Но это — относится к категории неприятностей. Вводить же, как возможность, перепечатку — трудно, даже Ваших вещей. В частности, я переработал два своих романа[141] — не оставив камня на камне от прежнего текста — но даже предложить не могу. Знаю, что у М. М. — это твердо. Жалею, но тут сделать ч<то-> н<ибудь> трудно. Давайте лучше печатать Ваши новые стихи, стихи Ирины Владимировны, Вашу новую прозу, ее новую прозу — мы готовы — дело только за Вами. В частности, в кн. 36 — Ирина Владимировна, — идут Ваши стихи, те, кот<орые> Вы прислали последними, — три («С шумного вернувшись бала»), и в 37 — все остальные.[142] Ваш «Год жизни» имеет большой успех и у читателей, и у писателей, даже Аронсон — писал в общей рецензии о НЖ.[143] Знаю также, что Ваша книга у «Чехова» набирается полным ходом и скоро должна выйти.

Теперь перехожу к части, т<ак> с<казать> «неофициальной», к тем непонятным и странным упрекам Вашим, Г. В., что я, мол, оказался сукиным сыном, а Вы, мол, думали, что я настоящий человек. Называете меня Вы самым что ни на есть оскорбительным наименованием, я, оказывается, оказался «исполнительным членом», и дальше я не разбираю... [144]Что за притча? Что такое? Вы даже где-то увидели какую-то черную кошку, бегущую между нами по океану — по синим волнам океана. [145] Слушайте, будем говорить напрямки, по-человечески, — зачем Вы пишете мне всю эту муру? Если б я был Буров [146] иль к<акой >н<нибудь> Муров, Пуров — ну, это

было бы целесообразно, м. б. Но мне писать такие «измышленные ламентации» — бросьте, дорогой мой, ни к чему. Откуда Вы взяли — что дружба отклоняется и пр. всякие такие слова? Я по своем наивности думал, что дружба через океан измеряется лучше всего чеками, и слал их Вам. как мог. Даже переслал, если увидите — здорово перевалили, — но на это мы не обращаем внимания, ибо хотели Вас и И. В. поддержать. А вы вдруг — чеки мне не нужны, мне чистую дружбу подавай — охотно бы подал, да как же тут ее через океан подашь? Одним словом — забудьте, забудьте, забудь — - — и здравствуйте, здрасьте. И, говоря по-военному (а я старый поручик инфантерии), не валяйте этого самого. В частности, я страшно смеялся, прочтя в «Р<усской> м<ысли>», что на банкете в честь Геродота — Бурова Рощина [147] прочла Вашу статью. Я знаю прекрасно этого классика и жалею без конца, что не присутствовал на этом высоко просветительном банкете. Геродот когда-то мне давал деньги взаймы, но дает он очень мало, он жадный, свинья. Зато прислал свою восхитительную книгу — где поминает меня и Нину Б<ерберову> [148] — весьма обворожительно. Итак, закругляю, — не серчайте, не пишите таких нехороших писем, а пишите хорошие. А мы чем только могём — будем служить И. В. и Вам. В след<ующей> кн. (36) идет статья Ульянова [149] — оч<ень> хорошая, оч<ень> колючая о литературе здесь и вообще о литературе. Упоминает Вас, оч<ень> хорошо.[150] Вот прочтете, может быть, Вам захочется высказаться — мы такую дискуссию — откроем с удовольствием. Вы хотели писать об антологии Иваска, есть ли у Вас это желание и до сих пор или как? И если есть — то есть ли у Вас книга или надо Вам прислать?

Сердечный привет. Ваш *<Роман Гуль>*

Ирине Владимировне цалую ручки и прошу прислать ч<то-> н<ибудь> еще, и свое и ивановское? О кей?

21. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 9 февраля 1954. Монморанси.

9.2.54

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю Вам мои стихи в исправленном виде.

Не могли Вы быть так добры и прислать мне корректуру? Я верну ее Вам в тот же день.

Но, если уже поздно, проверьте их сами, пожалуйста, и внесите в них исправления.

Желаю Вам всего хорошего

Ирина Одоевцева

22. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Февраль 1954>. Париж.

<Февраль 1954>
28, rue Jean Giraudoux
Paris XVI [151]

Дорогой Роман Борисович,

Очень рад был получить от Вас дружеское письмо. Тем самым считаю наши «недоразумения» похеренными. А то неприятно было, знаете — ждешь, ждешь, например, ответа, не знаете ли Вы, как и что с «Чех<овским> Издательством», выждешь месяц, повторяешь вопрос и снова

нет ответа — тишина.[152]

И тут же из враждебного мне крымовского гнезда [153] «достоверные слухи»: «Гуль пишет, что книга Одоевцевой» и т. д.

Но, повторяю, «инцидент исчерпан». Буду считать себя, как искренно желал этого с начала нашего «эпистолярного знакомства», — Вашим другом, а о «бараньем тулупчике» [154] забудем. Дружить, а не ссориться нам с Вами — и справедливо и естественно, делить же как будто нечего. А «нас», т. е. попросту говоря — одаренных людей, так мало [155] — что кому же как не нам не объединяться теперь, наперекор всевозможным пошлякам и бездарностям, «правящим бал» по обе стороны российского занавеса.

Корректура получена — мерси. Ее отошлем, для экономии, вместе с свеженькой штучкой Одоевцевой «специально для Вас» и без продолжения. И кое-чем, т. е. стихом, моим. И с надеждой на быстрый обратный чек. Ну что ж, не хотите «Кристабель», дело Ваше. Напечатаете, когда сдохну, вот как теперь печатаете Клюева. Это нормально.

Если Вы думаете, что быстрота, с которой Вы шлете чеки, не ценима нами — очень ошибаетесь: весьма и весьма ценима. Но вот могли напечатать вдвое больше «Года жизни». Не знаю, как в Америке, но здесь стоющие люди горячо хвалят то» что у Вас появилось, и спрашивают — почему только отрывок. Между прочим — почему бы Вам не тиснуть еще порцию этого самого «Года»? Убытка, как сами видите, не будет — раз даже «сам Аронсон»... Потолковали бы Вы с М. М. в этом духе.

Ну, если Вы желаете возобновить со мной переписку,

угощу Вас следующий раз почти бредовыми подробностями переворота, происшедшего в «Возрожденьи».[156] Кратко говоря — о Мельгунове пожалеешь — такое идёт позорище. Написал бы кто-нибудь у Вас — Вы сами, например, — какое-нибудь «не могу молчать» [157] по поводу гукасовских бесчинств. [158] Отдать журнал, в котором когда-то писал Ходасевич и который редактировал Струве, [159] в руки каких-то холуев, никому не ведомых «верноподданных» царя Владимира и его «императрицы» [160] — в самом прямом смысле «бляди бордельной» — чересчур даже для нынешнего эмигрантского падения. Что касается меня — то всю эмигрантскую жизнь я «принципиально» играл в черносотенеца и «довольно, больше не могу».[161] Тошнит. Готов на старости лет в левые эсеры записаться — только не быть «своим» с этой безграмотной сволочью.

Обязательно и моментально напишу об Антологии, если В мне *пришлете авионом* книгу. Также написал бы о Цветаевой - она у меня есть.[162] Ну, жму Вашу руку. И. В. кланяется — она к Вам неравнодушна и литературно и человечески с давних пор. Еще раз — радуюсь и желаю с Вами дружить.

Ваш Г. И.

23. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 марта 1954. <Нью-Йорк>.

2 марта 1954

Дорогой Георгий Владимирович,

Был очень рад получить от Вас письмо, а то я уж голову ломал, что такое, что за история? Правда, Вы «историю» так и не разъясняете, только «намениваете» о каком-то «гнезде» (крымовском?) и о какой-то явно глупой и совершенно ЛЖИВОЙ сплетне. Для меня это все настолько «как снег на голову», что я даже и понять не могу, что — сплетено? Но я хочу знать, чтобы всякому вралю перекусить горло (я могу быть от мяса бешеным [163] тоже! и как!). Если кто-то что-то выдумал и наврал, то это неспроста — есть такие в нашем литмире сволочи, которые только и заняты тем, как бы кого-нибудь с кем-нибудь перессорить и пр. Вот и родятся творимые легенды,[164] всегда глупые, но почти всегда достигающие цели. Вы вот в какую-то пущенную «черную кошку» — поверили. Я уже давно не верю. Я прямо хватаю эту самую черную кошку за хвост или за ноги и са-ди-сти-чес-ки бью ее о косяк. Дайте мне крови! Напишите, кто и что наврали на меня — и я обидчика убью...

Дальше. Антологию высылаю Вам одновременно с этим письмом, но не воздухом, ибо спешки нет. Книга 36 уже кончается печатаньем и скоро выйдет, а кн. 37 будет в июне. Так что время — бугры. И будем ждать от Вас эту рецензию. Иваск как-то мне писал, я ему ответил, что писать будет Жорж Иванов — трепещите, граждане! Насчет Цветаевой — горюю, сам взялся писать о ее чудесной прозе (не целиком, м. б., чудесной, но иногда — изумительной). Я ведь довольно долго дружил с М<ариной> И<вановной>, у меня есть много интереснейших писем ее. Здесь Е. И. Еленева [165] собрала все, что М. И. писала (тома на три, прозы).

Насчет того, что «нас мало» — именно. Вот поэтому, когда брюсовские катакомбы [166] уже наступили — «целиком и полностью», — нам как-то надо держаться «насмерть» — хоть мертвыми, а стоять. Именно из этих чувств я и тороплю чеки Иванову и Одоевцевой - как воздух, как кислород. И М. М. в этом смысле всегда очень за Вас обоих. Присланное Вами и И. В. буду очень ждать и люблю заранее.

Отрывок из «Года»? Друзья мои, у нас в отделе бельлетра такой завал, такая давка, — что трудно ч<то-хнибудь> обещать.

И 37 и 38 уж переполнены. Отрывок хвалил не только Аронсон — все хвалили, звонил как-то Глинка[167] (сов<етский> литератор, но культурный, сын философа Волжского,[168] помните, друга С. Булгакова [169]и пр.). Звонила Галина Кузнецова[170] — и хвалила И. В. и за отрывок и вообще. Все это так, все в порядке. Но просто технически трудно. Но, клянусь, буду думать и поговорю при случае с М. М.

С «Чеховым» в порядке? Слышал, что да. Хорошо, что Вы переехали в Париж — ах, Кира, увези меня в Париж![171] Быстрее обороты. Как получим материал, думаю, что чекушка не замедлит. Чекомания...

О «Возр<ождении>» всю порнографию слышал (но, конечно, подробностей не знаю) — какой-то Витте иль св. Вит?[172] Кто это? До такого святого Витта[173] не доходил, кажется, и мой друг Мельгунов. Между прочим, у меня оч<ень> хорошая память (особенно на стихи, которые как-то всегда застревают — хорошие, конечно). Или нехорошие — тоже. Петербургскую поэзию Вашего времени знаю довольно неплохо. Но вот никогда не видел и не читал Вашу старую книгу — «Памятник славы».[174] На днях был в Паблик Лайбрери[175] — наткнулся, взял и прочел. Это, конечно, плюсквамперфектум. Но было занятно прочесть... здорово нас жизнь помыкала и вымыкала.

Ну, кончаю.

Цалую ручки Ирины Владимировны, крепко жму Вашу.

Ваш дружески

исполнительный член

Р.Г.

24. Георгий Иванов - Роману Гулю. 16 марта <1954>. Париж.

16 марта <1954>
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16e

Дорогой Роман Борисович,

Отвечаю с опозданием. Не сердитесь. Парижская жизнь — после трехлетнего Монморанси — вдарила нас малость «ключом по голове». Моя жена этому «очень веселится», я же, сыч по природе, обалдел.

Ну, очень, очень рад, что наши «отношения» благополучно восстановились. «Кошек» копать не будем: мы оба — Вы и я — обоюдно невинны, если в них поверили. В том вареве из говна, которою (нужно — которым. — Публ.) окончательно стала (по крайней мере здесь) литературная, с позволения сказать, среда, разобраться трудно. Значит, плюнем обоюдно и будем «дружить», как нам с Вами, естественно, полагается: делить нам нечего, а «общего», несмотря на «разность», у нас много.

Хорошо. Материалец от И. О. и меня скоро получите. Статейку об антологии я обязательно напишу, так что держите место. Но я еще не видел ее. Полагаю, посланный Вами экземпляр скоро приедет. Насчет Цветаевой я с удовлетворением узнал, что Вы смотрите на ее книгу, вроде, как я. Я не только литературно — заранее прощая все ее выверты, — люблю ее «всю», но еще и «общественно» она мне мила. Терпеть не могу ничего твердокаменного и принципиального по отношению к России. Ну и «ошибалась». Ну и болталась то к красным, то к белым. И получала плевки и от тех и от других. «А судьи кто?»[176] И камни, брошенные в нее, по-моему, возвращаются автоматически, как бумеранг, в лбы тупиц — и сволочей, — которые ее осуждали. И если когда-нибудь возможен для русских людей «гражданский мир», взаимное пожатие руки — нравится это кому или не нравится, — пойдет это, мне кажется, приблизительно вот по цветаевской линии.

Так как скоро я пошлю Вам кое-что — то будет, само собой, и сопроводительное письмо — и тогда доболтаю, чего не пишу сейчас. Жму Вашу руку очень дружески. И. В. тоже.

Ваш всегда

Г.И.

А вот и забыл, а между прочим существенное — т. е. не для

Вас, а для нас. В пору начала нашей переписки после присылки нам разных штанов и пижам — были такие хорошие слова: какой № сапог поэта, какой воротник рубашек, костюм постараемся достать другой, для Одоевцевой собираем посылку...

Все это заглохло. Конечно, если возможности этого прекратились, то не о чем и говорить. Но если Вы об этом всем в бурном темпе нью-йоркской жизни забыли, а сделать можете — говорю без ломанья — будем очень польщены. Польщены, особенно, всякому барахлу американского пошиба: курткам, кофтам, шандалиям (т. е. сандалиям. — Публ.), одним словом, таким вещам, какие в «Европах» дороги и плохи, а у Вас поносят и бросают. № моих сапог 42, рубашки 38. Обожаю сапоги без шнурков, а как у вас делают, вроде ночных туфель. И удобно, и ноги мои меньше болят. Но, конечно, если попадется костюм и что другое солидное — тоже очень приятно. И какие тряпочки автору «Года жизни». Покупать нам не на что: чех<овского> гонорара едва хватает, чтобы есть и платить квартиру. Но, само собой, — если это по-прежнему в Вашей власти.

Еще раз

Г.И.

25. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 апреля 1954. <Нью-Йорк>.

2 апреля 1954
Г. В. Иванову [177]

Дорогой Георгий Владимирович,

Спасибо за Ваше письмо. На него отвечу на днях. Сейчас диктую письма из редакции и хочу написать только о том, что я до сих пор не получил корректуры стихотворений Ирины Владимировны и ничего из того, что было послано вместе с корректурой. Я обеспокоен. Вероятно, пакет пропал, а корректура стихотворений мне спешно нужна. Ответьте, пожалуйста, в чем дело, когда и как послан пакет. Все сроки, по-моему, уже прошли, а его все нет. На Ваше письмо на днях подробно отвечу.

Целую ручки Ирине Владимировне.

Сердечно Ваш <*Роман Гуль*>

26. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 апреля 1954. Париж.

6.4.54

Дорогой Роман Борисович,

Я была больна, чем и объясняется остановка. Теперь колесо снова завертелось.

Посылаю Вам еще одно стихотворение, с оговоркой. Я еще в феврале послала его в «Опыты», но слышала, что «Опыты» скончались.[178]Мне очень хотелось бы, чтобы это стихотворение появилось в Новом Журнале. Отрывок «Года жизни» принес мне гораздо больше отзывов, чем я ждала, и подновил мою «славу».

На днях пошлю Вам рассказ, написанный специально для Н. Журнала.[179]

Простите, что корректура так некрасива — лежа в кровати, с ней было нелегко справиться.

27. Роман Гуль - Георгию Иванову. 7 апреля 1954. <Нью-Йорк>.

7 апреля 1954
Г. В. Иванову

Дорогой жуткий маэстро!

Стихи получены. Шлю Вам чек. Очень жду Вашу статью.[180] Не затяните, ибо тогда не успеем ее дать. Подробное письмо следует, а сейчас жму Вашу руку дружески

Ваш <*Роман Гуль*>

Целую ручки Ирины Владимировны

28. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 10 апреля 1954>. Париж.

<Около 10 апреля 1954>
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16 e

Дорогой Роман Борисович,

Получил книжку Н. Ж. и Ваше «предупреждение», что «письмо следует». Но ни письма, ни Антологии до сих пор не получил. Последней здесь достать не имею возможности, иначе как купить за 600 фр... Надеюсь, посланный Вами экземпляр все-таки приедет... но когда? И как вообще быть? Мною написаны все «общие» соображения. Но самой Антологии я даже в руках не держал. Теперь поразительная статья Ульянова[181] дала мне материал, чтобы приписать еще к уже написанному. Так что получается не рецензия, а небольшая статейка.[182] Следовательно, оставьте мне стр. 10 в ближайшей книжке и сообщите, пожалуйста, сейчас же *последний срок*, к которому статья должна быть у Вас. Если не получу антологию вовремя и ни у кого не достану, куплю ее в крайнем случае в посл<еднюю> минуту. Покорная и настоятельная просьба. Пришлите мне срочно 30 долларов каким желаете способом — главное, который скорый. (Теперь разница между официальным и черным курсом стала ничтожна — не стоит и мараться. Т<ак> что самое лучшее — длинным желтым чеком на какой-нибудь здешний банк.) Но, пожалуйста, сделайте это, не откладывая. Крайне и срочно нужно. Кроме статейки, пошлю и несколько своих стих., *не напечатанных нигде* и за моей подписью! Обязуюсь не подвести Вас.

Жму Вашу руку дружески
Георгий Иванов

29. Роман Гуль - Георгию Иванову. 19 апреля 1954. <Нью-Йорк>.

19 апреля 1954
Г. В. Иванову

Дорогой Георгий Владимирович,

Все никак не мог ответить Вам на Ваше последнее письмо. Большая замотанность, нездоровье и всякие прочие неприятности — все скрутилось в один клубок, трудно развязываемый. И сейчас пишу, диктую из редакции.

Антологию Иваска я выслал Вам тут же по воздуху, так что она давно уже у Вас. и я надеюсь получить от Вас скоро отзыв. Очень будет хорошо, если в нем будет много, как Вы пишете, общих соображений. Последний срок — самый последний — 10-е мая. Напрягитесь.

Что касается денег, то это сделать, к моему большому сожалению, *технически невозможно*. У нас ведь хозяйство не частное, а общественное (корпорация, бухгалтерия и пр.). Я могу это сделать, только если у меня будет на руках какой-то оправдательный документ. Т. е. — если бы была уже Ваша рукопись, которую я тут же бы сдал в набор, — тогда бы я мог выслать Вам как аванс эти деньги. Иначе — очень горюю, но сделать ничего не могу

Только что получил из издательства «Чехова» книгу Ирины Владимировны.[183] Будем читать. Кстати, Ирина Владимировна послала свое письмо по древнему адресу «Нового журнала», который с некоторых пор стал адресом «Опытов». Поэтому письмо задержалось.

Простите, что ни о чем больше пока не пишу. На общие темы не могу диктовать.[184]

Жму Вашу руку.

Дружески Ваш <*Роман Гуль*>

Ирине Владимировне целую ручки.

30. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец апреля 1954>. Париж.

<Конец апреля 1954>

Дорогой Роман Борисович,

Прилагаю стихи. Они будут дополнением. Поэтому прошу отложить их до 38 №. Статью пришлю к 10 мая. Прошу покорно прислать *мне обратной почтой* 30 долларов, которые мне нужны до зарезу.

Тороплюсь отправить. Получив ответ, более подробно напишу. Хотя нормальней было бы, чтобы Вы, все-таки, собрались написать мне. Я там задавал Вам разные вопросы. Хорошо. Будьте душкой, пришлите мне деньги до нашей Пасхи. Очень прошу не задержать. Стихам не удивляйтесь — они «заиграют» в соседстве с другими параллельно.

Ваш очень дружески

Г. И.

Счастливых Праздников!

Плыли в Костромской губернии
Тишина, благополучие.
(Эти сумерки вечерние
Вспомнил я по воле случая.)

Душно. Середина года.
Звезды до земли свисали.
В чайной русского народа
Трезвенники спирт сосали.
«Внутреннего, жарь резинами!
Немца, закидаем шапками!..»

Груши, грузными корзинами,
Астры, пышными охапками...

И, сквозь дрему палисадников,
Там — на грани кругозора
Кто же видел черных всадников
С красным знаменем позора?..

Эти сумерки вечерние
Вспомнил я по воле случая.
Плыли в Костромской губернии —
Тишина, благополучие.

Празднично цвела природа,
Словно ей обновку сшили:
Груши грузными корзинами,
Астры пышными охапками…
(В чайной "русского народа"
Трезвенники спирт глушили:
— Внутреннего — жарь резинами
— Немца — закидаем шапками!)

И на грани кругозора,
Сквозь дремоту палисадников, —
Силуэты черных всадников
С красным знаменем позора.[185]

Г.И.

31. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 мая 1954. Париж.

10 мая 1954
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16

Дорогой Роман Борисович,

Спасибо Вам большое за 30 долл<аров>. Очень выручили. В этом отношении Вы, конечно, душка. Но не во всех, как это я было решил в начале нашего знакомства. Опять «письмо следует»… Ей Богу… Кроме «заячьего (переделано из «бараньего». — Публ.) тулупчика», на который я по бедности сделал было намек[186] (и не получая ни слова — вспомню и краснею за себя), можно бы, например, сказать, что Вы думаете о книге И. В.[187]. Можно бы сообщить, кто о ней у Вас напишет. М. б., Ульянов? Во всяком случае, очень надеюсь, что Вы устроите ей хорошую прессу. Обо мне — заметьте, кроме Вашей лестной заметки[188], за которую всегда благодарен, — не было ни слова. Ни гу-гу даже о «Портрете без сходства»[189]. Вот тебе и будь «жутким маэстро»[190].

Потом — почему Вы не возьмете еще отрывок из «Года Жизни». И. В. выписала его, чтобы напечатать у «покойного» Мельгунова, он, конечно, взял все, дал 10 000, обещая додать двадцать пять «в понедельник». В понедельник его Гукасов хамски выгнал. Своя своих не познаша[191]. А в «нынешнем составе редакции» даже при нашей «аполитичности» что-то не захотелось дружно работать с «Н. Мейером, Ю. Мейером и Н. Майером»[192], как написано в вступлении к бесхозному или безвестному №. И «Год Жизни» опять валяется[193]. Между тем — об отрывке, напечатанном в «Нов. Журнале» — со всех сторон были одни похвалы. Ей Богу, непонятно, почему Вы не берете, хотя бы следующего отрывка. А то бы бахнули все — ведь совсем немало. С разных сторон слышно — когда же продолжение? Спросите хотя бы того же Ульянова или С. Маковского. Последний прямо в раже от восторга. А нам, кроме всего прочего, это деньги. 30 долларов за «Камбалу»[194], конечно, очень приятно. Но долго на них не проживешь. (Доллар здесь 345 фр<анков>, а кило картошки 85 фр!) Как не стать пьяницей и со скуки жизни и с дешевизны вина. Но мне и этой отрады нет: я бывший пьяница, от последствий чего упорно, но не особенно успешно, лечусь. *Ответьте на это* . М. б., стоит мне потревожить покой Мих<аила>

Мих<айловича> и написать ему особо, изложив свои обиды вроде «Кристабели»[195]. Посоветуйте и если да — сообщите, пожалуйста, его адрес. Очень надеюсь на Вашу дружескую подмогу. Очень. Скоро пришлю Вам обещанные «дополнительные» стихи. Тогда парочку, которую я Вам укажу из последнего присыла, выбросите и все вместе «заиграет». У меня, собственно, стихов сколько угодно, но я их рву, чтобы избежать соблазна напечатать «то же самое», то есть повторение пройденного. Всегда должно быть «хоть гирше да инше». Или молчать. А то даже Ходасевич, на что был строг; скатился на самоперепевы.

Ну, вот. Мы примирились с Адамовичем[196]. Нежно и «навсегда». Статьи Ульянова, повторяю, поразительны. Но я совсем не согласен, что «там» ледники, а здесь «последние остатки России»[197]. По-моему, все-таки скорее наоборот. Это декадентский взгляд. Но, как и в других статьях Ульянова — важно не то, что он утверждает, а то, как, каким голосом говорит. Та независимость мысли, над обычной интеллигентской профессорской, литераторской — какая была — без преувеличений — у Чаадаева или К. Леонтьева. И это меня в нем всегда восхищает. А я не из любителей восхищаться, сами знаете. Это — т. е. Ульянов — проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине. А Бунин-то, при всех своих достоинствах, к этому слою не принадлежал, увы. «Лакей с лютней, выйди вон»[198] или «совал Христа в свои бульварные романы»[199] — это не патент для права рукополагать и не «высочайшее имя» для нас.

Я о Ульянове много набросал. И остановился. Потому что пошел страшный «гевалт» — вокруг его статьи. Все неупомянутые в генеральских чинах, но носящие издавна заслуженные эполеты — возмущены. Боюсь совать<ся> раньше всех — меня <и> так лягают повсюду, как отметил тот же Ульянов. Особенно потому что он меня помянул в таком контексте[200], не решаюсь лезть первый в драку. Но если не помру, то осмотрюсь и полезу и тогда представлю Вам.

Это, т. е. необходимость отложить Ульянова, сбила меня с толку: я было подогнал к разговору по поводу его рецензии о антологии[201]. Как быть. Если печатать не в виде статейки, что отпало, то не сердитесь, пожалуйста, и черкните опять, когда последний срок, чтобы пошла в этом номере рецензия. Написал я недурно, но то да се, да переписать, да смягчить. Пишу я с трудом. К тому же, надо же было, меня адски продуло и больше недели трещали зубы и ухо, и был «шанс», что разовьется воспаление уха. Так что было не до разбора творчества

Парижской и иных школ 88 штук поэтов.

Будьте милым, ответьте мне по возможности обо всем, хоть и кратко. А о сроке рецензии срочно. Я вот во время моего уха перечел все Ваши старые книги из библиотеки и не впервые позавидовал яркости и твердости письма. И как увлекательно. Тоже не по телефонной книжке писано — возвращаю комплимент. Чего это Вы эти книги перерабатываете — и так отлично[202]. Пока не превратились в развалину как я — новые пишите.

Ваш Г.И.

32. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 июня 1954. Париж.

10 июня 1954
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16

Дорогой Роман Борисович,

Вот дополнительные стихи для, через книжку, Н. Ж. Прошу удалить из ранее присланных «Эх вы, пахари и сеятели» и «Урод уроду» [203] — т. е. 12 оплаченных ранее строчек. Очень рассчитываю на Вашу (в этом отношении всегдашнюю) любезность прислать мне гонорар за прилагаемое обратным прекрасным чеком за Вашей подписью. Ибо продолжаю крайне нуждаться в каждом срочном гроше. Впрочем, Вам объяснять нечего.

Я хотел бы, чтобы эта порция Дневника 1954 состояла из 20 стихотворений, как когда-то в 25 книжке Н. Ж. [204] Но так как время есть (какое точно, м. б., укажете?) и за это время, м. б., напишется что-нибудь «гениальное» — то, возможно, я что-нибудь в последний момент заменю. Во всяком случае пришлите мне, пожалуйста, корректуру, как только она будет, чтобы расставить в хорошем порядке и пр. Это мне крайне важно, что Вам тоже объяснять, впрочем, не надо.

Хорошо. Ну, если Вы на меня за надувательство с Антологией вознегодовали, то признаю — имеете право. Но если бы Вы знали... Кроме того» «трепещите, граждане» одно, а потом каждый гражданин сделает пакость. Дело сложное. Все-таки, если хотите, я Вам рецензию теперь могу предоставить, если, конечно, Вы не плюнули на меня и не поручили кому-нибудь другому.

Это, как и кое-что другое, я хотел бы все-таки знать. Например, в книге Одоевцевой (которая Вам кланяется - не книга, а автор). И вообще... Но письмо Ваше все еще «следует... Ваша воля, конечно» в все-таки. Пока жму Вашу руку неизменно дружески.

Ваш Г. И.

33. Роман Гуль - Георгию Иванову. 12 июня 1954. <Нью-Йорк>.

12 июня 1954

Дорогой маэстро, только что получил Ваше письмо и стихи. И как раз наступило время относительной свободы в делах и суете. Отвечу Вам подробно обо всем. Первое, не писал Вам, ибо был оч<ень> занят с очередным номером (а кроме того — других дел куча). Понял, что Вы не пришлете к этому номеру.

> И от прозаика слышит поэт:
> Сроки пропущены! Сроков нет!

Но надо вырешить вопрос: будете ли Вы вообще писать? Об Антологии? Почему нет? Нехорошо трусить, маэстро! Нехорошо. Смотрите, я не испугался даже самого Тер-Апяна [205] и сгреб его и телефонной книгой по башке — бац! А уж Тер-Апян — это наш классик — и критик — и вообще. Нет, кроме шуток: ответьте, будете писать или нет? Если нет — тогда будем выходить из положения. Это — раз. Одно дело.

Теперь другое. Чек я Вам вышлю. Скоро. Слово чести. Но я хочу с Вами поговорить по душам. Я не знаю, кто Вы — Немирович-Данченко или Станиславский? В мемуарах Данченко — есть хороший штрих. Ужинали они в «Праге» (исторический ужин — основание МХТ). И под конец, уходя, Немирович мимоходом говорит: будем, стало быть, вместе работать и давайте говорить всегда друг другу правду. И неожиданно для Немировича — Станиславский вдруг как вскинется: нет, только не — правду, ради Бога, я правды не выношу и пр. и т. п.[206] Так вот, кто Вы? Станиславский? Все равно — я Немирович — и хочу Вам сказать, что думаю, ибо это «для дела» нужно. Вы знаете, как НЖ относится к Вашим стихам. «На большой палец!» Так вот — говорю честно — я оч<ень> был рад, что Вы опустили два стихотворения из первого присыла. Но это еще не все, маэстро! Надо опустить (дружеский совет) еще одно: «Помер булочник сосед». [207] М. б.. Вы вскрикнули, маэстро, — ах. Гуль, ах, сволочь, ах, е. е. м.. Может быть. Но верьте мне, дружески говорю — это бяка. «Пил старик молодцевато — хлоп да хлоп — и ничего»... Да что Вы. маэстро, разве это Вы? Зачем же Вам ни с того ни с сего формально снижаться? Упаси Бог и святые угодники, этого совсем не надо. Вы знаете, и это не только мое

мнение (а у Гуля — верьте — слух почти абсолютный, ей-Богу!). Один человек, оч<ень> любящий Ваше творчество, — прочел это стихотворение (вместе с другими) и сказал: ну, это, кажется, уж доходим до частушек. Маэстро, у Вас, кажется, опять сорвалось — Гуль, сволочь, ах, е. е. м... Но Вы все-таки не правы. А этот человек-то — прав. Одним словом «раскаялся», готов взять грех на душу и при подсчете даже «ошибиться» (с ведома М. М., он не будет возражать, конечно).[208] Но дружески рекомендую и прошу — скиньте со счетов — нехорошего этого старика, который и пить-то не умеет вовсе, ну его к черту.

Корректуру я Вам прислать могу. Хотя милая Ирина Владимировна — такое мне накорректурила, что, когда я сдал в типографию, — они так «перебрали» — что получилось — Господи ты мой Боже — все перепутали — из всех стихов получился «салат» такой. Я еле-еле — разобрался — боялся, что влетят строки из одних стихов в другие. Боюсь я этих корректур. И не шлю. Сделал один раз исключение. И каялся. Но — признаю — «продукция» выиграла, многое в стихах заиграло по-новому. Поэтому, ладно, пришлю. Но «булочника» под хвост. Не будем его набирать, маэстро? Ладно? Согласны? Все согласны? Единогласно!

Далее. Переходим к следующему пункту повестки.

Посылка Вам — будет беспременно. Вся задержка была в занятости жены. Это она ведает, а она была нездорова и пр. Мне известно, что для Вас уже лежат: пальто драповое, синий костюм летний, рубахи, что-то еще из белья и ботинки (как Вы любите без завязок, к черту завязки, это здесь называется «лоферы»), галстуки. Но ничего еще нет для И. В. А американка наша милая уже в деревне.[209] Но клянемся, что из деревни пойдет (там доставать все это гораздо легче, оттуда вещи Вам и ушли в прошлый раз). Так что отсюда пойдет Вам. А потом уж из деревни. В конце июня жена переедет туда, а я 1-го июля туда прибуду и буду тоже следить за этим делом. Как жена вышлет (на днях) извещу Вас. Читаю (не без улыбки сострадания) о том говне, которое происходит вокруг «Ренессанса» (позднего),[210] —- снижаемся постепенно до уровня помойных ям и даже ниже «ватерлинии» В статье о Цветаевой (в кн. 37)[211] я мимоходом говорю об отзыве о ней Ширяева.[212]

То, что помирились с Адамовичем — хорошо. Лучше же мириться, чем ссориться, тем более, что Адамович не Мельгунов, не Керенский, на российский престол не претендует и вообще человек умный. Кстати, поговорите с ним — может, он напишет ч<то->н<ибудь> для НЖ. Редакция НЖ ничего не имеет против Адамовича. В Берлине в свое время ходил такой анекдот:

Торгпредство ничего не имеет против Рабиновича. А Рабинович имеет дом против Торгпредства. Итак, поговорите с ним. Нам интересней — темы литературные, а не философические. Может быть, он напишет — по поводу статьи Ульянова?[213] Я в статье о Цветаевой тоже касаюсь Ульянова и его темы.[214] Мне представляется нужной эта тема — пусть мы стары, пусть мы уходим — но даже «баттан ан ретрэт» *(Battant an retraite (фр.) - отступая) — надо бить наступающего хама... Согласны?

Нам прислали воспомин<ания> об Ахмат<овой> и Гум<илеве> — небезынтересные (Неведомская),[215] она жила с ними рядом в деревне, там есть ненапечатанные экспромты Гум<илева>. И вообще — интересно, хоть и очень в тумане.

Итак, Георгий Владимирович, подумайте об антологии и отпишите мне, пожалуйста, будете ли писать. Подумайте и о статье по поводу Ульянова. А — нет. Поговорите с Адам<овичем>. Пусть он этим «начнет карьеру» в НЖ. К тому же мы и платим что-то. Не только слава, но и добро...

О книге И. В. хочет написать Юрасов.[216] Мне представляется это интересным. Он — новейший эмигрант. И ему книга оч<ень> понравилась. Он сказал мне, что с большим удовольствием напишет. Я книгу еще не читал. Не дохожу, увы, но прочту обязательно. Ну, кажется, написал обо всем и заслужил тем всяческие индульгенции. Когда-нибудь напишу Вам, как за три недели до смерти наш Великий Муфтий писал мне — «обожаю подхалимаж, как Сталин. Даже больше, чем Сталин».[217] И с эдаким «легким» посошком отправился в загробное странствие. Ох, грехи наши тяжкие...

Сердечный привет, дружески Ваш

Роман Гуль

И. В. цалую ручки.

34. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 июня 1954. <Нью-Йорк>.

18 июня 1954

Дорогой Георгий Владимирович,

Только два слова. Мое письмо Вы, наверное, уже давно получили. Думаю, что от Вас вскоре придет ответ. Посылаю Вам за второй присыл — тридцать долларов (Вы так хотели иметь мой автограф!). Как видите, ничто не вычтено (даже за те два стиха, кот<орые> снимаете — не полностью). Прежде чем послать Вам корректуру, шлю Вам переписанное на пишмаш. Очень прошу все проверить, что надо — поправить, и вернуть мне по возможности пар ретур дю курье (хотя это уже и не так чертовски спешно, но мне бы хотелось получить ДО моего отъезда в деревню). Для ускоренья посылаю четыре междкупона.

А за сим крепко жму Вашу руку и цалую ручки Ирины Владимировны.

Дружески Ваш исполнительный член редакции

<Роман Гуль>

* Par retour du courrier ***(фр.)*** — с обратной почтой.

35. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 июня 1954. Париж.

21 июня 1954
28, rue Jean Giraudoux
Paris XVI

Дорогой Роман Борисович,

За Ваш «автограф» – широкое русское мерси. Но малость сконфужен – из «стихов» первого присыла можно печатать только два. Остальные, в переписанном виде, оказались переписанными еще паршивей, чем когда я их отсылал. Это, впрочем, будет обязательно исправлено: я рассчитываю к чертовой дюжине прилагаемого «Дневника» добавить до 20, ну если не дотяну к сроку, до 18. Но дайте мне, пожалуйста, возможно больший срок – для стихов, а также для статейки об антологии и о прочем. Это будет именно небольшая статейка, а не голая рецензия об антологии. И на этот раз, если внезапно не помру, я хочу обязательно доставить ее к очередной книжке. Я коснусь и Ульянова и «проблемы» новой и старой эмигрантской литературы. Кажется, ничего себе получается. Но будьте милым, сообщите настоящий срок – и для статейки и для стихов.[218].

Опять-таки, если не помру, то, присылая добавочные стихи, я укажу, какими № № их вставить. Но для порядка, склеил те, что у Вас имеются, как мне хочется, чтобы они следовали друг за другом. Видите сами порочность моего производства. И так всегда: стихотворение сочиняется сразу, почти готовое, а потом месяц не нахожу какого-нибудь одного слова, без которого нельзя печатать. Кстати, очень благодарен за указание об одеяле. Я это прозевал, и, конечно, была бы безграмотность. Исправил, как удалось, воспользовался «анжамбеман», которых вообще не очень долюбливаю. Но так все-таки много лучше, чем одеяло через мягкий знак[219].

Сообщите мне, когда уедете в деревню, ваш деревенский адрес или куда писать, чтобы письмо не валялось где-нибудь в конторе. Ну, еще раз сердечно благодарю. И. В. кланяется. Очень были бы признательны, если бы Вы, несмотря на перебор в долларах, который получился из оплаты рыбок, камбалы и никуда негодных стариков [220], могли бы выкроить «в кредит» на две-три тубы Lederplex Vitamine B.[221] Так, чтобы в карманы или складки посылки их рассовать. Теперь их, выяснилось, и ни за какие деньги здесь получить нельзя. А ей это прямо панацея для

работы.

Жму Вашу руку.

Всегда Ваш

Георгий Иванов

36. Георгий Иванов - Роману Гулю. < Около 25 июня 1954 >. Париж.

< Около 25 июня 1954 >

Попало на пол, где поливали цветы, — извините за грязь. Переписать же сложно![222]

М. Г.

г-н Редактор!

Не могу не выразить своего глубокого возмущения... Меня, которого такой авторитет литературы, как сам С. П. Мельгунов помещал на страницах своего органа... Особенное негодование вызвало во мне Ваше пристрастное отношение к моему шедевру о старике! Почему Вы прицепились именно к нему? А «Камбала», по-Вашему, меньшее говно!..

Очень был рад наконец получить от Вас, дорогой Р. Б., человеческое письмо. М. б., на летнем отдыхе Вы опять найдете время чего-нибудь мне черкнуть. В наше время приятно поболтать, хоть в переписке, с живым человеком. Кругом все какие-то выспренние мумии. Конечно, «для дружбы надо, чтобы было двое». А меня именно тянет «дружить» с Вами, независимо от чеков. Кстати — совершенства на земле не бывает — прежде приходили молниеносно чеки — а письмо «следовало». На этот же раз пришло такое милое письмо, но «следует» и все еще не «последовал» *очень желанный* чек.

Ну, статейку об Антологии я спешно заканчиваю, так что можете быть уверенны, что к следующему очень заранее, она будет у Вас. Вы сами того же «критического темперамента», что я, и, думаю, ее одобрите. Но малость трушу — всю жизнь наживал врагов и опять наживу новеньких. А положение наше с Вами разное —- до Вас не дотянешься в Вашей крепости — а мне всякая муха может сделать реальную пакость... Но все равно — заканчиваю, сейчас же пришлю. И «суди меня Бог и православный Государь»!..[223]

Насчет стихов первого присыла, кажется, Вам ясно - что прислал я «материал», чтобы Вы имели бы формальное право его оплатить. Я ведь и писал Вам - «до следующего № кое-что обязательно заменю». Там, вперемежку со «стариками и рыбами», [224] есть два или три стоющие. Но, вот беда, я забыл, что именно я тогда послал. Будьте таким милым - перечислите мне (первые два слова первой строчки каждого — достаточно), что именно *имеется в этом залежалом* «товаре». И тогда в сообщу, что можно

печатать, а что спустить в сортир. Но уж, что сказано — то сказано: раз Вы решили «Старика» оплатить, только бы его не печатать. — так и буду считать, «Попался, который кусался», а я за счет не умеющего пить старичка выпью лишнюю бутылочку сам. «Камбалу» же, честно, тут же заменяю другим стишком, который мне самому нравится.[225] Скоро получите приятную добавку. Корректуру, пожалуйста, непременно пришлите — там слово, здесь полслова — мне очень это важно И так же важен распорядок стихов, какое вслед за каким. Я чисто корректуру сделаю и верну исправлен<ное> быстро

Моя жена Вам нежно кланяется, но малость надулась, что Вы не желаете читать ее «Надежды».[226] Она очень довольна, что будет благожелательный отзыв Юрасова. [227] Ценно чрезвычайна, что он новый эмигрант и видный из них. Я не читал его романа, но слышал, что хвалили. Жена же моя говорит, что будто бы, вроде как в «Гранях» или в чем-то таком, она читала рассказ из еврейской жизни, который ей очень понравился свежестью и антифальшью. И она (будто бы) запомнила имя Юрасов?? [228] М. б., она и путает, не знаю. Во всяком случае хороший отзыв нового Эмигранта для такой книги (впрочем, Вы ее еще не читали!) гораздо ценней, чем от нашего брата. Спасибо, что так распорядились.

Ну, помойная яма «Возрожденья» окончательно устоялась. Причем получилось нечто совершенно «модерн»: толстый журнал без редактора! Этакий всадник без головы. [229] И, представьте, скачет ничуть не хуже, чем скакал при голове Мельгунова. Правда, если Вы читали последний № — Вы должны были заметить что «Мельгунов мертв, но дела его живы»: [230] «И все как при папеньке».[231] Те же бездарные рассказы, такие же самые стишки. Я, прочтя оглавление, увидел было «Февральские дни» какого то графа Бен<н>игсена [232] и и думал хоть тут развлекусь на сон грядущий - граф, в национальном органе, уж наворотил чего-нибудь, особенно о «феврале». И какое разочарование!: вреде Вишняка, [233] да еще с почтительными ссылками на того же Мельгунова. «Как правильно отметил С. П.,.», «Согласен с С. П...» Тешит, очевидно, национальная мечта о восстановлении на всероссийский престол Владимира Кирилловича, который — имею сведения —- был в свое время очень приличный молодой человек, а теперь под влиянием августейшей супруги (бывшей «m-me Керби» и ее августейшего «братца» царя Ираклия) — превратился в Мадриде в нечто абсолютно позорное...[234]

Ой, извините меня, а м. б., вы легитимист в душе? — кто знает...

О том, что Вы нам пришлете посылки, мы уж бросили было и мечтать... Если, все-таки, это так — будем ждать с благодарностью и нетерпением. Несмотря на Чеховские деньги, [235] — носового платка нового нельзя купить. Все уходит на квартиру (Монморанси, почти бесплатное, ухнуло), на жратву и на лекарства. Вот что — м. б., это нахальство с моей стороны — не могли ли бы Вы быть такой душкой, именно: купить за мой счет (вот «старик» пригодится!) «Lederplex vitamine B» побольше, сколько можно, и рассовать его как-нибудь по карманам или сапогам посылки. Это для И. В. Здесь почти нельзя достать и невероятно дорого. А для нее это страшно важная штука. Особенно теперь, когда она работает по 10 часов в день, кончая, по-французски, роман страниц в 500. Очень обяжете, если можете это сделать! И тогда уж отправьте посылку какая есть, чтобы скорее дошла.

Тут Ваш Гринберг со своей Соней [236] гастролируют в виде ведетт.[237] Но т. к. авансов он никому не дает, даже обижается — «Я не издатель, а редактор» — да и «Опыты» его неизвестно будут ли вообще выходить, то большой сенсации они не производят. Наоборот. Кстати, я только теперь прочел № 3 «Опытов» и ахнул, до чего изговнялся Сирин.[238] Что за холуйство: «наши 60 лакеев» [239], «бриллианты моей матери»,[240] «дядя оставил мне миллионное состояние и усадьбу "с колоннами"»[241] и пр. и пр. Плюс «аристократическая родословная».

И врет: «не те Рукавишниковы». Как раз «те самые».[242] И миллионы ихние, и всем это было известно. «У меня от музыки делается понос» [243] — из той же хамской автобиографии. От его музыки — и у меня делается...

Ну, кланяюсь, жму руку, страстно жду чека, банка с розовым вареньем на комоде у Софьички.[244] Адамовичу Ваше приглашение [245] передам сегодня вечером — обедаю с ним Бахрах, [246] действительно, стал миллионером: он со мной не кланяется, подразумевая тех самых дядюшек, которых сжег Гитлер, а <м>, но его убеждению, деятельно помогал. От этих дядюшек и пришло, как у Сирина, миллионное наследство. Против Бахраха я в общем ничего не имею — он, если поскрести, лучше многих.

О Великом Муфтии Ваш рассказ меня бы очень порадовал — да ведь никогда не соберетесь написать!..

Нам бы самое время теперь встретиться лично и поболтать этак несколько вечерков. Приятно было бы...

Ну «еще раз»...

Ваш всегда

Г. И.

Имеются ли в Нов. Ж. карточки сотрудникам? Лестно было бы иметь на всякий случай — в нашей стране.

37. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 25 июня 1954>. Париж.

<Около 25 июня 1954> [247]

Дорогой Роман Борисович,

Раз в жизни я решил быть исполнительным и аккуратным. И, получив вчера Ваше письмо, сел и сейчас же склеил и исправил стихи, написал Вам ответ, заклеил и сейчас же отнес на почту. Не было чернил, написал красными, чтобы не терять времени. И вот сегодня утром обнаружил письмо под столом. Вы, наверное, получив рукопись без одного слова, даже без благодарности за чек, решили, что я либо впал в идиотизм, или, ни с того ни с сего, охамел. Извиняюсь, как говорят девицы Ди-Пи.[248]

Ваш Г. И.

Вместо Камбалы

Ну да — немного человечности,
Клочок не снившегося сна.
А рассуждения о вечности…
Да и кому она нужна!

Ну да — сиянье безнадежности,
И жизнь страшна и мир жесток.
А все-таки — немножко нежности,
Цветка, хоть чахлый, лепесток…

Но продолжаются мучения
И звезды катятся во тьму
И поздния нравоучения,
Как все на свете - ни к чему.[249]

38. Роман Гуль - Георгию Иванову. 27 июня 1954. <Нью-Йорк>.

27 июня 1954

Дорогой Георгий Владимирович, ну вот мы с Вами и в конфликте. Как скоро прерывается наша дружба! И все из-за камбалы и кенгуру...[250]

Нет, нет, маэстро, камбалу
Я не отдам Вам в кабалу!
Иду к старейшему еврею,
Он открывает Каббалу,
И чудодейственно лелея,

В чем же дело? Да в том, что я был очень рад, что Вы сняли многое из первого присыла, но — кенгуру и камбалу — не отдаю. Как хотите. Почему? Вы говорите, что кенгуру это не «На холмы Грузии» [251], не «Еду ли ночью по улице темной» (две первых строки), не стихи Некрасова к Панаевой [252]. Допустим, Вы правы. Но в кенгуру такое «милейшее уродство» и такое «веселое озорство» — что убивать их никак невозможно. Протестую. Хочу их увидеть напечатанными. К тому же «вертебральную-то колонну» [253] надо же подарить русской литературе, до этого — у нее ее не было. Я разыгрываю сразу несколько варьянтов. Понимаю, что теперь — в этом «Дневнике» — кенгуру будет не к месту. Хотя... Это не сказано... Может быть, даже наоборот, такая «запятая» будет очень недурна? Было же раз — «полы моего пальто»? [254] И даже имело потрясающий успех... у Мельгунова. А кенгуру и камбала будут иметь в этом же кругу — совершенно ошеломительный успех. Давайте «похамим», элегантно, но элегантно. Предлагаю Вам вставить кенгуру. Это один варьянт. Другой такой. Когда я прочел впервые кенгуру и в него «влюбился без памяти», то я подумал, что этот стих написан в четыре руки. Мне показалось, что первоначально его набросала Ир. Вл. — а потом Вы кое-что прибавили, рамку. И вот у меня мелькает мысль, м. б., И. В. нас помирит? М. б., она возьмет этих милых зверей под свою высокую руку и от ее имени мы их тиснем в след. книге? Ирина Владимировна, Вы как? Не слышу? Что? Согласны? Тогда — единогласно! и первоклассно! Но не слышу через океан

— очень шумит... Дабы засвидетельствовать мою полнейшую искренность в отношении кенгуру — то предлагаю Вам даже посвятить их «Р. Б. Гулю». Ей-Богу. Конечно, было бы еще правильнее посвятить их Мельгунову или Тырковой. [255] Это была бы, правда, «пощечина общественному вкусу». [256] Но было <бы> неплохо. Но если Вы посвятите кенгуру Гулю — то Мельг<унов> будет хохотать до колик идиотизма — и всем будет показывать, всем тыкать — «до чего Гуль и Иванов довели НЖ — из лошади сделали верблюда». Это — забавно. И безобидно. Одним словом — жду ответа — чтоб конфликт не перезрел из-за этих животных черт знает во что. Нет, ей-Богу, подумайте и давайте напечатаем кенгуру (это вроде как анчоус на гренке с черносливом — после всяческих десертов).

Кстати, о хамеже. Есть — элегантный, хорошего тона хамеж — вот, напр., посвятить Тырковой «кенгуру и камбалу». А есть — грубее. Гораздо грубее. Расскажу Вам пример грубого хамежа, которому никогда не надо следовать. Рассказывал мне Костя Федин, [257] с которым очень дружили, о том, как Алешка Толстой принимал гостей в Детском. [258] Гости — в гостиной. Самые разные. Много дам. Хозяина нет. Вдруг хозяин выходит, и все в ужасе переглядываются. Алешка быстро входит. Из ширинки у него торчит палец. Он прорезал карман и высунул палец. Идет быстро к дамам, с каменным лицом, здоровается, цалует ручки и бормочет, представляясь: «Василий Андреич Жуковский»...

Вот так хамить, конечно, не надо. Тут уж не до смеха. Тут прямо — в обморок...

Пишу Вам перед самым отъездом в деревню. Едем рано утром завтра. А сейчас — укладка и пр. Стихи Ваши сдал в набор. Корректуру пришлю. Если б статейку Вы бы написали, то были бы, как Вы говорите, душка. Срок даю Вам — до 10 августа — 6 недель. Куда же больше? Пишите, пожалуйста, мы дадим ее как статью в отделе «Литература и искусство». Книга НЖ уже к Вам ушла. Но я просил секретаршу, если на этих днях придут оттиски моей статьи о Цвет<аевой> из типографии — чтоб она Вам послала оттиск по воздуху. Там затронуты небезынтересные темы, и, м. б., это Вас тоже к чему-нибудь подтолкнет. Я тоже говорю об Ульянове — и считаю очень нужной — такую перекличку и взаимоподдержку — против пришедшего хама. [259] Причем сей хам — совершенно неэлегантен. Ему в голову не придет изобразить Вас. Андр. Жуковского так, как Алешка. Уж если он изобразит — то воображаете как? Далее. Финпрорыв произошел, конечно, чудовищный. Вот присылайте все, что можно, мы будем его залатывать. И так — чтоб Вас очень уж не обижать. Это все старик этот, не умеющий пить, наворочал, ну его к Ее величеству

королеве-матери...

Далее. Посылка ушла дня три-четыре назад. Перечислю вещи: пальто-драп (черное), костюм синий летний (его, мне думается, придется покрасить, он слегка выгорел, но костюм цельный); ботинки-лоферы черные, какие-то носки, платки; ботинки белые для Ир. Вл., для нее костюм летний, явно требующий переделки, ибо размер, кажется, не ее и еще какая-то мелочь для Ир. Вл. Вот, по-моему, все. Только давайте — по простоте. Вы понимаете, что посылать ношеные вещи — неприятно. Было бы приятно — прийти к Бруксу [260] — и заказать посылку на 1000 дол. всяких «уникумов». И поэтому — Вы просто пишите, то-то, мол, никуда не годится, то-то, мол, — ничего, то-то выкинули, то-то пришлось. А мы будем рыскать. Из деревни, м. б., ч<то>-н<нибудь> приглядим. Там есть в одном городке, куда мы ездим с миссис Хапгуд часто, такое симпатичное заведение. Прошлогодние вещи были оттуда.

Ледерплекс — пришлю просто по почте. Я сам его ел. Но сейчас ем другое — «Клювизол» — канадское какое-то средство — комбинешен витаминов с железом и пр. До Америки не ел никаких «вайтаминс», а тут все жрут, даже неприлично, если не жрешь. И действительно, вещь стоющая, прекрасная. Пришлю. Ну, кажется, на все серьезное ответил. Сейчас обрываю, ибо надо укладываться.

Итак, до свиданья! Дружески Ваш

Роман Гуль.

Ир. Вл. цалую ручки. Читал отзыв о НЖ Андреева. [261] И ругнул его за Ир. Вл. — это уж отзыв, так сказать, «изнутри» редакционных дел, от Андр<еева> я этого не ожидал, хотя его никогда не видал. Если на что не ответил — доответчу в след. письме из деревни. Адрес простой: [262]

39. Георгий Иванов - Роману Гулю. < Начало июля 1954 >. Париж.

<Начало июля 1954>

Дорогой Роман Борисович!

Не сразу отвечаю на Ваше – очень милое – письмо. Ах, я все дохну. Особенно, когда приходится взять что-нибудь письменное в руки. Базар, стирка, это все ничего. Но даже на простое письмо какое-то разжижение мозга. Отчасти это от разных хворей и более-менее адской жизни последних лет, но также от неприспособленности к умственному труду. Я – серьезно – выбрал не то «метье» . Я по недоразумению не стал художником. Делал бы то же самое, что в стихах, а платили бы мне по 300 000 франков за ту же самую «штуку» . И жил бы я счастливо и безбедно, думая «руками и ногами» , как все художники, и читал одни полицейские романы.

Хорошо. Во-первых, спасибо за посылку. Она еще не пришла, но спасибо авансом. И откровенно говорю – если у Вас есть «летняя» возможность – используйте ее и, если не трудно, пришлите вторую, набрав что попадется. Хорошо бы какие ни есть пижамы и тряпки для Одоевцевой. Что не подойдет, а что и весьма подойдет. Если можно выбирать, то мы оба охочи до всего, что отдает Америкой, – чего здесь нет. Покупать мы ничего просто не можем. И, как писали одесситы, «заранее благодарю» .

Ну и лекарства, раз решили, так вышлите. М. б. не в этой жизни, так в той - отблагодарю как-нибудь Вас.

Прилагаю стишок. Скоро еще пришлю – до 20. Статью обязательно пришлю до того.

Нов. Журнал пришел позавчера. Ну, по-моему, Сирин, несмотря на несомненный талант, отвратительная блевотина[263]. Страсть взрослого балды к бабочкам так же противна – мне – как хвастовство богатством и – дутой! – знатностью. «Не те Рукавишниковы» из отрывка в «Опытах» [264]. Вранье. Именно те. И хамство – хвастается ливреями и особо роскошными сортирами, доказывает, что заведено все это не на купеческие, а на «благородные» деньги. Читали ли Вы часом мою рецензию в № 1 «Чисел» о Сирине «Смерд, кухаркин сын…» [265]? Еще раз под нею подписываюсь. И кто, скажите, в русской литературе лез с богатством. Все, кто его имел, скорее стеснялись. Никто о своих лакеях и бриллиантах и в спокойное время никогда не распространялся. Недалеко ходить – моя жена

выросла приблизительно при таких же условиях со всеми возможными гувернерами, автомобилями и заграницами. Не только не найдется ни строчки об этом в ее книгах, но и можете дружить с ней двадцать лет, - разве случайно узнать об этом. Интересно знать Ваше мнение, тошнит ли Вас от Сирина или не тошнит. Мне кажется, что должно тошнить. Черкните два слова не для распространения, конфиденциально. Любопытно.

Ну Ваша статья о Цветаевой просто *прекрасна*. Не льщу. Лучше просто нельзя было написать. Я очень «уважал» Вас за многое, не догадываясь, как Вы разбираетесь в поэзии и как можете о ней говорить. Так или иначе коснусь Вашей статьи в своей. Все верно, под всем подписываюсь. Пассаж о лунатиках – проснулась, петля – поразителен[266]. Мы оба прочли, каждый отдельно, восхитились, потом я прочел всю статью с расстановкой вслух. Ай да Гуль. И значит, я не спроста лезу к Вам с дружбой, не зная Вас почти, чувствую в Вас своего человека. На что Вы мне отвечаете: послал тебе чек, чего тебе еще от меня надо? Это шутка. Теперь сообразил, что в летнем виде <Вы> один, а в зимнем другой. Но отвечайте мне тогда хоть летом – тогда зимой не буду обижаться на молчание.

Так в ответ на это письмо жду как бы краткого подтверждения. Тогда напишу Вам разные разности и поставлю кое-какие вопросы с просьбой на них ответить.

Живется мне скорее тяжко.

Ну значит, «Камбала» идет. Пусть идет, и уж тогда именно в этом «Дневнике» , и если Вам она нравится, то с удовольствием Вам ее посвящу – не от озорства, а в знак дружбы. Только как – Р. Б. Гулю или Роману Гулю?

В этом ли № будет рецензия Юрасова[267]? Поддайте ему малость жару, чтобы рецензия была лестной. Денежно это важно. Здесь был довольно триумфальный вечер, посвященный «Оставь надежду…» и с «массой» по нынешним временам публики. А Ваше – откровенное – мнение? Или все еще не читали?

Жму Вашу руку.

И. В. очень кланяется. Она Вам приватно выразится о Вашей – Цветаевской – статье.

Распыленный мильоном мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем — в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем Саду,

В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

(С «Камбалой» 16-е?) [268]

* «Metier» (фр.) - «ремесло».

40. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 июля 1954. <Нью-Йорк>.

18 июля 1954

Дорогой Георгий Владимирович,

Ваше интересное письмо (и одно стихотворение — прелестное) получил в глуши Массачузетса. Большое спасибо. Стих ушел в набор вместе с «Камбалой».Поразмыслив, думаю, что не надо «Камб<алу>» мне посвящать я секретарь редакции, Вы писали обо мне отзыв, я писал о Вас — не стоит дразнить гусей. Повременим, так будет лучше.

Понимаю от души Вашу нелюбовь к «умственному труду». Я жене все твержу, что хотел бы «собак разводить» — чудесная промышленность и оч<ень> симпатичная, но ничего не поделаешь,надо «в общество втираться», хоть и тяжело. Статью Вашу жду к 10 авг. Напрягитесь уж. А то — опять опоздаем. Корректуру стихов пришлю из Н<ью> И<орка>, куда прибуду 26 июля.

О посылке, как получите, напишите совершенно просто и толком: то-то, мол, подошло, то-то, мол, нет — мало, велико, не годится, чтобы знать. Мы постараемся о второй посылке обязательно и обязательно хотим не забыть Ир. Вл. Кстати, сегодня в своем лесном «стюдьо» — взял «Оставь надежду» [269] и насмерть зачитался, оч. завлекательно построено и здорово написано. Прочту запоем. Рецензию устроим хорошую. Если Юрасов не напишет (он хотел), то сделаем иначе — м. б., «своей собственной рукой».[270] Простите, что не выслал еще Ледерплекс. Это потому, что все не были еще в нашем уездном городе — Атол.[271] А тут в глуши нет этих веществ. Но в первый же выезд — я куплю и вышлю.

О Набокове, даже и не конфиденциально. Я его не люблю. А Вашу рецензию (резковатую) не только помню, но и произносил ее (цитировал) жене, когда читал «Друг<ие> берега». Ну, конечно же, пошлятина — на мою ощупь, и не только пошлятина, но какая-то раздражающая пошлятина. У него — как всегда, бывают десять-пятнадцать прекраснейших страниц (читая кот<орые>, Вы думаете — как хорошо, если б вот все так шло — было бы прекрасно), но эти прекрасные страницы кончаются и начинаются снова — обезьяньи ужимки и прыжки [272] — желанье обязательно публично стать раком — и эпатировать кого-то — всем чем можно и чем нельзя. Не люблю. И знаете еще что.

Конечно, марксисты-критики наворочали о литературе всяческую навозную кучу, но в приложении к Набокову — именно к нему — совершенно необходимо сказать: «буржуазное» искусство. Вот так, как Лаппо-Данилевская.[273] Все эти его «изыски» — именно буржуазные: мальчик из богатой гостиной. А я этого очень не люблю. И врет, конечно, — и бицепсы у него какие-то мощные (какие уж там, про таких пензенские мужики говорили — «соплей перешибешь» — простите столь не светское выражение). Вообще, я к этой прозе отношусь безо всякого восторга. И честно говорю: не мог читать его книги. Возьму, подержу, прочту стр. десять — и с резолюцией — «мне это не нужно, ни для чего» — откладываю. Прочел только — с насилием над собой — две книги (обе в деревне, летом): «Дар» в прошлом году, «Приглашение на казнь» (в деревне во Франции). Не могу, не моя пища. Кстати, мелочь. Не люблю и его стиль. Заметьте, у него неимоверное количество в прозе — дамских эпитетов — обворожительный, волшебный, пронзительный, восхитительный, и дамских выражений — «меня всегда бесит» и пр. О нем можно было бы написать интересную «критическую» статью. Но это работа. А мы больше бы — «собак разводить». Спасибо за лестные слова (Ваши и И. В.) о статье о Цветаевой. Мне думается, что статья ничего себе. Еленева ей была растрогана, потому что — «в ней настоящая Марина» — а она ее оч<ень> любила. М. б., она и права. Ах, Марина — непутевая была покойница и бешеная... но тем и хороша. Хочу написать теперь об Эренбурге [274](за всю работу в НЖ — уже больше двух лет — о Цвет<аевой> написал первую статью; видите, неопровержимое подтверждение, что — «собак разводить»). Да и то меня друзья ругают, говорят, что стыд и позор — ничего не пишу. Дела, дела — загрызли... И все хочется дышать, а не писать» идти куда-нибудь (все равно куда), а не сидеть за письменным столом, *молчать и не думать* (а иногда и думать) - а не читать, вообще — *быть*, а не существовать. А *быть* трудно в наши дни и в нашем положении.

Ну, конец, крепко жму Вашу руку.

Цалую ручки Ир. Вл.

Ваш *Роман Гуль*

41. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 31 июля 1954. <Нью-Йорк>.

31 июля 1954

Дорогая Ирина Владимировна, простите меня, старого дурака, старого олуха, грешен, виноват перед Вами. Виноват оттого, что стояла у меня Ваша книга слишком долго до того, чтоб стать прочтенной. А все потому, что «собак разводить», что «не люблю самый процесс чтенья, с детства». Но что же произошло? А произошло нечто потрясающее. Я взял в руки Вашу книгу («Оставь надежду») в деревне, открыл и... и потерял себя, дорогая Ирина Владимировна, я не мог от нее оторваться, хватали ее попеременно, то я, то жена. Я прочел ее с таким наслаждением, с каким я уже давно не читал ничего. Простите меня, если я скажу архи-глупость и архи-бестактность — я не только потрясен этой книгой, но я и *поражен*. Как могли Вы написать такую книгу — т. е. — поднять такую сугубо советскую (и в то же время мировую) тему. Я люблю «Даркнесс ат нун» Кестлера,[275] я помню впечатление, произведенное на меня ей. Это впечатление было похоже на то, что было со мной после «Оставь», но в Вашей книге многое — лучше, чем у Кестлера, потому что Вы русская. Ах, какая изумительная, какая верная и какая беспощадно-прекрасная книга! И какая талантливая... Только невероятной нечуткостью и непониманием самой сути сегодняшней главной темы мира можно объяснить, что Ваша книга на иностранных языках не имеет того — БОЛЬШОГО — успеха, которого она заслуживает. Я мог бы Вам многое писать и писать по поводу Вашей книги, но давайте я войду в берега. Одним словом, цалую Ваши ручки — нет, не ручки, конечно, это я раньше целовал Ваши ручки, а теперь — руки, конечно. «И я который раз подряд цалую...», нет, не кольца, нет, а именно руки, [276] написавшие «Оставь». Спасибо Вам. Знаете, если б Вашу книгу написали Х, У, или Ц. Если бы ее написал Бунин, она б его прославила на мир. О его «прозрении» было бы написано черт знает сколько всяческих статей. Ведь Вам (если б мы все были и не ленивы и любопытны) надо бы было дать всеэмигрантскую пенсию, обставить Вас подобающе — и установить очередь из несознательных граждан, которых надо бы было каждый день гнать к Вам, чтоб они, остолопы, Вас благодарили. Для порядка очереди надо бы было найти к<акого>-н<ибудь> бывшего квартального надзирателя из старой эмиграции, или еще лучше -

милицейского из новой. Я считаю Вашу книгу — событием (настоящим!) в нашей эмигрантской и вообще в русской литературе, ей придется долго жить, ее будут долго и очень долго читать, если, конечно, мир не покроется голубым дымком от водородных бомб...

К делу. Я говорил с Юрасовым. Сказал ему: — я прочел, но ведь это не хорошая, как Вы говорили, а потрясающая книга. Он говорит, да. Я тоже считаю, я хочу кончить рецензию тем, что вот, мол, новым эмигрантам надо учиться, как писать о сов<етской> России. Но я думаю, что он не поднимет рецензию о Вашей книге, как надо. Я буду за этим следить. И я все сделаю для того, чтобы мы по достоинству оценили Вашу книгу. Будьте спокойны. Сейчас на экземпляр, кот<орый> у меня, — очередь. Рвут на части. Я делаю Вам невероятную рекламу повсюду, трублю везде. Вот сегодня ее прочла советская одна наша знакомая, потрясена, но не понимает — как Вы могли дать такую верную (до мельчайших деталей) и такую глубокую картину Сов<етской> Сути? Расспрашивала о Вас, у нее как раз судьба была немного похожа на Верину,[277] в том смысле, что она имела отношение к искусству, но была вышиблена из-за происхождения. Она говорит тоже — что Вера и все ее окружение — и вся ее судьба — сделаны изумительно. Я пишу очень отрывочно. Это от волнения. Это хорошо, что мм еще умеем волноваться «бесплатно». Вот что хочу сказать. Знаете, что мне нравится помимо всего в книге? Она очень *женственна*. Во всей своей музыке женственна, и это придает ей большую настоящую прелесть. Когда пишет дама в штанах (не называю наших маститых дам по именам), это нехорошо, потому что у них «мужской» голос. Но у Вас — вся повадка настоящей женственности, и несмотря на все эти большие (по-настоящему, у Вас даже ведь есть подлинные исполнившиеся пророчества в книге! да, да) темы, которые Вы берете и разрешаете, — они окружены музыкой женственности, идущей гл<авным> образом от образа Веры и от всего Вашего изумительного стиля.

Но постойте, я скажу, что мне не понравилось. Во-первых, зачем Вы взяли Маринину фразу о Пастернаке и приложили ее к Штрому.[278] Это фальшиво потому, что Пастернак действительно похож «и на коня».[279] Это было тонко сказано, но Штром не может быть похож «и на коня». Это неверно. К тому ж литературная> публика знает это выражение Марины. Потом в нескольких местах — «блуза» вместо гимнастерки, это по-дамски, жаль, у Вас же есть гимнастерка, и ее надо было оставить везде. Вот и все. Больше ничего. Немного, правда? Но зато сколько — превосходных мелочей. Как чудно сказала несколько слов —

Петровская за кулисами. [280] А этот шофер Волкова.[281] В двух местах о нем два штриха — но эти штрихи дают «всю сегодняшнюю Россию» во всем ее нигилистическо-приятном ужасе и жути. Да не могу даже сказать, сколько у Вас хорошего и восхитительного.

Я написал скрипт о Вашей книге для «Освобождения»,[282] он ушел уже отсюда. Но в редакции его так «поправили», что мне стыдно Вам послать даже этот текст. Все изуродовано. Но хорошо, что передадут о Вас, что Вы тогда-то и тогда-то ушли за Запад, что Вы написали то-то и то-то. М. б., кто-нибудь и услышит.

Далее. Олечка (это жена) говорила мне по телефону из деревни, что она выслала Вам ДВОЙНУЮ порцию витаминов Б Ледерплекс. Это наш дар писателю от читателей, чтоб подкрепить писателя, чтоб он писал еще для нас. Потом, я Вас ругал как. Почему Вы не дали этот роман НЖ? Почему? Мы б его печатали с наслаждением. Ведь все, что у нас было напечатано, все хуже Вашего романа. Ваш роман был бы нашим украшением. Не понимаю. А что Вы написали сейчас? М. б., дадите отрывки? Г. В. писал, что 500 стр., это, конечно, для нас невозможно. Но отрывки. Я написал М. М. в деревню «восторг» от «Оставь» и сожаление, что роман прошел мимо нас.

Ну кончаю, устал, взволновали старика, а ему вредно волноваться, тем более так прекрасно волноваться и искренно. Скажите Г. В., что стихи — на днях высылаю (корректуру). Только не задержите, Георгий Влад. Статью жду — и не задерживайте, а то «швед русский колет рубит режет» [283] — еще напор и усе будет переполнено. Посылку Вам сварганим — вторую. Пришла ли первая? И хорошо ли пришли витамины, из стеклянного флакона жена их высыпала в мешочек,не разорвал их Мендес-Франс,[284] которого я проклинаю, как Фирл.,[285] я просто заболел индо-китайски. <...> [286]

42. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 3 августа 1954. Париж.

3-го августа 1954 г.

Милый, милый ангел Гуль,

Марина Цветаева была права — «с ангелами я бы сумела», [287] и вот я «сумела», т. е., вернее, Вы сумели, понять «Надежду» оттого, что Вы ангел.

Вы написали мне все то, что я так давно — напрасно — ждала. Все похвалы, до Вашего письма — только «шелуха непонимания, глухонемое мычание». [288] Перелет, недолет.

Но Вы поняли «по-ангельски». Я ведь большой специалист в ангелах. Недаром первоначальное заглавие романа, который я сейчас пишу, было «Histoire d'Anges». [289]

Я Вас не благодарю за Ваше письмо. За «такое» благодарить нельзя.

Читая его, я вдруг почувствовала что-то похожее слегка на «остановись мгновение...», [290] чего я, кажется, никогда еще, никогда не испытывала — значит я жила и писала не напрасно. Оправдание и награда, переходящая в нереально-иррациональное «торжество, в Рождество, в вечный праздник на Божьем свете». [291]

Но я все же благодарю Вас за желание протрубить о «Надежде». А как же ангелу иначе, как не трубить? Протрубите, чтобы даже глухие услышали. Я верю, что Вам это удастся.

Я не жаловалась. Но если бы Вы знали, как мне было больно, как меня душило непонимание, глухота и слепота, окружающая меня. До чего тяжело.

Все эти полу-успехи и полу-осуждения, эти «очень интересная, мастерски написанная книга» и прочая чушь.

Я верю, что Вы сумеете открыть «Надежде» дверь к настоящему успеху — и не только русскому. И за это я Вам наперед бесконечно благодарна.

Кончаю. Сейчас мне трудно писать от слишком большой радости. Вы уж меня простите как автор ея.

Ирина Одоевцева.

Я напишу Вам еще завтра или послезавтра.

* Поблагодарите и поцелуйте от меня жену ангела — за витамины, за посылку и за все — и, пожалуйста, оба не меняйтесь ко мне.

<На отдельной стр. — рукой Г. И.:>

Кланяюсь, благодарю за ВСЕ, подробное письмо следует. Ваш всегда

Г.И.

43. Роман Гуль - Георгию Иванову. 4 августа 1954. <Нью-Йорк>.

4 августа 1954
Г. В. Иванову

Дорогой Георгий Владимирович,

Посылаю корректуру, как обещано, но очень прошу вернуть со всем возможной быстротой. Нужно для верстки. Предложил бы Вам закончить стихотворением «Распыленный миллионом...», а «Камбалу» уже вонзите, где ей быть надлежит.[292] Очень жду статью. Получили ли посылку с одеждой, витамины (по воздуху) и мое письмо Ирине Владимировне? С 6-го по 23-е я вновь буду в деревне, но писать можно и на редакцию. Для быстроты прилагаю международные купоны.

Приветствую Вас обоих.

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

44. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 августа 1954. Париж.

6-го августа 1954 г.

Дорогой Роман Борисович,

Не думайте, что я немножко спятила. Дело проще — вот уже два месяца, как я снова впала в «претуберкулозное состояние» и у меня ежедневно жар и всякие там «дважды два не четыре, а пять» и «елочные» ощущения.[293] Ваше письмо пришло как раз в такое время и, переполнив меня восторгом, заставило, не откладывая, взяться за ответ. Отсюда и его фантастичность и производство Вас в ангелы.

Но раз так вышло, придется Вам примириться с этим производством и здравствовать «поднесь и ныне в ангельской чине»...[294] Так что Вы теперь ангел-хранитель и ангел-воитель моей «Оставь надежду» и, пожалуйста, пожалуйста, не забывайте этого. И помогите ей. Я так верю, что Вам это удастся, что даже во сне сегодня ночью переживала какие-то всеэмигрантские триумфы вместе с Вами.

Сейчас пишу Вам утром, но идет дождь «с упрямой косизной»[295] и я чувствую себя премерзко, несмотря на радость, которой обязана Вам. Подумайте, ведь Вы первый сказали то о «Надежде», что я хотела услышать, то, для чего я ее писала. Как же мне не радоваться?

А о том, что я опять «немножечко нездорова» «забудем, забудьте, забудь»[296]...

Это только фактическая справка, чтобы Вы не сочли меня сумасшедшей или, что еще хуже, истеричкой.

Точка. Продолжаю, хотя мне писать очень трудно — и «легкость в мыслях необыкновенная»[297] в ущерб ясности. Так вот — вхожу в берега. Очень бы мне хотелось, чтобы в НЖ об «О<ставь> Н<адежду>» написали бы Вы. Не знаю, кто другой, у compris* Юрасова, мог бы так ее понять. Но, конечно, Юрасов как Ди-Пи легче защитит «Н<адежду>» от обвинений в «клюкве». Но, пожалуйста, приглядите за ним. Одним словом — «полагаюсь на Вас, как на каменную стену». И не только полагаюсь, но и верю, что Вы «Н<адежду>» выведете на путь если не славы, то все же успеха.

До сих пор ей до странного не везло — одна проволочка «Чехова» [298] что мне стоила. Ведь я полтора года ждала контракт. В Америку ее купили по телеграфу и обещали, что она

станет beat sellerом, а вместе этого она провалилась — и даже без треска — о ней ровно никто не услышал. Так вот нельзя ли как-нибудь обратить внимание американцев на «All Hope Abandon» [299]? Заставить кого надо из них прочесть ее? И в рецензии в НЖ пожалеть, что американцы не обратили на нее внимания? Подумайте об этом, дорогой Ангел Воитель, и поступите «по усмотрению». Может быть, еще не поздно. Еще об огорчениях — ведь ее чуть было не взяли в Холливуд. Я уже получила требование подтвердить мои права на нее. И все же ничего не вышло. Ни-че-го. А зависти и злобы она все же вызвала много и сейчас еще вызывает среди братьев-писателей. Ведь даже сам Великий Муфтий. [300] Но об этом в другой раз. Теперь скажу Вам, что Ваша статья о М. Цветаевой меня восхитила, о чем, кажется, Вам писал Г. В. Не только восхитила, но и поразила. Я, видите ли, *тоже* не ожидала от Вас такого понимания поэзии (Марина ведь и сама была поэзией) и, главное, такого умения выразить это понимание. Я читала и «робко удивлялась», до чего все правильно. Должна признаться, что мне Ваши похвалы после В<ашей> статьи еще дороже.

Мне все время самой хотелось написать о Марине, так меня не удовлетворяло все, что о ней печаталось. Но сейчас вижу, что писать мне не надо, — Вы это сделали гораздо лучше меня, так что лучше и сделать нельзя. И за это Вам спасибо — и не только от меня.

Я пишу так растрепано и разбросано оттого, что мне сегодня очень не по себе. Но хочу кончить, чтобы письмо ушло в субботу, а не в понедельник.

Так вот — отчего я В<ам> не дала «Надежду» для НЖ? Но, друг мой, откуда мог у меня взяться самонадеянный оптимизм для такого предложения? Без упреков, но после горького опыта «Года жизни» — боль которого я ощущала до получения В<ашего> последнего письма... Спрятав ее и гордость вместе с ней как «несозвучные моменту», я погрозилась написать рассказ «специально» для НЖ. Но ответа не получила — и поэтому не привела угрозы в исполнение. Но, конечно, Вы меня тогда еще «не знали»! Это Ветхий Завет. И нас с Вами «не кусается». Теперь мы заживем по-новому.

И вот — я могу В<ам> послать 150-200 стр. второго тома «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>», т. к. она задумана «в двух томах». И только отсутствие настоящего успеха, на который я твердо рассчитывала, заставил меня временно отложить писание «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» и взяться за другой роман. Теперь я его кончила и тружусь (ненавижу этот идиотский труд) над подготовкой его для «пишмаши». Это из жизни ложного

резистанса, в основу легла моя «Изольда».[301] Для НЖ, конечно, гораздо интереснее «Смерть Веры Назимовой» [302] и пр. Ах, до чего обидно-досадно, что «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» не засияла на страницах НЖ — этот тяжелый «Год жизни» моей был бы совсем иным. Но «забудем, забудьте»... и давайте смотреть вперед, а не назад. Теперь мне гораздо легче с Вами, господин Ангел. Ангельские недоразумения не причиняют ни боли, ни обид.

Я думаю, что Вам довольно трудно понять, что я хочу сказать и написать. Я и сама немного путаюсь, что, зачем и почему. У меня уже опять жар. Теперь 5 часов, скверное время. И дождь все идет. Кстати, это вчера я начала В<ам> писать, в пятницу. Посылка В<аша> пришла. И до чего меня обрадовали витамины. Ведь я, кроме прочего, еще страдаю мозговым переутомлением. И бессонницей. От бессонницы помогает только приятная и спокойная жизнь (значит, невозможно от нее избавиться), а от переутомления головы В<аши> витамины действуют чудесно. Я сразу перевела по-французски все свои стихи из НЖ.[303] Спасибо Вам и О<льге> А<ндреевне> очень, очень и очень. И еще спасибо.

Серый костюм сузила и перешила неумелой своей иглой. Хорош для жаркой погоды, которая все же иногда наступает. Блузки премилые — не гимнастерки. Вы правы, — обокрала я напрасно М. Цвет<аеву>, но сначала бессознательно, а когда вспомнила, что это ее, жаль было отдавать - и чрезвычайно к Шторму подходит конь.

Ведь Шторма я писала с Беседовского. [304] Знаете Вы этого гуся? Он сам нашел, что страшно похож.

Желаю Вам обоим всего наилучшего

Ваша И. О.

* включая (фр.).

45. Георгий Иванов - Роману Гулю. < 9 августа 1954 >. Париж.

<9 августа 1954>

Дорогой Роман Борисович,

Простите за молчание. И. В. опять больна. Опять она надорвалась, работая по десять часов в сутки, кончала роман. То же было два года назад. Роман почти кончен, но опять почти. Писано по-французски, и рукопись пойдет во французские руки. [305] Значит, каждая запятая должна быть проверена. Вместо этого – опять прописали «полный покой», лежание, отдых, всякие там фрукты и перемены воздуха. Перемены воздуха есть – то адская жара, то сплошные дожди и холод. Покой тоже сомнительный, последние «чех<овские>» деньги тают, и что дальше. Пишу это не чтобы Вас разжалобить, а в «порядке осведомленности». И недели три я кручусь, мою посуду, жарю, варю, подметаю, высчитываю гроши, стараюсь как умею развлечь. Сам я при этом неврастенический лентяй, проживший всю жизнь ничего не делая и не очень заботясь. Тем более, тем бесконечней я благодарен Вам за Ваше чудное письмо.[306] Если бы оно было и неискренно, то все-таки Вы бы сделали огромное дело. Она что-то Вам сама написала и велела отправить, не читая.[307] Но передать не могу, какое прекрасное дело Вы сделали, так написав ей и в такое время, когда ей так опять нехорошо. Она начинает грустить, в 5 часов этот отвратительный жар, и я говорю, а вот я тебе прочту письмо Гуля – и просвечивается солнышко. Теперь я ваш неоплатный должник. Даже сказать не могу, как благодарен. А ведь в доброте и искренности Вашей ни она (ни я) не сомневаемся. И Водов (из «Русской мысли») [308]тоже сказал чрезвычайно кстати: «Ну уж Гуль не такой человек, чтобы писать не то, что думает». Я думаю без преувеличений, что она может поправиться благодаря Вашему письму. Спасибо Вам, дорогой Р. Б.

Ну вот стихи. Прибавил два, чтобы был меньше фин<ансовый> прорыв. Отложу до следующего раза то, что «в работе», – мозги не тем заняты. Ну уж «рыбок» , по-моему, не печатайте. Впрочем, Ваша воля. Настаиваю на посвящении – Ваши отводы – я редактор, Вы обо мне, я о Вас – неуважительны. И с какой сволочью нам с Вами считаться? Это даже унижает нас с Вами. Да, «Камбала» пошла под № 13. Может быть, Вы этого числа не любите? Тогда переставьте ее куда угодно.

Статейку пришлю на днях. Я было занесся и размахнулся, но опять решил сократить. Так что получите нечто вроде большой рецензии, и можно ее, если <не> будет поздно, вставить в библиографию.[309] Я не Терапиано и местами не считаюсь. Но если не сдохну, то дошлю к следующему номеру. То о литературе «вообще», что написал было, приклеить к отзыву об антологии затрудняюсь. Взбудоражила меня Ваша статья о Цветаевой: не представлял себе, что Вы так это дело понимаете и так сумели написать. И вот из Вашей статьи и своих соображений и Le secret professionel 1921 года (Cocteau)[310] – самого удивительного «учебника поэзии», какой я читал – и для следующей книжки – постараюсь сделать нечто в назидание и отдать нашим современникам. Между прочим, следующее: рад задать Вам несколько вопросов, чего можно и чего нельзя, для руководства.

Ах, дорогой Роман Борисович, как я рад, что Вам нравится книга И. В. И еще как чудно Вы написали. И как благодарен Вам. Видите ли, раз Вы так ее оценили, то скажу Вам откровенно, я считаю себя несравнимо ниже ее. И в стихах тоже.[311] Супружество тут ни при чем. Другим говорить это трудно – скажут, подбашмачный муж. Но Вы поймете. Она яркий талант. Я более-менее эпигон, хотя и получше множества других. Вы оттого и оценили «Оставь надежду», потому что Вы сами такой же породы и природы – щедрость, яркость, размах. До сих пор жалею, что паршиво написал о «Коне Рыжем»[312], главное, не привел выписок. Как камергер играет на рояле в эмигрантском доме [313]– былую русскую жизнь, например. И не объяснил «читающей публике», как это волшебно сделано, и притом на одном вдохновении, без капельки поту. Тоже, если не сдохну, должен как-нибудь о Вас по-настоящему написать.

Конечно, «огромное русское мерси» Вам обоим и за посылку и за ледерплякс. Если будете собирать новую посылку (пишу, т.к. Вы спрашиваете), то, если можно, побольше чего-нибудь И. В., тряпок всяких. Она ведь женщина и так радуется всякой обновке, и так у ней их мало. Башмаков ей не посылайте. Но всякие платьица, пижамы, если попадутся, что-нибудь такое. Американские студенты шляются здесь в кофтах всех цветов радуги – если что такое, то очень идет, чтобы спать в них. Лоферы прекрасные. Синий костюм сел на меня как будто нарочно сшитый. Пальто «драп яркое» , увы, не годится, т.к. я едва-едва в него лезу, а длина выше колен. Так что пальто бы получил с признательностью любого цвета и материала, но пошире и подлиннее.

Благодарю Вас за все.

Ваш Г. И.

…Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница…
И. Анненский

Может быть, умру я в Ницце,
Может быть, умру в Париже,
Может быть, в моей стране.
Для чего же о странице
Неизбежной, черно-рыжей
Постоянно думать мне!

В голубом дыханьи моря,
В ледяных стаканах пива
(Тех, что мы сейчас допьем) —
Пена счастья — волны горя,
Над могилами крапива,
Штора на окне твоем.

Вот ее колышет воздух
И из комнаты уносит
Наше зыбкое тепло,
То, что растворится в звездах,
То, о чем никто не спросит,
То, что было и прошло.

Я люблю безнадежный покой,
В октябре хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету,

Тишину безымянных могил,
Все банальности "Песен без слов",
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев. [314]

Их лучше сунуть в разные концы дневника - а то в обоих Анненский

Еще раз Ваш Г. И.

46. Георгий Иванов - Роману Гулю. 18 августа 1954. Париж.

18 августа 1954

Дорогой Роман Борисович!

По-видимому, произошло идиотское происшествие. Именно 9 августа — уже беспокоясь (и стыдясь), что задерживаю и отправку корректуры, и ответ на Ваше письмо, я засел его писать. Жена моя, уже раньше написала и заклеила, чтобы Вам отправить, но я сказал — я не буду читать и так и пошлю в твоем заклеенном конверте — и вместе прийдет и дешевле обойдется. Хорошо. Написал длинное письмо Вам, склеил и исправил корректуру с прибавкой двух новых стихотворений и запаковал все это — т. е. корректуру, мое письмо и отдельно заклеенное письмо И. В., в конверт par avion. И надо же было, что как раз собралась уходить femme de manage*, являющаяся в квартиру, где мы живем, раз в десять дней. И попутал же меня черт дать это письмо ей. Сегодня, 18, она является опять мыть полы и пр. И дает мне сдачу с 200 фр<анков>, которые я ей на авионные марки дал. И возвращает 126 франков. Как так, почему так много сдачи? На почте столько взяли. Вы сказали, что par avion? Конечно, сказала. Взвешивали письмо? Взвешивали.

Т. к. письмо слишком тяжелое и должно было стоить 150 — 160 франков, то очень боюсь, что произошло следующее: теперь, во время вакансов, повсюду сидят всякия дуры девицы или столетние старухи, заменяя настоящих почтовиков. И более чем вероятно, что письмо ушло недостаточно оплаченным и где-нибудь в Буржэ, обнаружив это, его послали не авионом, а простым. Адрес expediteur'a, конечно, был на обороте — но здешняя халатность вообще знаменита, а еще лето — станет кто беспокоиться и возвращать письмо мне. А до Вас когда оно дойдет!? Антология[315] шла больше месяца. Особенно отвратительно что в ответ на Ваше чудное письмо к И. В. мы оба, каждый от себя, «излили Вам душу». А Вы при том, законно, можете думать о нас: «Какое хамье, даже не удосужились ответить». Опять-таки корректура. Там, кроме двух новых стишков, изменен порядок, вставлена «Камбала» и исправлено несколько существенных в стихах мелочей. Если, как я боюсь, письмо поехало простой почтой, то пришлите, пожалуйста, срочно корректуру, верну в тот же день. А если опасения мои неверны, то будьте душкой, не поленитесь подтвердить это хоть

открыткой, но сейчас же! Вы не можете представить, как мы оба обозлены и расстроены этой гадостью.

Обнимаю Вас

Ваш Г. И.

В этот понедельник, полагаю, отправлю Вам авионом свою маленькую статейку. Таким образом Вы ее будете иметь в среду-четверг. Если попадет, буду оч<ень> рад. Нет — плюньте, моя вина. Но если бы Вы знали, как трудна моя жизнь сейчас!

А Ваша статья о Эренбурге[316]? Не возитесь, как я, непременно напишите. А не нужны ли Вам цитаты из стихов этого великого человека? Помню кое-какую пошлятину, очень нежную при том. Вроде

> На тонком столике был нежно сервирован
> В лиловых чашечках горячий шеколад[317].

Еще раз — и пожалейте, и извините меня, дурака, за то, что доверился femme de menag'ке!

* приходящая домработница (фр.).

47. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 августа 1954. Париж.

19.8.54.
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16

Здравствуйте - здрасьте, дорогой Роман Борисович,
Вы уже знаете о происшествии с письмом,

«что дойдет через год
Или вовсе туда не дойдет».[318]

Поэтому я, на всякий случай, вынуждена обратиться к тонкому эпистолярному приему Евгения Сю [319] и К° — «Как я писала Вам в моем прошлом письме».

Итак по пунктам: 1) Рассыпалась искрометно, как свет электрический в благодарности за Ваше письмо, которое перечитываю каждый день и скоро буду помнить наизусть, как Волков письмо мамы-Кати.[320] 2) Просила Вас быть ангелом Хранителем - Воителем моей «Оставь надежду» и, если возможно, обратить на нее внимание американцев. 3) Предлагала Вам — на что никогда не решилась бы до Вашего письма — отрывок из второго («готовящегося к печати») тома «Оставь надежду». Страниц 100-150 НЖ «Смерть Веры Назимовой». Место действия Франция, но в действии принимают участие «люди оттуда». Отрывок вполне сам по себе, не требующий ни пояснений, ни продолжения. Хотя оно и существует или, вернее, будет существовать.

Так Вот — очень мне хочется знать, подходящее ли это для Вас дело. Если да, то я сейчас же — и с каким наслаждением — засяду за него. А то — извиняюсь — он у меня написан по-французски.[321] Глядя на свои французские рукописи, я часто вспоминаю восклицание сердобольной гражданки, впервые увидевшей верблюда, — «Проклятые большевики, до чего довели лошадку!».[322]

Я пишу по-французски легко, а все же надо считаться не только с их стилем, но и взглядами, многое «не понимают сантимщики, не понимают лягушатники» в ам-славе.[323] Писать надо о русских, по-русски, для русских, и жаль, если это не удается.

«Чехов» полуобещал мне контракт. Но я твердо обещанный контракт ждала ведь полтора года, так что кончать для них «Оставь надежду» не могла бы. «У меня для этого силы нет». И времени тоже.

4-ый пункт и последний — новые россыпи благодарностей за витамины и прочее. Прочее все отлично подошло, а витамины приносят ежедневную пользу. Без них мне было бы гораздо хуже.

Были еще восторги по поводу Вашей статьи о Марине Цветаевой и кой-какие «лирические мотивы», довольно безрадостные — их восстанавливать не к чему. Все. «Теперь буду ждать В<аш> ответ с нетерпением». Кончаю, как полагается по романам Евгения Сю, тем более, что это правда. Буду ждать, очень ждать.

Шлю сердечный привет О<льге> А<ндреевне>, а Вашему Ангельству делаю почтительный реверанс.

И. Одоевцева

<На полях первой стр.:>

Г. В. Вам кланяется и обещает выслать статью в понедельник. Все забываю спросить — будут ли мои стихи в этом номере НЖ? А насчет желания разводить собак понимаю и сочувствую, т. к. страстно их люблю и уважаю безмерно.

48. Роман Гуль - Георгию Иванову. 23 августа 1954. <Нью-Йорк>.

23 августа 1954

Дорогой Георгий Владимирович,

Я вернулся в Нью-Йорк. 4-го авг. я послал Вам отсюда по воздуху Ваши стихи (корректуру) и просил Вас вернуть все парретур дю курье.* Приложил на скорость купоны. От Вас до сего дня РОВНЫМ СЧЕТОМ НИЧЕГО. Как это понимать - ума не приложу. Во всяком случае я ждать не буду и все буду заверстывать так, как мне кажется лучшим. У меня нет времени. Если Вы успеете прислать - хорошо. Не успеете, не гневайтесь, сделаем без этого. О статье не пишу, ибо она уже опоздала и к этому номеру. Но м.б., Вы и не хотите ее писать? Тогда известите.

Всего хорошего.

Ваш <*Роман Гуль*>

Привет Ирине Владимировне

* Par retour du courrier (фр.). - обратной почтой.

49. Георгий Иванов - Роману Гулю. 26 августа 1954. Париж.

26 августа 1954
28, rue Jean Giraudoux
Paris 16

Дорогой Роман Борисович,

За время с получения Вашего письма Одоевцевой о ее книге — было отправлено Вам (все на деревенский адрес) — 4 письма. 1 короткая записка от И. В. «от избытка чувств» по случаю — огромной — «нечаянной радости»,[324] которую она испытала, прочтя Ваше. 6-го [325] толстое письмо, содержащее: 1) ее письмо, заклеенное в отдельном конверте. 2) Мое очень пространное письмо, исправленную и расклеенную корректуру, с прибавкой 2 стихотворений. С этим письмом произошло идиотское недоразумение: дура femme de manage отослала его не par avion. Это выяснилось только неделю спустя к нашей панике. Помимо корректуры и пр. не ответить сразу и как должно на Ваше письмо к Одоевцевой, глубоко тронувшее, обрадовавшее и взволновавшее нас обоих, — было бы невероятным поступком с нашей стороны. Тогда мы оба написали Вам сейчас же по письму, которые пошли, конечно, avionoM, каждое отдельно. Мое — отправлено 18, ее 20 — все на деревенский адрес. М. б., читая это письмо, Вы уже получите хоть эти последние два из деревни и увидите, что произошла кошмарная чепуха.

Конечно, верстайте, как найдете нужным. Прилагаю два стишка,[326] вклеенные в злополучную корректуру. Вставите так вставите, поздно так поздно. В набранных я кое-что исправил, но хорошенько не помню что. Вот, например, что-то напутано было в строчках, которые должны быть так:

Но продолжаются мучения
.....
И поздние нравоучения [327]

(еще «Камбала» посвящена (обязательно!) Р. Б. Гулю. (Но м. б. «Роману»?). Это как желаете, но если снимите посвящение, обижусь.)

Исправлено еще так:

Поэзия — точнейшая наука. [328]

И вместо «на скамейку железную сяду» — чугунную. [329] Она ведь чугунная.

Очень надеюсь, что Бы, дорогой Роман Борисович, поняв наши злоключения с письмами, смените гнев на милость. Но, конечно, не зная — на гиперхамское молчание на Ваше письмо Вы имели право более чем рассердиться.

Если Вы не раздумали печатать мою статью, то окажите мне еще раз кредит. Через несколько дней у Вас будет рукопись, написанная наново. Это опять стала статья общего характера. Сбили меня главным образом Вы, статьей о Цветаевой, впрочем, прочтете сами. Т. к. я кое в чем сомневаюсь — а тему взял ответственную — то попрошу Вас откровенно сказать, что и как. Так будет лучше.

Обнимаю Вас. Г. И.

50. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 26 августа 1954. <Нью-Йорк>.

26 августа 1954

Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович, звините, звините мой страстный рабочий темперамент. Я Вам брякнул сердитое письмо, потому, что в работе я «не человек — зверь» и отсутствие корректуры привело меня в раж. Прошу прощенья, хотя и признаю не только свою вину страстности, но и Вашу не очень большой аккуратности. Но теперь все устроилось прекрасно. Сегодня получил от жены заказное — и в нем — два письма от Одоевцевой и два от Иванова с корректурой и двумя новыми превосходнейшими стихами! Все, стало быть, в золотом порядке.[330] Сейчас все это переправлю спешно в типографию, и все будет сделано «на большой». В зверином темпераменте я еще и оттого, что секретарша ушла в отпуск, я кручусь тут один, и мне круто со всеми делами (а к тому же мечтаю еще раз прыгнуть в Питерсхем), и вот замотался здорово. Мое это письмо не ответ на Ваши, это так — «провизориш»* пишу. На званье ангела — ладно — соглашаюсь, но только, чур, не «вологодского».[331] Ол райт? Жена пишет, что посылку Ир. Вл. отправила (посылка вся посвящена Ир. Вл., только женские вещи, хотя кажется, что-то оч<ень> ограниченное было и мужское). Пишите откровенно, что подойдет, что нет. Это жена сделала из того, что нашла там на месте. Дабы поставить памятник установлению снова чудных отношений после сердития и брани — разыщу Вам обоим по пестрой рубахе — с барсом на животе и двумя леопардами на лопатках. Я в восторге от таких оптимистических одежд, когда я вижу их тут «на массах» (и пролетарий, и интеллигент, и буржуй — всяк носит барса на груди, а на юге, говорят, творится с этой пестротой что-то невероятное), ко сам никак не рискую надеть барса на живот. Понимаю, что малодушие, но ничего не поделаешь. Но и с барсами есть оч<ень> хорошие штуки. Постараюсь найти и послать. Если «лоферы» подошли, то там же могу достать еще точно такие же, но рыжие. И размер костюма ясно говорит, что надо.

О «пальте» у нас был спор. Я говорил жене, что не надо, что это не подойдет и пр. А она говорит, что ты ничего не понимаешь, это чудный драп и в нем прекрасно драпать зимой. Я оказался прав. М. б., Водов в нем будет хорош? Хотя Мельгунов разорвет

его, если он наденет на себя то, что исходит от филистимлян.[332] Самого бы Мельг<унова> бы обрядить (не говоря, что это отсюда), а потом встретить зимой и сказать: и каюк, умер народник. Вот и убийство врага свершилось бы. Ну, довольно глупостей.

Ирина Владимировна, шлите все, что можете. Моя поддержка гарантирована. Конечно, я человек субалтерный.[333] У меня окончательного слова нет. Оно у М. М. Но поддержать я могу. Итак, надумайте что, не торопитесь и шлите. О рецен<зии> думаю сам. Юрасов в отпуску сейчас. Отнять у него просто так за здорово живешь — сами понимаете — не могу, обижу, он очень хотел. Но я за этим делом слежу и сделаю все, что могу. В сент<ябрьскую> книгу едва ли попадет (именно из-за его отъезда), хотя постараюсь, ибо он обещал написать в отпуску. Вообще, если мы обсудили и постановили, что я ангел пензенский, а не «вологодский» — то все в порядке. И моя поддержка — искренняя (Водов прав, за это ему и можно дать пальто) — Вам гарантирована. Конечно, мы любим всякую похвалу (иногда даже заведомо неискреннюю, но не грубую, конечно) — мы даже готовы бываем повторить, как у Шиллера — «Солги, Луиза!» [334] (и Луиза, собака, конечно лжет, она такая уже б... — я хочу сказать, бесстрашная), — но я видит Бог, не Луиза, и даже когда пытаюсь быть Луизой — ничего не выходит, нас в Пензе этому не обучали. Верьте, славлю Ва< совершенно чистосердечно и искренно.

Ну, пока кончаю, пишу второпях. На свободе напишу посвободнее и обо всем. Стихи Ир. Вл. в этом номере вряд ли пойду! Жорж задавил всех, либо он один будет совершенно, либо останется одна-две странички, но тогда надо дать к<ого>-н<ибудь другого — а то мужа и жену купно — это не шикарно. Правда. Дать в подверстку — не хотите? Да Ваши стихи и не подходят для этого дела. Во-первых, циклические, по тону и размеру — едва ли.

Оч<ень> у Г. В. хорошо об Анненском и Гумил<еве>.[335] Анненского нестерпимо люблю. Только есть у меня два «моих»: Тютч<ев> и он. Это - из мертвых, конечно. О живых - не говорю. Видите, какой я воспитанный! Дневник в этой книге будет изумительный! Оч<ень> хорош, очень. Кой-кому уже читал: чудесно!

Provisjrisch (нем.). - временный.

51. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 3 сентября 1954. Париж.

3-го сентября 1954.

Дорогой Роман Борисович,

Только два слова с просьбой непременно «вдарить» и как можно сильнее в защиту «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>». В защиту — т. к. «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» действительно чувствует себя под защитой Вашего ангельского (пензенского) крыла. И до чего это утешительно — по-настоящему.

А то, судите сами о «дружеских утешениях»» моих здешних «друзей». — Не все ли вам равно, что вас ругают в русской прессе, раз вас так хвалят французские критики? И еще. На вашем месте я бы просто перестала бы раз и навсегда писать по-русски. Все это говорится с ехидной любезностью и сочувствием, преимущественно по телефону.

Только, пожалуйста, не откладывайте до следующего номера Н. Ж. И, мне кажется, что лучше всего было бы Ваше, а не Ульяновское заступничество. От Ульянова на днях получила письмо — он еще не видел «О<ставь> н<адежду> н<авсегда»>, несмотря на то, что я просила Александрову [336] послать ее ему. Т<ак> ч<то> пока он получит книгу, прочтет и напишет — успеет выйти следующий номер Н. Ж. Я очень люблю и уважаю Ульянова, но он все же немножко «тяжелодум», в нем не хватает Вашей электрической динамичности. Конечно, он Ди-Пи, но Пен-Ан это еще ценнее. (Пен от Пензы, а не Пэн, как Пэн-клаб [337]). Впрочем, Вы к тому же еще и Пэн-Ан — на этот титул тоже имеете право, и, пожалуй, пишущий Ангел для защиты «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» так же необходим, как и Ангел Воитель, или, вернее, ей необходим Ангел Хранитель с мечом и стило. И до чего же прекрасно, что Вы существуете! И что можно восхищаться этим искренно — без «Солги Луиза». И к черту ложь! И всякое луизианство.

Так вот, возвращаясь к Ульянову. Я буду очень рада, если он напишет об «О<ставь> н<адежду> <навсегда>» в Н. Журнале Кстати, и повоевать за меня ему к лицу, т. к. он считает, что я, назвав его Дальним Другом в своем стихотворении,[338] посвятила его тем самым в рыцари. Так пусть по-рыцарски и заколет копьем Ширяева. [339] Но этот бой может произойти лишь «со временем», а время не терпит.

Поэтому очень прошу, чтобы «Господь Бог под руководством

Вашего Высокопревосходительства», т. е. Пен-Ангельства, отразил напор вражеских сил непременно в ближайшем номере НЖ. Ничего, конечно, не имею против Юрасова, опять-таки под руководством Вашего Пен-Ангельства, но раз Юрасов «каникулирует» — будьте милым, потрудитесь сами.

Г. В. пишет Вам сам. Он все бьется со статьей. Я было переписала ее, но он опять все переделал. Одним словом, «доволен ли ты ей, взыскательный художник».[340]

Насчет стихов Вы совершенно правы. В одном номере его и мои — нехорошо. Тем более, что мои стихи сильно проигрывают от такого соседства — впрочем, не только мои, но это уже меня не «кусается».

Кстати, не находите ли Вы, что «Чеховцы» должны были издать Георгия Иванова вместо Мандельштама? Ведь здесь вопрос идет также о продлении жизни, но это их по-видимому тоже не «кусается».

Теперь к Вам особенное предложение — нельзя ли из моей «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» сделать фильм, т. е. не могли бы Вы за это взяться? Ведь его, как я В<ам> писала, чуть был< не взяла в Холливуде фирма, ставившая «Crossfire», забыла как ее зовут.[341] Права принадлежат мне целиком, и мы бы с Вами поделили бы гонорар пополам. Подумайте об этом, если у Вас имеются связи. Вы ведь умный. Ну, вот и все. Жвиняюсь, что так растрепанно, но я опять слегла, а лежа писать не умею — и в смысле каллиграфическом и в стилистическом, не говоря уже об орфографии.

С нетерпением жду посылку. И еще просьба — пришли мне Ваши фотографии — необходимо.

Кланяйтесь Толстым,[342] пожалуйста. Пусть И. М. [343] сыграет Вам «Размахайчиков» и «Мы объелись ветчины»,[344] Желаю Вам и О<льге> А<ндреевне> всего наилучшего.

И. О.

52. Георгий Иванов - Роману Гулю. 6 сентября 1954. Париж.

<Рис. Размахайчика> 6 сентября <1954>

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю вдогонку настоящий текст посланного в письме И. В. стихотворения. Я сдуру, едва его сочинил, воспользовался «оказией» — чего никогда делать не следует. Теперь оно в порядке. Если удастся всунуть в «Дневник» — будет приятно, а нельзя так и плюньте.

Вы, я думаю, «начали догадываться», что со статьей я Вас опять надул. Это правильно. Но если думаете, что статьи нет и не будет — ошибаетесь. И, надеюсь, скоро убедитесь в этом: я ее собираюсь скоро доставить на Ваши светлые очи и получить обратной почтой, хоть скромный, а все-таки чек. Антология опять «вернулась в родной океан» — т. е. слилась со статьей, где говорится о разном, Ульянове — Гуле, главным образом. Т. е. <о> поставленных вами обоими вопросах. Вот увидите, с каким почтением я о Вас пишу. Не ожидал, сознаюсь, что Вы насчет стихов настолько «свой брат» и так все понимаете. В конце концов даже лучше, что я докопался до появления Вашей «Цветаевой» [345] — от столкновения с нею и моя статья «заиграла». Ну, сами будете судить, когда получите «манускрипт», как пишет мой благодетель Буров, о котором — ох! я тоже произвожу некую бескорыстную работу. [346] Не бросайте в меня камнем, хоть и дохну, а «кушать надо». Он, видите ли, т. е. Буров, написал свою эпопею трех поколений в трех же томах a la «Война и Мир».

Вам с Бейроном шипела злоба
Гремела и правдива лесть
Он лорд ты граф поэты оба
Се мнится явно сходство есть.[347]

Хорошо. Завидую Вам, что сидите в деревне. На старост лет тянет меня «на солнышко». Прежде презирал. За рубашки тиграх «заранее благодарю», как выражались благовоспитанные аптекарские ученики. Насчет желтых лоферов - хочу ли? - вопрос странный. Как же так не хотеть. Кстати, не сочтите за нахальство - но для сведения, как Вы сами писали: не попадаются ли среди

вещей, напр<имер>, портфели - ничего, если сильно держанные, но повместительнее? И поношенные, но американского производства. След. хорошего стиля?

Обнимаю Вас. Целую ручки Ольге Андреевне и благодарю ее очень за ее милые хлопоты. Хотел Вам задать «вопросы», но отложу до когда вернетесь в Нью-Йорк. Обнимаю Вас.

Г. И.

<На полях:> Кланяйтесь и от меня Толстым.

53. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 сентября 1954. Париж.

19.9.54.

Дорогой Роман Борисович,

Тысяча восторгов и благодарностей. Одним словом, восторгам нет счета, благодарности — дна. Посылка выполнила норму полезности и удовольствия на 110%. Предметом № 1 оказался халатик — необходимость в нем чувствовалась очень остро. Ведь мне приходится полдня лежать, и халатик, да еще такой милый и веселый, хоть немного скрасит это занятие. № 2 — шерстяные кофточки — у нас холода и дожди, и они чрезвычайно уютны, в особенности зеленая, «как персидская больная бирюза». [348] Остальное тоже все отлично подошло. Платье на желтых пуговицах будет служить передником — и красиво и практично. Платья очень широки, но сузить их легко, и я с этим справлюсь. Все блузки по мерке. Зеленую рубашку, явно предназначавшуюся Жоржу, забрала себе в виде полупижамы. Очень она мне нравится, как и лиловая кофта в цветы. Без употребления остались только три предмета для грудо-брюшной поддержки. За полной ненадобностью. Обхожусь без таковых. Я их подарю хозяйке квартиры, ее роскошная пышность как раз нуждается в такой основательной поддержке. Не люблю, чтобы вещи не служили. Белье мне тоже очень кстати, а шерстяной эскимос будет надеваться в холод, чтобы спать с открытым окном.

Теперь Вы уже не можете сомневаться в том, что действительно угодили мне на 110%. И спасибо Вам еще раз. Это все относится и к Ольге Андреевне, но в суперлативной форме [349] и с прибавкой нежности.

Я все ждала от Вас известия о статье — ответе Ширяеву. Меня это беспокоит. Позавчера какой-то анонимный доброжелатель прислал мне уже совершенно площадную ругань того же Ширяева в «Нашей Стране». С подчеркнутыми красным «отборными местами» и россыпью прибавленных красных восклицательных знаков — для вящей оскорбительности, должно быть. Газета от 27 июля. [350] Читали ли Вы ее? Стоит того. Меня поражает зависть и злоба, вдруг зашипевшая вокруг меня. Казалось бы, чему завидовать? Ведь ни денег, ни успеха пока не видно. К тому же я очень больна. А вот, пойдите.

Кто-то пустил слух, что все издание «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» разошлось и все собратья по «Чехову»

вознегодовали, хотя нетрудно догадаться, что это вздор. Ширяев же многим доставил удовольствие, и они даже скрыть этого не умеют. Не называю имен, чтобы не сплетничать. Но до чего мне обидно. И до чего я ценю Вашу готовность принять бой за «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>». Вы себе и представить не можете, какое Вы для меня «Утешение в горькой судьбе» [351]. Пожалуйста, помните, что Вы пензенский ангел и что это накладывает на Вас обязанности в «высшем смысле». Одна из них — отвечать на письма мне.

С самым сердечным приветом

И.О.

Я тружусь над «Смертью Веры Назимовой» для НЖ. Скоро кончу.

54. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 26 сентября 1954. <Нью-Йорк>.

26 сент. 1954

Дорогая Ирина Владимировна, прошу прощения, что я медлил с ответом, но видит Бог — я замучен работой, да и старость одолевает — недугую всячески. Поэтому и сегодня — оч<ень> кратко, хочу только не «свинить дальше» и ответить Вам хотя бы кратко на Ваше, как всегда, милое и очаровательное письмо. Очень рады, что посылка пришлась Вам по душе. В своей замотанности мы не удосужились Вам написать, что для того, чтобы заполнить «вакуум» в коробке — жена вложила сверху какие- то совершенно негодные вещи — просто чтобы не «болталось», так что Вы на эти заполнения вакуума не обращайте внимания и в будущем. Вам пошла из Питерсхем вторая посылка — она ушла числа 3-го, кажется, сентября, так что Вы ее уже скоро получите, там оч<ень> недурные вещи — и никакого вакуума. Получите, напишите, как и что? Насчет «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» — в этом номере НЖ, к сожалению, рец<ензии> не будет. Юрас<ов> не успел, а я-то уж и вовсе не успел бы. Но он хочет во что бы то ни стало написать и через неделю мне уже даст. Я все же держусь того мнения, что именно новейшего <автора> рецензия ценна, как отпор Ширяеву, а я послежу за всем. «Нашу стр<ану>» — тоже читал — ну, что же тут поделаешь — «трезвенники спирт глушили» — и хотят нас бить резинами [352] (в частности, насчет резин у меня есть сомнения, это, по-моему, у Г. В. уже что-то «европеизированное», мы же были не каучуковые совершенно — у нас больше были — дубины, чем резины. Как Вы думаете, Г. В.?). Стих этот вошел, хоть и с превеликими трудами (типограф ругался, но кончил). Кстати, в последнюю минуту дал одно стихотворение Ир. Влад. — насчет мышей в Париже. [353] Будет хорошо, увидите. Сейчас простите, кончаю, обрываю, уезжаю, умираю — но все же цалую Ваши ручки (нет, руки) и Г. В. самый сердечный приветище!

<Роман Гуль>

55. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 октября 1954. Париж.

16.10.54.

Дорогой Роман Борисович,

Вы знаете, что не в моих правилах оставлять письма без ответа, но известие о том, что в Нов. Журнале не будет отзыва об «О<ставь> н<адежду> н<авсегда>» не только потрясло меня, но и было для меня настоящей катастрофой.

Этого уж я, во всяком случае, не ожидала. И пережить этот удар мне было не легко — гораздо труднее, чем брань Ширяева.[354]

Но теперь это уже прошлое —

...Одной надеждой меньше стало...[355]

Ну, что же? Не такие царства погибали...[356] И довольно об этом. Но, чтобы не возвращаться к «обманувшей надежде» — мне теперь совершенно безразлично, будет ли что-нибудь о моей книге в следующем номере Нов. Журнала или нет.

«Дорого яичко... к известному дню»,[357] а раз срок пропущен, то я отлично обойдусь обещанием, как, кстати, уже обошлась обещанием отзыва о «Контрапункте», впрочем, тогда и необходимости в нем не было.

Мне очень неловко, что я до сих пор не поблагодарила Ольгу Андреевну за посылку. Пожалуйста, передайте ей мои извинения и сердечную благодарность.

Желаю Вам всего хорошего.

И. Одоевцева

56. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало ноября 1954>. Париж.

<Начало ноября 1954>
28, rue Jean Giraudoux
Paris XVI

Дорогой Роман Борисович,

Очень надеюсь, что это письмо не останется без ответа. Последнее Ваше письмо, сообщавшее, что рецензии о «Ост. над. навсегда» не будет, имеет уже более чем сорокадневную давность. О том, как оно нас приятно огорошило, Вы знаете. Особенно после Вашего желания и обещания сделать «все», чтобы книгу защитить от хамских выпадов Ширяева [358] <переделано из Широкова. — Публ.>. Скажу — дружески откровенно — когда мне не спится и я вспоминаю о моем истерически-благодарственном послании в ответ на Ваше письмо к И. О. из деревни — после прочтения ее книги — я краснею «до корней волос». За себя, разумеется. Возможно, что Вы, оказавшись в Нью-Йорке, погрузились в свои дела и Вам не до нас. Это бывало и прежде. Но все-таки... Хотелось бы думать, что и на этот раз так. Во всяком случае, я не ждал, принимая во внимание «обстоятельства», что опять между нами станет — и как будто очень толстая — стенка молчания. Итак, буду ждать ответа. Желаю Вам всего лучшего. Ваш

Георгий Иванов,

P. S. Будьте милым, отправьте прилагаемое письмо М. М. Карповичу [359] — потерял его адрес.

1955

57 Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало 1955. Париж>.

<Начало 1955>
28, rue Jean Giraudoux
Paris XVI

Дорогой Роман Борисович,

С Новым Годом. И давайте в Новом Году забудем наши «недоразумения». Ведь они сущий вздор, выеденное яйцо. Если бы мы с Вами жили в одном городе и дружили бы, как это нам самой природой предназначено, такие стычки — не продолжались бы дольше 24 часов.

И объяснять, по-моему, не стоит. По крайней мере с моей стороны «неизжитой» остается обида, что Вы сняли посвящение на «Камбале» — я раз десять уже собирался Вам написать и только по «физическим причинам» не мог собраться. Одна из них: Вы обмолвились загадочной фразой: «Странно Вы пишете письма — они дают как раз обратный результат» [360] и т. д. Я пишу письма как попало из-за зашоренности и неврастении и, возможно, пишу не то и не так. И вот, мысль, что напишу не то, лежала передо мной вроде бревна через разделяющий нас океан.

Как бы там не было, протягиваю Вам дружески руку и очень рассчитываю получить обратной почтой нечто милое, похожее на одно из тех Ваших милых писем, которых у меня толстая пачка. Тогда отвечу Вам и в дружеском плане, и изложу некоторые свои дела.* Не хочу писать о них до Вашей весточки. Жму руку. И. В. кланяется. Видите, я чувствую себя связанно и пишу на редкость коряво. Это Вы меня запугали. Ваш сердечно Г. И.

*Ах, извинитесь, пожалуйста, перед Сазоновой: [361] скажите, что был болен, польщен, благодарю, пришлю книги и т. п.

58. Роман Гуль - Георгию Иванову. 20 января 1955. <Нью-Йорк>.

20 января 1955

Дорогой Георгий Владимирович,

И Вас — с Новым Годом! Получил Ваше письмо. Я совершенно согласен с Вашим предложением: принимаю единогласно! Будем в Новом Году себя вести хорошо. Насчет того, что я снял посвящение с «Камбалы» — прошу прощенья. Но дело в том, что я с детства не люблю рыбы. Ей-Богу. А вообще я был бы, конечно, очень польщен Вашим посвящением. Только, чур, не на рыбьем, а что-нибудь такое — чудесное, лирическое.

> Забудь, забудь твой петербургский голос,
> И желтый пар, и белую Неву...[362]

Видите, какой у меня вырвался экспромт. Думаю, что для Терапиано это были бы прямо эпохальные строки. Не согласны? Кроме шуток. Одним словом — «инцидент исперчен».[363] И не забывайте «Нью Ревью»,[364] как оно не забывает Вас. Привет И. В.

Дружески Ваш

Роман Гуль.

59. Георгий Иванов - Роману Гулю <Февраль 1955>. Йер.

<Февраль 1955>
«Beau-Sejour»
HYERES. Av. du XV Corps
(VAR) [365]

Дорогой Роман Борисович,

На этот раз я не ответил сразу на Ваше милое письмо только потому, что оно пришло в разгар нашего отъезда. Хлопот и беспокойств было столько, что до сих пор не можем опомниться. Но, наконец, дело сделано и мы на юге: солнце, море и бесплатная крыша над головой. Очень рассчитываю, что очухаюсь здесь после парижской жизни, бывшей в последнее время, мягко выражаясь — непереносимой…

Хорошо. Все-таки я еще только начинаю двигать руками и ногами, так что не судите строго это первое послание. Не хочу откладывать. Во-первых, я, по-видимому, так и не спросил — в беспамятстве — чем Вы были больны? И прошло ли теперь? И, конечно, искренне извиниться (потому что, сами должны это знать, несмотря на наши глупые стычки, что я — мы оба — Ваши настоящие друзья и не сомневаемся — фактами подтверждено — в «взаимности» с Вашей стороны) — что писал Вам так, когда Вы хворали. Но passons*: «если надо объяснять, не надо объяснять»[366] — Вам что — что, «объяснять» вообще не надо. Тоже знаете сами.

Последним парижским впечатлением, кроме грязи, слякоти, денег, билетов третьего класса (до 1945 года больше пользовались слипингами![367]) были судороги заново возрожденного «Возрожденья». Чорт знает что. Яконовский, без преувеличения, спятил[368]. Новая редакция — Мейер — желающая делать, вместо раешника, который завела яконовщина — решили «создать» «образцовый» ежемесячник — fine fleur** российской культуры. Но с негодными, сами понимаете, средствами. Вроде как отштукатурить спешно кабак под мрамор и обозвать Зимним Дворцом. И, по размышлении, и довольно коротком, мы оба позволили себе роскошь отказаться от лестного предложения вернуться с почетом и даже с авансами, что для Гукасьяна почти невероятно. И очень рады, что могли себе эту роскошь позволить. Если бы не уезжали сюда на подножный корм

— конечно, взяли бы с наслаждением авансы и уселись бы в возрожденную — дурацко-черносотенную лужу. Черносотенную еще ничего, но идиотскую, хамскую, где и ничего не забыли, но и никогда ничему неучились[369]. Но если бы не отъезд и «крыша» — то, возможно, не то что «Возрождение», но и о Бурове бы новый фельетончик написал бы. И никакого бы стыда не испытывал. Хоть и пишу стихи о смерти, а дохнуть не хочется.

Стихи я Вам пошлю. Пошлю — и скорее, чем Вы можете думать, — и те воспоминания, о которых условливались когда– то в незапамятные монморансийские времена. Так что, пожалуйста, имейте меня в виду в смысле места. Через недельки три-четыре получите первую и довольно толстую порцию. Ведь я тогда же много написал, но перебелить черновика просто физически не мог. Теперь другое дело. Ну, рецензия об антологии, я думаю, погибла для вечности[370]. Мог бы и ее восстановить. Или лучше, думаю, плюнуть на нее. Да рецензия. Где же книжка «Нового Журнала» со знаменитой статьей о «Надежде»[371]? Уж будьте душкой, если еще не послали нам книжки Н. Ж. — бахните ее par avion. Также сообщите адрес и имя отчество Юрасова, чтобы поблагодарить. Ульяновскую статью тоже ждем прочесть[372]. Наверное, как всегда: поражаешься, даже когда не согласен.

Так же Сазонова. Надо ли ей посылать книги. Сюда я не привез ни «Атома», ни «Портрета без сходства», а других у меня просто нет. Не может ли она обойтись книгами, взятыми у кого-нибудь на месте. «Атом», кстати, да еще со статьей о нем Зинаиды Гиппиус, лестной свыше меры, я послал давно, по его просьбе, Завалишину. Пусть Сазонова возьмет у него. Как бы там ни было, убедите ее, что моя вялая реакция на ее желание написать обо мне — объясняется и оправдывается не невнимательностью, а совершенной затравленностью последних месяцев моего парижского бытия. Ну, надеюсь, Вы мне хоть кратко, но быстро ответите. Тогда и я напишу более толково и по существу. И. В. Вам очень дружески кланяется.

Ваш всегда Г. И.

*Не стоит говорить об этом, оставим (фр.).

**Элита, изыск (фр.).

60. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 февраля 1955. <Нью-Йорк>.

28 февраля 1955

Дорогой маэстро,
Был очень рад получить от Вас письмо и еще больше -

Рад тому, что живете в Варе,
Что играете на гитаре,
Что бесплатен и стол, и кров,
И от Вара далек Хрущев!

Но еще больше тому, что М. М. Карпович выхлопотал Вам прекрасную допомогу, которая докажет Вам, что жизнь прекрасна вообще, а в Варе в частности. Я не ответил Вам быстро, ибо я очень занят, так занят, как Вы никогда не были заняты в жизни. Хотя, может быть, в те времена, когда Вы в желтой гостиной какого-то клена принимали какое-то общество — может быть, тогда Вы и бывали заняты, но не тем, чем занят я «на сегодня», как пишут в советских газетах. Нет, правда, без шуток. Очень занят и очень устал. Кстати, с мюнхенской станции «Освобождение» пойдет мой скрипт,[373] кот<орый> я послал как-то недавно — о Вас, жуткий маэстро. Признаюсь — уточним — о Вас передавать в страну «победившего социализма», конечно, невозможно. Вы же развратитель пролетариатов, и можете их разложить... Но именно поэтому и оцените мою гениальность, как я подал Вас — я передал небольшой отрывок о Мандельштаме из «Петербургских зим», предпослав рекламное (Вам) предисловие: «друг Анны Ахматовы и Николая Гумилева, Георгий Иванов по справедливости считается лучшим русским поэтом за рубежом». Хорошо? Надо бы лучше — да некуда. Дальше уже — не пускают. И славу Вам даем, и деньги, и все, что хотите, а Вы все нас презираете, и только, как Петр Ильич Чайковский с бедной этой (как ее) Марфы Елпидифоровны фон Мек [374] — все требуете кругленьких и кругленьких... А наши-то труды — без оных ведь? Это грустно. Хорошо всегда, когда за эпистолярным стилем стоит эта возможность получения кругленьких — и стиль становится резвее. Нихт вар?* Это Вам не Вар (просто).

Кстати, где же Вы? В русском (публичном?) доме? Нет. прав да, напишите, это, вероятно, детище Роговского? [375] Одно время детище было красноватым, теперь, наверное — не так уж чтобы.

Вы интересуетесь моей болезнью? Ну, как Вам сказать, я рад бы был так еще полежать. Лежал прекрасно, первоклассно, уйти я вовсе не хотел! (Это из Терапиано.) [376] Госпиталь был чудесный — и с телефоном, и с радиоаппаратом — и китаяночки Вас обмывают каждый день, и негритяночки натирают через день. Вообще, чудо века. Теперь бегаю, как молодой. До поры до времени. «К чему скрывать?». [377]

«Возр<ождение>» видал. Что ж, ренессанс, как ренессанс. И масса материала, не принятого «Новым журналом». Это уже прогресс. «Грани» иногда составляются просто-таки весь номер из «отвергнутого».

Кстати, Завалишин (чтобы не забыть) говорит, что «Распад атома» у него и письмо Гиппиус у него. [378] И что если б Вы ответили ему своевременно, то заработали бы деньги (думаю, что врет, он Аполлон Григорьев — советский, но парень очень милый и теперь более-менее трезвый). Если Вы напишете ему письмо (а можете просто для него вложить это письмо в то, которое Вы пошлете мне — зовут его Слава, или Вячеслав Клавдиевич, что то же), чтоб он передал книгу и слова Гиппиус мне, он передаст. А нам это надо — для статьи о Вас, которая будет. Я даже думаю, не трахнуть ли мне о Вас эдакий памятник! Могу. Но как быть с гостиной желтого клена, Ваше Сиятельство? [379] Ее придется забыть, пожалуй. Начнем — с заграницы, а прежнее — заштрихуем издалека. Так? Завалишину напишите, вложите в письмо ко мне. Его адрес такой: <...> [380]

Послать Вам воздухом НЖ в Вар — не могли. У нас режим экономии, ужаснейший. Чертовский. Но Вы, наверное, уже получили номер из Парижа, посланный Жану Жироду? [381] А вот новую книгу — пошлем на Ваш новый адрес.

Кстати сказать, насчет того, что Вы нам что-нибудь пришлете, мы как-то перестали даже надеяться. Хотя вот к июньскому номеру и надо бы было прислать. Стихи. И прозу. Ведь должны же, ведь будете же писать — за кругленькие-то? Ну, вот и еще один гонорар ох... ох, чуть было не сказал непотребного слова — схватите (так будет лучше). Итак, умер Ставров, [382] умер Кнут [383] — да, года идут, идут. Ставров был на год старше меня, а Кнут и вовсе был мальчик, что-то под пятьдесят, кажется...

Адрес Юрасова: Владимир Иванович Рудольф <...> [384]

Поблагодарите его, он написал прекрасную рецензию, на которую обратили внимание множество человечества. Ей Богу! Мой друг, Марк Вениаминович Вишняк (с которым очень дружим) звонил и сказал, что самая интересная рецензия в номере! Вот до чего прославили, а все зря, все ни к чему, барыня опять недовольные. Итак, шлите все, что хотите, все будем печатать

крупным шрифтом, вразбивку — курсив ваш («отдай ему его курсив!», говорит, кажется, Остап Бендер [385]).

Теперь две строки всерьез: выходит Мандельштам, [386] хотите написать о нем? Но только без *неправды*. Если Вы не обманете нас, а напишете, то я Вам тогда пошлю. А не напишете, так и не просите. Думаю, что о Мандельштаме Вам все книги в руки. Это было бы очень интересно. Но ведь беда-то в том, что Вы неверный человек. С Буровым, наверное, куда верней, а нас как народников-интеллигентов, социалистов гуманитарного пошиба — презираете.

Одним словом, кончаю. А мечтаю, знаете о чем: о деревне Питерсхем, куда хотим завалиться в этом году пораньше — ах, как там здорово. Написал бы Вам о лесе, о зорях, о птицах, но знаю, что Вы урбанист и робко смолкаю.

Крепко жму руку, Ваш:

Роман Гуль.

И. В. — привет!

* Nicht wahr?(нем.) — не правда ли?

61. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 марта 1955. Йер.

10-III-1955
Beau-Sejour

Дорогой Роман Борисович,

Очень рад был получить от Вас и неподдельно дружеское и блестяще-забавное <письмо> — как Вы умеете, когда в хорошем настроении — писать. Я эту разновидность Вашего таланта очень ценю и письма Ваши, в отличие от большинства других, аккуратно прячу. Для потомства. И не одни лестно-дружеские, но и ругательные тоже. Для порядку и для контраста. Пусть знаменитый «будущий историк литературы»» разбирается в нашей «переписке с двух берегов океана».[387] Только будет ли этот будущий историк и будущее вообще?

В связи с моим пристрастием к Вашему «перу» (возвращаю комплимент из рецензии) — беру сразу же быка за рога. Ох, пожалуйста, напишите статью обо мне Вы. Вы, видите ли, не только блестяще пишите, но — как я всем говорю, писал и Вам — очень чувствуете стихи. И Ваше мнение о моих стихах получится обязательно интересным и живым. Сазониха же, между нами, м. б., и более ученая, но тот же Терапианц в юбке. Я не имею страсти М. А. Алданова или покойного Бунина к пышным похвалам, пусть дурацким. М. б., это и важно для механики славы... Хотя и «слава» делается не тупицами, а живыми и талантливыми людьми. Короче говоря — очень буду рад, если Вы и именно Вы это сделаете. Судите сами — как быстро я «реагирую» на Ваше «не трахнуть ли мне о Вас...» И как вяло отзывался на Сазонову. Трахните, трахните. И пишите, что думаете, выйдет, ручаюсь, отлично.

Теперь — о Мандельштаме —- я с наслаждением напишу. Не подведу. Ручаюсь даже за досрочное перевыполнение плана, если пришлете авионом. Можете на этот раз мне поверить.

Спасибо за рекламу обо мне в радио. Удивляюсь, как это Вейдле не запротестовал. Он меня, заслуженно, не переносит: я его, в свое время, м. б. помните, дюже и не раз «обижал в печати». [388]

Обязательно буду посылать Вам отрывки из моего нового oeuvr'a, т. е. воспоминаний. Работа над ними у меня в полном ходу. Ничего получается, по-моему. Задержка (в смысле посылки Вам отрывка) только в том, что я хочу «начать с начала» так,

чтобы в дальнейшем была хотя бы и отрывчатая последовательность. Черкните, какой, собственно, срок в моем распоряжении для этих первых (20-23) страниц.

Да,

Мы вымираем по порядку,
Кто поутру, кто вечерком.[389]

Ставров, Кнут, милейший дюк Гаврила,[390] незаконно объявивший себя Грандюком в эмиграции. Кстати, совсем недавно он был еще настолько в здравом уме, что весьма ловко сыграл роль сына Лейтенанта Шмидта: явился к Гукасову и загнал ему за 50 тысяч франков пачку «неизданных» стихов «августейшего родителя» К. Р. — перещелканных из собрания стихов последнего издания 1908 года. «Умер бедняга», «Помню порою ночною» [391] и пр. Теперь они в портфеле редакции Ренессанса и там, кажется, колеблются, не поместить ли.[392] «Все-таки августейший покойник, да и денежки крупные».

А Сережка Рубинштейн? [393] Будь я на четверть века моложе, трахнул бы я о нем «Парижскую Зиму», пальчики бы облизали. Но не те времена, не то перо, да и сан не позволяет.

Ставров был холощенная бездарность. А вот Кнута мне жалко.

Не получили книги с рецензией Юрасова. И, вероятно, не получим. Почта наша не то, что при Манделе. [394] Пересылают, когда соблаговолят. Заказное письмо недавно дошло до меня, побывав по очереди по всем «Beau-Sejouram» Ривьеры. Пришло грязное и растрепанное спустя месяц. Так то заказное, простым бы в первом же Beau-Sejour'e просто потерялось бы. Еще малость подожду, потом уж будьте любезны, не взирая на расходы, отправьте дубликат avionom. А то какой-то заколдованный круг с этой заметкой Юрасова.

Да вот еще. Не могли ли бы Вы прислать на адрес нашего русского библиотекаря пачку старых, какие есть, № «Нового Журнала» - сделаете хорошее дело. Здесь двадцать два русских, все люди культурные, и дохнут без русских книг. Не поленитесь, сделайте это, если можно.

Ну, нет - это не русский дом Роговского, я там живал в свое время [395] за собственный счет. Было сплошь жульничество, грязь и проголодь. Здесь дом Интернациональный - бывший Палас, отделанный заново для гг. иностранцев. Бред: для туземцев с французскими паспортами ходу в такие дома нет. За нашего же брата апатрида (любой национальности) государство вносит на содержание по 800 фр. в день. *Только на жратву*. Так что и воруя

- без чего, конечно, нельзя - содержат нас весьма и весьма прилично. От такой жизни не хочется опять умирать и буду жалеть, если все-таки придется. Тогда хоть умру с комфортом. И так почем зря выписывают мне разные ампулы по 1500 фр. коробочка, уговаривая: только не забудьте принять. Впрочем, доктор осел и едва меня уже не отравил. Но passons...

Чтой это Вы написали насчет гостиной желтого клена? Не совсем сообразил, на что намекаете. Были, конечно, какие-то дурацкие стихи Игоря Северянина в таком духе, посвященные мне. [396] Но почему из этого следует вывод «начнем с заграницы» - т. е. в Вашей будущей статье обо мне. Или это значит, что Вы в моей доэмигрантской поэзии не очень осведомлены. И плюньте на нее - ничего путного в ней нет, одобряли ее в свое время совершенно зря. Впрочем, если Вы, действительно, обещаете написать эту статью, я Вам кое-что пришлю, для чего Сазоновой, к сожалению, не имел.

Ну Ир. Влад. Вам нежно кланяется, а о заячьем тулупчике...

Жму Вашу руку. Черкните в свободную минуту, не только по делам, а и «для души».

Ваш Г. И.

P.S. А мои желтые лоферы? А куртки с тиграми и пр., которые я уже умственно переживал на ногах и плечах! Не прислать ли все-таки, раз дружба восстановилась, мерку и пожелания? Если, конечно, это - т. е. посылка - возможна...

Эту страницу оставил нечаянно белой и, чтоб не пропадала, рисую свой портрет. [397]

62. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 мая 1955. Йер.

10 мая 1955
Beau-Sejour
Hyeres. (Var.)

Дорогой Роман Борисович,

Я выждал три дня после получения от Вас ледерплякса, т. к. надеялся, что за ним последует, наконец, долгожданное письмо от Вас. Убедившись, что Ваше (двухмесячное) молчание продолжается — пишу.*

Прежде всего, конечно, очень благодарю за лекарство. Не знаю, по Вашему ли лично почину или М. М. Карповича послана такая роскошная порция, благодарю вас обоих (или Вас одного, если М. М. тут не при чем) — очень прошу помнить, что при ближайшем гонораре стоимость ледерплякса обязательно должна быть вычтена. Если уж подвернулся гонорар под руку, то делаю заявку на через номер, т. е. на № 42, для которого собираю роскошный «Дневник» и такой <же> роскошный отрывок прозы. И то и другое получите в непривычно отшлифованном виде, «лучшие слова в лучшем порядке».[398] Конечно, если Мандельштам выйдет до верстки рецензий № 41, то, прислав мне по воздуху экземпляр, — получите рецензию вроде как с обратной почтой: перо мое теперь разгулялось, а о Мандельштаме я знаю, что хочу сказать.

Перо разгулялось над воспоминаниями. Но главным образом я страстно пишу (покуда во всех смыслах «еще есть время») то, чего никогда не мог написать в суете парижского существования и для немедленной печати. То есть записываю то, что умрет со мной. Не вря, не стесняясь. Не свожу никаких счетов (разве с самим собой), но и не начищаю никаких самоваров. Пишу документ с примесью потустороннего. Не думайте, что я спятил или чересчур занесся. Во всяком случае это, по возможности, будет «чистая монета». Смеялись ли Вы, читая душку Ульянова, умилившегося над беспристрастием Ходасевича.[399] Я смеялся и грустил. Вот как, на глазах, меняется перспектива. Сплошная желчь, интриги, кумовство (и вранье в поддержку этого), каким, как я думаю, Вам известно, был покойник, стал (и для такой умницы, как Ульянов) этаким «аршином беспристрастия»»!

Я опять расписался, между тем как будто пишу в трубу — Вы

же два месяца на самые нежные письма не отвечаете, а м. б., и — кто вас знает — Вы человек загадочный — и не читаете. Возможно, что Вы опять за что-то (что?) на меня вознегодовали? Уж не ознакомились ли впервые с «Распадом Атома» и стошнили. Тогда Вы не единственный. Между прочим, это действительно лучшее, что мне удалось написать.

Рецензия Юрасова хороша во всех отношениях. Огоньку только не хватает. Вы бы, к примеру сказать, написали бы лучше. Но выходит, что я к Вам подъезжаю со статьей о себе, с которой получилось как будто «я к Вам всей душой, а Вы меня мордой об стол».

И. В. кланяется и благодарит за Юрасова. У нас райская весна, но скоро, увы, должна ударить жарища. Но пока рай: «Вишняк в цвету, Соловейчики так и заливаются».** [400]

* <На полях:> Последнее Ваше почтенное письмо, на которое было быстро, обстоятельно и нежно отвечено, от 28 февраля!

** <На полях:> Умоляю, не забудьте написать, что с Чех<овским> издательством. Кровно заинтересован в смысле сочиняемой мною книги. [401]

63. Роман Гуль - Георгию Иванову. 14 мая 1955. <Нью-Йорк>.

14 мая 1955

«Сквозь рычанье океаново
Слышу мат Жоржа Иванова»

Дорогой Георгий Владимирович, некоторые литературоведы-шкловианцы настаивают, что во второй строке в слове «Жоржа» ударение должно быть на последнем слоге, другие социалистически-реалистического направления — утверждают, что ударение должно быть на первом слоге. Я, собственно, склоняюсь к шкловианцам. [402] При таком ударении создаются всяческие океанские (и не только океанские) ассоциации с «моржом» и пр. И так — лучше, по-моему. Теряюсь в догадках, что больше понравится Вам. [403] Но вообще строки — «на ять».

Итак, получил Ваше письмо. Вы совершенно правы, когда, негодуя и любя, упрекаете меня в столь глубокой паузе. Ничего поделать не могу. Такова жизнь. Оченно затрудненная. И писать письма — крайне желательно, но трудно. Но мы Вас никак не забываем, в чем Вы и И. В. можете убедиться, глотая витамины ледерплекс каждое утро — под соловьиные трели и прочие прелести Вашего чудного Вара. Но больше того. На горизонте появляются и другие доказательства дружбы в виде — наконец-то: рыжих лоферов, мокасинов и прочего. Но это требует совершенно особой баллады об американском графе. [404] Этого американского графа Бог сотворил так, что все с него — тютелька в тютельку на Вас. И для того, чтобы послать Вам лоферы и прочее, надо было разыскать графа и доказать ему, что он должен — в Вашу пользу раздеться. Граф не возражал и, как всякий граф, был демонски хорош при этом. И вот 10 мая к Вам ушла небольшая, но не без приятности посылка с вещами этого самого американское графа. В ней — рыжие лоферы и мокасины (для неграмотных - легкие туфли индейского стиля, носимые в Соединенных Штатах Америки, а также и в других странах). Серый костюм - легкий, совсем легкий, совсем летний - специально для соловьев, для роз, для неутруждаемости плечей поэта. Костюм этот у графа только что пришел из чистки, так что его надо только выгладить. Далее две рубахи — какие рубахи граф положил — не упомню. Три галстука, из которых один

галстук граф отдавал не без рыданий. И последнее — такой конверт из пластики, и в нем пальто из пластики на случай дождя, если таковые идут в Варе. К этому самому пальту приложен Скач Таил, то есть такая клейкая бумажка, но это не бумажка, а только похоже на бумажку, это пластика, и если где надо будет со временем починить это непромокаемо-непроницаемое пальто для дождя, то — вот именно этим самым скач тайпом. Вы посмотрите только, какой этот граф — миляга, внимательный, хоть и забубённый. Да и две пары носков. Вуаля, се ту.* Большего у графа отнять никак не мог. Граф стал упираться, хныкать, ругаться. И я решил оставить его пока что в покое — до следующего налета. Но граф оч<ень> просил (странные бывают эти графы), чтоб я ему доподлинно сказал, что и как Вам подошло, чем Вы довольны, чем недовольны и вообще все такое прочее. Так что будьте уж любезны, маэстро, когда получите, напишите. Получите, вероятно, к самому сезону жары — числа 15-20 июля. Вуаля. Точка.

Теперь переходим к пустякам, то есть к поэзии и прозе. Вы грозитесь прислать всякие вкусные и чудные вещи. Мы в восторге. Но почему так небыстро? Конечно, Вы мне можете возразить и не без резона про кошек (если Вы знаете эту грубую поговорку, [405] которая была в Пензе, а, м. б., в Петербурге у Вас даже вовсе и не употреблялась?). Но допустим, что употреблялась и что Вы возражаете ей — но все-таки. Прислали ли бы Вы ч<то>-н<ибудь> к сентябрьской книге, вот это было бы правильно, а Вы хотите чуть ли не к декабрьской, под самый занавес, так сказать. Поторопитесь, маэстро. И стихи, и прозу. Будет чудесно. И всем приятно. Если Вы уже написали балладу о дружбе через океан — то пришлите и ее для воспроизведения. В ответ на начало моей баллады, кое даже приведено как эпиграф к этому месиву. Итак, идем дальше. О статье о Вас. Вы знаете, я готов. То есть, готов написать. Еще не решил как — в линии ли статьи о Цветаевой или в линии статьи об Эренбурге (в посл<едней> кн. НЖ). Но готов. Внутренне готов, знаю, что написать (уже есть в душе «мясо» этой статьи). Но беда-то в том, что у меня нет материалов. Есть только «Распад атома». Причем Вы не правы, сейчас меня не стошнило, меня стошнило гораздо раньше, когда «Распад» только что вышел. Ты опоздал на двадцать лет... и все-таки тебе я рада.[406] Нет, без шуток, хоть и тошнит, но «Распад» — ценю очень. Но вот как со стихами? У меня нет ничего. Я ведь из тех, кто не собирает никаких книг. «Маэстро, я не люблю музыки».[407] А для того, чтоб вжиться в Вас — нужно же начитаться. Здесь достать — едва ли ч<то>-н<ибудь> могу. М. б., Вы мне пришлете заказным пакетом (простой почтой). А я Вам

также заказно верну все в целости и сохранности. Допустим, что ранних стихов не надо (кое-что помню), но нужно все, что было издано заграницей. Беспременно. Без этого нельзя. А я бы, поехав в июле (первого) опять в тот же лес, в то же стюдьо, где жили с женой в прошлом году (Питерсхем), — там-то вот бы и написал статью, как надо. ИСТОРИЧЕСКУЮ. Ну, как — «Мендель — критик Гете» [408] или ч<то>-н<ибудь> такое добролюбовское. [409] Ей Богу. Даже знаю, с чего начну. Не догадаетесь — с цитаты из Михайловского, да, да — насчет этики и эстетики (про Каина и Авеля). [410] Не пугайтесь, не пугайтесь, Вы, конечно, будете Каином, я Вас не оскорблю никакой неврастенией...[411] Ну, так как же? Можете мне помочь в этом монументальном всечеловеческом деле? Напрягитесь. Попробуйте. Главное, не бойтесь прислать. Я верну все до ниточки. Я аккуратен, как Аенин (ненавижу эту собаку, но знаю, что он был оч<ень> аккуратен, даже педантичен, сволочь!). Итак, жду от Вас ответа, как соловей лета. «Чеховское изд<ательст>во» еще живет, еще вздыхает и официально до 1956 года (сентября) будет жить. Так говорят. Но м. б., будет жить и дальше, говорят, что они скопили (смешное слово! сколько выкинули псу под хвост!) какие-то деньги, кот<орые> им разрешат, м. б., прожить еще. Так что еще не все надежды потеряны. Пишите, пишите.

Рад, что отзыв Юрасова понравился И. В. Это гораздо лучше, чем если бы писал я. Рабочее. А это существенней всяких похвал. Одним словом. «Новый журнал» имеет честь просить Вас обоих оказать честь его страницам и присылать все, что сочтете нужно-возможным.

За сим сердечно и дружески Ваш: Гуль-американец.

Сердечный привет Ир. Вл.

Я все мечтаю - выпрыгнуть - устроить что-нибудь в кино иль на театре. А то так работать и жить «надоело столько», как говорил один немец, переводя с немецкого langweilich geworden.

Ваш *Роман Гуль*.

М. М. уезжает в самом начале июня и, вероятно, до 15 сентября в Гонолулу. Будет там читать лекции (научная командировка). Вот это приятно!

*Voila, s'est tout (фр.). - вот, только и всего.

64. Георгий Иванов - Роману Гулю. 24 мая 1955. Йер.

24 мая 1955

Сквозь рычанье океаново
И мимозы аромат
К Вам летит Жорж Иванова
Нежный шопот, а не мат.

Книжки он сейчас отправил – и
Ждет, чтоб Гуль его прославил – и
Произвел его в чины
Мировой величины.
(За всеобщею бездарностью.)

С глубочайшей благодарностью
За сапожки и штаны.

Г.И.

Hyres, 24 мая 1955 г.

65. Роман Гуль - Георгию Иванову. 11 июня 1955. <Нью-Йорк>.

11 июня 1955

Дорогой Георгий Владимирович,

Во-первых. У меня к Вам большая просьба. Нет ли у Вас связи с писательницей Ириной Одоевцевой? Если Вы с ней знакомы и Вам не трудно с ней снестись (о, пожалуйста, только без эспри маль турнэ!*), то не будете ли Вы так любезны — поговорить с ней от нашего имени вот о чем. Кстати, отчество ее, кажется (я не уверен) Владимировна, так же, как Вы, это легко запомнить. Итак, поговорить надо вот о чем: нет ли у нее для НЖ рассказа или отрывка какого-нибудь (кругленького). Мы бы с удовольствием взяли, она очень давно у нас не появлялась, и адрес ее в редакции затерян. Хорошо бы рассказ. Но м. б., какой- нибудь отрывок из новой книги (а м. б., из книги о Гумилеве — если это возможно по издательско-редакторским условиям ее с Мюнхенским Изучением Мировой Культуры и Всемирной Истории по краткому курсу ВКП(б)). Отпишите нам, пожалуйста, о Ваших переговорах или переписке с Ириной Одоевцевой (междкупоны [412] для этого прилагаю). Это одно.

Во-вторых. Сегодня получил Ваши книги (заказным). Итак, стало быть, отступлений нет, буду писать. Хотя это, конечно, не так просто, как Вам кажется. Я думал было начать статью так (примерно): «Когда я читаю стихи Георгия Иванова, мне хочется лишить его гражданских прав, посадить в тюрьму, а, может быть, даже и приговорить к казни через повешение». Может быть, варьянт: «лишить его всех прав состояния». Может быть — эту тираду вложить не в свои уста [413] (пожалуйста!), а в уста своего доброго знакомого (какого-нибудь дяди Бонифация [414]). Вот видите — до чего Вы меня довели. Посмотрим. Буду вчитываться. Дело в том, что я не могу писать (если пишу всерьез, а я почти всегда пишу всерьез) так — чтобы меж мной и бумагой (на которой пишу) — *было расстояние*. Это халтура. И это неприятный процесс (если есть расстояние). А я пишу, как стихи, без расстояния (должен так писать, музыкально) — тогда будет хорошо, но это происходит тогда, когда — тема наиграет внутри тебя музыку — и когда эта музыка тебя поведет. Так что тут не может быть «литературищи», «фальши» — многоуважаемые читатели, как я уже сказал в своей предыдущей статье и пр. и т. п. Ну, буду «наигрывать» Вашу музыку, наращивать... чтоб потом

дать симфони тражик...**

В-третьих, От Вас — ничего. По правде сказать, я думаю, что Вы врете, когда пишете, что пишете. Я думаю, что сидите Вы в этом самом Варе в каком-нибудь варском или даже варварском кафэ, дышите неплохим воздухом, смотрите, что кругом деется, тянете какой-нибудь там восхитительной окраски гренадин, вообще живете, живете, как и подобает поэту и человеку, а — писания побоку. Или на самом деле пишете? Было бы чудно, но по той глубокой паузе — что-то не верится. А было бы очень хорошо, чтоб за петербургскими зимами последовали какие-нибудь там — парижские вечера. Говорите правду: пишете или нет? И почему их нет, если пишете? Ждем с агромадным интересом. И стихи, конечно. Но что стихи пишете — в этом я уверен. Это не требует усидчивости, как проза.

В-четвертых. Представьте себе, я нашел другого американского графа. Правда, он не граф, но все равно. Это будет его псевдоним. И вот этот самый второй граф — тоже разделся и дал оч<ень> неплохой серый — легкий, но шерстяной костюм — в мелкую клеточку, костюм оч<ень> неплох; жена послала его — для очистки совести — в чистку, хотя он был чистый, так что к Вам он придет совершенно чистенький, как с иголочки, только разгладьте. К нему будут доложены какие-то графские мелочи, и все на днях уйдет к Вам. Я прикинул его на себя, костюм малость мне широковат, но опять же не очень, так что, думаю, Вам будет тик в тик, ибо Вы в моем представлении несколько полнее, чем я сейчас стал — я стал худ и «строен как тополь киевских высот» [415]

В-пятых. Все. Больше ничего нет.

В-шестых. Мой Михаил Михайлович сегодня приезжает Нью-Йорк и во вторник улетает в Гонолулу, на длительный срок, будет там читать лекции каким-то таким местным шеколадным людям. Это чудесно, ничего не скажешь.

В-седьмых, шлю Вам пламенный привет и жду ответа, как соловей лета. Сегодня получил стихи от Моршена. [416] Очень неплохо. Свой почерк - явный, пробивается своя мелодия.

В-восьмых. Читал воспоминания Маковского. [417] И думал, как он много мог бы рассказать... и как он плохо рассказал даже о немногом: чересчур уж «громко пишет», «громко думает», до того «громко», что везде только и видишь его, автора (и без всякого удовольствия), а — портреты тонут в «громкодумании» этого самого автора. И музыкальности письма нет никакой — ну, совершенно никакой.

А вот, даже в-девятых. Один старый друг Андрея Белого [418] написал мне оч<ень> интересное письмо, в котором упоминает,

что Белый рассказывал ему много о Блоке, но эти рассказы — «о фиолетовом цвете», о «запахе ночной фиалки» и пр. — совершенно нецензурны. Хочу попросить его написать мне, какого же характера была эта блоковская нецензурность? Читая эти «фиолетовые» штуки и «запахи ночной фиалки» [419] — я явно чувствовал, что под этим лежит какая-то «эротика в подворотне», но какая? Жду разъяснений от моего корреспондента. А что Вы думаете об этом деле?

Чувствую, что надоел, кончаю. Всего Вам хорошего! Да, за стих — спасибо — первый класс! Он мне доставил острую радость на дня два-полтора. И тихую длительную — надольше: «Мерси и до свидания». Это из стихотворения (какого-то большевицкого) о Лиге Наций: «туда приедет большевик — а большевик к боям привык — распустит все собрание — мерси и до свидания». [420]

Итак, мерси и до свидания!

И. В. сердечный привет!

Дружески Ваш:

<Роман Гуль>

* «Esprit mal tournet» (фр.). — «извращенный ум». Здесь — «превратное понимание».

** Symphonie tragique (фр.). - трагическая симфония.

66. Георгий Иванов - Роману Гулю. 15 июня 1955. Йер.

15 / VI 1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

1. «Графа» очень, очень поблагодарите: все вещи доставили не то что удовольствие, а наслаждение, все пришлось тютелька в тютельку, кроме как штаны дал подкоротить — у графа более тонная фигура, чем у меня.

Сообщение, что еще следует костюм, меня даже смутило: дело в том, что лицо, к которому я по Вашей просьбе обратился, обратился с поручением о рассказе (оно Вам пишет отдельно) — и так смотрит жадными глазами на мой возрастающий гардероб. Я ей отдал, правда, какую-то кофточку, которая в этот гардероб затесалась, очевидно потому, что граф в спешке великодушно сунул блузку своей подруги, которая в то время сидела в ванне. Я ее (т. е. лютую до тряпок сызмальства m-me Одоевцеву) — утешил тем, что когда прийдет от Вас посылка мне, я как-нибудь тонко намекну о ней, а тут вдруг мне опять роскошный серый в яблоках, как у Бендера[421], костюм, а ей шиш.

Пишу так нахально, потому что, м. б., Вы, засев в Вашей деревне у какой-то любезной мисс, сможете цапнуть, как в прошлом году, побольше женских тряпок (м. б., и какие «вроде пижамы» найдутся) и удовлетворите женские инстинкты известного Вам политического автора[422]. Конечно, если это по-прежнему возможно и нетрудно.

2. Напишите, душка, обо мне. Пишите, что и как хотите. Честное слово, никогда ни к кому так не лез (и вообще не лез) с просьбой обо мне писать (эпизод с Сазонихой — некое доказательство). Без лести: Вы чувствуете стихи поразительно. Откуда это у «профессионального прозаика», не знаю, но это факт. Я это направо-налево многим из нашей братии говорил. Все делали фе, как и полагается. Я было заподозрил Вас авансом, что Вы собьетесь на Клюеве[423] и, прочтя, вполне оценил лишний раз. Вот почитайте Адамовича в «Опытах»[424] — какое солдатское сукно и тут же иллюстрацией его же стихи вроде как «из Мюссе». «Вестник Европы» 1900 года. Тридцать лет ломанья и притворств и напущения тона, а король голый. Я, кстати, тоже прескверно

пишу рецензии, на это у меня нет контакта с бумагой. Но я хоть их понимаю. А Зинаида Гиппиус, как бесталанно писала, когда хотела сказать лучшие слова. Вообще о поэзии писать в сто раз труднее, чем поэзию создавать. Брюсов (представьте), Гумилев (и да и нет)… Анненский (иногда) и обчелся. И не потому я Вам так комплиме<н>тю (или щу?), что мне хочется на старости иметь статью от Вас (вроде как «ребенка от»), хотя не скрываю, что мне очень хочется, но потому еще, что это, как бы сказать, «правое дело». Для удовлетворения требований какой-то гармонии, которую вообще критика только и делает, что коробит. Ну, язык мой заплелся и, считая почерк, м. б., до Вас «сквозь рычанье океаново» долетит не<нрзб>-не разборчивая белиберда.

И, пожалуйста, обязательно не оглядывайтесь — пишите, что и как хотите. Как вот письма пишете, когда в дружеских чувствах, а не злитесь.

Для справки: кроме разных книжек, изданных в России, которые чистое говно (беспримесно — аполлоновско-цеховое) и плюс штук пятьдесят, помешенных в Вашем почтенном журнале (в №, кажется, 25 [425], еще до Вашего редакторства есть 20 штук, из числа которых некоторые мне дороги) — в двух книжках присланных Вам, весь Георг. Иванов. Не густо. Но уж это Ваше графское дело.

3. Ну как правильно, насчет Маковского! Вы этого фрукта не знаете. Я его первый любимчик в «Аполлоне» с 1913 года (18 лет отроду). Гумилев сказал: пока я проливал кровь на фронте (в маршевом эскадроне, кстати) — ты, воспользовавшись слабоумием папа Мако, загадил лучший русский журнал. И прав был: я писал там околесицу. Ахматова, на приеме в «Аполлоне», в самом начале моей карьеры, где я очень радовался своему появлению в таком святом святых, обняла меня за плечи и сказала. «Дружок (она была дама и знаменита, а я сопляк) дружок — я очень рада за Вас — но запомните хорошенько – *Маковский* – *гад* и все его стихи». [426]Душка Н.Н. Врангель[427], восхитительное существо, понимавший кстати, насквозь поэзию – соредактор в первые годы «Аполлона» – на заседании редакции сказал: «Ну, теперь, кажется, у нас все в порядке: бумага есть, клише наладили, Сергей Константинович дал честное слово не печатать ни одного собственного стихотворения».

А вот нравится. Мой знаменитый друг Померанцев[428], оставшись в Париже без присмотра, бахнул в «Новом Русском Слове» (посмотрите № от 8—V— 55) панегирик. И все он, т. е. Маковский, врет — он на первых порах презрительно отзывался об Анненском, а Мандельштама — «какого грязного жиденка» — просто не хотел брать. Просто палками Гумилев и Лозинский

заставили его напечатать

Имею тело: что мне делать с ним
Таким единым и таким <моим>
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло. [429]

Он же, т. е. «папа Мако», вернул Блоку в 1914 году «Мы дети страшных лет России»[430] (или что-то вроде, столь же знаменитое): «Не совпадает с патриотическим порывом „Аполлона"» (его слова).

О глупостях и низостях этого холуя в монокле можно бы написать целый том. И вот ему 83 года. И проживет до 100, как его мамаша[431], бывшая (настоящая красавица) и б. Та, впрочем, была не без очарования. За два года до ее смерти ее спросила одна дама: «Скажите, а много у Вас было любовников?» Ответ — Не спрашивайте — завидовать будете! Ведь мило? «П-а на распашку» (есть такое выражение, или я автор).

Пишу, пишу и сомневаюсь, что Вы разберете. Я еще стараюсь вырисовывать буквы. Утешаюсь, что перед Маклаковым или Керенским пишу каллиграфически.

3. (нужно 4. — Публ.) Вы спрашиваете 1) сперва (в прошлом письме) из каких кирпичей моя книга, 2) выражаете законное сомнение, пишу ли или вру, что пишу. Пишу. Гренадинов, как Вы выражаетесь, я не пью, ибо гренадин — к Вашему американскому сведенью — безалкогольная мерзость. Хороших же, вроде мандаринов, тоже не пью. Потому что у меня давление 29 [432] и питье грозит кондрашкой, не в отдаленном будущем, а моментальной. И «намеки» были уже не раз. Но пока есть денежки, пью понемножку вина и кофе. И т. к. бегать по Парижу, клянча 1000 фр., незачем, то пишу даже с удовольствием. Кирпичи же разные. Есть (и еще должны быть) неудобопечатаемые, хотя и очень серьезные без злобы (сознательно), без блеска (не выходит — не хочется). Счеты свожу только с самим собой. В целом может получиться Les Memoires d'outre-tombe[433], которых Вы в Америке не читали. Я листал у одного маршана, ибо стоит что-то 40 000 и был поражен: весь Шатобриан дотоле известный подтирка перед ними. «В принципе» я так настроен, что опять-таки «в принципе» у меня могло бы получиться, хоть частично. Но вроде этого. Но всякие но. Кончатся (кончаются) Карповические денежки, кончатся приятные прогулки по вечерам и поездочки, и перейду на валянье на

кровати с очередным полицейским романом. Но пока пишу и, надеюсь, кое-что напишу. Вам обоим кирпич пришлю скорее, чем думаете. Переписка меня пугает: писать приятно, переписывать скучно. Но обязательно получите, м. б., сразу оба, честное слово. Бич мой — хаос бумаги, которая меня одолевает. Да и к какому сроку надо слать, чтобы даром не валялось. Ох, чего там объяснять — понимаете сами, я лентяй, был им и умру. А мучиться всячески мне последние годы приходилось до черта. Видите ли Вы Терентьеву, пощупайте у нее, издадут или нет. Энергия моя бы сразу удвоилась.

В тени 29, на солнце 40. Восхитительно свежо, а не жарко. Hyeres не местечко, а пышная некогда резиденция королевы Виктории. Отсюда же Людовик Святой (или какой там) отбывал в Крестовый поход. Кругом восхитит<ельные> горы и на каждой по несколь<ко> замков с башнями и зубцами. Сосны и виноград и пальмы — все перемешалось. В отличие от Ривьеры вообще растительность бурная и пышная. Все в олеандрах и прочем. Одна шикарная улица с бриллиантами и шелковыми пижамами, которые никто не покупает. Прогулочное место, не посещаемое туристами. Местная публика итальянс<кого> жанра, лентяйская и доверчивая. В любой лавчонке если скаже<те>, что забыли деньги — дадут в кредит, не то что в Париже. Хоронят, если помрешь, в братской могиле. Среди клиентов «Beau-Sejour» похож на льва граф Замойский [434], прибывший прямо из залов мраморного дворца в Варшаве в одних штанах. Не унывает (75 лет) и гордится изготовлением водки, которой норовит каждого угостить. И прочие графы и князья, тонный бридж, поцелуи ручек. Вперемежку с этим (в большом количестве) красные испанцы из той категории, которые никак не могут вернуться к Франко [435] — там их ждет заслуженная виселица.

Ну, вот. Целую Вас (извините за нежную вольность).

Одоевцева пишет особо.

Ваш *Жоржа* .

Поблагодарите, пожалуйста, Ольгу Андреевну за память и поцелуйте от меня ей ручки.

Ну, стишок напрасно хвалите – коряво получилось (вот знаете ли Вы мою Арбу 1921 г.? [436] На почте сочинил).

67. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 30 июня 1955. <Нью-Йорк>.

30 июня 1955

Дорогая Ирина Владимировна,

Я хотел ответить Вам на Ваше, как всегда милое, и как элегантное, письмо [437] — большим письмом и обязательно со стихами (ибо еще в «Силуэтах» Айхенвальда сказано: «Одоевцева всегда тайно увлекалась стихами Романа Гуля, что отразилось на темпераменте ее творчества» [438]), но — лишен возможности. Дел выше головы. К тому же — собираемся уже в отъезд. Поэтому — кратко. Очень буду рад Вашему отрывку. Я не знал, что Вы «продолжаете». [439] Это оч<ень> хорошая и дельная идея. Помимо славы, я уверен, что Вы на этом разбогатеете фильмово. И переводно. Жду обещанного (но не два года, а стремительно). Шлите — на «Новый журнал» — с 8-го мы будем в Питерсхем. Так что можно и на Питерсхем, но я думаю, что Вы обернете<сь> еще сюда. К тому же мне все аккуратно будут пересылать в Питерсхем, тут потери времени не будет. Адрес в Питерсхем очень прост: <...>.

Стало быть, это кончено. Жду. Передайте Г. В., что он тоже в долгу и что мы не поверим в его трудоспособность и кредитоспособность до тех пор, пока не вложим персты в его «раны» — т. е. в рукопись. Стих Ваш — последний — про Наташу — вышел вчера из печати [440] и направляется к Вам в Бо сежур. Тем самым стихи «закруглились». Пока что, чтобы не задерживать письмо, — кончаю, тороплюсь. В Питерсхем О<льга> А<ндреевна> будет думать, как Вас отряпить. А уж ежели будет думать... то отряпит... так думаю. Передайте Жоржу, что граф был очень рад услышать, что его вещи подошли и сказал, что он будет стараться. Серого в яблоках, говорит, вышлет на днях. Я хочу думать, что он не врет. Хотя графья страшные брехуны. - «А скажите, пожалуйста, кто же муж графини? — Графин?»

Кончаю (который раз!), и все никак не могу. Вспомнил, что Г. В. оченно интересуется «фиалкой». Узнал. О, ужас, о позор! Не могу этого написать в письме к Вам — никак — уж оченно ароматно. Но в письме к Г. В. напишу и буду надеяться, что он Вам не расскажет ни при каких обстоятельствах.

Цалую Ваши ручки

Искренно Ваш <*Роман Гуль*>

Г. В. - сердечный привет!

68. Георгий Иванов - Роману Гулю. <16-17 июля 1955>. Йер.

<16-17 июля 1955>
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Вижу Ваши сердитые глаза. Ну, пожалуйста, не дуйтесь: здесь уже две недели как 40—42 в тени. Не только писать невозможно, но даже дышать. Чтобы, насколько в моих силах смягчить Ваш гнев, посылаю маленький дневник. Сообщите, пожалуйста, до какого срока можно дослать несколько штук стишков, чтобы попало с этими в ближайшую книжку (но так, чтобы иметь корректуру и того и этого). Скажите Ваше откровенное мнение о присланном — Вы, на опыте, знаете, что я им дорожу. Ох, ох, пот течет по морде. Какой чертов климат. Рядом, в Каннах или Ницце, 30, 35 — просто ледники, но мы —- т<ак> называемая> климатическая станция, все закупорено от ветра горами. Ох, ох. И вероятнее всего до сентября никакого облегчения уже не будет. Даже графский костюм стал тяжел, как зипун. Посылаю, чтобы Вы показали графу при случае его на своих плечах. Костюм, кстати, чудный, как и все прочее.[441] Еще раз благодарю.

Единственное, что я делаю, это обливаюсь холодным душем и ложусь читать уголовный роман. «Литературный Современник» Яковлева [442] слишком тяжелая умственная пища. А Вы читали этот Ноев ковчег? Что скажете? Ульянов-то прав — троглодит так и прет со всех сторон.[443]

И. В. нежно кланяется Вам обоим. Ей очень досадно, что пришлось начисто прервать работу над переводом на русский ее отрывка. Но ей-то работать по такой жаре — уж абсолютно невозможно. Ее здоровье после всех наших мытарств расстроено вконец, и всякое напряжение ей попросту опасно. Когда температура станет более человеческой, она снова возьмется за дело. Съезд, как Вы конечно знаете, лопнул.[444] (Но возможно с другой стороны, что опять начнет возрождаться.) А мы очень рассчитывали, что Вы приедете в ноябре на этот съезд, и мы с Вами повеселимся и наговоримся. То, что личного контакта нет, ощущаю как метафизическое свинство. Денег за дневник не посылайте. Подождите, пришлем дополнение, отрывок и т. д. Тогда и пришлете более существенную сумму. Вычтите

ледерплякс, а «За верность, за безумье тост» - 27 строк [445] - прибавьте - этот опус, присланный позже, никогда не был оплачиваем, для Вашего уважаемого сведения.

Обратили ли Вы внимание на стишки Адамовича в «Опытах». [446] «Либо снимите крест, либо наденьте трусики» - получается неувязка.

Ну вот. Будьте душкой, напишите мне ответ подлиннее, ведь Вы в деревне. Ваши письма - когда Вы не злитесь - доставляют нам обоим «физическое наслаждение» (не истолкуйте двусмысленно!), и я их - ей-Богу - аккуратно прячу, их жалко было бы потерять.

Ваш *Жоржа*.

<Приписка Одоевцевой>

Ради Бога, ради Бога, ради Бога извините. Но я — «Больная рыба на песке. Рот открыт в предсмертной тоске» [447] — от адской жары и от стыда, что не могу переписать написанного. Надеюсь, Вы войдете в мое положение и не лишите меня Вашего высокого расположения. И примите мой скорбный привет.

Ирина Одоевцева.

Собравшись с последними силами, кланяюсь Ольге Андреевне — довольно, больше не могу. Ни гу-гу.

<К письму приложены переписанные Одоевцевой (с правкой Г. И.) стихи:>

Дневник (1955)

1. Истории зловещий трюм...
2. Вот более иль менее.
3. Вспорхнула птичка-трясогузка...
4. Овеянный тускнеющею славой...
5. Голубизна чужого моря...
6. Жизнь продолжается рассудку вопреки...
7. Паспорт мой сгорел когда-то...
8. Не верю раю, верю аду...
9. Голубая речка...
10. Листья падали, падали, падали...[448]

Георгий Иванов

69. Роман Гуль - Георгию Иванову. 21 июля 1955. <Питерсхэм>.

21-го июля 1955

Дорогой Георгий Владимирович, только что получил В<аше> письмо и отвечаю стремительно. Но вовсе не потому, что «я в деревне и мне тут нечего делать». Со мной — увы — чемодан рукописей. И тут я делаю кн. 42. А кроме того пишу всякие вещи, так например, «О поэзии Георгия Иванова». Ей-Богу. Решил писать. Вчера окончил «чтения». Чувствую, что мясо наросло, тема звучит, но Вам все это, наверное, не понравится. Вместо «превознесу тебя, прославлю» будет совсем Бог знает что, единственная надежда, что «тобой бессмертен буду сам».[449] Посмотрим. А так как у нас тоже — жарища — не дай Бог, но все-таки, м. б., не такая, как у Вас, то вот Вам баллада о жаре в Варе:

Не у нас на Майами
Ты лежишь вверх ногами
В этом огненном жаре,
К сожаленью, ты в Варе.
И лежишь, изнывая,
Мутно, мокро и колко,
Как вакцина живая
В колбе доктора Солка.[450]

Дальше. Стихи получены и уже посланы в набор. Михаил Михайлович в Гонолулу, читает там лекции в тамошнем университете, и пробудет там довольно долго, так что он дал мне тут «план пувуар».* Вы спрашиваете о моем мнении? О, дрожи, поэт! Вот оно, мое мнение. Все, конечно, прекрасно. Но на этот раз Вы, как Федор Павлович Карамазов, отделались больше остроумием (ценим!) и не дали почти никакой музыки. Это жаль. В прошлые разы Вы давали и музыку. Ну, может быть, дошлете. Только вот в чем дело. В стихе № 7 есть некая строка «В плодородный вечный Нил». Я, конечно, <понимаю>, почему Вас так осенило. В корпусе Вы учили, что долины Нила чрезвычайно плодородны. Вот оно и вышло. С Вашего разрешенья я переписал на машинке «В многоводный вечный Нил». [451] Д'аккор?** Нас учили в гимназии, что Нил - многоводный. Есть такая штука - явная описка (там, где о бане и об Илиаде): «Раз так писали - не гуляли». [452] Милый друг, спасите, уберите это «не гуляли»,

которое веревкой привязано для рифмы и губит все дело, как пятая нога. Я предлагаю Вам хотя бы повторить: «Раз так писали — так писали!». Иначе провал и катастрофа, м. б., Вы придумаете ч<то>-н<нибудь> лучшее? Подумайте. И третье мое «критическое» замечание: «Вспорхнула птичка-трясогузка». Бог с ней, с этой трясогузкой [453] — по дружбе говорю: вся эта строфа — как назло недостойна Вас, жуткий маэстро. Просто как откуда-то из старых строк наворовали и сделали винегрет. Исправьте, ей-Богу! О Вашем, не о своем памятнике плачу. Если будут еще стихи, шлите, хотя честно скажу, что по количеству этого вполне достаточно. У нас будут еще стихи двух-трех поэтов (обещано). Так что количественно достаточно вполне. Но если будут у Вас вдохновения, то шлите, конечно. Добавим. М. б., ч<то>-н<ибудь> из присланного Вы удалите? Хотя я уже в набор, как указано выше, послал.

Иду по Вашему письму. «Лит<ературный> совр<еменник>» не видал еще, а посмотрел бы с удовольствием. В Мюнхене ведь «профессор глядит из каждого куста» — там страшенно высокая советская культура. Ну, вот и журналы соответственные. Фото Ваше меня поразило. Оказывается, Вы помолодели чертовски! Ей-Богу. Мерси за изображение, отвечу тем же при случае, и, кстати, наша фотография Вам покажет, как снимает американский аппарат, купленный за 2 дол<лара>. Жена занимается этим от скуки тут. Графу передам фото обязательно. Вот обрадуется граф. И, м. б., даже чем-нибудь раскошелится, фото всегда действует как-то призывно. Кстати, о графе. Посылка с костюмом в яблоках ушла к Вам из Н<ью> Й<орка> числа 6-го июля. Вот считайте, скоро придет. Там костюм серый в яблоках (но шерстяной — легкий), носки, потом что-то еще графское, не помню. Знаю только, что я сделал дикое свинство. Я приложил ко всему этому графскому хорошему свою голубую куртку (это для дома), по утрам работать; я ее страшно любил; но свинство совсем не в этом, что я ее любил и что по утрам, а то, что у нее слегка был разорван рукав (слегка! клянусь!) и жена не смогла заделать эту штуку из-за того, что у нее с глазами непорядки. Так вот она просит извиниться, что я сунул ее так «ан натюр».*** Сунул же, чтобы заполнить пустое <место>.

За то, что И. В. не присылает сейчас отрывок, - милостиво прощаю. Готовьте к декабрьской. Я знаю, что Вы оба неверные, вроде как мусульмане. Поражен, что Вы заметили, что один стих не оплачен. «Новый журнал» хотел Вас надуть, а Вы не даетесь. Вот Вам и распад атома. Не так-то легко он распадается.. Мы включим этот стих в ледерплекс. Кстати, поражен Вашим

давлением: 29. По давлению спец. моя жена. Во Франции у нее было все время 25 и не спускалось несмотря ни на что (пускали кровь даже). А сейчас у нее знаете сколько? 14 с половиной, с Вашего разрешения. И сделано это знаменитым средством - серпазил (индийским). Им тут все лечатся. И принимает-то жена его всего одну таблетку на ночь. Дают и до 4-х. Средство новое. Но думаю, что у Вас в прекрасной Франции оно тоже должно быть. Тут есть и другие новые. Но это вот «на себе испробовали». Не хотите ли на пользу русской литературы глотнуть? Так спустим Вам давление, что балладу на двадцать страниц напишете! Вот как! На стишки Адам<овича> обратил внимание и даже обидел Варшав<ского>, [454] сказав ему, что это «любовная риторика» и о<чень> плохая. Он никак не согласился. Он принадлежит к тем, кто воздвигает памятник Адаму. Теперь о ночной фиалке и лиловом цвете.

Получил точные разъяснения. Белый возмущенно рассказывал моему корреспонденту о том, что говорил ему Блок об этих лиловых тайнах и о запахе ночной фиалки. Запах ночной фиалки — это оказывается — запах «промытого женского полового органа», извольте знать! Поздно Вам сообщаю, а то бы могли вставить эдакое в «Распад атома». Это, т<ак> с<казать>, монумент! Эренбург бы удавился от зависти. Кстати, вчера перечел «Распад атома». Зинка написала неинтересно совсем. Но правильно отмечает «перегибы». [455] Если б их чуть поприжать — было бы много лучше. Судите сами. Вы предлагаете девочке пожевать ваши грязные носки! Я думаю, от такого сладострастия даже Эренбург бы отказался... Ах, Жорж, Жорж, наворотили Вы «эпатажа». «Распад» возьму в статью (если рожу, думаю, что <дальше несколько не читается> Но думаю, что если б мы с Вами <...> [456]

* Plein pouvoir *(фр.)* — полностью на твое усмотрение.
** D'accord? *(фр.)* - согласны?
*** En nature *(фр.)* — в естественном виде.

70. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 23 июля 1955. Йер.

23.7.55
Beciu-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Сознаюсь, меа culpa.* А если Вы и тут не согласны, спорить не буду. Хочу с Вами жить в вечной дружбе без тени, ни пятна, даже солнечного. Ох, это солнце. У нас сейчас около 40 градусов, и я чувствую, как таю, слабею, исчезаю и вместо деловитого ответа хочется попросить жалобно:

О, любите меня, любите,
Удержите меня на земле.[457]

Любите, следует понимать — будьте ко мне добры и милы — как прежде.

Сокращаю лирическое вступление. Я с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным приглашением и возобновлю свое сотрудничество в Н. Жур. Впрочем, оно было прервано скорее морально, чем материально — ведь стихи мои, к моей радости и даже некоторому успеху, все еще появляются у Вас,[458] а что они были Вам посланы гуртом в таком библейском изобилии почти два года тому назад, вряд ли кому, кроме нас с Вами, известно. Кстати, Вы писали Жорже, что у Вас еще два моих стихотворения — по-моему только одно «Не надо громко говорить», кончающееся приглашением угробить несуществующую в природе дочку-Наташу.[459] Не поделился ли этот рифмованный проект детоубийства на два благодаря моей несколько фантазийной переписке его. А, может быть, есть и еще одно забытое мной. Не помню. «Это было давно...»

Снова возвращаюсь к Вашему любезному приглашению: Принимаю. Постараюсь угодить так, чтобы Вы остались вполне довольны и сам Юрасов носа не подточил. Дам отрывок из окончания «Оставь надежду», где

Тень надежды безнадежной
Превращается в сиянье —[460]

для меня, по крайней мере. Не хуже первого тома, а возможно, что и лучше. И действие происходит по эту сторону железного занавеса, так что никаких ошибок в быте. И действует все больше Вера,[461] а она уже, несмотря на превратности своей судьбы, сумела завоевать симпатию читателей. Отрывок вполне законченный. Приступаю к сизифово-титаническому труду адаптации его к «языку родных осин», так как он у меня написан по-французски.[462]

Очень прошу Вас сейчас же написать мне, когда мне выслать его Вам так, чтобы ему не дожидаться слишком долго «увидеть свет». Я не Жоржа и на меня в смысле срока вполне положиться можно. Работаю я тоже, когда надо, с чрезвычайной быстротой. Так что, если Вы пожелаете, чтобы я выслала Вам отрывок не позже 1-го июля, [463] будет исполнено. Но все же, трудясь уже и сейчас над ним усердно, жду Вашего высочайшего разъяснения. Очень уже, как я имела честь Вам докладывать, у нас жарковатенько и я «истекаю клюквенным соком» [464] от чрезмерной спешки по отделке и переписке. Не примите за отлынивание. Всегда рада стараться Вам и себе на пользу, но с уверенностью, что стараюсь не зря.

«Где Вы теперь?», как некогда пел Вертинский [465] в столовке Мартьяныча [466] шоферам, а теперь поет московским сановникам. Итак, где Вы теперь? «В пролетах Сан-Франциско» [467] — т.е. в Нью-Йорке или уже в Вашем райском углу, где колибри летают под окнами? Желаю Вам хорошенько отдохнуть за любимой Вами «разводкой собак» от всяческих жизненных забот и невзгод.

Передайте, пожалуйста, мой нежнейший привет Ольге Андреевне.

«Мерси и до свидания».

Всегда Ваша Ирина Одоевцева.

Боюсь, что жара помешала мне достаточно ясно изобразить мои чувства и потому шлю Вам «оливу мира».

<Приписка на полях первой страницы:> Пишу лежа под пальмой — роскошь экзотики. Чувствую себя под «Чужим Небом». [468] В Париже лучше.

* Моя вина (лат.).

71. Георгий Иванов - Роману Гулю. 29 июля 1955. Йер.

29-VII-1955
«Beau-Sejour»

Дорогой Роман Борисович,

Несмотря на еще усилившуюся жару — отвечаю Вам почти сейчас же. Не скрою — с корыстной целью. Что Вы там не говорите насчет чемодана с рукописями и т. д. — из деревни Вы пишете куда очаровательней, чем из Нью-Йорка. Опять испытал «физическое наслаждение» и срочно отвечаю, чтобы поскорей опять испытать. То же самое, конечно, и Одоевцева, только как дама она свои физические чувства стыдливо скрывает (должно быть потому, что у ихнего брата — такие чувства более — от природы — интенсивны).

На стишок о Майами — хотел подрифмова<ть> в ответ, но пот течет, как ни отпиваюсь местным — чудным! — вином со льдом. Давление поднимается, но рифма нейдет.

Кстати, спасибо за заботу о моем давлении. Но мой случай не так прост. Сильные средства для меня прямой путь к кондрашке — мое давление надо не сбивать, а приспосабливать к организму. Чорт знает что. Я всегда говорю, что мироздание сочинил бездарный Достоевский — этакий доктор Беляев[469], если читали.

Ну, опять скажу — «нос» у Вас на стихи первоклассный. Чтобы «не вдаваться в подробности»: Илиаду выбросьте целиком, нечего в ней заменять[470]. Из Трясогузки вон две первых строфы — тоже вон[471]. Дошлю одну или две новые — как выйдет. Насчет Нила я просто описался. Ваша гимназическая учеба совпадает с моей кадетской — я хотел написать «полноводный». Для всех стихов — напоминаю — необходима авторская корректура, пожалуйста, не забудьте и уважьте насчет этого. Но хотел бы к имеющимся теперь у Вас девяти стишкам дослать — по мистически-суеверным соображениям — еще три. То есть чтобы была порция в 12[472]. Уж потесните чуточку Ваших графоманов. Тем более, что мой «Дневник» по взаимному дружескому уговору ведь печатается отдельно от прочих — привилегия, которую я очень ценю (и, пожалуй, все-таки, заслуживаю). Пришлю три маленьких и — по возможности — лирических.

Как Вы теперь мой критик и судья, перед которым я, естественно, трепещу, в двух словах объясню, почему я шлю (и пишу) в «остроумном», как Вы выразились, роде. Видите ли, «музыка» становится все более и более невозможной. Я ли ею не пользовался и подчас хорошо. «Аппарат» при мне — за десять тысяч франков берусь в неделю написать точно такие же «Розы». Но как говорил один василеостровский немец, влюбленный в василеостровскую же панельную девочку, «мозно, мозно, только нельзя». Затрудняюсь более толково объяснить. Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич. Тем более не хочу расточать в слюне сахарную слизь какого-нибудь Смоленского[473] (пусть и «высшего», чем у него, качества). Для меня — по инстинкту — наступил период такой вот. Получается как когда — то средне, то получше. Если долбить в этом направлении — можно додолбиться до вспышки. Остальное — м. б. временно — дохлое место.

Да, в последней книжке нам обоим *очень* понравился Елагин. Кроме последней строфы, в которой подъем скисает[474]. Но все-таки очень хорошо. Таланту в нем много. Но вот «в университете не обучался», как говорили у нас в цехе.

При случае передайте от меня Маркову искренний привет. Он мне и стихами («Гурилевские Романсы» — в «Опытах» слабо[475]) и обмолвками в статьях очень «симпатичен». И, передавая привет, спросите заодно, какие мухи е-ся в его голове, когда он преподносит, да еще в виде «афоризмов», галиматью вроде:

<Дальше в письмо вклеен вырезанный печатный текст:>

«Пиковая дама» написана во Флоренции[476]; «Мертвые души» — в Риме. — Да, но не эмигрантами.

* * *

Это что же «не та» «Пиковая дама», как не тот Юрий Милославский[477]? И Ди-пи надо бы знать, что Пушкин, хотя «…и был он камергер» (строчка из Эренбурга![478]), но заграницу Николаем не выпускался.

Или
<Дальше также вклейка:>

Пушкин только начал переводить (несколько строк)

отвратительную Вольтерову «Девственницу», но бросил. Гумилев продолжил, и его хватило на целую песнь. Кузьмин довел до конца весь перевод.

Мера внутренней поэтичности.

* * *

Довели «до конца» Адамович и я — кажется, я 12 песен, а Адамович 10. Гумилев обожал «Девственницу» — отдал он нам ее за недосугом, «оторвал от сердца», как выразился отдавая. Гумилев принес нам ее, т. е. заказ на перевод, в качестве подарка на новоселье «моим лучшим переводчикам» и даже обиделся, когда мы недостаточно ликовали и благодарили[479]. У меня в сгоревших в Биаррице книгах было первое издание, где ясно было сказано, кто, что и сколько перевел. Потом было еще издание. Уже без наших фамилий, просто «под редакцией М. Лозинского»[480]. Но откуда взяли Кузмина (да еще с ь, что тоже надо знать). Кузмин бил поклоны по всем богомольням, ненавидел всякое кощунство и «Девственницу» презирал, вероятно, не меньше Маркова.

Скажите ему, т. е. Маркову. Нежно — он заслуживает нежности. Пусть остерегается впредь. А то получается на его примере — как в его же третьем афоризме:

< Дальше вклейка: >

Разница между парижскими и «новоэмигрантскими» поэтами и писателями: первые искали самого главного в себе, в мире, в искусстве; вторые уверены, что они и есть самое главное.[481]

* * *

И что за занятие писать афоризмы! Лейб-гусара полковника Ельца все равно не переплюнешь. М. б., читали в свое время: «Смерть есть тайна, которой еще никто не разгадал». И рядышком: «Разбить бидэ — быть беде». С портретом автора в ментике и с посвящением моему другу принцу Мюрату[482]. Куда уж тут тягаться.

Пишу я Вам что попало, но, как видите, с явным стремлением подразить блеску Ваших писем. Разумеется, получается не то. Но

и старанье тоже считается. Сколько великих людей и великих произведений взошло на одном стараньи. Вся (почта) — блестящая — французская литература живой пример. Давно ли Вычитали Флобера? Я вот сейчас перечитываю: один пот, а, в общем, ведь «весьма недурно».

Ну, ну — что это Вы напише<те> об «Атоме» и вообще. Жду с чрезвычайнейшим интересом. Только не откладывайте — напишите. Что желаете, как желаете — это и будет хорошо. Зинаида [483], которую я обожаю, писала вообще плохо. Говорила или в письмах — иногда все отдать мало, такая душка и умница. А как до пера — получается кислая шерсть. Кроме стихов. Я тщусь как раз в своих новых воспоминаниях передать то непередаваемое, что было в ней. Трудно.

«Атом» должен был кончаться иначе: «Хайль Гитлер, да здравствует отец народов великий Сталин, никогда, никогда англичанин не будет рабом!» Выбросил и жалею. Так же как жалею, что не вставил песенки

«Жил был Размахайчик Зеленые Глазки»,

которую Вы, кажется, знаете. Эпатажа, пожалуй, немножко пер<епугался?> Но ведь в 1937 году, заметьте, когда Миллера [484] и в помине не было. «Заимствовал» же я многие «образы» — мертвая девочка и пр. — у бессмертного Ал. Ив. Тинякова-Одинокого [485], сотрудника «Весов» [487], члена Союза русского народа, потом члена коллегии Казанской че-ка. Я его поил водкой, а он изливал душу. Очень было любопытно и органически-неподдельно. Были, вперемежку, и стихи:

Я вступил в половые сношения
Со старухой преклонного возраста [487]

Я ужасно хочу написать свои воспоминания, потребность чувствую. Помру и сколько «подробностей» помрет со мной. Но то да се. И по-видимому на Чех<овское> Издательство надежды мало.

Ну спасибо «за яблоки» [488], они еще едут. *Когда последний срок* , чтобы дослать стишки.

Ваш всегда

Жорж.

Отправить письмо (надо взвесить) — настоящий подвиг: надо ползти далеко по жаре и потом торчать час в узкой комнатушке, набитой голыми оболтусами, пока соберешься. Одновременно с письмом попытаюсь отправить от И. В. Ольге Андреевне маленький флакончик. Объяснение: 1) маленький в виде пробы — дойдет ли, 2) это духи, которые — точно такие, без всяких изменений продают в Париже в кутюрных [489] домах за агромадные тыщи. Для местного жителя же по цене скромной. Если дойдет и подойдет — чем богаты, тем рады — будем снабжать.

Ж.

Целую руки Ольге Андреевне. Жена же моя спит в саду. Так я ее не трогаю.

72. Роман Гуль - Георгию Иванову. 1 августа 1955. <Питерсхэм>.

I авг. 1955

Ах, Жорж! Ах, что ж ты, ядрена мать, сделал! Ваше письмо пришло в разгар писанья статьи. Это был такой запал — что душа дрожала. И вдруг... письмо... да такое еще интересное... такое блестящее... А я так устроен — если меня ч<то>-н<нибудь> перебьет, то мне опять долго надо настраиваться. Отложил писанье до после обеда теперь. Но — идет, идет. И будет — смею уверить — оч<ень> интересно. Интереснее много, чем о Цветаевой и, вероятно, много длиннее (а авторами это тоже очень ценится — на аршины-то). Конечно, не будет никаких дешевых дифирамбов, этого «ивасковского блядства», будет другое — будет такой блестящий хирургический разрез Вашей, милостивый государь, анатомии, что — смею Вас уверить — самому будет интересно прочесть. Ощупаешь сам себя и спросишь удивленно: — так неужели это я? Да — я. Мерси. Нащупал удивительно интересный «разрез» всего творчества (не скажу какой, пока — тайна). И чувствую, что должно удаться. Пойдет, конечно, в этой книге (я ведь оч<ень> мало пишу, не доходят руки, а тоскую). Много дней ходил вокруг и около. Разработал — как будто диссертацию (разметки на отд. листках, всякие темы, детали, черт знает что — хочу «доктора хонорис кауза» [490] от Вашего Величества). И что меня радует в последнем письме, это абсолютное созвучие критика с поэтом. Уж если пошел разговор о лирике и прочем, скажу наупрямь. Я ведь даже «Отплытие» [491] все целиком, с напряжением дочитал. Ушло. Отплыло. Пусть хорошо. Но отплыло. Дайте, ч-к, чего-нибудь погорчее — хинной, горькой или там ч<нибудь>-н<ибудь> обжигающего вообще. И вот оно дадено. И дадено прекрасно. Это и есть главная тема. Одним словом, я в запале, а что будет — божья воля. Если сделаю вместо статьи дерьмо — стало быть, сам дерьмо. Но не верю этому что-то: ни тому, ни другому. <Дальше недостает страницы. — Публ.>

- ей подруга привезла — они в каком-то грязненьком флакончике — но «потрясают общество». Тут она все пробавляется сортилежами да шалимарами. [492] Но эту будет оч<ень> приятственно. И в долгу, конечно, не останемся. Елагину передам (как раз получил письмо от Степуна, он тоже хвалит это стихот. [493]). Действительно хорошее, но оно было бы,

конечно, еще лучше — если б не наводило (и очень) мысль на покойную Марину [494](увы, это и елагинская боль, он это чувствует сам, но пока что Бог его не освобождает от сей путы: может быть — впоследствии).

Корректуру стихов пришлю. Стихи (новые), конечно, всегда можно вставить, но было бы лучше, если числа 15 авг. они были бы уже на месте. Вот как сделаем. Пусть они придут вместе с корректурой, ее я вышлю, как приеду в пламенный Нью Иорк: ехать сейчас в Нью Иорк, это все равно, что сесть на одну раскаленную сковороду и начать лизать такую же другую. Это черт знает что! Поеду [495]

73. Роман Гуль - Георгию Иванову и Ирине Одоевцевой. 3 августа 1955. <Питерсхэм>.

3-го августа 1955

Дорогой Георгий Владимирович и дорогая Ирина Владимировна,

Прямо-таки не даете Вы мне писать статью! Сегодня пришел Ваш флакон духов. И я вместо того, чтобы отдаться стихии — утоплению — и потоплению всего — в творчестве Георгия Иванова, — как воспитанный джентельмен — бросаю писать статьи и спешу Вас обоих поблагодарить и за внимание к моей очаровательной жене Олечке, и за действительно сногсшибательный парфюм. Оченно хорошо, хотя, конечно, оченно сладострастно (что и требуется). Спасибо и мерси. Жена припишет после, ее сейчас нет, уехали с Хапгуд в какую-то поездку...

А я пишу, пишу, пишу. Это самое трудное (я не знаю Ваших - обоих — методов — как Вы пишете). Я — сначала все вываливаю в хаосе ассоциаций (как психоанализ, вероятно, — метод свободных ассоциаций). И вот это всегда для меня очень трудно — самое трудное и страшное — подойти к первому белому листу... А потом уже — когда идет работа по этому хаосу — остро отточенными карандашами, которые должны в массе быть под рукой — это довольно приятно. Потом все переписывается — и опять острыми карандашами... Потом опять переписывается — и опять — острыми карандашами... И вот это последнее и предпоследнее — острыми карандашами — это уже просто и есть самое высокое наслаждение... Тут готов не есть, не пить, не спать - а все работать и работать острыми карандашами... Но пока до них еще далеко. Пока идет — вываливание свободных ассоциаций. Хочу во что бы то ни стало сделать это в течение этой недели - (раньше думаю). И в Нью Иорк уже повезу — на работу острыми карандашами. Сейчас уже переваливаю за 20 стр. (будет, вероятно, еще столько же), а под острыми карандашами все умнется, вероятно в половину. Но уже сейчас *знаю*, что - выходит, выходит именно то, к чему смутно лез — заговорило. Как всегда, в голову лезут тысячи названий. И некоторые были, как будто оч<ень> ударные. Но, кажется, остановлюсь на самом ошеломительном: — «ГЕОРГИЙ ИВАНОВ» - и все. Никаких там поэзий и прочего. Кстати, Алешка Толстой писал таким же методом, он мне рассказывал. И тоже — на

машинке. А вот Костя Федин, как Томас Манн [496] — сразу первый и окончательный текст (только легкие поправки потом). Я этого даже и представить себе не могу. Что Викт. Чернов [497] так статьи писал — это я понимаю. А Томас Манн, к тому же, — стоя у конторки, как в старину в торговых фирмах... Да, кстати, я не ответил Вам на неск<олько> пунктов В<ашего> письма. В частности о Тинякове. Федин в 27—28 гг. мне рассказывал, что Тин<яков> продавал на улице газеты, у него был киоск где-то на углу Литейной [498] что ли (я Петерб<ург> не знаю), писатели обычно его поддерживали, покупали. А в «Нар<одной> Прав<де>» [499] я перевел с франц<узского> рассказ Виктора Сержа [500]; (нигде ранее не печатавшийся, мне его сын [501] прислал) и напечатал — и тема там — сов<етский> писатель в сумасшедшем доме (оч<ень> хороший рассказ). И Серж говорит, что это подлинная история. И я подумал, что не с Тинякова ли он писал (он посещал этого писателя в сум<асшедшем> доме). [502] «Нар<одную> Прав<ду>» Вы, наверное, не видели, ибо это посл<едние> номера, вышедшие газетой в Нью Иорке. При случае могу прислать. Небезынтересно. Далее, насчет лилового цвета и ночной фиалки — писал второпях и не написал главного. Только тут читает один только Жорж — И. В. убегает из комнаты. Под ночной фиалкой Блок, оказывается, подразумевал — некую весьма небольшую (но «томов премногих тяжелей» [503]) деталь женских гениталий. Сообщаю это в пандан к аромату. Кстати, в связи с цитатой Тинякова. В Берлине я был одно время в оч<ень> хороших отношениях с Ниной Ив. Петровской — Ренатой. [504] Я тогда любил здорово выпить, а она была алкоголичка. И во время товарищеских возлияний — она, конечно, предавалась всяческим нецензурным рассказам и о Брюсове, и о Белом, и о Ходасевиче и пр. Причем она всегда говорила — «вступила в мочеполовые отношения». Это даже лучше, пожалуй, Тинякова. Но ради Бога, чур, не показывайте Ир. Вл. И черт знает что — Вы такие духи очаровательные прислали - а мое письмо кончается эдакими темами. Жене написанного, конечно, не показываю. Застыдит насмерть...

Итак, я весь в запале писанья статьи. Кстати, т. к. статья будет дана, вероятно, одновременно с Вашим «Дневником», то и Вы должны не подкачать! Я буду стараться, но и Вы старайтесь — для Вас же (и для меня, в частности). Корректуру пришлю. Не думаете ли Вы, что в стихах (прекрасных) о старичках лучше все-таки были бы не старички, а старики (вопреки). [505] По-моему — да. Дальше оставляется кусок для Олечки, кот<орая> хочет Вас обоих поблагодарить. Но говоря всерьез — это зря Вы делаете. Вам траты эти не к лицу, не ко времени и пространству. Мы,

богатейшие американцы, можем себе иногда позволить к<акую>-н<ибудь> такую роскошь, — а Вы — в республике третьего сословия — ни-ни, фу-фу, — как говорил один ребенок.

74. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Начало августа 1955>. Йер.

Начало августа 1955>

Дорогой Роман Борисович,

Если этот стишок, который мне самому нравится, пленит Вас настолько, чтобы потревожить верстку — всуньте его куда-нибудь в середину «Дневника» — если еще можно.

Письмо нежно-деловое-подробное получите на днях.

Ваш преданный Г. И.

8

Полутона рябины и малины
В Шотландии рассыпанные втуне,
В меланхоличном имени Алины
В голубоватом золоте латуни.
Сияет жизнь улыбкой изумленной,
Растит цветы, расстреливает пленных
И входит гость в Коринф многоколонный,
Чтоб изнемочь в объятьях вожделенных!

В упряжке скифской трепетные лани —
Мелодия, Элегия, Эвлега... (Эвлега)
Скрипящая в трансцендентальном плане
Немазаная катится телега.
На Грузию ложится мгла ночная.
В Афинах полночь. В Пятигорске грозы.
И лучше умереть не вспоминая,
Как хороши, как свежи были розы. [506]

75. Георгий Иванов - Роману Гулю. 8 августа 1955. Йер.

8 августа 1955
+ 41 в тени
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Пришли вместе посылки и Ваше письмо. Бурная благодарность за нестоящий флакончик нас потрясла. Да, вот они настоящие джентльменские манеры. А мы хамски ноншалантно [507] принимаем Ваши благословенные дары. Да еще сообщаем – это узко, это чересчур широко и т.д. Утешаюсь тем, что все равно «бледны все имена и стары все названья – могу ли передать твое очарованье»[508]. Костюм первоклассный, а синяя куртка восхитительна. Подозреваю, что Вы из высшей деликатности, свойственной, очевидно, Вам – нарочно продрали маленькую дырочку, чтобы мне не так было совестно. Как Уальд[509], заказавший нищему платье у своего портного с двумя гармоническими заплатками, для очистки совести.

Присланные мне вещи чудные и доставили мне очень большое удовольствие. Но никакого сравнения все-таки с пестрой кофточкой и бусами, которую Вы сняли с графской дамы для известного политического автора. Этот автор буквально от них в раже – надевает, снимает, опять надевает, вертится во все стороны, всем показывает, дает щупать, смотреть насквозь и т.д. Попали ими в самую цель. Благодарю Вас за них и за него – т.е. за вещи и за автора. Последний ужо соберется и сам отпишет Ольге Андреевне и Вам.

Очень интересно насчет Вашей манеры писать. У меня нет, увы, никакой манеры. Все написанное мною в прозе хорошо – т.е. относительно хорошо после долгого вылизывания и пота. После долгого старания иногда достигаю эффекта кажущейся легкости и непосредственности. Написав, не соображаю, что хорошо, что плохо. Царя в голове не имеется. *Мысли возникают из сочетаний слов.** Вообще я в сущности способен писать только стихи. Они выскакивают сами. Но потом начинается возня с отдельными словами. Удовольствия от писания вообще не испытываю ни «до», ни «после». Знаете анекдот: доктор, дайте средство, чтобы не беременеть. - Стакан холодной воды. - До или после? - Вместо.

Это, впрочем, ни к селу ни к городу. И Вы еще лестно отзываетесь о моих «блестящих» письмах. Это опять Ваше джентльменство. От жары я стал идиотом. Только и жив, что отпиваюсь вином со льдом, а ем ни черта. Это мне очень вредно, но других средств не нахожу. Если не заниматься высокими делами, то все-таки здесь изумительно хорошо. После нашей адской жизни последних лет особенно.

Не трогаю темы – о Вашей статье. Слишком серьезная вещь. Убежден, что так, как Вы напишете, никто обо мне еще не писал. И, конечно, не в похвалах дело. Я не ждал никакой статьи, когда всем говорил (наверное, и Вам), что Ваша статья о Марине Цветаевой не сравнима ни с чем о ней написанным. Откуда у Вас, «человека постороннего» – такой нюх на стихи. Честное слово – лиха беда начало – есть Цветаева, будет Георгий Иванов (очень одобряю, если так назовете)[510] – почему бы Вам не продолжить. Получится замечательная книжка. Если не решите, что я Вам как заинтересованное лицо льщу, то скажу – судя по Цветаевой, получится нечто совсем другое, но *на уровне* «Книг отражений».[511] Иначе – на уровне, никем, кроме Анненского, не достигавшемся. Судите сами: «Письма о русской поэзии» – краткий учебник акмеизма.[512] Брюсовы раздачи[513] – награды за хорошее поведение. Умница Зинаида[514] либо ругалась – педераст, онанист, сволочь, – либо разводила неопределенные сопли. Адамович как удав, гипнотизирующий кроликов «парижской ноты»[515]. Лучше всех писал, по-моему, – кроме Анненского – Белый[516]. Но уже так заносило, что идет не в счет. Хуже всех пишу критику я – либо в ножки, либо в морду. Притом по темпераменту больше тянет в морду.

Предупреждаю опять: пишу и отошлю не перечитывая, пишу в кафе под роскошными пальмами, и стопка блюдечек (если не забыли французские кафе) все растет. Откровенно скажу, ничего не понял насчет пакостей, которые нравились Блоку[517]. Эх, вот был у меня «старый друг» Н. Н. Врангель – брат главнокомандующего. В отрывке, который я собираюсь обработать для Вас, я как раз о нем говорю. Это была личность! И в «мочеполовых делах» тоже «гигант мысли, особа, приближенная к императору» («Золотой теленок»)[518]. Этого написать нельзя. Можно рассказать. Все эти фиалки и Тиняковы – щенки. Чудовищно-непредставимо-недоказуемо. До величия доходившая извращенность. Так и умер. Во время войны он был начальником санитарного поезда: «У себя в поезде, ни с санитарами, ни с санитарками ничего – это мое правило». Но «на стороне» развлекался, очевидно, в «свободное от службы» времечко. Умер покрытый странными пятнами – заражение трупным ядом.

(Представьте, в стило нет больше чернил – перешел на карандаш, ужасный для моего ужасного почерка. Волей-неволей сокращаю письмо).

Не подумайте, что я такой охотник до пакостей. Ох нет. Не дано мне этой благодати. В сути своей я прост как овца. Но объяснить это тоже сложно. Нет, нет, Вы ошибаетесь. Если был бы съезд – мы бы чудесно встретил<ись>[519]. Не могло бы быть «осечки». Мы и дополняем и «подтверждаем» друг друга как-то. И что там говорить, мы талантливые люди, не скопцы и «не эпилептики в футляре»[520]. Не жалуюсь на судьбу – в Сов. России, разумеется, сгнил бы на Соловках, но к Эмиграции привыкнуть не могу, органически чужд. Странно – в России люди более менее «все любили», а здесь все не могут терпеть. И Вы то же самое. Представляю себе отлично, каким «своим» Вы – не бывавший, кажется, в Петербурге – были бы там. От Аронсона до «Нивы» [521], от Леонида Андреева [522] до Юрки Слезкина.[523] Вот именно - дернул черт с душой и талантом... [524]

Хорошо - кончаю. И. О. напишет отдельно. Целую ручки и благодарю Ольгу Андреевну. Буду ждать корректуру и немедленно верну. Духи, кажется, называются Roy-Italy. Но м. б. путаю. Можем прислать другие покрепче, послабее, какие нравятся. Это И. О. объяснит сама. Кланяйтесь Лили и графу. [525] Он, кстати, человек преодаренный.

Ваш всегда

Г. И.

* Кто как - «Оставь надежду навсегда» писано начисто, вперемежку с продажей нашей обстановки по частям в Биарицце <Приписка на полях - Публ.>

76. Георгий Иванов - Роману Гулю. <После 8 августа 1955>. Йер.

<После 8 августа 1955>

Дорогой Роман Борисович,

Благодарно-нежно<е> письмо послано в деревню 8 августа. Корректуру отправляю, как видите, без задержки. Прибавка (1) стихотворения и замена тоже одна.[526] Плюс строфа вместо трясогузки [527] - как видите, музыкально-лирические. Стараемся потрафить начальству.

Но очень прошу, т. к. на корректуру не надеюсь, просмотреть лично, чтобы не получилось ерунды. Ежели что - не разберете, черкните два слова, повторю аршинными буквами.

У нас два дня льет дождь. Прохлада и блаженство!

Ваш всегда *Ж*.

77. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 19 августа 1955. Йер.

19-го августа 1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Здравствуйте, здравствуйте, много-дорогой Роман Борисович и простите, простите! Во всем виновата жара. Очень мне обидно-досадно, а стыдно до чего, что я до сих пор не поблагодарила за

Чудные подарки
На любые вкусы:
Блузочка и бусы,
В яблоки костюм
(легкий и не маркий) —
Помутился ум!
До чего — красиво,
До чего — на диво!
Голубая кофта —
Гуль-то, Гуль каков-то!
Громко говорю:
— Гуль благодарю!
И еще скажу
— Thank you за Жоржу!

P. S.* Олечке Андреевне,
Прелестью овеянной,
Та же благодарность —
Одиночно-парная-с.*

* Перо и вдохновение занеслись в сторону — переписывать же еще раз нет сил. О<льге> А<ндреевне> напишу отдельно и потолковей, как только смогу. Огромное ей спасибо. Бусы и сейчас на мне. А если бы Вы видели Жоржу в голубой кофте. Красота! И как Вам не жаль ее?

* Ерик прибавлен для усугубления почтения и благодарности, как и лишняя стопа пос<тс>криптного катрена. Одиночно-парная, т. е. общая.

Кстати, ничего не слышала — ни одного отзыва о цветке-

Наташе. Напишите, что говорили и ругали ли. Люблю похвали, но люблю и ругань — за стихи, не за прозу. Страстно интересуюсь В<ашей> статьей о Жорже. Нельзя ли корректуру, т. е. оттиск? Вот бы хороша А то в нетерпелива.

Стихотворная форма благодарности избрана как более ценная —- в уважаемом Новом Журнале строчка стихов оплачивается, как мне хорошо известно, 35 центов, тогда как за страницу художественной прозы платят 2 доллара, а за страницу статьи (петитом) кажется, только полтора. Вот я и решилась высказать свою безграничную благодарность по высшему тарифу. 18 строк этой самой благодарности по 35 центов составляют 6 дол. 30 ц. Прозой пришлось бы исписать 6 печатных страниц, да еще с хвостиком. И еще неизвестно, считалась бы моя благодарность художественной прозой или была бы приравнена к Аронсону. Подумайте, сколько бы страниц Вам пришлось бы прочесть, чтобы узнать то, что Вы уже и без того знаете.

Впрочем, это относится не только к моей неисчерпаемой благодарности, но и к многим произведениям, которые Вам приходится читать и забраковывать. И зачем столько пишут люди? Брали бы пример с Жоржи — в чем, в чем, а в этом его обвинить нельзя.

Послали сегодня по стихотворению в «Опыты»,[528] и я с некоторым огорчением (между нами, чтобы Иваск не знал). Мне бы гораздо больше хотелось напечатать это стихотворение (очень любимое и новое)[529] у Вас. Но для моих стихов в Нов. Журнале места не так уже много — за множеством других талантов, т<ак> ч<то> пришлось бы его не скоро увидеть в печати. К тому же, несмотря на жару, у меня появилось еще немало стихов, которые я Вам пришлю, как только перепишу. Это относится и к отрывку романа. Если бы на цветы, да не морозы. [530] А если бы эти самые морозы — можно было бы и подышать и подумать — и не писать так бессвязно. С самым благодарным приветом.

И. *Одоевцева*.

78. Роман Гуль - Георгию Иванову и Ирине Одоевцевой. 1 сентября 1955. <Питерсхэм>.

I-го сентября 1955

Дорогие Ирина и Георгий Владимирович, пишу два слова и только потому, что вижу — через океан, — как беспокоитесь. И — сквозь рычанье океаново – слышу Ваш на эту тему разговор. Мерси за письма. Мерси за мерси. Получил и письмо И. В., и письмо Г. В. Отвечать не могу — занят (статьей). Вы меня соблазняете «былым Петербургом» и Н. Н. Врангелем, как его знаменем. Побойтесь Бога! Мне один петербуржец, его знававший, говорил, что сей Н. Н. — больше всего на свете любил бутерброды с говном... Пусть это изысканно — допустим — но воняет-то до чего!.. Нет, уж, увольте, лучше щи с кашей...

Я пишу из деревни. Приехал сюда в волнении, ибо в Н<ью> Й<орке> так и не смог ни на минуту приступить к статье (а она в меня уж засела, как заноза в душу). Волновался, ибо — музыку-то уж забыл, уж вышла, вылетела — и думал, что во второй раз не наиграю. Но нет, ничего, идет дело. Сейчас я уже ее почти кончаю по переводу – во второй (и даже в третий) текст. Действую уже «острыми карандашами». ПОЛУЧИЛОСЬ. ТО, ЧТО ХОТЕЛ. УЖЕ ЗНАЮ. И могу, как Пушкин — прыгать и кричать — «ай, да Пушкин! ай, да Пушкин!» [531] Но пондравится [532] ли Вам — не ведаю. Если у Вас хороший вкус—то да. Думаю, что да. Здесь буду до 10 сент. Если время будет (в Н<ью> И<орке> я пропадаю в душевной, духовной и бытовой затормошенности), то, м. б., пришлю Вам даже корректурный оттиск. Но не обещаю. Все дело будет зависеть от темпов. Книга НЖ уже готова за исключением моей вот этой растреклятой статьи и статьи Карповича. Из-за моей не могу начать печатать книгу, ибо она идет сразу после стихов. Исправления в В<аших> стихах все сделаны. За этим я слежу очень. Кстати — прошу разрешения оставить Симбирскую погоду, а не Сибирскую. [533] Первое же гораздо лучше. Во-первых, смешнее. Во-вторых — хорошо как повторение звука «м» в строке. В-третьих, Сибирская погода — понятие совершенно климатическо-географическое, в то время как Симбирская — вспоминательно-приятная. Вот мои доводы, а за сим, как Ваше Сиятельство найдет нужным...

Кончаю. Закругляюсь.

Олечка собрала для И. В. вещи оч<ень> приятные, на наш

взгляд. Пойдут скоро к Вам. Она готовит сразу три посылки во Францию — вот и пойдут все три бегом.

Еще раз мерси и до свидания!

Ваш конгениальный критик (но от бутербродов отказываюсь — не убеждайте, не могу... даже «представить» страшно... вот до чего ж я не петербургский денди, а пензенский захолустный провинциал; правда?).

Крепко жму руку Вам и цалую у Ирины Владимировны

Ваш *<Роман Гуль>*

79. Ирина Одоевцева и Георгий Иванов — Роману Гулю. <Начало сентября 1955>. Йер.

<Начало сентября 1955>

Дорогой Роман Борисович,

Я ждала с превеликим нетерпением ответ на мое предложение — и вдруг оказывается, что Бы ничего не получили. До чего-до-слез-и-до-рыданий обидно-досадно.[534] Хотя Бы в Нью-Йорке и очень заняты, все же, пожалуйста, напишите мне сразу. Мне вредно волноваться, а я вот уже десять дней киплю в ожидании и волнении.

Статью Г. В. Вам действительно написал. Могу это клятвенно засвидетельствовать, т. к. я ее переписываю. Хотела кончить переписку сегодня, но раз торопиться уже не стоит, вышлю ее в субботу. И сама отнесу на почту.

С сердечным приветом

И. О.

Дорогой Роман Борисович,

Это не письмо, а post-scriptum к письму политического автора. Письмо же последует, когда — надеюсь скоро! — получу Вашу статью. [535] Пока только ознакомился с объявлением и содрогнулся — Горская! [536] Понимаю, что на затычку, в типографской спешке, а все-таки нехорошо. Это ведь, по Вашему же слову, ниже ватерлинии — даже ниже-ниже, то самое, что по этой линии скользит на «самое дно колодца», рифмуясь с дном. [537] Вот и Вы проявили аппетит к тому, что Врангель кушал с бутербродами.

Ну, значит, «пока». Жму Вашу руку.

Ваш Жорж.

Не хотите Адамовича — и не надо. Ульянов отлично напал. [538] Поцелуйте его в носик. *Мандельштама обязательно и моментально напишу*. Очень хочу - это пойдет.

<На полях:> Кстати, Горскую в лит. обществе Парижа зовут *низкосрачка*.

80. Георгий Иванов - Роману Гулю. 12 сентября 1955. Йер.

12 сентября 1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Это тоже «не письмо». Письмо будет, когда получу от Вас нетерпеливо-трепещуще-ожидаемый оттиск. Будьте душкой, пришлите его авионом, а то знать, что статья вышла и ждать еще месяц, пока приползет, три недели спустя (а то и позже) книжка Нов. Журнала, ей-Богу, томительно при моем высоком артериальном давлении. Ну, пожалуйста, не поленитесь и не поскупитесь сделать это сам.

Чтобы не забыть: я хочу, если с Вашей стороны не имеется препятствий, написать рецензию о новой книге — в Чех. Изд. — Адамовича. [539] Прошу подтвердить, если Вы на это согласны, чтобы не трудиться даром.

Покорная просьба — пришлите на мое имя денежки за прилагаемые шедевры И. В. и за мой Дневник. Это, к сожалению, тоже крайне срочно. Вдруг стало «по непредвиденным обстоятельствам» досрочно срочно. Т. е. сидим без гроша. Пошлите, если можно, как в монморассийские [540]времена — чек на американский банк из Вашей чековой книжки (а не перевод или туристический чек). Этим способом мигом меняется по лучшему курсу. Очень обяжете.

Симбирская, так симбирская — нам что. Пожалуй, действительно Симбирская приятнее. Приглядите только непременно, нет ли вообще какой типографской (а то и авторской) чепухи. Пишу безграмотно, а опечатки переживаю очень болезненно. Все это очень забавно и смешно, что Вы пишете о бутербродах Врангеля. Но человек это был поразительный. Верьте на слово. Удастся ли мне подать его так, чтобы убедить, вопрос другой. В моей жизни, богатой всяческими встречами, таких необыкновенных, как он, людей было штуки три–четыре. Широко считая. С сомнениями, выбросить ли из этих трех–четырех Зинаиду или Блока, чтоб дать место Розанову. Ну, а какой-нибудь Гумилев или Брюсов — смешно даже говорить. Меня и тянет теперь поставить — как мне сейчас — одна нога в гробу — представляется, все на свои места. Совсем из другой

оперы пример: Леонид Андреев (случилось, хотя и <не> нашего круга, близко знать) был при всей своей славе и при всех недостатках подлинный всероссийский талантище, совершенно неоцененный. И ведь даже имя забыто, а Горький мировой писатель. Или, не в обиду сказать, покойник Бунин. [541]Ну и другие. А Хлебников, нынешний учитель и гений. «Родился в семье попечителя учебного округа», как сообщается в советской биографии. Ну и родился от папы тайного советника кретин из кретинов и — талантище опять-таки! — Маяковский, использовал его до конца в свою пользу. А ведь всего-то в Хлебникове было, что он сопли сам не умел утереть и раздражался, если приятели утирали. [542]

Пишу все это некстати — т. к. цель письма, чтобы прислали мне чек и оттиск и сами бы написали как и что. Кроме того, при вашей «замотанности» в Нью-Йорке вряд ли станете разбирать мой почерк на отвлеченные, ни к селу ни к городу, темы. Этот почерк мой бич. Запишу какую гениальную мысль, а потом смотрю, смотрю и разобрать не могу. Мне бы диктофон. Впрочем, вещь слишком ценная, трудно удержать. Заложил бы в ломбард и не выкупил бы. Так что не жалею.

Здесь после трех месяцев ада в 40º — наступил рай. И рай, с полнейшей гарантией, что до следующего июля будет, непререкаемо, раем. У Вас, я думаю, все-таки в разных Пальм-Бичах такого нет. И притом ни змей, ни комаров, ни законов о нравственности, ни Библии. Даже иконки и портрет «Николашки Кровавого», [543]без которых неудобно в русских домах — здесь не нужны. И хотя мне строжайше запрещено даже смотреть на спиртное, но насупротив в бистро такое чудно замороженное rosé, что выпьешь литрик в расстановку и надо делать усилия, чтобы дорифмовать дьявольски безнадежные, как мне это полагается, стихи.

Ну, жму Вашу ручку. Хотел бы все-таки с Вами увидеться в этой жизни. На том свете, если он и есть, как найти друг друга в ста миллионах новых знакомых. Если есть тот свет — то попадешь туда, точно в советскую Москву. Тысячи и тысячи незнакомых физиономий и «от прошлого ничего не осталось».

Политический автор кланяется и очень интересуется своим стишком о кофте [544]— о котором в «не письме» Вы ни слова не упоминаете. Политическому автору ето обидно.

<На полях рукой Одоевцевой:>

P. S. «Лунных ожерелий» [545] в память о Вашем чудесном ожерельи, правда не лунном - но еще лучшем. С приветом О. А. и Вам.

И. О.

81. Роман Гуль - Георгию Иванову. 9 октября 1955. Нью-Йорк.

9-го октября 1955

Дорогой Георгий Владимирович, увидя почерк мой, Вы верно удивитесь. [546] Я предполагаю, что Вы наповал разлюбили Гуля Романа и его жену. И — И. В. — тоже, хотя она всегда любила нас несколько меньше, не так страстно. У Вас есть на что негодовать: на то, что в этом письме нет чека, на то, что в этом письме нет оттиска, на то, что вообще это письмо приходит с большим запозданием — после слишком насыщенной паузы. Но все на свете — объясняется — и гораздо проще, чем часто предполагается. У меня в Н<ью> И<орке> сейчас была такая возня и такая масса всяких и приятных и неприятных дел — что руки не доходили — до машинки. Объясняю кратко: оттиск не посылаю, ибо его еще нет в руках и даже верстки нет в руках, ее экземпляр в типографии еще. Они мне его дадут на той неделе, и я Вам тут же его вышлю воздухом. Книга выйдет — 17 октября (точно). Так что скоро Вы получите — «вознесет меня в чины — мировой величины». И, конечно, прошу мне тогда отписать Ваше согласие или несогласие с моим взглядом на Георгия Иванова и его поэзию. Я бы лучше всего хотел бы одного, чтобы Вы заплакали во время чтения. Это — была моя цель. В этом была моя цель. И если вы заплачете — цель моя будет достигнута, стало быть, творение — совершенно. Но заплачете — это не значит, конечно, что Вы вдруг заголосите, как коломенская баба: с — ах, Ирина, Ирина, не могу — и навзрыд... Нет, я хочу только — легкого увлажнения глаз — под конец — почти под конец статьи... Вот. И все будет в порядке. Но если этого — легкого увлажнения — не будет — тогда я вломлюсь просто в обиду — «одеревеневши, как бревно — оставшееся от аллеи...» [547] и прочее. Почему нет чека? Не поверите. У меня под рукой нет верстки и нет гранок и нет рукописи — чтоб подсчитать строки, — и не было совершенно времени — выслать, и не было возможности - потому что я должен сначала привести в порядок наши финансы по этому номеру. Но на той неделе — я вышлю обязательно Ваш гонорар. Вы грубо кричите на меня (сквозь рычанье океаново): — «А Ирины гонорар?!» Ох, не кричите так грубо — устал, измучен, хочется плакать. Отвечаю — стихи — первоклассней шие — изумительнейшие — Ирины Владимировны получены, конечно. Мих. Мих. еще их не посылал — но знаю, что

с восторгом подам их в декабрьском номере. Но вот в чем дело — начистоту: мы — НЖ — еще не знаем, на каком мы свете — и поэтому за дек<абрьскую> книгу послать аванс СЕЙЧАС — нельзя. «А когда можно?!» — спрашиваете Вы грубо и без всякого светского снисхождения. Мих. Мих. приезжает в пятницу, 14-го. Будет собрание корпорантов журнала, будут разговоры и выяснения нашего будущего — и если оно выяснится — в положительную сторону для нас, для будущего русской литературы, для наших с Вами бронзовых памятников (да, да, теперь уж, друг мой, — памятники, оба вместе, будут стоять — Ваш в Орле, а мой в Пензе и в Нижнем — после статьи о Вас — ибо она же конгениальна и, видите, союз торгово-промышленных служащих города Нижнего этого требует совершенно недвусмысленно, а Ваш памятник — заявлен пока только в Орле, — Петербург еще молчит — но уверяю Вас — что он-то потребует!). Кстати, в Литературной> газете на днях был воспроизведен памятник Алешке Толстому [548] — памятник как памятник — и рассказана его судьба: этот памятник еще валяется на каком-то свалочном месте в течение лет восьми — валяется и никак никуда графа не пристраивают, — вот чертыхался бы и матюкался бы Алешка. Итак, Ирине Владимировне поцалуйте ручки и скажите, что по-прежнему светск, изыскан и блюду ее интересы, как свои собственные. И в первый момент вздоха — постараюсь организовать чек ей авансом — за стихи. Но, стало быть, прозы к декабрьскому не будет? Это нужно знать АБСОЛЮТНО И ЗАРАНЕЕ. Проза нам была бы даже больше нужна, чем стихи, хотя стихи — повторяю — шедевренные, Вы правы!

Закругляю. О книге Адамовича (чудесное название у нее), конечно, мы дадим Вам написать с удовольствием, но вот есть какое но — Вы его покрыли в «Возр<ождении»> [549] (со всей присущей элегантностью!), теперь вся литература знает, что Вы помирились «нежно и навсегда» - и теперь Вы его неудержимо похвалите. И знаете, это, пожалуй, будет нехорошо. Мы хотим за ату книгу Адамовича и похвалить и поддержать. Мало же ведь книг-то у нас. Макулатура заедает. А тут — согласны Вы иль не согласны — но это книга, это литература, об этом можно говорить и можно это читать. Так вот — я думаю, что было бы лучше, если б его похвалил кто-н<ибудь> другой? Как Вы думаете — честно? Я думаю, вот Ульянов приехал — у меня сегодня будут ужинать — индюшку (конечно!) — индюшки и куры — это тут самая доступная и быстрая еда. Кур едят все безработные. А дурак Анри Катр что-то там говорил о воскресеньи [550] — Боже мой, как устарело это воскресенье — мы

бросаем в небо атомную бомбу и едим курицу, куриц, петухов — как семечки. Не подумайте, что люблю кур — не люблю — люблю баранину и уток — и гуся с капустой люблю. Т. е. любил — теперь все это — обезжирено и запрещено, как поцелуй в семнадцать лет! — Кажется, я пишу Вам стихами? Второпях не разбираю. Возможно. Итак, чек И. В. — подождите. Выясню с Мих. Мих. Ведь Вы даже и не представляете, что мы — НЖ — бьемся на бессонном ложе — наше дело — наше будущее — совсем не выяснено — и потому дек<абрьская> книга — трудная книга.

Выпейте за мое здоровье розэ во льду и — за здоровье Н.Ж. Вы, конечно, не следите за тем, что пишет мировая пресса о Ром. Гуле. А если б следили, то прочли бы в Карефур [551] — потрясающую статью — о Гуле как предшественнике Мальро и Камю [552] и о том, что я в сущности Киркегард. [553] Честное слово. Я Вам пришлю. Так что памятник в Нижнем, пожалуй, несколько опоздает — и раньше него на месте памятника Бальзаку на Монпарнассе [554] — воздвигнут будет памятник «предшественнику Мальро и Камю» — мерси и до свиданья! Простите за глупое письмо. «Мне сегодня хочется очень из окошка луну обоссать». [555]

Все у Вас будет — и чеки и оттиски — и увлажнение глаз (легкое). Прощайте! Пришла ли посылка! Тут были забастовки — и могла задержаться, но на посылку тоже ждем рецензию от И. В. — в смысле, что подошло, что нет, чтобы быть в курсе делов и чтоб знать, как вести себя с этой графской стервой и каботинкой Лили [556] - что сорвать, чего не срывать. Вчера с женой были на балете (испанском). Антонио — друг мой, первый класс — это и Гойя, и Эль Греко — и вообще «вырви и брось». Чудеснейше. Так бы вот сидел всю жизнь и смотрел этот балет... до смерти...

Чуть-чуть не написал — Эввива Эспанья — но вспомнил, что это безумно контр-революционно, [557] кажется. Орвуар. А бьенту! * «Продержись еще немножко... и получишь всю бомбошку...».

Ваш <Роман Гуль>

Жена оч<ень> кланяется!

* Au revoir. A bientot (фр.) — До свидания. До скорого свидания!

82. Роман Гуль - Георгию Иванову. 15 октября 1955. Нью-Йорк.

15-го октября 1955

Дорогой Джордж!

О, любите меня, любите! Сегодня заседали с Михаилом Михайловичем. Сделали эфор* — и шлем Вам чек — за шедевры и Ваши и Ир. Вл., которые пойдут в декабрьском номере.[558] Одновременно шлю свою статью о Георгии Иванове. Плачьте, красавицы горных аулов...[559] И буду с большим интересом ждать Вашей рецензии на эту самую посылаемую статью. Это из первого пробного номера выдрана. Оцените, граждане! Мне статья — без скромности — нравится. ЗВЕНИТ...

Дальше. Возвращать ли Вам Ваши стихи, напишите. Если надо — верну заказным. Если не надо — оставлю. Но пишите честно, я не библиофил. Но иметь их было бы не без приятности. Но если Вам нужно — пошлю тут же. Еще напишите: клянетесь ли Вы дать рецензию о Мандельштаме к декабр. номеру — тогда вышлю тут же. Но без ши-ши, а всерьез — мы должны рассчитывать твердо. И как насчет Адамовича — книги? А как Вы думаете, не написать ли нам Адамовичу офиц<иальное> предложение сотрудничества в НЖ — попросить о ч<ем>-н<нибудь>? Вы когда-то с ним говорили.

Обрываю, урываю, отрываю, убегаю.

Ваш: <Роман Гуль>

Ир. Вл. — рукоцелование, как говорил один чех.

* Effort (фр.) — усилие.

83. Ирина Одоевцева - Ольге и Роману Гулю. 17 октября 1955. Йер.

17 октября 1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогая Ольга Андреевна
и
Дорогой Роман Борисович,

Посылка прибыла сегодня утром и, как и можно было предполагать, вызвала бурю благодарностей и восторгов. Благодарности заняли бы по меньшей мере страницы четыре и я, зная, до чего Вы, Р. Б., утомлены чтением ненужно-многословных рукописей, скрепя сердце опускаю их. Перехожу сразу к восторгам. Восторг первый — черное платье. Такое, как я мечтала. Сидит как вылитое и вообще было совершенно необходимо. Разве можно без изрядно-нарядного черного платья? Второй восторг — коричневый костюм — к нему относится все выше сказанное. Третий — псевдо-меховая шубка. О ней не мечтала — она лучше мечты. Чувствую, что страстно и надолго влюблюсь и до самой весны обряжусь в нее. До чего уютна, тепла, легка, забавна. И стиля «вот тебе Америка!», чрезвычайно у нас здесь ценимого. Японский шарфик напоминает расцветкой бумажные фонарики русских дачных иллюминаций, такой экзотически-нежный и ласковый, не похожий на обыкновенный шелк. Пригодится на все случаи жизни. Блузка с пестрым воланом будет подвергнута операции — блузка останется сама по себе, а волан в виде пелеринки (не институтской, увы!) будет надеваться на нее. Шляпы отложатся «на завтра, на потом»,[560] т. е. на будущее лето. А жаль. В особенности черную с большими полями, на редкость элегантную. Но здесь шляпы носят только летом. Есть и полу-сожаление. Серый пиджак. Должно быть, Р. Б. снял его не с каботинки графа, а с графовой законной супруги, чем и объясняется почтенный и солидный размер и цвет. С каботинки все как на меня шито; ни одной даже пуговицы переставить не придется, А здесь потружусь немножко — приспособлю как домашнюю кофту, если не для себя, так для Жоржи. Очень люблю серый цвет. Жаль отдавать Жорже. Еще не решила. Скуплюсь.

Простите, что так подробно описываю свои восторги. Но раз

Вы причина их, то и терпите. Мне и так трудно не продолжать. Обрываю. Ставлю точку. Захлопываю дверь на еще горячо бурлящие восторги и благодарности. Только вот еще — трудно было мне лучше угодить. Ну, вот и довольно. Теперь, Р. Б., о деле кратко и ясно. (Ольге Андреевне благодарственный реверанс и еще — мерси и до свидания). Вам нужна проза. Будет Вам проза. Напишите только, когда сдавать. Уже начала писать. Ведь жары — главного препятствия — нет. А с ленью справлюсь. Можете на меня положиться. Не-на-дую. Не таковская. С волнением жду статью-памятник. Пришлите Carrefour. Факт небывалый в эмигр<антской> литературе — «Один из наших вышел в люди». Никому (даже Бунину) это во Франции не удавалось. Ремизова хвалят, но не читают. Поздравляю и даже завидую. Но зачем Вы несправедливо написали, что я люблю О<льгу> А<ндреевну> и Вас меньше, чем Жоржа? Оба — и он и я — любим Вас больше. И по заслугам. Как же иначе?

Ваша *И. О.*

Напишите, нравится ли Вам и О<льге> А<ндреевне> Ульянов. Мы с ним до странности подружились. Другого такого я не знаю — совсем особенный и до чего милый. А как бы мне хотелось этой самой индюшки, да еще с такими сотрапезниками — до слез, ох, как...

84. Георгий Иванов - Роману Гулю. 20 октября 1955. Йер.

20-го октября 1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Увидя померк мой. Вы тоже, верно, удивитесь. Краткое объяснение — почерк мой не мой. а Ирины Одоевцевой, одолжившей его мне для этого письма. Мне скрючило правую руку ревматизмом, а ждать, пока пройдет, совершенно невозможно. Итак, не удивляйтесь.

Статья Ваша прибыла вчера. Я действительно взволнован и ошеломлен Вашей блестящей, ошеломляюще восхитительной статьей. Ошеломлен и взволнован не тем, что Вы меня сажаете на потертое кресло [561] (хорошо, что на потертое, а не дырявое, что в переводе могло стать chaise регсее*) первого эмигрантского поэта. К этому я успел попривыкнуть. А Вашей всепонимающей любовью к моим стихам и к поэзии вообще, Вашим прозрением, Вашим двойным зрением, проникающим в самый состав стихов, до корней, на аршин в землю под корнями. Такое понимание сто, тысяча раз больше критики — своего рода сотворчества, участия в деле поэта. И еще поразило меня, в частности, Ваше замечание о моем экзистансиализме, до сих пор никем не замеченном, но кажущимся мне не только абсолютно правильным, но и очевидным. Да и многое другое — всего не перечислишь. И как безошибочны все Ваши цитаты. Как поразительно умно и талантливо. Еще лучше, чем о Цветаевой. Я читал и перечитывал статью и субъективно, и объективно, и — всячески.

Резюмирую впечатления. Субъективно: до предела доволен и удовлетворен, а Вы ведь знаете, как трудно угодить автору даже самыми пышными венками (лавровыми разумеется, не надгробными). Сказано то, что мне хотелось, сказано так, как мне хотелось. Объективно: какой талантище этот Гуль. Как «убедительно поет».[562] Надо будет почитать этого самого Иванова. Может быть, и правда в нем что-нибудь есть... И наконец — глазами собратьев по перу, у которых в глазах мутится от злости и зависти: почему не обо мне?

Одним словом - то, что совершенно и не требует изменения. И еще - лучшие слова в лучшем порядке. [563] Задание

воздвижения памятника исполнено на ять, на все 120%.

Только одно недоумение в оркестре восторга: «Последней конкретной темой часто звучащей в оркестре ивановской поэзии, является... *тема убийства*» (курсив мой). И дальше еще удивительнее — «К ней Г. Иванов возвращается чрезвычайно напряженно, как к галлюцинации...». [564] Развожу руками, хлопаю глазами. Ну, где, скажите на милость, и когда? И откуда Вы, дорогая душка, это взяли? Кроме однажды оброненного — «Сегодня меня убили, завтра тебя убьют»,[565] слово «убийство», как и глагол «убивать», мной, кажется, вообще никогда в стихах не употреблялось. А что касается «даже датированной» «Черной крови из открытых жил», [566] так это, между прочим, любовное. О самоубийстве от влюбленности (в стихах, а не на самом деле, как Маяковский). Разве Вы не поняли — «Так давно, что забыла ты?» [567] Или Вам казалось, что тут упрек соучастнице мокрого дела, забывшей, как она помогала мне тащить по скользкому льду мертвое тело в прорубь?

Я шучу, но тема об убийстве в моей биографии меня действительно начинает беспокоить. Как Вы правильно изволили заметить, «Как мы долго будем с ним вместе — Бог знает...». [568] И сходить в могилу убийцей не хочется, знаете. Никогда никого не убивал. Чем-чем, а этим не грешен. Не только в жизни, но даже в стихах, тем более в мыслях. Обожаю страшные сны, но, к сожалению, никогда не вижу ни убийств, ни казней. Так что прошу — верьте на слово — не убивал и не галлюцинирую убийствами.

Конечно, знаю, откуда ветер дует. Без меня меня женили. И Русская Мать [569] была в этой клевете очень деятельной посаженной матерью. Если Вас вся эта история интересует, напишу Вам совершенно конфиденциально разъяснение с непреложным доказательством моего неучастия в этом, действительно имевшем место в феврале 1923 г. (четыре месяца после моего отъезда) мокром деле. [570] Если дадите мне слово молчать, «пока мы еще вместе с ним»,[571] — даже посоветуюсь с Вами на случай, что меня не станет. Но обо всем этом после Вашего ответа.

Ну, вот. А то, что у меня облик poete'a maudit,[572] — мне крайне лестно. Я-то думал, просто плюгаво-церемонный старикашка. — а оказывается — даже отталкивающий. [573] Порадовали и тут. Польстили! Угодили. Спасибо.

Прерываю на два или три дня, когда не буду нуждаться в чужой помощи для высказывания своих чувств и мыслей.

P. S. Как водится, Жоржа чрезвычайно недоволен

одолженным им почерком, утверждая, что вместе с почерком я одолжила или, вернее, навязала ему мой стиль —- и, конечно, все испортила. Не спорю. Но отказываюсь от дальнейшей работы. Так что ставлю точку. И прибавляю только

И мое мнение:

Статья действительно — Ах, ах, ах, не могу!..

И катится слеза из глаз,
Чистейший драгоценнейший алмаз...[574] —

как сказал поэт. Впрочем, что слезы?

«Слова, как ветер. Слезы, как вода», как правильно сказал другой поэт (т. е. я).[575]

А тут фундаментальное потрясение всего существа неистовым восторгом. Но, сознаюсь, не без зависти. Отчего не обо мне? Хотя ясно отчего. Оттого, что правдиво. И даже в высшем смысле — правдиво.

Все же утешаюсь посильно тем, что я жена Георгия Иванова, заслужившего статьи-памятника. Поглядываю на себя в зеркало, вот она я какая. А если Вы представите себе, что на мне сегодня коричневый костюм, блузка в персидский боб, лунное ожерелье и, так как холодно, сверху наброшена шубка с вышитыми рукавами, то Вы поймете, что отражение. Вами наряженное и разукрашенное. действительно довольно утешительное.

И еще: спасибо за чек. Деньги, конечно, дело наживное, в особенности по сравнению со статьей — но все же...

Ваше требование: любите меня, любите! тоже выполнено нами на все 120%. Любим и еще как! Хотелось бы мне из глубины моего благодарного сердца

Тебя, тебя в моих стихах прославить,
Как женщина прославить не могла.[576]

Да вот сумею ли? Все же твердо надеюсь — соберусь с силами и прославлю.

Скажу напрямик без изгиба:
За все твои ласки спасибо.

А засим — будьте здоровы и счастливы. Сердечный привет О<льге> А<ндреевне> и поздравление с таким замечательным мужем от жены замечательного же мужа, им прославленного.

Ваша И. О.

* Стульчак *(фр.)*.

85. Георгий Иванов - Роману Гулю. 25 октября 1955. Йер.

25-X-1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Я еще не совсем очухался и предпочел бы написать Вам, когда очухаюсь совсем. Но, с другой стороны, мне хочется, как умею, поблагодарить Вас за Вашу статью. Хоть коряво, но собственноручно.

Ваша статья блестяща и оглушительно-талантлива. Еще блестящей, чем о Цветаевой. Никто так о поэзии не умеет писать, да и очень редко, кто вообще умел. Я говорил Вам как-то а одном из писем, что при полной «непохожести» статья о Цветаевой — эквивалент лучших статей Анненского. Не в «Аполлоне», где он хотел угодить, а тех, которые он писал «для себя». Еще вспоминается Леонтьев — «Эпоха, стиль, веяния».[577] Верьте моей искренности: ведь статья напечатана, что же мне к Вам подлизываться задним числом! Самое замечательное в статье ее подъем, полет. Все летит и звенит. Первый поэт и прочее обо мне говорили и писали, как Вам известно. Но всегда удручающе бездарно — ни «первого», ни вообще поэта не было видно. Для примера у Вас есть статья Зинаиды об «Атоме». А ведь она прямо бесилась от «Атома» и несколько воскресений у Мережковских говорила только о нем. [578] И она же пустила в ход «первого поэта». Она была умница, я нежно ее любил и «уважал». Но все было, как горох о стенку: могла бы и не восторгаться. Не говорю уж об остальных.

Совсем не значит, что я совсем с Вами согласен. В части, касающейся «Атома», готов возражать слово за слово. Но и возражать Вам, «как в море купаться». Я не в форме. Отложу эти возражения — если желаете их узнать - до другого раза. Хочу закрепить главное. Вы чудесно написали, согласен я или не согласен. Настоящий читатель - согласится - Вы его кладете на лопатки. И я - как читатель - прочел и перечел наслаждаясь, забыв того Георгия Иванова - которого, м. б. ошибочно - понимаю по-своему - видя и принимая целиком - того Г. Ив., которого подносит Гуль. Повторяю опять - грех, если Вы не напишете свою «Книгу отражений». Или свою «Эпоху, стиль, веяния». Или - может

быть еще точнее - Ваши «Воображаемые портреты». [579] Ибо критика большого плана всегда «Воображаемые портреты» и, м. б., именно тогда она может быть восхитительно-убедительной. Заметьте, что Дуанье Руссо [580] свои фантастически-гениальные портреты консьержек и бедуинов писал, предварительно измеряя «натуру» сантиметром — он хотел быть академически-объективным. Все это не значит, что в основном Вы все преувеличиваете или искажаете. Напротив, как раз наоборот. Правда как раз у Вас. Вы насквозь чувствуете поэзию. Ваши цитаты безошибочны. Другое дело — источники этих цитат. Тут я со многим готов спорить. Но это «обывательщина», как говорил Мережковский о всем лично-частного порядка. Общее же у Вас гипнотизирующе убедительно, и, следовательно, «остальное все равно». [581] Ведь так? Скажу так: поздравляю нас обоих — себя, что обо мне так написано. Вас, что умеете — т. е. что Вам дано — так писать.

Спасибо, дорогой душка. Я болен — не взыщите. Ответьте мне. Ведь последнее время от Вас все не письма — ужо напишу. Так вот напишите. Извините и за стиль и за почерк.

Ваш Жоржа

Приложение

Я непременно желаю написать о Мандельштаме. Но где же книга?

Писать или нет об Адамовиче, скажите толком. Написал бы коротко и прохладно-лестно.

Слать ли Вам ему официальное приглашение. Как сказать? Мои доводы прислать за и против.

Все, что касается Адамовича (нашей переписки) с Вами о нем в прошлом и будущем, не передавайте Варшавскому - Иваску. Это все равно, что прямо ему.

Ходасевич <вписано вместо зачеркнутого «Русская мать». - Публ> к моменту выхода «Атома» помирился со мной и даже написал в Возрождении о «Атоме» большой фельетон, вполне корректный. [582] «Русская мать» - это жена доктора Манухина. [583]

«Убийство старухи» произошло в конце февраля 1923 года [584] — Ваш же покорный слуга уехал заграницу в октябре

1922. [585] Здравствующий М. В. Добужинский, [586]встретив меня на Николаевском мосту в день отъезда, провожал вместе с актером Щербаковым [587] до посадки на пароход. При случае спросите его, м. б., помнит. Поэтому галлюцинаций у меня на этот счет не имеется. Но вопрос — пущенный на этот раз именно Ходасевичем [588] на старости лет меня начинает беспокоить: не хотелось бы, все-таки, иметь в биографии ентакого пункта. Хочу посоветоваться с Вами, раз Вы это говно тронули, как тут быть. Ответьте на это.

Ох, написал бы я об этом самом «Зиму» и какую! Да ведь нельзя.

После Вашей статьи мне, как женщине родить, ужасно захотелось издать книгу «самого лучшего». И с Вашей статьей в качестве предисловия. Ведь моих книг абсолютно нет в продаже. За «Цитеру» [589] «по случаю» сам заплатил 1500 ф<ранков>! Вот нам бы по горячим следам какого-нибудь «графа», любителя поэзии. Здесь таких нет, нечего и искать. Подумайте, а?

Ну еще раз обнимаю

Г. И.

86. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 октября 1955. Нью-Йорк.

28 октября 1955

Дорогой Георгий Владимирович, я получил оба письма — и Ваше, писанное рукой Ир. Вл. и Ваше, писанное Вашей собственной рукой (сегодня). Большое спасибо. Чтение было очень интересное. Хочу Вам ответить — подробно, вырвав хорошую «минуту» — т. е. чтобы не торопиться.

Сначала о статье. Я рад, что Вам она нравится и Ир. Вл. тоже. Мне она тоже — представьте — нравится. Чувствую, что хорошо сделано, настоящая работа, работа настоящего «ювелира», а не так, шаромыжника какого-то. Прошу прощения за комплимент самому себе. Но будем говорить без дураков и без реверансов. Я как-то очень удачно Вас «разрезал» и показал ваши «внутренности». Тому — уже есть подтверждения. Скажу о них. Журнал мы только-только разослали. И вот — звонит Ульянов (он приехал), говорит, только что кончил читать статью, не может удержаться, чтоб не выразить громадного удовольствия и пр. и пр. Особенно, говорит, его поразила правильность утверждения — об экзистенциализме. Я, говорит, сам об этом думал, но как-то не решался это выговорить и пр. Вообще, комплименты и мне и Вам — агромаднейшие. В частности, хорошо, что статья вышла вместе с Вашими превосходнейшими стихами — получился такой «пандан», что дальше ехать некуда. Потом. Звонит Завалишин — в полном восторге. Говорит, что за всю свою эмиграцию не читал никогда такую блестящую критическую работу — и все, говорит, так бесспорно убедительно подано — перечитывал дважды — просто дальше ехать некуда. Затем. Сегодня встречаю Корякова. [590] — Р. В., кричит, если бы я был девушкой, я б Вас расцеловал бы за Вашу великолепную статью об Иванове — это самый первый класс! — на каком уровне! — и прочее.

Далее — звонил Глинка — тоже хвалы. Но что меня сегодня очень приятно толкнуло в сердце — это слова о. Александра Шмемана.[591] Знаете его? Это очень культурный, тонкий, франц<узской> культуры человек — с большим вкусом и большой эрудицией. Только увидал меня сегодня в Ам<ериканском» Ком<итете> (в редакции скриптов) — сразу — ко мне. Ну, говорит, Р. Б., я вчера прочел Вашу статью об Иванове - это совершенно блестяще. И знаете, я как-то не вдумывался в Иванова (он Вас, конечно, прекрасно знает и любит

Вашу поэзию), но Вы его так интересно подали — что я его совершенно по-новому увидал. Очень, очень хорошо — просто великолепно! Далее. Входит Варшавский — Р. В., говорит, только что получил НЖ Не читал еще Вашу статью, но со всех сторон слышу о ней такие отзывы, что сегодня же бегу ее читать (Варш<авский> это — окружение М. С. Цет<линой>, Яновский, [592] Иваск и пр.). Вот первые отзывы — и все как на подбор — с ними, конечно, дядька Черномор. Мне это приятно как-то «вдвойне»: за себя и за Вас. Действительно «дело сделано», настоящее литературное «дело» Все равно, что сказать — на, разуй, глаза-то, посмотри, какой у нас есть Иванов! И разули глаза и поняли. Но есть отзывы и другие. Старшее поколение - не так это воспримет. Я страшно дружен с М. В. Вишняком — ежедневно перезваниваемся или видимся, он живет в нашем доме. Он прочел самый первый. Звонит и говорит: я страшно расстроился Вашей статьей. Почему? Он говорит расстроенным голосом — всерьез: — Да как, говорит, почему? Статья, конечно, интересная. Самое интересное в ней — это все, что Вы говорите об экзистенц<иализме> Г. Ив., — это. конечно, говорит, совершенно верно — он, разумеется, экзистенциалист. И он, бесспорно, поэт оч<ень> талантливый... Но вся Ваша установка.. Вы превратились в какого-то «ничевоку», [593] который требует отделения искусства от государства и пр. и пр. Очень был расстроен Вишняк, потом пришел к нам и долго говорили на всякие отвлеченные «искусственные» темы. Но и он — стоя совсем на других позициях — признает интересность «постановки вопроса». Мои политические приятели — старшего поколения, конечно, не очень восторженно воспримут эту статью. Я это знал. Но ке фер, фер-то ке? [594] Так думаю, так чувствую, так живу ...

Ну, вот. О том, что М. М. Карп<ович>, прочтя еще в рукописи, оч<ень> одобрил, я Вам, кажется, писал. Он написал мне, что «эволюция Иванова подана чрезвычайно убедительно, а статья написана отлично и пр.». Итак, пока что мы с Вами завоевываем - материки, острова, полуострова - и прочее. Поздравляю Вас - поздравляю нас.

Я прекрасно понимаю, что Вы могли бы мне возражать всерьез насчет многих моих утверждений. Я это знал. Но это только хорошо. Всякий «портрет» — требует возражений, комментариев, исправлений другими по-своему и т. д. И если Вы мне о них напишите — я буду оч<ень> рад, буду читать с большущим интересом, хотя я уже предвижу многое — и когда писал — предвидел их. Тем интереснее. Вы совершенно правы — важно, чтоб я клал читателя на обе лопатки — а если найдется читатель, который начнет выкарабкиваться, — стало быть,

оч<ень> интересный читатель — стоит послушать — как и что. Знаю также, что в статье есть, конечно, кое-где и «белые» нитки. Они были нужны — многое надо было «сшить». Они незаметны читателю, но я-то знаю, где они есть. Вы говорите о написании книги, но, «дорогая душка», как Вы выражаетесь — когда Вы двадцать четыре часа вертитесь как белка в колесе, какие уж там книги! В руки взять книгу — и то нет времени. Ведь статья эта была обязана только летнему отдыху и тому, что и обдумывал ее и писал у чудной миссис Хапгуд — в чудном Питерсхэм — на веранде. А тут бы и не написал. Потому так мало и пишу вообще (и от этого страдаю, ибо годы наши уже великие).

Теперь отвечаю на «приложения». А потом на большое письмо, написанное рукой Ир. Вл., которую, случайно, цалую за это, и не за это, а вообще — «и я который раз подряд цалую кольца, а не руки». Итак — «приложения». Мандельштам к Вам ушел уже несколько дней тому назад. Скоро получите. Простите, что я, читая, кое-что отмечал (чертил) карандашом — такая уж скверная привычка. Кстати, эти два обалдуя — Струве и Филиппов [595] — собрали все, что могли (хотя Завалишин отметил в «Н<овом> р<усском> с<лове>»,[596] что кое-чего существенного они не взяли), но, на мой взгляд, они сделали не книгу стихов — а «справочник по Мандельштаму», все стихи занумерованы, что на мой вкус просто ужасающе, все эти разночтения, сноски, и пр. Одним словом, это не живая, не живущая книга —(а стихи именно так и существуют только), а какие-то выходящие и входящие. Но это вполне» во вкусе - «рыжего мерзавца» (выраж<ение> Бунина) Струве [597] и этого стоеросового Филиппова, кот<орый>, кстати, болен манией ругани и шпилек по адресу всех - и в своем Клюеве — насажал и Вам всяких. [598] Таких, что, думаю, прославлять этих «бестиев» не стоит, а, м. б., даже и наоборот. Струве, напр<имер>, с необыкновенной элегантностью пишет в Мандельштаме: «если верить Иванову...». Я эту тупицу и пошляка (тоже стихи пишет!) терпеть не могу - герр профессор - бездарен, как пуп, и необыкновенно высокопоставленный тон обо всем. Итак, послано. И пишите скорее. Если хотите - «входящие и выходящие» - дарю охотно Вам - в отзыв. Хорошо, пишите и об Адамовиче тоже. Но книга у Вас есть, наверное. Посылать не буду, да у меня ее и уперли куда-то. Но только ради Бога — сбросьте ветхого Адама - и напишите поскорее. И о Манд<ельштаме> и о Адам<овиче>. Тем более же Вы ведь не будете писать длинно об Адам<овиче>, как сообщаете. Жду рецензий, стало быть, обязательно. А м. б., Ир. Вл. напишет об Адам<овиче>? Делите как хотите. Адамовичу хочу написать

предложение о сотрудничестве. Многие «его хотят иметь». И мы с М. М. не возражаем - надо же ведь все-таки объединять вокруг журнала — все что еще у нас есть. Скоро - ничего не будет — останется один лихой человек, вроде к<акого>-н<ибудь> Ширяева — вот будет страсть (в смысле - ужасище)! Понимаю прекрасно, что Варш<авский> о<чень> дружен с Адам<овичем> и учитываю. Иваска не вижу, он в Кембридже, но когда и вижу, то стараюсь не видеть - это очень унылая поллюция... Не знал, что «русская мать» Манухина. Мерси. Теперь переходим к теме «пиковой дамы». Во-первых, Вы неправы, эта тема в Вашей поэзии есть — откуда же я ее взял - жаль, что уничтожил черновики (разработки всех Ваших книг - где все размечено на отдельн<ых> листочках - все темы, все, все). И теме убийства посвящено много у Вас - не могу лезть в книги Ваши - но вот, что вспомню — «чья-то кровь на кривом (или на каком-то еще) мухоморе» [599] - потом - «без прицела и без промаха, а потом шажком...» [600] и мн. др. И когда (а м. б., мухомор это не то? забыл, не могу рыться сейчас). Одним словом, я на это обратил внимание в *поэзии*. И подумал — а не легенда ли тянет [601] — и это как-то в меня вошло — и я дал несколько строк. М. б., зря. Не додумал. М. б. Прошу прощенья, если так. Но снявши голову по волосам не плачут. И вот сейчас я расскажу Вам, как это все «я услышал». Не помню точно, когда приехал в первый раз заграницу Костя Федин, году, кажется, в 25-м, а м. б., в 26. И как-то говоря о цехе поэтов (к вам ко всем он относился — не сочувственно — как к лит. течению), он сказал — «а знаешь, вот если б у нас случился перевертон — то они бы пришли наверх». Я спросил, «кто они?» — «да вот все они — парнасцы...» Костя — реалист, и ему все это чуждо, и он Вашего течения сторонился, враждовал с ним внутренно. И далее он мне рассказывает: а знаешь, какая с ними вышла история? Ведь, когда они переехали границу, в квартире А<дамовича> нашли труп матроса. Поднялось дело. В лит. кругах заговорили. Известно было, что власти хотели их вернуть, предъявив, т<ак> с<казать>, то, что надо. Но потом власти решили дело замять. Я спрашиваю: почему же? Да, наверное, не хотели скандала — все-таки писатели, поэты Сов. России выехали и вдруг на весь мир эдакий скандал Поэтому, как говорили, дело и решили «замять для ясности». И замяли. Вот что я слышал от Кости. Дальше. В Париже после войны кто-то из богемы что-то мне плел на эту тему, но не точно и неясно. Но в том, что рассказал Костя, в истине этого сомневаться не приходилось. О том, что Ход<асевич> что-то говорил на эту тему — я не слыхал Вот Вам докладаю как на духу, что мне известно было. И хоть тут главная

роль приписывалась не Вам, конечно, а Вашему другу, но все ж я допускал, конечно, что что-то «было, было, бы...» [602] Да, запамятовал Я, помню, сказал Федину, ну, знаешь, не думаю, чтоб А<дамович> был бы на это физически способен, это ведь, наверное, не так просто — «мокрое»-то. Я могу его представить в роли, м. б., отравительницы Локусты, [603] но — так, всерьез, не верится... А Костя говорит — да никто же толком не знал — как там это произошло — Локуста или Лангуста — но факт на лице... Вот Вам — для сведения. Если Вы хотите со мной, как Вы пишете, посоветоваться «для истории» — пишите. Посоветуемся.

Тут произошел перерыв в писании письма — продолжаю уже на другой день. И представьте — с статьей происходит что-то невероятное. В моей квартире все время звонит телефон — «звонок звонил, не умолкал, пока я брюки надевал». Никак не ожидал такого ошеломляющего резонанса этой статьи. Звонила Галина Кузнецова — трактовала как «событие», благодарила, говорила о появлении «нового критика и нового поэта» - и все нас с Вами как-то спаривают, будто эту статью писали мы вдвоем. Хотя, знаете, в этом есть что-то совершенно верное — так это, в сущности, есть... это «произведение вдвоем». Но Галина — это понятно и не так уж ошеломительно. Но вот звонит Ираклий Георг<иевич> Церетели [604] (с кот<орым> я в хор<оших> отношениях — но редко перезваниваюсь). Он оч<ень> хвалил статью о Цветаевой в свое время (он ее поклонник большой), но тут — это был какой-то просто замечательнейший отзыв. Говорит, что мало знал Вас как поэта, но что я Вас так показал — такие интереснейшие цитаты и такой интересный разрез, — что он сразу видит, что это интереснейший поэт и пр. и пр. Уговаривал писать дальше — критические статьи — и обяз<ательно> издать отдельной книгой, уверял, что это «оч<ень> нужно» и пр. Одним словом — разволновал старика. Я был даже и удивлен отчасти, ибо тот же Цер<етели> страшный почитатель Чернышевского и Добролюбова. Затем — Денике. Ю. П. [605] — определил статью, как блестящую, сказав, что необычайно смелые и интересные мысли в связи с Вашим экзистенциализмом. Все хором подчеркивают эту самую «смелость мыслей» необыкновенную (не легкость, конечно...). И все отзывы — однотипны. Докладаю Вам все это для того, чтоб Вы видели — как «нас» приняла элита... приняла на ять. Между прочим, о Вашей книге — мне в голову уже пришла мысль, когда я еще писал статью. Неизвестно, будет ли жить «Чех. Изд.» — в пятницу было какое-то решающее заседание, но никто еще не знает результатов. Надежд, говорят, немного. Конечно, было бы легче всего издать это у «Чехова» — «опять же гонорар» Вам был бы... Но если у них это булат мертвое

дело — то надо подумать. Я дружу с своим старым издателем А. С. Каганом (он же и Ваш издатель). [606] Он мне как-то рассказывал о далеких петрополисовских временах в Питере - и вспоминал Вас - каков Вы были, когда у него издавались. Кстати, пишете Вы иль не пишете новую «Зиму» — и не слишком ли Вы церемонитесь — то нельзя, да другое нельзя — а попробуйте как «мозно, мозно» (кстати, хорошо, что дал Ваше письмо в статье — кстати пришлось) [607] — а уж когда будет написано — тогда увидим, что «мозно», а что «нельзя». Для процесса писанья вредно ставить такие преграды — они отразятся на полноте голоса. Надо писать — как на кушетке психоаналитика (не бывал, но представляю) — дать свободу «ассоциациям» и «памяти». А потом уж — препарировать... Ну, вот, сейчас еще посмотрю, какие пункты не отвечены — в первом письме, писанном рукой И. В. Там неотвеченным осталось только — о «поэт моди».* Это я умышленно дал, тут «подгустил» краску — черным по белому — ведь это же портрет. И так он получается — привлекательнее, но подгустил не чрезмерно (как и кое в чем другом), а с тактом. Я представляю, как Струве (рыжий мерзавец) напишет о Вас в книге об эмигрантской поэзии — «Г. Ив. родился в военной семье, благодаря этому он никогда не ковырял в носу и даже окончил кадетский корпус в первом десятке. Впрочем...».

Если И. В. пришлет прозу — то это надо делать быстро. Очень. Но я не верю, что пришлет. Так же не верю, как, что Вы пришлете прозу. Жду, стало быть, отзывов о Манд<ельштаме> и Адам<овиче>. Можете поделить с И. В. для быстроты, если хотите. Ну, кончаю, вышло какое-то письмо — монстр. Аминь! Оч<ень> рады, что вещи для И. В. подошли. В частности, чье это, «как женщина прославить не могла»? Очень звучит, но не знаю чье. Всех благ, Ваш

<Роман Гуль>.

* Poete maudit*(фр.)* — проклятый поэт.

87. Георгий Иванов - Роману Гулю. 14 ноября 1955. Йер. [608]

14-XI-1955
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

В прошлый раз Вы иронически фыркнули на вырвавшуюся у меня по Вашему адресу «дорогую душку», и я собирался, подражая покойнику Миркину-Гецевичу,[609] впредь титуловать Вас «уважаемый коллега» или «дорогой собрат по перу» — чтобы было, как у людей. Но получил Мандельштама с Вашими пометками и не могу удержаться. Дорогая душка, какая Вы умница и свой человек! Все в самую точку — и где восхитителен Мандельштам и где тошнит от глубокомысленной «научности» обоих «рыжих мерзавцев».[610] Эх, сволочь! Оба — не знаю, кто тупее. Филиппову все-таки хоть извинение «ще молода детина», всего десять годочков, как заделался «тонким эстетом» — диаматом еще разит, как шуба нафталином. И, думаю, безнадежно — не выветрить никогда. Ибо если выветрится, то что же останется?

Сдержу, насколько сумею, свое перо, чтобы не терять достоинства, к которому обязывает место, т. е. страницы Нов. Журнала. Были бы какие «Числа» [611] или другой хулиганствующий орган, да были бы у меня нетрудовые доходы из Риги, как до Второй мировой бойни, [612] я бы их обмордовал. Но времена не те. Буду писать академически — тонко. Напишу, вероятно, быстро — убедитесь. Напишу, увы! С грустью. Не беда, что Мандельштам подан со всей роскошью безобразия внешнего и внутреннего — одна нумерация стихов чего стоит! Беда и грусть — что все поразительное, почти целиком, исчерпывается «Камнем» — «Тристиа». [613] Дальше — крушение. И не советский быт тому причина. Ну, об этом я поговорю в статейке.

Адамовича я сочинил. Политический автор перепишет его четким почерком — тогда увидите. По-моему, кисло-сладко и он будет недоволен. Но о перехвалке, которой Вы опасались, не беспокойтесь. Да что мне Адамович? «Не жена, не любовница и не родная мне дочь» — знаменитые строчки Полонского, [614] которыми, перелицевав слегка, начала свой опус какая-то Ваша поэтесса - в посл. книжке Нового Журнала. [615] Да, кстати, - «как женщина прославить не могла» - это же Ахматова. «Сережа, это же

папа!» — воскликнула мамаша Маковского... Впрочем, всех анекдотов, которые лезут в мою пустую голову, не перескажешь. Умрут со мной - не такие царства погибали.

В строчку же (чтобы кончить со всеми строчными строчками разом) в моем стишке об Орле «вкралась»-таки, несмотря на двух нянек, опечатка: «Господи прости», а не «спаси». [616] Смысл, конечно, тот же (если он вообще есть, ибо неизвестно собственно, что я желал выразить!), [617] но рифма подгуляла. Впрочем, плевать.

Успеху «нашей» статьи очень бурно радуюсь, «особенно по вечерам». [618] Утром я мрачен и ничто обрадовать меня не может: пью жидкое кофе и только потом закуриваю безникотиновую сигарету. Ко многому привык - а к этому не могу. Дворянские навыки, выработанные годами, - полпачки голуаз в кровати, а потом, перед чашкой крепкого кофе, что-нибудь согревающе-укрепляющее - никак нельзя забыть. Но опять-таки кондрашка не тетка - а она о себе очень напоминает и при теперешнем моем удручающе-пресном «режиме». Все вместе перерабатывается в черную неврастению. Ох, «скучно жить на этом свете, господа». [619] А с другой стороны чрезвычайно не хочется умирать молодым, несмотря на авторитетную рекомендацию моего однокашника Надсона. [620]

Хорошо. Не считайтесь, душка, - виноват, достопочтенный коллега, — с тем, что я пишу всякую ерунду, и ответьте мне «обо всем». Вы моя единственная «связь» с «вершинами жизни», если еще помните гениальные стихи некоего князя русской поэзии. [621] Во-первых, если есть еще отклики на нашу статью - изложите их. Бурно интересуюсь. И как, сдохло или не сдохло Чех<овское> Изд<ательство>. Ведь Ваша статья может их подковать. «Хочется мне родонуть», как Бунину говорила какая-то эфирная особа. [622] И чтобы заплатили мне за «труд всей жизни». Тоже не менее хочется. Ведь, ей богу, обидно - занял потертое кресло, всех Терапианцев и Корвин-Круковских [623] пережил, а нет ни сахару, ни чаю, нет ни пива, ни вина. И в этом смысле положение начинает «жутко обостряться».

Книги, конечно, держите у себя. Других у меня нет, но перечитываньем своей музы я не занимаюсь. Но не выбрасывайте - их нет в природе, и Цитера, [624] напр<имер>, продавалась - больше нет жуликом Капланом [625] по 2-3 тысячи, смотря по щедрости покупателя. «Последний экземпляр, только для Вас».

Пусть они лежат у Вас «в хороших руках», пока не понадобятся.

Насчет хороших рук - и много сериознее. Я действительно хочу облегчить душу и - «долго ли он будет среди нас»? Пока не

поздно — лучше Познер, чем никогда, сказала Вове Познеру его невеста, когда спросили: «Что Вы в нем нашли?» [626] — пока не поздно, я хотел бы доверить в действительно хорошие — дружеские верные руки маленькую рукопись, излагающие излагающую. — Публ.> некие факты. Я, конечно, помирился с Адамовичем и все такое, но соучастником убийства «входить в историю» не охота. <Вычеркнуто: Ничего не предусматривая. — Публ.> Если Вы на это согласны — я хочу вручить Вам несколько страничек. Для прочтения Вами и с просьбой поступить с ними, как Вы найдете правильным, когда я помру. Но, конечно, если это Вас как-нибудь свяжет или отяготит, скажите откровенно. Других «верных рук» у меня нет. Все, что передавал Вам Федин и его догадки, почему дело было замято — глупости. Никакого матроса и вообще романтики не было. Было мокрое дело с целью грабежа. Прекращено оно было по приказанию Че-ка. Уголовный розыск все раскрыл — и сообщил сведения газетам — замолчал по приказу оттуда.* Я тут не более при чем, чем примерно Вы или президент Эйзенхауэр.[627] Так вот, ответьте. Если согласны — напишу и пришлю и даже обратной почтой.

И. В. очень Вам и Ольге Андреевне кланяются, а я почтительно целую ручки. Вышло, что целую и Вам ручки. Ну и стилист! *Г. И.*

* а почему вмешалась Че-ка — тому, если желаете, «последуют пункты».

88. Роман Гуль - Георгию Иванову. 17 ноября 1955. Нью-Йорк.

17 ноября 1955

Дорогой собрат по перу, только что получил Ваше письмо, и время вырезается так удачно, что могу ответить тут же. Свалил всегдашнюю срочную работу (за неделю) и могу «вздохнуть полной грудью». Итак. нет. я не против «дорогой душки», она мне, конечно. как-то не очень нравится, но в общем, может быть, она не так уж плоха? Душка-то? Бог с ней, пусть остается! О Мандельштаме очень буду ждать, хочется все это запустить в дек<абрьскую> книгу, а с этим надо все-таки торопиться. Насчет «рыжих» — чудесно сказали, в особенности про шубу из диамат-нафталина. Это, увы, приложимо не только к нему — а ко многим пишущим из этой категории. Да, сам грущу часто, что НЖ — журнал академический. Я было попробовал раз (еле-еле) «басом» сказать о Терапианце,[628] и то всякие начались ламентации. В другое время, в другом месте — можно было бы поговорить и веселее и резвее. Но, увы, не те времена, не те нравы. Кстати, о Мандельштаме. Вы тысячу раз правы — и даже в «Камне» и «Тристии» — не все прекрасно. А вся книжица — просто тяжела. И еще вот что хочу о нем сказать. Ну, конечно, у него есть прекраснейшие вещи, настоящие, первый класс (эти желтки ленинградские и деготь, и дано мне тело,[629] и многое другое). Но вот в чем закавыка. За всей его поэзией — нет *человека*. То есть — автора. То есть (выражаясь по Львову-Рогачевскому,[630] что ль) — нет *творческой личности*. Вот поэзия Сологуба, Гумилева, Анненского, Георгия Иванова и Вячеслава — я везде чувствую — «поющего человека» («так поет Собинов» — а «вот так Шаляпин» — «а вот эдак Пирогов» — «а так Бакланов» [631]). И у поэтов тоже. А за стихами Мандельштама — пус-то-та. Такое ощущение, будто вся его поэзия состоит из откуда-то украденных замечательных строк и строф. Не его. И ничьи. Но чьи-то — «краденые строки» — «краденые стихи». А поэта-человека — нетути. Вот на мое ухо, на мой слух — как я воспринимаю эту поэзию. Согласны? Почувствовали, что я хочу сказать?

Далее. Вот видите, при всей моей необразованности — я, стало быть, хорошо почувствовал — эту прекрасную строку — «как женщина прославить не могла». Но - честно говорю - хоть убейте - забыл - забыл - не угадал Ахматову. И больше того, и сейчас не помню, из какого стихотворения - Блоку? Будьте

добрым - напишите. А строка хороша. Буду ждать, чтоб меня так же прославил политический автор. Он может. Даже - могёт!

Но уж прошу еще сильнее. Расскажите анекдот — «Сережа, ведь это же папа!». Пожалуйста. Вы чудесно рассказываете — даже в письмах (устно не слышал) — доставьте удовольствие. А для того, чтобы Вас обязать рассказать, вот сейчас расскажу Вам в свою очередь. Причем я совершенно лишен способности рассказывать — анекдоты — хорошо. Итак. Недавно слышал в одной компании следующее. У советского генерала — жена из колхозниц отправляется на бал. Приезжает с бала в восторге. «Васька, — говорит, — Васька, какой я произвела там фураж!» — «Дурища. — отвечает ей генерал, — не фураж, а террор!» На этот анекдот другой из присутствующих рассказал соответствующий американский анекдот. В одном американском обществе зашел разговор о музыке Брамса. [632] Одна из американок, не желая отстать от светского разговора: — «Брамс? Ах, я его прекрасно знаю, мы часто с ним ездим в автобусе номер 2 с Лонг Бич».[633] Как только они с мужем ушли с этого вечера, муж на улице накинулся на жену: «Дурища! Ты всегда меня позоришь! Лучше ты вовсе не раскрывала бы рта!» — «В чем дело?!» — «Да об этом Брамсе! Ведь все же знают, что автобус номер два уже полгода как не ходит с Лонг Бич!»

Вот. Пожалуйста, теперь очередь за Вами — о Сереже Маковском.

Насчет диэт Вас чудно понимаю, потому что вот уже год как меня посадили тоже на диэту — «печень, желчный пузырь» — ничего вкусного, ничего жирного, ничего соленого, и никакейшего алкоголя, что самое ужасное, и никакого чая и кофе — одним словом, «болезнь моя почетная, по ней я дворянин» — «с французским лучшим трюфелем тарелки я лизал». [634] Знаю, как все это и скучно, и гнусно. Вообще — старость — вещь исключительно противная и главное, действительно, «подходит шагами неслышными». Такая сволочь! Но сделать ничего нельзя-с. Я. полагаю, моложе Вас на сущую пустяковину — ну, на год, на полтора. «96-го года рождения», как говорят у нас на бывшей родине. Посему я так элегантно и написал - что, мол, не знаю, долго ли будем вместе и пр.

Отклики? Есть, граф, есть отклики. В-первах Нина Берберова звонила. Причем учтите, что я с ней не встречаюсь уже давно, так только — иногда — здрасте! здрасте! — и все. Почему? А потому что, как говорил Михайловский (кажется) — «не пей из колодца — пригодится плюнуть». Так вот — вдруг звонит и, задыхаясь от волнения, говорит, что «прочла Вашу превосходную статью». Не раз, а дважды перечитывала и не находит слов. Как верно, и пр. и

пр. Далее идет «но» — насчет Ходасевича, что это не он. Я басом отвечаю, да я, мол, знаю это, это такая вот и такая-то мать. Да, говорит святая Нина, я, говорит, сама читала это письмо и пр. И не стоит ли в следующем номере НЖ «оговорить», что это, мол, не Ход<асевич> и пр., а то, говорит, ведь Вашу статью «читают в лупу». А нам что, говорю, мы оговорим, оговорим. [635] Далее. Чиннов [636] прислал письмо с теми же эпитетами — превосходства. Но пишет, дурак, что эта статья «могла бы сделать честь присяжному критику». Вы подумайте! Ведь мы же считаем, что никаких таких критиков нет, и что эта статья появляется вообще впервые в русской литературе, как громо-блестящая. Ну, Бог, с ним. Далее. Встретил журналиста Троцкого [637] (давно его знаю, еще по Берлину, оч<ень> хороший мужик, старый журналист еще «Русского слова», сытинского. [638] Тр<оцкий> играет большую роль в Литфонде (к Вашему сведению), я через него иногда устраиваю допомоги всяческим друзьям). Так вот в метро встретил — машет мне рукой — «а я Вам хотел, Р. Б., письмо писать». — «А что такое?» — «Да по поводу Вашей статьи об Иванове. Блестяще. Совершенно блестяще. Вот это настоящий Иванов! это настоящий! И, знаете, все так говорят, все». Под «все» разумею «Нов<ое> Рус<ское> Слово», он там свой человек. Были и еще отзывы. Одна дама сказала, что заплакала, когда читала. Я извинился, конечно, говорю, простите, но отчего же это Вы так? Да говорит — уж так хорошо, так хорошо... Видал миндал? До чего мы поразили мир злодейством?

Далее. Книги буду держать у себя. И никому не буду давать, ибо может статься, что придется издаваться (цените, цените эти нечаянные рифмы, опавшие рифмы). Далее. Ад<амовичу> я писал о сотруд<ничестве> в НЖ, он ответил милым письмом, что будет оч<ень> рад. Предложил статью о Блоке к 75-летию. [639] Мы согласились, но к декабр<ьскому> номеру он не успеет, будет к мартовскому. Опечатка в стихе — меня оч<ень> печалит. Но как же это Вы, дорогая душка, не увидели, т. е. не исправили в корректуре-то. Я тут не при чем, видит Создатель. Ну, ладно — в других стихах выправимся, не так ли? Лучше Познер, чем никогда, — это шедевр. От этого я могу прийти в хорошее (веселое) расположение духа на полдня, а, м. б., и на день. Не скрывайте таких шедевров в сундуках Вашей памяти. Поделитесь! Насчет «хороших рук» выражаю полное свое согласие. Пришлите. Поступлю так, как скажете. Конечно, это будет «тайна» от всех (кроме моей жены, от которой несть тайн, но она еще «могильнее» меня, так что будьте спокойны). Читать буду, сознаюсь, с превеликим интересом. Получение тут же подтвержу. Хотите заказным? Думаю, не надо. И простым хорошо

доходит все. Кстати, строка из Полонского об Адам<овиче> — все-таки не очень христианская. Но мне кажется, что это не Полон<ский>, а П. Я. (Мельшин-Якубович) — «так отчего ж ее доля проклятая ходит за мной день и ночь» [640] (кажется так?). Итак, небольшую рукопись жду и поступлю, как вверяете. Будьте покойны: как в сейфе будет. Отзыв об Адам<овиче> и о Манд<ельштаме> тоже очень жду. А что же И. В. замолчала там глубоко? Откликнитесь, откликнись!

Крепко жму Вашу руку.

Дружески Ваш <Роман Гуль> (Гуль-американец!)

Кстати, такие стихи Вам известны:

Американец нежный Гуль
Убит был доктором Мабузо.[641]

Стихи были говенные, но несомненно про какого-то Гуля-американца.

89. Роман Гуль - Георгию Иванову. 29 ноября 1955. Нью-Йорк.

29 ноября 1955
Г. В. Иванову

Дорогой Георгий Владимирович,

Что же это такое? Все имеет свои границы, а Вы с нами поступаете безгранично. Обещаете - не присылаете. Но поймите, что в нашей редакционной работе это крайне затрудняет. Я жду от Вас рецензии об Адамовиче и Мандельштаме. Их нет как нет. Я же пытаюсь для них задержать место в книге, которая уже верстается.

Прошу Вас ответить обратной почтой, будут они или не будут.

Сердечный привет Ирине Владимировне.

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

90. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 1 декабря 1955. Йер.

1-го декабря 1955

Дорогой Роман Борисович,

Как Вы, должно быть, уже догадались, это мои новые стихи. Надеюсь, что, прочитав их, Вы тоже догадаетесь, до чего они шедевренны — ведь Вы такой догадливый и понимающий толк в поэзии, чему свидетель статья-памятник о Жорже. И вот, оценив их, т. е. приложенные стихи, хоть и не совсем по достоинству, Вы исполните мою авторскую просьбу — поместить их вместе с Дездемоновым платком,[642] как чрезвычайно созвучно-благозвучные, а остальные два об «Этакой жарище» и «Стоит ли еще писать стихи?» [643] отложите на завтра, на потом.[644] А то получается уже слишком «без тенденции», разнообразие настроений чисто Розановское. Не шепоток, к сожалению, не тон, который Вы так тонко подметили у Жоржи, а «здесь был за Бейлиса горой, там Сибирячку звал сестрой». [645] И где же авторская личность и ейное мировоззрение? Впрочем, не настаиваю. Прошу — и то вежливо, «умильно и приятно», по Гумилеву.[646] Вам виднее. Спорить не буду, как бы Вы моими стихами разукрасили Нов. Журнал — все равно и ему, и мне будет на пользу.

Теперь серьезно. Все предыдущее неважно, могли и не читать. Вступление. Разгон пера. И от застенчивости. Так вот — Жоржа очень волнуется. Он все время писал статью о Мандельштаме и даже с вдохновеньем. Но со вчерашнего дня почувствовал себя плохо и просит сообщить крайний срок посылки. Он непременно хочет, чтобы статья попала в декабрьский номер. И об Адамовиче тоже. Так вот, пожалуйста, ответьте сейчас же. Ему, а не мне. Одним словом, не думайте, что надо писать мне и вообще выражать несуществующие чувства. Знаю, знаю, и об этом тоже у Ахматовой правильно сказано -

> От меня не хочешь детей.
> И не любишь моих стихов.[647]

Что за клад женщина! Просто цитаты на все случаи жизни. То, насчет прославления, кстати, о Гумилеве, а это о Шилейке, втором ее муже [648].

Жорж написал, кажется, преотлично. Но я целиком не читала

- не дает пока, не подпускает, рычит. Ну, до свидания.

Пришлите мне, пожалуйста, корректуру. Сердечный привет Ольге Андреевне. А как Вам понравился Ульянов, [649] Вы так и не написали. И до свиданья.

И. О.

91. Георгий Иванов - Роману Гулю. 2 декабря 1955. Йер.

2 декабря 1955

Дорогой Роман Борисович,

Получил Ваше «по зубам» в разгаре работы над Мандельштамом. Несмотря на паршивое состояние, пишу со страстью. Получается, как ни верти, надменно-резко. Ну, увидите сами, пришлю через несколько дней. О Мандельштаме довольно длинная <статья> — странички 3 ваших, о Адамовиче страничка. Гнев Ваш принимаю покорно. *Не надую*. Лично Вы, вероятно, согласитесь со мной и в оценке Мандельштама и в оценке оформления. Как Вы меня ткнули в спину — буду сидеть не разгибая спины, а то я было стал баловаться над манускриптом о деле на Почтамтской 20. Теперь отложу. Мне моя рецензия самому по душе. Плохой признак?

Обнимаю Вас. Не дуйтесь на меня. Я вот даже во сне вижу Вас: декламировал перед тысячной толпой (комплекс неудовлетворе<ния?> слов, очевидно?) как собственную импровизацию. Начиналось так:

Когда американец Гуль
Был хлопнут доктором Мабузо
И получил двенадцать пуль
В свое подтянутое пузо...[650]

И дальше в духе «а поутру она вновь улыбалась...»[651]
Получилось здорово, но забыл. Ну, «пока»! Г. И.

92. Георгий Иванов - Роману Гулю. 5 декабря 1955. Йер.

Понедельник 5 декабря 1955

Дорогой Роман Борисович,

К вам улетит в среду, самое позднее в четверг, не рецензия в три странички, а статья в 12-13 страниц. Так вышло, и все эти дни я сижу «не разгибая спины». Сам думаю, что получилось очень знатно, но ужо прочтете сами.

Постарайтесь ее втиснуть за счет какого-нибудь автора. Скучно ждать до марта. Если некоторые резкости не подходят для тона Н. Жур., то черкните мне, постараемся сообща смягчить. Но, конечно, без них статья бессмысленна: кому же, как не мне, и за кого же, как не за Мандельштама, дать по носу авторам этих лакейских диссертаций. Ведь это, т. е. статьи и комментарии, крепкий настой убожества и невежества, приправленный хамской отсебятиной.

Я писал со страстью. Отвык малость, но ничего. Как шлак - отброс производства - появились и новые стихи. Но мне это очень вредно.

Ну, обнимаю Вас. И. В. нежно кланяется Вам обоим.

Г.И.

Адамович в США поедет вместе.[652]

93. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Декабрь 1955>. Йер.

<Декабрь 1955>

Дорогой Роман Борисович,

Не кляните меня. Эта статья съела по крайней мере год моей жизни. Это не письмо. Письмо будет с - маленьким - Адамовичем, которого вышлю через три дня, можете быть спокойны. Сейчас льет проливной дождь, а <я> личность хрупая, но все равно поплетусь через весь город, чтобы не опоздать на avion. Прочтя, очень прошу Вас, черкните мне, по возможности сразу

<Середина письма утрачена>

которым я *чрезвычайно дорожу* лично для себя, а не по соображениям рекламы. Ох, чушь пишу, но «войдите в положение». Так черкните как и что поскорей, тогда «в зависимости от обстоятельств» и объяснимся насчет, что можно и что невозможно смягчить. Переписано в четыре перышка, но тупыми карандашами. Но опять переписывать нет ни времени, ни сил.

Обнимаю Вас

Ваш *Жоржа*

94. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. <Декабрь 1955>. Йер.

<Декабрь 1955>

Дорогой Роман Борисович,

Вот в страшной спешке и такой же безграмотности переписанная заметка об Адам<овиче>.

Мы оба больны - и ох, нелегко мне это далось, по Жоржиным черновикам. У него грипп и ни о чем говорить он не может.

Поздравляем Вас все же обоих с Мерри Кристмесом [653] - повеселитесь, пожалуйста, на Рождество - за нас и за Вас.

И еще пройдитесь «острым карандашом» по заметке об Адам<овиче>. У меня жар и я, наверно, напутала. Приглядите, это просьба Жоржи. Он в претензии не будет. Напротив - благодарен.

Еще желаем веселья и праздничных и елочных радостей

Ваша *И. О.*

95. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Декабрь 1955 - начало января 1956>. Йер.

<Декабрь 1955 - начало января 1956>

Дорогой коллега,

По-видимому, Вы опять на меня надулись и негодуете – результат чего Ваше молчание. Я же чуть не сдох, пиша «Мандельштама», и еще истратил марок на 600 франков и бумаги – два блока по 140 франков, не считая обыкновенной. И даже не получил открытки с подтверждением, что Вы «Мандельштама» и «Адамовича» получили.

Ну хорошо – надеюсь, что на это – глубоко примирительное послание – Вы, хоть и заняты теперь пышными новогодними банкетами, найдете время, чтобы черкнуть мне обратной почтой несколько слов. К строфе «Когда американец Гуль»[419] выплыла из «черных коридоров сна" вторая

Воскликнул он – я не умру!
Я даже и не испугался.
И отлежавшись поутру
Он безмятежно улыбался.[654]

Тоже чтобы Вас умиротворить – посылаю Вам часть грядущего Дневника[655]. Интересуюсь мнением. По-моему, есть кое-что хорошенькое. Напишите, что Вы думаете.

Политический автор ушла гулять с графиней Замойской[656] – да, вот какое в нашей богадельне «опщество». Но, зная его настроения, кланяюсь Вам обоим от нее и желаю счастья в Новом году.

Ваш Г. И.

1956

96. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 января 1956. Йер.

17 января 1956
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Уж не больны ли Вы? Или что? «Все сроки прошли» — и для ругательных и для примирительных весточек от Вас. Надеюсь, что Вы в добром здравии и просто плюнули на нас в вихре нью-йоркской суеты. Что весьма с Вашей стороны «низко». Ведь — в конце концов — мы не только Ваши «близкие сотрудники», а не менее — и это для меня более существенно — друзья.

До чего дошло дело — даже о том, что мои рецензии попали в эту книжку, я узнал, сперва из письма М. М. Карповича, а потом из объявления. А от «нашего Гуля» — хоть бы плевок par avion.

Между прочим, Карпович написал мне, что знал Мандельштама подростком в Париже. Это чрезвычайно интересно: никто, каков он был в 16 лет, не знал. Сделайте доброе дело: по<д>бейте М. М., чтобы он об этом рассказал печатно, хоть на двух страничках. Это будет настоящий «вклад» в историю русской поэзии и заслуга для Нового Журнала [657]. А то перемрем мы все — и будут наши потомки «изучать» биографию такого чудного поэта по вранью разных Маковских и рыжих мерзавцев...

Ну, обнимаю Вас, хотя Вы и с....я. Буду 24 числа ждать — наверняка! — ответа от Вас — сегодня 17-е, как раз «обратной почтой».

«Есть же Бог, есть честь», как любил восклицать Аким Волынский. [658] Ну вот, И. В. кланяется. Ваша, Вами оскорбленная,

Жоржа

97. Роман Гуль — Георгию Иванову. 21 января 1956. Нью-Йорк.

21 января 1956 года

Дорогой Георгий Владимирович,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КОНЕЧНО, СТИХИ:

Мы с Георгием Ивановым восстановим дружбу наново!
Это будет дружба новая! Ах, люблю же Иванова я!

Видите, какой шедевр? Вы, конечно, скажете (и не без основания), что я украл у Вас рифму в первой строке, но — простите — а вторая какова? Шик! Причем у Вас «заново», а у меня «наново» — тоже «разночтение». [659] И грядущая работа для грядущих рыжих мерзавцев... Итак, я не писал Вам так давно — от замотанности. Что я дал Вам «по зубам» — это же было единственное средствие привести Вас в себя. Вы привелись — и все-таки написали. Хотя если Вы потеряли на статье о Мандельштаме — год жизни, то шесть месяцев сбросьте с моей — из-за трудов, которые я принял на себя по получении Вашего элегантного манускрипта, переписанного в четыре руки, с пропуском слов, фраз, с таким почерком — что глазной врач бы сам не разобрал ни хрена. Это была катастрофа. Но это еще не все — Вы все-таки взяли тона на три выше, чем в НЖ полагается, и мне надо было эти три тона изгнать для того, чтобы Ваша статья вообще могла появиться в нашем академическом издании. Это тоже была возня здоровая. А ведь времени-то не было — звонок звонил, не умолкал, пока я брюки надевал — весь номер уж печатался — так видите же Вы теперь, каким «сизифовым» трудом я доказал Вам свою безумную дружбу. Сизиф тут, конечно, не при чем. Но одним словом — «не дуйтесь, душка» — как говорит мой один приятель. Итак, далее, далее. Знаменитая статья вызывает все еще отклики потрясенной публики: во-первых, Степун писал (я Вам об этом писал или нет?), что статья замечательная и ставит остро вопрос о любви-ненависти к России у Г. Иванова, Блока, Белого. [660]

Видите до каких профессорских изысканий я поднял Вас. Это — не фунт изюму, эта самая любовь-ненависть. Далее. Получил от Старовой-Таубер [661] — оч<ень> восторженный отзыв, от Горской, тут подходил ко мне и изливался такой Тартак [662] (его

называют тартак твою мать!), потом всякие еще письма были — уж забыл — не помню, «когда это было»».[663] Знаю, что Вы одержали гуманистическую допомогу от М. М. Очень рад. Стало быть — процветаете — поездочки, прогулочки — по узенькой по улочке.[664] У Вас сейчас, наверное, в Вашем Варе чертовски хорошо. У нас — зима — шалун уж обморозил пальчик [665] — и вообще очень прекрасно у нас зимой. Жалею, что из Вашей статьи в последнюю минуту кое-что пришлось удалить — из-за дип<ломатических> соображений. М. М. мне сказал и так, что от Струве будет, конечно, «письмо в редакцию» [666]. Я тогда постараюсь его прислать Вам, чтобы в случае надобности Вы одновременно ответили [667]. Да, забыл — оч<ень> интересный отзыв о статье получил от Корвина (восторженный как о статье, хотя я думаю, что он предпочел бы, чтобы статья была о нем).

Теперь перейдем к Вашим «стишкам», как Вы говорите. «Стишки» на большой палец. Нет, будем сейчас говорить совершенно всурьез. Я — Ницше, Вы — Вагнер.[668] Итак, начинаем. Два стиха — «Отзовись, кукушечка» и «Нет в России»[669] — просто потрясающие. Превосходнейшие. В частности, без Вашего на то согласия я их уже несколько раз оглашал (на Рождестве у Ульянова — были мы с женой и Мар<ия> Сам<ойловна> с Варшавским) — производят большущее впечатление. Потом еще оглашал и в других местах — оченно нравятся. Хотя один поэт и большой Ваш поклонник сказал: — (о России) — странно, что Иванов отказал себе в удовольствии сказать, что он русского человека — не понимает. Эти стихи действительно «неожиданность» Георг. Ив. Кстати, Вам, душка, Придется, вероятно, их посвятить Ницше [670], а то знаете, Ницше ведь злой, сволочь, как напечатает в след. книжке НЖ письмо в редакцию, что он все берет назад, что сказал, и что сказал он это не об Иванове вовсе, а о Корвине-Пиотровском — что Вам тогда делать? Корона-то и упадает... Придется Ницше доставить удовольствие... и посвятить ему этот стих. Как Вы думаете? Теперь буду по порядку номеров говорить о стихах. Первое — не оч<ень> нравится Первая строфа, т. е. извиняюсь, как сказала девица ди-пи, «катрен» — о кей! Даже в ней есть прелесть. Но — вторая — оченно не ндравится, в особенности эта ужасная строка «поклонился ночной синеве» [671] — что Вы, душка, я так писал, когда в гимназии был — и обязательно была ночная «синева». Второе — «дело случая» — о кей! [672] И оч<ень> ивановское (в новой манере «остроумия»). Третье вырезано. Четвертое — вполне приемлемо, но НОВЫХ лавров не вплетает в серебряный его венок. Пятое — ЧУДЕСНЕЙШЕЕ! Только я бы променял «гусенка» на «утенка» или даже «кутенка».

[673] Кутенок — и звуково лучше и вообразительно — теплее, «лысее», как говорили мы в детстве с братом, выражая этим всяческую предметную милость. А гусенок — холоднее. И звуково — хуже кутенка. Ленора [674] — о кей, но скажите пожалуйста, не украли ли Вы это стихотворение ночью у политического автора? Седьмое — о кей — только мне не нравится — «за жизнь» — лучше бы было даже «на жизнь», [675] вообще что-нибудь повеселее тут надо бы. Восьмое — гениальное, в нем надо только одно: — Фридриху Ницше. Вот моя Вам рецензия, за которую никто мне не заплатит, не заплачет, не поймет.

Теперь. Далее. Стих — прекраснейший — Ир. Влад. получен своевременно, но тогда уже было поздно — и он остался на следующую книгу. А в этой — пошли все прежние — с исправленьем трапеции. [676] Это кое-как успел. Только от любви успел, иначе бы не успел.

Теперь вот что. Досылайте еще стихов к книге мартовской — время у Вас бугры. Вместе с Жоржем Адамовичем будете, он пишет статью о Блоке [677]. В частности, почему политический автор не пришлет беллетристики? Нам оч<ень> нужно к мартовскому номеру — выдумайте ч<то>-н<нибудь> — такое — интересное — ах раз, вырви глаз! Правда! А Вам, маэстро, необходимо написать что-то большое, протяженное — строк на двести или даже строф, «катренов» на двести. Ей-Богу — это и будет последний памятник, — после этого можно будет пробавляться — легкими нежными стихами. Возьмите, к примеру, дело на Почтамтской улице - да ямбами его! амфибрахиями! Всякими диссонансами - ассонансами! Правда, правда - чудно получится. В частности, об этом мне вдруг стал говорить не оч<ень> давно один наш общий знакомый — говорил по поводу статьи и вдруг говорит, а скажите, вы слыхали? Я вылупил глаза — говорю: никогда и «нечего. Ну, тогда это удивительно — Вы ведь попали в цель — несколькими строками. Какими, говорю? Да вот такими. Я говорю, ах, да что Вы, это же говорили какую-то чушь совсем яро другого Жоржа. А он говорит — нет, простите, это именно эта Жоржа. Я вылупил глаза и сказал, что ничего подобного не знаю и не слыхал. Видите А вот Вам бы следовало бы — написать поэму или лучше балладу «Преступление и наказание» — или там — «Преступление без наказания» — это уж как хотите. Но вот как Раскольников поднимается по лестнице — да если бы это Вы рассказали своими стихами — да вспрыснули купоросцем «Распада атома» — вот получилось бы большое монументальнейшее произведение. Подумайте! Ведь сейчас Вы живете — чертовски хорошо. Я Вам с политическим автором — завидую до красноты. Ей-Богу — оба можете писать — крыша над

головой есть, ле табль э серви* — чеки поступают. А тут — ну, да, ну, пусть, — мы живем в квартире в шесть комнат со всеми удобствами и доллары попадаются, но ведь писать-то нет совершенно никакой возможности, ну, совсем никакой — и начинается одеревенение... одурение... не только писать, прочесть ч<то>-н<ибудь> умное нет времени... и никакой восхитительный телевизор и эр кондишенд** — это Вам все-таки, увы, не заменяет... Пишите, Вагнер! Пишите поэму! Балладу, что хотите. Например — «Баллада Почтамтской Улицы»[678] — Георгий Иванов. Да это черт знает что будет! Уверяю Вас!

Мих. Мих. мне рассказывал о своей дружбе с Манд<ельштамом> — я не представлял даже — это страшно интересно. М. М. было 19, Манд<ельштаму> 16. Они познакомились в Париже и встречались ежедневно, шлялись по музеям, концертам, кафэ и пр. М. М. рассказывал оч<ень> интересно. И я буду обязательно просить его написать для КЖ. М. М. тоже совершенно неправдоподобным представился рассказ «говна в перчатках» о том, что Манд<ельштама> привела мамаша да еще чуть ли не на местечковом языке с ним говорила. Дурак безвкусный, это говно в перчатке, а уж стишки он нам прислал — 7-я книга стихов! — «В лесу».[679] Это что-то ниже всякой ватерлинии — Бог знает какая чепуха. Кстати, не хотите ли написать об этой книжке? Было бы неплохо. Итак, кончаю. Знайте, что гонорары НЖ СНИЖЕНЫ, увы, по причине введения режима страшной экономии: вся проза 1 дол<лар> стр. (какая бы ни была), стихи — 20 сентов вместо 30-ти. Мартовскую книгу готовим — что дальше будет, не знаем — но надеемся, что нас подхватят под локотки... Дай Боже!

Только что вернулся из Франции с женой один приятель, художник — говорит — что дороговизна там у Вас — дикая — куда дороже, чем в Америке. И в частности, у Вас, говорят, — ПУЖАД? Не испужались Вы Пужада [680] — Нет, нет, ему я даже рада!

Жму руку Жорже — цалую Ир. Влад.

Ваш раб и холоп

<Роман Гуль>

* Le table est servie (фр.) — кушать подано, букв, «стол накрыт».

** Air condescend (англ) — прибор для установление в помещении приемлемой температуры воздуха. В современном написании: «air conditioner» — кондиционер.

98. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 января 1956. Йер.

25 января 1956
Beau-Sijour
Hyeres

Дорогой Роман Борисович,

Первые три недели мы ведем разговоры: ну Гуль опять обозлился. Собственно он прав — опоздание аховое, рукопись аховая — напиши ему еще раз понежней. Молчание с Вашей стороны продолжается. А м. б., Гуль написал и письмо его пропало — была забастовка, вот какой-то аэроплан разбился. Или он заболел? Третьи три <недели> — молчание продолжается — разнородные чувства, которых лучше подробно не передавать — обидитесь. И вдруг в неурочное время десятой недели является Ваше письмо. Вот и я. И еще <с> ослепительной улыбкой ослепительных зубов и вечной молодости. Годы, впрочем, малость, дают себя знать на обороте карточки: *лето 1956 года*[681]. Это, дорогой друг, известный Вашему покорному слуге звоночек. Я уже лет пять как пишу и говорю то 1946, 2086[682]. Словом «если бы юность знала, если бы старость могла»[683].

Это я зубоскалю. Ваша фотография нас обоих и поразила и очаровала: вот он Гуль каков-то! Как справедливо воскликнул политический автор в своем экспромте Вам, на который он ждал похвал, взамен чего был Вами «начисто плюнут». И не хорошо — зачем обидели ребенка — он всей душой, а его мордой об стол.

Ивановым — наново — новая — Иванова я — по достоинству оценил. Но этим Вы опровергали сами себя, что будто бы нельзя писать a la мой дневник. Очень, оказывается, можно и доказано на примере.

Ну, последние лестные отзывы о «нашей статье», полагаю, химическое соединение зависти (ко мне) и подхалимажа к Вам! Каждая очередная Таубер рассчитывает — а вдруг он и обо мне раскачнется. Между прочим, «серия» продолжается — Вы, впрочем, сами уже прочли в «Русской Мысли» восторги Андреева. Что не мешает ему, по-моему, быть выскочкой и развязным нахалом[684]. А Вы что думаете?

Очень рад, что Вам понравились мои поэзы. «Ухо» у Вас, повторяю лишний раз, замечательное. Впрочем, с синевой на все 100 % не согласен. Что ж с того, что гимназисты так писали[685]. При случае нечто такое гимназическое очень полезно вклеить. Я

не Корвин, что<бы> из кожи лезть, чтобы поражать всякими «чеканками». Этот стишок, если желаете знать, мне «лично дорог». Так что оставим синеву и пр. как есть. Остальное — согласен. «Так, занимаясь пустяками»[686] — не орел. Такой жанр в моей поэзии особенно высоко ценим тупицами. Иногда даже полезно — такое вставить — и мы, мол, владеем ямбом. Вот прочтите, при случае, Вашему интимному другу Вишняку — наверное облизнется. Я — между прочим — к этому Вишняку питаю симпатию: он весьма порядочный малый. Выгодно отличался от своего блестящего коллеги «тонко-всепонимающего» Фондаминского[687]. Я их ощущал всегда — второго как фальшь, первого как антифальшь. Передайте ему как-нибудь *искренний* привет от меня, кошкодава и фашиста[688].

Гусенка — согласен — переменим на утенка[689] — уютнее и лучше на звук. Кутенок — чевой-то по-постельному звучит. Насчет Леноры — весьма ядовито замечено. Я и так теперь страдаю от соседства политического автора: он так здорово заворачивает слова и ритмы, что то<го> и гляди, чтобы не заразиться незаметно для себя.

«Гениальное» о России с глубоким удовлетворением посвящу Нитце. Этот — как Вы справедливо пишете — злющий Нитце — меня оскорбил, надменно отвергнув посвящение «Камбалы». Лучше Познер, чем никогда — посвятим ему «Россию». [690] Только он не Нитце и я не Вагнер — ведь их дружба кончилась скандалом. Не хочу накликать этого. Будем Шиллером и Гете или Гингером — Присмановой[691]. Хотя последние, говорят дерутся до вцепления друг другу в волосы. Но всегда потом «навсегда» мирятся.

К какому времени точно можно добирать стихи до дневника – так чтобы иметь корректуру. Ответьте, пожалуйста. Хочется, чтобы на этот раз «Дневник» был на высоте, а у меня кое-что в работе.

Ну с интересом жду, узнаю или не узнаю в печати свою рецензию о Мандельштаме[692]. Или прийдется воскликнуть, как Вс. Рождественский после большевистского переворота, «Что они с тобою сделали, бедная моя Москва»[693]. Неужели убрали «философемы» и прочие прелести г.г. литературоведов? А катрены[694]? Я и то старался академически писать – писал бы для «Чисел», иначе бы получилось. И вообще желал бы знать Ваше не академическое мнение о «моем труде» (как без оттенка иронии о себе выражается наш общий друг Адамович). Балладу о Почтамтской улице я, увы, не напишу. Но то, что Вам обещано написать для хранения, хочу написать обязательно. «Только факты, сэр»[695]. И такие факты, что никакого атомного купороса

не потребуется. Но сами знаете, до чего тяжко писать без гонорара. Зинаида Гиппиус меня упрекала — знаю, почему Вы мне не отвечаете, — ведь без гонорара. Но между прочим нечто другое в импозантном роде я уже сочиняю. Об этом, кажется, уже сообщал Вам.

В Hyeres'e — действительно благодать: миндаль в цвету, мимозы и пр. 15° тепла. Но меня — без шуток — берет жуть: ведь всерьез идут слухи, что большевики собираются пройтись галопом по Европам. Боюсь этого много больше обыкновенной смерти. Что там цикута. Ведь тогда, прежде чем сдохнешь, прийдется выпить до краев полную чашу говна и им все равно подавиться. Как «реалист» говорю. Много бы дал, чтобы оказаться хоть ночным сторожем в Америке. Да кто вывезет. В прошлую войну деликатно снабжали «визами опасности» и проездом — но тогда ведь были еще буколически-романтические времена.

Будьте ангелом, ответьте на этот раз по-человечески — быстро. Кроме удовольствия — больше чем удовольствия — от Вашего «письма» (в смысле как пишете), буду ждать ответа на прилагаемые вопросы — каждый из которых более менее срочен. Их излагаю на отдельном листке.

Все наши кланяются всем Вашим, как выражали<сь> несправедливо обиженные Вами атомные зверьки[696].

Жоржа.

1.

Политический автор имеет готовый написанный по-французски роман[697]. Тема времен оккупации — резистанса. Потрясательно написано, ручаюсь — самое лучшее, что она написала. Написан на три четверти до ее болезни, когда она была в исключительном подъеме. Потом она заболела и бедность — трудность переписки и пр. помешали добраться до французского издателя. Потом совсем было плохо, и роман провалялся четыре года. Он готов, есть. Его кусками восхищался Жильяр[698] — самый передовой здешний издатель. Если бы мы дотянули — м. б. мы не сидели в богадельне. Не дотянули. Но это — ручаюсь — прекраснейшая удача, т. е. не то, что не дотянули, а сама книга. Если он велик, то по-русски можно переводить сокращая. Это восхитительно-поэтическая и, как на пружине, захватывающая книга. Прочтете, убежден, скажете то же самое сами.

Но как быть? Дайте точный совет — указание. Конечно, И. В. очень слаба и больна, но если реально — она сможет сейчас же

сесть за перевод и сможет — на ледерпляксе — работать хорошо и быстро. Обдумайте вашей ясной головкой, как поступить, чтобы печатать в «Новом Журнале». Не пожалеете — повторяю. То, что такая прекрасная вещь валяется в рукописи — вспомню ночью и не могу спать. А ведь я субъект равнодушно сонный — начну ночью думать, что, вероятно, скоро помру — и уютнейше засыпаю под это самое. Рукопись, кстати, переписана вся (начерно) на машинке по-французски — можно послать, только аховые деньги par avion.

Обдумайте это, дорогой Роман Борисович, не нашими — идиотическими, а Вашей ясной головкой — и ответьте.

2.

Пожалуйста, при сношениях с Михаилом Михайловичем — поблагодарив еще и еще его от меня, скажите: я ему написал, что хотел бы следующие разы получать доллары чеком на американский банк, т. е. как Вы мне посылаете: большая разница в курсе. Если это можно устроить, будет очень хорошо, но если затруднительно — прошу его плюнуть и забыть об этой просьбе. И непременно нажмите на него, чтобы он написал о Мандельштаме: его имя — сделает это документом, а интересно первоклассным образом.

99. Роман Гуль — Георгию Иванову. 29 января 1956. Нью-Йорк.

29 января 1956 года

Дорогой Георгий Владимирович,

Снова начинаем наново!
Я — Ваш Гингер, Вы — Присманова!

Итак. Получил Ваше, как всегда, утонченно-элегантно-замечательное письмо! И отвечаю с свойственной мне стремительностью. Но вынужден отвечать, к сожалению, кратко, ибо жизнь наша американская тяжкая «и без вознаграждений». Последнее, наверно, неверно, но так при каком-то случае сказал Михаил Бакунин,[699] а так как мм с Вами пишем — методом свободных ассоциаций — то он тоже невольно попал в сети. Вишняку Ваш привет передал. Восторги Андреева еще не читал. Т. к. он солидарист,[700] то ему Вами восторгаться — не запрещается, но мной? ВОСПРЕЩЕНО партией. Тем будет удивительней, если эти восторги «перепали» и мне. Я его писанья не оч<ень> ценю. Он не наш брат-литератор, он — больше *профессор,* и, как мне кажется, не из очень настоящих. Но он интереснее, конечно, нашего брата — Тер-Апянца.[701] Ребенка я обидеть никак не хотел — просто не успел вовремя выразить свой восторг. Но я оценил молниеносно всю прелесть дивного экспромта — и лезвие, и острие (черт знает что, пишу стихами, что Вы со мной, маэстро, сделали, ведь эдак я могу стать поэтом; кстати, не читали ли Вы «Восп<оминания>» Милюкова, он там приводит довольно много своих стихов[702] — весьма законопоучительно!). Стихи Ваши к «Дневнику» — добирайте, ну, скажем, до половины февраля, что ли,- самый крайний срок. Эти я наберу и пришлю Вам корректуру заранее. Мой нелицеприятный отзыв о «Вашем труде»: — ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ХОРОШО И СТРАШНО ИНТЕРЕСНО. И так уже и оценена эта Ваша статья публикой и публенкой. Звонят, говорят, что она «гвоздь» номера и прочее. Говорят, что для Стр<уве> и Фил<иппова> она будто бы будет неприятна. Удивительно, какие они, стало быть, нервенные. Философемы и катрены, конечно, остались. Мне жаль одно, что «я просто русский мещанин»[703] — улетел уже из верстки, но ничего нельзя было выдумать в последнюю минуту — надо было уничтожить всю строку, из всяких других слов. Но

получилось — «чудно — хорошо». Ей-Богу. Вот сами увидите. Уже недолго ждать. О Почтамтской не напишете, конечно, никогда, и не потому что «без гонорара», а — вообще. А прочесть и запереть в сейф до моей и Вашей смерти — было бы небезынтересно. Но не врите (пардон! пардон, мон шер, барон!) — ей-Богу, не напишете. И понимаю — почему. Поэтому, как сказал политический автор — «поставим точку», — «а нашу дочку» и т. д. пошлем куда-то очень, очень далеко. Отовсюду слышу, что во Франции у Вас настроение — дрянь. Понимаю. Не желал бы там быть и жить — честно говорю. Но я никак не понимал и не понимаю, почему Вы не хлопотали и не хлопочете об Америке. Ну, да, да — грехи не пускают. Но грехи-то ведь не оч<ень> почтамтские — грехи пустяковые — и с Вашим именем («у Вас не фамилия, а имя, и Вы здесь никогда не пропадете»,- так сказал мне пьяный художник в Ротонде, когда я только что приехал в Париж из Германии). И хоть он был пьян — он оказался прав, — я не пропал, хоть, бывало, и пропадал. Так что я не понимаю — Ваших нехлопот. Хотя, м. б., я чего-нибудь не знаю (я знаю, что я ничего не знаю[704]).

Так как я иду по пунктам Вашего письма — то под конец о самом главном. Нам нужна беллетристика к мартовскому номеру. Если бы И. В. наледерплексилась до дурноты — села бы — и перевела нам сейчас к<акой>-н<ибудь> забористый ОТРЫВОК страниц в 30-40—50 (даже) — это было бы прекрасно. 50 многовато, конечно, лучше чуть поменьше. Мы бы дали его в мартовском.[705] А дальше? А дальше — один Бог знает — я склоняюсь к Вашему уху, так чтобы даже не слышал политический автор, и шепчу Вам страстно: — дальше мы судьбы своей не знаем... Да-с... не знаем — ту би ор нот ту би [706] — но нами заинтересованы высокие лица, которые могут помочь журналу. И я надеюсь, что нас подхватят.[707] Ежели нас подхватят — то мы подхватим в свою очередь политического автора и закружимся с ним средь шумного бала [708] в вихре мазурки и вальса (это я так о чеках - чтоб Вам не было стыдно...). Вот своей ясной головкой что я думаю. Ведь и романы Алданова и других мы не печатали ПОДРЯД (ибо всего 4 книги в год), а брали в отрывках, так что напечатанный сейчас отрывок Ир. Вл. - ничему не повредит. Мы иногда, в некоторых работах (не беллетр<истических> правда, но это все равно) — у Валентинова, напр<имер>, — давали по техническим соображениям один отрывок (поздний) раньше, чем начальный. [709] И от этого в мире ничего не произошло особенного.

Итак, курц унд гуд * делайте отрывок ан тут витесс** и шлите. Знайте только, что сейчас мы даже вынуждены были

несколько снизить гонорары по всем отделам журнала. Но думаю, что и это дело временное. Итак, известите, ждать ли отрывок или как? Ваша оценка — понимаю — совершенно правдива, знаю Вас как человека совершенно беспристрастного (даже к полит<ическому> ав<тору>). *УВЕРЕН,* что роман так же прекрасен, как «Оставь надежду», впечатление от которого не могу забыть. И жалею, что этим романом Ир. Вл не сделала международного имени — роман чудесен. Будем надеяться на следующий. НО ОТВЕТЬТЕ, что и как. И начистоту, а то я вот приготовил не место, а просто местище — для Ваших воспоминаний, Вы все их слали, слали, слали, ну, а потом, увы, нам написали, что мемуаров вовсе нет, что их не написал поэт. Этого в данном случае не надо, это в данном случае было бы бякой, и довольно большого веса бякой. На Мих. Мих. жму, жмал и буду жмать. О чеках скажу.

За посвящение «Нет в России» — Ницше низко кланяется и благодарит Вагнера. Спасибо, Рихард! — говорит.

И на этом Фридрих кончает это быстро-стремительное письмо. Ох, простите, я забыл совсем, что мы — Гингер-Присманова...

Цалую ручки (умные ручки) Ирины Владимировны и прошу эти ручки, чтобы они заработали-переводили. А Жоржа прошу не мешать умным ручкам работать, создать в ранчо рабочую атмосферу, чтобы Гингер мог все получить в срок и ответить умным ручкам чеком в ручки.

Вот. На этом кончаю агромадным приветствием - Вам обоим! У нас мороз, у вас миндаль - как это жаль - как это жаль.

<Роман Гуль>

* Kurz und gut (нем.) - короче говоря.

** En tout vitesse (фр.) - как можно быстрее.

100. Георгий Иванов - Роману Гулю. 3 февраля 1956. Йер.

3 февраля 1956

Дорогой Роман Борисович,

Одновременно пришло Ваше — играющее всеми красками остроумия и блеска — письмецо и книжка «Нового Журнала». Ну, не знаю, будут ли писать письма в редакцию Филиппов — Струве — но как бы мне опередить их? А то что же получилось — я их укоряю невежеством, а сам — о Господи — черным по белому вместо знаменитейшего Grand Testament пишу какое-то ультра ренессанистое «Гранда Тестаменте»! [710] Всю «игру пера» — Вы из моей статейки выщипали по перышку, а корректуры не читаете — предоставив украшать ее на португальский лад Вашим наборщикам! Да!

Ну, когда все толком прочту и, возможно, «новенькое» еще обнаружу, вернусь к этому вопросу.

Прилагаю остатний «Дневник». По-моему, кроме одного — угадайте какого! — все 7 более менее на ять. [711] В корректуре я их расклею букетом, и они заиграют совместно. Дневник 1955-1956. Это все новенькие, январского производства. На отдельной страничке — узнаете откуда эти игра «ума и таланта» и почему ей я, по-видимому, обязан Вам, и не поленитесь, пожалуйста, мне по этому поводу ответить.

Теперь самое существенное. Политический автор, крайне тронутый Вашим, запоздалым, но все равно одобрением его экспромту (которым, оказывается, гордился, тая обиду, больше чем стихами и романами) моментально сел за стол и второй день переводит с французского на нижегородский, так что бумага трещит. Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить — держите непременно для нее место. Но *очень сериозно* — черкните наикрайний фактический срок. Потому что, на этот раз, она, действительно», пишет вовсю от 9 до 11 с половиной и так от часу — двух, до пяти. Это, кстати, ей вредно. Но она очень старается. И как ни быстра ее «техника» — то да се — ей, действительно, важен каждый лишний день. Так что будьте другим и «не опрашивайте» в смысле времени, а скажите точно. И она не я! — если действительно взялась, то будет из всех сил стараться не подвести Вас.

Литературным трудам сильно способствует погодка. Вы в Вашей поэзии, у нас мороз, у Вас миндаль, сглазили миндаль

одним махом. Два дня валит и валит снег. 6° морозу. И невероятное явление — без оттепели дикая гололедица. Объяснение непонятное нашему брату северянину: оказывается, она образовалась сначала, пока земля было еще горячая. Слышали ли Вы когда-нибудь подобное. Бедлам.

Сейчас прийдет почтальон и заберет письмо. Иначе тютю, до почты никак не добраться. Поэтому откладываю очень Важные вещи, вроде переезда в Америку. Очень хотим. Не говоря уже о дорогих красных солдатиках, которые рвутся в ..., в Европу. И местный пужадизм хорош! Что там 72 депутата в ихней Шамбре [712] — цветочки. Растут как грибы, с феноменальной быстротой. И это есть доктор Дубровин [713] — бей жида и студента — в беспримесном виде. Никакой мусоллиниевской вуали.[714] Ну, следующий раз опишу. Хотя тошнит и писать.

Если на то Ваша милость будет, то оба очень хотим ледерплякса. Весь, всякий, давно вышел. Вас просить опять не решались. Кое-кому намекнули в Америку, но пока ни гу-гу. Очень «заранее благодарим», выражаясь по-Василеостровски. Политический автор пишет — не хочу его беспокоить. Кланяюсь Вам за него.

Ваша Ж—а.

Еще «минутку внимания», хотя чувствую, что надоел — а цена aviona все вырастает. Но это действительно для меня важно.

Я, вопреки всем докторам, испробовал на себе Ваш седорзин. Результат выше похвал. В числе доказательств и весь новый Дневник и то, что принялся довольно бойко за прозу. И не только это — сон, голова, понижение давления. Прошу поэтому изложить мне по опыту Ольги Андреевны — которой почтительно целую ручки, — как было с ней — доколе повышать, как понижать. Докторов спрашивать нельзя. Оба здешние считают его ядом. Я, начав с слабой дозы, дошел до четырех лепешек по 0,25. В «Предисловии» к лепешкам сказано - подгоняйте меня по Вашему расположению. Очень меня уважите, сообщив в нескольких строчках компетентное мнение. Доктора несомненно осам. И кроме того — повторяю Рассина, говорившего: даже когда у меня болит живот, я верю Людовику XIV [715] - он блестящий человек.

Вот как я Вам льщу! И ей-Богу, думаю это. Пропадем мы, дорогой коллега, в нашей элито-эмигрантской среде. А элита едет, когда-то будет,[716] а годы уходят, все лучшие годы. [717]Только и утешений, что «нашу статью» одобрил в «Русской Мысли» сам профессор Андреев. Читали?* Да, что там ни говорите, а «культура вторая натура». Или — по Филиппову — тенденция.

Ваш *Жоржа.*

<На полях:> Это страничка из вчерашнею, пришедшего в не годность, ввиду получения Ваше<го> письма.

*В Русской Мысли, только что напечатали. Но я уже выбросил ее вон. Если хотите, могу у Водова попросить №.

101. Георгий Иванов - Роману Гулю. 7 февраля 1956. Йер.

Вторник 7 января (ошибка: февраля!) 1956 г.

Дорогой Роман Борисович,

Пишу вне очереди, чтобы, перед тем как рыжие мерзавцы запротестуют (если запротестуют!), исправить кое-какие «разночтения» нашего с Вами производства. Хотел бы как-нибудь выразить, что с «беспомощною улыбкой»» — цитата из выброшенной редакцией цитаты из Мандельштама, но как это сделать — увы, не в моих стилистических способностях. М. б., Вы с Вашим умением справитесь. А то плюньте — возьмите только в кавычки, а то уж здорово глупо — чего это я «улыбаюсь». [718]

Была ли уже какая реакция — рыжих или кого другого. Интересуюсь.

Разохотившись, я бы не прочь написать (если нет другого кандидата) о книге «мальчика Варшавского». [719] Но книги у меня нет. И, если даже пошлете par avion, то меньше двух недель не берусь писать. Если не подходит, то и плюньте.

Политический автор пишет. Иногда быстро, быстро, как машина, а иногда что-то рвет и злится. Я его не трогаю.

Терапианц обхаял Браиловского за «человеко-день», [720]который, по-моему, «не без замечательности». Кто такой Браиловский, т. е. старье или молодой. Ну жду от Вас обычно-блистательного письма. Обнимаю Вас

Ваш *Г. И.*

Извините, что пишу таким идиотом — трещит и трещит два дня подряд моя «несчастная голова».

Благодарили ли мы Вас за чрезвычайно одобренную нами обоими карточку? «Вот ты какой — а мы не знали — так вот же ты какой!»

102. Роман Гуль — Георгию Иванову. 19 февраля 1956. Нью-Йорк.

19-го февраля 1956 года

Дорогой Георгий Владимирович, пишу второпях. Оба письма Ваши — и очередное и внеочередное заявление — получены. Кратко: будем страстно ждать рукопись полит<ического> автора, даем весь февраль, скажем. Я говорил с М. М. о рукописи Ир. Вл. вообще, он сказал, что если это роман да еще о резистансе, то. м. б., мы его весь пропустим в НЖ? Так что, видите — ворота настежь! Сколь<ко> глаз его слезами провожают! Мы с своей стороны, как всегда джентельмены. А уж дадите Вы нам эту рукопись или промарьяжете... как бывало... сие зависит от Вас и от Ир. Вл. Впрочем, она в марьяже неповинна — это Вы повинны. Насчет чеков тоже говорил. М. М. сказал, что постарается, но им (т. е. Юманитис фонд [721]) это трудно. Но, м. б., сделает. Опечатки будут помещены в «Исправлениях», с обычной свойственной нам элегантностью. Рыжие мерзавцы отвечать не будут. Струве был здесь (я не видел его — не видаю вообще, не люблю рыжих) и оч<ень> важно сообщил, что он отвечать не будет, но что Иванову тоже, вероятно, не понравится, что о нем написал он в своей книге (она скоро выходит в Чеховском),[722] причем добавил, как и некоторым другим (это в мой огород). Мы плевали. Не знаю, как Вы. Причем он писал М. М., что моя статья о Вас — интересна и хороша, но он не согласен. Он считает Вашим кульминационным пунктом — «Розы», [723] розы, розы, слишком много роз.... Филиппов один, я думаю, не рискнет ничего писать. Но т. к. он зол, как Каин, то «затаит». Ему поделом, он ведь в Клюеве — всяких шпилек напихал и Вам и мн<огим> др<угим>. Он вообще говно — и бездарь страшная. Браиловский — молодой поэт, старый эмигрант, 72 лет от роду, милый человек. Душой молод. Пишет когда как — когда неплохо, когда страшновато (в «Н<овом> р<усском> с<лове>»), но то, что было у нас — имеет некую замечательность, как Вы правильно изволили выразиться.

Ледерплексы вышлем. Сейчас у нас была финансовая пауза я НЖ — немного полегчало, но только немного. Но гонорары срезали, увы. Политический автор выиграл на этом деле — ему уплатили авансом по «высшей расценке». Теперь стихи — 20 цен. вместо былых 30-ти цен. И ВСЯКАЯ проза (включая беллетр.) — 1 долл. вместо 2-х и полутора. Всему приходит свой конец и даже

нашим гонорарам, как сказал Данте у Бориса Зайцева. [724] О Варшавском у нас уже пишет Денике, [725] хотел я — но он вздрогнул — и я уступил. Об этой книге тут будет вечер-дискуссия. А на днях будет вечер-дискуссия — о кн. Адамовича. Увы, я сызмальства в дискуссиях не участвую — просто не хожу. Лучше, по-моему, погулять, посидеть где-нибудь, полежать, почитать даже или даже просто подышать, чем говорить «о литературе в литературном кружке». В сл<едующей> кн<иге> будет статья Адамов<ича> «Наследство Блока». А где же Почтамтская улица, где же тот дом, где же та барышня? [726] и т. д. Растравили любопытство Гуля — а теперь сказали х..? Как это нехорошо так издеваться над стариком.

Несмотря на это, жму Вашу прекрасную руку, цалую умные ручки политавтора и остаюсь, как всегда, Ваш раб и холоп, секретарь «Нов. журнала»

<Роман Гуль>

103. Георгий Иванов - Роману Гулю 28 февраля 1956. Йер.

<28-2-1956. Почтовый штемпель Йера на конверте>

Дорогой граф, только что получил корректуру. О степени Вашей деловой замотанности могу судить, что, кроме нее, в конверте ни строчки. Исполнил все Ваши указания: вместо «за жизнь» поставил «дружок», вместо ненавистной Вам «синевы» пусть будет «улыбнулся в ночной синеве». С Вашего разрешения поставил «Россию» первым номером из уважения к Вагнеру – или Гингеру – которому оно посвящается[727].

Корректуру отошлю вместе с отрывком политического автора, вероятно, в четверг, самое позднее в пятницу. Для экономии то и другое вместе. Очень польщен Вашими почтовыми купонами, но – к Вашему сведению – от них толку мало – что бы на них ни было напечатано, их считают за одну тридцатифранковую марку. А во сколько обойдется отрывок с корректурой, убедитесь, когда получите. Вот Вам и международный почтовый союз. Жулики!

У меня грипп, перо никак не играет. Но чтобы Вас развлечь, посылаю вместо «Баллады о Почтамтской улице» начало романа-фельетона на эту захватывающую тему. Этот способ – самый исполнимый – буду Вам регулярно посылать «продолжение». И, имейте в виду, ни капли Dichtung'a * нет. [728] Все это протокол-документ.

Приложенное собственноручное письмо знаменитого героя «баллады» [729]спрячьте в сейф или, если его у Вас нет, во фрицибер[730]. В свое время, после бурного объяснения я его получил от нашего популярного властителя дум, не без мордобоя.

Без шуток, я очень рад, что оставляю Вам для потомства это подтверждение моей страсти к убийству, отмеченное компетентной мировой критикой.

Я – честное слово – занялся писанием «задуманной» статейки для Н. Ж. Заглавие «Иллюзии и легенды»[731] о разных личностях – от культа Хлебникова до английского палача в отставке – via <Через (лат.).> незамеченное поколение. Разумеется, дам через номер. Мне, между прочим, крайне нужны для нее кое-какие книжки, и очень надеюсь, что Вы мне их одолжите. Верну, не засалив, малой скоростью по использовании. Вот они – «Неизд<анный> Гумилев» Струве, Слоним «Истор<ия> литер<атуры>», Струве «История литер<атуры>»[732], когда выйдет, и «Незамеченное поколение» Варшавского. Не думайте,

что я собираюсь опять атаковать «рыжих мерзавцев». Нет, на этот раз будут одни грустно академические размышления. Но мне кажется, может получиться интересно. И легенды «Аполлона» тоже коснусь. И символизм, который Вы не любите, а я чту и люблю. Ах да, еще м.б. у Вас найдется предпоследний номер «Граней» со статьей Маркова о Есенине[733]. Тогда опять прошу ссудить. 38,5 температуры, и голова гудит. Потому и пишу так вяло и почерк такой мерзкий.

Я, конечно, исправляя опечатки, все наврал. Прибавьте, пожалуйста:

Стр. 275 ст. 8 сверху следует читать «близкий сотрудник». [734]

Стр. 276 ст.16 снизу и стр. 282 ст. 3 снизу в обоих случаях сл<едует> читать "в мнимом 1910 году".[735]

Обнимаю Вас, дорогой граф и досточтимый коллега. Жду от Вас, в ответ на это, Ваше образцово-блистательное письмо.

Жоржа

Дело Почтам<т>ской улицы

<заглавие вписано посторонней рукой. — *Публ.*>

Почтамтская 20, богатый буржуазный дом стиля 90 годов. Напротив — окна в окна дворец Фредерикса,[736] министра двора. Чопорно-аристократическая улица, начинающаяся с Исаакиевской площади и здесь кончающаяся, упираясь в казармы Л. Г. Конного полка.

Квартира № 2, в бельэтаже — петербургская пьедатер С. С. Белей [737] и ее покойного мужа (миллионера - косте-обжигательные заводы) Н. Н. Белей.[738] В адресной книге у них еще два, основных, адреса: «Петергоф — зимняя резиденция» и «Петергоф — летняя резиденция». Там лакеи, конюшни и - в те времена! - три автомобиля. Здесь же «уголок» - три комнаты на пятом этаже, точно такая же квартира под челядь.

Квартира маленькая, комнаты очень большие. Отделана и обставлена с хамской роскошью. Двери и окна корельской березы и красного дерева с бронзой. Фальшивые ренессансы. Люстры из ананасов и граций, разные ониксовые ундины и серебряные коты в натуральную величину.

В 1921 году весной, собираясь жениться, я искал квартиру. Нашел было подходящую — в Доме искусств — б<ывшем> особняке Елисеевых.[739] Точнее б<ывшую Елисеевскую баню с предбанником. Баня Елисеевых не уступала в «роскоши» квартире Белей. Предбанник во вкусе 1001 ночи. Помпейский уголок, особо. К тому же в самой бане красовался мраморный «Поцелуй»

Родена.[740] Просвещенный сынок — приобрел в Париже. Родители, за неприличием сюжета, установили его в бане.

Но тут подвернулась Почтамтская — тетка Белей, отбывая за границу, оставила пьедатер племяннику Адамовичу, а тот предложил мне ее поделить. Я, в свою очередь, уступил свою баню Гумилеву. Там его осенью того же года и арестовали.

Адамович, обосновавшись завел на своей половине - спальня-столовая — салон. Эстетически-педерастический.

Если бы описать атот салон, была бы особая баллада. Но к делу. Все шло хорошо, пока главным «другом дома» был некто К, Медведский, в недавнем прошлом лейб-гусар, а теперь опальный, разжалованный за превышение власти комендант Гороховой 2.[741] Молодой человек, лет 23, сын редактора «Вечернего времени».[742] Ангельски-невинная наружность. Прелестно пел. подыгрывая очень музыкально. С элегической грустью вспоминал иногда прошлое:

«Эх, Сашка и Петька — чудные были ребята — на глупом деле влипли на Марсовом поле — член откусили».

Но в июне или в июле 1922 года (я хлопотал уже об отъезде — Одоевцева была уже за границей) Медведский отошел в тень. Его затмил новый друг Андрей фон Цурмюлен. Сын важного генерала, мичман Гвардейского экипажа.[743] Он был уже посажен на барку с другими морскими офицерами — барку отвозили, обычно, на буксире в море — потом по ней давался залп и она тонула. В последнюю минуту на барку явился могущественный кронштадтский расстрелыцик (не помню, то ли Федоров, то ли Федорчук). Увидел Цурмюлена — и снял его с барки: coup de foudre**. Свирепый расстрельщик оказался нежнейшей души жопником. Дальше все пошло, как в стихах Горянского:[744] о замерзающем мальчике и доброй старушке, которая

Приютила, обогрела,
Напоила коньяком,
Уложила спать в постельку
И сама потом легла.
Видно, добрая старушка,
Прямо ангелом была.[745]

Цурмюлен не дал полного счастья сентиментальному Федорчуку. Из Кронштадта — где его постоянно держала «партейная работа» — он писал Адамовичу, который очень интимно «дружился» с обоими: «...Андрей со мною жесток,

постоянно я из-за него плачу. Он нарочно говорит по-французски, что<бы> я не пони*мала,* и когда я подаю ему одеваться, бьет меня носками по лицу». И подписался: «Ваша несчастная фон-Цурмюлина». Федорчук он считал своей девичьей фамилией.

Вот почему — когда вскоре после отъезда Адамовича заграницу Уголовный розыск раскрыл убийство и переарестовал правых и виноватых (об этом дальше) — Че-ка вмешалась, изъяла это дело из ведения Уголовного розыска и замяла его.

(Продолжение следует).

Георгий Иванов

* Dihtung*(нем.)* — вымысел.

** Coup de foudre*(фр.)* — удар грома, *перен.* любовь с первого взгляда.

104. Роман Гуль — Георгию Иванову. 17 марта 1956. Нью-Йорк.

17 марта 1956 года

Дорогой Георгий Владимирович,

И Вы, и Ирина Владимировна (сиречь — политический автор; одно из действующих лиц нашей переписки) — негодуете на мое молчание и ищите ему метафизические и трансцендентальные обоснования. Но обоснование молчанию — самое простецкое: занятость такая, что ни бе, ни пе (как хотите — так и понимайте это мужицкое выражение). Я замотан и с работой в Ком.[746] и в НЖ — по выпуску книги 44, к которой Вы вовремя так и не прислали ни прозы Ир. Вл., ни верстку стихов. Придя в обычную ярость, я начал их верстать сам — но представьте себе, глубокоуважаемый граф, что моя верстка почти ничем от Вашей не отличалась. И только я «был не в силах» поставить посвященное Гингеру стихо на первое место, ибо этим самым посвящался бы как будто весь дневник, а этого Гингер явно не достоин. Не так ли? Но все-таки в последнюю секунду Ваша верстка пришла, и я смог поставить все так, как Вы сделали. Но, граф, но, Ваше сиятельство, прошу Вас в другой раз — не шутите с огнем. Опоздаете и пойдет, как захочет Гингер. С Гингером шутки плохи. Такие же плохие шутки сыграл с Гингером и политический автор. Я писал — многажды — «1 марта» — «день убийства императора Александра II» (так, кажется?)[747] — последний и наипоследнейший срок. Ивановы думают, врет, подождет и до десятого марта. Но, граждане, 10-го марта, во-первых, никакого императора не убивали, и к тому же типография до 10 марта ждать не может, не хочет, она не понимает поэзии, она говорит прозой, и какой! И вот отрывок Ир. Вл. пришел уже после того, как занавес был опущен. Очень грустно. Но мы еще не умираем, и мы дадим его в июньской книге, конечно.[748] Но — повторяю — с Гингером надо играть карт сюр табль* — он собака — он правдив, он честен, как третий элемент губернского земского собрания.[749]И тут ничего не поделаешь. Но ладно. Шутки шутками, а хвост в сторону. Будем говорить серьезно и без всяких рококо. Ввиду своей дикой занятости, я все время ношу с собой отрывок Ир. Вл., но так его еще и не прочел. НЕ МОГУ. НЕТ НИ СИЛОВ, НИ ВРЕМЕНОВ. Но М. М. при его приезде сюда (который еще больше закручен, чем я) я уже показал на нашем редакц. собрании — мы с ним всегда

устраиваем такие — тет-а-тет — собрания, где решаем «все судьбы русской литературы» безжалостно и непоправимо. Так вот. Он тоже подержал в руках отрывок. И мы решили, что в июне дадим. Я нырял в отрывок Ир. Вл. — видел, что там какая-то любовь есть очень такая антересная, гибель еврейской девочки видел, почувствовал русского героя — прочтя две-три страницы — но это все. Ежели Вам интересно мнение того самого великого критика, который воздвиг Жоржу всякие хвалы и буквально обессмертил его в веках, то он, как прочтет, Вам обязательно начертит свое особое мнение, как бы вроде как Сенату. Вот как обстоят наши с Вами дела касательно текущей (меж пальцами) литературы.

Теперь переходим к другому. У Вас есть на нашем счету 12 дол<ларов> за Мандельштама. Что хотите — говорите? Выслать ли Вам их полностью, купить ли Вам на них частично ледерплексов и послать воздухом (а, м. б., не воздухом). Знайте, что гонорары мы снизили по всем категориям: строка стиха 20 центов (вместо 30) и всякая страница прозы 1 дол<лар>. Может быть, восстановим, но пока что приходится гашник подтягивать и нам, и Вам, и всем на свете. Как ни грустно, но — факт. Итак, сообщите.

В частности, стих Ирины Влад. из *этой* книги вытеснил Игорь Северянин.[750] Прислал, подлец, с того света нигде не напечатанное. Честное слово. И одно даже «не без замечательности», как говаривает Присманова (не Анна).[751] Должны были дать. Но дадим и Ир. Вл., ибо политического автора мы ценим чрезвычайно, что и доказали, печатая во всех книгах за последние годы — его стихи с необычайным удовольствием и живейшей радостью.

Ну, кажется, литература кончается. И дальше мы переходим к более веселым очередным делам. Ах, нет, нет. Есть и еще литературные вопросы Ваша статья, Г. В. (на которую, говоря между нами,я не надеюсь, ибо знаю Ваши темпы и Вашу непробудную лень-матушку). Но было бы, конечно, чудесно. И место ей всегда в журнале — самое чудное. Книги кое-какие могу Вам выслать уже сейчас («Грани», Гумилева — это у меня найдется, могу послать и Варшавского, правда, он у меня чудовищно исчиркан, и он мне, пожалуй, понадобится, но достану). Рыжий мерзавец еще не вышел.[752] Но выйдет. И достанем его. Но вот как у нас совпал литературный пульс и давление. Я говорил М. М., что хочу написать к июньскому номеру (м. б. — е. б. ж.) статью «Русск<ая> Эмигр<антская> Лит<ература>» — пользуясь, или вернее опираясь, на книги Адам<овича>, Струве и Варшав<ского>[753] — но тема статьи

— «все поставить на свои обычные места, не на выдуманные» — ведь у нас в эмиграции плетется страшное вранье — выдаются всякие титулы и «властителя дум» и «гениального» (Набокову выдан титул Варшавским), и сколько чуши наплетено о Бунине, Зайцеве, Алданове и мн. др. И мне хотелось заняться некой такой (очень корректной) чисткой авгиевых конюшен и сказать — что в общем ведь почти ничего не удалось (в большом плане, не как у поляков в те благословенные годы, когда был в эмиграции Мицкевич, Словацкий и пр.[754]). Я считаю, что поэзия гораздо больше удалась за рубежом. Но проза — увы — не очень. Собственно говоря, эта вроде Ваших «Иллюзий и легенд», та же тема. И когда я прочел Ваше письмо, почувствовал, что — тот же пульс, та же пульсация. Но это отнюдь не значит, что нельзя писать и Вам и мне. НАОБОРОТ. Ведь мы же не сговаривались. И если будет дуэт у канавки,[755] тем будет лучше и для дуэта и для канавки. Великолепно. Очень даже приветствуем Ваше желание, хоть и учитываем природную лень «серебряного века». Стало быть, книги вышлю. В частности, мне почему-то кажется, что Варшавский Вас как-то «побаивается». Я ему сказал, что вот, мол Жорж Иванов будет писать о «Незам<еченном> поколении» и скажет тут лэ катр веритэ** — он как-то вздрогнул, как мне показалось, и во всяком случае не загорелся в восторге. Я говорил об этой книге на публичном собрании. И, кажется, удачно. Говорил о чепухе монпарнасского христианства, о всяких этих «мифах» и «философемах»... Все ведь это было «дело случая»... [756] А я до смерти не люблю никакого такого «метафизического маскарада».

Почему Вы сейчас в поэзии сильны — потому что — старая истина — *искренни*(помимо всего прочего, конечно); но философский стержень-то — Ваш, который Вам доподлинно известен — «немного красть — а кто не крал?» [757] — «есть раков на Поплавке»[758] и пр. — а слабость Адамовича и Варшавского и др. в том ведь и есть, что они обязательно начнут плести какую-нибудь «превыспреннюю чепуху», которая никому не нужна, и в которую они сами не верят и никого заставить поверить не могут, а тут — «идет мужик ругается — сидит собака чешется»[759] и конец.

Исправления постараюсь не забыть — дать — последние страницы у меня еще не сделаны, хоть первые уже и печатаются, как всегда. Оч<ень> интересная будет статья в библ. отделе Ульянова о Мейерхольде — первый класс (разделал он Елагина). [760] Много интересного,[761]

Боже мой, как я шикарен! Отвечаю Вам целым печатным листом (без всякого гонорара к тому же). Ну, ничего уж не

поделаешь, — широка натура русская. И вот теперь мы переходим к самому замечательному, к балладе. Да-с! Скажу Вам, что начало столь «интригующее», — что читатель читает и перечитывает, и «снова вздохнет, и снова без отдыха пишет!»[762] (не пишет, а читает, но это все равно). Вы знаете — это же действительно — вещь зловеще-замечательная. Пока что только — психологический фон, контур обстановки и несколько персонажей, но каких! Шекспировских! Шучу. Нет, правда, — вся эта баржа, снятие с баржи, расстрельщик нежный и прочее. Сие достойно описания. Знаете, Г. В., если бы Вы написали «Петерб. зимы» (но без грима, без пудры, без флеров, без занавеса — это было бы нечто — инфернально-замечательное!). Я говорю именно о годах революции, потому что то, что было в «серебряном веке», — не то. Фон не тот. Но тут — этот багрово-красно-дымный фон — и на нем движутся персонажи, и персонажи к тому же еще идут на мокрое... Это я Вам скажу — сцена!

Кроме шуток, читал, перечитывал. И просто захвачен сюжетом. Жду продолжения с крайним напряжением. И жалею, что не мог быстрее Вам ответить, чтобы раскачать Вас тем самым — на продолжение. И вот так — это проще - ведь не для печати, не историю писать, — а в письме, как пишется - так и пишется. Но пишется у Вас как всегда замечательно — дадите к<акую>-н<ибудь> «деталь» — и все встает, как под прожектором. Очень замечательно! Жду страшно. К тому ж, хочу прибавить — я человек могильный — совершенно. Хоть пытай. Все будет ТОЛЬКО У МЕНЯ. И никому больше. Ну, жена — да. Но она еще в десять раз могильней. Так что Вы можете быть совершенно покойны. Но только теперь я начинаю понимать причины Вашей ссоры с Адамовичем> в Париже. Я никак не понимал — с чего бы? Говорили, из-за «полит<ических> разногласий». Ну, думаю, не Милюков же Вы с Маклаковым. [763] Так пропустил мимо ушей. А теперь его письмо — дает — понимание событиям. И довольно грозным. Кстати, у нас идет статья Ад<амовича> о Блоке. [764] Я получил от него два-три письма. И писал, спрашивал — как ему нравится моя статья о Вас — верно ли. Отвечает, что не читал, что журнала не получает. Видел бегло, но не прочел еще. При случае спрошу еще — мне интересно узнать, полагает ли он статью *верной.* [765]

Ну, зовут меня, должен с женой ехать сегодня на вечер к Гринбергам, где будет весь наш бомонд литературы. Очень жаль, что в этом бо монде литературы мы не увидим Вас с Ир. Вл. Как-то Вы что-то не так поступили с самого начала. Впрочем, со всех сторон говорят, что в Вашем доме — живется хорошо - и юг и магнолии в цвету [766] и пр. Но Вы правы — «красные солдатики»

— вещь крайне неприятная. Хотя я твердо уверен, что на нашем веку они еще не двинутся. Сложно теперь двигаться. Чересчур сложно. Думаю, что они будут стараться брать «тихой сапой» — и это не так смешно, как кажется.

В ближ<айшее> время постараюсь увидеть графа и попробовать его к<ак>-н<ибудь> раздеть — дабы увеличить Ваш гардероб. Если удастся раздеть и его Лили (эту каботинку!), было бы еще лучше. Увидим.

Пока что — низко кланяюсь — цалую ручки Ир. Вл., крепко жму Вашу и буду ждать Вашего ответа, как соловей лета, конечно, как несколько штампованно пишут девицы ди-пи.

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

* Carte sur table*(фр.)* — карты на стол.

** Les quatre verites (фр.) — горькая правда (перен.букв, «четыре правды»).

105. Ирина Одоевцева и Георгий Иванов — Роману Гулю. 18 марта <1956>. Йер.

18-го марта <1956>

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю Вам новый плод совместного творчества.[767] Видите, как мы загорелись перспективой настоящего заработка. Загорелись, горим.

Не знаем только, угодили ли? Нам самим очень нравится.

Доволен ли ты сам взыскательный художник?[768] Чрезвычайно доволен, вот если и бы Вы тоже!..

Но можем и совсем иначе, как потребуется, на заказ, по мерке. Пришлите только образцы и точные Ваши желания и «пожелания», как выражался один кинематографический магнат. Для нас заработок, повторяю, просто спасение. Здоровье Г. В. за год, проведенный, здесь резко ухудшилось, и я временами просто впадала в отчаяние. Его здесь прекратили лечить, и ему приходится ездить к доктору в Марсель. А тут еще лекарства — так что... догадайтесь сами.

Можем поставлять стихи в любом количестве, до 20-ти штук в месяц и больше. Чем больше, тем лучше.

С гарантией не снижать качества продукции, скорей наоборот, улучшать ее. Очень ценю и благодарю, что подумали о нас. И еще скажу — Thank you за Жоржу!

У нас в работе продолжение «Путешествия»[769] и еще два стихотворения покороче. А «в мечтах» сколько!

Будьте милым, ответьте сейчас же только о деле[770] — я просто не дышу от нетерпения, не ем, не сплю — жду!

Когда будете писать настоящее письмо, не забудьте «высказаться» о моем отрывке [771] — интересуюсь.

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Отвечайте только, не откладывая.

И. Одоевцева

Стихи подпишите, как хотите — одним из наших имен — лучше Георгий Иванов [772] — для веса. Или любым псевдонимом — спорить не будем.

Может быть, укажете темы поинтереснее. Ледерплекс еще не прибыл - увы! увы!..

106. Георгий Иванов - Роману Гулю. 2 апреля 1956. Йер.

2 апреля 1956
Beau-Sejour
Hyeres (Var)

Дорогой Роман Борисович,

Политический автор переводит свой отрывок [773] в гриппу и с температурой около 39. Он очень просит Вас, раз уж он так перестрадал, быть ангелом — прислать его для подправки. Но так, чтобы обратная отправка в подчищенном виде не обошлась бы в новый миллион почтовых расходов. Здесь рукопись не берут иначе как считая за письмо. Нельзя ли загодя прислать корректуру, т. е. гранки, чтобы спокойненько, в указанный заранее срок привести все в порядок. Очень обяжете. В набранном виде и виднее, что и как, и полетят они по дешевому тарифу, как papies d'affaires *.

Ледерплякс очень просим и *срочно* . <Дерните?>, пожалуйста, на всю сумму рецензии и par avion. Оба автора оченно в нем нуждаются. Я тоже — и повод имею. Но не буду втирать пока очки. Если сочиню, то и увидите. Этот великий замысел, «облеченный тайной», не статейка, о которой мы говорили. «Легенды и иллюзии» напишу легко и быстро, но пока материалов нет. Не забудьте об обещании прислать барахло, «Грани», «Поколение», Гумилева. Сообразно с получением их изготовлю и статейку. А м. б., раз Вы на ту же тему пишете (очень приветствую!), то нам как-нибудь координировать свои труды? Не знаю как. М. б., Вы придумаете. М. б., до получения книг, набросать, как ляжет, и посылать Вам, а добавки присылать потом? Ответьте. Только – пересылки кусаются – то да се, марки да бумага люкс – и на ледерплякс не останется.

Варшавский меня боится напрасно — я ему скорее симпатизирую. «Молодой, 50 лет, Толстой без таланта» — и шпиговать или ловить я его не собираюсь. Хотя зачем это он, взяв патент на «предельную честность», мелко жулит, подлизываясь к власть имущим или денежным особам. Сужу по статейке в «Нов<ом> Журнале»[774]. «Прислушивается», т. е. поколение, к другим критикам: Вейдле, М. Цетлину [775]… Неприлично ставить рядом! Вейдле как-никак Вейдле. А Миша Цетлин, не обижая основателя Вашего журнала, Миша Цетлин — кто же к нему, о,

Господи, «прислушивался». Еще — молодой философ Рейзини… Ну, Вы сами знаете, какой он философии философ! На Моннарнасе действительно был «популярен». Но в роли шута, изображавшего удивительно ловко, как, сидя в тюрьме за воровство и насилие, он на скаку, подгоняемый надзирателями, раздевался, танцевал под душем, и на скаку же мокрый одевался. Теперь он, оказывается, «отошел от философии», [776] к ущербу для русской поэзии. И еще, хоть бы сочинил, за него, Варшавский осмысленную фразу — а то какой-то «дух дышащий где хочет», [777]сплошное идиотство. Сей философ с трибуны «Зеленой Лампы» бахнул, вместо гомункул гомолукулус и, кроме кафе Куполь и тюрьмы Санте[778], ничего «не кончал». С другой стороны, не будь его — не было бы и меценатки «Чисел» madame де Манциарли[779]. Эту дуру-психопатку он уговорил дать на «Числа» деньги обещанием «создать нечто равное по размаху большевизму». Ей-Богу. Но Оцуп,[780] осведомившись, что есть такая дура и хочет меценатствовать, перебежал дорогу и хватил куш сам. Вот тут-то, несправедливо обиженному Рейзини и был отвален в награду «философский отдел» «Чисел».

Но вот о роли «Чисел» я поговорю — не в анекдотическом плане, а грустно — сериозно. Дутое было предприятие, между нами, и на «метафизически-жульнической подкладке». И «ничего особенно хорошего не было в том, что они „были"».

Я пожалел потом, послав Вам начало Почтамтской. Вот почему: вспоминая начало Почтамтской, относительно невинное, я взял легкий тон вроде «где слог найду, чтоб описать прогулку»[781]. Между тем все дальнейшее *неподдельный ужас* . Совершенно верно: дружба наша с Ад<амовичем> лопнула раз и навсегда, когда я все узнал. Не мог ентого освоить. Какие там политические распри – курам на смех! Это уж мой контрагент, малость обидевшись на мою реакцию на его «дельце» (как он сам «это» игриво называет), стал в свою очередь ужасаться моему «фашизму» и вольно или невольно раздул его до абсурда. Но всего не переговоришь письменно. И наших с ним отношений я не буду касаться, по возможности, в продолжении. «Только факты, сэр». И факты эти, если бы, к примеру, я бы их нес на своей совести — задушили бы меня своей тяжестью задолго до возникновения и «поколения», и «Чисел», и фашизма с прочим. Откровенно скажу — будь я на месте А<дамовича> — не иначе как бы

из чувства самосохранения
на кушаке своем повесился — [782]

бы еще в Штеттине или на крайность в Берлине весной 1924 г.[783] — но Ваш новый прославленный сотрудник, что и говорить, «железная личность». «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей»[784]. Для опыта — когда получите от меня продолжение — прикиньте умственно все это к себе и решите — продолжали ли бы Вы потом «нормальный образ жизни» десятки лет с фельетончиками, деланием поэтических репутаций, посещением специальных бань и даже смиренно-самодовольным сознанием, что самое важное в его жизни — христианство (его убеждение). Или повесились бы в нужнике? Вот прикиньте, потом, на досуге.

Вы скажете — чего рассуждаешь — ты бы лучше сразу прислал это самое увлекательное «продолжение». Я пришлю, граф. Мне самому хочется — и даже «требуется». Но повторяю — не так начал писать и об этом жалею. Напишу и пришлю. И Вас прошу хранить и если, как надеюсь — меня переживете, составить после моей смерти соответственный меморандум для потомства. Спрячьте записочку Ад<амовича>. «Настоящим подтверждаю» — документ.

Чтобы перебить самого себя, а то от одних мыслей об этом самом начинает мутить — вспомнил о том же молодом философе — из-за чего он попал в тюрьму. Он, видите ли, стремился выгодно жениться и присмотрел подходящую невесту. Ну, ухаживал, на ухаживанье нужны денежки. Он тогда служил у Ашета[785] и стал там красть всякие дорогие книги: загонит парочку и сведет девицу в ресторан. Все уже было на мази и день свадьбы назначен и обстановочка на невестин счет куплена «сверху ампир, внизу модерн и все со стеклами». И вот незадача – невеста так увлеклась философом, что решила немедленно, не дожидаясь свадьбы, вкусить с ним блаженства. И ах – Варшавский это тоже знает – оказалось, что не то чтобы философ был импотент, ничуть. Но, как у Пушкина, в «Царе Салтане», у него «кой-чего недоставало»[786]. Или, как в «Бунте в Ватикане»,

Не вылепишь невесте
То, чем жить с ней вместе. [787]

Обнаружилось нечто такое крохотное, что влюбленная сперва не поверила — а потом, разрыдавшись на диване «вампир»,

выгнала жениха из квартиры модерн. А тут как раз Ашет стал проверять доверенное молодому философу имущество, и прямо с брачного дивана попал он, снимая на бегу, по регламенту Санте, подштанники — на недолгую (что-то 8 месяцев) отсидку.

Ну хорошо. Сами видите, я не в ударе, пишу чепуху и вяло. А вес письма угрожающе растет. А есть и дела. Дорогой граф — а как проект с изданием стихов Вашего протеже? Я недавно сделал жалкий жест — написал Терентьевой: не издадите ли все-таки 150 страниц, уплатив полгонорара!

Если бы Вы и М. М. меня лично поддержали, внушили бы, что свинство. Ведь они продолжают издавать какое-то говно. М. б., Каган с ними вошел бы в компанию или издали бы под маркой «Нов. Журнала» или как. Подумайте, сэр, постарайтесь — век буду благодарен. Этакие избранные стихи с Вашим вступлением. Ах, покрутите Вашей умной и дружеской головкой!

Политический автор задрожал, услышав о возможном раздевании каботинки. Ой, разденьте. Чего-нибудь такого фру фру модного. Резину также очень бы был польщен получить, такую же, как когда-то Ольга Андреевна прислала в Монморанси. Этакую с подвязками из пластика. Но что ни пришлете – будет кстати. Рыжая шубка по сей день составляет ее гордость и блаженство. Я бы очень хотел такую же кофту, которую Вы сняли с своего графского плеча, из деликатности сделав на рукаве дырку. Только не снимайте опять со своего! Но м. б., найдется граф подходящего размера. Вашу я носил с мая до ноября — в нашем климате это лучше всякого костюма. И, увы, от стирок, совсем еще новенькая вещица слегка пожухла. Вот бы опять такую – просторно-тонно-прохладную. Но если кофты нет, а найдется пальто – все равно какое, непромокаемое либо драповое, то тоже буду очень польщен. Костюмы у меня, благодаря Вашей милости — шик, а пальто, ну никакою, т. е. есть одно, но уж больно гнусное. Не писал бы, если бы не Ваше любезное предложение — но раз счастье само лезет в руки, то намекаю, что более нужно.

Да, я «покраснел до ушей», представив, что Вы читаете Ольге Андреевне мои сочинения — а я там употребляю всякие слова на ж и на х! Надеюсь, Вы с тактом смягчаете. Буду впредь воздерживаться. Возвращаясь к Почтамтской — сяду Вам ее писать на досуге, но если желаете получить, то отвечайте на письма, а то буду складыв<ать> в ящик.

О моих новых стишках просил компетентно<го> мнения — ни гу-гу. Опасаюсь за опечатки — корректура была грязная, а я за 45 лет «деятельности» ни грамоте, ни умению читать корректуру не научился. Впрочем, наш мэтр Гумилев писал «список

сотрудников» и «крух», т. е. круг. Своими глазами видел альбом институтский Хмары-Борщевской, барышни, в которую был безнадежно влюблен Анненский[788]. Знаете, были такие с печатными вопросами: мой любимый поэт, цветок, еда и пр. Все гимназисты отвечали: А. Пушкин (или Надсон), роза, мороженое. Четырнадцатилетний Гумилев написал: Бодлер, орхидея, канандер (камамбер). Факт. Этот канандер, привкус его, остался, по-моему, навсегда и в аполлонизме-акмеизме. Что же тогда осуждать молодого философа Рейзини. А в то же время, я ничуть не преувеличиваю, ставя так высоко Гумилева. Вот и пишите историю серебряного века.

Ну, буду ждать в ответ на мое бестолковое письмо обстоятельно-блистательного ответа. Целую ручки Ольги Андреевны. П<олитический> автор просто ее целует. Ваша Присманова par Гингер правильно оценил перенос моего «русского человека» на 1 место. Получилось вроде как все посвящено другу Вагнеру[789]. И очень хорошо, что так вышло. Обиду с «кенгуру» теперь забудем.

Очень Вас прошу — напишите как можно лестней политическому автору. Очень прошу — есть на это разные психологические причины: не так-то легко в общем жить в здешнем раю — где возят частенько хоронить соседей в братскую могилу. И вообще. Поддержите ее «мораль<но>»!

* деловые бумаги (фр.).

107. Роман Гуль — Георгию Иванову. 8 апреля 1956. Нью-Йорк.

8 апреля 1956 года

Дорогой Георгий Владимирович, ждал Вашего письма как всегда с некоторым нетерпением (хочется же почитать классическую литературу!). Наконец она — классическая литература — пришла. Прочел с большим интересом все, — замечательно пишете и напрасно оговариваете, что то да се. Первый класс, многоуважаемый коллега! И — «что» и — «как».

Итак. К делу. С политическим автором надо найти компромайз.* И вот какой. Послать набор уже для правки — это, граждане, — невозможное дело. Типография на такую правку не согласится никак — за это же надо платить живые доллары, а где их взять? Так вот «компромайз» будет такой: сейчас рукопись Ир. Вл. как раз у нас в переписке. Как только перепишется — буду с наслаждением читать (помня «Оставь»![790] м<ежду> п<рочим> — как грущу, что «Оставь» — не прошла целиком в НЖ, ведь М. М. как-то говорил, что Вы присылали рукопись? Оч<ень> жаль. Это было в стародавние времена, кажется?). И пошлю Вам один экземпляр чисто переписанной рукописи — Вы ее почитаете, Ир. Вл., сделаете все несессерное [791] — и вернете — приложу купонов кучу к<акую>-н<ибудь>, сверхъестественную, дабы Вам было бы ненакладно. Вот — компромайз.

Далее. Ледерплексы вышлю воздухом на этих днях. Вашу работу, облеченную тайной — жду с нетерпеливым любопытством. Что это такое? Книги, Вам нужные, — вышлю. Вот даже сейчас записал на бумажке: «высл<ать> Ив<анову> необх<одимое> барахло». Не забуду. Насчет моей темы — темна вода во облацех. Не знаю, во первых, дойдут ли руки, а во-вторых, на днях видел М. М. и спросил его, что бы он больше от меня хотел (или не хотел) — статью о русск<ой> эмигр<антской> лит<ературе> (с постановкой всего на свое место и с подведением «наших итогов») или статью о прозе Набокова? М. М. — говорит, что все равно — и то и другое не без интереса. Так вот буду думать и за что будет легче хвататься — за то и схвачусь. О Варшавском >. Послушайте, граф, — Ваше перо и Ваш язык — остры, как сталь Роджерса (кажется, были такие знаменитые бритвы, а м. б., и не было). Но характеристики в строчку (в одну), будь то Варш<авского>, будь то молодого философа Рейзини,

кот<орый> кроме Куполя и Санте ничего не кончил, — это вещь шедевристая! Убиваете на смерть. Бедный Рейзини! Ах, как жаль про эту «безделку». В частности, сего мужа никогда в жизни своей не видал. Слышу только, что он страшно богатый какой-то человек и что его не впускают в Америку из Мексики, потому что молодой философ что-то будто бы напорол в своих основных бумагах. Полагаю, что это именно он и есть?[792]

Иду по пунктам Вашего письма. И вот дохожу до «неподдельного ужаса». Верю. Но теперь уж прямо прошу, читательски прошу— напишите Христа ради же! Заинтриговали — насмерть. Хочу, чтоб был именно *ужас*. Пока есть душный смрад» но нет неподдельного ужаса. Дайте же, граф, его. Я верю, что он был, Вы пишете об этом оч<ень> уверенно. То, что Вы написали о «Числах», — верно до убийственности. Именно это я и сказал Варшавскому, по поводу «христианства школы Адамовича» и «христианства Монпарнасса вообще». Это такое беспардонное жульничество, именно жульничество, т. е. дело на «метафизически-жульнической подкладке». Ох, как бы могли написать об этой — «ноте», — если захотели. Я и публично Варшав<скому> (на собрании) сказал именно это. Конечно, в выражениях академических, но все-таки именно о «жульничестве» (называя его «неправдой» с большой буквы). Вообще, все это «возвеличение» — парижской школы Ад<амовича>, с прославлением «властителя дум», со всяким этим христианским жульничеством, с «русскими мальчиками», которые якобы так и ходили по Монпарнассу «с горящими правдой глазами», все это для <меня?> совершенно рвотное снадобье — и именно потому, что это какое-то пошлое вранье, именно пошлая поза. Встань в свою естественную позу — говори стихом и прозой — о чем угодно — даже наври, но чтоб это было смешно и весело, чтоб это «играло жизнью и улыбкой».[793] — А эти господа разводят какое-то мистическое перекобыльство [794] — и от этого меня просто рвет... Скушно же, граф, все это до одури...[795]

Насчет проекта издания Ваших стихов — проект этот, конечно, чудный и человечеству необходимый совершенно. Но как его осуществить? «Чехов» умирает — он уже сказал «их штербе» [796]— и Вы даже напрасно истратили марку на письмо Терентьевой. Они доиздают те книги, которые не доиздались, но были уже в плане. А план — как известно — это совершенно современная вещь и столь же необходимая. Так что с ними разговору нет. С Каганом? Но он русского ничего не издает, у него америк<анское> издательство научных книг. Подписка? Меценаты? Но если б они даже нашлись, ведь это не дало бы гонорара ни Вам (за стихи), ни мне (за предисл. — шучу о себе,

конечно). Но насчет Вашего гонорария это серьезно, ибо набрать на издание, допустим, набрали бы где-нибудь (не так уж это много), но на гонорарий — сумлеваюсь весьма. А что Вас интересует? Монумент? Или — «жрать» (не понимайте, граф, грубо — а деликатно)? Вот — коренной вопрос или даже вопросище! Буты ил не буты, вот в чем заковыка, как сказал Гамлет в Полтаве.

Теперь дошли до пунктов графских (и Лилиных) одежд. С графа достать можно, и это нетрудно. У меня уже есть кое-какие вещи, так сказать, зафрахтованные, и они подойдут Вам (и куртка серая для глаз). Но с полит<ическим> автором — с этой Лилькой графской — всегда труднее. Потому что в Питерсхеме — там есть такие места, где можно найти приличные штуки, а тут — труднее. Но Ол<ьга> приложит усилия все же «обломить» что-нибудь у Лильки тоже. И насчет польта тоже будем думать. Обязательно.

Я, конечно, понял Вас «с каблука», как говорится у нас на родине/ что Вы краснеете, когда я читаю письма жене. Но у нас с вами есть, граф, спасенье, — жена моя в этом смысле иностранка и совершенно не понимает ни на «х», ни на «ж», ни на «п», так что свобода пера спасена — и Вы можете не надевать никакого смокинга, а писать как пишется — легко, с ветерком, и совершенно свободно — до анархизма свободнейше!

Разве о Ваших новых стихах я не писал Вам? Писал. Я писал Вам, что в этой порции «Дневника» есть первоклассные шедевры (и о русск<ом> чел<овеке> и отзовись, кукушечка), и (мне оченно понравились) маленькие ялики [797] — долго ходил и все пел их, даже людям надоедал, спрашивают, о каких-то Вы все яликах Р. Б., поете? А-а, говорю, это такие маленькие ялики, которых Вы никогда не видали и не увидите. Остро о богаче и усах.[798] О Леноре чудно. Декламировал не однажды это стихотворение в литерат. салонах (по-нашему салун). Кое-что в этой порции мне не оч<ень> понравилось, я Вам уж писал. Но все целиком — как всегда у Г. Ив. — первый сорт! Приписку Вашу оценил! Обязательно! На днях получил от Юр. Анненкова воспомин<ания> о Блоке.[799] Не читал еще, но думаю, что это будет небезынтересно.

<Конец письма отсутствует>

* Compromise *(англ.)* — компромисс.

108. Георгий Иванов - Роману Гулю. 13 апреля 1956. Йер.

<13-4-1956. Почтовый штемпель Йера на конверте>

Дорогой Роман Борисович,

Вот, на пробу, стишок, сочиненный совместно с политическим автором.[800] Очень заинтересованы возможностью зашибать деньгу. Читаем не только «Фигаро»[801] — («Тан» — Вы малость отстали от века, конфисковано имущество, а сотрудники сидят по тюрьмам за коллаборацию![802]) — но и «Дели Мель».[803] Там, кстати, разительная разница тона по отношению к большевикам. Здесь все справа и лева лижут большевикам сапоги. А англичане — приятно читать — дорогого гостя Маленкова[804] зовут «видным членом московского ганга[805]», Серова[806] — шакалом, и вот, вчера, в ожидании Хрущева,[807] написали, что он «желтая собака, засовывающая в рот задние ноги».[808] Не знаю, что это значит, но читать приятно. Это не сопли французской прессы. Так что, обнадеженные предложением заработка, ждем первых отчетов о Хрущеве — Булганине[809] и постараемся с пылу с жару сочинить и послать немедленно Вам. Деньги мне — нам — дорогой граф, нужны, пожалуй, больше, чем в Париже. Меня не лечат — признав за неизлечимого, требующего напрасных и непосильных расходов на лечение. Это дом отдыха, но не больница. Если желаешь лечиться — ищи место в доме для неизлечимых. Есть такие — но там житье кошмар. Кроме жидкого завтрака, нас здесь почти не кормят, вечером нечего и ходить в столовую. Все это на собачьем жиру, от которого наши обе печени порываются лопнуть. В Париже все-таки были «меценаты», кой-какие друзья — здесь же стенка в этом смысле. Если бы М. М. Карпович не выхлопотал мне денег из фонда — ложись и помирай, без преувеличения. Считайте еще, что у Вас в Америке, очевидна дешевка, а не жизнь, по сравнению с нашей. Вот для прим кило печенки (главное мое питание, не отравляющее меня) 1 фр<анков> — доллар же по казенному курсу 345 — считав Кило лука 180 фр. то же кило апельсинов. Эк я расписался, старая богоделка! Впрочем, что же, я таковой и есть.

Passons... Не задерживайте «барахло». Т. е. книжки. Не забудьте, заодно, неизданного Гумилева. Я давно хочу посмотреть, что этот рыжий мерзавец наплел и чего наврал. Не сочувствую теме о Сирине: прийдется Вам втирать самому себе очки. Не можете Вы любить сочинения Сирина — отдавать

должное, допускаю. Внешне он само собой мастер, но внутренне «гнусная душонка», паршивый мелкий сноб. И с оттенком какого-то извращенного подлеца. Обратили ли Вы в его воспоминаниях, среди лакейских самовосторгов своими бывшими лакеями и экипажами — вскользь то тут, то там, холодно-презрительные обмолвки о его брате.[810] Это бы ничего — ну не любил брата, не сходился с ним, мало ли чего. Но если знать судьбу этого брата (кстати, жалко-милого безобидного существа) и сопоставить с тем, как подает, зная, что с ним сделали. Сирин — становится — по крайней мере мне — зловеще омерзителен. Брату Сирина, в гитлеровской Германии, отрубили голову топором — по приговору суда за гомосексуализм![811] Вы же человек, по-моему, органически не способный любить в писателе т. н. мастерство для мастерства. А не любя Вы, по-моему, и написать хорошо не сможете. Вы вот любите Цветаеву или мазню Вашего покорного слуги — потому и замечательно о нас написали. Вывести на чистую воду Сирина — с его дурацкими страстями к бабочкам — Вы бы, вероятно, здорово бы могли. Но ведь это табу. Ох, беретесь за дохлое дело.

Конечно, это тот самый Рейзини. Наум Рейзин — его настоящее имя. Говорят, он страшно богат — приумножил богатства жены. Да, жены! Не той, на которой неудачно собирался жениться, а другой. Нашел-таки. Великий человек в своем роде, принимая во внимание его «органический недостаток». Посылаю Вам очередное «продолжение». Хотя Вы мне метко льстите — «Замечательно пишете, коллега», — я-то знаю, что пишу левой ногой как попало, потому что если начну прилаживать и переписывать, то ничего не получится. Так, ободренный Вашими одобрениями, я и пишу тот таинственный опус, о котором Вы спрашиваете, что такое? Секрета нет. Я покрываю, вот именно как попало, наудачу тетрадки, не перечитывая, «О всем». Для печати не годится. Стиль не навожу. Тон и не озлобленный - что ж злиться-то зря, — но и не дурацки просветленный. М. б., ничего и не получится. Но сочинять чего-либо для приличного гонорара — не в таком уже я виде. Другое дело стишки — если получится «подходяче» для Вашей станции. Эти доллары, т. е. нечто не менее важное, чем воздух. Тут и вдохновение может явиться, если будет поощрение.

«Желаю ли я монумент или жрать?» (насчет издания моих стихов). «Жрать» желаю в тысячу раз больше. Но то, что не находится ни одной души, пожелавшей бы издать мою книгу — отбивает охоту писать стихи. Это необитаемый остров. На необитаемом острове можно ловить галок и их жрать — для поддержки существования, можно и для развлечения дрочить в

кулак — но творчество невозможно. Тяжесть читательского равнодушия и презрения, выраженного ясно в этом факте (т. е. невозможности издать книгу), испытываю порой очень мучительно. А впрочем все равно. Кстати, этот самый глубокоуваж<аемый> Абрам Саулович Каган — конечно, он от этого отречется — издал в Брюсселе в 1939 году «Зеркало» Одоевцевой 1000 экз.* Все издание давно распродано под метелку. Не сожжено немцами, не погибло в наводнении, а распродано, чего и не отрицают владельцы книжн<ого> склада 29, rue St Didier — которые распространяли издание. Распродано целиком. А деньги? Деньги получил представитель «Петрополиса» — мы ему обязаны отчетом. Кто такой? Не имеем права сообщать адреса. А где Блох[812] или Каган? Тоже не имеем права. Если хотите, можете им написать через нас — перешлем. Плюнуть проще — чем писать, марки тоже стоют денег. Но раз Вы встречаетесь с Каганом, «подзовите-ка» его и расспросите». И за «Отплытие на о. Цитеру», распроданное давным-давно — никогда ни копейки не получил. **И за «Распад** Атома». Ну вот, прощупайте при случае совесть занятого теперь Научным издательством А. С. Кагана.[813]

Это может подтвердить
Один Вольфсон, другой Вольфсок[814]
Александр Беленсон [815]
Александр Мовшензон[816]
Яков Ноич Блох
Раиса Блох[817]
И Каган Абрам Саулыч.

Это рефрен к «Балладе об Оцупе» 1921 года.[818] Тогда же предполагалось научное исследование «Блохи в русской литературе». И, заметьте, все смеялись, и никто не считал авторов (напр., Мандельштам) зоологическими антисемитами. А слыхали ли Вы, как, в те же времена, расшифровывалась на советский лад фамилия Оцупа. О.Ц.У.П. — Общество Целесообразного Употребления Пищи. И очень подходила. Он, т. е. Оцуп, сиял толщиной и красномордостью в тощей толпе времен военного коммунизма. Ах, сколько интересного я знаю об Оцупе. Ах. Ах. И это тоже «умрет со мной». Конечно, Вы писали мне Ваше уважаемое мнение о первой партии Дневника, хвалили Кукушечку и осуждали Корону.[819] Но меня вторая порция интересует. Там — представьте — одно кажется мне чрезвычайно удачным. А именно «На юге Франции».[820] А м. б., я и ошибаюсь. Открою секрет. Идеалом поэзии для меня является «цветное

пятно» без смысла. И мне кажется, что это «приближается к идеалу».

Политический автор очень ждет и переписки, и Вашего мнения о ней. Вспомните о моей *приписке в прошлом письме, пожалуйста.* Спасибо за желание прислать нам, что <отняли?> у графа. Но, пожалуйста, не надрывайтесь из-за этого. Целую ручки Ольге Андреевне (как видите, начало получаться, сперва от излишнего усердия целуем ррручки).** «И оба благодарим заранее». Адамович, кстати, раз приложился с размаху к ручке Мережковского.

Просим сразу сообщить о прилагаемом шедевре и прислать образцы Елагина и какие другие.

Обнимаю Вас

Г.И.

Почтамтская 20, кв. 2.

(Продолжение)

В конце августа 1922 г. Одоевцева уехала за границу.[821] Я жил на отлете: командировка от Адриана Пиотровского (сына Ф. Ф. Зелинского)[822] — паспорт, визы, место на пароходе, поездка в Москву. В жизни Почтамтской почти не участвовал. Она стала очень оживленной и многолюдной — проходные казармы. А. фон Цурмюлен играл первую роль. Одну из наших комнат отдали «под жильца» спекулянта Васеньку (описан в «Третьем Риме»), очень польщенного, что попал в блестящее общество. В числе новых друзей оказались Лохвицкий-Скалон, сын Мирры[823] и некто Б. Ф. Шульц,[824] мой однокашник, б<ывший> гвард<ейский> офицер, теперь скрывшийся от призыва, голодный, несчастный. Он был первым красавчиком в классе, теперь с горя готовым «на все». Анонимный племянник своего дяди появился, может быть, при мне, я не помню. Имени его я так и не узнал. «Страшный человек» — называл его Адамович.

Новая компания бурно играла в карты и пьянствовала. До этого Ад<амович> не пил ничего и не держал колоды в руках. Теперь стал завсегдатаем клубов. (Клуб имени тов. Урицкого. Клуб Коминтерна. Пролетарский клуб имени тов. Зиновьева — швейцар в ливрее, весь в медалях, высаживает гостей. Лихачи с электрическими фонариками на оглоблях. Зала бакарра. Зала шмен де фер***. Рулеточная зала. Ужины, девки, педерасты. НЭП в разгаре.) Часто играли — и очень крупно — и на Почтамтской.

— Очень весело стало жить, — повторял Адамович. — Как жаль, что ты уезжаешь.

— А ты не уедешь, ведь собирался?

— Не знаю. Может быть. Вряд ли. Мне и так хорошо.

Однажды он вдребезги проигрался — где взять денег. Отдать было необходимо до зарезу — нравы были крутые, полубандитские — не отдашь, могут избить до полусмерти, а то и плеснуть кислотой. Он был в панике.

— Да продай теткину спальню (за нее предлагал что-то очень большие деньги какой-то скоробогач).

— Что ты! А если тетя узнает — как я ей посмотрю в глаза! Никак я не сделаю этого.

И как-то выкрутился, ничего не тронув в квартире.

Когда, после отъезда Адамовича за границу, недели две спустя, на кв. № 2 нагрянул уголовный розыск, переарестовав всех ее обитателей — Шульца, Васеньку, прислугу Марианну — обстановка была целиком вывезена — одной из эмигрантских забот Адамовича стала сложнейшая паутина «писем из Петербурга», сообщавших, что на Почтамтской все в сохранности, ковры выбиваются, бронза чистится, статуя каррарского мрамора переставлена на лето в тень, чтобы мрамор не пожелтел. Тетка верила, напоминала — «напиши, чтобы проветривали пуховые подушки...» Канитель эта кончилась сама собой спустя несколько лет: тетке внушили, что переписываться запрещено и, чего доброго, верных людей, хранящих ее квартиру, могут за переписку арестовать, тогда и пуховые подушки пострадают...

В «Красной газете» начала марта 1923 г. можно отыскать заметку приблизительно такого содержания: «На льду реки Мойки против б<ывшей> протестантской кирхи, рядом с прорубью обнаружена шкатулка накл<адного> серебра фирмы Фраже с инициалами В. Б. В шкатулке, завернутая в наволочку с теми же инициалами, оказалась отрубленная голова мужчины средних лет с большой черной бородой».[825]

С этой заметкой Адамович впервые познакомился в редакции «Всемирной литературы».[826] Кассир, платя ему гонорар — протянул ему только что вышедший №:

- Георгий Викторович, ужасти-то какие и совсем рядом с Вами — вот прочтите — голова, прорубь...

Что ответил Адамович, не знаю. Прорубь он сам предварительно нашел. Но мельхиоровую шкатулку с инициалами тетки — В. Б. — Вера Белей, бросил неудачно — мимо проруби на лед. Место было действительно рядом: налево за угол от Почтамтской 20 Б<ольшая> Морская кончается под острым углом, сливаясь с набережной Мойки. Прорубь была как раз наискосок особняка, облицованного розовым гранитом, — особняка Набоковых, описанного в воспоминаниях Сирина.

Труп был найден несколько дней спустя в багажном

отделении Николаевск<ого> вокзала. Вскоре обнаружился и маклак татарин, которому «неизвестный гражданин небольшого роста» продал пальто, костюм и шапку убитого. Продавец был Адамович.

Труп рубили на куски в ванне, роскошной белой ванне на львиных лапах, в роскошной ванной комнате кв. 2 по Почтамтской 20. Клеенка и корзинка были заранее припасены, но упаковали плохо — в багажном отделении обратили внимание на просочившуюся сквозь корзинку кровь. Стенки ванной комнаты, разрисованные кувшинками на лазурном фоне, забрызганы кровью, белоснежный кафельный пол залит, как на бойне. Кругом креслица, тумбочки, шкафчики, буржуазный уют конца XIX века.

Роли были распределены — один рубил, другой хлопотал с корзинкой, Адамовичу как слабосильному дали замывать кровь. «Страшный человек», племянник убитого, свирепо командовал:

— Быстрей — а это что? поворачивайтесь.

И несчастный Ад<амович> в одних подштанниках, на коленках, хлюпал по полу окровавленной тряпкой и выжимал ее в ведро, пока другие рубили и впихивали в корзину. Голову решено было бросить в прорубь, чтобы трудней было доискаться, кто убитый. Для упаковки головы подошел «как раз» дорожный погребец накладного серебра. Голова лежала потом в погребце сутки. Погребец был с ключиком. Ад<амович> закрыл на ключик и поставил пока на прежнее место в столовой лжеренессанс и с люстрой из ананасов.

Убили часа в три. «Работали», рубя, упаковывая, замывая, торопясь, «нервничая». Главарь-племянник, богохульствуя и похабствуя, орал на всех. Жильцу, спекулянту Васеньке, заранее сказали, чтобы до 7 вечера не возвращался. Но к 7 он обязательно явится. Ад<амович> заикнулся, что, если Васенька явится, когда еще не все будет «убрано», — он выйдет и уведет его куда-нибудь.

— Дудки, — ответил племянник. — Явится не вовремя - и его топором. Пойдут две корзины в Омск «Осторожно. Стекло», и дело с концом. И колечко наше будет.

На пухлом мизинце Васенька носил «брульянт четыре карата чистейшей воды». (См. «Третий Рим».)

Васенька на свое счастье запоздал. Все было в порядке — все блестело. Явилась и Марианна — стала накрывать на стол веджвудский столовый сервиз м-м Белей. Друзья — «участники в деле» — пять человек заперлись в комнате Адамовича. Главный лихо распорол тряпичный пояс, снятый с голого мертвого тела дяди с большой черной бородой. Из пояса посыпалась валюта: покойник собирался удирать в Польшу и доверился об этом и о

поясе — племяннику.

(Продолжение следует)[827]

Георгий Иванов.

* <Над строчкой вписано:> — условия 10% выплаты аванса не было.

** <Страница начинается с зачеркнутого начала фразы:> Целуем ppру

*** Chemin de fer (фр.) — карточная игра, «железка», *букв,* «железная дорога».

109. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 16 мая <1956>. Йер.

16-го мая<1956>

Дорогой Роман Борисович,

Я получила Вашу телеграмму вчера,[828] когда уже было поздно для воздушной почты. Посылаю сегодня исправления и кусок, который я не успела перевести в прошлый раз и очень хотела бы, чтобы он понравился Вам.

Со всеми Вашими исправлениями я согласна, исключая *тигра* и *глаз, как два плевка.*[829] Чрезвычайно держусь за них. А остальное, что Вы отметили или, вернее, изменили, безусловно идет на украшение отрывку. Спасибо. Спасибо также за Ваше лестное письмо. Я не ответила Вам только оттого, что Жорж очень болен вот уже скоро месяц, и я совершенно ошалела от страха и усталости. Ошалела и плохо понимаю, что пишу.

Его здесь не лечут, мне приходится самой за ним ухаживать и на свой счет покупать лекарства и вызывать доктора. Два раза я к нему вызывала профессора из Тулона. Результатов пока почти никаких. Требует, чтобы я его увезла отсюда, т. к. здешний климат и условия жизни для него губительны. Но куда я его увезу и на какие деньги? Денег у меня совсем нет — все ушло на его лечение. Визит профессора обходится в 15 долларов, доктора в 4 доллара, и все в том же роде. Как тут не обалдеть? Предлагают забрать его в госпиталь, но об этом он и слышать не хочет. А противоречить ему нельзя — сейчас же поднимается давление, что грозит ударом. Давление его удручающее 28-10.

Пишу Вам обо всем этом, зная, что Вы дружески относитесь к Жоржу и поймете меня.

Пожалуйста, пришлите мне чеком все, что нам причитается и вперед за отрывок. Я просто схожу с ума, чувствуя свою беспомощность достать деньги и помочь ему. Я написала Карповичу. Я решительно не знаю, к кому бы еще обратиться, чтобы спасти Жоржа.

Он целый день лежит в полусне и только стонет. Доктор приезжает делать ему вспрыскивания каждый вечер.

Теперь Вы поймете, отчего я не отослала Вам сразу исправлений и добавления. И даже не поблагодарила за Ледерплекс. Он пришел почти благополучно» но, кажется, не целиком. Оказалось 220 капсюль [830], а Вашей рукой написано 500. Но все это пустяки. И так этого более чем достаточно.

Большое спасибо.

Теперь опять об отрывке (новом). Если Вы найдете возможным напечатать его, что, по-моему, украсит отрывок в целом — поместите его между 22-ой и 23-ой страницей. В этом случае 1-ую строчку 23 стр. «Рачинский вернулся домой только в два часа» надо выбросить [831]. Простите, что пишу так сумбурно и, пожалуйста, не сердитесь на меня. До чего я жалею, что нам не удалось перебраться в Америку.

С сердечным приветом

И. Одоевцева

110. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 18 мая <1956>. Йер.

18-го мая <1956>

Дорогой Роман Борисович,

Только что пришел Ваш чек. Жоржу сегодня лучше — у него, оказывается, был кризис и сейчас он, хотя лежит пластом и только вздыхает, все же не в прямой опасности. Доктор предупредил меня, что радоваться рано, но я все же не могу не радоваться. К тому же сегодня день моих именин. Пожалуйста, хоть и запоздало, поздравьте меня мысленно и пожелайте мне, чтобы Жорж выздоровел.

Я, кажется, неправильно поняла Вашу телеграмму. Я была тогда в таком переполохе мыслей и чувств, что удивляюсь, как вообще могла справиться с «исправлениями и добавлениями».

Оказывается, Вы требуете «повесть», т. е. продолжение. Или весь роман? Мне это и сейчас неясно. Напишите.

Я перевела следующую порцию начерно. Получилось 45— 48 стр. Н. Журнала.

Через неделю, самое большое через десять дней, вышлю ее Вам. Сейчас я могу работать — Жорж должен лежать в постели, и я все равно целый день сижу около него. Он так слаб, что не разговаривает и даже не читает, но мое присутствие его успокаивает.

А мне даже приятнее быть занятой, не так грустно.

Очень прошу Вас написать мне, ограничиться сейчас только очередным отрывком или продолжать переводить — в меру сил.

Конечно, за аванс буду бесконечно благодарна. Я совсем не имею денег, а от расходов по лечению Жоржа, что называется, волосы встают дыбом. И в долг взять здесь не у кого — все такие же голодранцы, как мы.

Не знаю, правильно ли лечут Жоржа. Ему ежедневно вспрыскивают Alcoline Parafine и витамин А. Я сказала доктору, что в Америке рекомендуют витамин С, на что он только пожал плечами. Все же я даю Жоржу сама витамин С, не знаю только дозу, напишите, пожалуйста.

С самым сердечным приветом.

И. Одоевцева

111. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой. 19 мая 1956. Нью-Йорк.

19 мая 1956

Дорогая Ирина Владимировна, получил только что Ваше письмо. Исправления сделаю. Вставку сделаю. Может быть, помещение отрывка задержится и не влезет в июньскую книгу (из-за опоздания), ибо типография, как всегда, второпях. Но постараюсь. Во всяком разе — посылаю Вам чек — аванс за этот отрывок. Со мной говорил М. М. Карпович, и мы спешим с посылкой Вам аванса. Поговорю тут еще в к<аких>-н<ибудь> местах. Но мне думается, что самый лучший ход — это если Вы попросите Алданова обратиться в Литфонд. В Литфонде деньги есть сейчас большие. Они могут помочь хорошо, если захотят. И самый лучший ход к Вайнбауму [832]— это, конечно, Марк Александрович. Напишите ему, он, как всегда, в Ницце: 16 ав. Жорж Клемансо. Советую.

Очень я огорчен нездоровьем Г. В. Как же это так случилось? Что? Внезапно? Хочу думать, что он скоро поправится. Юг нехорош? Но Париж ведь хуже во всех других смыслах. Из-за океана ничего, конечно, не видно, как и что.

Цалую Ваши ручки, желаю Вам крепости и успешного выхода из этого тяжелого тупика — главное, чтоб доктора поставили вновь на ноги нашего поэта. Я тут буду думать, что можно предпринять в смысле поиска монеты. Но в Литфонд ход через Алданова — это битое дело. Уверен.

Искренно Ваш

<Роман Гуль>

Жоржу жмите лапу дружески от меня. Жена обоим Вам сердечно кланяется

112. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. <Конец мая 1956>. Йер.

<Конец мая 1956>

Дорогой Роман Борисович,

Большое спасибо за чек. Не поблагодарила Вас раньше за него, потому что Жоржу, после короткого улучшения, опять стало хуже. Доктор оказался прав — радоваться действительно было рано.

Я написала Алданову и, чтобы не объяснять что, зачем и почему, послала ему Ваше письмо. Посылаю Вам его неутешительный ответ.[833]

Не знаю, стоит ли мне писать Цвибаку.[834] Мы были до войны с ним в хороших отношениях, но мне известно, что он поверил клевете о наших «нацистских подвигах». И, конечно, не мог не возненавидеть нас люто. С другой стороны, он мог и, за столько времени, убедиться во вздорности этих клеветнических слухов.

Не могли ли Вы быть милым и узнать, как он теперь относится к Жоржу.

Остальные советы Алданова — обратиться к Зайцеву и к Гукасову... Почему не к Крымову? Это было бы даже забавно, если бы вопрос лечения Жоржа не стоял бы так трагично.

У меня по-прежнему мутится голова от забот, и дни и ночи проходят «в сумасшествии тихом».[835] Не знаю, как быть, что делать, к кому обращаться за помощью.

Простите, что надоедаю Вам своим горем. Ужасно я этого не люблю.

Теперь о письме Рыжих Мерзавцев. Жорж напишет, вернее продиктует, мне ответ им дня через три-четыре. Ему сейчас стали опять делать вспрыскивания, и он совсем до конца их, т. е. послезавтра, не может не только писать, но даже читать. И, конечно, ему запрещено всякое волнение. Поэтому я смогу дать ему эту прелесть только послезавтра. Но, конечно, ответ Жоржа необходим. Пожалуйста, оставьте место для него.

Меня поразила резкость и даже грубость тона письма. Надеюсь, Вы уберете такие эпитеты, как *«недобросовестных* утверждений» в 6-ой строчке и «*недобросовестно* придирался» в конце. И «не поддается квалификации»...[836]

Ведь в статье Жоржа Вы многое выбросили. Так и с «письмом» поступите так же. Тем более, что это не меняет содержание

письма «мерзавцев».

Кстати, они правы только в 1) пункте. Жорж напутал и потерял полфразы, о чем и писал Вам, прося исправить и разъяснить.[837]

Остальное — чушь и наглая передержка. Жорж, я ему это, как и Вы, посоветую, должен написать коротко и «академически», но все-таки оставьте ему страничку, пожалуйста.

Конечно, хорошо, что и Адамович, не сговариваясь с Жоржем, слегка припечатал их.[838]

Теперь о моем втором отрывке. Он вчерне готов, но узнав, что телеграмма касалась не его, я отложила его для его же пользы.[839]Мне до нового, хотя бы и временного, улучшения Ж<оржа> очень трудно сосредоточиться, голова моя полна им.

Но все же возьмусь за него, как только смогу, и отошлю Вам заблаговременно. Будут ли в июньском номере мои стихи?[840] Мне сейчас даже кажется странным, что я могу писать стихи.

И еще вопрос — совершенно между нами. Я писала *Карповичу*. Ответа не получила — пока. *Не знаете ли Вы, делает ли он что-нибудь?*Это моя главная и единственная даже серьезная надежда. Пожалуйста, не забудьте ответить. И еще — нельзя ли устроить вечер Георгия Иванова в Нью-Йорке? У нас до войны такие вечера устраивались меценатками и делали большие сборы. Я как утопающий готова за все. Хватаюсь.

Кончаю такое многословное и утомительное письмо — не только для Вас, но и для меня. Мне очень тяжело.

С самым сердечным приветом О<льге> А<ндреевне> и Вам.

И.О.

Адамовича верну после того, как прочтет Жорж.

113. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 3 июня 1956. Йер.

3-го июня 1956

Дорогой Роман Борисович,

Ну вот мне удалось показать Жоржу письмо рыжих мерзавцев, и он даже успел мне продиктовать черновик ответа им. Теперь он по моей рукописи «пройдется отточенными карандашами», и я еще раз все перепишу.

Думаю выслать Вам его ответ через два-три дня. Постараюсь, насколько это от меня зависит, не задерживать. Но если бы, не дай Бог, почему-либо ответ не поспел бы вовремя для очередного номера Н. Журнала, Жорж очень и очень просит и даже настаивает, чтобы в этом случае Вы бы не печатали и письма рыжих. Необходимо, чтобы письмо и ответ на него появились в одном номере Н. Журнала. *Необходимо.* Подчеркиваю по желанию Жоржа.

Ответ очень сдержанный, без извозчичьей истерики рыжих — вполне академический. Но разбивающий все их пункты.

Не такой безобразно-многословный, как «письмо», все же для него потребуется больше, чем одна страница, как мне сгоряча показалось.

Жоржу, как я и ждала, стало немного лучше, но писать сам он не может. Он еще раз настойчиво просит, чтобы письмо и ответ появились обязательно вместе. А то, говорит он — они меня обольют почем зря помоями, а через три месяца уже забудется все, исключая того, что меня облили помоями — и никаким ответом уже не смоешь помоев. Так, пожалуйста. Это его очень волнует. Ответьте ему, ему совсем не годится волноваться — давление скачет. И еще, будьте милым, напишите какую дозу витамина С принимает Ольга Андреевна. Я уже спрашивала Вас.

Ну, вот и кончается мое секретарство. С самыми сердечными приветами О<льге> А<ндреевне> и Вам от нас.

И.О.

114. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 9 июня 1956. Йер.

9-го июня 1956

Дорогой Роман Борисович,

Ответ готов и улетит к Вам в понедельник. Хотела его отослать с этим письмом, но он из-за многочисленных исправлений стал неудобочитаемым, и я решила его переписать.

Ответ вышел шедевристо-блистательным. При элегантнейшей сдержанности — без всякого рукоприкладства. Уничтожает рыжих по пунктам. Вероятно, оцените и порадуетесь.

Размер приблизительно такой же, как и письмо Рыжих. Коротко никак нельзя было. А то выходит Жоржу оскорбление на страницах того же Н. Журнала, где Вы его прославили. Рыжие, конечно, хотят измордовать Жоржа побольнее, но вряд ли Вы хотите поддержать их в этом их «законном» желании.

Жорж еще раз настаивает, чтобы письмо рыжих и ответ появились обязательно вместе. Безразлично, в этом или в следующем номере. А также просит в его ответе ничего не пропускать и не изменять без его согласия. Впрочем, ответ благопристоен и академично-вежлив, вряд ли Вам в нем что-нибудь покажется резким или лишним.

Я вчера получила книги Струве и уже успела кое-что прочесть Жоржу (ему еще запрещено читать самому). Конечно, прежде всего «о себе и о тебе», т. е. о Вас и о нас.

Оценили по достоинству гнусные выпады и передержки о невозвращенчестве, Петрополисе и проч. [841] Каков мерзавец. Это все заслуживает отдельного и более серьезного мордобоя.

Жоржу немного лучше. Я же над ответом трудилась эти дни по 10 часов. Жду от Вас ответа и на это и на прежнее письмо.

С сердечным приветом В<ам> и О<льге> А<ндреевне>. Письмо прошу очень написать Ж<оржу> «настоящее». Он ведь большой ценитель Ваших писем.

Жорж говорит, что «недобросовестные утверждения» следовало бы заменить «необоснованными» [842] — из приличия и уважения к месту. Еще раз повторяет «обязательно вместе» и низко Вам кланяется.

115. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 11 июня 1956. Йер.

11 июня 1956. Понедельник.

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю Вам ответ. Стоил он нам, а в особенности мне, немалого труда. Одна пере-пере-переписка его чего мне стоила!..

Покорнейшая просьба Жоржи ничего в нем не менять и не опускать.

Отнеситесь к нему, как к стихам из «Дневника» того же автора.

В случае если Вы заменили в письме рыжих «честнее» <на> «правильнее» — им, поставьте и в ответе вместо «честнее» — «правильнее». Смысл от этого не меняется.

И пожалуйста, пожалуйста, печатайте вместе. В следующем №, если в этот поздно.[843]

Думаю, что такая переписка из двух углов[844] будет гвоздем номера.

Рыжим, особенно Струве, здорово попало на моей 14 странице, в цитате из *«Неиз<данного> Гумилева»* действительно напечатано, «но она опубликована не *был».*[845] Конечно, опечатка, но прибавляющая еще пикантности.

У нас все по-прежнему. Жорж лежит, а мои дни проходят «в сумасшествии тихом».[846] Утешительных писем — ни из фонда, ниоткуда пока нет. Что будет дальше, не знаю.

Утешительно только, что в этом году ни жары, ни даже лета не будет. Холод, как в ноябре, и дожди.

Будьте милым, напишите Жоржу поскорее. Его очень волнует история с Рыжими. Очень.

До чего возмутительна книга Струве. Напишите, пожалуйста, что сказано в главе о Советск<ом> Патриотизме. У нас белые страницы.[847] Жорж хочет, если сможет, «прихлопнуть» Струве за его гнусности. Читали Вы благоглупости Мэтра Терапианца в «Русск<ой> мысли»? [848]

Когда Вам нужен мой отрывок? Шлем Вам и О<льге> А<ндреевне> низкий поклон и сердечный привет.

Что за прелесть марковский «Моцарт». [849] Мы им оба очарованы. А Адамович жидковат и скучноват, [850]но это, конечно, совсем между нами. Он очень проигрывает от соседства с Марковым. А что говорят у Вас?

Такая большая рукопись — и не только без гонорара, а еще

плати за авион.

Пожалуйста, чтобы как-нибудь *не выпали* бы «рыжие мерзавцы». В «Весах» ругались и покрепче, особенно Зин<аида> Николаев<на>.[851] Получали ли Вы уже от Жоржи такую чистую рукопись?

116. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 24 июня 1956. Нью-Йорк.

24 июня 1956

Дорогие Ирина Владимировна и Георгии Владимирович, говорят, что я перед Вами виноват — долгим, непростительным молчанием. Это верно. Те, кто говорит, — правы. Но опять же в нашей закрученной жизни — всегда есть тысяча смягчающих обстоятельств. Поэтому смягчите и смягчитесь. Итак, хочу думать, что здоровье Г. В. теперь поправилось. И тут же не могу не прибавить, как хорошо «серпасил» подействовал на жену. Вот она только что отправилась в наше «имение» Питерсхэм — и ходили перед этим к «придворному» доктору. И что же? 13 с половиной! Этого у нее никогда в жизни не было. Ведь, повторяю, годами не спускалось — держась на 22-23-25. И всего одна таблетка на ночь. Хорошо ли Вас лечат? Тут бы Вам наверняка дали бы этот самый серпасил — небольшими дозами — и не страшно и хорошо. Ну, вот. Теперь насчет того, как принимать витамины «С». Каюсь, забыл спросить жену. Т. е. не забыл, а она сказала, а я забыл — как и что она сказала и боюсь сейчас прописывать Вам наобум. Но это средство — ведь оч<ень> безобидное — его, думаю, можно глотать и так и эдак? Хотя — виноват — воздерживаюсь — лучше уж спрошу жену по очередному телефону. И тогда напишу.

Далее. Не могу понять, о каких белых страницах в книге Рыжего Вы пишите. Какие-то страницы о невозвращенстве. Не понимаю. Я приобрел для Вас самую настоящую книгу в «Чех<овсхом> Изд<ательстве>» и там не должно было быть никаких белых стр<аниц>. Напишите номера стр<аниц>, которых, видимо, у Вас не хватает, и я Вам попробую их изобразить, если, конечно, их не 50 и не 125. Была бы эта книга здесь — обругали бы и обменили бы. Вот свиньи-собачьи (это я цитирую Ваш роман — швейнхунды![852]).

Теперь роман. Отрывок идет в ЭТОМ июньском номере. И стихи тоже.[853] Так что перед Одоевцевой мы чисты, как младенцы на свежей пеленке. Второй отрывок необходим будет в августе обязательно, чтобы дать в сентябрьском номере. Так что понадуйтесь! И не задерживайте для своего же личного благополучия и благоденствия.

Дальше. Письмо Жоржа. С ним есть некоторые сложности. Мих. Мих. всем этим несколько обеспокоился, он не любит таких

переписок из двух углов. И как Соломон все взял на свой суд. Своею собственной рукой [854] он удалил все грубые и нехорошие слова из письма рыжих (недобросовестные, честнее и пр., заменив их парламентарными). Но и у Жоржа удалил некоторые красоты. Мне было жалко тех красот — пусть то Федот — да он не тот... Но ничего я, маленький человек, тут поделать не мог и не могу. Но в общем — картина получится для Вас вполне успокоительная. Их письмо — превращено в корректное. А Вы подробно и обстоятельно отвечаете. Таким образом, то, чего хотели рыжие — обосрать — (ах, простите! я, кажется, хотел сказать что-то не то) — не вышло. Во-первых, они не ждали, не гадали — что будет Ваш ответ (тут уж маленький человек — дер клейне Ман* — постарался! — поцалуем его все вместе за это усердие!), — а он есть, и все дело обмердированья[855] — кончилось одним пуком — фальшивым и никуда негодным, как у Ильязд-Зданевича.[856]

Далее. Далее пойдут жестокие слова. Вы спрашиваете, делает ли ч<то>-н<ибудь> М. М. в смысле помощи Вам? Что же может сделать М. М. после того, что он уже для Вас сделал? Ведь он перешел все границы возможного — он из Юм. Фонда — вам выхватил такую уйму — под всякими предлогами — что бо<дальше наискосок обрезан нижний край страницы. — *Публ.*> ни хотел — он ничего там не может <...> такой некий лист подписной среди братьев литераторов. Думаю, что дол<ларов> около ста (хотя не уверен) собрать можно бы было. Я бы за это взялся, но сейчас, конечно, не сезон в том смысле, что все разъезжаются, наступила жара — и такие цветы в таких обстоятельствах не цветут. Их надо разводить с осени, как люди съедутся. Если Вы в принципе не против подписного листа (почем я знаю! может быть, Вы скажете — к черту листы! хоть на литейном заводе служить! хоть с тяжелой киркой![857] но листов — не позволяю, не одобряю, не желаю!) — но вот если в принципе не против — то я могу это проделать с осени. Ну, в сентябре будет сказано, что поэт заболел, поэт в тяжелом положении — и дальше известная формула Блока по отношению к Кузмину — «надо спасти поэта».[858] Кстати. Федин мне много рассказывал про жену Мандельштама, [859] она страшно была энергичная, и всегда приходила к нему вот именно с этой классической формулой, и Федин боялся ее в этом смысле как огня. Читая Ваше письмо, вспомнил я и о другом. Как Федин и Илья Груздев [860] рассказывали, как Мандельштам в Госиздат продал (и не раз!) чужие прозаические переводы, совершенно кошмарного стиля и языка.[861] Манд<ельштам> этим был знаменит. О нем ходили всякие анекдоты на эту тему. Если бы Фил<иппов> (он же Филистинский, но он же не Филиппов и не Филистинский, а как

сказал мне знавший его ленинградец — Эрдени [862]) был литературным человеком — он бы знал, но он был в Лен<инграде> вне литературы, ничего сего знать не мог. Кстати, в конце двадцатых годов этот Фил-Филис-Эрдени выпустил сборник стихов под названием «Мусор слов».[863] И Корней Чук<овский> в «Красной газете» написал убийственный отзыв о том, что мы вполне можем согласиться с автором — что это мусор слов.[864] Обычно о таком языке говорят, что он дубовый, суконный, но нам жаль дуба и сукна, это именно — мусор слов, и пр. На этом литер<атурная> карьера этого типа там и окончилась. Ну, вот, думаю, что на все вопросы я ответил. Да, посылка к Вам ушла уже <дальше обрезан нижний край страницы. — Публ.>

* Der kleine Mann*(нем.)* — маленький человек.

117. Георгий Иванов - Роману Гулю. 9 июля 1956. Йер.

<9 июля 1956. Почтовый штемпель Йера на конверте>

Дорогой Роман Борисович*,

Две недели собирался Вам ответить и все не мог Это результат «лечения», которому я подвергся. Меня, как здешний эскулап выражается, «спасли», но ценой того, что я стал идиотом. Этому лечению сопротивлялись все настоящие доктора, до того меня пользовавшие, и были правы — результат налицо. Но выбора не было. И не будем об этом говорить.

Не могу — уж простите — попасть в тон нашей прошлой остроумной переписки — все мои умственные способности закрылись или, м. б., навсегда прекратились... Я веду гнусное растительное существование и, по-видимому, обречен вести.

Все-таки очень хочу, чтобы Новый Журнал издал мою книгу. Пожалуйста, напишите подробно как и что. Какого размера книгу желали бы и могли бы Вы издать. Я бы хотел, чтобы это были стихи 1946-1956. Т. е. период «Дневников» с приложением избранного из «Портрета без сходства». Я многое выброшу из «Дневника», но все-таки наберется стихотворений 85-100. В таком виде это доставило бы мне удовлетворение. Конечно, все равно, если по соображениям экономии печатать стихи вплотную, как объявления о кухарках- «Кипарисовый Ларец» [865] — не мне чета — был именно так напечатан. Я думаю, хорошо было бы, если бы Вы — именно Вы — написали несколько слов — как член редакции, почему Вы меня издаете, — т. е. на мое место, дающее мне это право. Что касается «гонорара» — то известное количество экземпляров, которое Вы мне дадите, я все-таки распространю с «рисунками автора» в качестве «люкс». Ну и будут разные статьи, и это, конечно, может, принесет какие-нибудь подачки.** Что касается до оплаты расходов по изданию, то, думаю, что по нормальной цене книжка довольно хорошо разойдется, т. к. меня, т. е. стихи мои, постоянно требуют, но все давно под метелку продано. Но если делать, то нельзя ли это сделать быстро, ведь и быстро будет обычная канитель. Ну напишите, дорогой Роман Борисович - Вам виднее, а мне труднее писать.

Конечно — сбор так сбор. Я не в таком положении, чтобы чего бы то ни было «не желать». У меня нет денег абсолютно и даже на лимонад, единственный доступный мне напиток, нет.

Насчет письма рыжих — я разделяю мнение М. М. насчет такой «переписки». Это хамская Чухлома [866] — отвечать на рецензии. Но я-то при чем — раз Вы печатаете их блевотину, должен я ответить. Диктовать ответ мне, при моем состоянии, была сущая мука. Что их хамские штучки сократили — очень рад. Но, надеюсь, не обкорнали меня до их уровня. Впрочем, мне все равно. Все все равно. Это скверное ощущение, понимаю. Но делать нечего.

Когда должен быть у Вас отрывок Одоевцевой? *Пожалуйста, напишите.* Она переводит вяло, т. к. извелась и продолжает изводиться по мне. Но, конечно, переведет к сроку, ведь это и, все-таки, деньги, которых абсолютно нет. Напишите, пожалуйста, точно и не задерживая. И еще такую массу бумаги придется посылать par avion!

Меня все-таки как-то загробно утешает мысль, что Вы издадите мой сборник. И что это не «Рифма» и не какое-нибудь «Содружество поэтов»,[867] а Н. Ж. Ну, раз сбор в мою пользу можно делать только в сентябре, то что ж об этом говорить. Вот Вам и первый поэт: м. б., удастся набрать сто долларов. А какое-нибудь Бездарное поколение, на тупую книжку Варшавского (первую)[868]собрало здесь чистоганом полмильона. А увековечение памяти Лебедева![869] А Адамович!

Ну, о Адамовиче прийдется отложить «на завтра на потом на послезавтра — на когда умрем».[870] Где уж мне писать, хотя хотел бы и Вас развлечь и самому малость очиститься перед потомством. Адамович, кстати, благоденствует. *Налгав,* что он «окончил Петербургский университет», он, как Вы знаете, шикарно устроился (не зная ни бе ни ме по-английски) в Манчестерском.[871]Переводит по черной бирже денежки во Францию, держит квартиру в Париже, а с июня по сентябрь пирует на Ривьере. И все с него как с гуся вода. Статья его о Блоке бездарна. А «Моцарт» Маркова, на который он набросился, [872] по-моему, очаровательная штука. Вообще поддержите Маркова — не давайте его на съедение «общественности», которую он, м. б., и глупо, но по благородной невинности (против течения) оскорбил. И Вишняк, Ваш друг, секретарь Учр<едительного> собр<ания,> старая жопа: ему-то чем гордиться![873] Дорогой Роман Борисович, боюсь, что написал Вам черт знает что и как. Ответьте мне все-таки так же остроумно и блестяще как обычно — я повеселюсь и порадуюсь. Когда Вы поедете в деревню? Спасибо за посылку, которой еще не получил. И вообще спасибо. И. В. Вам и Ольге Андреевне нежно кланяется. Не забудьте сообщить сроки. И не обессудьте. Ваш

Г. И.

* ««Борисович» вписано над зачеркнутым «Григорьевич» и рядом приписано:> «Извините. Есть и Роман Григорьевич. Не могу переписывать. Извините».

** «Приписка на полях:> «Здешние "Русская мысль" и "Русское Воскресение" обещают бум и рекламу».[874]

118. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 10 июля 1956. Нью-Йорк.

10 июля 1956

Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович,

Весьма обеспокоен Вашим глубоким молчанием. Послал Вам уже очень давно обстоятельное письмо по всем вопросам. От Вас — ничего. Здоров ли Г. В.? Прошу написать очень. В частности, как я писал, в этом номере, который выходит на днях (у переплетчика), идет и отрывок из романа, и стих. А также, конечно, ответ рыжим мерзавцам. Ответ оч<ень> хорош. И, м. б., даже выиграл после того, как М. М. кое-что в нем устранил. Во всяком случае он играет как веселый бриллиант по сравнению с глупой серостью булыжника рыжих. Но из их произведения изъято решительно все неприятное: «недобросовестное», «честнее бы было» и пр. Так что вместо нок-аута с их стороны получился нок-аут им по зубам. Я до 4-го (даже вернее до 3-го) августа — тут, в Нью Йорке. А потом три недели в Питерсхэм.

Напишите же, не волнуйте старого Гуля. Как здоровье? И вообще? Не забудьте, что мы ждем второй отрывок романа в сентябрьской книге — надо прислать, ну, скажем, к 15 августа, что ли. Крайнее. А стихов Г. В. не будет? Мы их заждались...

Не слышали ли, что в Париж приехали советские писатели? С Мариэттой Шагинян во главе? [875] В газетах ничего не видал, но так пишут, будто бы следуют в Аондон — на заседание Пен Клуба. Кстати, тут организовался Пен Клуб — Рейтере ин Эксайл * — от русских в Исполком вошли Берб<ерова> и я. Но не знаю, будет ли эта организация дееспособна...

Сердечный привет,

Ваш *<Роман Гуль>*

* Writers in Exile *(англ.)* — Писатели в изгнании.

119. Георгий Иванов - Роману Гулю. 23 июля 1956. Йер.

23 июля 1956

Дорогой Роман Борисович,

Только что пришла посылка от Вас. Очень благодарю Вас и Ольгу Андреевну. Все вещи, конечно, очень хороши и пальто как по мерке. М. б., и поношу еще его — кто знает. У меня было нечто вроде пропажи зрения. Вылечили меня, т. е. не дали сразу сдохнуть, лошадиными средствами — других здесь не применяют. Давление от сих средств еще повысилось. Ваш серпазил тоже, увы, как мертвому кадило. В том-то и дело, что у меня какой-то сложнейший случай — могу, так сказать, гордиться.

Вещи, повторяю, особо отличные и если бы не мое приятное состояние, доставили бы мне огромное удовольствие. М. б., и доставят еще. Не сочтите за неблагодарность это бесчувствие. Очень, очень благодарен.

Только

Что ей ленты-кружева
Раз она полумертва.

Хорошо. Спасибо и за два письма. На первое, обстоятельное, я ведь ответил и очень жду обстоятельного же Вашего ответа — насчет издания книги особенно. Очень хочется выпустить напоследок книгу, не скрываю. Другое — очень дружеское — письмо с 10 июля все лежало — ну напишу завтра. Дикая апатия, кроме всего прочего.

Политический автор трудится в четыре руки, чтобы к 15 августа не опоздать. Куда посылать — в деревню к Вам или в Нью- Йорк — скажите. *Очень существенно:* гонорар за этот отрывок есть наша теперешняя единственная денежная основа. Очень прошу М. М. и Вас войти в мое положение, оплатить его сейчас же по получении. Очень прошу не только это, но и по возможности округлить чек, сочтя авансом будущий третий отрывок и будущий дневник. У нас уже сейчас нет ни копья. Пожалуйста, дорогой Р. Б., отнеситесь сериозно — сделайте все, что можно. Ну закажите Вы 100 долларов по получении отрывка. До и не прошу. Но предстоит целое лето адской жары, одного

лимонаду на 100 <франков> в день. Вино забыто давно, нельзя ни капли. Дневник будет к декабрьской книжке и, возможно, роскошный. И третий отрывок И. О. будет писать не отрываясь, как только кончит этот, и по написании сразу пошлет. У нас, откровенно говоря, кроме Вас нет ни одного друга, способного помочь, и полагаться на Америку волей не волей — единственное, на что есть, — во Франции не достать «по <нрзб>» ни копейки. Извините, кончаю: напился черного кофе, чтобы написать Вам и поблистать — все-таки не удалось, как видите. Но Вы, пожалуйста, из Питерсхема напишите мне на досуге поблестящей. Обожаю Ваши письма. М. б., и я, очухавшись, Вам поблистаю в ответ и пришлю продолжение Адамовича. Этот мой друг тоже блистает теперь в Ницце — прокутывает накопленные за свой профессорский сезон денежки. И ведь как рискует — поймают на незаконном вывозе денег из Англии а тют ситюасьен*, да еще в тюрьме посидеть можно. Ничего не боится. Я бы, вообще, с его прошлым давно бы удавился от страха. А ему ничего. Эх, золотая тема вообще пропадает. Кроме Почтамтской, чего только он не проделывал и не продолжает проделывать. Одно распределение гвоздей в бытность его начальником канцелярии по гвоздям чего стоило. Всякого бы давно расстреляли. Орел, а не человек. И в Манчестер попал как окончивший СПБ университет. А он его и не кончил. Сгорел диплом — как «паспорт мой сгорел когда-то» [876] — и дело в шляпе. Папа жандарм [877] радуется с того света на сыночка. А я робко преклоняюсь. Читали, какую чушь он нагородил насчет моей близости с Есениным по <поводу?> последнего Дневника. [878] Ну ответьте мне и на «наболевший вопрос», и вообще. Обожаю Ваши письма. Оба обожаем. Еще раз спасибо за посылку. И. В. очень кланяется Вам обоим.

Ваш Г. И.

*A toute situation (фр.) — ситуация некрасивая, скандал.

120. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. 14 августа 1956. Йер.

14 августа 1956.

Дорогой Роман Борисович,

Как видите, высылаю отрывок за день до назначенного Вами срока. Мечтаю о «редакторском спасибо» за точность.

Простите, что рукопись не очень презентабельна. Труда она мне стоила большого.

Будьте ангелом, пришлите мне переписанную на машинке с Вашими отметками. И я, как в прошлый раз, пришлю исправления. Вышлю, не задерживая. Точность гарантирую.

Но если совсем нельзя — пройдитесь сами по ней «своей талантливой рукой».

Ну вот и все. Я очень устала. Ждем письма от Вас.

Жорж, к сожалению, все не поправляется еще, но написал несколько стихотворений для будущего «Дневника».

Пожалуйста, сообщите, что говорят об ответе, ну и заодно — о «Буре» [879].

Вы, наверно, уже в деревне.

Желаю Вам всяческих наслаждений и отдохновений.

Сердечный привет Ольге Андреевне от меня и Жоржа. И Вам также.

И.О.

121. Роман Гуль — Георгию Иванову. 15 августа 1956. Питерсхэм.

15 августа 1956

Дорогой Георгий Владимирович, Вы просите писем — их нет у меня.[880] Нет, правда, на сердце такая большая тоска, ей-Богу. От усталости, от старости и еще от чего-то не поддающегося определению. Вероятно, — от эмиграции... Есть такой недуг несчастный и неизлечимый... Но вот сбрасываю с себя ветхого Адама — и принимаюсь за веселое письмо к Вам. Не писал давно, ибо был занят тяжелющей работой, притом спешной, притом нелитературной. Сейчас я ее свалил, и устал... как пес... Прежде всего хочу Вам написать о том, что Вас может интересовать больше всего, — это о мысли М. М. издать Ваш сборник. Я думаю, что это осуществимо. Я уже писал М. М., что Вы этим очень зажжены. И мне кажется, нам удастся сделать это к<ак>-н<ибудь> очень экономно — что необходимо, ибо деньги-то надо вырезать откуда-то, а их ведь нет. Во всяком случае в своем далеке Вы должны приняться за манускрипт. Это сделать Вам легче легкого, я думаю. Ножницы. Клей. Немного бумаги. Вот Вам — и Вы сделали прекрасный сборник. Вы писали, чтоб я «ч<то>-н<ибудь>» написал. Понимаю, — о Вашем стуле, конечно! За номером. Можно написать. И даже должно. Но Вы должны сказать совершенно членораздельно: давать в сборник статью мою из НЖ или нет? Не думайте, что меня обидите, если скажете — нет. Милый друг, я умираю оттого, что был я честен. Но зато родному краю, верно, буду я известен...[881] Кстати: верно или видно? Или Вы такими сюрреалистическими стихами не интересуетесь? Нет, без дураков. Мне ведь решительно все равно — дать так дать, не давать так не давать. Можно поместить, сильно сократив, оставив только о стуле. Кстати, известна ли Вам острота Ходасевича: «Эмиграция так бедна, что у нее даже нет стула...».[882] Ну, вот отпишите мне все это и гоните манускрипт, а тут покумекаем что к чему. И воздвигнем Вам памятник нерукотворный... Насчет зарастет или не зарастет [883]- это уж не ручаемся... Может и зарасти... в наш тяжкий и великий век... Ну вот, о главном кончил.

Теперь второе. Пишет ли политический автор для нас «Бурю»? И когда шлет? Получили ли небольшой чек с письмом, посланным перед моим отъездом — жюст, жюст...* Там же было море междкупонов, которых Вы не любите, а я, помню, живя в

Париже, страсть любил — откроешь конверт, там купоны — и такая хоть небольшая, но все-таки приятность — прорежет душу — сразу же можно было отвечать... Трудно мы живали иногда в Париже...

Чем ни больше тут живу — сильней Америку люблю. Хороша страна моя родная...[884] Оченно хороша... Гляжу на американскую молодежь и думаю, — ах, телята, не понимаете, наверно, вы, до чего хорошо у вас дома! До чего хорошо! — А м. б., и понимают. Едва ли? Для того, чтобы *так* понимать, надо одну такую же страну потерять. А это не так просто и не всякому дано.

Ну, вот. Теперь о Почтамтской улице. Вы меня, конечно, с ней забыли. Но знаете, что я хочу Вам сказать. Мое впечатление о подсудимом внезапно стало оборачиваться в его пользу. Ну, да, конечно, участвовал, в подштанниках там лазил, подтирал, все так... Но позвольте, господа судьи! Вина моего подзащитного небольшая — он — посмотрите на него! — он типичная жертва среды... Он был принужден, вынужден, по слабости характера, вернее по бесхарактерности вовсе — ему некуда было податься от этих паханов... взгляните на него, господа судьи, ... и т. д... Вот паханы — да, это централ номер первый и петля, вздрагивая, плачет по их шеям... но этот нежный подсудимый — смотрите, он даже плачет, видите, он рыдает навзрыд... нет, это не закоренелый преступник, господа судьи, это несчастная жертва обстоятельств, среды и безнравственного, конечно, поведения... Вы не согласны со мной, маэстро? Да или нет? Если — нет, то объяснитесь, почему? Я думаю, что в точке зрения этого адвоката есть большая доля истины...

Рад» что посылка пришлась Вам по вкусу. Передал это графу — он, собака, страшно осклабился, как будто послал неведомо что... страшный народ эти буржуи недорезанные... не понимают они нашего брата проклетария...[885]

Кстати, прочел первый том Степуна [886] и должен Вам доложить, что есть места первоклассные! Бунин бы даже, читая, мог озлиться, что не он это написал - всякие такие образы... Очень здорово... Но - странно - есть и внезапные какие-то актерские пошлости, которые портят все дело. Но их <дальше обрезан нижний край письма. - Сост.>

Тут я пробуду до 1 сент. Можно писать прямо сюда. Но если вдруг забудете адрес — то жарьте и на город, все равно перешлют, быстро. Но рукопись полит<ического> автора лучше слать на НОВЫЙ ЖУРНАЛ, чтобы сразу пошла в переписку на пишмаш.

Как здоровье? Встали ли полностью на ноги? Или как? Я ведь

тоже сижу на такой зверской диэте (болезнь моя почетная — желчный пузырь и печень вообще) — так что ничего вкусного, все без соли, все невкусное, так что не разыграешься, не распрыгаешься... Да, граф, это уж не былые кабардинские времена... это так себе — зори, закаты, если хотите, эти самые зарницы и вообще — тихие вечера...

Кстати, почему Вы пишете — «папа — жандарм». Разве у него папа был «жандарм с усищами в аршин...» — «а рядом с ним какой-то бледный — лет в девятнадцать господин...»? [887] Не знал, сообщите при случае. А кто была мама?[888] Мама-то, надеюсь, не жандарм? Между прочим, честно скажу, я как-то не представляю — когда Вы пишете «чего только ни проделывал и пр.». Как-то непохоже никак. Насчет того, что о Вас написал «чушь», — никак не согласен. Он Вас превознес, во-первых, по заслугам — Ваши послевоенные стихи, которые, по-моему, ОТКРЫЛ все-таки я. Вы не согласны, конечно. Вы уверены, что они сами открылись. Но — в большой, солидной печати-то — кто их увековечил, к кому пришли волхвы и сказали — только сейчас мы узрели поэта во весь его рост... То-то же — ответил я волхвам. И насчет Есенина не такая чушь, как Вы говорите — «спуск в дневник некий» — отчего же — это может быть темой. Не скажите...

Ну, вот пишите, не обижайтесь на старика — как одна полька-переводчица мне написала — «я представляю Вас таким желчным старичком» — а это было лет эдак тридцать тому назад нам двадцать пять во всяком случае. Это на обложке — за то, что она перевела мою книгу [889] <На этом письмо обрывается, нет последней страницы - Публ.>

*Juste, juste (фр.) - в последний момент.

122. Георгий Иванов - Роману Гулю. Начало сентября 1956. Йер.

<Начало сентября 1956>

Дорогой Роман Борисович,

Очень прошу Вас отнестись к этому письму настолько дружески и сериозно, насколько это возможно. Заранее прошу прощения за возможные неудачные выражения и пр.: написать необходимо, состояние же мое скверное — не буду распространяться, за ненадобностью.

Очень давно, в ответ на Ваше указание, что «М. М. ничего для меня не может сделать, и на Америку рассчитывать нечего», — я писал Вам, что очень прошу, до обещанного Вами сбора в мою пользу «в сентябре» прислать мне аванс за отрывок И. О. и под будущий дневник. Я просил 100 д<олларов> по получении Вами отрывка. Вы, посылая мне оставшиеся 9 д. 60 ц., не совсем ясно, но все же обнадеживающе писали «в дальнейшем будем благоприятны», прибавляя, «шлите отрывок». Отрывок (и первоклассный на мой скромный вкус) был отправлен 14-го, следовательно, он около трех недель уже у Вас. У меня давно нет ни гроша ни на что. Я по мелочам должен всем. Представьте себе наше житье и смысл такого житья, без гроша, без ебли, без лекарств, в среде красных испанцев и под начальством директора — коммуниста. Упоминаю о последних, чтобы оттенить, на что я могу рассчитывать во Франции, где нас загнали в это большевистское логово и наотрез не пустили в русский дом Кормей [890] — условия жизни где рай по сравнению с нашими.

В Америке мы, очевидно, такие же парии, и никто не плюнет, если мы погибнем. Если я, все-таки, бросаюсь к Вам и к М. М., то считая, что хоть за стихи я Вам не совсем безразличен, в отличие от той эмиграции, которая ставит памятники балалаечнику Черноярову.[891] Черт знает кто и черт знает за что получает поддержку. Не могу представить, чтобы такое *морально* могущественное «лицо» (среди остатков культурных людей), как Новый Журнал, не может, если захочет, и постарается сделать нечто, чтобы обеспечить нам некий минимум возможности дышать кое-как. Ну, придумайте же что-то Вашей, ведь дружеской же головой!

Прошу, ответьте мне сразу же и, если еще не выслали, вышлите просимый аванс «для начала».

Как же мне клеить книгу, если я не знаю ее типографского

размера. Стихи тоже все у Вас. Наизусть ничего не помню.

Если бы не было прервано лечение, которое на деньги М. М. я производил больше года, 12 ампул в месяц — 10 000 фр. плюс еда и пр., я, м. б., и был бы опять человеком. Но меня брутально «поставили на ноги» в очередь к братской могиле, где в одной яме хоронят всех, — я бы, м. б., уехал в Париж поискать счастья. Теперь же в моем состоянии, зарастет или не зарастет «тропа» [892]более менее все равно. Пожалуйста, жду ответа дружеского и быстрого.

Ваш Г. И

123. Роман Гуль — Ирине Одоевцевой Георгию Иванову. 10 сентября 1956. Нью-Йорк.

10 сент. 1956

Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович,

Отвечаю на Ваши письма с некоторым запозданием ввиду всяких сложностей жизни. Прежде всего должен сообщить весть, которая меня очень печалит и Вас опечалит тоже. Второй отрывок Ваш, Ирина Владимировна, в НЖ не идет. М. М. и мне он показался малоинтересным и не идущим ни в какое сравнение с первым. Ничего не поделаешь, но тут ни мы, ни Вы, вероятно, не виноваты, так уж вышло. Жалею очень, ибо понимаю, что Вы ждали за него аванс, но — ничего не поделаешь. М. б., к декабрю Вы дадите нам что-нибудь иное?

Теперь хочу ответить на письмо Г. В. Дорогой друг, из-за океана — конечно, не видно многое и кажется не тем, что есть в действительности. Когда у НЖ были какие-то деньги (небольшие, но все-таки), мы высылали Вам всякие авансы и под то и под другое. И сейчас бы выслали, если б... были деньги. Но у нас сейчас их нет, мы крутимся с великим трудом и потому никакой такой аванс, о кот<ором> Вы пишете — просто невозможен потому, что не из чего послать. Верьте, что к Ир. Вл. и к Вам — отношение НЖ самое лучшее, что не раз мы доказывали Вам всякими фактами, но — сейчас мы в тупике и ничем в смысле авансов помочь не можем, *неоткуда*. Поэтому у меня и возникла мысль о подписном листе, по которому, я думаю, можно собрать сумму дол<ларов> в сто, но надо подождать, когда люди съедутся, сейчас еще люди в разъезде и М. М. — в деревне. А он необходим для этого. Так что подождите, мы это сделаем, наверное. Ваше житье и Ваше состояние Вы мне напрасно даже и описываете, я его представляю. Поэтому и пытались во все это время как-то помочь Вашему житью-бытью. Но все-таки на вещи надо смотреть реально — и когда Вы пишете, чтобы НЖ — «такое *моральное* могущественное лицо» *обеспечил* Вам некий минимум, — то это, как ни грустно признать, — не реально поставленная проблема. Моралью мы Вас обеспечить можем, но ведь Вам нужна не мораль, а деньги. Ну, а при всей моральной мощности — НЖ предприятие совершенно безденежное — и тут если можно ч<то>-н<ибудь> придумать, то вот мы и придумываем — лист, М. М. придумал Вам поддержку из Юманити Фонда, авансы, —

это максимум максиморум возможностей. И весь тон Вашего письма — плохо сдерживаемого упрека — совершенно неверен и не нужен, и, так сказать, даже не по адресу. Зачем это? Рисуется картина, что мы лежим на каких-то горах золота, а Вы бедствуете, а мы «пируем в роскошном дворце». [893] Ведь это все не так, и далеко не так... и может казаться так только из-за океана, а через океан — ничего не видно, уверяю Вас. Посему. Конкретно. Лист пустим, вероятно, в конце сентября, когда нужные люди будут в сборе. Ежели у Вас нет Ваших книг — вышлю заказным, но я думал, что Вам нужен только «Портрет без сходства», а он-то, вероятно, у Вас есть, ибо это недавний сборник. Но я на днях вышлю Вам все заказным. И клейте, клейте так, как Вы бы предполагали, а тут мы уж будем разговаривать с типографсией. И если нам удастся издать, то это, м. б., тоже ч<то>-н<ибудь> даст в смысле заработка Вам.

Ну, вот тороплюсь и очень жалею, что ответы мои все неутешительные, но с'э ля реалитэ, ке фер, фер-то ке? [894]

Цалую ручки Ирины Владимировны, искренно Ваш

<Роман Гуль>

124. Ирина Одоевцева — Роману Гулю. <Середина сентября 1956>. Йер.

<Середина сентября 1956>

Дорогой Роман Борисович,

Я пишу Вам только, чтобы Вы знали, что я и не обиделась и не огорчилась. И совсем не собираюсь прекращать сотрудничества. Напротив. Скоро пошлю Вам стихи, а потом и прозу.

Конечно, досадно, что Вы нашли отрывок неинтересным. А я ждала восторгов и лавровых венков. Отчего? Оттого, что, когда я давала на прочтение Териву [895] (знаменитому критику) и в Изд. Плона [896] мою незаконченную рукопись, ее покрыли комплиментами и восхищениями в целом, но особенно отметили несколько отрывков, в том числе и присланный мною Вам, который «очаровывает и поражает» и после которого «уже нельзя оторваться от рукописи». А уже напечатанный в НЖ не возбудил никаких комментариев. Вот мне и казалось...

Перевести его было гораздо сложнее, чем первый. Я проработала над ним целый месяц. Но ведь, по Тэффи, «всякий человек любит работать» [897] и, значит, жалеть не о чем.

Сердечный привет О<льге> А<ндреевне> и Вам.

И. Одоевцева

125. Георгий Иванов - Роману Гулю. 17 сентября 1956. Йер.

17 сентября 1956

Дорогой Роман Борисович,

Здесь навалилась неожиданно адская жара, дует сирокко из Африки. От этого чувствую себя особенно скверно. Так что пишу только о «не терпящем отлагательств».

У меня нет ничего, чтобы клеить книгу. Стихи из прежних Дневников и др. переписанные на машинке в свое время были посланы Вам. Копий нет. Нет и №№ «Нов. Журнала» — они остались в недоступном месте в Париже. Нет и ни одной моей книги. Если Вы выбросили переписанное на машинке, то единственный способ, чтобы Вы дали списать Вашей машинистке и прислали мне. Затем, все-таки, размер книги. Как же собственно клеить: сколько строк можно вместить на страницу, сколько будет вообще страниц в моем распоряжении, кроме Вашей (хотя бы сокращенной) статьи, а также неизбежных страниц титула, оглавления и пр. Не знаю также, как считаете Вы издательски более удобным — дать ли только послевоенные или избранные стихи этак 1930 — 1956. Меня больше тянет последнее, с преимуществом для последнего периода, этак треть довоенных и две трети послевоенных. Но ведь издаете Вы, а не я, ответьте. За счет красивости внешней предпочитаю использовать каждый вершок бумаги a la «Кипарисовый Ларец».[898]

Очень благодарю за обещанный сбор в мою пользу. Нельзя ли, все-таки, поторопить его в пределах возможного. Мы, не без основания, рассчитывали на гонорар за отрывок И. В. И теперь — сами понимаете. Прилагаю стишок из собираемого Дневника.[899] Если редакция способна выдать под него (кредиткой в обратном письме) 5 дол<ларов> (о десяти не смею просить!), буду очень польщен. Ну жму Вашу руку дружески и с аттенцией*, как всегда. Не берите с меня пример — ответьте в Вашем обычном блестящем стиле...

Ваш всегда *Г. И.*

*Attention (фр.) - внимание, заботливость и т. п.

126. Георгий Иванов - Роману Гулю. 25 октября 1956. Йер.

25 октября 1956
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Положение вещей (как, по крайней мере, оно рисуется мне по сю сторону океана) более менее таково: после моего последнего письма (того, где были приложены стихи) пришли от Вас 10 д<олларов> аванса (благодарю!). Завернуты в вырезку Вашей статьи о рыжем[900] (весьма и весьма «в цель») и с бессмертной терциной, чисто дантовской силы

«Не рыдай так печально над ним
Хорошо умереть молодым
Книги вышлю на днях заказным»[901].

Книги, действительно, пришли на днях… Это все.

В последнем Вашем письме Вы, как будто, писали, что собираетесь в «начале сентября» начать сбор в мою пользу, но ждете приезда М<ихаила> Мих<айловича> «необходимого для этого дела». Там же Вы, как будто, приглашали меня клеить книгу. Я, помнится, справлялся, что же собственно клеить, и указывал, что кроме двух последних «Дневников» у меня ничего не имеется и что переписанные на машинке стихи послевоенного периода, если Вы их в свое время выбросили, необходимо для клейки книги вновь переписать. Задавал и всякие другие вопросы. Сегодня по нашу сторону океана 25 октября. А с Вашей стороны оного, как говорит пословица, «нет ответа, тишина»[902].

Не обессудьте, что не вдаюсь в игривый эпистолярный тон нашей обычной переписки. Но как-то не играет перо, да и марки в последнее время в моем представлении так чудовищно выросли, что прямо не подступись — точно к фунту сахара. «Бытие определяет сознание». Хоть и украл эту истину Маркс у Бекона[903], но и краденой она, увы, остается в силе! И даже моральное удовлетворение Гомулкой[904] не очень смягчает ее. Ну вот. Адрес мой все тот же. Погода у нас хорошая, но по

вечерам свежо: с наслаждением и благодарностью надеваю присланный Вами кабардин[905].

Жму Вашу руку.

Г. И.

<Приписка на полях 1-й стр.:> И. В. кланяется и очень просит вернуть ее рукопись или ее переписку на машинке.

1957

127. Роман Гуль - Георгию Иванову. 1 января 1957. Нью-Йорк.

1 января 1957

Дорогой Георгий Владимирович,

Я все прекрасно понимаю. Я слышал — через океан — и Ваш зловещий шепот (я различил в нем все самые отменные ругательства по моему адресу), и Ваш басовый мат (я тоже его понял, увы). Я винюсь. Да, я виноват, я не ответил на письмо, я оборвался на самой верхней ноте — все это так. Но позвольте, господа присяжные заседатели! Есть ведь для подсудимого и требующие снисхождения обстоятельства. Да, господа присяжные заседатели, они существуют! Они существовали! И вообще, и в частности. Писать о них? Но, господа присяжные заседатели, поверьте лучше на слово, что они были (и есть): тут и недуги, и депрессии, и тяжкая замотанность, и нервность вообще и нервность в частности, и некоторое нездоровье Мих. Мих., и мое тоже, Вы все думаете, что Вашему Эккерману[906](или лучше, конечно, Ницше — это правильнее) — двадцать лет. Увы, граф, это было, конечно, но уже более сорока лет тому назад. Итак, господа присяжные заседатели выносят Гулю оправдательный приговор и приглашают его к деловому разговору с Жоржем Ивановым и с Ириной Владимировной (она же политический автор — как давно это было! Боже, как давно! но это не прошло, это возвратится и возродится, юнкер Шмидт,[907] честное слово!). Итак, — дальше деловой разговор.

У нас с Вами несколько пунктов. Первый — о Вашей книге стихов. Напишите, какие стихи, из каких книг Н. Ж. Вам надо переписать? Мы это сделаем и вышлем Вам. Макет Вы должны делать — по-моему — так, как Вам кажется лучше. А типография (если это устроится) уже скажет, как и что. Второй пункт. Я обещал Вам пустить среди друзей подписной лист. Ну, не мог, не мог — поймите, ни времени, ни сил, ни духа, ни бодрости, ни напористости, ну, ничего. И все-таки — три — человека писнули и оказалось 50 дол<ларов>. Должен получить эти деньги от М. М. на днях, наверное. Всего три человека, но надо встретить многих других, позвонить, поймать, сказать несколько слов. Не серчайте. Будем откровенны. Предположите, что Вы должны собирать для Гуля. Сколько бы Вы собрали? И собирали ли бы вообще? А то, что деньги задержались, это ничего, деньги всегда

нужны...

Третий пункт. У нас есть Ваше стихотворение о Фермопилах.Мы его не пустили в этой книге, ибо Вы хотели добавить к нему роскошный дневник. Почему дневник застрял? Давайте его! Думаю, что он есть, ибо пауза была глубокая и насыщенная.

Ир. Влад. тоже нам обещала, но нет и нет. Пааччеммуу? Ну, — в последний раз — пока я не погиб — на братский пир труда и мира (кажется, так?) — сзывает варварская лира![908] (а м. б., вовсе и не так — простите, мы неграмотные...).

Шлю сердечный привет, цалую одну руку Ир. Влад., а другую, Жоржеву, жму, жмал и буду жмать...

С Новым Годом!

< *Роман Гуль* > (Гуль-американец!)

128. Георгий Иванов - Роману Гулю. 10 января 1957. Йер.

10 января 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

С трудом собрался ответить на Ваше новогоднее письмо. Я с неделю тому назад очень простудился и после разных <нрзб> и непрекращающегося гадкого и изводящего кашля по сей день лежу в кровати и неизвестно, когда встану. Так что отвечаю как могу и только «по существу».

Очень прошу и не пускать Фермопилы. Когда будет (если он вообще будет) очередной «Дневник», тогда и пустите. Дело обстоит так: когда, полгода тому назад, я писал о новом роскошном «Дневнике», я имел основание думать, что он будет. То есть, у меня были тогда в «работе», в воздухе, десятка полтора эмбрионов: стихо, две, или даже строчка, две — которые, как всегда, должны были стать стихотворениями. Но не стали. Обстоятельства, в которых мне пришлось прожить это лето, слишком не располагали. Теперь все это умерло, т. е. эмбрионы стихов подохли и, если их и разыскать по бумажкам валяющихся в хаосе моих бумаг, ничего с ними сделать не смогу, заранее знаю. С тех пор всякое «вдохновение» меня оставило, а «сочинять» стихи я не умею, хотя и владею мастерством. Поверьте, я не ломаюсь. Напротив, был бы все-таки доволен чего-нибудь написать. Но невозможно. Поживем — увидим. Относительно книги — конечно, был бы доволен, если бы Вы издали ее. У меня нет ничего из напечатанного в Нов. Журнале, начиная с 25 № (где было 20 стихотворений), и ни одного «Дневника», кроме последних двух (1955 и 1955—1956). Я послал Вам, для статьи, все это на машинке, а если Вы выбросили, то, пожалуйста, перепишите наново. Без этих стихов никакой книги, сами понимаете, склеить *не* могу. А доброй половины не помню даже существования (без списка), а остальные не помню наизусть. Хорошо, когда Вы все это пришлете, я склею книгу так, как мне этого хочется, указав, что можно сократить, а чего нельзя. Если *можно,* каждое стихотворение на отдельной бумажке, чтобы можно было бы их тасовать. Я хочу составить нечто вроде «посмертной книги» — весь избранный Георгий Иванов за

эмиграцию. В том, что *напишу* еще что-нибудь путное, сомневаюсь — и имею на это основание. Переехал на чистую страницу, т. к. получается грязь. Что еще? Конечно, «деньги — всегда деньги». Второго фельетона о Бурове не напишешь, да и тот, который я по его заказу написал летом,[909]принес мне немного. Не помогает мне решительно никто. Если я правильно понял, у Вас есть для меня 50 долларов и Вы, как будто, собираетесь теперь сделать для меня сбор. Если это я правильно понял (как и о книге), то, пожалуйста, не обращая внимания на скуку этого письма, ответьте мне сразу, а деньги, какие есть, пришлите сразу, не дожидаясь пока накроете кого-нибудь другого. Очень буду рад возобновить с Вами дружескую переписку, кроме всего этого. Хотел бы знать — будет ли выходить Новый Журнал в 1957 г. «Всезнающие» парижане говорят разное. Обидно было бы, если бы перестал выходить, как многие каркают. Последнюю книжку получил и благодарю. Статья Гумилевой [910] глупая. Эта дама на старости лет пишет чепуху: все не так и все не то. Совсем это не бесхитростные воспоминания, как писал Аронсон.[911] Напротив. Дело в том, что Гумилев с братом [912] был в прохладных отношениях и общались они мало. Масса выдум<анного>, а иногда и прямой лжи. Вероятно, ей так кажется теперь. Явно она, пиша, «работала по материалам», шлифуя цитатами свою ерунду. Для будущего биографа Гумилева это не пособие, а «совсем наоборот».

Если Новый Журнал будет выходить (на что горячо надеюсь), я бы, наконец, досочинив свои «Иллюзии и Легенды», прислал бы их Вам. И, м. б., вставил бы, не обижая эту дуру, несколько фактических поправок. Но чтобы вообще кончить эту статью, мне нужна книга Варшавского, которую Вы так мне и не прислали. Заодно делаю заявку на рецензию о собрании стихов Смоленского,[913] которое скоро выпускает Гукасов [914], если это редакции желательно. Ну вот. Здесь холод вообще и окромя, что особенно противно, холод в доме: суэцкий мазут. Кто может, отогревается водкой — мне, если бы и было на что покупать, нельзя, немедленно адская головная боль, не говоря уж об возможной кондрашке. Так что веселого мало, а отвращения много. Ир. Вл. благодарит за ответ и очень просит, кланяясь в свою очередь, очень просит прислать ей ее непринятую рукопись. Как я Вам уже писал — это единственный экземпляр. Мы оба кланяемся Ольге Андреевне и желаем Вам обоим здоровья, счастья и всего лучшего в 1957 году. Тоже очень рассчитываю на регулярный ответ(ты). М. б., и сам в конце концов малость распишусь, хотя не очень этому верю. Всегда Ваш

Георгий Иванов

129. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 января 1957. Йер.

21 января 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

«Это не письмо» — как видите, следую старой традиции нашей былой дружеской переписки. И, увы, тоже, как встарь, с корыстной целью. Будьте ангелом (воздерживаюсь от «душка», Вам не нравится), пришлите же мне обратной почтой те самые 50 долларов, которые ведь «уже лежат». У нас ни гроша, одни долги. Это не помешает ведь Вам, как Вы меня опять обнадеживаете, «встретить многих друзей, позвонить, поймать, сказать несколько слов»... И дослать мне результат этих встреч и звонков, следующим чеком!.. Жду также ответа на вопрос — дописывать ли мне «Иллюзии и Легенды» — нечто возвышенно грустное — или нет. Я бы охотно дописал. Обойдусь и, на худой конец, и без книги Варшавского. Но Смоленский, т. е. экземпляр книги, мне необходим, а то пришлет автор с восторженной надписью, а по его экземпляру неловко будет говорить то кислое, что, м. б., прийдется сказать. Да, скажите «совершенно конфиденциально», возможно ли в отредактированных «Легендах» возразить с должным почтением М. М. о полезности труда типа Струве?[915] Ответьте.

И так-то, дорогой Р. Б., я Вам в ответ на Вашу «оливу мира» ответил и с опозданием и кисло, и теперь перо не играет. «Грипп прошел, бронхит остался. До чего же я устал». Стихов пока не пишу, а, м. б., и запишу, когда буду иметь какие-нибудь «средства к жизни». А то больно уж тошно даже марку Вам <высчитывать? >. Это между прочим намек на почтовые купоны. Слышал, что у Вас морозно. Здесь более менее рай, но в доме отчаянный холод. Вот прилагаю завалящий стишок на венгерские события — для ровного <счета -> за посланные «Тысячу лет назад, так давно, что забыла ты»[916] 10 долларов. Я всегда, кстати, удивляюсь, отчего это Вы бухнули в Вашем капитальном труде о моем творчестве, что это на тему убийства. Это любовный стишок, Мил. Государь! Это поллюция молодого человека, как сказал И. А. Бунин» нынешнему архиепископу Сан-Францискому Иоанну, в девичестве Шаховскому.[917] Почему сказал, могу объяснить в

будущем «настоящем» письме. Жму Вашу уважаемую лапку. Страстно жду ответа. Ваш

Г. И. (Ж)

Иду — и думаю о разном,
Плету на гроб себе венок
И в этом мире безобразном
Благообразно одинок.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря —
«Урра»! из глотки патриота,
«Долой»! из пасти бунтаря.

Георгий Иванов
1957

130. Роман Гуль - Георгию Иванову. 22 января 1957. Нью-Йорк.

22 января 1957
Г. В. Иванову

Дорогой Георгий Владимирович,

Был рад получить от Вас письмо, но не рад был узнать, что Вы все недугуете. Пожалуйста, поправляйтесь. Для этого дела прилагаю Вам чек на 102 доллара. Это — результат сбора, чтобы Вас поддержать. Не много, но все-таки ничего.

Стихи мы Вам перепишем и пришлем вскорости. Рукопись Ирине Владимировне тоже пришлю, конечно, вскорости. К Ирине Владимировне обращаюсь с большой просьбой: нет ли у нее стихов для следующего номера? Были бы очень рады напечатать. Грозилась Ир. Влад. прислать и прозу.

Ввиду того, что «Дневник» Ваш задерживается, может быть, можно было бы всё-таки напечатать «Фермопилы», а то Георгий Иванов у нас очень давно не появлялся, и публика волнуется и требует.

Ну вот, пока все. Тороплюсь. Пишу из редакции. Рецензию на Смоленского будем считать за Вами.

Целую ручки Ирине Владимировне.

Дружески Ваш
<Роман Гуль>

131. Роман Гуль - Георгию Иванову. 10 февраля 1957. Нью-Йорк.

10 февраля 1957

Дорогой Георгий Владимирович,

Вот опять задержался с ответом на Ваше письмо, но виной тому опять всякие космические обстоятельства. Во-первых, письма наши разминулись. Т. е. не письма, а Ваше письмо, с посланным мной чеком на 102 доллара (кажется, так?). После 102-х получился еще один запоздалый чек за 3 доллара. Хотите я вышлю Вам и Ир. Влад. ледерплексов? Напишите. Дальше. Стихотворение Ваше — по поводу венгерских событий — совершенно замечательное. Некоторые, кому я его прочел, определили его как «гениальное». Хотите верьте иль не верьте. Нет, правда, по-моему — чудесное. Читал его по телефону Берберовой, она также восприняла его, как и я. Но так как мне, как Ницше (возносящему Вагнера), разрешается «высказать свое мнение», то высказываю. Мне очень нравятся первые две строфы — прямо-таки — потрясающие! А в третьей строфе — вот эти две последние строки — «Ура из глотки патриота — Долой из пасти Бунтаря» — не очень. Берберова была того же мнения. Осмеливаюсь Вам предложить, если у Вас ч<то>-н<ибудь> навернется новое в этом плане, — то, напишите, изменим. К тому же думаю, что фонетически, м. б., лучше будет даже — «пасти патриота» — «долой из глотки бунтаря». Как думаете? Конечно, пасть больше имеется у бунтаря, но «п» — «п» и «дол» — «гл» — м. б. переживают?

Как себя чувствуете? Книгу Варшавского Вам выслал. Если бы Вы написали «Иллюзии и легенды» — было бы замечательно. Рецензия на Смоленского за Вами. Я сказал М. М. Только не затягивайте. Думаю, что если бы Вы прислали некое письмо в редакцию — в ответ на рецензию М. М. Карповича о книге Струве [918] - в академическом тоне (как мы с Вами умеем) — то было бы вполне подходяще. Особенно, если с упором на факты, сэр! Напишите письмецо, что Вы нам пришлете в первую очередь. Но книги Смоленского у нас нет, не приходила. М. б., он нарочно не послал, готовя сначала рецензию? Иногда так делают. О меж<ду народных> купонах не забуду, пришлю, сейчас пишу из дома и их тут нет. И вышлю обязательно. Кстати, я думаю, что «Фермопилы» тоже надо пустить в этом номере. Пусть будет два

— а то Вас заждались. «Фермопилы» не испортят гениального ничуть. [919] Почему Ирина Владимировна ничего не шлет — ни стихов ни прозы. Как было бы хорошо получить кучку стихов ее. Рукопись вышлю, все замотанность, не доходят руки, но дойдут. Попрошу секретаршу переписать Ваши стихи и пошлем Вам, для того, чтобы Вы могли делать потихоньку книгу. В следующем письме жду, почему сказал великий Бунин епископу о поллюции. И вообще ответов на все животрепещущие вопросы. А то — пошли Вам только денег — Вы и замолкаете, словно наевшаяся зерен канарейка. Порадуйте, напишите. Кстати, а Почтамтская улица так и осталась неоконченной, и это очень жаль... Мы страстно ждем не продолжения, а окончания, остановились Вы на ящике, сданном на вокзале в багаж...

Крепко жму Вашу руку
Цалую ручки Ирины Владимировны
И вспоминаю, холодея, что я уже не человек,
а [920] < *Роман Гуль* >

132. Георгий Иванов - Роману Гулю. 14 февраля 1957. Йер.

14 февраля 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Не поблагодарил за деньги не по хамству, а потому что болен и болен. Ну и хватит о моих недугах. Passons.* И, конечно, большое спасибо. Лучше Познер, чем никогда. Но насчет канарейки — ко мне не подходите: канарейка должна была все Ваши денежки отдать. Заимодавцам. Опять-таки passons. Канарейка, если употреблять этот образ, оттого именно и замолчала, что лишена минимума зерна. Но и об этом что уж рассуждать. Если Вам хочется, то пустите оба стишка, не в качестве «Дневника», а «так». Но уж, пожалуйста, не забудьте выговоренное мною в свое время «преимущество» печататься либо отдельно от «прочей сволочи», либо впереди нее, не считаясь с алфавитом.[921] Также обязательно прошу *корректуру*. Ну насчет конца «гениального» стишка «Вы же сами знаете», что переделать его невозможно. Меняйте глотку на пасть, это пожалуйста и даже на звук, действительно, лучше.[922] Но сами строчки! Да ведь если и есть во всем стишке что-нибудь «гениальное», то бишь раздражающе-поражающее, то именно и единственно патриот — бунтарь — глотка — пасть. Убрать их значит уничтожить сам стишок. За лишние 50 долларов концовки их охотно <готов> переделать хоть на кантату в честь февральской революции с подзаголовком «к сорокалетнему юбилею» и с посвящением М. В. Вишняку,[923] но даром не согласен. Кстати — единственный стишок, который в свое время мне почтенный Вишняк вернул, был «Хорошо, что нет Царя» — «Мы хотя и против монархии, но такого вызова печатать не можем» — подлинные слова![924]

Хорошо. Ну, получил свежий номерок Вашего уважаемого органа — стишки подгуляли. Т. е. очень милы, несмотря на неискоренимую беспомощность Величковского[925] (не все). Но Ильинский[926] «ниже ватерлинии» — атак писывал сынок Бориса Савинкова[927] в 1925 году, желая поразить эмиграцию, — помните. Да, Гингер, конечно, как всегда, чрезвычайно мил.[928] Дыдурова[929] < Дудорова. — *Публ.*> (впервые слышу имя) — если в качестве восходящей звезды, то пусть тут же и закатится.

Оправдывает свою фамилию. Но это все пустяк перед Горской. Почему она пользуется покровительством Вашим (или М. М.?), тайна. Адамович прислал специальную открытку: прочти Горскую. И еще с эпиграфом из Бердяева.[930] Прошлый раз у Вас была прелестная (без шуток) Присманова.[931] Вообще они оба, Гингер и Присманова, заслуживают, чтобы их печатали в единственном порядочном журнале эмиграции. Пишу не по дружбе: даже не поблагодарил еще Гингера за его книгу,[932] и они, м. б., думают, что я их не ценю. А я очень ценю и есть за что. Не то что Вашего любимца Пиотровского. Очень польщен, что Вы собираетесь переписать мои стишки, чтобы я их на досуге «клеил». Но, допустим, склею, а что предполагается в дальнейшем? М. б., Вы посильно хотите занять старичка: пусть клеит, все-таки развлечение?.. А старичок и стихи-то перестал писать из-за отвращения «ко всему». Теперь «аппарат» уже не «Роз», а послевоенный по-прежнему при мне, но пользоваться им опять-таки не могу, скулы сводит. Впрочем, это дело частное: не такие царства погибали.

Друг мой, Вы, по-видимому, хотите сделать нам что-либо приятное. Искренне благодарю и ценю. Вот и можете сделать — именно похлопотав заблаговременно, чтобы граф или графиня или хоть ихняя камеристка, прислали бы политическому автору какие-нибудь ихние *летние* обноски. И так, чтобы они прибыли именно к лету. Автор этот очень обносился в этом летнем <сезоне?> и — дело прошлое — очень рассчитывал на прошлый Ваш сезон в Петерсхаме (или как). У нас лето начинается в апреле и длится до ноября, и вот тут-то и прорыв. Конечно, если можете и желаете в этом смысле похлопотать. Чего-нибудь этакого легкого американского, вдруг подвернется и очень легкое пальтишко «непромоквай». Очень прошу прислать именно ледерплякс. Очень. Но, ради Бога, не сразу все, а маленькие пакетики par avion «echantillon sans valeur»** этак по сорок — 50, не больше, пилюли в легкой бумажной коробочке- Иначе сдерут страшную пошлину, а заодно и украдут половину, как было, когда Вы мне послали сразу кучу.

Что еще? Ну, м. б., Вы мне ответите не через месяц, а поскорей, тогда и я распишусь. Без ломания, даже такое письмо мне писать крайне утомительно — сейчас же начинается головная боль. Вот тут-то и кстати ледерплякс — «заранее благодарю». И уж не обессудьте и за почерк, и за «суммарное» содержание. Иначе и так не соберусь быстро ответить. Все-таки черкните мне толком, что и как и насчет Нов. Журнала — будет ли выхо<дить>, и насчет моей книги, и «вообще». О Почтамтской уже как-нибудь потом, как и жопнике архиепископе. И. В. Вам

кланяется. Жму Ваши ручки

Ж.

Ну чего же мне — да еще <бесплатно>, писать письма в редакцию насчет Струве и тем поощрять «р<ыжего> мерзавца» к дурацким ответам. Я уж, м. б., изловчусь и оскорблю его «академически» в каких-нибудь «Иллюзиях». «Фактов», именно фактов, известных мне и не известных ему, имеется куча. Ну и это «до будущего раза».

Ваш

Ж.

<На полях первой стр.>: Очень правдива и вообще хороша статья Анненкова [933]. Не то что агитка Гумилевой.

* Не стоит говорить об этом (фр.).

** «Без объявленной стоимости» (фр.).

133. Георгий Иванов - Роману Гулю. 21 марта 1957. Йер.

21 марта 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Уважаемый Коллега,

От Вас ни ответа ни привета — вот уж вроде как два месяца. Так не поддерживают переписку. Что сие значит — недоумеваю. Все-таки надеюсь получить от Вас письмецо.

Ваш Г. И.

* Это не от паранойи, а в знак дружбы.[934]

А это от паранойи.[935]

<На отдельном листе текст стихотворения «Свободен путь под Фермопилами...», скорее всего, попавший сюда из письма от 17 сент. 1956 г. (№ 125)>

134. Роман Гуль - Георгию Иванову. 28 марта 1957. Нью-Йорк.

28 марта 1957
Г.В. Иванову

Дорогой Георгий Владимирович,

Я получил Ваше письмо с суровым «уважаемым коллегой». Вы, конечно, формально правы. Я свински долго не отвечал Вам. Но есть множество смягчающих вину обстоятельств. Был нездоров Михаил Михайлович. Сейчас он поправился. «Новый Журнал» переезжал на новую квартиру (это трудное предприятие Вы себе даже вряд <ли> можете представить). У меня очень плохо себя чувствует жена: высокое давление (что Вы хорошо понимаете). И в конце концов я недугую сам и все-таки пребываю в невероятной рабочей затормошенности. Вот по *всему* этому я и не мог Вам написать. Ни о чем. И сейчас это не письмо, а только предуведомление о грядущем письме. 48-я книга «Н. Ж.» печатается, там идут два Ваших стихотворения (конечно, первым номером). Почему нас бойкотирует Ирина Владимировна? Если Вы ее видите, передайте, пожалуйста, ей, что мы обижены и не заслужили. Обрываю, простите, пишу в страшных попыхах.

Книгу Варшавского в свое время Вам выслал, и Вы, наверно, ее давно получили.

Искренне Ваш
<Роман Гуль>
Целую ручки Ирине Владимировне.

135. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Апрель 1957>. Йер.

<Апрель 1957>

Дорогой Роман Борисович,

Получил Ваше письмо и потом 7 долларов с припиской. Теперь вы молчите. Этот упрек я отвожу. Я написал Вам за это время несколько писем и не получил на них никакого ответа. В частности, уже очень давно, Вы мне — сказав, что у Вас есть какие-то несколько долларов для меня — сами предложили мне выслать на них ледерплякс. Я сейчас же Вас поблагодарил и очень просил выслать это лекарство, без которого мои мозги бездействуют. Ни ответа, ни ледерплякса. Вы сами обещали мне сделать что-нибудь для И. В. в смысле платья во время Ваших вакантов *. Что М. М. Карпович разделяет — по традиции — вкусы Вишняка в «С<овременных> Зап<исках>» я не удивляюсь, но от Вас такой «брутальности» с высот престола, увенчанного именем великого Миши Цейтлина, трудно было ждать. «Не то» и баста. И как ни упоминалась законная просьба вернуть рукопись — она не была удовлетворена. Затем стихи мои, посланные Вам с указанием «прошу вернуть корректуру», были напечатаны без корректуры. Т. е. изуродованными, т. к. во втором отсутствует строфа, которая освещает все стихотворение.[936]

Засим, кстати, Вы мне не перестаете обещать прислать на пиш-машинке мои стихи. Очевидно проект издания моих стихов отпал.[937] Стихи же, вообще, Вам полагается мне прислать, т. к. когда я Вам их посылал для Вашей статьи, я подчеркивал, что это все, что у меня есть, и Вы меня заверили, что все своевремен<но> будет возвращено. Следовательно, будете ли Вы издавать мою книгу или нет, стихи мои следует давно вернуть. Я скоро помру, брошенный всеми на произвол судьбы в богадельне и хотел бы собрать собственный по смерти том. Так что, пожалуйста, пришлите мне то, что было в Нов. Журнале. И было послано Вам.

Посылаю Вам 2 стихотворения для *будущего дневника.*[938]Прошу, если будет Ваше желание, послать мне на следуемые за них деньги ледерпляксу. Но, если хотите снизойти к моему нищенству, *пошлите* как можно больше, но маленькими порциями в отделеньи в Петерсхеме. — Ничего не последовало. Вы постоянно повторяете — почему он (т. е. я) и Ир. Вл. ничего не шлет в Н. Ж. После того, как сама она послала Вам отрывок,

перевод которого при ее теперешнем состоянии надорвал ее здоровье и который был забракован Вашей редакцией — «это не то». Потом я убедился, что «то» был позорный холуй Евангулов. [939] Между прочим, отрывок, посланный Вам, был квалифицирован Андре Теривом — главным критиком Temps, создававшим репутацию франц<узским> писателям до войны — «как волшебное письмо, равное только Рабле и Grand Musse<t»> [940]. Имею соответственное *

*Здесь — свободное время, отдых (от фр. или англ. vacant).
** Конец письма утрачен.

136. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 мая 1957. Нью-Йорк.

18 мая 1957

Дорогой Георгий Владимирович,

Давно хочу Вам написать и не могу. Устал, во-первых. Вы знаете, что такое — эдакая сумасшедшая усталость, когда все валится из рук, и хочется только спать, видя «сон во сне».[941] Ну, вот я пребываю в таком состоянии уже давно: тут и усталость душевная и усталость физическая (от нездоровья), и все это вместе, как говорит один поэт,... пассон, пассон...[942] Сейчас принудил себя сесть за машинку и написать хотя бы несколько строк, слов, строф, дабы прервать насыщенность Вашей паузы. Вместо того, чтобы написать мне к<акое>-н<ибудь> письмо-бодрячек, Вы умолкли, и получилось очень плохо: ни стихов, ни «Почтамтской улицы», ни прозы, ну, совершенно ничего...[943] Это огорчительно. И потому прошу Вас — дайте знать, как живут поэт Джорджио и политический автор, каковы их планы, что пишут, что нам пришлют. Я видел где-то в объявлении, что и Вы, и Ирина Владимировна «сменили вехи» и печатаетесь в «Возрождении».[944] Ай-ай-ай! Как же это Вам, природным петербургским демократам, и даже кажется социал-демократам, не стыдно?

Нет, правда, почему ничего не пришлете? В кн. 48 были напечатаны Ваши два стиха,[945] как приказывал барин, — на первой странице. По нашему тарифу они оказались, кажется, уже оплаченными. Но, м. б., мы рискуем еще раз оплатить Вам одно, последнее, если Вы, конечно, не откажетесь и не вернете деньги с возмущением, грозящим перейти все границы дозволенного.

Не писал Вам долго и потому, что и вокруг Н. Ж. сгущались некие тучи и из-за них мы не видели света, который и во тьме светит. Теперь как будто «тучи уходят» и свет (который и во тьме светит)[946] начинает снова проступать. Правда, откликнитесь. Стихи Ваши мы перепишем на пишмаш, помним это, и Вам пришлем. Кстати, М. М. и Тат<ьяна> Ник<олаевна>[947] в конце июля поедут в Европу. Мечтал было и я, но пока мечты пришлось отложить на буд<ущий> год. Но все же не теряю еще надежды увидеть Вас и Ир. Вл. на юге прекрасной страны, которую Вы населяете.

<Роман Гуль>

137. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Август 1957>. Йер.

<Август 1957>

Дорогой Роман Борисович,

Как были во время войны марки, имеющие хождение наравне с звонкой монетой, — так, пожалуйста, считайте и мое письмо — за неизменно дружеский привет за океан. Даже за «бодрячок», кислую же шерсть, которую пишу, отнесите за счет особых обстоятельств. Того состояния, в котором нахожусь.

Спасибо большое за ледерплякс. Вы его очень хорошо прислали в легкой упаковке и не пришлось платить пошлины. Очень прошу Вас прислать — и по возможности поскорее еще. Извините, что заставляю Вас хлопотать, но выяснилось, что ледерплякс не побочное, а основное для меня лекарство, а во Франции его не достать, если б и были на него деньги. Вряд ли весь мой гонорар ушел на предыдущую посылочку, к тому же прилагаю очередной шедевр Вашей сотрудницы Одоевцевой, за которым, возможно, последуют скоро другие. Я, пока, ничего не сочинил. Не знаю, какой последний срок для сентябрьского №. Сообщите.

Ну, вот теперь насчет «дела». Я бы хотел привести в порядок доверенное Вам дело «Почтамтская 20». Т. е. просил бы Вас помочь мне в этом. Именно, когда найдете время перещелкнуть на машинке то, что мною Вам в свое время послано, и прислать мне. И копию записки Адамовича. Я дополню пробелы и придам более серьезный тон и пришлю Вам на хранение с таким расчетом, чтобы после моей смерти Вы бы передали это куда-нибудь в верные руки. Это отчасти и Ваша обязанность, т. к. Вы, друг мой, ни к селу, ни к городу в высоколестной и авторитетной статье — ткнули в меня пальцем — «вот, мол, убийца!». А мне все-таки очень не хочется «в лунном свете улететь в окно»[948] с такой репутацией — здорово живешь. Т<ак> что исполните эту просьбу, тем более, что и развлечетесь, прочтя все полностью. А я непременно хочу дописать — иначе буду являться к Вам с того света. «Прийду и стану на порог».[949]

Вы бы могли сделать еще вот что — да ведь Вы вечно заняты! Зашли бы в Вашу Нью-Йоркскую Публичную библиотеку или куда, где можно найти «Красную газету», март — апрель 1923 года, и списали бы оттуда о происшествии — все было: и голова против дома Сирина и пр. Тогда делать «научно

документировано» мне <спокойнее?>

Ну, насчет моей книги, думаю, вопрос праздный. Как бы там ни было, хоть рукопись на пиш-маше напечатанного в Нов. Журнале следовало бы, как было обещано, прислать. Я бы хоть склеил бы экземпляр, заранее в черной рамочке. И зачем Вы с М. М. водили меня за нос обещанием издать книгу? Это было подачей и моральной и отчасти (авт<орские> экземпляры) материальной надежды, впустую.

Ну, об приходивших из Петерсхама посылках с платьем (одна была твердо обещана ровно год тому назад) тоже как будто намекать ни к чему. Шлю Вам от нас обоих сердечный привет. Пожалуйста, во всяком случае, пришлите поскорей ледерплякса. Если не удастся дослать что-нибудь для Дневника, печатайте эти 2, как есть. Переписка чистая. Только в маленьком стихотворении вторую строфу начать с — … С трех точек. «…Мне бы»[950]

Ваш искренно *Г. И.*

138. Георгий Иванов - Роману Гулю. 27 августа 1957. Йер.

27 августа 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой друг
Роман Борисович,

Подчеркиваю *друг* (как написал Юшкевич в «Леоне Дрее»[951] — очень талантливом на мой вкус (а Ваш?)). Хочу этим подчерком сказать и напомнить Вам, что я искренно и твердо считаю и считал Вас другом, несмотря на непонятное охлаждение в нашей переписке. Но охлаждение налицо, и Вы, дорогой Ром<ан> Бор<исович>, все больше и больше на меня во всех смыслах плюете.

Нельзя ли объясниться. «Коля, нам надо объясниться», — говорила Ахматова, спуская ноги с супружеской кровати[952]. И он ей, увы, отвечал (м. б., так же мне ответите — через океан — и Вы): — «Оставь меня в покое, мать моя».

У Ахм<атовой> с Гумилевым это, как известно, кончилось разводом. Но ведь тогда были другие времена — был неисчерпаемый выбор и новых дружб и новых жен. Гумилев нашел себе Аню Энгельгардт[953], которая прямо с кровати падала на колени: я тебя обожаю — и никаких объяснений. Ну Ахматова удовлетворилась Шилейкой. И все вошло в берега. Но ведь мы с Вами в ином положении — цитирую мои свеженькие стишки здесь прилагаемые — «Прожиты тысячелетья в черной пустоте»[954] — и нам кидаться дружбой не годится. Даже неприлично. Я даже дружбой с Адамовичем не хотел бы «посмертно» жертвовать и вот сам не знаю — как мне все-таки быть — опять-таки «улететь в окно»[955] с репутацией убийцы не хочется. Вот одна из дружеских услуг, которую Вы мне можете оказать. Как быть. Во всяком случае легкомысленные записки о «деле на Почтамтской 20» в таком виде каком они писались, Вам, «будущему историку литературы» (короче, будущему Глебу Струве) оставлять нельзя. Ответьте сериозно на этот вопрос.

Я вот пишу по привычке — «ответьте на это», зная, что практически Вы с давних пор ни на какие вопросы не отвечаете. Не знаю, как и быть. М. б., совесть в Вас наконец заговорит и Вы,

перечитав мои прежние письма (если не подтерлись ими и не спустили в урыльник [956]), ответите сразу на все.

Дела мои грустны. И. В. только что вышла из госпиталя (бесплатного — можете представить, что это такое). Давление у меня 29—30. Денег нет. Жара не дает спать.

Прилагаю стишки для сентябрьского дневника[957]. Очень прошу ледерплякс в счет. Очень нужен нам обоим. Стихотворение Од<оевцевой> послано мною в сыром виде, она просит сказать, что пришлет его трансформированным.

Спасибо за книжку «Н<ового> Ж<урнала»>. На мой вкус очаровательно стихотворение Иг. Чиннова[958]. Ну вот жму Вашу руку. *Корректуру очень прошу* . Дошлю (*к какому крайнему сроку* ?) еще стихи.

Ваш *Георгий Иванов* .

139. Роман Гуль - Георгию Иванову. 4 сентября 1957. Нью-Йорк.

4 сентября 1957

Дорогой друг Георгий Владимирович, получил Ваше письмо, хотел ответить стремительно и ничего, как всегда за последнее время, не вышло. Все мое «охлаждение» — это несусветная замотанность, такая, что когда выпадает свободная минута, я неписьмоспособен. Вам оттуда с лазурных берегов это очень трудно представить, и представлять неинтересно, но это именно так, а никак не иначе. В те блаженные времена, когда я мог предаваться эпистолярному искусству, у меня было совершенно другое распределение дня (у меня тогда было три дня в неделю свободных), а сейчас все круче, и круче, и круче...

Но довольно лирики, перейдем к делам. Отвечаю сначала по последнему письму. Стихи получены, но, увы, сентябрьский номер уже отпечатан, он скоро выйдет (я его должен был страшно гнать). И декабрьский должен выйти тоже вовремя, так что и с ним будет гоньба. Я думаю, было бы хорошо, если бы Вы подписали ч<то>-н<ибудь> к этим стихам, чтобы получилось «Из дневника», а то три маловато.[959] Эти стихи, как перепишем, — пришлю Вам — м. б., что-нибудь измените и пр. Кстати, стих Ир. Вл. тоже лежит до декабрьского номера. В этот он уже опоздал. Так что супруги Ивановы блеснут у нас полным блеском в декабре под Рождество. Далее. Жена кое-что нашла для Ир. Вл., но те места, где мы обычно приобретали все это, — закрылись. Но что-то такое она Вам вышлет на днях из деревни (она еще несколько дней там). Ну, вот поверите, пока я пишу эти вот Вам строки — меня уже ЧЕТЫРЕ раза вызывали по телефону, и все спешно, все дела, все сумасшествие тихое... Поэтому предаться эпистолярности никак не могу. — Вот и тут разрыв, вызвали — спешное заказное... Итак, мой друг, дружить с таким бизнесменом, как я, — дело трудное. Я должен сокращаться в этом письме, как только могу, — попробую написать в субботу-воскресенье как-нибудь... Ледерплекы вышлю Вам, это выслала моя секретарша так замечательно, опять ее попрошу (деньги там остались, мне кажется), напишу Вам как и что (с деньгами у нас оч<ень> туго в Н. Ж.).

Далее, переходя к след<ующему> предыдущему письму. Во-первых, о Вашей книге. Тут вся вина Ваша исключительно. Если б Вы прислали нам Вашу рукопись — я уверен, книга давно бы

была выпущена. Но Вы оригинальный господин, Вы просите, чтобы мы прислали Вам Ваши собственные стихи, переписав их из Н. Ж. и еще откуда-то... Боги мои... что же это такое? Неужто у Вас нет Ваших собственных стихов, какой же Вы бизнесмен?.. Поверьте, что все это оч<ень> трудно, ибо и секретарша наша вертится как на сковороде — в куче дел. Тут все вертятся, так уж тут все устроено... А Вы, благодушествуя на Лазурном берегу и не представляя себе этой нашей горячей сковороды, — просите — пришлите мне все мои стихи, ну, знаете, мон дье, это черт знает что такое. И пеняйте на себя только и исключительно. Ответьте, можете ли Вы прислать сделанный Вами макет книги или не можете? А там уж увидим. Так что вина вся Ваша «целиком и полностью», как говорил Державин.[960] Далее, Вы просите снять какие-то копии с Почтамтской — милый друг, для меня все это невозможно, утомительно, уморительно и я ничего этого сделать не могу. А пойти в библиотеку и пр. — и того больше. Это все из области немыслимого. И не понимаю, зачем Вам все это, почему Вы вдруг взволновались из-за какой-то репутации. Репутации бывают разные, во-первых (вон у Сухово-Кобылина была чудовищная репутация![961]), я всегда был того мнения, что на эти «репутации», которые раздает кн. Мар<ья> Алекс<евна,>[962]надо плевать с высокого дерева. И Вам надо успокоиться. И поставить жирную точку. Философическую. Вот и все. Да, кстати, вспомнил, м. б., Вы решили, что я хочу дать непременно свою статью о Вас в Ваш стихотворный сборник. Дитя мое, ты нездорова,[963] если это так. Я, маэстро, вообще не люблю музыку, как сказал первый скрипач Тосканини, когда он спросил его, почему он так странно сегодня играл.[964] Я на эту литературу (чтобы не сказать грубого слова, более грубого) плевал всю свою жизнь. И меня такие штучки не интересуют ну ни с какой стороны. Будете просить, умолять, — ну, соглашусь. Не будете — тем лучше. Так что тут я не похож ни на кого из Ваших друзей литераторов. Я люблю жизнь, а литературу предоставляю любить Глебу Струве и Львову-Рогачевскому.

Ну, кончаю, думаю, что ответил на все, но не уверен, но уже надо бежать. Попробую к<ак>-н<ибудь> написать ч<то>-н<ибудь> более приемлемое с точки зрения эпистолярной литературы 20 века — в субботу, во едину от суббот. Вишняку передал. Он был оч<ень> доволен и несколько удивлен.

Ауфвидерзеен, херр доктор!

Софочка, телеграфуй!

Цалую ручки Ир. Вл. Искренне Ваш

<Роман Гуль>

140. Георгий Иванов - Роману Гулю. 9 сентября 1957. Йер.

9 сентября 1957. (Обратной почтой).
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Отвечаю, как видите, «стремительно», не то что Вы. Ваше письмо, кроме моей неизбывной дружеской страсти к Вам, требует по своему содержанию срочного ответа. Вы меня просто поразили: «Книга давно была бы выпущена, если бы...» Что это значит? Вы знаете, как я хочу, чтобы моя книга была Вами издана. Но могу представить Ваши письма: Вы писали так неопределенно и потом так скисло насчет этой возможности, что я стал считать это — законно — несбывшейся надеждой. Опять-таки, дорогой друг, насчет переписки стихов. Опять-таки могу представить Ваши письма в пору, когда о книге говорилось: пришлете на пишмаши все стихи, какие Вам недостает из Нов. Журнала. Для Вашего сведения, эта (моя) пишмашь была Вам послана для писания Вашей *прекрасной* статьи (за которую вечно благодарен) вместе с печатными сборниками — сборники Вы мне вернули, но пишмашью, естественно, по написании статьи подтерлись. У меня же нет №№ Нового Журнала, кроме тех, которые вышли, когда мы уже жили в Hyeres'e. Все, что было в период Монморанси и Парижа — погибло в период нашего переезда сюда — и осталась только пишмашь — которая и была послана Вам для статьи. Как же быть? Мне нужны стихи с 25 № Нов. Журнала до (включая) того «Дневника», в котором было 17 или 18 стихотворений и который пришел еще в Париж. Без Вашей помощи не могу нигде его достать. Но № 25 Вы можете достать за 1 доллар в конторе «Нового Русского Слова»: «Распродажа книг за полцены. Список № 10. Цена 1 доллар». Купите, будьте ангелом, хоть за мой счет и вырвите все 20 стихотворений. Но остальные иначе как Вами просмотренные по и переписанные, я не могу никак достать. Так что если «клейте макет» — реальное предложение, никак не могу обойтись без Вашего содействия в этом случае. Там - т. е. в №№ после 25 (периода, начиная с Вашей рецензии о «Пет. Зимах», приблизительно, есть порядочно «шедевров» моей поэзии и как же без них обойтись. Так что

будьте благодетелем, пришлите 20 стих. «за 1 доллар» и пишмашью остальные. Склею и пришлю моментально.

Теперь о Вашей статье — вступлении. Я Вам много раз писал, что очень хочу ее в качестве предисловия. Это лучшее, что обо мне до сих пор написано. Только переделать «убийство» на самоубийство. Тем более, что Вам как члену редакции Н. Ж. более чем уместно рекомендовать своего автора. Прошу Вас, не ломайтесь в этом вопросе, «как маца на пасху» — ведь если размер статьи типографски велик, то Вы можете умелой рукой и посократить, напр., убрать кое-какие цитаты и пр. Очень рассчитываю на Вас в этом смысле, если книга будет издана. И, поверьте, хлопочу не из-за «потертого кресла» [965] и пр. лестностей, но из-за сути статьи, которая мне очень дорога, «проникновением в глубь». Кстати, в «Опытах» № 8 будет статья обо мне Маркова [966] — очень интересую<сь> Вашим мнением. Она во многом совпадает с Вами, но в «другом ключе».

То, что Вы замотались и не помните «правая левая где сторона»,[967] вижу по упоминанию о моем будущем «Дневнике». «Три стихотворения маловато». Не три, а пять у Вас моих стишков. Два были посланы давно и, Вы писали, пойдут в сентябрьской книжке. М. б., еще дошлете «Бредет старик на рыбный рынок» и другое, насчет Успенского и Волкова и ступеней Исаакия.[968]Еще Вы милостиво благодарили за «замечательные стихи» и вот те на, г-н редактор, изволили забыть! Даже обидно автору. И три прислал недавно. Итого пять. Конечно, если не сдохну, подпишу до декабрьского № еще чего-нибудь такого особенного. Под первые стихо еще бы прислали мне желанный ледерплякс. Очень благодарю, если выслали второй и если он, как и первый, прийдет без пошлины. Денег у нас патологически нет. Поэтому будем очень и очень польщены, если Вы, вычтя из моих 5 плюс длинное Одоевцевой, вычтя *из этого,* т. е. гонорара стихов, ледерплякс и его пересылку,пришлете мне хоть какой выйдет чек в ам<ериканских> долларах, которые у нас растут в цене со сказочной быстротой, впрочем, как и цены на все.

Ну насчет Сухово-Кобылина я не совсем согласен. Вот он-то укокал свою француженку и послал за это на каторгу мужиков, [969] а я, хотя и во многом грешен, но людей отродясь не резал, и отходить в вечность с этакой репутацией ни за что ни про что «как-то обидно».

Книгу Вишняка [970] прочел и перечел со всех сторон. И опять скажу: не даром Зинаида, которая на всех фыркала, говорила: Люблю Вишняка за органическую порядочность. Это правильно сказано.

И. В. Вам нежно кланяется и просит поблагодарить Ольгу

Андреевну за будущие тряпки. Целую ее ручки. Извините за грязь и ответьте поскорее насчет книги и пр. Устал (стал как черт уставать).

Ваш очень искренне

<Г.И.>

141. Роман Гуль - Георгию Иванову. 16 сентября 1957. Нью-Йорк.

16 сент. 1957

Дорогой Георгий Владимирович, — вырываю среди работы двадцать минут — и отвечаю героически, и стремительно. Но отвечаю все же вкратце. Сжато. Экономно во времени. Но очаровательно в стиле. Итак. Вы мне пишмаш не присылали. Пишмаш был только наклеен на некоторые страницы «Портр<ета> без сходства»». Я, как джентельмен, все вернул. Итак, будем делать пишмаш в Н. Ж., попрошу нашу милую секретаршу. Но послезавтра привезут номер, и неделя пройдет в рассылке его. Хотя это не имеет никакого значения, ибо без М. М. все равно дело издания книги не может двинуться с места. Он приедет в конце октября. Я думаю, что он и изыщет к<акие>-н<ибудь> средства на это дело. Но я подумал, т. к. средств часто бывает получаемо мало, то, м. б., устроить ее издание во Франции (что значительно дешевле), и, ст<ало> быть, — дело будет еще реальнее. И под Вашим присмотром. Но тут есть гигантская опасность — Вы пропьете деньги на издание — и человечество будет лишено сладости Вашей поэзии. Это, конечно, вопрос главнеющий, и тут надо все обдумать: как упасти деньги от Вас (лично) и сохранить их для человечества. Итак, этот вопрос исперчен. Стихи будут переписаны. М. М. будем ждать. Ах, да? Моя статья, как предисл. Но тут вопрос убийства и самоубийства — для меня убийство романтичнее (для Вас, увы, нет), для меня самоубийство банальнее[971] (что за Гаршин, что за Клейст и Есенин с Маяковским?[972]). Но все это музыка будущего. М. б., придется вообще отказаться от всякого предисла (по соображениям экономии, все-таки 20 стр. или даже больше стоят денег, а сколько их будет, неизвестно). Итак, это откладываем ад календас грекам[973] (так, кажется, я не Вяч. Иванов и, м. б., напутал, хоть и был классиком, но забыл).

Ваши стихи — нет, нет, маэстро, я был прав. Два идут в сентябрьской книге — и три Вы прислали уже «пост фактум» (это значит после верстки, печати и прочего). Всего пять. Три остаются на декабрь и просят, чтоб Вы к ним ч<то>-нибудь подписали той элегантною рукой.

Декабрьской книги ждет стих Ир. Вл. тоже. Но мы в совершенной ярости — мы думали, что Вы как старые демократы и освобожденцы — постоянные сотрудники только Н. Ж. А Вы-то

хороши — и в «Опытах», и в «Возрождении» [974](и какие закрутили стихи, прямо для самого Абрашки [975]что ни на есть, ах, ах, мы так разочарованы и даже как бы вроде как обижены, нехорошо, нехорошо терять былую принципиальность...). Итак, ждем еще для «Дневника». Стих Ир. Вл. в набор не сдаю, ибо Вы писали, что И. В. пришлет измененный текст. Стих И. В. (о Ваших не пишу, ибо я устал быть Вашим Ницше) чудесен. Посылка уже ушла к Вам, Ир. Вл. Ледерплексы будут, будет и свисток.[976] Сейчас жена уже вернулась из деревни, и все входит в зимнюю колею, так что все будет в порядке. И на днях пойдут ледерплексы. Но вот насчет аванса за стихи — боюсь, у нас сейчас нет денег в Н. Ж. Жду М. М. Посмотрю, как и что. Хотя, конечно, дружба наша не должна совершенно иметь какой-то «исторически-экономический базис» — одна надстройка, небесная постройка, голубой цветок... Согласны? Известите... Вишняку передал, ему, вероятно, все это было приятно. Между прочим, Зинаида была в этом случае совершенно права — на 100%.

Ваше время вышло, сэр, — кричат мне, и я бросаю писать письма, крепко жму Вашу руку, цалую взасос ручки И. В. и бегу, бегу, бегу.

Ваш

<Роман Гуль>

Жена кланяется поясно.

142. Георгий Иванов - Роману Гулю 23 сентября 1957. Йер.

23 сентября 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Спасибо за дружеское письмо. Напомнило своим «виртуозным блеском» прошлое. Очень было приятно. Приятно и то, что как будто, Ваша почтенная редакция собирается издать мой «посмертный сборник». Конечно, я сейчас же склею макет, когда буду иметь возможность, т. е. переписку из «Нового Журнала». Что касается до Вашего вступления, то очень прошу «не ломаться как маца на пасху» и обязательно пустить его в качестве предисловия. Очень прошу. Это (т. е. Ваш «Георгий Иванов») лучшее, что обо мне написано и более чем на месте в собрании моих стихов. Есть разные лестные статьи — Зинаиды («О Розах и прочем») в «Числах»[977], на днях будет Марков в «Опытах»[978], возможно, что Вам уже известно о желании Адамовича предложить Вашему почтенному органу статью обо мне[979]. Но «это все не то». Вы (оставив в стороне вылазку об убийстве и кое-что другое) — коснулись невралгического пункта моей поэзии, и это в высшей степени для меня важно. Ну, сократите статью до 10 страниц, если типографские расчеты этого потребуют, но непременно перепечатайте, если уж будете меня издавать. Очень прошу и настаиваю. И совсем не по соображениям рекламы. Оценил Ваш тонкий намек на неудобство посылать деньги на издание в мои руки. Понимаю и не спорю. Хотя, если бы изволил их истратить, то вероятно бы «горячо спорил». Но кроме всего прочего, мне и физически невозможно сговариваться с типографией отсюда. Есть, я думаю, человек, к которому я, если получу Ваше согласие, я могу обратиться с просьбой заняться этим. Он не сопрет ни сантима. Это лицо, которое меняет мне Ваши и иные американские чеки, некто Роман Григорьич <Кравец?>, управляющий французскими делами великого Бурова, в прошлом известный инженер, а ныне валютчик и пр. Он имеет типографские связи и опыт — издавал (за буровский счет) приснопамятный «Бурелом» [980]и выплатил мне по 70000, за обе мои лестные статьи о этой параноической эпопее. Он меня любит

и вот совсем недавно прислал мне ни с того ни с сего 30000 фр. «на бедность». Конечно, не знаю, согласится ли он заниматься этим делом — он безногий и пр. Но думаю, что для меня и из уважения к «Нов<ому> Журналу» согласится. В этом случае у Вас (ручаюсь) будет полная скрупулезная гарантия лучших условий и скрупулезной честности. Напишите об этом мне или, если хотите, я дам Вам его адрес — он будет польщен Вашим обращением помочь «культурному делу».

Хорошо. Прилагаю два стишка для декабрьского №. Мои и политического автора, парные к тому, что у Вас есть.[981] Этот автор, нежно кланяясь, просит прислать корректуру того и другого. То, что у Вас, он хочет не переделать, а соответственно разбить, и в корректуре (или хоть на машинке) это удобнее гораздо сделать, чем в рукописи. Но, конечно, лучше всего в корректуре. Чудные (по-моему, не знаю, как оцените Вы) вторые стихи посвящены памяти замечательнейшего существа. Увы, у меня нет и нигде не достать его посмертной книги: никем в свое время не замеченной. Сергей Поляков [982] — из семьи тех самых миллионеров, покончил с собой так — в Париже на пляс Трокадеро вечером к какому-то французу, сидевшему на скамеечке, подошел молодой красавец в цилиндре и во фраке, и, приподняв цилиндр, спросил, который час? Тот сказал: половина десятого. Молодой человек (С. Поляков) приподнял цилиндр, поблагодарил, отошел в сторону и застрелился. Тут же рядом на av. Henri Martin в особняке его родителей начинался бал. Почему? Я расспрашивал в свое время его брата[983] — никто не знал. Посмертный сборник, не преувеличу, был на высоте Боратынского. Был загадочный человек: единственным другом этого миллионера-еврея был пресловутый приват-доцент Никольский[984], убитый впоследствии большевиками за яростную пропаганду монархии. Одним словом, «как ужасна жизнь, как несчастен человек».[985]

Кстати, политический автор в сомнении, можно ли сказать *Пушкиновская* мятель?

Если Вы найдете, что неграмотно, тогда напишите с л. Т. е. так:

Пушкинская ли мятель,
Гоголевская ль шинель.[986]

Мой стишок, хотя и не идет в сравнение с этими, то все же, по-моему, ничего и мне скорее нравится. М. б. (у меня в работе) я

еще дошлю Вам для Дневника два небольших стишка. Но до какого срока они попадут в декабрьскую книжку?

Стишки в «Возрождении», вызвавшие общее презрение, сочинил (ода), верьте не верьте, во сне. Воображаю, что испытал Вишняк, прочтя «в февральскую скатившись грязь»[987]. Где же было их тиснуть, как не у Гукасьяна — там был восторг и усиленная оплата таких социально созвучных чеканно-пушкинских строф. Но поганый армяшка, по подлости и трусости ему присущей, выпустил строчку после «благоухает борода у патриарха Атаксия», рифма «Россия»[988]. Этот сукин кот засомневался – вдруг на него Патриарх обидится – он искренно считает, что «Возрождение» в С.С.С.Р. кем-то читается и на кого-то «влияет». Что же касается до романа политического автора, пропущенного в том же органе, то это Ваш знакомый, который Вы в свое время вернули. Малость подработали на этом. Бросайте же в нас камнем!

Если у Вас, т. е. в кассе «Нов<ого> Ж<урнала»>, нет денег, чтобы оплатить новые стихи, то сделаем так — черкните мне «для памяти», сколько за все (за вычетом ледерпляксов старого и нового — последнего страстно ждем, очень необходим) — нам на круг причитается и когда, приблизительно, Вы сможете их послать. Тогда будем знать — от Гуля получим столько-то — тогда-то. У нас «бюджет организованной нищеты».

Да вот просьба, которая, м. б., покажется Вам дикой. У Вас, судя по полицейским романам, есть много лавочек, где разорившиеся негритянки или актрисы спускают свои гардеробы и где можно купить за нисколько (так! не «несколько». — А. А) долларов роскошное (длинное, т. е. вечернее) дамское платье. Не можете ли Вы урвать время и за наш счет (только недорого само собой). Талия 69, длина юбки 103. Хотели бы с широкой юбкой и роскошного, но не яркого (но и не черного) вида и цвета, не красного, не рыжего и не зеленого цвета. Белое, серое, голубое или палевое — вот идеал. Ну, словом, какое найдется, если Вы пойдете на это легкомысленное дело. Это был бы большой сюрприз для политического автора. Дело в том, что здесь на Новый Год бывает роскошный бал с присутствием всех здешних нотаблей, которые потом зовут в гости и на обеды, и политическому автору очень хочется малость блеснуть в этом обществе, а платья-то и нету. Шить он начисто не умеет, даже пришить пуговицу, да и шить не из чего. Конечно, это надо к праздникам, иначе нет смысла. Ну не сердитесь на глупую просьбу, нельзя так нельзя. Но если можете, буду очень польщен. За высланную, но еще не полученную, посылку, Ольге Андреевне и Вам очень большое спасибо. Ну вот. Хотел бы написать статью

об эмиграции. Выношено «в уме» и заглавие есть прекрасное: «Бобок». [989] Да ведь не напечатаете. «Не долго до Смирны и Багдада, но скучно плыть, а звезды всюду те же»[990]. Вообще моя гениальная голова работает на холостом ходу и пропадает зря без некоей тайной Мекк. А жаль. Что ж, «не такие царства пропадали», — сказал Победоносцев на слова Александра III: «Матушка Россия не может пропасть». А как пропала! Вот и дожили мы с Вами, коллега, до 40-летия великой октябрьской, в своей тихой семейке отпраздновав бескровную февральскую. Скучно жить на этом свете, господа[991]. Отвечайте мне, друг мой, быстренько – легче на душе. Извините за отсутствие пера – выдохлось

Обнимаю Вас *Г.И.*

<На полях 1-й стр.:> И мою корректуру тоже всю, пожалуйста!

<На полях 3-й стр.:> Здесь имеется некая Зоя Симонова[992], поэтесса-графоманка из «Русской Мысли». Опасаюсь, что она может послать Вам свою галиматью, ссылаясь на меня или пол<итического> автора. Она так влезла и в «Русскую Мысль». Опасайтесь и гоните в шею.

143. Георгий Иванов - Роману Гулю. 6 октября 1957. Йер.

6 октября 1957

Дорогой Роман Борисович,

Очень польщен Вашей оценкой наших скромных «поэз». Откровенно скажу, что, особенно насчет «Памяти Полякова», я с нею очень совпадаю. Я, когда она это сочинила – ощутил ту самую «зависть» благородного свойства – почему это не я написал? Хотя ничего общего, конечно, нет. Просто чудно. И то, что Вы, с Вашим отменным нюхом «потряслись», очень приятно, независимо от того что начальство. Но и начальство такое приятно иметь — ведь не то что в наши убогие времена, а и в пышной былой российской словесности, кто из редакторов журналов, кроме «специальных», где сидели Брюсов [993] (да и то) и Гумилев,[994] чувствовали что-нибудь. Например, знаменитый Петр Струве был — и не только на этот счет — а вообще в литературе — такая же орясина, как его теперешний «специалист по литературе» рыжий деточка. Извините, друг мой, пишу и чувствую, как дубово пишу. Ваша вина — уже вечность жду обещанного ледерплякса, и все нет и нет. Вот опять–таки — очень буду рад дослать стихи для «Дневника», и валяются в работе разные этакие эскизы, но перо не берет. Жрем мы скверно. Кормят всяческой падалью, котлетами из требухи, подкупать же все больше кусается. Ну, вступил на дорожку нытья — не годится.

Что собственно я пишу Вам сейчас — раз обещал ответ на прошлое письмо, и надо верить Вашему графскому обещанию, что скоро его получу, и надеяться, что оно во всех направлениях меня обрадует. А то «скучно, скучно мне до одуренья». Кстати, оценили ли Вы «топор», из которого сварена моя золотая баранина. Должны были бы знать анекдот: бабушка, куда прешь — видишь, написано «вход запрещен». Э, голубчик, мало ли что написано. Намедни иду и вижу на заборе написано х-й — Заглянула, а там дрова![995] Приоткрываю секрет своего серафического творчества. Или, как выражались символисты, показываю на примере: «беру кусок жизни грубой и плоской и творю из нее золотую легенду». Баран-то золотой[996].

Очень горячее спасибо за желание исполнить просьбу о платье для политического автора. Очень.

Ну, жму Вашу львиную лапу. Посвятил бы я и этот oeuvre*

Вам, раз Вам по душе, да выйдет, пожалуй, подхалимаж в глазах литер<атурной> братии. Ох, эта братия. Вы, впрочем, осведомлены о ней не хуже меня. Мы бы с Вами, с нашими обоюдными перьями, да если бы другие обстоятельства, написали (т. е. могли бы написать!) «как никто» этакую историю эмигрантской литературы. [997] Мы ведь тоже «специалисты» в своем роде. Да таланты наши пропадают. Эх, эх. Ну, буду ждать письма, где все ответы и все ключи. Политический автор жеманится и шлет Вам широкое русское мерси.

Ваш всегда. Ж.

* oeuvre*(фр.)* — труд, сочинение.

144. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец октября 1957>. Йер.

<Конец октября 1957>

Дорогой друг Роман Борисович,

Прежде всего огромное спасибо Вам и Ольге Андреевне за чудную посылку. *Все до одной* вещи сели на политического автора чудесно и каждая доставила огромное удовольствие. Что это, новые вещи? — так-то чистенькие. Очень, очень благодарим.

Прилагаю стишок — единственный, который удалось дописать без ледерплякса. Последний, правда, пришел на днях, но действие еще не произвел. Увы, на этот раз содрали страшную пошлину, 1600 фр<анков>! Следующий раз я напишу Вам, как поступить, чтобы пошлины избежать. А то...

И благодарность за посылку и остальное пишу с опозданием, т. к. все ждал обещанного подробного письма. Получил еще 50 книжку, где мои стихи — пущенные без корректуры — безобразно искажены: «Под песочком, голодая». Выходит, что я мечтаю, прикрывшись песочком, голодать. Следовало же «Под песочком Голодая» — название знаменитого острова на Неве, где хоронили всяких беспризорников и босяков, в братской могиле. И где перед войной был проэкт выстроить сногсшибательный «Новый Петербург». Вы были бы душка, если б перепечатали этот стишок в новом дневнике, указав на искажение смысла. [998] А то Ваши «замеченные опечатки» на последней странице кто уж читает. Сделали бы — ведь добавочного гонорара я не жду, а стишок был хороший.

Ну вот, дорогой друг. Беспокоюсь и о судьбе обещанного Вами вечернего платья — как бы под благотворительный подарок роскошная вещь не подошла. Платить же пошлину я физически не в силах. М. б., посылая его, Вы бы сунули для приличия пару каких-нибудь негодных тряпок, для ансамбля.

Политический автор уехал в Тулон после лежания в госпитале, нужны всякие исследования, и, увы, все на свой собственный счет. У ней белокровие - это не шутка. [999] Все это грустно. У меня все те же 29 давления - признано, что неизлечимо. От этого при маленьком усилии адски трещит голова.

Да, я получил теперь книгу Смоленского, на которую делал давно заявку и которая только что вышла. Пришлю к январской книжке.

Остаюсь в надежде, что Вы наконец соберетесь мне ответить по всем пунктам. И очень *прошу корректуру* Дневника. А то сами видите, что получается.

Крепко жму Вашу «львиную лапу». Пишмаш [1000] я, конечно, тоже получил. Все склеил и сижу и жду и на этот счет известий, как с рукописью поступить. Ваш очень дружески

Георгий Иванов (Ж)

5[1001]

Отвлеченной сложностью персидского ковра,
Суетливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и гаснут вечера,
О<,> совсем бессмысленно и все же неспроста.

Голубая яблоня над кружевом моста
Под прозрачно призрачной верленовской луной
Миллионопетая земная красота,
Вечная бессмыслица — она опять со мной.

В общем это правильно: я еще дышу.
Подвернулась музыка: ее и запишу
В синей паутине — хвоста или моста —
Линией павлиньей. И все же неспроста.

Георгий Иванов

Дневник 1957

145. Роман Гуль - Георгию Иванову. 2 ноября 1957. Нью-Йорк.

2 ноября 1957

Дорогой Георгий Владимирович, получил Ваше письмо и устыдился, хотя чего же стыдиться, когда нет у человека свободного вздоха. Устал, как «спутник»... вот именно. Кстати, не взять ли Вам его в работу и пустить в к<аком>-н<ибудь> стихе? Он дает всяческую такую для Вас «тему и музыку». Тем более, что последний — с собакой. Жена, услышав об этом сегодня по радио, — сказала — «бедная собака...». Странно, что Хрущев не запихал туда какого-нибудь маршала — для победы социализма... Ну, ладно, постараюсь ответить хоть и кратко, но на все деловые вопросы Вашего письма (и писем).

1. Рады, что посылка пришлась. Вещи это все хорошие, чистые, из роскошного гардероба моей жены, почти новые. Чудно. Точка. Три, нет простите, четыре бальных платья лежат у нас как живые и уже в коробке. Я сказал Олечке о Вашей просьбе подтолкнуть туда какие-нибудь такие портянки, «для нужды», уж не знаю, что она сделает, но она, во-первых, напишет всякие слова, что это кадо де ноэль, крисмас гифт* и пр. К тому же там платья есть явно не новые. Но одно есть оченно забористое. Никаких денег из Ваших гонораров за сие мы, конечно, не возьмем. Это подарок политическому автору к Рождеству. Но вот что, так как в этом большую роль играла Е. Л. Хапгуд, то я думаю, сделайте вот что — как джентельмэн — посвятите ей это вот «потрясающее» стихотворение, где есть «цветы и звезды остаются, а остальное все равно».[1002] Я ей ничего не скажу. А когда пошлю ей очередную кн. Н. Ж., пусть она увидит, и на минуту — ей будет, наверное, приятно это внимание. Если согласны, отпишите мне. Написать надо просто: «Е. Л. Хапгуд» (т. е. по-русски). А не Элизабет Хапгуд. Это будет, повторяю, прекрасный жест. Ведь и первые, какие-то мощные посылки Вам из Питерсхэм шли гл<авным> образом от нее (давно). К тому же она совершенно очаровательная. Тут для полит<ического> автора она нашла время ходить по этим вот магазинам «специальным», звонила, что нашла, и вместе с женой они это все и обломили (как говорят у нас на бывшей родине). Так, это одно дело о посылках. Платья, стало быть, уйдут к Вам завтра-послезавтра, постарается жена с портянками, но не знаю, как она уж это сделает. Она умная.

2. Корректуру пришлю обязательно, хотя бы на один день только. Голодай — действительно ужасен. Отношу к Вашей ноншалантности** — Вы должны были указать ясно заглавную букву, учитывая наше дремучее невежество. Мы знали, что есть какой- то там Исаакий, но о Голодае совершенно забыли. *Я,* по правде, сказать ломал голову, чувствуя какую-то неувязку, но потом не осмелился даже запросить, решил, что у князя поэзии — могут быть и такие неувязки. А оказалось наоборот. Итак, пришлю. Полученное стихо переписал сейчас для типографии (прелестное стихо), но два слова так неразборчивы, что пришлось на минуту самому стать поэтом и «поэтически догадаться». Уж не знаю, попал ли я в цель. Пришлю корректуру. Попрошу Мих. Мих., который только что приехал из Европ, разрешения перепечатать стихо о Голодае, я думаю, что он не откажет. А то действительно ужасно чудовищно — эдакое местечко — и пропало впустую, а я бы сам мечтал там завалиться в эдакой веселой компании...

3.О книге Смоленского и о Вашем желании доложу М. М., и оставим за Вами.

4. Рад, что получили пишмаш. Я немного волновался, ибо сдуру послал оба экземпляра. И думал — пропадут — и ни черта не останется в природе. Теперь Вам надо поступить вот как. Слушайте! Я поднял правый указательный палец! Напишите письмо Мих. Мих. в Кэмбридж в таком стиле, что Вы, от меня, слышали, что он не прочь бы был помочь изданию Вашего сборника, что сборник Вы этот уже послали на редакцию журнала. И что Вы были бы счастливы, если бы М. М. поддержал Вас и помог бы изданию. Если Вы действительно хотите, чтоб моя статья была предислом (я даю Вам тут полную свободу воли, ради Бога не думайте, что я хочу во что бы то ни стало). Конечно, мне было бы не без приятности соседствовать с Вами, как Ницше с Вагнером. Но — говоря по чести — маэстро, я не люблю музыку. И потому не ломайтесь, как маца на Пасху и делайте так, как Вы хотите. Убийство, конечно, можно опустить и вообще кое-что поджать. После получения Вашего письма я уверен, что М. М. найдет материальные возможности, издать Вашу книгу, ибо он мне говорил об этом всерьез тогда: — а не издать ли действительно Г. В.? не помочь ли ему в этом? А получив Ваш макет, я уже примусь за дело, поговорю с М. М. и с типографией (я уверен, что это будет стоить недорого, ибо сие ведь не проза). Я вот сдуру издал на свой личный счет «Скифа в Европе» [1003] (совершенно переработав большой сырой роман в книгу — захватывающего интереса и боевой тематики — в 210 стр.). Если будете себя хорошо вести, получите. Ну, вот это дело тоже

кончено.

5. Вы просили написать Вам, сколько Вам и полит, автору причитается за грядущие стихо. Я сейчас Вам это не пишу, ибо я не в редакции, а дома. Но сие очень просто — подсчитайте строки, помножьте на 20 центов — и все Ваше. Думаю, что мы Вам это переведем через к<акой>-н<ибудь> кн<ижный> маг<азин> в Париже, ибо тут сейчас к концу года у нас очень подвело животы, а там лежат деньги, но сделаем это по к<акому>-н<ибудь> хорошему курсу, чтобы и вам и нам было приятно.

От Адамовича ничего не поступало.[1004] Я все хочу ему написать. Было бы весьма интересно, чтобы он написал о Вас. Полагаю, что он не напишет о Вас так, как Вы в свое время трахнули о нем в «Возрождении». Ай, ай, ай...

«Опыты» вот-вот выйдут, прочту.[1005]

Очень огорчены недомоганием Ир. Влад. Надеемся, что она отдохнет в Тулоне и опять нам пришлет ч<то>-н<ибудь> «потрясающее». Сегодня появилось в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» письмо в редакцию М. В. Вишняка в ответ на статью В. Ильина в «Возр<ождении>». Письмо для Ильина сверхубийственное (приведен подлинный документ его восхваления человеко-бога Хитлера!).[1006]

Ну, вот кончаю, шлю Вам пламенный привет и упрекаю Вас в неблагородстве характера, несравнимом с моим благородством: я пишу Вам всегда на пишмаш, что создает иллюзию «легкого чтения», а Вы мне таким непонятным почерком, рукой, что читаешь, как «Критику Чистого Разума».[1007] Но зато, когда прочтешь, то понимаешь, что это шампанское, а не бомбастическое нечто. Простите, заболтался, что мне не разрешено ни временем, ни общественным положением, ни возрастом. Всего доброго. А как слать ледерплексы - научите

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

* Cadeau de Noel*(фр.),* Christmas gift*(англ.) - рождественский подарок.*

** От *фр.* «nonchalant» — небрежно.

146. Георгий Иванов - Роману Гулю <Начало ноября 1957>. Йер.

<Начало ноября 1957>

Дорогой Роман Борисович,

Одновременно посылаю макет книги. Не возмущайтесь его «presentation». И такой экземплярик стоил мне больших трудов – стара стала, слаба стала — все валится, рассыпается, исчезает на столе. Притом клеилось под par avion. Когда взвесил на почте, убедился что, господин Мандельштам (так! — Публ.), это вам не по средствам [1008]. Посылаю простой почтой, заказным. Тем более, дойдет ли макет в три дня или <в> три недели — какая разница? Дельце, как Вам известно, тянется уже два года, а воз и ныне там. Если Вы находите, что сейчас случай благоприятный, буду, конечно, очень рад такому исходу. Что Вы лично хотите и всегда хотели помочь, не сомневаюсь и не сомневался. Знаю также, что не от Вас зависит. Но сомневаюсь в Вашем совете что-то писать об этом Карповичу. О проекте издания книги «Н<овым> Ж<урналом»> я слышал только от Вас. Карпович ни слова мне об этом не писал, а когда я к нему на этот <счет> обратился – не ответил. Казалось бы, естественнее было бы М<ихаилу> М<ихайловичу> обратиться на этот раз ко мне. Впрочем, как всегда, готов следовать Вашим мудрым и дружеским советам. Точка.

Для разговора с типографией, прибавлю сразу: не буду в обиде, если по соображениям экономии книга будет набрана как в «Портрете без сходства» (часть макета), т. е. одно за другим. Так же, кстати, по жадности «Грифа» был издан в 1911 году «Кипарисовый Ларец»[1009]. Стихи от этого ничего не проиграли. Конечно, если удастся издать «почище», буду польщен, но это ерунда. Есть на тот же счет — т. е. важности — всякие мелкие желания и пожелания, которые сообщу, если дело будет на мази. Но довольно — перехожу к Вашему прелестно-забавному письму. Тысяча благодарностей Ольге Андреевне за платья (и полученные и вновь посланные), но зачем же 4 вместо одного! И ведь деньги стоило. Политический автор настаивал, чтобы я благодарил еще и еще «за все», перечислил бы особые благодарности за отдельные предметы, чем и почему каждый ей доставил огромное удовольствие. Но пусть уж напишет сама — надо писать целое сочинение. Особенно чудно белое с коричневым, опять-таки

восхитительная кофточка, белое с красным. Опять и юбка с дельфинами и юбка коричневая. Ну и само собой коричневая сумка (мерси от меня лично за галстук, бывший в сумке). Бедный политический автор отнюдь не «отдыхает» в Тулоне, как Вам рисуется это из Америки. Он за личный счет на выплату лежит в Тулоне у специалиста по крови. Очень дорого и очень мучительно. Не хочу и объяснять, что и как.

Само собой, посвятите стихи кому надо. Только уже в корректуре выправьте посвящение как правильно. Очень рад хоть так — чем богаты тем и рады — отблагодарить эту милую даму.

Моя реакция на собаку Хрущева была точно та же, что и у Ольги Андреевны: Бедная Собака[1010]. На весь этот большевистский блеф и пуф я искренно плюю. Дело просто: в Кремле сидят супер-чикагские бандиты, а у Вас, пардон, благодушные размазни. Однако, думаю, что как эти Ваши размазни не вели себя размазнями с чикагскими бандитами, они в итоге все же рассадили бандитов по электрическим стульям, и Алькапоне и Дилингера[1011] как явления не стало. То же, не только надеюсь, но и убежден, будет и с «мощью коммунизма». А Вы как?

Я, кстати, пришлось к слову, лютый друг всех собак (кроме плюгавых шавок) и с детства по сей день вступаю со всякой попавшейся собакой в самые интимные отношения. Не исключая цепных и считающихся свирепыми. Говорят, есть такие, но мне до сих пор не попадались. «Васька», сказанное соответственным тоном, ведет к немедленной дружбе.

Отличаюсь этим от нашего друга Адамовича. Они обожают кошек, как Бодлер, Гете и пр. изысканные люди. «Славный народ собаки» (Чехов) [1012] Адамович приводит как образчик пошлости. Опять-таки лицо тоже почтенное – Мережковский – утверждал: Гете был пошляк. Я, увы, всецело на стороне Чехова, а Гете «уважаю, но не люблю».

Это Вы, а не я, ломаетесь как маца на пасху: «Если вы действительно хотите чтобы предисловие…» Да хочу, очень хочу и имею на это, заметьте, Ваше согласие. Хочу не из-за комплиментов и кресел, а потому что Вы чувствуете и любите поэзию как редко кто, и это в статье запечатлено с редкой душевной талантливостью и передается автору и хорошему читателю само собой, а не способом литературоведения. Насчет кресел вот прочтите Маркова в «Опытах». Так в смысле похвалы Ваше кресло, пожалуй, и устарело уже, но внутренняя «разница» между Вашей статьей и милого Маркова (не обидьте его), на мой вкус, агромадная. Но «если надо объяснять, то не надо объяснять…». А Вы сами знаете и число тех, кому объяснять не

требуется.

Ну, должен кончать — начинается моя хворь. Треск в висках и затылке от моих 29 гр. давления. У меня, выяснилось окончательно, нервный токсикоз и граничит с нервным параличом на этой же почве. Потому и никакие серпазилы и прочее не действует, как мертвому кадило. Я уже и плюнул более менее на это дело. Поживем увидим, а помрем, тоже (м. б.) узнаем «О великом б<ыть> м<ожет>» (Стендаль)[1013].

О «Скифе» убежден, что в новом варианте будет чрезвычайно здорово (ведь и первый был весьма и весьма). Пришлите мне на удовольствие поскорей. Ничего не сдуру издали, раз нашлась к тому возможность. И ведь тема «ударная» в наши дни и начнут, наверное, переводить и т. п.

Я тоже устал как спутник и устал как собака Жучка, имя которой государственная тайна. Вот от ерунды, клейки макета, шлянья на почту и пр. совершенно обалдел. Покуда возился, вертелось в голове недурное стихо, но исчезло без следа вместе с <нрзб.> гонораром и славой. Черт с ним! В пунктах Вашего письмеца были еще Адамович и Ильин – Вишняк. Адамовичу, конечно, черкните – он напишет обо мне пышно. [1014] Хотя, само собой, любит меня как собака палку. И Вас заодно терпеть не может. За что? Очень просто. Наш великий критик органически не выносит талантливых людей и его, как черта от ладана, корчит от всякого проявления таланта. Зинаида говорила ему: собрание Ваших статей, Г<еоргий> Викт<орович>, как сундуки гоголевского художника, полны изрезанными картинами. Очень проницательно, уверяю Вас. Ведь и вся проповедь его «Комментариев» (не путать с Карповичем)[1015] проповедь душевной безбожности — бездарностям, о путях к бездарности — будьте Фельзенами и Шаршунами[1016] и войдете в царствие небесное.

Но, повторяю, пусть напишет обо мне, будет полезно. Но он ни о каком проекте книги не знает, и нечего ему знать — он просто должен написать о Георгии Иванове, без всякого внешнего повода — так будет порядочнее.

Очень огорчен, если Вишняк сделал какую-то неприятность Ильину. И напрасно это — все тот же либеральный сыск. И с какими-то моралями лезть к Ильину просто не по адресу. Его сумасшедшая и полугениальная голова вечно мутится и на 100 % невменяема. Не знаю, что он выкинул при Гитлере (ходил без штанов) и для букета, едва Гитлер скончался, «испросил» у Московского Патриарха звание доктора богословия (без жалования и дохода) и очень этим званием гордился. [1017] Ну а все-таки со всеми Вишняками в цвету его «живой вес» — 1 Ильин

на 1000 Вишняков.

Конец письма или утрачен, или Г. И. забыл его подписать.

147. Георгий Иванов - Роману Гулю <Середина ноября 1957>. Йер.

<Середина ноября 1957>

Дорогой Роман Борисович,

Жму, очень благодарно, Вашу львиную лапу за чудные платья для политического автора. И очень нежно и благодарно целую ручки Ольги Андреевны за ее хлопоты. Ну, что говорить о Вас: Вы совершенно отбились от рук. На письма не отвечаете, как я ни верчусь, стараясь вызвать Вас на ответ. Ни о книге, ни о чем ни гу-гу. Вы должны были уже порядком давно получить мою заказную бандероль и письма со всякими нежностями и мольбами. М. б., Вам по получении сего станет малость неловко, что Вы так мордой об стал принимаете дружбу первого (или последнего) поэта России, царящего из глухой европейской дыры над русской поэзией (Марков)[1018]. Кстати, какою Ваше мнение о этой (т. е. Маркова, статье). И также удалось ли мне по Вашему сдерзить в пространство в заметке о Ремизове[1019]. Отпишите. Я все дохну. Теперь меня стало ни с того ни с сего тошнить. Опять-таки дикий урожай знакомых покойников удручает. «Русскую Мысль» прямо читать невозможно — сплошной некролог. Погода здесь райская, все в розах и солнце — но толку что? От вечного безлюдья — чувствую, что дичаю с каждым днем. Хоть бы с Милюковым поговорить, «все-таки человек с университетским образованием и монархист в душе», как сказано в бессмертных «Двенадцати стульях»[1020]. Хоть бы Никита[1021] объявил НЭП — махнул бы в Россию репортерство<вать> в «Красной газете»[1022]. «Скучно, скучно мне до одуренья», как сказал Ваш один гениальный сотрудник, специалист по нигилизму.

Ну, дорогой Роман Борисович* , обнимаю Вас и шлю самые дружеские пожелания Вам обоим к праздникам. И не забывайте Вашего покорного слугу и коллегу. Ваш всегда

Георгий Иванов (Ж).

* <«Борисович» вписано над зачеркнутым «Григорьевич». — Публ.> Не удивляйтесь — это отчасти гагизм[1023], отчасти подражание Иваску, который время от времени величает меня Игоревичем.

148. Ирина Одоевцева - Ольге Гуль 14 ноября 1957. Йер.

14-го ноября 1957
Beau-Sejour

Дорогая Ольга Андреевна,

Как мне благодарить Вас за прелестную посылку? Все пришлось — впору и все доставило и доставляет огромное удовольствие.

Белое платье даже произвело небольшую сенсацию и возбудило у многих здешних дам чувство зависти. Красный шандай* с мексиканским рисунком такой теплый и уютный, что я, одев его, не могу не улыбаться. Юбки, все три, очаровательны. С розами оказалась чуть коротковата, но я распустила подол и подшила ее ленточкой, и она «засияла» всей своей природной красивостью. Бежевая же юбка принесла двойную пользу: 1) носится с пиджаком, присланным Вами же два года тому назад; 2) с замшевой кофточкой, давно потерявшей свою юбку. Полосатую кофточку пришлось чуть ушить, и так как я портной неважный, то она одевается не в рукава, а накидывается, что тоже очень ценно — я очень мерзлява.

Желтый бэн-де-салейль** ждет будущего лета. А берет... берет у меня отобрал мой муж и с увлечением носит его, чему я очень рада.

Вот видите, дорогая Ольга Андреевна, сколько Вы нам доставили радости. И вдруг еще посылка с четырьмя (4-мя) платьями! Я даже растерялась. Я не знала, что мой муж просил прислать мне одно (одно) платье. И одно, конечно, больше, чем я могла желать. Но четыре... Теперь я на праздниках, как стар,*** смогу появляться все в новых туалетах, возбуждая восторг и негодование, — восторг моего мужа и негодование наших дам.

Вы, конечно, не можете себе представить, что значит жить в старческом доме и какие страсти кипят здесь.

Я и сама понятия не имела об этом. Но оказалось, что чем старше женщины, тем больше они желают нравиться и интересуются «тряпками». Мой муж никак не хочет, чтобы я была хуже их.

И вот, благодаря Вам, он будет на Рождестве горд и доволен. А значит, и я тоже, так как мы, — как и Вы с Р. Б. — составляем неизменно-любящую, идеальную пару.

Спасибо Вам еще раз, дорогая Ольга Андреевна, от нас обоих. И Е. Л. Хапгуд тоже. Но Вам особенно.

Ваша *И. Одоевцева*

Пожалуйста, попросите Р. Б. вместо эпиграфа Тургенева поставить посвящение: Ю. Крузенштерн-Петерец.[1024] Я написала на корректуре, но боюсь, что неясно. Ю. Крузенштерн — моя подруга, потерявшая мужа. А Тургенев «в рекламе» моей не нуждается.[1025] Простите, что запутываю Вас в мою поэтическую кухню.

* Chandail (фр.) — вязаная кофта.

** Bain de soleil (*фр.)* — здесь — купальник.

*** Star *(англ.)* — «звезда»

149. Георгий Иванов - Роману Гулю. 8 декабря 1957. Йер.

8 декабря 1957
Лепестки из собственного палисадника [1026]

Глубокоуважаемый Коллега,

Пишу, чтобы напомнить о своем существовании. Понятно, что, поедая индеек, запивая их бургундским, Вы о моей персоне опять забыли. Между тем я уже множество дней назад послал М. М. Карповичу требуемое письмо, пользуясь Вами указанными выражениями, на которые, как Вы ручались, последует ответ. Но никакого ответа нет. Что сие значит? Хотел бы знать.

Золотое платье еще не было надето — готовится под 13 января, но шум уже был произведен более скромным бежевым и голубым, за что мы оба, низко кланяясь Ольге Андреевне, пылко благодарим. И еще раз поздравляем и желаем к праздникам всего, всего — от всего же сердца, Т. к. это «не письмо», ибо очередь отвечать скорее за Вами, пользуюсь случаем напомнить о Вашей фразе насчет гонорара — подсчитайте все ваше. Так вот мы подсчитали и довольно страстно ждем следуемого, ибо денежки нужны. И почтительно напоминаем, что в предложенный Вами подсчет входила довольно ценная на вес «Ночь в вагоне»[1027]. Так что будем очень польщены, если этот подсчет войдет в ближайший расчет. И, само собой, что последний будет произведен, как обещано, в амер<иканской> валюте — т. е. чтобы Каплан[1028] (или кто там будет посылать) не обжулил бы бедных авторов. Жму Вашу львиную лапу с должным почтением. «Бакунина»[1029], тоже давно обещанного, жду, пока бесплодно. Политический автор нежно (и льстиво за платья) кланяется. Розы цветут по-прежнему, но литр вина (среднего) вскочил за месяц с 90 на 140 фр. за литр. Войдите в положение — вино, представьте, мне не вредит. И заменяет отсутствующих и вредных индюшек.

Ваш Г. И.

150. Ирина Одоевцева - Роману Гулю 10 декабря 1957. Йер.

10-го декабря 1957
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Платья прибыли — «где слог найти, чтоб описать»[1030] восторг? И «ведь все слова пусты».[1031] Но все же прошу Вас возвести спасибо в 4-ую степень и передать его Ольге Андреевне, в 4-ом измерении — т. к. трех мне мало для такой благодарности, переполняющей меня — до краев и через край. Поверх барьеров.[1032]

Теперь по пунктам — Лучше всего бальное — полосатое. До того очаровательно, что я, надев его, себя просто не узнала. «Маргарита, это ты ли?»[1033] да и только!

Одену его на большой прием самой здешней шикарной шатленши* 6-го января, под русское Рождество.

Два более скромных, но прелестных — бежевое и голубое — будут украшать меня в Сочельник и 31-го в нашем доме. Лиловое шелковое будет перешиваться, оно очень большое — широко и длинно, но это все поправимо. К тому же и трех сейчас за глаза и ухи.

Вот как Вы меня обогатили и разукрасили на зависть нашим дамам, что чрезвычайно радует Жоржа. Ну и меня, конечно. Не зависть, а сознание, что «красота спасет мир».[1034] И мое посильное участие в этом спасении.

Веселитесь ли Вы на праздники? И любите ли их? Завидую Вам, что Вы «индюшек щелкаете, как семячки», а мы к этой священной птице относимся с сердечным трепетом и таковым же уважением.

Еще и еще спасибо.

Целую нежно и благодарно Ольгу Андреевну и желаю Вам обоим счастья в Новом Году.

С самым праздничным приветом
Ирина *Одоевцева*

От фр. chatelaine — владелица замка.

151. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 15 декабря 1957. Нью-Йорк.

15 декабря 1957

Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович!

Получил Ваши письма, большое спасибо за то удовольствие, которое Вам доставили четыре платья, долженствующие спасти мир. Я люблю удовольствия от удовольствия ближних моих. И жена тоже. Очень рады, что платья подошли, что шатленша-собака будет наконец повержена, также как дамы-собаки тоже будут повержены и повергнуты в прах. Очень все это вышло хорошо и кстати. К тому же по Вашим письмам чувствуем, что пошлины Вы не заплатили. Олечка писала всякие эти сакраментальные надписи — «кристмас гифт» — «кадо дэ ноэль»* и пр. Ваши письма пришли ко мне как раз в день, когда у нас завтракали некоторые друзья (все почитатели Ваших талантов) и за завтраком (Вы угадали) — мы щелкали индюшку, как семячки. Вы правы, тут это ни за что считается, как французская булка — и индюшка и курица (курица — это еда безработных, по-моему) и всякая другая снедь — пустяк да и только. И несмотря на то, что, конечно, пища духовная куда важнее для нас, но все-таки приятно, что и корм дешевый. К тому же этот корм мы запивали Вашим вином (красным бордо), правда, я-то больше так — лизну немного иль понюхаю, а не то, чтобы выпить так, как бывало, как нашему брату по чину надлежит. Но — окружающие — выпивали. И кофе бенедиктином обмочили. И за кофе Ваши новые стихи из посл<едней> книги Н. Ж.[1035] были прочитаны, вызвав бурные одобрения и возгласы по Вашему (общему) адресу (не буду уж приводить, а то скажете, что вру, льщу, и вообще комплиментую). Нет, нет, все это верно. Один из завтракавших был о. Александр Шмеман (с своей очаровательной матушкой[1036]), он человек первоклассный, умница, искусство понимает как надо — и большущий поклонник Ваших талантов. Брал как-то у меня (давно уж) книги Г. В., когда Вы мне их присылали для статьи. Ну, вот о семячках, о платьях, об индюшках кончено. И переходим к очередным делам. Вы меня браните, Георгий Игоревич <так! — *Публ* >, а я Вас на чем свет ругаю, что Вы мне не пишете — это у меня, вероятно, гагизм что ли в полную ширь и даль разливается, я все считал что от Вас должен получить указания, а еще больше — что Вы должны написать М-у Михайловичу о Вашей книге. Вот

тут-то я Вас и ругал ...и простите, признаюсь, опустив очи долу, ругал Вас матерно, ради Бога, не показывайте эту строчку Ир. Вл. — т. е. политическому автору, знаю, что она, так же как Вишняк, ненавидит всякую такую грубоватую и просто грубую отечественную словесность. За что ругал? А вот за что. Ваш макет я давным-давно получил, и в тот же день (Вы, наверное, не поверите, но это так и тут врать не к чему) я дал его типографщику нашему Раузену,[1037] на предмет сметы. Он таковую сделал дня через три. Если, говорит, набирать подряд, то будет в книге 80 стр. (примерно) и будет это стоить дол. 500 примерно. Если ж давать не подряд — то будет стоить несколько дороже. Но тут при большом разгоне он насчитал что-то дол. около 800. Это. конечно, дорого. И трудно достать такую сумму. Надо делать нечто среднее — там, где можно не разгонять стихи, напр<имер> так, как даются «дневники», — там надо и пускать так. А кое-где надо давать, м. б., одно стихотворение на странице и т. д. Но сейчас дело не в этом. Все дело не может сдвинуться с места до тех пор, пока Вы не напишете любезную и милую просьбу Михаилу Михайловичу, не может ли он помочь изданию Вашего сборника. Ведь эта идея возникла у него как-то в разговоре со мной, он сказал — мне думается, что это можно сделать[1038]

*Christmas gift (англ.), Cadeau de Noel (фр.) — рождественский подарок.

1958

152. Роман Гуль - Георгию Иванову. 18 января 1958. Нью-Йорк.

18 января 1958

Мой драгоценный коллега,

Получил Ваше письмо. Устыдился. Более или менее. Но не на 100%. Ибо дело наше с Вами нескорое. Скоро только кошки... (любят друг друга, не показывайте это политическому автору). Умоляю Вас об этом. Типография дала смету — глупую, дорогую. Надо было торговаться. Наконец дали — 600, стр. 115 (каждое стихо на отдельной стр., хорошая бумага и пр.). Думаю, что это приемлемо. Перешлю это на днях М. М., чтоб получить его о-кэй. И тогда можно будет сдать. Ни о каких моих статьях как предисле[1039] не может быть и речи. Это все удорожает смету. И совершенно ни к чему. Я лучше бабахну новую статью. Вот это будет — да! Хотите? Не хотите? Ну, как хотите...

Далее. Если Вы о Смоленском рецензию не пришлете — то это будет свинство. Напишите, пришлете ли? Если нет — то напишем здесь. Не затягивайте. Книга все ж достойная.[1040] Так что гражданин начальник, не разводите политику, а пишите. Тем более, Вам, оказывается, можно пить красное вино. Да если бы мне было можно пить красное вино — да я бы человеком был, а так — «не человече, а г...» (это из моего последнего экзистенциального — тоже — стихотворения, ради Бога не воспользуйтесь, оно еще не опубликовано нигде). Кстати, об экзистенциальности. Вашей. Видали, как Померанцев (мыслитель и большой мыслитель!) слизнул у меня эту Вашу гениальную характеристику [1041] и не поперхнулся и не поморщился. Боже, великий Боже, до чего мы дошли, до чего пали горестно и низко... ай-ай-ай...

Когда стихи пришлете? О деньгах на днях дадим рескрипт кн<ижному> маг<азину> в Париже.[1042] Но не знаю, войдет ли «В Вагоне».[1043] Буду стараться, рад стараться, но на все воля Божья...

Полагаю, что Вы и политический автор уже получили моего «Скифа в Европе» и рвете друг у друга из рук — и разорвали вдребезги эту небывалую книгу. Не знаю, оцените ли замысел (слияния двух прекрасных лиц Бак<унина> и Ник<олая> I [1044] — в смердящую харю Хрущева) и оцените ли фактуру словес (которую можно сравнить разве что с Вашими стихами, да и то вряд ли), не знаю, как разрешит этот вопрос мыслитель

Померанцев... совершенно не знаю... Почему-то вспомнилось, по какой-то ассоциации — неведомой — «дурак *учитель* Препотянский» — (кажется из Лескова?).[1045] Я, разумеется, уверен, что Вы не удержитесь после чтения «Скифа» и напишете в «Р<усскую> м<ысль>» открытое письмо под названием «Не могу молчать». Вот посмотрю, как это все выйдет. Может быть, это письмо даже мне и не понравится? Хотя нет, я уверен, что оно будет прекрасно — как небо, звезды и стихи...

Жму лапу, как льву, и цалую лапки политического автора

<Роман Гуль>

153. Георгий Иванов - Роману Гулю. 1 февраля 1958. Йер.

8 февраля 1958
Beau-Sejour
Hyeres
Var

Дорогой Роман Борисович,

Опять от Вас ни гу гу. «Берусь за перо» поистине через силу, т. к. опять навалилось изнеможение — руку трудно поднять, не то что эпистолярно обращаться к столь блистательному коллеге. «Скифа» наконец (четыре дня тому назад) получили. Не порвали на куски, но очень пререкались за первенство чтения. Поочередно уступали друг другу. После я отобрал прочитанное дважды пол<итическим> автором и перечел спокойно основательно сам. Очень досадно, что живу в дыре, где нет русской библиотеки и нельзя сличить старого «Скифа» с модернизованным. Насколько помню, основа осталась та же, сомневаюсь — был ли или <не> был таким же конец (лучшее самое в нем — про Николая I, про то, как тройка мчала Бакунина, и страницы до этого. Этак с «Ночь была непроницаема».[1047] Было или нет — написано обворожительно, без лести*). Есть еще впечатление (м. б., воображаемое?), что по всей книге, по всей ее толще остался весь блеск генеральских форм и звон их шпор. Вы там и тут прошлись коротки<ми,> иногда небрежными фразами и словами, и от этого (если это было сделано) блеск и звон неуловимо смягчился. Если желаете, выпишу такие места. Но возможно, что пишу чепуху, возникшую в галлюционной от склероза башке.** Тогда pardon. Сказать о «Скифе» могу, собственно, еще много. Основное чувство после прочтения: почему так мало, почему 200, а не 400 страниц.*** И, если не кретины, читатели (забыли за четверть века о старом «Скифе») должны рвать друг у друга книгу (как мы рвали). Только где они и кто они, эти читатели? Вот бы российскому нынешнему читателю дать такую штуку — построили бы Вы на нем дом или хоть купили бы. Как хвастался Леонид Андреев, показывая свои сокровища — «самый большой зеркальный шкап в мире» и таковую же пятиспальную кровать из гигантской медвежьей шкуре - хвастался, поясняя - это на сбор *с* «Анатемы».[1048]

Перехожу к щекотливому и неприятному делу. Прошу понять мои чувства. Я, верьте не верьте (надеюсь, все-таки должны

верить), начиная с возникновения нашей — эпистолярной — дружбы — очень полюбил и привязался к Вам. Немалую роль играет в укреплении этих чувств вера и не столько то, что Вы меня «прославили», но особенно, как это делалось. То, что Вы (это в сторону) не можете найти места для хотя бы сокращенной Вашей статьи в виде предисловия, мне очень грустно и больно. Так как и о самой книге что-то ничего не слышу и что ж торговаться о поросенке в мешке, то скажу только сейчас конкретно: статья «не помещается?» А на что эти отдельные страницы, когда можно сжать. Конечно, набор, но нельзя ли потеснить на счет качества бумаги или даже выбросить (по моему отбору) десяток-другой стихов, из наиболее завалящих. Подумайте, сериозно, на случай если издание будет-таки решено. Прошу. Это говорю «в сторону», т. к. щекотливо-неприятное вот в чем. Итак, я Вас очень полюбил, очень ценю и Вашу дружбу и Вас самих. И вот проблема. Известный Вам Яновский написал политическому автору письмо, от которого нас обоих стошнило, и до сих пор тошнит. И в этом письме есть нечто, существенно касающееся и Вас лично, и наших с Вами отношений. Первое движение было бросить его, порвав, в мусорный ящик и кончить на этом деле. Но, рассудив, я думаю (согласны ли Вы, решите сами), что, пожалуй, хотя и неприятно по с детства вдолбленным правилам самогигиены — ознакомить Вас с этим документом. Не посылаю пока — решите, повторяю, сами. Сужу так. Вы вот, по-видимому, откровенны с этим типом, несомненно покровительствуете ему литературно. Одним словом, доверяете с той душевной щедростью, с которой Вы от Бога произошли на свет, и вот за Вашей спиной... По крайней мере, Вы будете знать, что за человеку Вы дружески пожимаете руку Вашей великодушно-державной лапой.

Конечно, если знакомить Вас с этим письмом, то *знакомить конфиденциально*. Ему же прямо отвечу сам, как он этого заслуживает и прекращу знакомство. Ну, судите сами. Устал и с трудом дописываю. От имени пол<итического> автора кланяюсь и поздравляю со «Скифом».

Г. И.

И я тоже. И. О.

Письмо обращено ко мне - и, ради Бога, чтобы о нем никто, кроме Вас и О. А., не знал.

* Читать «лести». И я того же безлестного мнения. И. О.

** Вздор - никакого склероза. Все нервы и неврастения. Ну, и кокетство, конечно.

*** Правильно - хочется еще. [1049]

Добавление [1050]

I

Смоленский будет у Вас на Бродвее через две недели (надо перелизать и подчистить набросанное давно вчерне). Так что не беспокойте здря больного старичка, как говорил Гончаров, когда племянник клянчил денежки. [1051] Т. е. не пишите, что нужно срочно через неделю, когда хвост книжки ведь когда еще пойдет набираться.

Теперь, что это Вы элегантно намекали о моем возможном «не могу молчать». В «Р<усской> Мысли» это не по адресу: в этом Органе я не сотрудничаю, и не «могу молчать» помещено там дважды только о Бурове по 75 000 фр<анков> за фельетон prix-fixe.* И если Ваш намек относится к рецен<зии> на «Скифа», то *очень охотно* посильно восхищусь элегант<ным> стилем в соответственно элегантном месте — могу у Вас или, если желаете, в «Опытах». А то после Бурова в «Р. М.» не особенно удобно. Если же почему-либо Вам нужна рецензия в «Русской Мысли» — то готов для Вас постараться и послужить и в этой дыре (Ваше дело, хотя этот вариант мне очень не по душе). Но не могу иначе, как чтобы «дорогой Сергей Акимович» [1052]прислал бы мне об этом любезную просьбу, иначе чин не позволяет.

II

Ваше письмо к «дорогому Сергею Акимовичу» только что (утренняя почта) прочли, и оба чуть не лопнули от смеха. И как ловко напечатано — обыкновенно я разорву бандероли — просмотрю знакомых покойников — и отложу в сторонку. А Ваше «Письмо в редакцию»[1053] так и лезет в глаза само собой.

Ох, ох — дал же Бог перо человеку! А я ценитель такого рода письма — сам к нему расположен — да ходу нет, — вот, напр<имер>, Ваш почтенный орган — всего моего Струве безобразно охолостил. Ну, теперь буду ждать реакцию несчастного Померанца.[1054] Боюсь, что он уйдет, оскорбившись,

из газеты, а если начнет отвечать, то только сумеет расписаться в получении оплеухи.[1055] Я искренно его жалею. Он

— Добрый малый, хоть и пень.
Не хочешь ли покушать, брат, мякины,

как где-то в великом каком-то романе сказано.[1056] Ужо извещу Вас о реакции Померанца, если таковая будет. Не может не быть у бедолаги.

Целую Вас еще раз. Не жадничайте на марку в 15 центов и ответьте сразу.

* Врет. Писала я, а он только подписывал, не читая, и только загреб гонорар.[1057]

* Prix-fixe (фр.) — твердая цена.

154. Георгий Иванов - Роману Гулю. 1 марта 1958. Йер.

1-го марта 1958

Дорогой Роман Борисович,

Три недели назад от Вас пришел адрес лица, которое вышлет нам гонорар, а на другой день <объявилось> это же лицо. Гонорар от него пришел. И это все, что я получил от Вас за мои нежные письма и в ответ на мои недоуменные вопросы. Прежде, в добрые старые времена, когда Вы замолкали, достаточно было Вам <нрзб.> дополнительную открытку, и с «сожалениями и извинениями» отвечали в Вашем великолепном стиле. Теперь Вы, друг мой Ницше, плюете на меня вполне откровенно. Не задаю «вопросов», они и так давно заданы и перезаданы в моих прошлых письмах — если Вы ими не подтерлись, то, прошу, перечтите и попытайтесь ответить. А то, ей-Богу, нехорошо получается. Я, кстати, поругался за Вас с знаменитым мыслителем Померанцевым, и нажил себе, конечно, лютого врага — продиктовав политическому автору соответств<ующий> ответ негодяю Яновскому.

Я сяду и перепишу в сутки рецензию о Смоленском, когда получу от Вас приличествующий нашей дружбе ответ. Мне тошно действовать в безвоздушном пространстве.

Ну, прочел Адамовича о Вас [1058] — конечно, маститое имя, но оставляет (сильно) желать лучшего. Вот Зинаида имела выражение «интересное об интересном». Так на мой взгляд получилось обратное: «неинтересное об интересном». Вам, конечно, виднее. Но вот, будьте ангелом, пришлите мне, как только будет набор, его, т. е. Адамовича статейку обо мне. Я имею право просить Вас об этом. Он, собственноручно отсылая свою статью Вам — писал мне: «У меня нет копирки, чтобы прислать тебе копию — попроси твоего друга и почитателя Гуля прислать тебе корректуру».[1059]На это распоряжение-просьбу я не обратил внимания, но теперь после «Скифа» опомнился и настойчиво прошу Вас это сделать поскорее, чтобы оценить, что он там навалял. Если Вы желаете могу разыскать это письмо и прислать Вам, чтобы доказать, что я не фантазирую. Можете и у него самого справиться. Но я очень сериозно прошу, чтобы я *мог прочесть его сочинение до окончательной печати*. Вам, заметьте, когда Вы писали обо мне, я таких претензий и не думал предъявлять — знал носом, с кем имею дело. Но что же еще.

Голова болит. Скучища. Бобок. «Бобок», кстати, название того, что я теперь пишу, не считаясь, «что об этом подумают», как писал в свое время «Атом». Если не помру, прочтете. Кстати, покойники одолевают даже во сне: в одном нашем BeauSejour чуть ли не каждый день похороны. Да, Глеб Струве прислал мне «от редактора» «Лебединый стан» Цветаевой. [1060] Что сие значит после всего? Я даже умилился. Стихи, увы, неважнец.[1061]

Обнимаю Вас. Когда очень скучно, любуюсь цифрами сметы на мою книгу и гордо озираюсь — ай да Иванов.[1062]

PS. От души: то, что Вы мне ничего не пишете, просто — пардон! — свинство

155. Роман Гуль - Георгию Иванову. 8 марта 1958. Нью-Йорк.

8 марта 1958

Итак, мой драгоценный коллега, в который раз мы возобновляем с Вами нашу неразрывную дружбу на расстоянии 30.000 лье под водой.[1063] Чудно! Возобновляем. И сразу же переходим к очередным делам, имеющимся на нашей повестке дня. Во-первых, я конечно ждал, что на первой странице «Русс<кой> мыс<ли>» (именно на первой, а не на второй) появится Ваша восторженная статья о «Скифе в Европе» с моим портретом и что Вы озаглавите эту статью «Не могу молчать». Ничего этого не произошло. Почему? Неизвестно. Оказывается, Вы «смогли» промолчать и вместо этого пишете мне, что появилась статья Адамовича, которую Вы не одобряете. Ну, что же, пеняйте на себя, только на себя... Вы могли бы превознести меня, прославить и мной стать бессмертным...[1064] Это нечастый случай. Но Вы его упустили... Ну, ладно. С чего же мы начнем нашу повестку дня? Вы упрекаете меня, что я не ответил на Ваши вопросы, которые были в большом количестве. Попробую.

Первый вопрос. Вы обещали рецензию на Смоленского. И до сих пор не прислали. Если Вы ее не пришлете СТРЕМИТЕЛЬНО, то — простите, дорогой коллега, но мы вынуждены будем увидеть в Ваших дорогих действиях поэтический злоумысел — затянуть отзыв в Н. Ж. так, чтобы он более-менее не появился вовсе. Мы понимаем такую пуан де вю,* но не одобряем, совершенно не одобряем. И ежели стремительности Вы не проявите, то ничего не поделаешь, придется уже к июньскому номеру написать самим. Книга все же достойна «быть отозванной». Итак, маэстро, что Вы думаете по этому поводу и признаете ли себя виновным по 58 статье уголовного кодекса:[1065] — злоумышленное молчание?

Это один вопрос. Отвечайте!

Второй вопрос. О Вашей книге. Деньги на нее получатся на днях. И мы сможем приступить к ее набору. Но предварительно надо выяснить некоторые весьма важные обстоятельства. В своем письме, предпоследнем, Вы пишете текстуально следующее: — «то, что Вы не можете найти места для хотя бы сокращенной Вашей статьи в виде предисловия, мне очень грустно и больно... (я жалею Вас, мой друг! Р. Г.)... а на что эти отдельные страницы, когда можно сжать... или даже выбросить (по моему отбору) десяток-другой стихов из наиболее завалящих». Во-первых, я

считаю, что у Георгия Иванова нет и не может быть завалящих стихов! Иначе я бы о нем не написал статьи, которая прославила и его и меня (см. письмо в редакцию профессора Апельсинова! [1066]Р. Г.), и положила начало критической литературе об Иванове (вослед за ним спешат толпой — и Струве вечно благородный, [1067]и Марков, и Георгий Адамович, не говорю уже об апельсинах и прочем). Итак, напишите мне без всяких жеманств, пишите как солдат солдату: — считаете ли Вы нужным помещение статьи или это Вы «хотите мне сделать удовольствие». Уверяю Вас, драгоценный коллега, что при всем моем восхищении Вашей музой, я не дурак и вовсе не хочу лезть с своей статьей (пусть и прекрасной, как все выходящее из-под моего пера!). Если Вы напишете, что можно и без статьи — пусть без статьи. Если напишете — со статьей — я ее сокращу, устранив всякие там кодексы, и прочее — и дадим петитом. Но вот вопрос — чей же давать портрет? Мой или Ваш? Это дело серьезное, и над сим подумайте в одну из неспаных ночей. А, кстати, серьезно — хотите дать портрет (свой, конечно, свой, не мой же, Господи ты Боже мой! я на это не рассчитываю! На такую Вашу широту!).

Следующий вопрос вот какой: стало быть, Вы не оч<ень> были бы огорчены, если бы особой расстановки меж стихами (каждое на отдельной стр.) не было бы сделано. Это, конечно, облегчит набор очень. Я полагаю, что дело все-таки в стихах, а не в количестве страниц. Тем более, что у Вас есть стихи (много) недлинные и все будет оч<ень>, по-моему, хорошо. Далее, как Вы хотите — дать изд-во «Нов. журнала»? Я не знаю, как по уставу нашей корпорации, можем ли мы это делать? Кажется, можем. Если бы не могли, можно дать знаменитое изд-во «Мост» [1068] (благо есть даже марка). Тираж — 500 (больше не нужно по нашим грустным временам), так и по смете типографии. Не писал я Вам обо всем этом, ибо было не время, — деньги на издание получатся только после 10 марта. Вот и пишу. На все вопросы ответьте ясно, четко, чтоб не разбирать в лупу, а так, как Суворов — раз и два. Но вот самый главный вопрос. Юрасов создал (не он один, а группа новых) какое-то изд-во в Германии при обществе с весьма странным названием «ЦОПЭ» [1069] (расшифровывается, кажется, так, но впрочем не уверен — Цопайте Олухи Побольше Эквивалентов!) и сказал мне, что они бы издали Ваш сборник стихов. Я спросил, а гонорар Вы платите? Да, говорит. Можем долларов 200 уплатить. Я подумал, если бы это был не миф, а факт, то за изданную книгу стихов приятнее получить 200 долларов, чем решительно ничего (наоборот, надо доставать на издание деньги). Я ему сказал, выясните молниеносно, а я напишу Иванову, может быть, он предпочтет ЦОПЭ (я не уверен в

правильности расшифровки названия) «Новому журналу»? Я не очень уверен в твердости и крепости этого предприятия, вот в чем дело. Тут дело верное — книжка будет. А там? Черт его знает. Но говорит, что дадут гонорар — опять же это важно. Что Вы обо всем этом думаете? Но тут надо отвечать абсолютно молниеносно: за что Вы, за цопэ или не за цопэ? Издадут там (в Мюнхене), конечно, хуже, тут мы присмотрим и будет в порядке. Там как попало, наверное. Но там к Вам ближе. Не знаю, напишите мне Ваше мнение по сему вопросу быстро и безотлагательно. В частности, отступление, думал я, что, м. б., политический автор напишет «Не могу молчать» или «Не могу замолчать!» — но «Втуне она прочитала Бакунина»... ах, ах, ах... какой ужас...

Теперь совершенно новая тема — о любви, о нашей любви и о писателе Яновском. Что это такое — я никак не пойму. Но понимаю подкладку этой темы — прямо «с каблука»! Очень прошу Вас, пришлите мне оригинальное это письмо, я буду от него в восторге (пусть оно будет жить у меня — я прочту его снова и снова!). Серьезно говоря, я понимаю только подоплеку гадости, но самое гадость не понимаю и ума не приложу, что сей Кафка мог выдумать? Должен сказать, Яновского я видел в своей жизни всего раза четыре (может быть пять, максимум). Я его не люблю и не ценю. Он меня — тоже, наверное. В Париже я его никогда не видал, но знал, что где-то в литературной подворотне существует, живет его такая «покавка».[1070] Книг его не читал (так же, как Померанцев мои). Первый раз увидел в Нью Йорке, но так как они были тогда советскими патриотами, то к Н. Ж. — они не приближались. Наконец, в первый раз увидел Яновского на инициативном собрании писателей по созданию «Пен Клуб ин Эхайл»[1071] (я был приглашен от русских, и там же оказался Яновский). Яновский хотел возглавить «русских». Но был элегантно отстранен. У меня было маленькое инициативное собрание, после которого в правление Пен Клуба ин Экзайл вошли Берберова и я. Яновский, обидевшись, совсем не вошел в организацию. Лицо, и знающее его хорошо, сказало мне: «этого он Вам никогда не простит». А мне насрать, ответил я по-французски. Это было «первое свидание».[1072] Второе было у Гринберга на чтении Яновским своей какой-то вещи — «покавки». Прочел. Тоска чудовищная. Блевать хочется. Причем сначала было вступление, что вот, мол, «Чеховское изд-во» дошло до того, что издает Мордовцева,[1073] а Яновского так и не издало. Скончал чтец. Все молчат. Гринберг обращается ко мне — Р. Б., может быть, Вы начнете прения? Я начал «прения», сказав «два слова». Сначала о том, что Яновский пугает меня, а мне не

страшно (извинился за банальность утверждения).[1074] А потом сказал, что, прослушав Василия Семеновича, мне захотелось прочесть хотя бы две странички Мордовцева. И все. Некоторое смятение. И прилегли стада. [1075] Ульянов подходит ко мне во время бутербродов и говорит: «Ну, Р. Б., Вы мужественный человек». В ответе «ораторам» Яновский обрушился на меня с каскадом шпилек и презрения, указав, что я дошел... «до Мордовцева» и пр. Опять сказали, что он Вам этого не простит. Я опять ответил по-французски. Это была, стало быть, вторая иль третья (уж спутал) встреча. Наконец — четвертая (и самая драматическая). Яновский послал М. М. свою эту сраную повесть. Я прочел первые десять стр. и сказал, что я б ее не печатал ни при какой погоде — сказал, что это просто бездарно, под молодого Эренбурга, но без его таланта и пр. Яновск<ий> насел на М. М., и М. М. по доброте сказал мне, что он все-таки напечатает. Но я «умыл руки». И даже не читал первой части в корректуре. Знаю, что М. М. некоторые «детородные члены» выправил. Но драма пришла позднее - М. М. уехал на шесть месяцев в Европу и вторая часть повести попала в мои лапы. Уже набранная. Я прочел ее, и увидел всякое множество детородных членов, долженствующих довести до сердечного припадка целомудренного читателя, вся кие триппера и пр. авангардную литературу. Я написал М. М., что надо многое выправить, так пускать нельзя. А Яновск<ому> позвонил и говорю, что так и так, трефы козыри, повесть в таком виде пустить нельзя. Он на стену. А я, как Черчиль в палате общин, тихим голосом говорю, что пустить не могу, а если он упирается, то пусть ждет М. М., мы ее отложим. М. М. написал мне, что он действительно забыл выправить. И вот Яновский приходит ко мне на цензуру. А я, как некий цензор Никитенко, [1076]сижу с карандашом в руках (с красным!) и говорю: — вот, мол, молодой человек, сии места никуда не годятся. Я ему всерьез, по дружбе, сказал, что все эти триппера и детородные члены — все это летошный снег, сказал, что понимаю, на что он ставит — на скандал, на то, чтобы Вера Александровна и ее муж [1077] умерли бы от разрыва сердца, прочтя это, но что это скучно до невероятности и этот «авангард» никому не нужен. Сказал ему и о Эренбурге. Сказал ему и о том, что подмывается у него девочка (проститутка) совершенно неправильно, что изобличает плохое знание предмета Яновским и что если кто-нибудь и умрет от разрыва сердца, то, напротив, знатоки вопроса, как напр. Юрий Павлович Анненков, его засмеют и пр. и пр. Он принял все это очень мирно. Все было выправлено, как я предложил.[1078] И расстались мы, но твой портрет я на груди своей храню...[1079] Но возненавидел он меня, вероятно, невероятно. Отвечаю на это по-

французски. О повести его выражался очень откровенно. Ему это передали конечно. Он собирал какие-то подписи под письмом, что его, мол, сожгли в «Чех<овском> изд<ательстве>» — я отказался подписаться, сказав, что, если бы сожгли, я считал бы это совершенно правильным, но, к сожалению, я не верю, что сожгли... Вот вся история знакомства с моим современником... [1080] Больше не встречаюсь... да и негде встречаться... Как-то на собрании у Гринберга, впрочем, видел мельком.

Постскриптум к этой повести — он взял и Вам написал какую-то гадость — обо мне и о Вас. Он псих самый настоящий и если не может меня укусить прямо, то пробует укусить через бумагу. Вот и все. Для меня он просто психопатическое или вернее психостеническое говно. Ни о Вас, ни о И. В. я с ним не сказал слова. Да вообще все встречи описаны выше и ни о чем, кроме «делов», я с ним и не говорил и говорить не мог. Но я был бы очень порадован, если бы Вы прислали мне оригинальную версию его психопатического вранья — его письма. Пришлите, пожалуйста. В копилке литературных раритетов — это будет экспонатом. В ордюры** не бросайте, пришлите, «дабы мерзость каждого была явлена»...[1081] Вы пишете «конфиденциально», ну, конечно, а как же иначе... Верьте мне, я стар, я сед, мои седины... [1082] на какого-то Яновского обращать внимания я просто не в состоянии... Иначе ведь я должен бы был зарыдать оттого, что «меня не читал Померанцев», а я, напротив, счастлив за мировую общественную, философскую, научную и литературную мысль, что за ней следит Померанцев. Она, наверное, — мысль-то эта — счастлива и польщена до небес... И Бог с ними с обоими. «Нам не жалко, но мы удивляемся...» [1083].

Ну, вот на все Ваши «вопросы» ответил. И должен ждать Вашего самого скорого реагажа насчет Вашей же книги стихов. И насчет Смоленского. Статью Адамовича Вам прислать, конечно, не могу. Это было бы нехорошо, не бонтонно, а мы все-таки

«Хоть сто мозолей — трех веков не скроешь!».[1084]

В частности, чудное стихо Марины. Не помню, где оно было и напечатано в Париже, но помню, читал. «Леб<единый> стан» и я получил (без надписи), буду о нем писать.[1085] Многое из него было известно, но все же рыжий мерзавец молодец, что издал, это он хорошо сделал.

Ну, кончаю, ауфвидерзеен!

Написал Вам чрезвычайно много, и без гонорара без всякого, хоть плачь.

Итак, жду Ваших реляций.

Цалую ручки Ирины Владимировны.

Крепко жму Вашу «львиную».

Искренне Ваш
<Роман Гуль>
* Point de vue (фр.) — точка зрения, взгляд.
** Ordure (фр.) — здесь — помойка.

156. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 16 марта 1958. Йер.

16-го марта 1958

Дорогой Роман Борисович,

Жорж уже 10 дней, как в госпитале. При Вашей творческой фантазии можете себе представить, что это для него значит — и для меня.

Поэтому, извините, без лирики, по пунктам и сухо — но постараюсь — исчерпывающе.

1) Берберова уже прислала письмо с предложением издать стихи в Мюнхене,[1086] но я этого письма до Вашего Ж<оржу> не показывала. Там была фраза «в "Нов. журнале" по-видимому ничего не вышло», что, конечно, разволновало бы его. К тому же, без Ваших пояснений все казалось неясным. Деньги, конечно, в связи с Ж<оржа> болезней <так — *Публ.*> нужны до чертиков, т<ак> ч<то> 200 долларами кидаться нельзя.

Ж<орж> страшно хотел все-таки в «Нов. журнале», но не в ЦОПЭ, и вчера еще никак не мог решиться. Я только что вернулась из госпиталя — он просит написать, что, к сожалению — если только эти 200 долларов действительно получатся... Он очень огорчен. Но благоразумие берет верх. Я его не уговаривала, но т. к. ему теперь надо будет съездить в Париж на консультацию, то я одобряю его решение, хотя и мне хотелось, чтобы его стихи были изданы Вами. Но что поделаешь?

2) Насчет Шестова — нигде в печати он Ж<оржа> не называл никогда экзистансиалистом <так — *Публ.*>, но говорят, что в письме к Мамченке [1087] и в частных разговорах, как будто... Можно верить или нет — по желанию. Правда только, что Шестов очень любил Жоржа и его стихи. Ни за что больше не ручаюсь.

3) Посылаю Вам письмо — документ человеческой низости — без комментариев. Но от Вас на оное комментариев хотелось бы. Кстати, известно ли Вам, что З. Н. Гиппиус прозвала Яновского «завитая вошь»? И еще кстати, никогда Ж<орж> не называл его «великодержавным писателем», а как-то сказал ему, что он бы в России научился писать не на своем жаргоне — «я как безумный бился в корчах» [1088] — и при своем темпераменте мог бы стать бойким писателем, печатаемым в разных журналах. И уже некстати — я, конечно, эту самую «Челюсть» [1089] не читала, а так ловко скомплеменила по статье о ней Адамовича [1090]—

такая уж я умная, чего Вы до сих пор еще не заметили, к сожалению.

Дальше — пожалуйста, оттиски статьи Адамовича для Жоржа с десяток, когда будет печататься Нов. Журнал. Ж<орж> до сих пор жалеет, что не попросил Вас сделать оттисков Вашей ницшевской статьи.

Будьте добры, пришлите корректуру статьи Адамовича, как видите, это по просьбе автора — иначе бы Ж<орж> и просить не стал — <не> корректно.

«...Я ведь переписывал сам, одним пальцем, у меня нет такой бумаги (carbon?*) и я раз с ней писал и так все выпачкал, что пришлось бросить. *Попросите Гуля прислать корректуру, он ведь Ваш друг и почитатель.* Но изменять ничего не надо будет, я уверен: нет ни одного кислого слова...».[1091]

Еще дальше — посылаю Вам свое стихо, по желанию опять же Жоржа. Ему очень хочется, чтобы оно появилось вместе <с> «В вагоне».[1092] Ему кажется, что Вы должны его оценить. Ему оно чрезвычайно нравится.

Теперь о статье о Смоленском. Как видите, он сейчас физически не в состоянии привести в порядок черновика. Между нами, стихи не таковы, чтобы ими было приятно восхититься, а в порядке дружбы следует. Статья будет готова через номер Нов. Жур. Если хотите, объявите, что из-за болезни Георгия Иванова он не успел ее прислать. Если же есть кому написать, то Жорж обижен не будет.

Будьте другом, ответьте откровенно и искренно о ЦОПЭ. Сколько и когда они могут заплатить? Берберова сообщает, что у них есть типография и деньги. Так ли это? Жорж еще раз напоминает, что Вашу статью считает лучшей и наиболее глубокой о себе, дорогой Ницше.

Пожалуйста, не томите ожиданием ответа больного на больничной койке. И так в бесплатном госпитале, сами понимаете, а тут еще волнения об издании. Пришлите скорее этакое письмецо-бодрячек.

Шлю Вам самый сердечный привет, т. е. О<льге> А<ндреевне> и Вам. Жорж тоже просит кланяться.

Ваша *И.* О.

Жорж просит заменить в рукописи этим стихо стихо с эпиграфом Мандельштама: «А черемуха услышит».[1093] И еще просит не забыть поставить посвящение Т. Г. Терентьевой на стихо о Тургеневе — «А еще недавно было все, что надо».[1094] И благодарит за хлопоты. Отвечайте поскорее, пожалуйста.

* Papier carbone *(фр.)* — копировальная бумага.

157. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 25 марта 1958. Нью-Йорк.

25 марта 1958

Дорогая Ирина Владимировна,

Пытаюсь ответить стремительно. Хоть и трудно сейчас — кручусь со всякими делами. Первое. Очень опечален, что Г. В. в госпитале, но если он собирается в Париж на консультацию, думаю, что положение его несерьезное и он скоро поправится. Дай Бог! Передайте ему мои самые львиные пожелания.

По пунктам: 1. Стихо Ваше прекрасно. Но, увы, книга уже отпечатана и у переплетчика. Пойдет в следующей. Кстати, отметьте, что слово — стихо — введено мной в русскую литературу,[1095]а не Померанцевым и не Яновским. Это страшенно важно. 2. Я несколько раз говорил с Юрасовым (я его вижу ежедневно) о возможности издать книгу Г. В. — Все ясно, ясно, как туман... Берберова не имеет отношения к изд-ву. Главный махер это Юрасов (здесь), но дела-то решаются там, в Мюнхене, там есть какая-то «рабочая группа»,[1096] она и решает. Юрасов говорит, что ему ответили, что стихов у них вообще в изд<атель>ском плане нет. Но он ответил, якобы, что стихи Г. В. важно издать. И ждет ответа. Но я вижу, что все это — тень на плетень и прочее. Вы должны сами написать в Мюнхен и все выяснить. Вот адрес кому писать: <...> [1097]

Лебедев [1098] — старый эмигрант, журналист, кажется, из Риги. Пусть он Вам спешно ответит. Ибо тут все готово, и типографщик мне уже несколько раз звонил, спрашивая, набирать? Я говорю, нет, ждите приказа. А они даже уже начали было. Но я приостановил. Выясним все. И я, и М. М. хотим только одного, чтобы вышли последние стихи Г. В. И точка. Больше у нас никаких интересов нет. У меня же — знаю — будет всякая морока с типографией (ведь кто-то должен все это вести). И при моей загруженности, это будет еще лишний груз (пусть небольшой, но будет). Но — на это жертвенно идем. И тут — стало быть — успокойте Г. В. — дело все конченное и решенное. Если с ЦОПЭ ничего не выйдет р тут напечатаем. Но я сам запросил и Юрасова (когда он мне сказал, что Г. В. может получить гонорар в 200 дол.), и написал Вам, ибо понимаю, что 200 дол,, увы, на полу не валяются. Но боюсь, что все это окажется «липой», «туфтой», и прочим. Выяснить должны Вы у Лебедева. Рукопись я тогда передам, когда Вы *получите* 200 дол. Так что я стараюсь, увы, для

Вас с Г. В., что в нашем мире безобразном [1099] никак не котируется, но я никак не смущаюсь. Сказал же Померанцев со слов Крымова, что я «обязательный и услужливый человек». Пусть так и будет. Итак, выясняйте стремительно, чтобы мне не быть под нажимом типографщика. Кстати, имейте в виду, что деньги, которыми будет оплачена типография, не идут ни через руки М. М., ни через мои, а идут непосредственно в типографию — в три срока. Пишу потому, что не думайте, что Вы их можете «тоже получить». Это совершенно аусгешлоссен.* Совершенно. Так что при общей калькуляции учтите это. Деньги можно только цапнуть в ЦОПЭ Вам. Итак, я жду Вашего сигнала — «приступайте к набору!». И в тот же день — начнется набор... Вот. Все выяснено. 4. Насчет Шестова я и знал, что наврано. Ну, да Бог с ним. На том свете может Шестов ему по морде дать. А я на этом — прощаю. 5. Документ человеческой низости [1100] — великолепен. Это ниже всякой ватерлинии. Какая сволочь. Но и дурак (все уши наружи). Но Вы хороши с Г. В. Это что же, Вы подумали, что я читаю Ваши письма «документу человеческой низости»? Мон Дье! За кого же Вы меня-то принимаете? У меня все-таки больше вкуса. С этим типом я не встречаюсь, а когда (у Гринберга) встречал, то мне сразу же из комнаты хотелось выйти в уборную... до того психофизически противен. ... «белая вошь... завитая вошь, а в морду хошь?»... Нет уж, от чего-чего, а от вши избавьте меня — не общаюсь... 6. Оттисков Адам<овича> сделать нельзя, ибо книга уже отпечатана, увы! Моей статьи у меня есть несколько, если хотите, пришлю штуки три. Кстати, Адам<ович> в своей статье — пошел по моей — как по руслу — так я почувствовал.[1101] 7. О рецензии на Смоленского — надо дать обязательно в след. книге. Если напишете — пишите Вы, или Жорж, если нет — не говорите, что напишете...

Итак, все ЦОПЭ зависит от Вас теперь — пишите Лебедеву и спрашивайте. Если же тут ч<то>-н<ибудь> будет узнано мной от Юрасова, я Вам тут же напишу, но по нюху моему — что-то там не так это крепко (относительно стихов Г В., Юрасов-то хочет, но «рабочая группа».., в ней вся заковыка — выясняйте...).

Итак, кончаю, поздно, спать надо, завтра на работу ехать — это Вам не розы и не мимозы, а Нью Йорк, поглощающий Вас.

Цалую ручки Ваши

Р. Г.

Жоржу жмите крепко руку и возвращайте его скорей домой. И издадим книгу. И прогремим на барабане...[1102]

* Ausgeschlossen*(нем.)* — исключено.

158. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Около 26 марта 1958>. Йер.

<Около 26 марта 1958>

Дорогой Роман Борисович,

Я пролежал 12 дней в госпитале[1103], где меня всячески мучили, и сейчас я совсем разбит. Поэтому отвечаю на Ваше письмо по необходимым пунктам без всякой лирики и игры пера. Уж Вы извините великодушно на этот раз Вагнера.

1) *Конечно* , я предпочитаю издание Ваше, гадательному Цопе. Лишняя сотня экземпляров, отпечата<нных> в мою пользу Вами, «та же Валюта», во-первых, во-вторых, предпочитаю во всех отношениях Вашу заботу о книге и марку «Нового Журнала», «Моста» марки я решительно не хочу. Если (что меня очень удивляет) по каким-то условиям Вы, издавая меня, не можете украс<ить> издание маркой изд. «Нов<ого> Журнала», то поставьте издательство «Гиперборей», [1104] на что я имею право: внес в свое время 100 царских рублей в фонд этого издательства, и оно никогда не было формально ликвидировано. Но, конечно, очень рассчитываю на марку «Нового Журнала», что более чем естественно: Карпович достал деньги, а я как-никак долголетний сотрудник, 3/4 стихов из книги там же и опубликовавший.

2) Прошу заменить в наборе стихотворение (забыл его первые строки), то, которому предпослан эпиграф Мандельштама «А черемуха услышит и на дне морском простит» прилагаемым «Так, занимаясь пустяками»[1105]. Прошу корректуру, по возможности в гранках, а не в верстке, чтобы порядок стихотворений можно было бы изменить кое-где, если же это никак нельзя, то пусть наберут «содержание» и книги того же автора. «Содержания» не было мною послано. Следовательно, Вы лично, или Ваша секретарша должна его по рукописи составить. Очень прошу книгу, в отличие от американских замашек, не обрезать. Можно просто не обрезать, как делали в России и всюду, или сделать, как в «Опытах», <с> этакими легко разрываемыми дырочками по краям книги. Будьте ангелом, пришлите мне возможные (т. е. доступные по Вашим денежным возможностям) образцы бумаги и для текста и для обложки. Ради Бога, никаких рисованных обложек, никаких черточек под фамилией и т.п. Мне хотелось бы *белую очень* или просто белую обложку. «Стихотворения» ярко красным, остальное черным. Очень хотел бы просто белую

обложку поплотнее. Бумагу, для текста, хотел бы суховатую (пожалуйста, образцы на выбор). Через океан само собой трудно об этом объясняться — рассчитываю на Ваш вкус и дружескую помощь. Тип бумаги для текста мне очень хотелось бы вроде той, которую Вы употребляете с адресом Roman Goul и т. д., слегка желтоватую и с жилками. Это идеальная бумага для книги стихов. Судя по Вашей бумаге для писем и цвету штампа, у Вас хорошее чувство бумаги и цвета. Присмотрите же Вашим, талантливым и в этом, глазом, дорогой Нитце! Мне это, представьте, очень душевно важно.

3) Прилагаю письмо Адамовича — прошу *срочно* прислать мне корректуру его статьи, как убедитесь из этого письма, с его письменного разрешения[1106]. Не забудьте, пожалуйста. Также заранее прошу не отказать в любезности — сделать мне с этой его статьи, когда книга «Нов<ого> Ж<урнала»> будет печататься, десяток оттисков. По <у Г.И. - «До». - Публ.> сей день жалею, что не попросил Вас сделать это с гениальной статьей моего прославителя Нитце. Пожалуйста, отметьте это, чтобы не забыть впопыхах печатания №№. «Опыты» так сделали со статьей Маркова, и это очень приятно, на случай иметь.

4) Который раз должен Вам <сказать>, друг мой Ницше, что я, настаивая на Вашей статье, делаю удовольствие МНЕ, а не Вам. Снисходя к моему болезненному состоянию, примите это к сведению, не требуя дополнительно клятв. Кое-что я хотел бы, чтобы из этой гениальной статьи удалить, напр<имер>, знаменитое убийство. Там есть и опечатки. Пассаж с Леконт де Лилем можно также удалить[1107]. Я все это отмечу по стр<аницам> статьи и Вам дополнительно пришлю, когда немножко очухаюсь. Что ж, что статья будет петитом — это даже может быть красиво в издании. Этаким подобием елизаветинского шрифта (есть этакие изящные курсивы или их подобия). Цитаты из меня, естественно, тоже можно выбросить — ведь целые стихи будут в тексте. Если нужно по смыслу, то оставьте где захотите одну строчку.

5) Конечно, ерунда, если будет по 2 стихо на странице. Гораздо приятнее, если будет хорошая внешность – бумага обложка, приличный шрифт. Портрет пришлю. Для этого надо сняться – через несколько дней – сейчас лежу в кровати, без права двигаться.

6) Прилагаю стихо политического автора. Если есть возможность, очень уважите, вставив его в ближайшую книжку «Н<ового> Ж<урнала»> рядом с «В вагоне»[1108] — оно очень парное Оцените его. Я очень им пленен. Парочкой будет очень красиво. Сократите для этой цели какого-то-нибудь из Ваших

графоманов.

7) Шестов что-то болтал (и, кажется, писал Мамченке) обо мне в связи с Киркергартом[1109]. В печати ничего подобного за подписью его не появлялось. Так что это не аргумент в устах Апельсинцева. И Ваша вселенская смазь ему сохраняет полную действительность.

Не имею физической возможности привести в порядок заметку о Смоленском. Как хотите. Либо отложите мою заметку до будущей книжки, либо дайте написать кому угодно. Прошу простить — я не хотел Вас подводить. Писать о Смоленском должен был по его просьбе. Книга (между нами) не такой важнец. Стихи, с которых он начинал при царе Горохе, то же самое. Только посвежей, что последние. От реторики [1110] тошнит. Я, конечно, пишу, чтобы сделать ему удовольствие, иначе.

7) [1111] От Берберовой пришло письмо с предложением издаться, с упомин<анием?> ZOPE, Юрасова. «Возможно, что Роман Гуль Вам уже написал» об этом. «Я знаю, — прибавляет она, — что Вы посылали рукопись в Нов. Журнал, но как будто там ничего не вышло по их вине». Я ей отвечу, когда смогу — что благодарю и пр. Но что «Новый Журнал» меня издает.

8) Прилагаю «без комментариев» письмо Яновского и с большим интересом жду Ваших комментариев на сей человеческий документ[1112].

Обнимаю Вас, ответьте сразу «бедному больному старичку»[1113].

Ж.

159. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 26 марта 1958. Йер.

26 марта 1958

Дорогой Роман Борисович,

Это письмо, добавление к первому — ответ Н. Н. Берберовой совершенно разочаровал Жоржа, улита едет... И вообще.

Так что полным ходом обратно к Вам. Ведь на Мюнхен Ж<орж> хотел, скрепя сердце, согласиться только из-за 200 долларов, но и они журавль в небе и неизвестно, не растащат ли наполовину и совершенно неизвестно, когда получатся.

Я очень рада такому обороту дела и с самого начала советовала предоставить Ницше издавать Вагнера, но деньги, деньги, деньги и немедленно на бочку! — против такого аргумента не поспоришь в нашем положении.

Берберова пишет, что дело не горит, думаю, между нами, что оно может и прогореть. Тогда, как Ницше. Опять же, и статья и портрет и внешность, за которой Ницше присмотрит талантливым глазом. Значит, по рукам.

На-би-рай-те. И шлите корректуру!

Посылаю Вам письмо, писанное Жоржем своей хладеющей рукой, сейчас же по возвращению из госпиталя.[1114] Из него Вам станет ясно, что он тогда решил презреть золото и серебро — в Вашу честь и, только написав письмо, спохватился и засомневался. Но сейчас и сомнений нет. Не осталось их.

Н. Н. Берберова пишет, что «от этого» Вам «никакой обиды не будет», да, но Жоржу была бы большая — т<ак> ч<то> все устраивается к лучшему, хоть в этом.

Жорж все еще лежит и улучшения пока никакого. Я так устала, что просто не понимаю, как еще дышу. И чем это все кончится? Конечно, смертью, но до смерти?

Нет ли каких сплетен и слухов для развлечения Жоржа? И напишите мне, пожалуйста, что бы Вы предприняли для спасения Жоржа — на моем месте.

Я только схожу с ума от бессилия ему помочь — этого, конечно, мало.

По-со-ве-туй-те.

Желаю Вам и О<льге> А<ндреевне> всяческих благополучий.

И. Одоевцева.

160. Роман Гуль - Георгию Иванову. 30 марта 1958. Нью-Йорк.

30 марта 1958

Итак, «бедный больной старик», вот Вам ответ от резвого юноши. Ответ стремителен и прям. Во-первых, весь инцидент с Цапайте Олухи Побольше Эквивалентов — исперчен. Я звонил Юрасову, его не застал, звонил Берберовой и сказал ей, что от Вас пришло письмо, Вы издаетесь в Н. Ж. И типографии уже отдан приказ — на-би-рать! Перед набором (сегодня) я все же заеду к типографщику (я с ним оч<ень> хорош) и поговорю о всяких мелочах, чтобы не было потом никаких осложнений. Для набора им надо знать, как они будут ставить стихи (на одной ли странице, или нет). Я хочу сделать так, чтобы там, где на одной надо — должно быть на одной, но там, где стихи короткие (восьмистишия, напр.), можно ставить и два стиха на одной. Одним словом, предоставьте мне, я в пределах возможного, сделаю все как для себя. Я типографское дело люблю, знаю, и у меня не очень плохой вкус. В частности, технически я преобразовал Н. Ж. (помните, прежние номера были совершенно американские, как кирпичи, без всякой тщательности к виду книги, к ее лицу). Страдаю (и М. М. тоже), что нам закон изуродовал обложку Добужинского, заставив на обложке дать и английское название (без этого нельзя рассылать по удешевленному тарифу, увы!). Но, в частности, мне обложка Добужинского — не оч<ень> по душе. Это все-таки летошный снег, эти ампиры нам сегодня не к лицу. Я бы сделал — проще, суше, современней. Но — со вкусом.

Теперь о делах. Стихо присланное я вставлю на место. Но Вы когда-то писали, что надо дать еще последний из Н. Ж. и одно из «Опытов»? Укажите точно, какие (из посл<еднего> Н. Ж. и из послед<них> «Опытов»?[1115] Дайте для точности заглавия, заглавные строчки).

Далее. Я забыл Вам написать о самом главном. Если б я не был такой дурак, то и о ЦОПЭ нечего было бы разговаривать. Ведь мы Вам не только пришлем 100 экз. Вашего сборника. Ведь мы же не с коммерческими целями издаем Вас. Весь тираж — 500 экз. — это *Ваша* собственность будет, а не наша. Все, что мы тут будем продавать, это — Вам, а не нам. Ведь вот как вопрос стоит. Так что 200 дол. (а м. б., 100) цопелкиных все равно к Вам придут. Ведь купят же тут, ну, пусть скажем 50 человек (примерно по 3

дол.) — вот Вам 150 дол. А некоторые будут давать и больше (богатые). Так что теперь я, сообразив все это, понял, что Цапайте Олухи — это было просто наваждение какое-то... Берб<еровой> я сказал сейчас по телефону, что инцидент исперчен, на что она ответила, «ах, как я рада за Иванова, как это хорошо, это просто прекрасно...». Отойди от зла и сотворишь благо. Но надо прощать всех, мой дорогой друг, надо любить всех (даже если у Вас болят зубы, как у В. В. Розанова), Бог с ними, некоторые ведь не могут удержаться хоть от к<акой>-н<ибудь> «интрижки поперек»... Так устроены.

Далее. Я очень тронут Вашими заботами о книге. Оказывается, Вы это любите, оказывается, Вам вовсе не наплевать как и кто напечатает, оказывается, Вы хотите и бумагу — такую-то, и шрифт — такой-то и вообще — любите это. Ну, слава Богу, что Вы хоть это любите и не хотите сжевать это, как «вчерашний пирожок».[1116] Прекрасно. Образцы бумаги и обложки я Вам пришлю. Надо будет, конечно, учитывать, что обложка в две краски, портрет и все пр. это будет удорожать, но я думаю, что я сговорюсь с Раузеном, ибо мы хороши и Н. Ж. их часто поддерживает. Размер я дал, как книжка Смоленского,[1117] это будет неплохо.

Должен еще, кстати, сказать, что Ваше письмо пришло в самую пору. Раузен мне звонил позавчера и спросил, как с Ивановым? Я ответил — подождите. Он мне отвечает, имейте в виду, что мы сейчас будем страшно завалены (скоро) и если не сейчас, то книжку придется отложить вглубь лета. Видите, все вышло хорошо. И думаю, что все и будет хорошо.

Жалею, что статьи Адамовича не могу Вам послать, ибо у меня ничего нет на руках, да и ни к чему, ибо книжка уже отпечатана и у переплетчика. Так что скоро получите книжку. Но грустно, что Вы раньше не написали об оттисках. М. б., в типографии остались к<акие>-н<ибудь> листы, но не думаю. Свою статью я в былые времена сделал себе (10 оттисков), кое-кому посылал. У меня еще есть, если хотите» я пришлю Вам несколько.

Если Вы о Смоленском все-таки напишете, то напишите к июньской книге. Но условие такое — мы должны получить в течение апреля. Это крайний срок. Я Вам дам совет — попросите политического автора, он пишет оч<ень> быстро, а Вы царственно просмотрите, кое-что вонзите, чтоб был виден Ваш почерк — и дадите. Я, например, уверен, что о «Коне Рыжем» писал политический автор. Я сразу сказал жене — это «в четыре руки», но основные руки — ручки политического автора. Вуаля, какой я духовидец Сведенборг.[1118]

О стихо полит, автора я уже писал. Стихом этим и я пленен до крайности. Но, увы, — пустим в июне. М. б., Ир. Вл. даст и еще ч<то>-н<ибудь> к июню.

Теперь моя задача — гнать Вашу книгу. Постараюсь это сделать. Корректуру Вам пришлю, конечно, в гранках во всяком случае. В верстке будет много труднее, ибо тут все рассчитано на скорость. И это будет вряд ли выполнимо. Но не бойтесь, если Вы прочтете гранки, все будет прекраственно.

Статью свою я *уже* сократил (до Вашего письма) и, представьте, выбросил именно те места, о кот<орых> Вы пишете — уб<рать>-уб<рать>, и про Руже де Лиля (и Ходасевича), а не про Леконта де Лилля, как Вы пишете, мой друг. Статью я дам набрать петитом-курсивом (эдаким италиком, маленьким, как иногда посвящения к стихам у нас делаются (не всегда)), она займет мало места и будет красиво в смысле техническом. Статью в гранках тоже, конечно, Вам пришлю. Опечаток там я не заметил; м. б., Вы заметите их. Теперь скажу Вам совершенно чистосердечно и искренно — все-таки моя статья о Вас — лучшая — из всех, которые я о Вас знаю: Зинаида, Марков, Адамович. Она как-то удалась — «вглубь», в сущность дела. И Марков пошел все-таки за ней (хоть и с своими бранделясами, без которых он, увы, не может), и Адамович, на мой взгляд, пошел тоже по ее руслу — хоть, конечно, написал по-своему. Но вот и Вы увидите, что Ницше, Фридрих, был все-таки не фунт изюму и был хоть чудовищно ленив (и писал поэтому оч<ень> мало, он больше любил жизнь, флору и фауну), но когда садился, то это было довольно дельно. Шестов — Апельсинцев — Мамченко — это я уже все забыл... все это говно, дорогой Вагнер, и не дай Бог этим жить... Пусть Апельсинцев живет. Поэму низости Яновского я прочел с истинным наслаждением, как человеческий документ, как потаенный документ, но, Боже мой, как же он неумен, как он Вас обоих «подкупает» (но глупо, ибо сразу же видно, что хочет обмануть: Вы напишите, а я Вас обману, дурак он психопатологический). Я уж писал Ир. Вл., что просто поражен, как Вы могли подумать, что я что-то читаю этой дубине и мерзавцу. Да я его не вижу и видеть не могу. Но я понял все-таки, «где собака зарыта», — он общается с Ниной — отсюда и идет вся сентенция о невозможности моей статьи в Вашем сборнике, отсюда и «чтение писем иногда». Вот моя догадка. Хотя как-то на днях, звоня мне по делу, Нина и сказала, что даже она перестала общаться с ним — ибо «это невыносимо» — (но, стало быть, общалась? стало быть!). У нас, как у следователя, ни один Раскольников не вывернется... Ну, вот, кончаю. Хочу, чтоб Вы были здоровы, благополучны. Хочу скорей пустить Вашу книжку в

оборот и чтоб Вы что [1119]

161. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 2 апреля 1958. Йер.

2-го апреля 1958

Дорогой Роман Борисович,

Ваш бодрячек был встречен нами с обоюдным удовлетворением и даже энтузиазмом. А «что крику было», как заявлял какой-то Отелло после удушения Дездемоны.

Но теперь все отлично — тишь и благодать, а о Берберихе и вспоминать не будем. Ее «интрижка поперек» испортила мне много крови — замечанием вскользь: «в Нов. Журнале ничего не вышло, по их вине». Сказать это Жоржу я не решилась и чувствовала себя премерзко — ведь Жорж в это время лежал в госпитале.

Вашему вкусу он вполне доверяет и опыту тоже. У меня все-таки мелькнула маленькая мысль — хорошо бы на примерно 50 экземплярах поставить № и тем самым без лишних затрат, а просто вложив в них страничку с написанным Жоржем — от руки — стихо,* превратить обыкновенную книгу в библиофильски-люксовую, что благотворно отзовется на ее цене. И конечно, Вы сто <раз> правы — Ваше издание, не говоря уже о всем прочем, принесет долларов не меньше, чем Цапай.[1120] Тут, между прочим, не могу не обратить Вашего внимания на высокую незаинтересованность Жоржа, отрекшегося от предполагаемых благ Цапай, не зная еще, что Вы совмещаете идеально любовь с приданым.

Дальше по пунктам — о Смоленском пусть лучше кто другой — если можно. Этот самый гусь распустил о нас сплетню, что мы собираемся... в Москву, Москву, Москву [1121] и поручили хлопотать о столь щекотливом дельце Апельсинцева — через Эренбурга, который с Апельсинцевым даже и не знаком. Правда, весь этот вздор родился из пьяного спора Смоленского с Апельсинцевым, в чем последний нам и покаялся. Когда Ясперсов, Шестовых, Бердяевых [1122] ему не хватило в его философско-идеологических доказательствах, он, как утопающий, схватился за соломинку — «Они (т. е. мы) разделяют мои взгляды!», откуда и вся последующая постройка. Смоленский, успев протрезвиться, побежал в «Русск<ую> мысль» с сенсационным известием — «Едут! Едут все трое! В Москву!». Правда, Водов не так наивен, чтобы поверить, но все же, в особенности с болезнью Жоржа, эта история его сильно

взволновала и обозлила.[1123] Я по дружбе, потому что Вы, духовидец Сведенборг, правильно поняли, что этим займусь я, собиралась даже покривить сердцем, «польсти, польсти Луиза!» [1124] — ведь все-таки хоть стиха — множественное от стихо, так, если не ошибаюсь? — и не стоят восторгов, я помню, что «ни один человек не достоин похвал, каждый человек достоин жалости» [1125] — особенно поэт. Вот я и собиралась, пожалев, похвалить, и даже пышно. Но сейчас что-то не хочется. И даже очень.

Теперь о Вашей статье, т. е. о Вас. Вам-то кажется — «я по ушам узнал его тотчас»,[1126] а я в ней показала только кончик ушка. Остальное — Жорж, саморучно.[1127] Зато ответ Рыжему Мерзавцу писала я — без всякого участия, кроме одобрения, со стороны Жоржа. И была мне наградой Ваша похвала. Кстати, раз уж на откровенность — статья о Мандельштаме тоже писалась в две руки. И — держитесь, сэр, — в стихах Жоржа не мало моего куде мэн'а* — многие из них тоже писаны в две руки. Вернее, пишутся Жоржем и даются мне для заканчивания. Но это — гробовая тайна, которую я доверяю Вам, как признанья знак.

Дальше — о Яновском. Я Вам не сообщила еще о моем ответе ему — оцените. Начав с благодарности за лекарство, вместо рецепта, я обещала «попросить Гуля заплатить Вам за него и за пересылку из гонорара за мои стихи в следующем № Нов. Жур.». Конечно, платить не надо, покройте хвостом. И дальше объяснила, что Вы наш общий с Жоржем друг и посвящение Вам от сердечной дружбы, а не от подхалимажа, что он, наверно, забыл, какие мы и что, по-моему, Адамович его расхвалил за «Челюсть» и даже навлек на себя «упреки читателей», поставив имя Яновского рядом с Сириным.[1128] Пожелав ему всего хорошего и не передав привета от Жоржа, я поставила точку на нашей переписке.

Думаю, что он нас теперь ругает, но я предпочитаю быть в хорошей компании в ругани, чем превозноситься с Берберовой.

О дальнейшем напишет уже Жорж, когда хоть немного поправится. Сейчас он, увы, еще очень слаб. Но об этом не стоит.

Посылаю Вам еще одно стихо, навеянное, но Вы и сами поймете, что, зачем и почему.

Желаю Вам и Ольге Андреевне веселой Пасхи и вообще всяческого веселья и приятности.

Ваша *И. О.*

* Ваше, Ваше и никто на «стихо» покуситься не смеет.

<Приписка рукой Г. И.:>

Обнимаю Вас, дорогой Р. Б., и очень благодарю за все. Очень.

Поцелуйте ручки Ольге Андреевне (по слабости ума — едва не прибавил «от нас обоих». «<Разжижь?> Ум», [1129] был такой орган печати в былое время. Вот бы мне теперь в редакторы.

*Coup de main (*фр.)* — помощь.

162. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 12 апреля 1958. Нью-Йорк.

12 апр. 1958

Дорогие коллеги, получил Ваши письма, хочу ответить. Прежде всего — «давайте дружить!», как сказал Василий Великий. [1130] Вот сволочь. Как вспомню, так рвать тянет... Но не об этом же я буду Вам писать, ум Готтес Виллен!* О книге и только о книге. Она набирается уже. Но есть всякие «невыясненные» места. Во-первых, я снова перечитал весь ее текст. Боги! Какой манускрипт Вы прислали... поэтический... ужас... Ну, ладно, это уже в прошлом, с него набирают. Я добавил (тайно от типографщика) — стихо из «Опытов» про пирожок, и последние пять стихо (не склоняется!) из Н. Ж. Но Вы, дорогой коллега (это Г. В.) пишете — «Поговори со мной о пустяках» со стр. 21 «Портр<ета> без сходства». Легко сказать, у меня сей прелестной книжки ведь нет (Вагнер мне ее не присылал, т. е. Вагнер-то прислал, но Ницше ему ее вернул, и Вагнер ее разорвал на куски), не ехать же мне в библиотеку списывать — на это времен нет никаких, и потому этого стихо (не склоняется!) нет, и не знаю, будет ли. [1131] Далее. Вступительную статью я сократил еще (Ваш совет был совершенно правилен, я опустил стихи-цитаты, те, кот<орые> есть в сборнике, и оставил почти только те, которых в сборн<ике> нет, — «Хорошо, что нет Царя» — «О, посуди сама» [1132] и прочее, дабы читатель мог оценить и былые роскоши, а не только сегодняшние). Кроме того, еще кое-что пропустил в статье (из прозы). Так что сжимаем как можем и будем жмать дальше. Терентьевой посвящ<ение> вставил, но с болью в сердце заменил черемуху.[1133] Почему? Ведь это прекрасное стихо? Я, конечно, понимаю, почему и отчего, но, по-моему, это зря... это зря... Но дело — хозяйское. Дальше насчет бумаги вержэ — кажется, не выйдет, ибо типографщик говорит, что это здесь дорого и не войдет в смету, но он даст образцов шесть и Вы выберете. Я попрошу дать их поскорее. Я попрошу его также отпечатать на пробу с двух сторон (чтобы не пробивались стихи — сквозь страницу). Обложку тоже пришлю, образцы. Издание «Нового Журнала», конечно. Мы сейчас выпустили письма Герцена, вот с кем Вы будете в паре, с Александром Ивановичем... (это из Н. Ж., что печаталось). [1134] Насчет нумерованных экземпляров я, м. б., уломаю типо (это также как

стихо — типография). Поговорю, а Жорж напишет от руки — но прекрасно напишет стр. — Цап. Ол. Поб. Экв.[1135] — умолкли, это была, как я думаю теперь, просто брехня, выражаясь светски. Н. Ж. вышел и на днях к Вам отправляется, в нем есть — о, неожиданность для Вас! — статья Адамовича об Иванове. Хорошая. От Смоленского Вас освобождаем. М. М., кажется, хочет попросить рыжего мерзавца написать, не знаю. Насчет всякой «липы» и «легенды» о том, что Вы, как три сестры, поехали в Москву, думаю, надо просто оставить без разбирательства. Просто оттого, что «легенда» неумна. Кстати, прочел «разоблачения любви» Зин<аиды> Ник<олаевны> и Фил<ософова>[1136] с комментариями Злобина [1137](во втором «Возр<ождении>»[1138]). Это, конечно, интересно, как всякое интересное чужое письмо, как всякая интимность, не выпускаемая на улицу, но Злобин-то все-таки настоящий лакей, укравший барскую переписку и «трахнувший» ее за три рубля в печать. Смердяков, укравший переписку Мити и Грушеньки,[1139]так, к примеру, что ли скажем. Но до чего же неаппетитны они оба физиологически и... психологически (конечно, надо сделать поправку на время, на «эпоху», но все-таки — никак им не позавидуешь... упаси Господи... пронеси, Господи...).

Теперь два слова к Вам, Ирина Владимировна, — совершенно секретно и совершенно интимно. Что Вы доверили мне тайну некоторого «заканчивания» некоторых стихов Жоржа — я страшно польщен и никому — ни-гу-гу, не дай Бог! Но хочу (не могу удержаться) Вас шепотком спросить, ну, а он, Джорджио, тоже, поди, Вам заканчивает что-нибудь... ой, давно я уж чувствую во всем четвероручье. И это очень хорошо. Это просто даже чудно, и это даже через сто лет — тема для аспирантской диссертации — праправнукам Струве и Филиппова — будьте любезны, найдите всякие такие интонации, ямбические и нет, хореические и нет... пожалуйста, а мы с того света поглядим вместе с Романом Гулем (я надеюсь, что мы с Вами будем в одном купэ на том свете ехать — иль Ваше будет очень страшным? Все равно — я за интерес, за остроумие, как говаривал Федор Павлович[1140])... И уже совсем кончая письмо (это не как стихо, это склоняется куда угодно и как угодно) — Ваше стихо присланное я очень оценил, восхитительное стихо и вместе с Хлебниковым [1141] они украсят наш журнал в июне (книга делается). Да, книгу не обрезать для типографии лучше, чем обрезать, им выгоднее, а для нас роскошнее. Да, насчет портрета очень бы хотелось, но, боюсь, как бы не взвихрился типографщик — начнет орать, что надо доплачивать (он будет прав, конечно!), но давайте сделаем так: если это для Вас не оч<ень> обременительно (финансово), то

пришлите — а я сделаю ту мон посибль.** Ну, вот все, кончаю.

Цалую ручки Ирины Владимировны который раз подряд [1142] и крепко жму Вашу стихо-руку!

Ваш *<Роман Гуль>*

* Urn Gottes willen! (нем.) — ради Бога!

** Tout moil possible (фр.) — что в моих возможностях.

163. Георгий Иванов - Роману Гулю. Середина апреля 1958>. Йер.

<Середина апреля 1958>

Дорогой Коллега,

Не требуйте песен, их нет у меня — госпиталь меня доконал все-таки и покойницким «амбиенсом» и тем, что со мной там проделывали, пытаясь доискаться, от чего собственно я, в цвете лет, дохну на корню. Не доискали<сь> ни до чего — утешительного, узнал только, послушав, как доктор, считающийся светилом, толстым тыча пальцем в меня, объяснял интерну[1143] — cause perdue*, как вроде в Цехе поэтов Гумилев указывал молодняку — «удачная метафора» или «славная рифма». Не буду распространяться, но, сами понимаете. Мой главный шанс — попасть в Париж на осмотр настоящим светилом. А, если даже это и удастся осуществить (деньги), то где гарантия, что светило <не> окажется Терапианцем, заслужившим репутацию долголетним лизаньем жопы, или известным специалистом a la рыжий мерзавец? Когда я был молод и прекрасен, меня среди многих приятных людей, любил и баловал дружбой проф. Карпинский[1144], лейб-медик Карпинский — тот самый, у Розанова: «Зачем не позвал Карпинского?» [1145] И как-то образно объяснил мне: «Доктора, медицина, наука… Но вот Вы, юноша, пишете и вертитесь в литературе. Кругом писатели с именами, их сотни, даже тысячи — издают книги, учат писать, учат жить… Если всмотреться, есть Лев Толстой, дикий феномен, ну есть какой-нибудь Блок, говорят, талант (в декадентах не разбираюсь, но допустим). Допустим, есть еще пяток или десяток чего-то стоющие – остальные дурачье, бездарности, самодовольные ослы. Точно то же и в медицине, с той разницей, что прочтете вы сто дурацких книг или статей и, если в вас „есть кость", отряхнетесь и пойдете своей дорогой дальше, а лечась у Леонида Андреева (жупел Карпинского) от науки, Вы доверяете свою жизнь пройдохе рекламисту».

Ну passons**. Язык мой — враг мой. Перо не держу в руках, а сяду и давай чесать языком. Без шуток. Ваше письмо требует ответа и срочного. Поэтому в целях самогигиены перехожу круто к конкретным <ответам> по пунктам.

Прилагаю стихо «Поговори со мной о пустяках». Очень прошу вставить в число тех — в конце книги — которые посвящены И. О.

Ссылка в рукописи значила — перенести в надлежащее место с соответствующей страницы «Портрета без сходства» в том отделе книги, который озаглавлен «Портрет без сходства», т. е. первом. Он был послан без наклейки на листики и если типограф (или Вы!) не постави<ли> страниц экземпляра «Портрета без сходства», то оно находится где было, т. е. в первой части. Если же оно исчезло, то не иначе, как вместе с каким-то еще стихо, напечатанным вместе и на другой стороне. Другого экземпляра у меня нет и не было. Я только не мог рвать на куски зря и перенес одно стихотворение. См. такую-то страницу из «Портрета» — в конце. Весьма боюсь, что еще (кроме дорогого мне «Поговори…») какие-нибудь важные стихо могли таким образом затеряться. Нельзя ли, очень прошу (хотя бы ценя внешность) срочно прислать гранки, а то получится Бог знает что. Я не мог не послать это стихотворение, и иначе как в Нью-Йорке оно не могло исчезнуть.

Мне самому интересно рассказать Вам о нашей общей поэт<ической> кухне с пол<итическим> автором, но не имею физической силы. Отложу до следующего письма. Образец карточки с меня сняли на дому — трудно передвигаться. Что получилось — увидите. Через два-три дня пришлю par avion.

Спасибо, что вставили «Пирожок»[1146] и 5 <стихотворений> из Н. Ж. Об этом я и просил в сопров<ождающем> рукопись письме. Если хотите, верните «Черемуху»[1147] обратно, вместо «Воздуха Тюрьмы»[1148]. Верю Вашему вкусу. Я не читал «Возрождения» — его за несотрудничество перестали нам высылать. Злобин и есть (хотя его новые стихи, по-моему, очень и очень недурны) хам и лакей. «Так его задумал Бог», и ничего не поделаешь. Но стихи его теперь каким-то чудом стали хороши. Загадка. 1/4 века он бездарно обгладывал ту же Зинаиду, и вот откуда-то что-то из него посыпалось. Редко кто кого так попирал и унижал, и публично, и в интимной жизни, как Зинаида Злобина. Если желаете, то могу и пояснить в «частном порядке для будущего историка», как это происходило. Думаю, что, публикуя ее письма и письма о ней, он руководится слепым чувством бывшего собачьего подобострастия и любви-ненависти, с возрастающей долей последней. Он уничтожил множество ее писаний из этих чувств. Он вроде как пыткой умирающей добился от нее усыновления и наследства — «подпиши, а то не дам есть», в таком роде. Усыновить и сделать наследником она хотела Мамченку. Ну, расскажу потом, если хотите.

Видите, во что превратился мой почерк, как он не был ужасен прежде. Я записал целое новое стихо и не могу прочесть, и политический автор ни строчки не мог разобрать. Так его и

выбросили. Факт. Это я очень стараюсь писать каллиграфически — таковы, кстати, цели, одним словом.

Сделайте мне одолжение — при встрече с Вишняком — спросите как-нибудь келейно, не для меня, а будто бы Вас интересует упомянутый в его книге Н. В. Макеев[1149] — какую роль в партии с. р. Макеев играл и *играл ли вообще* . Т. е. в России. Был ли он, в частности, членом Учред<ительного> собрания и заменял ли он когда-либо князя Львова[1150]. Обяжете этой справкой.

Очень (Вы все не верите) меня радует, что будет Ваша статья перед моими стихами. Конечно (твержу который раз), это лучшее, что обо мне написано. И м. б., всегда таким останется. Вот замеченные «опечатки» или «описки»:

стр. 117 . не хочу засохнуть (вм. иссохнуть)[1151].

стр. 118. начинает влиять… Одарченко (уберите, если можно, этого Одарченко[1152], да и начинал я давно «влиять» и на лучшее, чем на это говно).

стр. 121 Печерин (не Печорин)[1153].

стр. 123 Столь же *двоедушно* ? Не то слово, очевидно[1154].

стр.125 Не обманывают только сын (Не обманывают только сны)[1155]

выше (вроде черногорской или латинской народной мудрости)

Ну, на той же странице… «последняя конкретная нота…» Поставьте просто «самоубийство» и дело с концом.

Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец. [1156]

Да стр. 112. Не для себя! — мне безразлично — опустим жевуана Бунина. Ведь Вам, так же как и мне, более менее ясно, что Бунин поэт - тот же Голенищев-Кутузов[1157] нашего детства, и это факт, и никакого особого мнения не может об этих сухих <холощеных?> дровах быть, кроме говно. Повторяю — мне все равно, но «высший тон» статьи портит сей реверанс на могиле сановника.

Мы, конечно, будем «в одном купе». Ощущаю так, что это уже есть. Только не купе это, а катер, этакий легкий, легкий, и летим мы все «избранники» знаете куда? [1158] В этом духе я дряхлеющей рукой делаю непрерывные заметки и, если очухаюсь, страстно хочу написать книгу и издать, если удастся <нрзб.> — разве на ротаторе. Этакий «Новый Бобок», как была «Новая Элоиза» или

«Новый Ролла»[1159]. В замыслах давно получается, сам считаю.

Ответьте мне сразу, а то беспокоюсь, кроме прочего, <не провороним?> ли утра и стихов и т. д. Когда же, Вы думаете, выйдет книга? Спасибо за все. Да будем дружить! Кому же, как не нам с Вами, и не дружить? Для сведения. Вчера политическому автору не спалось, а я все читал «Скифа», прежде чем заснуть, но начал, с наслаждением стал читать изнутри, с конца, снова с начала — не прочтенное и т. д. В результате не дочитал, а выбыл из сна, и беседа о Вас, затянулась далеко за полночь.

<Рукой Одоевцевой:>

И. О.

Поговори со мной о пустяках,
О вечности поговори со мною,
Пусть, как ребенок, на твоих руках
Лежат цветы, рожденные весною.

Так беззаботна ты и так грустна,
Как музыка ты можешь все простить.
Ты так же беззаботна, как весна,
И, как весна, не можешь не грустить.

Сами понимаете, что и мне — беззаботной и грустной - жаль, если это стихо пропадет[1160]. Я тут «как живая».

Теперь вопрос о моем старичке. Как на Ваш вкус – у меня было – А рядом *енчит* старичок. Но Жоржу «енчит» не нравится. Вот я и переделала на *стонет* . Как лучше по-вашему?

Очень, очень прошу корректуру. Верну в тот же день. Еще кланяюсь низко.

И.О.

*Безнадежное дело (фр.).

**Не стоит говорить об этом, оставим (фр.).

164. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 18 апреля 1958. Йер.

18-го апреля 1958
Beau-Sejour
Hyeres. (Var.)

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю Вам фотографии Жоржа — по моему, в кресле недурна.[1161] И какая важность в позе и на лице — сейчас видно, что Вагнер, достойный хвалебной статьи Ницше.

Как видите, не щадим расходов, только бы Вам, Ницше, угодить.

Но за это и у меня к Вам просьба уже не вагнерианская, а личная.

Будьте ангелом, попросите переписать *нее мои стихи,* напечатанные в Новом Журнале, Вашу дактило-машинистку — он-она, растерянность, сомнение! Но дело не в местоимении, а в моих стихах на «пишмаше». Очень нужны. Очень. Не помню их — «Память, ты слабее год от года»,[1162] ломаю голову, вспоминая старые стихи — и не могу вспомнить. А есть возможность пристроить их.[1163] Да, представьте себе — и у меня. Не в Новом Журнале с хвалебной статьей Ницше — где уже нам! Но все же...

И потому, у-мо-ляю, шлите поскорее. Спешно. Без замедленья, в тот же час...[1164] Жду, очень жду — по-Симоновски.[1165]

У нас все то же, то же, что и прежде, т. е. все по-прежнему плохо, Жорж болен и, чтобы от него не отставать — чем я хуже? — я тоже заболела.

Весело, что и говорить, «здесь у моря южного, лазурного». Не желаю Вам такого развлечения. Не-же-лаю.

Жорж шлет привет и «книги того же автора»,[1166] а я привет и всяческие добрые пожелания Вам и Ольге Андреевне. Особенно, здоровья.

Пожалуйста, кланяйтесь от меня Вишняку за коряковскую Дуньку, меня когда-то глубоко возмутившую. Дуньку с целлулойдовой *брошкой,* которую Коряков возвращал насильно на родину - и хвастался этим, [1167] как и любовью к католикам. Хорошо, что Вишняк, хотя и по личному поводу, но все же отделал этого негодяя [1168] - рыжего или нет?

Ваша
Ирина Одоевцева

Вагнер размахнулся и подписался 1988 год [1169] - что делать? Прислать новую карточку? Рука, видите, четырехпалая на карточке. [1170] Я посоветовала поставить <дату> - но Вагнер и этого не сумел.

Жорж благодарит за письмо и ждет продолжения о делах, чтобы, собравшись с силами, ответить исчерпывающе.

165. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 21 апреля 1958. Нью-Йорк.

21 апр. 1958

Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович, пишу вечером, устал, только два слова. Сначала — разговор с Ир. Вл. Стихо выправлено, оно *явно* засияло и ушло в набор (оба). Насчет старичка я, конечно, за «енчит». В первый раз слышу, но именно это-то и прекрасно. И чудное слово, я его уже ввел в свой разговорный оборот с женой. У Вас его тут же украдут все, но «копирайт» будет за Вами. А «стонет», ну, кто не «стонет». Я не исправлял, но оч<ень> Вам рекомендую. Не думал, что Г. В. такой «пурист» и нерешительный творяга. Нет, это чудно — «енчит»! Очень приветствую! Корректуру пришлю, ибо и Вы и Джорджио, хоть и доставляете мне всякие амердеманы* с типографией Вашими исправлениями, но они всегда (исправления) мастерские, и я им всегда радуюсь.

Теперь разговор с Г. В. Накоротке. Стихо «Поговори» послал в набор, хотя оно на мой вкус не оч<ень> бешеное. Вот черемуха была хороша, а Вы опять испугались. Да не бойтесь Вы, страшнее — лучше, уверяю Вас. Кн. 52 ушла уже к Вам. Из своей статьи я давно уже выкинул Бунина [1171] (и с удовольствием, ибо это были необходимые реверансы, выкинул и многое другое. Одарченко не выкинул, не надо, по-моему. Он иногда бывает оч<ень> мил — инфантильно мил. В частности, никогда его в жизни не видал и не знаю, что это за зверь? На этой неделе все Ваши стихи будут набраны и я тут же Вам их вышлю (и статью тоже, конечно). Прочтите тщательно. Первую часть я уже читал, ошибок оч<ень> мало, но были пропуски. Но Вы своим хозяйским глазом уж все увидите. Верстку не смогу, вероятно, послать, ибо тут ведь американские темпы, а образцы бумаги и обложки пошлю. Сверстаю сам. Все должно войти в 112 стр. (и посвящ<ение>, и оглавл<ение>, и статья; книги того же автора, если Вы пришлете, можно напечатать, если надо будет экономить место, на обложке — сзади). Книжка будет хорошая. Я хочу объявить (для Вас) предварительную подписку в «Н<овое> р<усское> с<лово>» и в «Р<усскую> м<ысль>». Тут я думаю назначить - 2 дол. 50 ц. А в Париже - напишите, как думаете — 400 фр. - 500 фр. — 600 фр.? Как получу от Вас, так пошлю заметки в обе эти газетины. Что моя статья о Вас лучшая —

думаю, Вы правы. После сокращения она не ухудшилась, а даже как бы засияла. О Злобине и трупе Зины расскажите. Но удивляюсь, что Вы цените его стихи. Были несколько хороших, но оч<ень> похожих на Зинины, и я, грешник, думал, что это, вероятно, были отложены к<акие>- н<ибудь> оставшиеся незаконченными или ч<то>-н<ибудь> в этом роде. А потом — слабо, оч<ень> водянисто, мы многого не взяли даже. Не обессудьте, что кончаю, оч<ень> устал. К тому же у нас были неприятности, и мы оба от них немножко устали. Олечке делали операцию — была небольшая опухоль в груди. Хирург (оч<ень> хороший, ферст класс!) предполагал, что не злокачественная, но на всякий случай наркоз был — большой и на возможность большой операции. Все оказалось, слава Богу, хорошо, опухоль была доброкачественная и грудь не вырезали. Но и такая операция ее здорово утомила (у нее высокое давление давно и с сердцем слабости, так что все надо было делать оч<ень> аккуратно). Но, слава Богу, обошлось. Она уже дома. И мы уже выходили даже гулять. И все — ол ис копесетик** (это американский слэнг — все, мол, в порядке).

Ну, конец, ждите продолжения уже с стихами. Когда читал Ваши стихи в наборе — оч<ень> здорово получается. И хоть мы скоро, наверное, поедем или поплывем на легком катере — но оч<ень> приятно, что выходит книга, хорошая будет. Надо бы послать ее Пастернаку, в главные журналы [1172] — пусть, собаки, читают! Ну, конец и Богу слава!

Ваш друг
<Роман Гуль>

* Emmerdements *(фр., груб.)* — неприятности.

** All is copacetic, также copecetic, copasetic *(англ.)* — слэнговый вариант выражений fine, completely satisfactory.

166. Георгий Иванов - Роману Гулю. <Конец апреля 1958>. Йер.

<Конец апреля 1958>

Дорогой Роман Борисович,

Сейчас пришла 1/2 корректуры. Спешу ответить, чтобы предупредить возможные недоразумения.

Прошу Вас быть ангелом и прочесть внимательно делаемые здесь замечания: очень опасаюсь ерунды со стороны типографии — все они одинаковы, если за ними за каждым шагом не следить.

1) В книге — 3 части. Первая: «Портрет без сходства». 2-ая — «Rayon de Rayonne». III-ья — «Дневник». В корректуре стоит один «Rayon de Rayonne». Я отправлял корректуру, опять это напишу где надо, но, пожалуйста, присмотрите, чтобы было разделено и помечены правильно гранки. 7—8 стихо, «Как туман на рассвете» и «Поговори со мной о пустяках» — перенести в самый конец III-й части, т. е. самой книги и вставить оба в число посвященных И. О. Очень прошу.

Стихо из 5 штук предпоследнего «Н<ового> Ж<урнала>» и «Зима идет своим порядком» вставьте на свой взгляд: как хотите, в ту же третью часть.

Кончил «Rayon de Rayonne», в гранках начинается чепуха. «Кенгуру» из насмешливого «Rayon de Rayonne» залезла, т. е. поставлена, между двумя первыми серьезными стихами «Торжественно кончается весна» и «Калитка закрылась со скрипом» — открывающими III-ью часть. Приглядите за этим, а то получится чепуха[1173]. Вообще теряюсь, как быть. Думаю, что без расклейки наново не могу обойтись. Были бы Вы другом и прислали бы мне на 24 часа верстку, а то голова идет кругом. Это не авторский каприз, а просто отчаянное положение. Или укажите, как отметить порядок стихов. Боюсь путаницы. Пишу целое сочинение. Но боюсь, что Вы, дорогой Ницше, не особенно разбираете мой почерк или не обращаете внимания – в Вашей гениальной статье я кропотливо выписал в прошлый раз разные мелочи вроде «засох», а не «иссох» Ходасевич [1174](это же мой текст), и Печерин вместо ужасного Печорина – а Вы исправили только одно «не обманывает сын».

Вы написали обо мне чудную статью, Вы же устроили это издание! Будьте другом до конца, не допустите, чтобы в книге произошла искажающая ее галиматья. Приглядите сами как

следует, и дайте мне возможность хоть чутку пригладить — так или иначе. «Книги того же автора» я должен перечиркать, оставив только изданные заграницей. Содержание, а не Оглавление: не забудьте, что текст его не был приложен.

Прилагаю макет обложки и приблизительную величину и расположение шрифта. Посвящение всей книги Ирине Одоевцевой, я думаю, крупным курсивом.

Ох, сразу надорвался старик писать внятно и четко — но, боюсь, разберете ли. Годится ли фотография? Прилагаю еще одну. Лицо расплывчато, но лучше нет. Хотел бы, конечно. Да, очень важно: тискать стихи по двое это одно, а переносить со страницы на страницу другое. Не хотелось бы этого, если удастся.

Целую ручки Ольге Андреевне. Очень понимаю Вас и пережи<ваю> за Вас все.

Жму руку

Ваш Жоржа.

О Зл<обине> и Зин<аиде> и статье и пр. до другого раза.

167. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 28 апреля 1958. Йер.

28-го апреля 1958

Дорогой Роман Борисович,

Примите мое взволнованное сочувствие, слава Богу, запоздалое — и огромную актуальную радость, что все обошлось благополучно.

Горячо поздравляю Вас и Ольгу Андреевну.

Я по опыту знаю, как все это тяжело и мучительно, и действительно страшно рада за Вас обоих.

Ну, вот. Больше сейчас мне и сказать нечего — разве что поблагодарить за радушный прием, оказанный Вами «енчит». А Жорж спорил! Хорошо, что я обратилась к Вашему Соломонову Суду.

Всего, всего Вам обоим наилучшего и, главное, 100%-ного здоровья.

Ваша И. О.

Как не вспомнить Ходасевического: «Был мой отец шестипалый»,[1175] любуясь четырехпалым Вагнером.[1176] А важности сколько в осанке! Жаль, что «портрет без сходства» или, вернее, «как туман на рассвете».[1177] Но нельзя ли все-таки поместить. А то читатели представляют себе этакого богодельщика — «бредет старик на рыбный рынок» [1178] — а он вон какой, хоть четырехпалый, — орел.

Он честолюбив, и фотографию ему адски хочется, хотя он это и скрывает, даже от себя.

Если пришлете мои стихи, бесконечно меня обяжете.

И. О.

168. Роман Гуль - Георгию Иванову. 3 мая 1958. Нью-Йорк.

3 мая 1958

Дорогой Георгий Владимирович, — вчера послал Вам по воздуху конец набора стихов. Письма написать не успел. Догоняю. Все только о делах и никакой козери.* Во-первых, портреты все получены, но сильно сомневаюсь, что удастся напечатать. Во-первых, типо может закинуться и потребовать добавления-платы (что будет правильно), и этого мы не осилим, пожалуй. Дальше — за две краски на обложке буду бороться, но это тоже будет, конечно, закид, ибо сие тоже не предусмотрено. Все это не так просто. Но *постараюсь*, ибо я «услужливый и обязательный», как утверждает Апельсинцев.[1179] Посмотрим. Ай уил ду май бест...** Дальше. Насчет корректуры книги не волнуйтесь, тут будет все сделано с невероятной тщательностью. Прочел я, прочла жена, прочла секретарша Н. Ж., прочтете Вы, прочтет политический автор. И снова я все просмотрю. И насчет верстки не волнуйтесь — буду делать, как для себя, ибо я все это люблю и страшно дотошный. Насчет разделов — я сразу увидел, что у Вас какая-то чепуха в манускрипте. В частности, Вы прислали манускрипт в таком первозданном виде, что я удивлен, как они с него набрали, это были какие-то отрывочки и обрывочки. И если из этого создастся книга — то тут промысел Божий будет виден довольно отчетливо. Все разделы я сделаю. Но не уверен, что их можно будет сделать на отдельных страницах. Да это и вряд ли особенно нужно. Достаточно наверху страницы, хорошим легким шрифтом с римской цифрой (внизу или рядом, а можно и без оной, но, пожалуй, лучше с цифрой, внизу раздела). Стихи я сверстаю прекрасно и, конечно, я с ума не сошел, чтобы их рвать со страницы на страницу. Нет, если будут жить два рядом — пусть живут, но без разрывов (это просто, ибо большинство стихов короткие). Если смогу прислать Вам верстку — пришлю, если нет — то нет. Постараюсь. Заглавие книги Вы переменили удачно, на мой взгляд. Вы должны в гранках расставить их в порядке следования, дабы я их так и верстал. Вы можете гранки резать, конечно, но оч<ень> прошу, будьте аккуратны и не устраивайте какого-то салата-винегрета-соус тартар, в котором трудно разбираться. Не устраивать салата-винегрета — в Ваших же интересах, ибо, когда я все с гранок буду переносить на оставшиеся у меня (для типографии), то при

салате-винегрете — могут быть сделаны ошибки, ответственность падет только и исключительно на Вас, увы. За Печерина спасибо, но «засох» у Вас в тексте, все это может быть прекрасно восстановлено. Для присыла корректуры вложил Вам межд. купоны, сколько было. Б<ыть> м<ожет>, они помогут. Корректурой не наслаждайтесь длительно, шлите стремительно, дабы все это сделать быстрей, типо ждет. Бумагу Вам пришлю (образцы), но вержэ же не дают, сволочи. Говорят — дорого. Но я выберу хорошую и заставлю на образце напечатать с двух сторон (чтобы быть уверенным, что не пробивается насквозь, что не просвечивает печать другой страницы). Повторяю, разрежьте гранки и склейте, как надо в смысле последовательности. Но не распределяйте по страницам — это ни к чему, ибо Вы не знаете размера страницы и произойдет только чепуха, затрудняющая дело. Напишите, какую цену дать в заметке для Франции — 400 — 500 — 600. Или — 1.000.000 фр<анков>. Номерные экз<емпляры> — штук 50, я думаю, мне удастся сделать. И тогда в них можно будет вклеить (это может чудно сделать жена — она же потрясающая художественная переплетчица, и одна из наших комнат обращена в переплетную, она делает это с потрясающим вкусом и чудесно, я спрашивал ее — вклеить лист — ничего не стоит, а Вы будете загонять эти экземпляры Вашим буржуям и любовницам). Ну, вот, кажется, все дела. Что статья моя чудная, Вы правы. Лучшая из всех чудных. Что издаю Вашу книжку — это тоже верно. Но — предупреждаю — не требую благодарности. Ни от Вас, ни от кого вообще в мире. Таков мой кодекс (уже давно). Наоборот, знаю, что за всякую «любезность» человек должен быть наказан. И покорно и стоически жду очередного наказания... Содержание надо будет составить, это тоже работа, Вагнер. Но даже за нее не требую благодарности — «Моргас — погас — тюремной администрации хуй в глаз — вот как у нас!» — как выразился один уголовник в тюремной камере (сие, конечно, не из литературы какой-нибудь, а прямо из мяса жизни взято). Вуаля. Вчера с женой видели «Порт де Лиля» Ренэ Клэра [1180] — первый класс! — моргас — погас... На этом заканчиваю письмо к Вам, дорогой коллега, и жду гранки назад целиком и полностью.

Дорогая Ирина Владимировна, спасибо за Ваши милые и теплые слова о здоровье жены. Все, слава Богу, — хорошо. И мы еще «поживем немножко». Спасибо, «енчит» измените в корректуре, кот<орую> пришлю все-таки. Стихи Ваши постараюсь собрать и «без благодарности» — тоже (но, конечно, и без моргас-погаса, упаси Господи!).

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

П. С. Да, совершенно забыл — Джорджио, воззвах к тебе.[1181] Я бы умолял — изменить в стихо «Насладись, пока не поздно» — «беззаботно» на второе «грациозно».[1182] Я оч<ень> люблю эти строки (очень!), но уверяю Вас, что «беззаботно» умаляет и музыкальность и внутренную тему. При чем тут «беззаботно» — «беззаботно» это внутренний образ, а тут ведь дело все в увиденной *внешности*, в увиденности — вот этой случайной грациозности и легкости — Ну, вот по улице идет шестнадцатилетняя герлс — она сумасводяще грациозна, легка — и конечно, «насладись, насладись, пока не поздно» — и по моему звуку, по моему нюху, по моему музыкальному видению — беззаботность тут совершенно не при чем. Она, напротив, может быть даже оченно озабочена и совсем не беззаботна — но грациозность, легкость, прелесть — вот ведь где собака зарыта. И если Вы не послушаете Ницше, то погубите гениальное стихо. Будьте у Верочки...

Ну, вот это все. Никак не умею написать письма в десять строк, как пишут французы. Всегда разведешь, разведешь и все ни к чему... Ну ауфвидерзеен! Ждем гранки назад. И шлем Вам пламенные приветы от нас обоих.

Вот дурак старый! Забыл было Вам написать о самом главном, для чего и сел писать. Увлекся Вашими «пунктами». Простите, что пишу не на гербовой, а на зелененькой. Но дело не в цвете, а в теме. Я хочу предложить Вам план Вашего обогащения. Всерьез. Дело в том, что я с некоторых пор призван к редакторству в здешнем радиоотделе станции «Освобождения». Через меня проходят все скрипты. В свое время мы давали эдакие сатирические стихи (писал Иван Елагин и оч<ень> неплохо). Но теперь он давно не пишет (работает в другом предприятии). И вот я подумал — не дунули ли бы Вы? Оплачивается это прекрасно. За эдакий скрипт в два, скажем, небольших стишка, или даже в один — длинный (или несколько таких эпиграмм всяких) платили и платят 35 дол. Чувствую редакторским чухом, что Вы могли бы печь такие вещи превосходно — нужно остроумие (оно у Г. В. — в избытке хлещет через край) и версификационное мастерство (о кот < о ром > даже и говорить было бы смешно в приложении к князю поэзии русского зарубежья (см. статья Р. Гуля, Н. Ж. и т. д.). Так вот. Если Вам было бы интересно посмотреть, как это у нас делалось — я могу Вам прислать то, что передавалось уже раньше. Темы? Самые жгучие по современности: Единоличная дикт<атура> и коллективная,

Маленков в Англии (сожалеет, что лошадь королевы-матери не выиграла какое-то там дерби[1183] что ли); интервью с ним журналистов, из которых один спросил «а как насчет мертвых?» [1184] Вообще не мне Вас тут учить, газеты же видите — тут нужны бы были по возможности свежие вещи — «Тан» или к<акую>-н<ибудь> другую большую газетину видите? «Фигаро», напр. и др. И политический автор мог бы тут вполне коллаборировать. Подумайте. Но нужно, конечно, чтобы было «остро». Я пришлю Вам образцы, чтоб Вы почувствовали, как и что нужно. А теперь для вдохновения на обороте сообщаю Вам два отрывка — один из Ник. Эрдмана,[1185]другой из Демьяна Бедного.[1186] Турнэ силь ву плэ!***

Какой-то бюрократ
По имени Федот
Во вторник услыхал
Веселый анекдот.
Но втайне радуясь ,
Смешному анекдоту,
Он рассмеялся лишь в субботу.
Нетрудно объяснить сей странный интервал.
Он предварительно свой смех согласовал. [1187]

За эти штуки Эрдман был репрессирован.

А вот отрывочек из поэмы Демьяна, она была написана на тему — что, когда водку в России начнут гнать из г...а, то большевики завоюют весь мир. Эта поэма, будто бы, попала к Сталину и вызвала его бешенство и, будто бы, он сказал: уничтожить этого хулигана.[1188]

Отрывочек такой:

Завоюем мы тогда
Власть над целым миром.
Алкоголем будем ср... и перд... эфиром.
Будем царствовать тогда
Точно эфиопы,
Если водка потечет прямо в рот из ж...ы.

Для того, чтоб Вы не прочли вслух эту гадость при Ир. Вл. —

я, само собой разумеется — поставил там, где надо, точки. Вуаля.

* Causerie (*фр.)* — беседа.

** I will do my best *(англ.)* — сделаю все, что смогу.

*** Tournez s'il vous plait *(фр.)* — переверните, пожалуйста, (страницу).

169. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 11 мая 1958. Йер.

11-го мая 1958

Дорогой Роман Борисович,

Посылаю Вам гранки, увы, моего, не Жоржиного исправления. Я не особенный мастак в этом деле. Старалась очень, и если что не так — прошу извинить.

Жоржу с прошлой недели опять стало совсем плохо и он только стонет и енчит — вот мне и пришлось заменить его. И это было нелегко.

Все же, дорогой Ницше, он взывает к Вам, прося корректуру, образцы бумаги и проект обложки. Он очень хотел бы в два тона. Он очень волнуется, понятно — зря. Ему все кажется, что я что-то спутала или упустила.

Цену на книгу он думает — 500 фр., чтобы не дорого слишком, но и не дешево. Согласны? Адамовича статья,[1189] Вы правы, очень хороша. Вполне оба удовлетворены. Хотя не забываем, что пальма первенства в этом «деле» принадлежит Вам. Но зачем же, Ницше, Вам ждать наказания? Я, наоборот, всегда жду награды. Опыт Ваш ошибочен, как, впрочем, всякий опыт. Я вообще в опыт не верю. Нет такой штуки — не существует — по опыту знаю, что опыта не существует и что добро притягивает добро и всяческие награды и приятности. Не говоря уже о нашей благодарности, от которой Вы так презрительно отмахиваетесь.

Адамович сообщил мне, что советует поручить Вагнера заботам Степуна. По-нашему умно, если Степун любит Вагнера.[1190] Конечно, не Рыжему же Мерзавцу выражаться о Жорже — и Вас, Ницше. И не Терапианцу и прочим. Разве что былинному богатырю Вейдле,[1191] если Степун отклонит «сию честь»!

«Грациозно» с удовольствием и с согласием Вагнера грациозно заменило «беззаботно». Вы опять-таки правы. Так грациозней.

Конечно, будет чудесно, если Ольга Андреевна вклеит листок со стихо. Можно и рисунок гуашью.[1192] Мы с Вагнером пикантно рисуем в четыре руки «музейские вещицы» — уж такие мы всесторонне одаренные — даже сами удивляемся. Жаль, что портрета нельзя. Или все-таки можно? Вагнеру было бы лестно.

Очень прошу, напишите, пожалуйста, сейчас же хоть два слова насчет корректуры и всего — Жорж все и обо всем волнуется, а ему это вредно. Ну, вот и все. И без благодарности,

раз Вы ее не кушаете. А жаль — очень вкусно. Не хуже индюшки, но ни та, ни другая не для нас, а для американских снобов. А про сестрицу Ницше [1193] читали? Желаем Вам и О<льге> А<ндреевне> счастья и здоровья.

Ваша неблагодарная

И. О.

Спрашивали ли Вы Вишняка о Макееве? Ж<орж> интересуется. Идею послать стихи Вагнера в Москву — приветствую.

Корректуру Ж<орж> клянется вернуть в тот же день.

<Приписка рукой Г. И.:> Обнимаю Вас, дорогой мой Ницше. Ей Богу, болен, не притворяюсь.

Ж—ж

170. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 14 мая 1958. Йер.

14-го мая 1958

Дорогой Роман Борисович,

Жоржа вчера опять отвезли в госпиталь. Ему, по всей вероятности, будут делать операцию, но я даже не знаю какую.

Последние дни он был в ужасном состоянии и стонал и задыхался беспрерывно.

Посылаю Вам корректуру. Боюсь, что неясно:

Я твой читатель-почитательница.
Как дева ветреной воды

и т. д.[1194]

В «Разностопных ямбах» после

И до чего мой сон нелеп
(О, лучше б я оглох, ослеп!..)
Я — нищий, русский эмигрант [1195]

Если я напутала что-нибудь в корректуре Жоржа, пожалуйста, исправьте сами. Не упрекайте его в письме — это его волнует. Я искромсала корректуру, чтобы было подешевле, и так обошлись около 600 фр.

Жорж хотел еще указать, где какие стихи были написаны — в конце: с 43 до 46 года в Биаррице, с 46 до 51 года в Париже, с 51 до 53 в Монморанси, с 53 до 58 в Hyeres-les-Palmiers.[1196] Он говорил мне об этом, но текста не написал, не до того ему было, когда я правила корректуру. На Ваше усмотрение. По-моему, скорее, стоит. Я вообще люблю даты под стихами, знать, когда и где они были написаны. Но решайте сами. И, если можно, пришлите Ж<оржу> гранки. С сердечным приветом

И. Одоевцева.

171. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 28 мая 1958. Йер.

28-го мая 1958

Дорогой Роман Борисович,

Хотя Вы не ответили на мое письмо, но думаю, что Вам все же небезразлична и небезинтересна судьба Жоржа.

Операции ему никакой делать не пришлось, все это была ошибка. Его продержали неделю в госпитале, делая ему всевозможные мучительные исследования и, наконец, вернули домой. На следующий же день с ним сделался паралич (слава Богу, временный), и он два дня не мог ни пошевелиться, ни внятно говорить. Я думала, что уже наступил конец, такой страшный у него был вид.

Самое ужасное, что он оказался почти без медицинской помощи — доктор бывает два раза в неделю и больных увозят в госпиталь, а не лечат на месте. Приглашать частного доктора по уставу дома не разрешается. Так что мне пришлось ухаживать за ним одной и ездить к частному доктору объяснять, что с ним, и узнавать, какие ему давать лекарства. Сейчас он начал поправляться, хотя еще не может держаться на ногах и даже повернуться с бока на бок в кровати. Но все же он ясно говорит и не задыхается больше. Я и этим уже очень довольна.

Сделалось это с ним от нервов, от госпитальных лечений. У него весь организм пришел в расстройство — и почки, и сердце, и печень. Не знаю, что будет дальше, если его не будут по-настоящему лечить.

Он как-то примирился с мыслью о смерти и сегодня заплакал, что оставляет меня одну на свете. Но, пожалуйста, не говорите никому, что он плакал. Это в первый раз за нашу общую жизнь и я страшно потряслась. Что будет с ним, не знаю. Лит. Фонд прислал 30 долларов — хуже насмешки и оскорбления. Чтобы свезти Жоржа к профессору в Марсель, нужно по меньшей мере истратить 50 долларов. А воззвания в «Нов. Русск. Слове» Вейнбаум «делать не разрешает». Так что — вот. Теперь Вы знаете и моя совесть чиста. И довольно.

Совсем о другом. Если не поздно, переделайте в моем «Сне» вместо: «Совсем, как окна на Неву» — на «*Подобно окнам на Неву»,* [1197] а то «как окна» звучит плохо. Видите, даже и сейчас я не забываю о стихах.

С самым сердечным Приветом

И. Одоевцева.

Я не спала шесть ночей, оттого так сумбурно пишу. Но главное — Жоржу лучше.

Хорошо бы, если Вы написали Жоржу. Он говорит — Гуль плюнул на меня. Ему-то что? А Вы один из немногих, кого он любит.

172. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 14 июня 1958. Йер.

14-го июня 1958
Вот как надо посылать Lederplex [1198]

Дорогой Роман Борисович,

Вам через океан, конечно, не видно, что Жорж чуть было не умер. Теперь ему чуточку легче, и я вот уже два дня, как начинаю очухиваться. А до того не спала 22 ночи подряд и круглые сутки изображала сиделку.

Поблагодарите, пожалуйста, М. М. Деньги нам сейчас нужны катастрофически. Судите сами — сегодня я заплатила за одни лекарства 945 франков, а кроме того истратила почти столько же на его питание.

Но, слава Богу, анализ, сделанный вчера, показал, что у него вместо грамма альбумина 0,40,[1199] что хотя и очень много, но не грозит немедленной опасностью.

Но сердце, печень и задыхание — всего даже не перечислишь. Не говоря о страшной неврастении. Так что, сами видите, даже через океан.

Книга его, несмотря на все, слегка интересует, и он каждую почту ждет образцы бумаги и т. д. Так что, пожалуйста, утешьте его.

Специальная просьба от меня — пришлите мне, пожалуйста, Ледерплекс в счет будущего гонорара. Я дошла до точки от изнеможения и даже не понимаю, как еще двигаюсь и «справляю службу» при Жорже. Если я свалюсь, будет совсем плохо, ведь за ним, кроме меня, никто не ухаживает.

Насчет «окон на Неву», возможно, и даже наверно, Вы правы. Если не поздно, переправьте. «Подобно окнам на Неву» — действительно нехорошо. Лучше или как было, или *«Как будто* окна на Неву» — по Вашему вкусу.[1200] Если нельзя исправить, ничего не поделаешь. Это я от усталости — мозги набекрень и слон на ухо наступил. Жорж тоже согласен с Вами и обругал меня, а Вас похвалил за понимание.

Всего хорошего Вам и О<льге> А<ндреевне>. Как ее здоровье?

Так пишите болящему, его это порадует.

Ваша *И. О.*

173. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 19 июня 1958. Нью-Йорк.

19 июня 1958

Дорогая Ирина Владимировна,

Получил Ваше письмо. Большое спасибо. Спешу сообщить, что Михаил Михайлович устроил Вам помощь в 200 дол. Он мне говорил вчера, что Вы получите чек, он советовался со мной, как лучше послать. Я сказал — чеком. Рад, что это поддержит Г. В. и Вас. Как здоровье Г. В.? Шлю ему самый дружеский привет. Верстку книги его читаю. Все хорошо. Напутали только в содержании, и это все надо выправить. Кстати, вновь исправить Ваше исправление было нельзя: уже напечатано. Жаль. Осмеливаюсь высказать следующее о стихах в книге. Г. В. исправил «О Италии» на «Об Италии».[1201] По-моему, этим он очень ухудшил это прекрасное стихотворение, где все дело в изумительной игре гласных. Да и не говорят «об Италии». Это как-то тяжело.

Второе. Почему — «И Лермонтов *один* выходит на дорогу». Понимаю, это, вероятно, от «Выхожу один я на дорогу». Но в стихах эта ассоциация не приходит читателю. И, я думаю, строка очень бы выиграла, если бы «одного» не было. [1202] И третье нахальное мнение прозаика таково. «Зато как человек я умираю». По-моему, здесь «зато» нехорошо, и было бы много выигрышнее, если бы строка начиналась — «Но все ж, как человек, я умираю». [1203]Мне кажется, что здесь было бы больше «дыхания бессмертия». Говорю все это по дружбе и, конечно, Г. В. может просто послать меня к черту.

Прилагаю образцы бумаги для книги и обложки. Они нумерованы. Все их надо мне вернуть, укажите желаемые. Типограф предупреждает, что вдруг может оказаться, что в течение этой переписки бумаги какой-нибудь на складе не будет, уйдет. Имейте это в виду. Но я буду стараться исполнить Ваше желание. Ледерплексы постараюсь выслать Вам поскорее, хотя сейчас я очень погибаю из-за кучи всяких дел и неприятностей.

Шлю самый сердечный привет.

Искренне Ваш

<Роман Гуль>

174. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 23 июня 1958. Йер.

23-го июня 1958

Дорогой Роман Борисович,

Спасибо за письмо и образчики. Насчет бумаги Жорж вполне согласен с Вашим выбором. Он просит только, чтобы цифры на обложке были крупные и ярко-красные. И «Стихи» большими буквами. Нельзя ли макетку?

Насчет поправок — пусть остается, как было прежде «о Италии» — в Вашу честь. Но «И Лермонтов *один* выходит на дорогу» — магическая строчка и менять ее никак нельзя.[1204] И *«зато,* как человек»... тоже поправкам не поддается. Пусть остается, как есть.

Все же Жоржа очень тронуло, что Вы принимаете так близко к сердцу его стихи, несмотря на неприятности. Какие? Очень оба надеемся, что они уже в прошлом.

Жоржу, к сожалению, совсем не лучше. За шесть недель он потерял 8 кило и стал скелетом. Весит он 52 кило. Наше существование сейчас до того тяжело, что об этом и писать не стоит.

Сегодня доктор неожиданно объявил мне, что можно ждать конца в любой день и час. Что сердце абсолютно никуда не годится. Но я ему не очень верю, т. к. он уже отправил Жоржа в госпиталь для операции простата,[1205] совершенно зря.

Благодаря 200 долларам Мих. Михайловича я смогу свести Жоржа на такси в Тулон к кардиологу. Слава Богу, что это теперь нам доступно. До сих пор никакого правильного диагноза поставлено не было. То — сироз <цирроз. — *Публ.*> печени, то всякие другие ужасы. И все оказывается вздор.

Простите, что енчу.

Ну, всего-всего наилучшего и всевозможных удач Вам и О<льге> А<ндреевне>.

Жорж сам поблагодарит Мих. Михайловича. Я не рискую — мне он ни разу не соблаговолил ответить, но все же я ему горячо благодарна. Не знаю, удастся ли спасти Жоржа, но я смогу по крайнем мере постараться спасти его. Без денег же...

Если напишете Жоржу, будет очень хорошо. Он очень ценит и любит Ваши письма и Вас. С сердечным приветом

И. Одоевцева.

175. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой и Георгию Иванову. 29 июня 1958. Нью-Йорк.

29 июня 1958

Дорогая Ирина Владимировна, и дорогой Георгий Владимирович, Ваше письмо меня опечалило сообщеньями о недуге Г. В. Что же это такая за напасть? Думаю, что чек уже пришел или вот-вот придет, и это поможет Г. В. встать на ноги. Чеки всегда поднимают лучше всего. За книжку не беспокойтесь, с ней произошла задержка чисто технического порядка, типографщик сказал, что строки набрали несколько длиннее и поэтому стихи неладно становятся на странице. Сейчас их обрезают (хотя они не евреи) и все будет в порядке. Образцы бумаги я уже передал типографщику. И получу от него еще раз верстку на просмотр, как и что. «Об» Италии превращу с разрешения маэстро в «о» Италии. Остальное останется без перемен. Скажу совершенно честно. Когда я возился с версткой стихов — уже набранных — их перебирал, и проверял, перечитывал, то я испытывал совершенно музыкальное чувство — ну, вот как будто Вальтер Гизекинг [1206](покойный) играет Дебюсси,[1207] что ли, — прикосновение к какой-то музыкальной плоти, к музыкальному существу... И я очень рад, что эта книга вскоре выйдет в свет. Слышал с разных сторон — что люди хотят обязательно купить (братья литераторы и др.). Сегодня прислал письмо Чиннов, просит обязательно подписать его. Кстати, прислал совершенно превосходное стихотворение.[1208] Он растет музыкально как гриб под дождем... Очень растет и «нежнеет»...

В среду 2-го мы едем с женой в Питерсхэм (мой отпуск), но связь у меня с Нью Йорком постоянная, быстрая и простая. Пробуду там 3 недели. Писать можно и прямо туда: — я, Питерсхэм, Масс (т. е. Массачузетс). Если хотите, можете добавить с/о миссис Норман Хапгуд,[1209] но нас там и так каждая собака знает — деревенька небольшая (состоящая из усадеб — белых с белыми колоннами обязательно — и садов). На М. М. не сердитесь за молчание, он оч<ень> замотан, и у него много всякого тяжелого - и болезни и прочее. Но М. М. — исключительной прелести (и культуры) человек. Каковые уже кончаются, к сожалению.[1210]

Ну, цалую Ваши ручки, Жоржу жму лапу и желаю

<Роман Гуль>

176. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 12 августа 1958. Йер.

12-го августа 1958

Дорогой Роман Борисович,

Я не писала Вам *оттого,* что не хотела наводить тоскливую тень на Ваши сияющие каникулы — за это время Жорж дважды был при смерти и сейчас ему все еще очень плохо.

Но я совсем не теряю надежду и борюсь за него днем и ночью.

Его должны были везти в горную санаторию, но, когда наконец все было готово, оказалось, что он слишком слаб, чтобы выдержать путешествие. И его пришлось оставить здесь. Пока что, как видите, — писать о «таком» не стоит — не утешительно.

Но от Вас мы оба ждали письмецо бодрячка. И хотя Вы прислали всего несколько сухих строк, без привычной и столь ценимой нами талантливейшей игры пера — «только факты, сэр»,мы оба вполне удовлетворены. И тем, что скоро выйдет книга, и тем, что мы скоро получим Lederplex, которого здесь не достать. Спасибо. Большое спасибо.

Но ведь я Вас просила за мой счет. Надо было вычесть из моего гонорара. Еще один факт, обрадовавший нас обоих, несмотря на наше горе, — то, как Вами помещены мои стихи. [1211]

До чего неожиданно-приятно!..

Большое, большущее спасибо, как говорил Андрей Белый. Очень, очень признательны. Как стихи заиграли!

Теперь будем ждать книжку — в блаженном нетерпении.

Кстати, или не кстати, но мы не находим, что «Чиннов растет, как гриб». Нет, дорогой Ницше, скорей замариновался, как гриб. Очарователен был только его «Фонтан» (в Нов. Жур.). А «Хирошима» и прочее в «Опытах» — слабоватенько.[1212] И часто с перепевами, с чужого голоса.

Как Вам кажется — будет ли доволен Смоленский статьей Струве? [1213] Вы ему в своей прелестной и правильной критике Цветаевой сделали омаж* почувствительнее с приведением Ангела.[1214]

Ну вот и кончаю. Пожалуйста, напишите Жоржу — мы оба уже просили Вас об этом — он так любит Ваши письма.

Сердечный привет О<льге> А<ндреевне> и Вам.

Ваша *И. О.*

Пожалела только, что «подобно окнам». «Совсем как» было бы

лучше.[1215] Н. Жур. прибыл только сегодня — прочла только Вас, себя и Струве о Смоленском. [1216] Я о нем написала пышнее и льстивее, но рада, что обошлось без меня. Т. е. Г. Иванова.

В четверг к нам приедет Адамович.[1217] Иваск, кажется, тоже собирается к нам, [1218]но нам об этом не писал — Ж<оржа> бы развлекло.

Жорж обнимает Вас.

Если Жоржу удастся поправиться, то только благодаря Мих. Мих. Теперь его всячески лечат — отказа ни в чем нет.

* Hommage *(фр.)*— здесь «воздали должное».

177. Ирина Одоевцева - М. М. Карповичу. 15 сентября 1958. Йер.

15-го сентября 1958
Beau-Sejour
Hyeres. (Var.)

Дорогой Михаил Михайлович,
Спасибо за участие.[1219]

О последних днях Жоржа я еще не могу писать, это было слишком ужасно. Но о Вас он часто и с благодарностью вспоминал.

Он оставил массу стихов. Иногда он мне диктовал три-четыре стихотворения в сутки «Для "Посмертного Дневника"»», как он говорил, «при жизни их печатать нельзя». Но и сейчас, мне кажется, некоторые лучше не печатать — слишком потрясающие. Как это:

> За горе, за позор и все мои грехи
> Ты послана была мне в утешение.
> Лишь о тебе в мучительном томлении...
> Но это смерть, а не стихи.[1220]

Конечно, все его стихи, т. е. те, которые мы с Вами решим возможным напечатать, я отдам Вам для Нов. Журнала.

Это только справедливо, т. к. Вы сделали больше, чем кто-либо, для Жоржа.

Я еще не могу заставить себя разобрать все, что осталось после него. Не только стихи, но и проза. Он последнее время писал свой «Бобок» — об эмиграции. Кроме того, остались главы воспоминаний «Жизнь, которая мне снилась» и всякие другие отрывки, не знаю даже толком что.[1221]

Я Вам потом подробно сообщу.

Как только я смогу, я начну писать о нем книгу — ведь никто его так не знал, как я.

Если Вы захотите, многое из всего этого появится в Нов. Журнале.[1222]

Но за эти стихи, кот<орые> я Вам шлю, пожалуйста, не посылайте мне гонорара. Это мне слишком больно.

Теперь у меня к Вам просьба. Вернее, это загробная просьба

Жоржа. Он взял с меня слово, что я напишу Вам о ней —

Жорж предчувствовал, как мне будет невыносимо без него, как трудно мне будет здесь или в Париже, где все мне напоминает его. Он хотел, чтобы я как можно скорее уехала бы в Америку хотя бы на полгода, чтобы быть в состоянии жить дальше.

Администрация Дома дает мне отпуск хоть на целый год, дорогу мне тоже оплатят. Но затруднения с туристической визой — для неимущих. И вот Жорж придумал, чтобы я Вас попросила прислать мне фиктивное приглашение от университета для чтения ряда лекций о Георгии Иванове и для устройства его литературного наследства. Он хотел мне сам продиктовать письмо к Вам, но я отговорила его, обещав, что сделаю это. Может быть, Вы придумаете что-нибудь более подходящее. Важно только, чтобы мне дали визу и чтобы я, раз этого так хотел Жорж, могла уехать на время в Америку.

Его страшно мучила мысль о моем будущем. Он оставил письмо всем своим читателям обо мне. Но его я не могу сейчас переписать — Вы поймете.[1223]

Пожалуйста, если Вам трудно — ведь Вы так не любите писать, ответьте мне через Вашу секретаршу. Но если можно, не откладывайте очень.

Меня, теперь, когда он умер, переводят под Париж.[1224] Но пишите еще сюда.

Как жаль, что он так и не увидел своей книги. Даже в этой маленькой радости ему было отказано.

Боюсь, что мое письмо Вас расстроит — ведь Вы, я знаю, к нему по-настоящему хорошо относились.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

Посмертный дневник

1) ...Александр Сергеич, я о Вас скучаю.
С Вами посидеть бы, с Вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал, душа-дорогуша.

Вы мне все роднее, Вы мне все дороже,
Александр Сергеич, Вам пришлось ведь тоже

Захлебнуться горем, злиться, презирать -
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

2) Кошка крадется по светлой дорожке.
Много ли горя в кошачьей судьбе?
Думать об этой обмызганной кошке
Или о розах. Забыть о себе.

Вечер так длинен и скучен и душен.
Небо в окне, как персидская шаль.
Даже к тебе я почти равнодушен,
Даже тебя мне почти уж не жаль.

3) Я жил, как будто бы в тумане,
Я жил, как будто бы во сне.
В мечтах, в трансцендентальном плане.
И вот пришлось проснуться мне.

Проснуться, чтоб увидеть ужас,
Чудовищность моей судьбы.
…О русском снеге, русской стуже…
Ах, если б, если б… Да кабы!

4) В громе ваших барабанов
Я сторонкой проходил —
В стадо золотых баранов
Не попал. Не угодил.

А хотелось, не скрываю, —
Слава, деньги и почет.
В каторге я изнываю,
Черным дням ведя подсчет.[1225]

Сколько их еще до смерти —
Три или четыре дня?
Ну, а все-таки,[1226] поверьте,

Вспомните и вы меня.

Август 1958 года
Георгий Иванов

178. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 17 сентября 1958. Йер.

17-го сентября 1958

Дорогой Роман Борисович,

Спасибо за книгу![1227] Теперь, конечно, никакого значения не имеет, что обложка не в две краски.

Но до чего жаль, что она так задержалась. Жорж был уверен, что она вообще не выйдет, что набор разобрали. Он брал с меня слово, что я не получила от Вас письма и не скрыла его.

Он ничем не мог объяснить, что Вы больше двух месяцев не писали ему. Он думал, что Вы не решаетесь заявить, что книги не будет. Я старалась его разубедить, что Вы заняты, что Вам не до нас — вот даже ледерплекс не послали мне — но он не верил — Гуль не такой. Я знаю...

Но теперь поздно об этом жалеть. Я потом напишу Вам обо всем. Это было так ужасно, что я сейчас не могу совсем.

После Жоржа осталось много стихов. Он в последнее время сочинял иногда по три, по четыре для «Посмертного Дневника», как он говорил. «При жизни таких печатать нельзя».

Я записала почти все, он диктовал мне их — сам он писать уже не мог. «Ты подправь и доделай». Но сейчас я ни подправлять, ни доделывать не в состоянии. Это кажется мне кощунственным. Как он сочинил, так пусть и остается. Только печатать пока можно далеко не все.

Я еще не начала разбирать ни его рукописей, ни моих записей его стихов. Они лежат у меня в ящике, и я не решаюсь их тронуть.

Я послала вчера четыре стихотворения М. М.[1228] Он, наверно, перешлет их Вам. В последнем я описалась два раза. Во второй строфе, последняя строчка — *Черным дням веду подсчет*,[1229] и в последней строфе предпоследняя строка:

Ну, а все-таки, поверьте,
Вспомните и вы меня.

Я это вспомнила сегодня ночью, как и вот это стихотворение:

Мне уж не придется впредь
Чистить зубы, щеки брить.

"Перед тем, как умереть,
Надо же поговорить".

В вечность распахнулась дверь,
И "пора, мой друг, пора!"…
Просветлиться бы теперь,
Жизни прокричать ура!

Стариковски помудреть,
С миром душу примирить…
…Перед тем, как умереть,
Не о чем мне говорить.

Август 1958
Георгий Иванов

Простите, что так грязно. И это мне тяжело дается. У меня как-то не ладно с головой — хочу сказать или написать одно, а получается другое. И все забываю.

Перед тем, как умереть,
Надо же поговорить

- строчки Жоржа еще из «Роз».[1230] Он часто с насмешкой брал свои старые строчки, «на новый лад», как он говорил.

Может быть, мы с Вами скоро увидимся. Жорж непременно хотел, чтобы я постаралась уехать на полгода или год в Америку. Он угадал, что здесь или в Париже мне будет невыносимо.

Теперь после его смерти, все как будто спохватились и хотят мне помочь. Мне оплатят дорогу туда и обратно. В Доме мне дают «отпуск» на год и я не теряю отдельной комнаты. Меня переводят в Gagny, под Парижем, чтобы мне было удобнее уезжать и хлопотать о визе. С визой нелегко, я написала об этом, по желанию Жоржа, Мих. Мих.

Жорж придумал, чтобы мне прислали бы на бланке университета приглашение читать о нем лекции и еще какое-нибудь приглашение для устройства его посмертных произведений хотя бы по англ<ийски> на бумаге Нов. журнала.

Это, чтобы не класть affidavit.[1231] Не знаю, найдется ли кто *в* Америке, кто бы положил деньги для меня. Но с приглашением, думаю, можно без денег. Может быть, и Вы мне что посоветуете.

Я хлопочу о поездке, потому что обещала и даже поклялась Жоржу. Мне самой совершенно безразлично. Но он этого хотел —

для меня.[1232]

Я очень хотела бы с Вами о многом поговорить. Писать об этом мне трудно. Это касается не меня.

В следующий раз пошлю Вам свои стихи — я их написала еще при Жорже, и он их очень хвалил. Об этом тоже в следующем письме.

Пожалуйста, пришлите мне Lederplex — я очень скверно себя чувствую. И нервы — и вообще. Пожалуйста, не забудьте.

И еще — пошлите «Стихи» по этим адресам:

1) *Mrs. L. Chaize* C-ie des Messageries Maritimes 6/20 North Beach, B-d. P.O.B. 181 Madras (India)[1233]

2) *Mrs. E. Grot* 1809 1/2 Shattuck Ave Berkeley, 9 Calif.[1234]

3) *Madame Krusenstern-Peteretz* 118 Rua Senador Dantos Sola 912 Rio de Janeiro. Brazil.[1235]

Пока этим, но нужно еще и другим.

Пошлите пожалуйста *Ульянову, Маркову и... Глебу Струве — от Ирины Одоевцевой.*

И пишите мне, если Вам не трудно. Будет ли что-нибудь о Жорже в Н. Ж.? [1236] Я хотела бы, чтобы Ульянов или Марков. Если не Вы.

И. О.

Сердечный привет О. А. За Жоржины стихи мне гонорара не надо, т. е. за «Посмертный Дневник».

Еще два слова, дорогой Р. Б.

Мне бы очень хотелось, чтобы на 40-ой день его смерти была отслужена в Нью-Йорке панихида.

Пожалуйста, устройте это. Ведь это должно быть не так дорого — деньги возьмите из проданных книг — или одолжите мне под будущий гонорар.

Поставьте объявление от моего имяни о панихиде (платное).

Пожалуйста, ведь он Вас считал другом. Сделайте это. 40-й день — 3 октября в пятницу. Можно будет, если в пятницу неудобно в воскресенье 5-го октября. [1237] Простите, что утруждаю Вас, но я не знаю, к кому обратиться в Н<ью>-Й<орке>.

179. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 29 сентября 1958. Нью-Йорк.

29 сент. 1958

Дорогая Ирина Владимировна,

Получил Ваше письмо, несколько задержался с ответом из-за той же занятости, но это уже дело вечное. Поручения Ваши выполнены — книги разосланы всем, кому просили. Дал объявление о книге в «Н<овое> р<усское> с<лово>» и заметку, послал объявление в «Р<усскую> М<ысль>» и заметку. О панихиде сговорился с о. Александром Шмеманом — будет в воскресенье, дам объявление в «Н<овое> р<усское> с<лово>». Мартьянов, продавец книг[1238] с «Н<ового> р<усского> с<лова>» говорит, что 500 экз. мало для книги Г. В., спрос на нее, говорит, есть и будет, и она пойдет хорошо. Дай бы Бог. Сейчас заказы уже кое-какие были, завели в Н. Ж. специальную книгу, где ведутся все расчеты — приходы-расходы. Буду Вам об этом писать, дабы Вы были бы в курсе дела. Ледерплексы попрошу жену выслать на этой неделе. Сам бегаю, как проклятый. Но все тот же ли Ваш адрес, когда Вы переедете под Париж? Напишите. Стихи все сдал, они пойдут в этой книге, котор<ая> уже сверстана, изменения сделаю в последнюю минуту, завтра вероятно. Но скажу Вам — как на духу — мне думается, что <с> наследством Г. В. надо быть осторожнее, не давать слабых стихов, дабы не снижать его. Некоторые из присланных Вами, по-моему, не оч<ень> сильны. Но Вам, как поэту, виднее. В «Н<овом> р<усском> с<лове>» была статья Перфильева,[1239] товарища по корпусу, я ее вырезал, если до Вас не дошла, пришлю. Была заметка в «Общее дело» (америк<анская> ком<мунистическая> газета) без подписи.[1240] Видел много в «Р<усской> М<ысли>».[1241] Сегодня была статья Зав<алишина>[1242] о книге. Все хвалебно, конечно. Но — видит Бог — какую чепуху пишут, какое кругом непонимание стихов.[1243] В частности, пошлю бесплатно Адамовичу, послал уже Вейдле и Степуну (их хочу попросить написать для Н. Ж. У меня план — попросить обоих, если М. М. согласится). Мнения обоих интересны. В частности, я обнаружил одну досадную пропажу. В книге нет стихотворения - про старичков, в Ни<ц>це наверное, как вернутся ять с фитою, его забыл дать Г. В. в манускрипте? [1244] Я только сейчас это заметил. Жаль. Но книге я оч<ень> рад. Хорошая книга. И издана, хоть и с запозданием

(ужасным), но хорошо вышла — есть чем помянуть.

Все, что у Вас будет написано, присылайте, будем рады Понимаю, что сейчас Вам пока трудно этим заняться. Не знаю, сможет ли М. М. выслать Вам такое фикт<ивное> свидетельство (и нужно ли оно?). Ведь он уже в отставке и связи его административные кончены. Кстати, он переехал туда же, где и Ульянов — жить, в Нью Хэвен. Адрес тот же, что Ульянова, но «апарт. 21». Ну, кончаю, тороплюсь отправить. Будем рады увидеть Вас здесь. Я думаю, что Вам устроиться тут будет нетрудно, а теперь прошел закон, по кот<орому> приехавшие по туристской визе могут хлопотать о постоянном жительстве, не уезжая из страны. Сейчас большой спрос на русский язык, да и на другие — на фран<цузский> есть спрос. Кстати, Берберова начала читать лекции в Иельском у<ниверсите>те, там же, где Ульянов (не знаю какие — вероятно по русскому языку, а м. б., по литературе — не знаю).

Цалую Ваши ручки, искренне Ваш

<Роман Гуль>

180. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 6 октября 1958. Ганьи.

6-го октября 1958
Maison de Retraite
18, av. Jean Jaures
Gagny (S et O)

Дорогой Роман Борисович,

Ваше письмо мне переслали уже в Gagny — вчера была неделя, как я тут.

Отвечаю по пунктам — большое спасибо за панихиду. Пришлите мне, пожалуйста, книг двадцать — для друзей. «Старичков» Г. В. сознательно выбросил, считая их слабыми, с чем согласилась и я, хотя мне их и было жаль.[1245]

Но вот чем Вы меня поразили, так это тем, что находите стихи из «Посмертного дневника» «не оч<ень> сильными».

Мне они кажутся потрясающими, и все, кому я читала и эти и еще другие, были буквально потрясены ими. Думаю, что это вершины Г. В. Будьте добры написать, какие Вы считаете «не оч<ень> сильными» — все или нет. Меня это страшно интригует. «Посмертный дневник», по всей вероятности, выйдет отдельной книгой.[1246] Об этом уже ведутся переговоры.

Но торопиться я не буду — пусть раньше разойдется Ваше издание, чтобы «Дневник» не конкурировал с «Стихами» — к тому же я разобрала далеко не все записи Г. В. Вы знали его почерк, когда он старался. Я иногда бьюсь час над какой-нибудь строчкой и все же не могу разобрать.

Писал он редко в тетради, чаще на полях книги, на обложках или на клочках бумаги.

Посылаю Вам свои стихи, посвященные Адамовичу.[1247] Он оказался настоящим другом и очень поддержал меня. Он приезжал прощаться с Г. В., и Г. В. после этого свидания совершенно изменил к нему отношение.

Он просил Вас уничтожить все, что он Вам писал о «деле на Почтамтской». Все, исключая бумаги, свидетельствующей, что Г. В. покинул Петербург в августе 22-го года.

Г. В. хотел, чтобы я это Вам с казала бы лично, Т. к. он думал, что я очень скоро после его смерти уеду в Америку.

Но т. к. я совсем еще не знаю, когда мне *это* удастся — кроме оплаченной дороги у меня нет ни визы, ни приглашения, у кого остановиться на первое время, — то я и решила сообщить Вам о

его желании письменно. Ведь я могу умереть, так и не увидевшись с Вами. Это меня очень беспокоит. Поступайте, как найдете удобнее — или верните мне все «о деле» или сожгите его сами. Но, во всяком случае, очень прошу Вас — если решите сами уничтожить — сообщите мне об этом. И если можно, не очень откладывая.

Спасибо за хлопоты со «Стихами». Мне, конечно, будет очень кстати найти деньги к моему приезду в Америку. В сущности, мне сейчас совершенно безразлично, где жить — и жить ли вообще. Но так как это было настойчивое желание Г. В., то я всячески буду стараться его исполнить.

Книгу о Г. В. я скоро начну писать. Если хотите, можно будет напечатать в Нов. Журнале выдержки из нее. Но это, конечно, если Вам они подойдут. Ведь я по наивности думала, что я, посылая Вам стихи Г. В., делаю Нов. Журналу бесценный подарок. И видите — до чего ошиблась. Но не думайте, что я обиделась за Г. В. Меня просто поразило, как мы разно смотрим на вещи, — по-моему, это небывалое в поэзии — стихи за несколько дней до смерти. Ясность, простота и отрешенность от жизни уже почти потусторонние. Некоторые стихи настолько ужасны, что их — из чувства жалости к читателям и современникам — не решусь напечатать.

С сердечным приветом О. А. и Вам

И. О.

Пожалуйста, пошлите три книги Mrs L. Chaize C-ie des Messageries Maritimes 6/20 North Beach Road P.O.B. 181. Madras, India. [1248]

181. Роман Гуль - Ирине Одоевцевой. 5 ноября 1958. Нью-Йорк.

5 ноября 1958

Дорогая Ирина Владимировна, простите? пожалуйста, что я так задержался с ответом на Ваше письмо, но — я пропадаю совершенно в страшной рабочей загруженности плюс (во всякую свободную минуту) пишу статью о Пастернаке для Н. Ж.[1249]А так как свободных минут у меня очень мало, то и получается черт знает что. Хочу ответить сейчас подробно на Ваше письмо и вообще. Вы, наверное, уже знаете из «Н<ового> р<усского> с<лова>», что тут был вечер, посвященный творчеству Г. В. Меня просили прочесть главный доклад, потом Варшавский говорил о Г. В. вообще — по личным воспоминаниям, и потом читались стихи. Вечер прошел очень удачно. Народу было в зале полно. Так что все было как надо. Хотел послать Вам отчет об этом вечере, но куда-то забозлал, но Вы, наверное, получаете «Н<овое> р<усское> с<лово>» и увидите.[1250] Прекрасную статью о Г. В. написал в «Н<овом> р<усском> с<лове>» Адамович,[1251] оч<ень> хорошо. Вообще, что Адамович за последнее время ни напишет — все оч<ень> хорошо, на мой взгляд и вкус. К старости у многих приходит какая-то мудрость. Вот пришла и к нему. И пишет все мудро, умно и хорошо. Теперь по пунктам В<ашего> письма.

Книги (20) Вам высланы тут же были, наверное, уже получили. Дальше. Беру назад то, что написал с маху о посмертных стихах (о некоторых). Вы знаете, в них надо вчитаться. Я читал их на вечере памяти Г. В. (перед докладом) — и все дошли полностью до слушателя. Вы правы, стихи чудесные. Когда я прочел их на клочках бумаги, чернилом, как-то не разобрался сразу. А вот сейчас, например, только что звонил И. Г. Церетели — говорил, что стихи «просто потрясающие». Он купил книгу, очень любит стихи Г. В. и несколько раз по поводу них разговаривал со мной по телефону. Любит еще Цветаеву. Но, конечно, я думаю, что у нас с Вами много разного в стихоощущении. И слава Богу, не всем же дуть в одну дудку. Правда? Дальше. Не хотите ли Вы пропустить стихи «Посмертного дневника» в Н. Ж. — в этом случае можно оставить набор их и тогда выпуск книжки будет совсем дешевый. Это для Вашего сведения при издании. Но если Вы уже договорились в Париже, то все-таки — пришлите же нам еще, для декабрьского номера. Я

думаю, как там ни крути, а лучше Н. Ж. для стихов Г. В. места нет. А Вы как думаете? Ваши стихи, посвященные Адам<овичу,> прекрасны и ушли уже в набор для кн. 55 (декабрьской). То, о чем Вы меня просите, я конечно, сделаю, будьте совершенно спокойны. Вот свалю свои спешные дела, разберу архивы и сделаю.[1252] За проданные экз. тут ведет наша секретарша счеты. Кое-что лежит на нашем счету (на счету Н. Ж.), кое-что в кассе наличными. Когда она все подсчитает, напишу Вам, что тут есть. А как с Парижем? Я думаю, самое простое, если Вы будете там получать сами. Мы написали в кн. маг., что стоит — 600 фр. и даем им 25% скидки (не сорок, как на некоторые книги, как я сдуру дал «Скифа»). И при приезде в Париж Вы с них и будете получать. Но т. к. у нас был в редакции пожар, о чем тоже было в «Н<овом> р<усском> с<лове>» сообщено, то сейчас у нас страшный завал со всеми делами. Но как наша секретарша разберется со всем — напишу Вам, куда сколько послано, чтобы Вы знали, с кого сколько брать. Дальше. Если будете — а Вы, конечно, будете — писать о Г. В. — будем очень рады напечатать это в Н. Ж. Пришлите обязательно. Думаю, напрасно совершенно Вы не решаетесь некоторые стихи печатать «из чувства жалости к читателям и современникам». А Вы не жалейте! Так будет интереснее! Видел Вашу фотографию с Г. В. в «Возрождении»[1253] — хорошая фотография. И он молодцем на ней. Ах, как все это грустно. «Ведь только после нашей смерти нас любят так, как мы хотели». И из того же неизвестного стихо — «Нежней, нежнее будьте с теми — Чье сердце бьется с Вами рядом». [1254]

Ну, вот кончаю, цалую Ваши ручки,
искренне Ваш
<Роман Гуль>

Как Ваши дела с Америкой? Они всегда оч<ень> тянутся. А потом как-то сразу выходят. Я думаю, что, приехав сюда — Вы бы здесь нашли достойное Вас занятие. Главное, Вы ведь владеете четырьмя языками, как хотите. А это здесь — оч<ень> ценится. Берберова сейчас преподает в Иельском у<ниверсите>те (там, где Ульянов) — не то русский язык, не то французский, не то оба вместе. Связаны ли Вы к<ак>-н<ибудь> с Толстовским фондом? [1255] У них в Париже есть представительство. Думаю, они могли бы Вам помочь, при приезде сюда.

182. Ирина Одоевцева - Роману Гулю. 11 ноября 1958. Ганьи.

Сегодня день рождения Жоржа
Ему исполнилось бы 64 года. [1256]
11-го ноября 1958
18, av. Jean Jaures
Gagny (S et O)

Дорогой Роман Борисович,

Ваше письмо меня страшно обрадовало. Я была ведь совершенно уничтожена Вашей оценкой «Посмертного дневника». Как Ницше мог не понять Вагнера? А если он прав, то значит, я совсем ничего не понимаю в стихах.

Но теперь, слава Богу, хоть с этой стороны все в порядке.

Конечно «Посмертный дневник» принадлежит Вам и Новому Журналу из дружбы и из благодарности. При жизни Жоржа он ведь печатался почти исключительно у Вас — пусть так будет и после его смерти.

Я с чувством величайшей обиды за него хотела, нигде предварительно не печатая «П<осмертного> дневника», сразу издать его. Послала также два стихотворения в «Опыты»[1257] — и даже об этом жалею. «П<осмертный> дневник», повторяю, Ваш — целиком по справедливости Ваш.

В «Возрождение» у меня все же хватило ума дать забракованного Вами «Старичка» и еще одно десятилетней давности. [1258]

С выходом «Посм<ертного> дневника» торопиться некуда. Стихи, конечно, можно раньше пропустить в Нов. Журнале и сохранить набор. Пошлю Вам через несколько дней стих. 5 или 6, а может быть, и больше.

Но, как я Вам уже писала, мне это бесконечно тяжело. Я расстраиваюсь так, переписывая их, что после целые сутки никак не могу ни успокоиться, ни найти себе места. Поэтому будьте милым и напишите крайний срок присылки стихов и сколько Вам для этого номера требуется, т. е. сколько страниц — две или три. У меня многие уж разобраны совсем, кроме тех, что он в последнее время мне диктовал. Но даже и эти трудно.

Теперь о другом, хотя о том же Н. Журнале. Я хочу написать критику о «Встрече» Прегель.[1259] Но нет ли у Вас уже другого кандидата? Ответьте, прошу, спешно. О Жорже — нет, с этим я решила повременить. Не могу, не хватает сил. Слишком больно.

И если бы Вы знали, до чего это было ужасно. Я удивляюсь, как я могла пережить и не сойти с ума. Или повеситься.

Но, как видите, я живу. И даже — я очень спокойная, только не надо со мною о нем говорить. [1260] И сама с собой я еще не могу говорить о нем.

Я рада, что Вы написали мне так дружески. Верите ли, мне казалось в последнее время, что между нами, т. е. между Жоржем и Вами, пробежала черная кошка. Вы ведь ему так и не написали, а он очень ждал от Вас письма. То, что Вы, зная, что он при смерти, даже из деревни ему не написали, его огорчало и мучило — не похоже на Вас. И вот мне пришло в голову — не постарались ли в этом какие-нибудь общие друзья-приятели?

Клянусь Вам памятью Жоржа, что он к Вам относился не только дружески, но абсолютно лояльно. Доказательство чему — посылка письма Яновского — против моих взглядов на частную переписку. Он Вас любил. А любил он очень мало кого.

Мне здесь пришлось слышать всякие пародии, сочиненные якобы Жоржем, — все это абсолютный вздор. Никогда ничего подобного он не сочинял, но все они оскорбительны и конечно, должны были создать новых врагов Жоржу — хотя у него и так врагов было слишком много.

Это на всякий случай — к Вашему сведению.

Сейчас я получила вот какое письмо — прилагаю его, тоже для сведения. Статьи Терапиано [1261] я еще не видела — «Р<усскую> Мысль» мне все еще посылают в Иер, и я ее получаю на четвертый день. Или на пятый.

В здешнем доме я живу, как на маяке, в интегральном одиночестве, ни с кем не разговаривая. С Терапиано встретилась как раз в субботу в кафэ в Париже, где Страховский [1262] сообщил парижанам о будущем журнале «Современник». [1263]

О статье Терапиано речи не было. Прочту ее завтра, когда буду в Париже, если не получу «Р<усскую> Мысль» до того времени. Но ненависть его к Вам идет от «телефонной книжки» — и сравнения с «Петер<бургскими> зимами». [1264] Как раз от того, что положило начало нашего сотрудничества (постоянного) в Н. Журнале и нашей с Вами дружбы. Это тоже к Вашему сведению. Я в писаниях Терапиано, как и в Померанц<ева> (прежних), не при чем. Теперь, конечно, за Померанцем могу присмотреть — и не позволить ему «перерезвиться», но над Терапианцем власти не имею — ни-ка-кой. Он важный и толстый. [1265] А я только бедная и тощая вдова Георгия Иванова — потерявшая самостоятельное значение, ставшая только чем-то вроде росчерка его посмертной подписи и даже потерявшая шесть кило «живого веса» — вместо прежних 60 кило осталось только во

мне 54 кило вдовьего веса. И что со мной теперь считаться?

Хоть горько, но сознаю и чувствую свою «вдовью долю».

А бедный Жорж воображал по наивности, что после его смерти все спохватятся, и все, кто не сумели проявить ему при его жизни свою любовь, — откроют мне сердце, объятия, ну и слегка кошельки, хотя этого мне не надо, и окружат меня, в память его, любовью, нежностью и заботой, будут наперерыв стараться обо мне.

Но ничего подобного не получилось, Адамович меня утешает: «Пора Вам понять, что человек человеку бревно и ничего ни от кого не ждать».*[1266] Я и не жду. И поэтому и не еду — хотя Жорж этого так хотел — в Америку.

Не еду не потому, что боюсь не смочь материально устроиться — устроилась бы вполне сносно. А вот это самое: «нежней, нежнее будьте...» мне необходимо. А то могу сигануть с 24-го этажа от одиночества.

Может быть, все-таки, когда немного очухаюсь, и поеду в Нью-Йорк, но не сейчас. Хоть и жаль, что не могу даже в этом исполнить волю Жоржа.

Хотелось бы мне также посоветоваться с Вами, надо ли перевозить Жоржа в Париж, как настаивает Водов.[1267] Но об этом в следующий раз. Уже и так для Вас слишком большой труд меня читать. Ну, а о зайчьем тулупчике Lederplex'e и вспоминать не будем.

Отчета о вечере не видела, но спасибо. И за все, что Вы делаете спасибо. Жорж бы Вас поблагодарил — я за него. И за себя.

Книги я получила в субботу. И опять приношу благодарность, а то было неловко — все ждут и обижаются.

Вы меня сегодня очень, очень, очень обрадовали — «П<осмертным> Дневником». Как могло быть, чтобы Вы — Ницше...

С самым сердечным приветом О<льге> А<ндреевне> и Вам. А чье это стихо — не знаю — нежней, нежнее. Но, пожалуйста, со мной.

Ваша *Ирина Одоевцева.*

* Это Адамовичу единственное нравилось у Ремизова.

Простите за почерк, у меня, как у пьяницы, дрожат руки.[1268]

notes

Примечания

1

В «Русском доме» (пансионат для эмигрантов) городка Монморанси, к северу от Парижа, на авеню Шарля де Голля, 5, Г.И. с Одоевцевой жили с короткими перерывами около трех лет - с 1951 по начало 1954 г. S et O (Seine et Oise) - департамент Сена и Уаза

2

В кн. XXXII (1953) «Нового журнала» напечатана рецензия Гуля на второе издание «Петербургских зим» (1952). По сравнению с первым (1928), в книгу добавлены две новые главы: о Есенине и о Блоке и Гумилеве.

3

«Генерал БО» (1929) — роман об Азефе и Савинкове, в позднейшем издании — «Азеф» (1959); «Конь Рыжий» — художественная автобиография, печаталась в «Новом журнале» в 1946—1948 гг. (кн. XIV—XVII, XIX, XX), отдельным изданием вышла в 1952 г.

4

Сергей Петрович Мельгунов (1879/1880—1956) — историк, политический деятель, в 1917 г. начал издавать «Материалы по истории общественного и революционного движения в России», выпустил сборник документов Московского охранного отделения «Большевики». После ареста в феврале 1920 г. был в августе 1920 г. приговорен к расстрелу решением Верховного революционного трибунала ВЦИК, замененному тюремным заключением на 10 лет. В феврале 1921 г. освобожден, затем 3 июня 1922 г. снова арестован, снова освобожден 3 августа 1922 г. Осенью отпущен за границу, где участвовал в издании журналов, выпускал собственные исследования по истории России. Мельгунов первый написал системное исследование по развертыванию большевиками тотального террора: "Красный террор в России. 1918-1923" (Берлин, 1923;1924). Г. И. был близко знаком с Мельгуновым с 1949 г., когда начал сотрудничать с журналом «Возрождение», где Мельгунов до 1954 г. был главным редактором.

5

Эмигрантское Издательство имени Чехова (Нью-Йорк) создано в 1952 г. на американские средства, просуществовало до 1956 г., выпустив 178 книг 129 авторов, в том числе «Петербургские Зимы» Г. И. (1952), «Конь Рыжий» (1952) Гуля и «Оставь надежду навсегда» Одоевцевой (1954)

6

Рецензия Г. И. на «Коня Рыжего» напечатана в кн. XXXIV «Нового журнала» (1953).

7

Рукопись романа Одоевцевой «Год жизни».

8

Речь идет о двенадцати стихотворениях, напечатанных в кн. XXXIII «Нового журнала» (стр. 124-128) как «Дневник (март — май 1953)»

9

Михаил Михайлович Карпович (1888—1959) — историк, с мая 1917 по 1922 г. работал в Вашингтоне в составе посольства России. Затем жил в Нью-Йорке, с 1927 по 1957 г. преподавал в Гарвардском университете. Одновременно с 1943 г. соредактор, с 1946 по 1959 г. главный редактор «Нового журнала». Письма к нему Г.И. напечатаны в "Новом журнале": 1966, кн. 203-204, с. 170-194. Публ. Веры Крейд и Вадима Крейда.

10

Имеется в виду американский Кембридж, в котором находится Гарвардский университет, где преподавал Карпович. В Кембридже также жила М. С. Цетлина, адрес которой первоначально значился на бланках «Нового журнала» (ее муж, М. О. Цетлин, один из его создателей и редакторов в 1942-1945 гг.). По этому адресу Г. И. отправлял письма в первые годы сотрудничества с «Новым журналом».

11

Эту просьбу — печатать стихи Г. И. отдельно от «прочих» — «Новый журнал» неукоснительно выполнял до конца дней Г. И.

12

Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891 — 1966) — поэт, драматург, с 1920 г. в эмиграции, до 1933 г. в Берлине, где в 1928 году выпустил совместно с Овадием Саввичем написанный роман "Атлантида под водой", в 1933 переехал затем в Париже, в 1953 г. - в США. В 1950-е постоянно печатался в «Новом журнале».

Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — искусствовед, издатель, поэт, основатель и редактор журнала «Аполлон», с 1920 г. в эмиграции, в Праге, в 1926 г. переехал в Париж, в 1939—1944 гг. председатель Объединения русских писателей в Париже, в 1949—1959 гг. председатель редколлегии издательства «Рифма», выпустившего в 1950 г. «Портрет без сходства». Г. И. был знаком с Маковским со времен «Аполлона», но поэзию Маковского не признавал ни до революции, ни после.

13

Дальше всюду инициалы М. М. Карповича остаются, как в письмах, нераскрытыми: М. М., Мих. Мих. и т.п.

14

В публикации НЖ-80 фамилия Зильберштейн без объяснения переправлена Гулем на Зильберберг. Это Захар Макарович Зильберберг (1872-1965), известный в мире кино парижский адвокат. Кроме названий нескольких киносценариев, которые Одоевцева писала до войны, нам ничего об их судьбе неизвестно.

15

Дальше всюду "Новый журнал" обозначается как в письмах: НЖ, Н. Журнал, Нов. Журн. и т. п.

16

Роман Николаевич Гринберг (1893—1969) — редактор, издатель, в молодости был близок к футуристам, в 1924 г. бежал из Ленинграда за границу, занимался коммерцией жил в Германии, Италии, Франции, с 1940 - в США, в 1953—1954 гг. (до кн. IV) соредактор (вместе с В. Л. Пастуховым) «Опытов».

17

«Опыты» - эмигрантский журнал, издавался в Нью-Йорке с 1953 по 1958 г. М. С. Цкьлиной, вышло 9 номеров.

18

Николай Алексеевич Клюев (1884-1937) - поэт, из олонецких крестьян, получил большую известность еще до 1917 г., в советское время сослан и расстрелян. Г. И. был знаком с Клюевым до революции, о встречах с ним написано в главе VII «Петербургских Зим».

19

Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928) — правовед. О нем рассказы вается в посвященной его дочери Ларисе Рейснер главе XIV «Петербургских зим». Отмеченный Гулем анахронизм, строго говоря, анахронизмом не является. Подглавка о 1913 г., в которой он содержится, завершается авторским воспоминанием о послереволюционном Петрограде: «...помню, звучал этот голос на каком-то официальном собрании в Доме ученых перед голодными и заморенными "дорогими коллегами"...».

20

Из стихотворения Сергея Есенина «Проплясал, проплакал день весенний...»(1917). Цитируется в посвященной Есенину XVIII гл. «Петербургских зим». В позднейших изданиях исправлено без комментариев.

21

Имеется в виду Издательство им. Чехова. В данном случае Гуль перефразирует популярную в России отговорку. Когда не на кого свалить вину, произносят: «Пушкин виноват».

22

Журнал «(Возрождение" издавался с 1949 г. как продолжение довоенной парижской газеты «Возрождение» (1925-1940). первым главным редактором которой был П. Б. Струве и в которой в 1930-е гг. регулярно писал на литературные темы основной противник Георгия Иванова в эмиграции Владислав Ходасевич. И газета, и журнал издавались на деньги промышленника и мецената А. О. Гукасова. В 1949 г. главным редактором «Возрождения» стал И. И. Тхоржевский. Вскоре его сменил Мельгунов. Журнал имел подзаголовок «Литературно-политические тетради» и называл себя «Органом русской национальной мысли». Просуществовал до 1974 г.

23

О «сумасшествии» Мельгунова у Гуля есть специальная главка в «Я унес Россию» (Т. 3. «Россия в Америке»).

24

Ich bin gespannt (нем.) — с интересом жду.

25

Изменив «ь» на «ил», Гуль каламбурно прочитывает фамилию Мельгунов как «Мели лгун» — по аналогии с «мели Емеля», К Мельгунову отношение Гуля было не всегда неприязненное. В 1946-1948 гг. они тесно сотрудничали в Париже на ниве издания антикоммунистической литературы, что тогда было очень нелегким делом (французские коммунисты в это время входили в правительство и препятствовали возникновению эмигрантской антисоветской периодики). Разошлись они, по версии самого Гуля, из-за напечатанной Мельгуновым статьи о Белой армии, с которой Гуль был не согласен.

26

Мария Самойловна Цетлина, рожд. Тумаркина (1882-1976) — общественная деятельница, меценатка, в первом браке жена Н. Д. Авксентьева, во втором (с 1910) — М. О. Цетлина, с 1919 г. жила во Франции, с 1940 г. — в США.

27

Бланк с адресом Гуля к письму не приложен. Очевидно, он отправлен Г. И. вместе с оригиналом.

28

В копии оставлено место для написания адреса «Нового журнала» от руки: THE NEW REVIEW. 112 WEST 72nd STREET. NEW YORK 23, N. Y.

29

М. М. Карпович.

30

Судя по тому, что при публикации письма Гуль уверенно переправил фамилию Зильбершетейн на Зильберберг, он об оказанной Одоевцевой услуге помнил (см. примеч. 14 к письму 1).

31

Одна из упрощенных формул разветвленного мотива «падения» в «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше гласит: «Падающего — толкни» (Часть III).

32

Николай Николаевич Евреинов (1879-1953) — режиссер, драматург» историк театра, с 1922 г. в эмиграции, с 1937 г. главный режиссер Русского театра в Париже.

33

Дальше всюду инициалы Одоевцевой остаются, как в письмах, не раскрытыми: И. В. (Ирина Владимировна), И. О. (Ирина Одоевцева), Ир. Вл. и т. п.

34

Слово «целую» Гуль всюду пишет на просторечный лад - "цалую".

М. С. Цетлина.

36

Юрий Павлович Иваск (1907-1986) — поэт, эссеист, родился в Москве, с 1920 г. до 1944 г. жил в Эстонии, затем в Германии, с 1949 г. в США. Г. И. был знаком с ним сначала как с составителем поэтической антологии «На Западе» (1953), затем как с главным редактором журнала «Опыты» (с 1955). Письма Г. И. к Иваску опубликованы: Георгий Иванов. «Шестнадцать писем к Юрию Иваску». Вступит, статья, публ. и комментарий А. Ю. Арьева («Вопросы литературы». М., Ноябрь-Декабрь 2008, № 6, с. 282-308).

37

Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915—1995) — критик, писал прозу, стихи, по образованию филолог, закончил филфак ЛГУ в 1939 г., работал у академика А. С. Орлова, во время войны попал к немцам в плен, представитель второй волны русской эмиграции, жил в Германии, затем в США. В 1951—1987 гг. литературный обозреватель «Нового русского слова», постоянно печатался в «Новом журнале», автор предисловия ко второму изданию «Петербургских зим».

38

Владимир Васильевич Вейдле (1895-1978) — историк и теоретик искусства, с 1924 г. в эмиграции, с 1925 по 1952 г. работал на кафед истории искусства и западной церкви Богословского института в Париже, участник «Зеленой лампы». Твердый сторонник Ходасевича в его литературной войне с Г. И. в 1928-1934 гг. Наиболее известный труд Вейдле - «Умирание искусства» (1937), изданный по-французски и затем по-русски. В 1952 г. стал руководителем программ Русской службы располагавшегося в Мюнхене «Радио Освобождение» (теперь «Радио Свобода»). Под «спасением России» имеются в виду выступления по радио, предназначенные для слушателей в СССР.

39

Эту характеристику Гуль сохранит и в обобщающем очерке поэзии Г. И., напечатанном в виде вступительной статьи к сборнику «1943-1958 Стихи» (Нью-Йорк. 1958, с. 10): «Вообще, и внутренно и литературно-формально, у Георгия Иванова много общего с "гениальным Васькой"». «Чудесные» стихи Г. И. вошли в состав его «Дневника» (март—май 1953), напечатанного в «Новом журнале» (1953, июнь, кн. XXXIII, с. 124-128), — 12 стихотворений.

40

Гуль перефразирует финал «Распада атома» (1938): «...это вашего высокоподбородия не кусается».

Т. е. с С. П. Мельгуновым.

42

Первая строфа напечатанного в кн. XXXIII «Нового журнала» (с. 124) «Дневника»: «Насладись, пока не поздно, / Ведь искать недалеко, / Тем, что в мире грациозно, / Грациозно и легко».

43

Марк Александрович Алданов, наст, фамилия Ландау (1886—1957) — прозаик, историк публицист, с 1919 г. в эмиграции, жил во Франции, с 1940 г. в США, с 1947 г. снова во Франции. До войны у Г. И. с ним были самые добрые отношения, вместе они (при участии Адамовича) издали книгу о Леониде Каннегисере (1928). Однако после войны отношения резко обострились: Алданов оказался в числе тех, кто заподозрил Г. И. в коллаборантстве.Переписка обоих писателей по этому поводу опубликована: «Новый журнал» (1996, кн. 203-204, с. 143-150) и исторический сб. «Минувшее» (М.; СПб., 1997, кн. 21, с. 495-500). Кроме того, Г. И. напечатал в «Возрождении» ядовитую рецензию на роман Алданова «Истоки» (1950. № 10, с. 182-188). В данном случае Г. И. сравнивает алдановскую «Десятую симфонию. Азеф: философские сказки» (Париж, 1931) и вышедший в Берлине (1929) роман Гуля «Генерал БО», в 1937 г. переделанный автором в пьесу «Азеф» — для русской сцены в Париже. Под заглавием «Азеф» переработанное издание романа вышло уже после смерти Г. И.

Мандеж - болтовня.

45

В «Новом журнале» рецензии на «Коня Рыжего» не было (до появления рец. Г. И.).

Никаких параллелей с Алдановым или его сочинениями в опубликованной рецензии Г. И. не содержится.

47

«Повесть о смерти» Марка Алданова печаталась в «Новом журнале» с 1952 г. (март, кн. XXVIII) по 1953 г. (июнь, кн. XXXIII). Ее действие завязывается в Киеве задолго до появления самого Бальзака.

48

См. примеч. 3

49

В «Русском доме» («Maison russe») на Средиземноморском побережье Франции в Жуан-ле-Пене (Juan-les-Pins) Г. И. с Одоевцевой жили сначала ноября 1947 г. по 14 марта 1948 г. Бунин с женой приехали сюда 26 декабря 1947 г. и расположились в соседнем с Ивановыми помещении. См.: А. Ю. Арьев. «Сосновое — Жуан-ле-Пен» (Славянские чтения VI. Даугавпилс, 2008, с. 167-181).

Первоначально «Конь Рыжий» печатался в «Новом журнале» (1946, кн. XIV; 1947, кн. XV-XVII; 1948, кн. XIX, XX).

51

Александр Федорович Керенский (1881-1970) — адвокат, политический деятель, лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе России, с марта 1917 г. эсер, во Временном правительстве министр юстиции, затем военный и морской министр, с 12 сент. 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 1918 г. в эмиграции. Г. И. познакомился с ним в середине 1920-х, сначала как автор выходившей под редакцией Керенского газеты «Дни», затем как с посетителем «воскресений» Мережковского — Гиппиус. Общался Г. И. с ним и позже — в Биаррице, а когда в 1940 г. Керенский уехал в США — переписывался.

Василий Алексеевич Маклаков (1869-1957) — юрист, член ЦК партии кадетов, депутат II—IV Государственных дум, с августа 1917 г. назначен Временным правительством послом России во Франции (в должность вступить не успел), с 1924 г. председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. Г. И., очевидно, общался с ним как с председателем Центрального комитета по устройству дней русской культуры (с 1927 г.), а затем неоднократно виделся как до войны, так и после нее на различных эмигрантских собраниях (например, Маклаков 2 июля 1954 г. был на вечере Одоевцевой в Русской консерватории Парижа).

52

«Жизнь, которая мне снилась» — мемуарная книга Г. И., задуманная, но вряд ли написанная. Никаких следов ее пока не обнаружено, хотя еще в 1951 г. Г. И. писал Берберовой: «Я пишу, вернее записываю "по памяти" свое подлинное отношение к людям и событиям <...>. Не берусь судить — как не знаю, допишу ли — но, по-моему, мне удается сказать самое важное, то чего не удается в стихах, и потому мне "надо" — книгу мою дописать. Впрочем, мало ли что надо. <...> "Жизнь, которая мне снилась" — это предполагаемое название» (Нина Берберова. «Курсив мой». Т. 2. New York, 1982, с. 557). См. также: S. Guagnelli. «Sulla prosa memorialistica di Georgij Ivanov» (Europe Orientalis. XXV, 2006, c. 17-36).

Dichtung (нем.)- воображение.

54

Строчка из стихотворения «Все туман. Бреду в тумане я...» из цикла «Дневник (март — май 1953)».

55

Рукопись романа Одоевцевой «Год жизни».

«Стихи, написанные во время болезни» (Париж. 1952).

57

Речь снова идет о романе «Год жизни».

58

Le carte d'identite — во Франции основной документ, удостоверяющий личность.

59

Гарвардским университет находится в граничащем с Бостоном городе Кембридж, штат Массачусетс. Штат Вермонт — соседний с Массачусетсом.

60

«Великий Муфтий» — так в эмиграции иногда называли Бунина его знакомые. Муфтий — толкователь Корана, юрист-богослов, облеченный правом выносить решении по религиозным и юридическим вопросам. Во французском языке есть устойчивый фразеологический оборот: «Per ordre de mufti» — «По велению муфтия».

61

В своей публикации Гуль вместо «Сашки» ставит «А. Ф ». а затем «Керенский», и делает сноски: «У А. Ф. почерк был и неразборчивый и детский»; «У В. А. почерк совершенно неразборчивый, как какие-то иероглифы».

62

Характеристика Керенского из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Кто он?» (1918, опубл. в 1920): «Пьеро, болтун, порочный школьник...» (указано Н. А. Богомоловым).

63

В книге «Я унес Россию» (Т. 2. «Россия во Франции». Нью-Йорк, 1984, с. 50) Гуль пишет: «Помню, на Монпарнасе в литературной компании поэт Георгий Иванов как-то сказал, что через сто лет — Керенский — это тема для большой драмы. Не знаю».

64

Постоянно встречающееся в переписке просторечие, используемое для выражения почтительности с ироничным оттенком.

65

Имеется в виду «Радио Освобождение», финансировавшееся ЦРУ из США, но административно расположенное в Мюнхене.

«Афганистан Парижской Префектуры» — «Афганистан» здесь своего рода символ бесконтрольной, никем извне не управляемой административной структуры.

67

По мнению Н. А. Богомолова, парафраз песни Матвея Блантера на слова Михаила Исаковского «Где ж вы, где ж вы, очи карие!» (1944), заканчивающейся строчками: «Хороша страна Болгария, / А Россия лучше всех».

Verboten (нем.) — запрещено.

«Контрапункт» - сб. стихотворений Одоевцевой (Париж: «Рифма», 1950).

70

См. примеч. 52.

71

В качестве предисловия к «Коню Рыжему» напечатана часть письма И. А. Бунина к автору.

То есть, когда Бунины и Ивановы вместе находились в Жуан-ле-Пене.

73

Рю Гренель (rue de Grenelle) — на этой улице в Париже находилось посольство СССР. Осенью 1945 г. Бунин принял предложение советского посла во Франции А. Е. Богомолова и имел с ним беседу за завтраком, выразив «большую симпатию», по словам Богомолова, к Советскому Союзу, разгромившему гитлеровцев. 21 июля 1946 г. Бунин присутствовал на собрании в зале Мютюалите, где посол излагал содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня «о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». По поводу слухов о благостной встрече с Богомоловым Одоевцева пишет (о дне приезда Бунина в «Русский дом» в Жуан-ле-Пене): «— Слыхали, конечно, слыхали, — обращается он к нам с Георгием Ивановым, — травят меня! Со свету сживают! Я, видите ли, большевикам продался. В посольстве советском за Сталина водку пил, икру жрал! А я, как только посол предложил тост за Сталина, сразу поставил рюмку на стол и положил бутерброд. Только успел надкусить его (это уже нечто зощенковское. — Публ.). Не стал я есть их икру и пить их водку. Это все гнусные сплетни, выдумки» (Ирина Одоевцева. «На берегах Сены», М., 1989, с. 241).

74

Роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», уже опубликованный по-французски («Laisse toute esperance», Paris, 1948), по-испански («Abadona toda esperanza», Barcelona, 1949) и по-английски («All Hope Abandon», New York, 1949). Замысел романа принадлежит Г. И., о чем Одоевцева, не называя роман, писала в книге «На берегах Сены» и о чем уже после смерти Г. И. сообщала Гулю 10 марта 1963 г.: «Ведь это он сам хотел написать "Оставь надежду", а потом отдал мне, не справившись» (BLG, Box 10, Folder 242). Тэффи, еще до выхода романа по-русски, отозвалась о нем и о его авторе в письме к Бунину от 11 февр. 1948 г.: «А роман из советской жизни ловко задумано. Молодец» («Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1939-1948». Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // «Диаспора II». СПб., 2001, с. 566К

Этот мотив будет развит через два года в стихотворении «Нет в России дорогих могил, / Может быть, и были - только я забыл...»

76

Письмо Гуля с предложением материальной помощи или не сохранилось, или находится в неизвестном нам месте.

77

Письмо Гуля с предложением материальной помощи или не сохранилось, или находится в неизвестном нам месте.

78

Перед текстом письма рукой Гуля написано: «Сохрани». Эта же приписка на двух следующих письмах Одоевцевой к Гулю, очевидно, пересланных им на дачу жене.

79

Скорее всего, это ответ на отсутствующее в BLG письмо Гуля к Одоевцевой, в котором он предлагает напечатать кусок из «Года жизни», не публикуя роман полностью. Из «Года жизни» в «Новом журнале» был напечатан один фрагмент (1953, кн. XXXV, с. 72-112); полностью роман напечатан в «Возрождении» в 1957 г.

80

Из стихотворения Осипа Мандельштама «О свободе небывалой...» (1915).

В дальнейшем в письмах Одоевцевой и Гуля инициалы «Г. В.», всегда обозначающие имя и отчество Иванова, не раскрываются.

82

Ольга Андреевна Гуль, рожд. Новохацкая (1898-1976) — жена Гуля с 1926 г. Судя по тому, что в предыдущих письмах Гуля ее имя не встречается, часть его писем или утрачена, или находится в неизвестном нам месте.

83

Из стихотворения А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» (1850).

84

Измененная строчка из стихотворения А. А. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (1901). У Блока: «Но страшно мне: изменишь облик Ты».

85

Город Керенск Керенского уезда Пензенской губернии, где провел детские годы Роман Гуль. Основанный в 1636 г., Керенск в 1936 г. переименован (из-за сходства с фамилией А. Ф. Керенского) в Вадинск, а его статус был понижен до села.

86

Упоминаются книги Романа Гуля «Скиф» (1931), «Генерал Бо» (1924), «Тухачевский, красный маршал» (1932). «Скиф» упоминается неточно заглавие в множественном числе: «...читала и "Скифов"..». «БО» — аббревиатура («боевая организация» эсеров).

87

Задуманная Г. И. книга «Жизнь, которая мне снилась». См. примеч. 52.

88

Рецензия Г. И. на «Коня Рыжего» опубликована в «Новом журнале»: 1953, сентябрь, кн. XXXIV, с. 304-306.

89

Имеются в виду мемуары Г. И. «Жизнь, которая мне снилась».

90

На письме рукой Гуля несколько приписок жене: «Сохрани»;«Одоевцева прислала тебе ко дню Ангела свою книжку стихов <«Контрапункт». - Публ.>. Привезу»; «Она глупо пишет, я писал о Ел. Льв <Хапгуд - Публ.> и тебе, а не о себе <имеется в виду посылка для Ивановых - Публ.>».

91

Очевидно, роман «Histoire d'Anges» («История ангелов»). См. письмо 42.

92

Из стихотворения Г. И. «Душа черства. И с каждым днем черствей...» («Розы», 1931): «...я больше не имею власти / Соединить в создании одном / Прекрасного разрозненные части».

93

Рукопись рецензии Г. И. на «Коня Рыжего».

94

Фраза взята в кавычки, видимо, как принадлежащая М. Ю. Лермонтову, хотя может встретиться и в каком-либо ином тексте. В поэме Лермонтова «Измаил-Бей» (1832) герой убивает соперника со словами: «Свидетель Бог: не я тому виной».

95

Стихотворение Одоевцевой «Как неподвижна в зеркале луна...». См. письмо 16.

«Баллада об извозчике» из первого сборника Одоевцевой «Двор чудес» (Пг., 1922).

97

Имеется в виду составленная Юрием Иваском антология русской зарубежной поэзии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953). В антологию включено 88 поэтов, в том числе Г. И. и Одоевцева.

98

Иван Венедиктович Елагин, наст, фамилия Матвеев (1918-1987) — поэт, сын дальневосточного футуриста Венедикта Марта (Матвеева), в 1941 г. вместе с женой, поэтом Ольгой Анстей, оказался в оккупированном Киеве, служил в РОА (армии Власова), в 1945 г. перебрался в Мюнхен, в 1950 г. переехал в США. Очевидно, Г. И. реагирует на какое-то не сохранившееся в BLG письмо Гуля к Одоевцевой или к Г. И.

99

В статье «Поэзия и поэты» («Возрождение». 1950, № 10, с. 179-182) Г. И. отметил «несомненный талант» Елагина среди новых эмигрантских поэтов второй волны, но назвал его при этом «ярко выраженным человеком советской формации».

100

Письмо Г. И. к Гулю от 6 авг. 1953 г. в BLG отсутствует. «Рецезия» - очевидно, на «Коня Рыжего» (см. письмо 10). О какой «статье» идет речь, неясно.

101

Речь идет о договоре с Издательством им. Чехова на роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда».

102

Цитата из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» А. С. Пушкина (1830). Используется, когда нужно сказать о постоянных будничных заботах.

103

См. письмо 10.

104

Речь идет о возможном продолжении уже опубликованной автобиографической книги Гуля «Конь Рыжий».

105

Источник цитаты не установлен. Поэтому неясно, неграмотное написание слова «комфорт» — на совести Одоевцевой или же входит в состав цитаты.

106

Строчка из имеющей разные варианты («Я под горку шла, / Пирожок нашла…», «Баба шла, шла, шла…» и т. п.) русской народной песни. Обычно цитируемая строчка записывается как «Утомилась, утомилася, утомилась я».

107

Очевидно, предложенное Гулем в несохранившемся письме заглавие предназначенного для публикации отрывка из «Года жизни». В «Новом журнале» (1953, декабрь, кн. XXXV, с. 72) оставлено заглавие «Год жизни» — с редакционным примечанием, что это «отрывок из нового романа И. В. Одоевцевой». Однако именно «повестью» этот роман назван в первом письме Г. И. к Гулю.

108

О каком «случае» с Н. Н. Евреиновым идет речь, установить не удалось. Наверное, что-то связанное с его кончиной 7 сент. 1953 г. в Париже и похоронами на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

109

Одоевцева пугает название чеховской «сцены в одном действии» «Свадьба» (1889) с гоголевской «Женитьбой», У Чехова реплика вложена в уста акушерки Змеюкиной: «Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы!».

110

Татьяна Георгиевна Терентьевна (1908-1986) — редактор Издательства им. Чехова. Ей посвящен цикл Г. И. из четырех стихотворений, напечатанный в кн. I «Опытов» («Все представляю в блаженном тумане я..», «На один восхитительный миг...», «Ветер с Невы. Леденеющий март...», «А еще недавно было все, что надо...»; в сб. «1943 — 1958 Стихи» посвящение относится только к последнему стихотворению).

111

Слегка измененная цитата из стихотворения Пушкина «Поэт» (1827): «Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел».

112

Элизабет (среди русских — Елизавета Львовна) Рейнольдс Хапгуд (Hapgood, 1894-1974), переводчица, приятельница К. С. Станиславского, из старинного английского рода Хьюстонов, американская знакомая Гуля, постоянно помогала русским эмигрантам (в частности, содействовала переезду Гуля с женой в США), регулярно отправляла Ивановым посылки с вещами. В какой момент ее имя появилось в переписке, неясно — очевидно, в одном из несохранившихся предшествующих писем Гуля. См. об Элизабет Хапгуд в книге Гуля «Я унес Россию» (Т. III: «Россия в Америке»).

113

Имеется в виду манера публикации стихов в редактируемом С. П. Мельгуновым журнале «Возрождение». Они подвёрстывались к пустующему концу полосы (страницы) того или иного прозаического текста.

114

Приписываемая кн. Г. А. Потемкину реплика на первое представление комедии Дениса Фонвизина «Недоросль» (1782): «Умри, Денис, лучше не напишешь».

115

Пересказ соображений Юрия Иваска из его напечатанной в «Опытах» (1953, кн. I, с. 194-199) рецензии на сборники стихов парижского издательства «Рифма», в том числе на «Контрапункт» и «Стихи, написанные во время болезни» (издан журналом «Возрождение») Одоевцевой: «Удачнее кого бы то ни было, она продолжает сюжетную поэзию Гумилева, которому посвятила замечательную балладу. Но подражания нет. Есть — именно — продолжение» (с. 196).

116

Литературный фонд помощи русским писателям и ученым в Нью-Йорке создан в 1918 г., в 1950-е гг. его председателем был М. Е. Вейнбаум.

117

Валериан Федорович Дряхлов (1898-1981) — поэт, до революции жил в Поволжье, с 1920-х — в Париже, печатался в «Числах». В 1952 г. Г. И. рекомендовал его Иваску: «Прочтите его стихи хотя бы в том же "Орионе". Я их ценю больше многих, несмотря на формальные недостатки» («Вопросы литературы». Ноябрь-Декабрь 2008, с. 287). Иваск включил стихи Дряхлова в антологию «На Западе». Однако в «Новом журнале» стихи Дряхлова не появлялись.

118

Городок Монморанси входил в департамент Сена и Уаза, а не в департамент Сена.

119

Бытует мнение, что французы сплошь приверженцы и продолжатели рационалистического метода философии Декарта, с его тезисом о самодостаточности сознания: «Cogito, ergo sum» («Мыслю, следовательно существую»).

120

Стихи Одоевцевой регулярно стали появляться на страницах «Нового журнала» с 1954 г. (март, кн. XXXVI, с. 131-133), где напечатаны: «На заре вернулась с бала...», «Неправда, неправда, что прошлое мило...» и «Дни лучезарней и короче...»

121

Из стихотворения Одоевцевой «...Началось... И теперь опять...». Напечатано в «Новом журнале» через полтора года (1955, март, кн. XL, с. 96, с учтенной правкой и посвящением В. Н. Ильину), позднее присоединено в качестве завершающего к уже изданному в 1952 г. циклу «Стихи, написанные во время болезни» (без посвящения и с датировкой 1950 г.). В этой же кн. «Нового журнала» напечатано стихотворение Одоевцевой «— За верность, за безумье тост!..» Адамович дважды написал Одоевцевой об этих двух стихотворениях. 6 мая 1955 г.: «...Чиннов прислал мне о них восторженный отзыв. А я считаю, что в нашем окружении или экс-окружении, есть два человека, смыслящих в самих стихах, а не в поэтических чувствах вокруг — Чиннов и Гингер». И 11 июня 1955 г.: «Ваши стихи в НЖ я, наконец, прочел. Очень хорошо, и очень "Вы" два Ваших облика в двух совершенно разных стихотворениях. Иваску больше нравится первое, а я, со склонностью к лиризму, предпочитаю второе» («Минувшее». Кн. 21. М; СПб., 1997, с. 409-411. Публ. О. А. Коростелева).

122

Л. Н. Толстой принципиально не писал сразу набело, многократно перерабатывая свои тексты.

123

Софья Андреевна Толстая, рожд. Берс (1844-1919) — жена Толстого с 1862 г., переписчица и часто издательница сочинений мужа. Писала стихотворения в прозе, рассказы для детей, автобиографические повести, записки «Моя жизнь» и др. Многое опубликовано только посмертно, в том числе ее «Дневники» и «Письма к А. Н. Толстому».

124

Имеется в виду стихотворение Одоевцевой «О жизни» что прошла давно...», заканчивающееся строчками: «Дочку нашу, / Цветок-Наташу, / Подарим мы / Снегам зимы» (опубликовано в «Новом журнале», 1955, км. XLI с. 99-100).

125

Речь идет о романе Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», опубликованном в Издательстве им. Чехом в следующем, 1954 году.

«Спа сибо!»

127

В XXXV кн. «Нового Журнала» (1953, декабрь, с. 113-122) напечатаны поэмы Клюева «Заозерье» и «Плач о Есенине» (не полностью).

128

Дом Книги — книжный магазин и издательство в Париже, по адресу: 9, rue de l'Eperon. Открыт в 1929 г., просуществовал до 1991 г.

129

«Мы ленивы и нелюбопытны», — написал Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года».

130

Нина Николаевна Берберова (1901-1993) — поэт, прозаик, мемуарист, с 1922 г. в эмиграции, гражданская жена В. Ф. Ходасевича, затем Н. В. Макеева — до 1947 г. В 1950 г. уехала из Франции в США, где ее встречал Гуль. В книге воспоминаний «Курсив мой» дала яркий, но тенденциозный портрет Г. И. Критически относясь к личности Г. И., Берберова несомненно ценила его стихи. Г. И. был знаком с Берберовой с 1921 г., года ее переезда из Ростова-на-Дону в Петроград. На членском билете Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, выданном Берберовой в 1921 г., рядом с подписью председателя Союза Н. Гумилева стоит подпись секретаря союза Г. Иванова. Гуль в «Я унес Россию» отзывается о Берберовой скептически из-за ее пронемецких настроений в годы войны.

131

Стихотворение на эпиграф поставлено.

132

Не опубликованные в «Новом журнале» части романа «Год жизни».

133

Рукопись романа «Год жизни».

134

Письмо к М. М. Карповичу с предложением напечатать в «Новом журнале» переведенную Г. И. и опубликованную отдельным изданием в 1923 г. поэму Кольриджа «Кристабель» (см.: «Новый журнал», 1996, кн. 203-204, с. 188-191). Самюэль Тэйлор Кольридж (Coleridge; 1772-1834) — английский поэт. Его незаконченная поэма «Кристабель», написанная в 1798- 1799 гг. и опубликованная только в 1816 г., оказала влияние на Байрона, Вальтера Скотта и развитие английской романтической поэзии в целом.

135

В письмо к Карповичу вложен перевод заключительных строф «Кристабели»». Перевод «Кристабели» повлиял, по признанию Одоевцевой, на всю ее литературную судьбу. Прочитав его в 1920 г. в рукописи, еще до публикации, она, под впечатлением от прочитанного, написала «Поэму Луны» (в первом ее сборнике «Двор Чудес» напечатана под заглавием «Луна»). По рекомендации М. Горького «Лунная поэма» была опубликована в петроградском сборнике «Дом искусств» (1921, № 2) и стала первой публикацией Одоевцевой. Память о переводе «Кристабели» диктует Одоевцевой через четверть века заключительную сцену романа «Год жизни» — современную вариацию последней сцены поэмы.

136

«Новый журнал» (1953, кн. XXXIV, с. 5) открывается стихотворением Бунина «Каир». К моменту, когда журнал попал к Г. И., Бунин умер — 8 ноября 1953 г. в Париже. Даты под стихотворением «1912-1953» свидетельствуют о том, что автор печатает переработанный вариант раннего текста, оказавшегося для читателей «посмертным». «Сходство» «Каира» с переводом Г. И. довольно расплывчатое. Разве что последняя строчка «Каира» — «Но на что все это мне — вопрос» — «символически» напоминает: взявшись, подобно Бунину, за публикацию давнего опуса, не лучше ли было бы заняться вопросом более кардинальным — о смысле жизни, а не о смысле пышных древних забав, которыми очаровали себя как Бунин, так и переводчик «Кристабели».

137

Г. И. в очередной раз беспокоится о гонораре за роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда».

138

Местонахождение писем Карповича к Г. И., если они сохранились, нам неизвестно.

139

Кооперативное издательство «Петрополис» во главе с Я. Н. Блоком основано 1 января 1918 г. в Петрограде, но выпускать книжную продукцию начало только в 1920 г., в 1922 г., открыло отделение в Берлине, в 1924 г. деятельность в Петрограде прекратило, став эмигрантским издательством. В 1921 г. издало «Сады» Г. И. в Петрограде, в 1923 г. в Берлине «Кристабель» Кольриджа в переводе Г. И. и с иллюстрациями Д. И. Митрохина, в 1937 г. «Отплытие на остров Цитеру» в Берлине. В «Петрополисе» изданы также книги Гуля: «Генерал Бо» (1929), «Скиф» (1931). Вспоминая начало 1920-х, Г. И: писал в «Китайских тенях»: «Издательство "Петрополис" издавало наши книги с изяществом, редким не только для революционного, но и для обычного времени» («Звено». 1924, № 87,29 сент., с. 2).

140

Кто именно в кн. XXXIV «Нового журнала» (1953, сентябрь) напечатал уже опубликованное прежде стихотворение, сказать трудно. Вот перечень поэтов этой книжки: Н. Берберова, Н. Бернер, А. Браиловский, А. Величковский, Иван Елагин, И. Легкая, И. Чиннов.

141

Романы Гуля «Генерал Бо» и «Скиф» вышли в новой редакции и с новыми названиями в нью-йоркском издательстве «Мост»: «Азеф» (1959) и «Скиф в Европе» (1958).

142

См. примеч. 120 (заглавную строчку первого стихотворения из кн. XXXVI Гуль путает: «На заре вернувшись с бала...»). В кн. XXXVII «Нового журнала» (1954, июнь, с. 126-128) напечатаны стихотворения Одоевцевой: «Дни считать напрасный труд...», «Золотой Люксембургский сад...», «В этом мире слезами воспетом...» и «Еще один окончен день...».

143

Григорий Яковлевич Аронсон (1887-1968) — общественный деятель из меньшевиков, журналист, мемуарист, в 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, затем в Париже, с 1940 г. — в США, в 1944-1957 гг., сотрудник нью-йоркской газеты «Новое русское слово». В рецензии на кн. XXXV «Нового журнала» Григорий Аронсон писал о «Годе жизни»: «...при некотором многословии талантливый, живой роман, полный ритма, занимательнейших ситуаций» («Новое русское слово». 1954,17 янв., с. 8).

7 См. письмо 18.

145

Начальная строчка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

146

Александр Павлович Буров, наст, фамилия Бурд (1870-1957) — прозаик, драматург, с 1919 г. в эмиграции, жил в Германии, Франции, с начала Второй мировой войны — в Нидерландах. Один из немногих состоятельных писателей эмиграции, зарабатывавший деньги в нефтяной отрасли (настолько богатых, что К. Д. Померанцев, правда в посмертном очерке о Бурове, сравнил его меценатство с деятельностью «Литературного фонда)».Н Буров начал субсидировать в 1932 г. «Числа» (с кн. 5), после того как сборники лишились других субсидий. На эту тему есть не одна публикация, среди них особенно известная — рассказ Набокова «Уста к устам». Так или иначе, но издание «Чисел» завершилось в 1934 г. десятым выпуском, после того как Буров прекратил их финансирование. Через некоторое время. 24 февраля 1935 г., произошло публичное столкновение Г. И. с Буровым, причины которого ни тот, ни другой толком не объяснили. Буров разослал по редакциям оскорбительное для Г. И. письмо, в котором Г. И. хоть и не назывался прямо, но о ком в письме идет речь, ни у кого не вызывало сомнений. Секунданты Г. И. некоторое время пытались передать Бурову вызов на дуэль, от которой он, в конце концов, отказался. 22 марта 1935 г. Г. И. публикует по поводу инцидента с Буровым в «Последних новостях» письмо. Тем не менее, в послевоенные годы Г. И. со славолюбивым Буровым вновь сблизился — определенно из меркантильных соображений, чего и не скрывал. Публиковал о Бурове заказные, заранее оплаченные рецензии (и по-французски, и по-русски), написал в 1951 г. предисловие к его книге «Русь бессмертная. Повести и рассказы» (Париж, без года изд.), а в 1954 г. статью для готовящегося трехтомного издания буровского «Бурелома», «романа-летописи поколений последних императоров», которую, очевидно, и имеет дальше в виду Гуль. «Занимали» литераторы у Бурова деньги, как видим, и без всяких публикаций — Г. И. и Адамович в том числе.

147

Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова, рожд. Пашенная (1883- 1970) — актриса Александринского театра, эмигрировала с мужем, графом С. А. Игнатьевым в 1919 г., жила во Франции, в 1924 г. создала в Риге Русский Камерный театр, но с 1925 г. снова жила в Париже, играла в театре Питоевых, занималась режиссурой, часто выступала на эмигрантских юбилейных вечерах.

148

В какой из книг Бурова содержится упоминание Гуля и Берберовой, не установлено.

149

Николай Иванович Ульянов (1904-1985) — историк, эссеист, прозаик. В 1927 г. окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета, профессор ЛИФЛИ, в 1936 г. арестован, в 1941 г. освобожден, во время войны попал в плен, отправлен в Германию, в 1947 г. уехал в Марокко, в 1953 г. переехал в Канаду, затем в США, преподавал историю России в Йельском университете. В апреле 1952 г. Г. И., прочитав в «Новом журнале» (1952, кн. XXVIII, с. 261-272) его статью «Культура и эмиграция», писал М. М. Карповичу. «В высшей степени любопытен, по-моему, Ульянов. Откуда он взялся?» («Новый журнал». 1996, кн. 203-294, с. 183).

150

Статья «После Букина» («Новый журнал». 1954, март, кн. XXXVI, с. 134-156). В ней Ульянов, говоря об утилитарном понимании искусства эмиграцией, утверждает: «Если Бунин отдан был на съедение Солоневичу, то враждебный политически, но дружественный литературно лагерь занимался поношением последнего нашего большого поэта Георгия Иваном».

151

В Париж на улицу Жана Жироду, 28 Г. И. с Одоевцевой переехали из Русского дома в Монморанси и жили здесь около года — до начала февраля 1955 г.

152

Из стихотворения Александра Блока «Шаги Командора» (1910—1912): «На вопрос жестокий нет ответа, / Нет ответа — тишина».

153

Владимир Пименович Крымов (1878-1968) — журналист, прозаик, в 1913-1917 гг. издатель журнала «Столица и усадьба». В «Китайских тенях» Г. И. весьма ядовито написал — и о самом журнале и о его издателе: сначала в парижском «Звене» (1926, № 195, 24 окт.), затем то же самое под заглавием «Эстеты» в рижской газете «Сегодня» (1931, № 267, 27 сент). Крымов в 1917 г. покинул Россию, жил в США, затем в Англии, с 1923 г. - Берлине, редактировал газету «Голос России», выпустил множество книг. В 1933 г. переехал во Францию, был человеком во все времена состоятельным. У Гуля в «Я унес Россию» (Т. II. «Россия во Франции») есть главка «В Шату у В. П. Крымова».

154

Скорее всего, Г. И. имеет в виду не «бараний тулупчик», я подаренный Петрушей Гриневым Пугачеву в пушкинской «Капитанской дочке» «заячий тулуп». О нем он вспоминает вскоре снова (см. письма 31,61).

155

Мотив в последние годы жизни Г. И. устойчивый. М. М. Карповичу он писал в апреле 1951 г.: «"Нас" — осталось буквально "несколько человек" и на 200 миллионов российского народа, и на лет 50, если не сто вперед» («Новый журнал». 1996, кн. 203-204, с. 174).

156

Владелец «Возрождения» А. О. Гукасов уволил главного редактора С. П. Мельгунова. В связи с этим в «Русской мысли» 8 янв. 1954 г. (№ 622, с. 5) было опубликовано «Письмо в редакцию» Мельгунова со словами: «...Разрешите через посредство вашей газеты довести до всеобщего сведения, что с выходом январской тетради "Возрождения" я прекращаю сотрудничество в журнале, издаваемом г. Гукасовым. Прошу писать мне по адресу редакции "Российского Демократа"...». См. также письмо 31.

157

«Не могу молчать» — написанная 31 мая 1908 г. статья Льва Толстого против смертных казней.

158

Абрам Осипович Гукасов, наст, фамилия Гукасянц (1872-1969) — промышленник, с 1899 г. жил преимущественно за границей — в Лондоне, Париже и др. Создатель и владелец парижской газеты (1925-1940) и затем журнала «Возрождение».

159

Петр Бернгардович Струве (1870-1944) — общественно-политический деятель, экономист, в 1906-1918 гг. редактор петербургского журнала «Русская мысль», с 1920 г. в эмиграции, где в 1921 г. возобновил издание «Русской мысли» (София, Прага, Париж). Первый редактор «Возрождения» (1925-1927); в 1928-1940 гг. профессор Русского научного института в Белграде, арестован нацистами, освобожден, умер в Париже.

160

Владимир Кириллович (1917-1992) — после смерти отца, вел. князя Кирилла Владимировича Романова, провозгласившего себя в 1924 г. Императором Всероссийским, стал в 1938 г. главой Российской Династии. В 1948 г. Владимир Кириллович женился на дочери главы Грузинского царского Дома в изгнании князя Георгия Александровича Багратион-Мухранского Леониде (1914—2010). После бракосочетания вел. князь Андрей Владимирович предостерегал ее: «Больше гадостей, чем говорили про Императрицу, никто, никогда, ни о ком не говорил. Поэтому, что бы тебе ни делали, что бы о тебе не говорили, не обращай внимания. Исполни свой долг. Помогай Владимиру». Как видим, напутствие небеспричинное.

161

Из стихотворения Блока «Поздней осенью из гавани...» (1909) со строчкой «Довольно - больше не могу», вскоре использованной Г. И. в стихотворении «Истории зловещий трюм...»: «"Довольно! Больше не могу!" - Поставьте к стенке и ухлопайте». Стихотворение опубликовано в кн. XLII «Нового журнала» (1955, сентябрь, с. 99).

162

Имеется в виду книга: Марина Цветаева. «Проза». Предисловие Ф. Степуна. Нью-Йорк, Издательство им. Чехова, 1953. Но о книге уже написал в это время сам Гуль: «Новый журнал». 1954, март, кн. XXXVI, с. 129-140.

163

Реминисценция из вступления в поэму Владимира Маяковского «Облако в штанах» (1915); «Хотите — / буду от мяса бешеный / — и, как небо, меняя тона - / хотите - / буду безукоризненно нежный, / не мужчина - а облаков в штанах!».

164

«Творимая легенда» - первая часть (1907) одноименного цикла романов Федора Сологуба.

165

Екатерина Исааковна Еленева, рож д. Альтшуллер (1897-1982) — дочь ялтинского врача И. Н. Альтшуллера, лечившего Чехова и Толстого, эмигрировала из Крыма, пражская приятельница Цветаевой, жила после войны в Нью-Йорке. Цветаева называла ее «подругой» и характеризовала в письме к Ю. Ю. Струве SO июня 1923 г. как «существо милое, красивое и обаятельное» (Марина Цветаева. Собр. соч. в семи томах. Т. 6. М., 1995, с. 642). По ее инициативе издана «Проза» Цветаевой (см. примеч. 15 к письму 22).

166

Гуль имеет в виду знаменитое стихотворение Валерия Брюсова «Грядущие гунны» (1905) со строчками: «А мы, мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесем зажженные светы / В катакомбы, в пустыни, в пещеры».

167

Глеб Александрович Глинка (1903-1989) — прозаик, поэт, выпустил в СССР несколько книг, входил в литературную группу «Перевал», в 1941 г. добровольцем ушел на фронт, попал в плен, оказался в Польше, затем во Франции и США. Печатался преимущественно как поэт. Первые — в эмиграции — стихи появились в «Новом журнале» (1953, кн. XXXIII, с. 132). Здесь же (1953, кн. XXXV, с. 135-148) напечатана статья «На путях в небытие: о советской литературе».

168

Александр Сергеевич Глинка-Волжский, наст, фамилия Глинка, псевдоним Волжский (1878-1940) — скорее религиозно настроенный публицист, критик, историк литературы, чем философ. После появления его рецензии на книгу С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903) сблизился и с ее автором, и с кругом повернувшихся к идеализму философов: С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, В. Ф. Эрн и др. В советское время от занятий философией отошел, редактировал и комментировал издания Г. И. Успенского, А. П. Чехова и др.

169

Сергей Николаевич Булгаков, о. Сергий Булгаков (1871-1944) — философ, богослов, в 1922 г. выслан из России, жил в Праге, с 1925 г. — в Париже. Один из основателей Богословского института в Париже.

170

Галина Николаевна Кузнецова, в замужестве Петрова (1900-1976) — писательница, с 1920 г. в эмиграции, жила в Праге, с 1924 г. — в Париже долгие годы жила в Грассе вместе с Буниными, в 1942 г. уехала в Германию, с 1949 — в США. Печатала стихи и прозу в «Новом журнале». В ее «Грасском дневнике» (1967) есть упоминания о Г. И.

171

Строчка из стихотворения Одоевцевой «Как неподвижна в зеркале луна...», уже напечатанного в ее сборнике «Контрапункт», где вместо имени «Кира» стоит «Зоя», имя, замененное в эпиграфе к отрывку из «Года жизни» на Киру, ибо так зовут одну их двух сестер, героинь романа (Кира и Ася): «"О чем ты, Ася? Отчего не спишь?" / "Ах, Кира, увези меня в Париж"». См. письмо 12.

172

Скорее всего, имеется в виду один из братьев де Виттов: Дмитрш Львович (1896-1963) или Лев Львович (1897-1961). Оба участники Белого движения, с 1920 г. в эмиграции, жили во Франции, оба писали на военные темы. В позднем письме от 26 июня 1956 г. к И. К. Мартыновскому-Опишне, новому секретарю редакции «Возрождения», Г. И. сообщал: «Получив по уходе Мельгунова приглашение Абр. Осиповича Гукасова возобновить сотрудничество — я сейчас же откликнулся на него, но тут, с места в карьер, у меня произошло недоразумение с намечавшимся в качестве нового редактора г. Виттом» (BL, Gen Mss Misc, Group 248, Item F-l).

173

Гуль подразумевает «Виттову пляску» (horea St. Viti — лат,) — судорожное истерическое возбуждение плясового характера, зафиксированное первоначально в юго-восточной Германии в XIV в. Больные исцелялись после посещения часовни в честь святого Витта.

174

Георгий Иванов. «Памятник Славы». Пг., «Лукоморье», 1915. «Славы» нужно писать с прописной буквы, т. к. в заглавии сборника — название реального Памятника Славы, установленного в Петербурге перед Преображенским собором на Измайловском пр. в честь победы России в Восточной войне 1877-1878 гг. В этом сборнике собраны военно-патриотические стихи Г. И., печатавшиеся преимущественно в массовой периодике 1914-1915 гг. Об отношении самого Г. И. к этой книжке говорит инскрипт на экземпляре, подаренном А. А. Ахматовой: «Чудесному поэту Анне Ахматовой, не без конфуза — Георгий Иванов. ПБ. 1915. Май» (Библиотека Литературного музея. Москва).

175

The New York Public Library — одна из крупнейших библиотек мира, основана на частные пожертвования в 1895 г., открыта в Манхэттене на Пятой авеню между 40-й и 42-й улицами в 1911 г.

176

Слова Чачкого из «Горя от ума» (1824) А. С. Грибоедова (действие 2, явление 5).

177

Это письмо и письма 27, 29 продиктованы Гулем секретарше «Нового Журнала».

178

Слухи преждевременные. Посланное в «Опыты» стихотворение Одоевцевой «Не во мне, а там во вне...» напечатано в кн. V «Опытов» (1955) и замечено критикой. Терапиано в рецензии на эту книжку «Опытов» писал: «Очень ритмично и построено с большой формальной находчивостью — стихотворение Ирины Одоевцевой...» («Русская мысль». 1956, № 853, 26 янв., с. 4). А Адамович в письме к Одоевцевой от 20 янв. 1956 г. отозвался так: «Стихи Ваши, Madame, <...> я читал с восхищением Вашим блеском и мастерством, честное слово! И слышал кое-что такое же (от Гингеров — немногих, кто что-то в стихах и самой их материи смыслит)» («Минувшее». Кн. 21. М.; СПб., 1997, с. 426).

179

Никаких рассказов Одоевцевой в «Новом журнале» не печаталось.

180

Имеется в виду обещанная Г. И. рецензия на антологию «На Западе».

181

Имеется в виду статья Ульянова «После Бунина». См. письмо 20.

182

Статья об антологии «На Западе» написана так и не была. В черновиках Г. И., хранящихся в BL, есть хвалебное начало рецензии на составленную В. Ф. Марковым антологию современной русской поэзии «Приглушенные голоса» (Нью-Йорк, Издательство им. Чехова, 1952).

183

Роман «Оставь надежду навсегда»

184

Письмо продиктовано секретарше «Нового журнала».

185

Очевидно, с письмом отправлен этот первый вариант стихотворения «Эти сумерки вечение...», напечатанного в кн. XXXVIII «Нового журнала» (1954, сентябрь, с. 161). Хотя в собрании BLG к письму приложены оба автографа на двух разных страницах.

186

В «Капитанской дочке» Пушкина Петруша Гринев дарит «вожатому», Пугачеву, заячий тулуп — за то, что тот выводит его кибитку во время бурана к постоялому двору. Г. И. сравнивает себя, разумеется, не с Гриневым, а с Пугачевым: на подарок «вожатый» отвечал «низким поклоном». См. также письма 22 и 61.

187

Роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», только что вышедший в Издательстве им. Чехова.

188

Роман Гуль. «Иванов Г."Петербургские зимы". Терапиано Ю. "Встречи"» («Новый журнал». 1953, кн. XXXII, с. 309-311).

189

Г. И. имеет в виду отзывы в «Новом журнале». В других изданиях отзывы — на тот же «Портрет без сходства» — были: Берберовой в «Русской мысли» (1950,7 июля), Ив. Хераскова («Певец эмигрантского безвременья») в «Возрождении» (1951. № 13, с. 176-181), Иваска в «Опытах» (1953. кн I).

190

Отзыв кого-то из «собеседников» Гуля (если не его самого: см. начало письма 27), сообщенный им Г. И. и затем перекочевавший в начало его статьи «Георгий Иванов» («Новый журнал». 1955, кн. XLII., с. 110-126): «Этот жуткий маэстро собирает букеты из весьма ядовитых цветов зла».

191

Из Евангелия от Иоанна (1:10), старый церковно-славянский перевод. В менее цитируемом русском переводе: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим и свои Его не приняли».

192

После увольнения Мельгунова очередная, тридцать вторая «тетрадь» «Возрождения» за март—апрель 1954 г. вышла без имени главного редактора. Журнал открывался обращением «От издательства „Возрождение"», заканчивавшимся перечнем авторов, «статьи и беллетристические произведения» которых будут помещены в ближайших «тетрадях». Среди них: «…Н. В. Майер, Г. А. Мейер, Юрий Мейер…» Никита Васильевич Майер (1879—1965) — адвокат, в «Возрождении» печатал рассказы и обозрения; Георгий Андреевич Мейер (1894—1966) — публицист, критик, постоянный сотрудник «Возрождения»; Юрий Мейер, рецензент «Возрождения», скорее всего полный тезка Г. А. Мейера, подписывавшийся, чтобы не вносить путаницу, вместо «Георгий», «Юрий» — варианты одного имени. Если это так, то похоронен он там же, где и Г. И. - на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, с выбитыми на надгробии датами жизни: «1895—1957».

193

Роман Одоевцевой «Год жизни», в конце концов в «Возрожденьи» был напечатан (1957, № 63-65 и 67-69).

194

Стихотворение Г. И. «На полянке поутру…» со строчками: «Тут же рядом камбала / Водку пила, ром пила…». Напечатано в «Новом журнале» (1954, кн.XXXVIII. с. 160).

195

Незавершенная поэма Кольриджа обрывается сценой бесплодной мольбы прекрасной юной леди Кристабель к отцу сэру Леолайну — удалить из замка другую прекрасную леди, Джеральдину. Старый барон, поддавшись темным чарам Джеральдины, отказывает дочери.

196

Статьей «Конец Адамовича», напечатанной в «Возрождении» (1950, № 11), Г. И. порвал отношения со своим ближайшим другом. Внешним завершением «примирения» стала рецензия Г. И. на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» («Новый журнал». 1955, кн. XLIII, с. 296-297). См. об этом: А. Ю. Арьев. «Когда замрут отчаянье и злоба» («Звезда». 2008, № 8, с. 55-82).

197

В статье «После Бунина» Н. И. Ульянов пишет: «Русская литература чувствует себя так, как, вероятно, будет чувствовать последний человек на земле, когда останется совершенно одиноким перед лицом наступающих ледников. Говоря „русская литература", разумеем, конечно, литературу эмигрантскую <…> в СССР ее не существует. Там уже ледники» («Новый журнал». 1954, кн. XXXVI, с. 134).

198

У Галины Кузнецовой в «Грасском дневнике», печатавшемся в «Новом журнале», есть запись от 8 июля 1927 г. о том, как Бунин «громил» символистов и Блока: «Конечно, многое надо отнести на счет обычной страстности И. А. Он кричал, например, вчера о Блоке: "Лакей с лютней, выйди вон!" чем заставил меня искренне расхохотаться, после чего стал смеяться и сам» (цит. по: Галина Кузнецова. «Грасский дневник». М., 1995, с. 28). Фраза «Совал Христа в свои бульварные романы» относится к Достоевскому. Однако произносит ее у Бунина убийца, герой рассказа «Петлистые уши» (1916): «Мучился-то, оказывается, только один Раскольников, да и то по собственному малокровию и по воле своего злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы».

199

«Патент на право рукополагать» - очевидно, парафраз первой строчки стихотворенья А. А. Фета «На книжке стихотворения Тютчева» (1884): «Вот наш патент на благородство...».

(Folder 129).

Рецензия Г. И. на «Коня Рыжего» напечатана в кн. XXXIV «Нового журнала» (1953).

200

В статье «После Бунина» Ульянов, говоря о бытующих в эмиграции традиционных русских предрассудках касательно роли литературы в обществе, вспомнил статью Ленина 1905 г. «Партийная организация и партийная литература»: «…Никто из левого стана ему не возражал и от него не отмежевался. Ему позволили говорить от имени всей социал-демократии <…>. Ответ ему дан был на страницах „Весов" <…>. Многие из теперешней эмиграции были в то время врагами того журнала и той литературы, к которым принадлежал автор отповеди Ленину (имеется в виду Брюсов, выступивший в „Весах" под псевдонимом „Аврелий". — Публ.). Эта литература, дерзнувшая заявить о своих правах сбросить ярмо политики и „общественности" <…> — прозвана была в отместку „декадентской". С нее начался ренессанс нашей поэзии. Ни Брюсов, ни Блок, ни Иннокентий Анненский, ни Ахматова, ни Гумилев, ни Георгий Иванов, ни Мандельштам, ни Клюев и Есенин, ни Маяковский и Пастернак невозможны были без декадентства» (стр. 143-144).

201

Рецензия Ульянова на антологию «На Западе» нам неизвестна. Возможно, речь идет лишь о намерении ее написать.

После войны Гуль некоторые свои книги 1920-1930-х гг. об исторических персонажах М. Бакунине, Б. Савинкове и др. издавал под новыми названиями и в новых редакциях.

203

Эти два стихотворения Г. И. не печатались и до сих пор не обнаружены.

204

Самая крупная подюорка Г. И. в «Новом журнале» - «Стихи 1950 года», 20 стихотворений (1951, кн. XXV, с. 130-138). В подборке «дневник (1954)» оказалось 18 стихотворений (1954, сентябрь, кн. XXXVIII, с. 155-162).

205

Юрий Константинович Терапиано (1892-1980) – поэт, прозаик, критик, участвовал в Белом движении, с 1920 г. в эмиграции, с 1922 г. - во Франции. Один из организаторов и первый председатель «Союза молодых писателей и поэтов» в Париже (1925), постоянный участник собраний «Зеленой лампы», создатель литературной группы «Перекресток», в 1955- 1978 гг. заведовал литературно-критическим отделом «Русской мысли». В его книге «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 — 1974)» (1987) значительное место отведено фигуре Г. И.

206

Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858-1943) — писатель, режиссер, основавший совместно с К. С. Станиславским в 1898 г. Художественно-общедоступный театр (в дальнейшем МХТ и МХАТ). История, рассказанная Гулем, похожа на анекдот. Станиславский скорее прославился своим знаменитым «Не верю!» То есть как раз поисками правды, по крайней мере на сцене, что, впрочем, для него было не одно и то же, что в жизни. Описание знаменитой встречи с Немировичем-Данченко в московском ресторане «Славянский базар» на Никольской ул. (а не в «Праге») в 1897 г. он заканчивает совершенно противоположным тезисом: «Критикуя и не боясь говорить и выслушивать правду, мы взаимно познавали друг друга...» (К. С. Станиславский. «Моя жизнь в искусстве». М., 1980, с. 193).

207

Стихотворение «Умер булочник сосед...» Г. И. увещеваниям внял, впервые стихотворение напечатано после смерти поэта («Возрождение». 1958. № 88, с. 85).

Очевидно, тут идет речь об оплате отвергаемого стихотворения.

209

Э. Хапгуд.

210

Имеется в виду журнал «Возрождение». См. письмо 31.

211

Роман Гуль. «Цветаева и ее проза»(«Новый журнал». 1954, кн. XXXVII, с. 129-140). С Цветаевой Гуля в 1922 г. в Берлине познакомил И. Г. Эренбург по просьбе самой Цветаевой. См. ее письма к Гулю; Марина Цветаева. Собр. Соч. в семи томах. Т. 6. М., 1995.

212

Борис Николаевич Ширяев (псевд. Алексей Алымов; 1889 -1959) — романист. критик, публицист, участник Первой мировой войны, в 1922 г приговорен большевиками к расстрелу, замененному 10 годами Соловецкого лагеря. При немцах (с 1942) редактировал ставропольскую газету «Утро Кавказа», затем в Белграде издавал газету для русских казаков, в 1945 г оказался в Италии. После войны печатался в «Возрождении», «Гранях» и др., а также в «Нашей стране» (Буэнос-Айрес), в газете, издаваемой его лагерным другом И. А. Солоневичем. В 1954 г. Издательство им Чехова вы пустило наиболее известную книгу Ширяева «Неугасимая лампада» — воспоминания, охватывающие период от Соловков до выдачи в 1945 г. союзниками казаков советской стороне. В «Новом журнале» Ширяев Гулем прямо не упоминается, но цитируется: «Только недавно в одном эмигрантском журнале я прочел <...> отзыв о Цветаевой (я бы сказал, соцреалистический навыворот). В нем автор для творчества большой русской поэтессы не нашел другой оценки, как "излом и вывих" и для вящей убедительности провел параллель с какой-то девицей, по-матросски "крывшей" с эстрады. Разумеется, Цветаевой этот отзыв не коснется. Но о литературном уровне говорит много» (с. 133). Гуль имеет здесь в виду статью Ширяева о Цветаевой в «Возрождении» (1954, № 32) «Излом и вывих».

213

Имеется в виду статья Ульянова «После Бунина». См. письмо 31.

214

В статье «Цветаева и ее проза» Гуль пишет. «В своей блестящей статье "После Бунина" <...> Н. Ульянов указал на наступление в советской литературе ледникового периода» («Новый журнал». 1954, кн. XXXVII. с. 129).

215

Вера Алексеевна Неведомская, рожд. Королькова — жена В. К. Неведомского, владельца имения Подобино, соседнего с гумилевским имением Слепнево. Ее «Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой» напечатаны в кн. XXXVIII «Нового журнала» (с. 182-180).

216

Владимир (первоначально С.) Юрасов, наст, имя Владимир Иванович Жабинский (1914-1997) — прозаик, учился в ЛГУ, в 1937 г. арестован, в 1941 г. бежал, жил с поддельными документами; в 1947 г., посланный по работе в Германию, перешел в Западный Берлин. С 1951 г. жил в США.

217

«Великий Муфтий», т. е. И. А. Бунин, скончавшийся в Париже 8 ноября 1953 г., писал Гулю 10 сент. 1953 г.: «А последнее письмо Ваше, столь подобострастное, я прочел с удовольствием, с большим удовольствием, - люблю хвалы мне, "подхалимаж" не меньше Сталина!» («Письма к Роману Гулю». Публикация Григория Поляка // «Звезда». 1995, № 2, с. 8).

218

В кн. XXXVIII «Нового журнала» (1954, сентябрь, с. 155-162) напечатан «Дневник (1954)» Г. И. — 18 стихотворений. «Статейка» написана так и не была, хотя среди бумаг Г. И. в BL (Gen Mss Misc, Group 248, Item F-l) хранится начало незаконченной работы «Проект статьи о поэтах новой эмиграции» (заглавие вписано чужой рукой). Среди упоминаемых авторов, положительно оцениваемых Г. И., на первом месте стоит фамилия Ульянова (не поэта). Статья начинается с сетования: «С появления в нашей среде литераторов из т<ак> н<азываемой> новой эмиграции русский язык, на котором мы научились говорить в России и чистоту которого — не без успеха — посильно оберегали в эмигрантской печати, до безобразия загрязнился различными "выражениями" большевистского производства». И все же, замечает дальше Г. И., «...иные из Ди-Пи на наших глазах стали писать образцово. Ульянов, Коряков, два Елагина, Н. Марков, С. Юрасов — как и еще кое-кто — пишут каждый по-своему, каждый хорошо, подчас образцово».

219

Имеется в виду строчка «Как отблеск на одеяле» из стихотворения «Калитка закрылась со скрипом...». В первоначальном варианте, исправленном Г. И., слово «одеяло» стояло в такой позиции, что размером диктовалось произношение «одьяле»: «Как отблеск свечей на одеяле». В результате правки получился «анжанбеман» (несовпадение синтаксической и ритмической паузы в стихе — конец фразы не совпадаете концом строки): «Как отблеск на одеяле / Свечей сквозь дымок отходной» («Новый журнал». 1954, кн. XXXVIII, с. 159).

220

В поздних стихах Г. И. «рыбки» («рыбка») встречаются только в «Зазеваешься, мечтая...», к 1954 г. уже опубликованному и в «Возрождении», и в «Портрете без сходства». То ли Г. И. отправил его в «Новый журнал», то ли имеется в виду какое-то неизвестное нам сегодня стихотворение. «Камбала» - стихотворение «На полянке поутру...», вошедшее в подборку кн. XXXVIII «Нового журнала» (см. письма 31, 36). В нем фигурирует «камбала», которая «водку пила, ром пила». «Старик» - стихотворение «Умер булочник сосед...» (см. письма 33, 36, 38).

221

Lederplex – витаминизированное лекарство, способствующее кровообращению. Гуль и др. знакомые Г. И. регулярно посылали его Ивановым из США. В настоящее время с производства снято.

222

Приписка над обращением.

223

«Суди меня Бог и православный Государь» — вариант народной пословицы, у Владимира Даля в «Пословицах русского народа» зафиксированной в таких выражениях: «Суди меня Бог да Государь!», «Суди Бог да великий Государь».

Позже Г. И. соединит оба мотива — «стариков и рыб» — в стихотворении 1957 г. «Бредет старик на рыбный рынок / Купить полфунта судака...» и напечатает его в юбилейной книжке того же «Нового журнала» (1957, км. L. с. 110).

225

В число восемнадцати стихотворений Г. И. готовящейся кн. XXXVIII «Нового журнала» вошло и стихотворение «На полянке поутру...».

226

Только что вышедший роман «Оставь надежду навсегда».

227

Рецензия Юрасова была напечатана: «Новый журнал». 1954, кн. XXXIX. с.286-289.

228

В «Гранях» (1951, № 12. с. 3-77) напечатана повесть Юрасова «Враг народа», под одноименным названием вышедшая отдельной книгой в Нью-Йорке в 1952 г., — это одни на сюжетов, вошедших затем в главный роман писателя «Параллакс», изданный в окончательном виде в 1972 г

229

Всадник без головы» («The headless horseman») — роман Томаса Майн Рида, переведенный в России уже в 1868 г., через два года после появления по-английски, одна из популярнейших переводных приключенческих книг.

230

Г. И. перефразирует растиражированное советской пропагандой изречение Сталина о Ленине: «Ленин умер, но дело его живет».

231

Г. И. перефразирует слова Александра I о Екатерине II, сказанные при вступлении на престол после убийства отца, Павла !: «Все будет, как при бабушке».

232

Эммануил Павлович Беннигсен (1874-1955) — граф, член Государственной думы 3-го и 4-го созывов, член партии «Союз 17 октября», участник Белого движения, в эмиграции с 1920 г. В «Возрождении» (1954. № 33) напечатан его очерк «Первые дни революции 1917 года».

233

Марк Вениаминович Вишняк (1883-1976) — общественно-политический деятель, эсер, по образованию юрист, в 1917 г. член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, с 1919 г. в эмиграции; во Франции, один из основателей, соредактор и секретарь редакции (1920 — 1936) «Современных записок»; с 1940 г. жил в США, преподавал, был сотрудником «Тайма». Автор книги «Современные записки» (Нью-Йорк, 1957).

234

См. письмо 22. Жена главы Российской Династии Владимира Кирилловича Леонида — разведенная (с 1937) вдова шотландца С. М. Керби (Kirby). Ее брат Ираклий Багратион-Мухранский (1909-1977) в 1942 г. съездом грузинской диаспоры был признан «царем Ираклием», но в 1946 г. главой царского Дома утвердили его отца. Во время Второй мировой войны Леонида Георгиевна жила в Испании под покровительством Франко.

235

Гонорар за роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда».

236

См. примеч. 16. Софья Михайловна Гринберг, рожд. Кандинская (1902-1980) — художница, автор обложки «Опытов», жена Р. Н. Гринберга.

237

...гастролируют в виде ведетт — от фр. vedette (театральная или кино звезда, но и — «часовой»).

238

Начальные три главы «Других берегов» под заглавием «Воспоминания» («Опыты». 1954. Кн. 3, с. 3-49) печатались под собственным именем Набокова, а не под псевдонимом Сирин, который писатель перестал использовать по приезде в Америку. Отношения между Г. И. и В. В. Набоковым были открыто и неизменно враждебные как минимум с 1928 г., когда началась «война» между Г. И. и Ходасевичем, чьим поклонником был Набоков. Наружу неприязнь вылилась после язвительной рецензии Сирина в берлинской газете «Руль» (30 окт. 1929) на роман Одоевцевой «Изольда?» и невозможно грубой рецензии Г. И. в «Числах» (1930, ж 1, с. 233-236) на опубликованную к тому времени прозу Сирина. В письмах обоих писателей разным лицам, когда им случалось упоминать друг друга, кроме бранных слов, их перья на бумаге не оставляли ничего.

239

Во втором главе «Воспоминаний» Набоков пишет: «...при отсутствии всякого надзора над штатом в полсотни с лишком человек, и в усадьбе и в петербургском доме шла веселая воровская свистопляска» (Владимир Набоков. Собр. соч. русского периода в пяти томах. Т. 5. СПб., 2000, с. 166).

«Как я любил кольца на материнской руке, ее браслеты! Бывало, в петербургском доме, в отдаленнейшей из ее комнат, она вынимала из тайника в стене целую груду драгоценностей, чтобы позанять меня перед сном. Я был тогда очень мал, и эти струящиеся диадемы и ожерелья не уступали для меня в загадочном очаровании табельным иллюминациям...» (там же, с. 159).

241

В. И. Рукавишников в 1914 году «...в последний раз уехал за границу и спустя два года там умер, оставив мне миллионное состояние и петербургское свое имение Рождествено...» (там же, с. 183). В начале третьей главы Набоков все же говорит: «Гораздо ближе мне другой мой предок, Николай Илларионович Козлов (1814-1889), патолог...» (там же, с. 172)

242

«Среди отдаленных ее предков, сибирских Рукавишниковых (коих не должно смешивать с известными московскими купцами того же имени), были староверы...» (там же, с. 161). В данном случае Г. И. прав: мать В. В. Набокова — из петербургских купцов Рукавишниковых, состоявших в близком родстве с московскими купцами Рукавишниковыми. Все Рукавишниковы, предки Набокова по материнской линии, происходили из одного рода сибирских купцов-старообрядцев. «Петербургские» Рукавишниковы, в 1880-е гг. получившие дворянство, не обязательно должны были тесно общаться со своими «московскими» родственниками, о которых Набоков мог просто не знать. См. на эту тему статью В. П. Старка «В. В. Набоков — родословные отражения» («Набоковский вестник». Вып. 2. СПб., 1998, с. 5-19).

243

«Могу по бедности понять и принять цыгановатую скрипку <...>, — но концертное фортепиано с фалдами и решительно все духовые хоботы и анаконды в небольших дозах вызывают во мне скуку, а в больших — оголение всех нервов и даже понос» (Владимир Набоков. Собр. соч. русского периода. Т. 5, с. 158).

Про какое «варенье на комоде у Софьички» идет речь, неясно, возможно, Гуль в Нью-Йорке передал с Гринбергами эту банку для Ивановых.

Адамович впоследствии регулярно печатался в «Новом журнале».

246

Александр Васильевич Бахрах (1902-1985) — журналист, литературный критик, с 1920 г. в эмиграции, жил в Варшаве. Париже, Берлине, с 1923 г. — в Париже, участник собраний «Зеленой лампы», писал рецензии на книги Г. И. В 1939 г. был призван во французскую армию, после выхода Франции из войны, с 1940 по 1944 г. жил у Буниных в Грассе, затем вернулся » Париж, где в 1945-1949 гг. сотрудничал в просоветски ориентированных «Русских новостях». В 1950-е гг. был начальником одного из отделов Русской службы «Радио Свобода».

247

Очевидно, письмо отправлено вместе с письмом 36.

Ди-пи (D. P., а также DP) - аббревиатура от англ. «displaced persons», «перемещенные лица» - официальный термин для всех лиц всех стран, оказавшихся вне мест проживания в результате войн или тиранических условий существования в собственной стране. Одоевцева, Г. И., Гуль употребляют этот термин в более узком смысле, имея в виду пленных и отправленных на работу в Германию жителей СССР, эмиграцию «второй волны».

249

Стихотворение напечатано в кн. XXXVIII «Нового журнала» (1954, с. 155) в разделе «Дневник (1954)». На его основе создано два новых: «Теперь бы чуточку беспечности...» и «Бороться против неизбежности...», но само оно восходит к стихотворению «Остановиться на мгновенье...» из «Портрета без сходства».

250

См. письма 31, 33, 35. 36, 40. 43.

251

Первую строчку стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» Гуль, вслед за Г. И., цитирует с искажением. И в «Петербургских зимах», и в «Распаде атома» Г. И. пишет: «На холмы Грузии легла ночная мгла».

252

Две первые строчки стихотворения Некрасова (1847) «Еду ли ночью по улице темной, / Бури заслушаюсь в пасмурный день...». Неясно, почему Гуль отмечает только их. Стихотворение в целом, по словам Н. Г. Чернышевского, «...показало: Россия приобретает великого поэта», а Тургенев, прочитав его, писал В. Г. Белинскому, что оно «...меня совершенно с ума свело; денно и мощно твержу я это удивительное произведение...».

Авдотья Яковлевна Панаева, рожд. Брянская, в первом браке Панаева, во втором Головачева (1819-1893) — прозаик, мемуаристка, с 1948 по 1963 г. гражданская жена Некрасова. С ним совместно писала прозу для «Современника» («Три страны света», 1848-1849, и др.), к ней в разные годы обращено большое количество его лирических стихов, в том числе таких признанных шедевров, как «Тяжелый крест достался ей на долю...» (1855), и др.

253

«Вертебральная колонна» — позвоночный столб. В стихотворении «На полянке поутру...» камбала говорит: «...Я флакон одеколону, / Не жалея, извела / Вертебральную колонну / Оттирая добела!...».

254

Строчка из стихотворения Г. И. «Полу-жалость. Полу-отвращенье...», напечатанного в кн. XXXIII «Нового журнала» (1953, с. 127).

255

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, в первом браке Борман, во втором Вильяме (1869-1962) — публицист, прозаик, мемуаристка, член ЦК кадетской партии, с 1918 г. жила в Англии, в 1919-1920г. приезжала в Россию, состояла в правительстве Деникина, с 1939 г. жила во Франции, с 1951 г. — в США, где была вице-председателем Русского политического комитета.

256

«Пощечина общественному вкусу» — подписанный Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым, первый манифест русских футуристов (2912).

257

Константин Александрович Федин (1892-1977) — прозаик. а 1920-е член литературной группы «Сералмоиовм братья», до 1936 г. жил в Ленинграде, затем в Москве, стал одним из ведущих советских литераторов, возглавлял в 1959-1971 гг. Союз писателей СССР. У Гуля из всех советских писателей лучшие отношения установились именно с Фединым, с которым ом познакомился в Берлине и который способствовал изданию его книг в СССР: «Ледяной поход» (1921), «Жизнь на фукса» (1927) и «Белые по черному» (1928).

258

Алексей Николаевич Толстой (1883-1945) — прозаик, драматург, в молодости поэт, с 1918 по 1923 г. находился в эмиграции, вернувшись иа родину, стал одним из крупнейших писателей СССР. В 1923 г. после отъезда Толстого в Россию. Гуль получил его должность редактора литературного приложения издававшейся в Берлине сменовеховской газеты «Накануне», Толстой поселился в Ленинграде и с конца 1920-х жил преимущественно в Детском Селе (до 1918 г. Царское Село, с 1937 г. город Пушкин), сначала по адресу Пролетарская (Церковная) ул, 9/10, а затем в собственном доме на Пролетарской ул.. 4. Здесь он жил в 1931- 1937 гг. Оба дома сохранились. Кроме того, в 1928-1930 гг. Толстой снимал верхний этаж дома на Московской ул., 10.

259

Аллюзия на статью Мережковского «Грядущий хам», другое заглавие — «Мещанство и русская интеллигенция» (1905).

260

Сеть дорогих магазинов одежды, основанная в 1818 г. братьями Бруксами (Brooks). Главные магазины в Нью-Йорке — в Рокфеллер-центре и на Мэдисон-авеню.

261

Николай Ефремович Андреев (1908-1982) — историк, с 1919 г. в эмиграции, жил в Эстонии и Чехословакии, в 1945 г. арестован в Праге, содержался в Берлине, с 1948 г. жил в Англии. В обзоре «Заметки о журналах: "Новый журнал", книги XXXV и XXXVI» («Русская мысль». 1954, № 667,16 июня, с. 4) он написал об отрывке из «Года жизни»: «"Год жизни" Ирины Одоевцевой примыкает к излюбленной писательницей проблеме женской сексуальности: технически повесть написана очень хорошо и — по-видимому — психологически проницательно, но специфичность тема» тики, конечно, делает произведение "условно художественным", особенно в рамках русской большой литературной традиции, — в "Годе жизни" скорее господствует струя "будуарной беллетристики" — выраженная даже не без виртуозности. Ирина Одоевцева-поэт (судя также и по ее новым стихам в XXXVI книге "Нового Журнала") все же несравненно значительнее, чем Одоевцева - прозаик».

Дальше по-английски от руки должен быть вписан адрес Питерсхема, куда Гуль уезжал летом. Естественно, в копию письма он не вносился.

263

В «Новом журнале» (1954, кн. XXXVII) напечатаны 4-6 главы «Других берегов» В. В. Набокова. См. письмо 36.

264

По поводу предков Набокова по материнской линии Г. И. не мог успокоиться и три года спустя, написав 7 мая 1957 г. В. Ф. Маркову: «Вообще заметили ли Вы, как он в своей биографии, гордясь "нашими лакеями", "бриллиантами моей матери", с каким смердяковским холуйством оговаривается, что его мать не из "тех Рукавишниковых", т. е. не из семьи знаменитых купцов-миллионеров, и врет: именно "из тех"» (Georglj Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov, 1955-1958. Koln-Weimar-Wien, 1994, c. 60).

265

Набоков в письме к Г. П. Струве от 3 июля 1959 г. так объяснял причины хамского выпада Г. И., подчеркивая, что пишет «историку литературы»: «...единственным поводом к этой атаке было следующее. Мадам Одоевцева прислала мне свою книгу (не помню, как называлась — "Крылатая любовь"? "Крыло любви"?, "Любовь крыла?") с надписью "Спасибо за Король, Дама, Валет" (т.е. спасибо, дескать, за то, что я написал К., Д., В. – ничего ей, конечно, я не посылал). Этот ее роман я разбранил в "Руле". Этот разнос повлек за собой месть Иванова. Voiltout.Вот и все (фр.). Кроме того, полагаю, что до него дошла эпиграмма, которую я написал для альбома Ходасевича:

Такого нет мошенника второго
Во всей семье журнальных шулеров!
– Кого ты так? – Иванова, Петрова,
Не все ль равно? – Позволь, а кто ж Петров?"

(Письмо к Г. П. Струве от 3 июля 1959)

«Историку литературы» забавно отметить, что роману Одоевцевой с убийственной беспамятливостью подобраны эквиваленты пошлых названий, ассоциирующиеся с собственной набоковской ранней прозой. Скорее, чем пародией на «Изольду», «Любовь Крыла» глядит автопародией на ранний рассказ Набокова с мистико-эротическим сюжетом «Удар крыла». О подспдных причинах взаимной неприязни друг к другу Г. И. и Набокова см. в статье Андрея Арьева «Виссон. Георгий Иванов и Владимир Сирин: стихосфера» («Звезда». 2006, № 2; в более полной версии: http://www/svobodanews.ru/content/Article/423166.html).

266

Гуль пишет: «...Цветаева ушла за мифом, в Россию. Так она и шла в лунном свете по карнизу, пока луна не привела ее в Дом отдыха, где ее неожиданно окрикнул какой-то (вероятно, очень страшный) голос. Она очнулась. Упала с карниза и ... повисла в петле. Это был последний расчет жизни с мифом». В похвале Г. И. есть некоторая двусмысленность, ибо расхваленный им фрагмент — явная реминисценция из недавно прочитанных Гулем «Петербургских зим», где не о Цветаевой, но о Блоке говорится: «Как внезапно очнувшийся лунатик, он упал с высоты и разбился».

267

Рецензия Юрасова на роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» напечатана в кн. XXXIX «Нового журнала» (1954, декабрь, с. 286-289).

268

Стихотворение «Распыленный мильоном мельчайших частиц...» поставлено в «Дневнике (1954)» последним, восемнадцатым (в публикации сбой: вместо «18» стоит «17»), «Камбала» («На полянке поутру...») — под номером 13 («Новый журнал». 1954, сентябрь, кн. XXXVIII, с. 162,160).

269

Роман Одоевцевой ««Оставь надежду навсегда».

270

Фрагмент из «Интернационала», переведенного в 1902 г. на русский Я. А. Коцем: «Добьемся мы освобожденья / Своею собственной рукой».

271

Атол (Athol) — небольшой, около 10000 жителей, город в штате Массачусетс, известен под этим названием с 1762 г., первые поселения на этом месте отмечены 1735 г.

272

Из басни И. А. Крылова «Зеркало и Обезьяна» (1816): «Какие у нее ужимки и прыжки!».

273

Надежда Александровна Лаппо-Данилевская, рожд. Люткевич (1874- 1951) — прозаик, драматург, мемуаристка, певица, в 1922 г. нелегально покинула Россию, жила в Польше, с середины 1920-х гг. во Франции.

274

Илья Григорьевич Эренбург (1891-1967) — поэт, прозаик, публицист. Оставаясь русским, затем советским подданным, много времени проводил за границей, преимущественно во Франции. Гуль знаком был с ним еще по Берлину начала 1920-х, несколько раз в самых благожелательных тонах писал как о его стихах («Новая русская книга». Берлин, 1922, № 2; 1923, №1), так и о прозе («Накануне». Берлин 1923,14 окт.), но затем свою оценку произведений Эренбурга и самой его личности резко изменил на отрицательную. В 1955 г. в «Новом журнале» (кн. XL, с. 295-301) опубликована рецензия Гуля «Об "Оттепели" Эренбурга». См. также: Роман Гуль. «Я унес Россию. Апология эмиграции» (Т. I. «Россия в Германии». Нью-Йорк, 1981; Т. 2, «Россия во Франции». Нью-Йорк, 1982).

275

Артур Кестлер (Koestler; 1905-1983) — английский писатель и журналист венгерского происхождения, первоначально ориентированный прокоммунистически, после гражданской войны в Испании занял резко антикоммунистические позиции, ярко выразившиеся в его романе «Darkness at Noon» («Тьма в полдень», 1940).

276

Не совсем точно воспроизведенная (с простонародным произношением слова «целую» — через «а») строчка из стихотворения Александра Блока «Седое утро» (1911): «И я — который раз подряд — / Целую кольца, а не руки...».

277

Вера Назимова — балерина, героиня романа, жена одного из двух главных героев романа, преуспевающего, затем арестованного, советского писателя Андрея Ауганова, вернувшегося на родину из эмиграции.

278

Штром — в романе секретарь советского полпредства в Берлине, затем следователь НКВД. «Он был "похож разом на араба и на его коня" и гордился этим сходством» — написано о нем в романе. Характеристика все-таки взята в кавычки как цитата.

279

В статье «Световой ливень» (1922) Цветаева написала: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня...».

280

Балерина Петровская, подруга и соперница Веры Назимовой, появившейся в театре после двухлетнего вынужденного драматическими обстоятельствами перерыва в сопровождении «важного иностранца», произносит несколько восторженных, скрывающих зависть фраз.

281

Михаил Волков — второй герой романа, со студенческих лет профессиональный революционер, друг Луганова, в советской время — маршал. Шофер Волкова — Федоров, бывший матрос, шофер и денщик Волкова, убивающий Луганова по приказу Волкова.

282

Содержание и дату выпуска в эфир этого скрипта установить не удалось.

283

Строчка из «Полтавы» Пушкина: «Швед, русский - колет, рубит, режет».

284

Пьер Мендес-Франс (Mendes France; 1907-1982) — один из крупнейших государственных деятелей Франции 1950-х гг., в 1954-1955 гг. Председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции, заключил положивший конец войне в Индокитае мир.

285

Фирл — такой фамилии или имени среди оппонентов Мендес-Франса не обнаружено. Возможно, это какая-то исчезнувшая аббревиатура организации его противников, критиковавших его за политику в Индокитае, завершившуюся разгромом французских войск и потерей для Франции этой территории (не исключается и обычная описка: не Фирл, а Фирс из «Вишневого сада»; чеховский персонаж хоть и не «проклинает» кого бы то ни было, все же олицетворенный сторонник «старого порядка», то есть «крепостной неволи», сравнимой с «колониальной», более сносной, чем грядущий коммунистический режим).

286

Очевидно, Гуль - противник окончания войны в Индокитае, расцененного им как уступка в борьбе с мировым коммунизмом. дальнейшая часть письма утрачена.

287

В письме к Гулю от 28 марта 1923 г. Цветаева уверяла: «Я люблю небо и ангелов: там и с ними бы я умела» (Марина Цветаева. Собр. соч. в 7 тт. Т. 6, с. 526). Но Одоевцева вспоминает, конечно не само письмо, а его фрагмент, процитированный в статье Гуля («Новый журнал». 1954, кн. XXXVI!, с, 131).

288

Возможно, цитата из каких-то стихов Одоевцевой, не вошедших в ее сборники.

289

Опубликованный двумя изданиями первый роман Одоевцевой: «Ангел смерти» (Париж, 1927, 1928). Судьба романа «Historic d'Anges» («История ангелов») не совсем ясна (см. письма 44, 47, 53).

290

Имеются в виду слова Фауста «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» — из «Фауста» Гете.

291

Реминисценция из стихотворения Одоевцевой «Вот палач отрубил мне голову...»: «В зеркалах отражается елка, / Оттого, что всегда Рождество — / Вечный праздник на Божьем свете» (1949).

292

Стихотворение «Распыленный мильоном мельчайших частиц...» поставлено, как и советует Гуль, последним. Стихотворение «На полянке поутру» - под тринадцатым номером (см. также письма 31,33,35,36,38,40).

293

Одоевцева вспоминает собственные строчки из стихотворения 1950 г. («Началось. И теперь опять / Дважды два не четыре, а пять. // По ковру прокатился страх / И с размаху о стенку — трах!»), завершившего цикл «Стихи, написанные во время болезни». В этом же цикле есть стихотворение «Вот палач отрубил мне голову...» — с «"елочными" ощущениями»: «В зеркалах отражается елка // Оттого, что всегда Рождество — //<...>// Я вот эта елка зеленая, / Блеском свечек своих ослепленная».

294

«Поднесь и ныне в ангельском чине» — похоже на строку из стихотворения Одоевцевой.

295

Из стихотворения Одоевцевой « — Вам надо уехать в Египет...»: «За окнами дождик сыплет / С упрямою косизной. / Как скучно лежать одной...» (из цикла «Стихи, написанные во время болезни»).

296

Из стихотворения Одоевцевой «Не правда, не правда, что прошлое мило...», напечатанного в «Новом журнале». В сборнике «Портрет в рифмованной раме» датировано 1960 г.

297

Инверсия вошедшей в поговорку фразы Хлестакова из гоголевского «Ревизора»: «У меня легкость необыкновенная в мыслях» (действие 3, явление 6).

Затянувшаяся, по мнению Одоевцевой, история с изданием и оплатой Издательством им. Чехова романа «Оставь надежду навсегда».

299

Изданный в США по-английски роман «Оставь надежду навсегда» («All Hope Abandon», New York, 1949).

И. А. Бунин. Его отзывы на роман Одоевцевой нам неизвестны. Особая злоба «братьев писателей» по поводу «Оставь надежду навсегда» автором сильно преувеличена. Кирилл Померанцев, к примеру, писал в «Русской мысли» всего за месяц с небольшим до этого письма: «...роман Ирины Одоевцевой является безусловно одной из самых замечательных книг, появившихся в русской зарубежной литературе» (1954, № 670, 25 июня, с. 4). Лишь отзыв ширяева в аргентинской «Наша страна» был критическим, но никак не завистливым или злобным.

301

Роман Одоевцевой «Изольда» (Париж, 1929, Берлин, 1931). Не исключено, что на его основе писался по-французски роман «История Ангелов»,может быть, задуманный как продолжение романа «Оставь надежду навсегда».

302

Имеется в виду сюжет с судьбой главной героини романа «Оставь надежду навсегда» Лизы Назимовой.

303

Хотя довоенные стихи Одоевцевой по-французски печатались (см., например, «Anthologie du XVIIIe au XXe siecle presentee par Efim Etkind:» Paris, 1983), публикация или рукописи переводов ее стихов из «Нового журнала» нам неизвестны.

304

Григорий Зиновьевич Беседовский (1896-1951) — советский дипломат, сотрудник ГПУ, советник полномочного представителя во Франции, в 1929 г. остался в Париже как «невозвращенец», основал и редактировал газету «Борьба» (1929-1932), автор двухтомных «воспоминаний бывшего советского дипломата» «На путях к термидору» (Париж, 1931-1932) и многочисленных хлестких публикаций в эмигрантской периодике, например, «Тайны Кремля» («Иллюстрированная Россия». 1933, № 22, 24, 26). В годы Второй мировой войны — участник французского Сопротивления. В романе Одоевцевой Штром — следователь, запутывающий и провоцирующий главную героиню.

305

Очевидно, речь идет о писавшемся по-французски с использованием сюжета «Изольды» продолжении «Оставь надежду навсегда», первоначальном «Историей ангелов».

Письмо 41.

307

Письмо 42.

308

Сергей Акимович Водов (1898-1968) - юрист, журналист, с 1920 г. в эмиграции, до 1925 г. жил в Праге, затем в Париже, один из создателей, член редколлегии и главный редактор (1954-1968) парижской газеты «Русская мысль»

309

Журнальный раздел «Библиография» с краткими рецензиями-аннтациями

310

Жан Кокто (Cocteau; 1889-1963) - французский поэт, драматург, режиссер. Сборник «Профессиональный секрет» вышел в 1922 г.

311

Гиперболизация достоинств Одоевцевой – устойчивый мотив писем Г. И. ко всем адресатам, не только к Гулю. Сама Одоевцева писала об этом тому же Гулю 10 марта 1963 г.: «Под конец Жорж очень жалел, что "недооценивал" меня столько лет. И, что уже просто смешно, считал меня лучшим поэтом, чем он сам» (BLG, Box 10, Folder 242).

312

Рецензия Г. И. на книгу, напечатанная в «Новом журнале» (1953, кн. XXXIV).

313

Выписываем этот эпизод романа: «По ресторанным столам еще раз пробегают аплодисменты. Камергер сел за рояль, из-под старческих рук метнулись бодрые и сильные аккорды. Но вот, "преображенцы", говорит в паузу Брянчанинов, и трудно аранжированный бьется, летит по залу Преображенский марш; "семеновцы", кричит он, марш летит упругими гуттаперчевыми звуками, старик склоняется к роялю, улыбаясь, вероятно, воспоминаниям. В туче звуков раздается генерал-марш, "кавалерия", кричит камергер и перед ним на гнедых конях гарцует конная гвардия; но вот, "артиллерия", кричит Брянчанинов, он раскраснелся, взволнованно откидывается корпусом влево, артиллерия в левой руке гудит по мостовой орудиями и гул ее сливается с общим заключительным маршем и с аплодисментами зала». Эпизод этот, очевидно, ценил и сам Гуль: он почти дословно повторяет сцену из его книги «Жизнь на фукса» (гл. «Парад войскам петербургского гарнизона»), с которой разнится лишь заменой нескольких слов и фамилии камергера (Брянчанинов вместо Злобин). Впрочем, и сама книга «Конь Рыжий» — модификация «Жизни на фукса» под знаком новой «смены вех» (в этой «автобиографии» действие доведено до пребывания Гуля во Франции, но исключены эпизоды встреч с литераторами в Берлине, в частности, упразднены жесткие характеристики Г. И., Адамовича, Оцупа, Ходасевича и др.).

314

Стихи переписаны рукой Одоевцевой. Полностью сохраняем их пунктуацию. В кн. XXXVIII «Нового журнала» (1954, сентябрь) напечатаны в редакции, немного отличающейся от рукописной (разночтения: в первом ст. 13 — «колышет» вм. «колеблет»; во втором: ст. 3 — «за туманной» вм. «за далекой»).

315

«На Западе»

316

Все отзывы Эренбурга о Г. И. носят негативный, но неоригинальный характер. Например, в статье «Русская поэзия», напечатанной под псевдонимом Жан Сало в берлинском журнале «Вещь» (1922, 1-2), содержит такой пассаж: «Я показывал своим друзьям издания "Петрополиса", и они, не зная русского языка, глядя только на костюмы книг, восклицали: " как будто там не было революции". Я, прочитав стихи, готов также усомниться — была ли война, 1914, 1917, и последующие, был ли явлен в России редкий лик трагедии? Или, может быть, проще — то, что видели все, даже наш рантье из Медона, не мог разглядеть поэт Георгий Иванов и многие иные?» (цит. по изданию: И. Г. Эренбург. «Портреты русских поэтов». Публ. А. И. Рубашкина. СПб., 2002, с. 227-228). Частные отзывы были много резче. Г. И. поквитался в берлинском выпуске альманаха «Цех поэтов»: «Мандельштам, Ахматова, Ходасевич, Сологуб, Цех... Кто еще? — Два-три "молодых" под вопросом. Это — на одном берегу. А на другом — Эренбурги. Имя же им Легион. <...> Эренбург с течением времени все больше склонялся к левизне, испытанному средству, чтобы замаскировать всяческие грешки, даже самую бездарность» («Цех поэтов». Кн. 4. Берлин, 1923). Тем не менее, обоим поэтам случалось выступать вместе, например, в Берлине 29 января 1923 г. на «Вечере поэтов» в «Кафе Леон». Через месяц, 28 февраля, в том же «Кафе Леон» Эренбург оппонировал докладу Адамовича на собрании Цеха поэтов, на котором читал стихи и Г. И. О статье Гуля и его отношении к Эренбургу см. примеч. к письму 40.

317

Строчки из вошедшего в первый сборник Эренбурга «Стихи» (Париж, 1910) стихотворения «Вы приняли меня в изысканной гостиной...» (у Эренбурга — «шоколад», а не «шеколад»). Их же цитирует Гумилев в обзоре 1911 г. в «Аполлоне», и сам Г. И. в «Почтовом ящике» из кн. 4 «Цеха поэтов»» (Берлин, 1923). Так что, скорее всего, помнил он в первую очередь свой и гумилевский отзывы, а не стихи Эренбурга как таковые. Поминали это стихотворение и другие оппоненты Эренбурга.

318

Чуть измененные строчки из стихотворения Г. И. «Видел сон я: как будто стою...» (сборник «Лампада», 1922): «О письме, что дойдет через год, / Или вовсе к тебе не дойдет». Слегка поправив начало стихотворения («Мне приснилось, как будто стою...»), Г. И. перепечатал его в «Русской мысли» (1954, № 668, 18 июня, с. 5), входившей в регулярный круг чтения как Одоевцевой, так и Гуля.

319

Эжен, Евгений, как писали в России в XIX веке, Сю (Sue; 1804-1857) плодовитый и популярный при жизни французский писатель, автор романа «Парижские тайны» и др. В советское время был опубликован в 4 тт. его роман «Агасфер» (М.; Л., 1933-36).

320

В романе «Оставь надежду навсегда» сирота Михаил Волков, ставший видным большевиком, маршалом, воспитывался в гимназические годы в семье Андрея Луганова его матерью, «мамой Катей», как оба друга ее называли. Последнее письмо «Катерины Павловны», написанное во время революции из имения, где ее вскоре заживо сожгли погромщики, теребило душу героя романа всю его жизнь.

321

Французский оригинал второй части «Оставь надежду навсегда», названной здесь «Смерть Веры Назимовой», косвенно подтверждает его тождество с романом, изначально называвшимся «Histoire d'Anges» (см. письма 10, 42, 44, 70).

322

Популярный анекдот: некто, встретив чекиста с верблюдом, восклицает: «Только взгляните, до чего они довели лошадку!». Маяковский, исключив политический подтекст, обыграл анекдот в «Стихах о разнице вкусов» (1928), написанных в Париже.

«Ам-славе» - «славянская душа» (от «ame slave», фр.).

Имеется в виду икона Божией Матери «Нечаянная Радость», но для Г. И. это несомненно еще и память о названном по ней втором сборнике стихов Александра Блока (1907).

325

Речь идет о письмах 44 и 45, написанных 6 и 9 августа.

326

Очевидно, те же два стихотворения (с мелкой правой), что приложены к письму 45.

327

Эта правка в стихотворение «Ну да — немного человечности...», открывающее «Дневник (1954)» в кн. XXXVIII «Нового журнала», внесена.

328

Из стихотворения «"Желтофиоль" — похоже на виолу...». Правка внесена.

329

Из стихотворения «Волны шумели: "скорее, скорее"...» Правка внесена.

330

Гуль перефразирует начало присланного для «Дневника» стихотворения Г. И.: «Жизнь пришла в порядок / В золотом покое».

331

Очевидно, Гуль имеет в виду небольшую поэму Георгия Адамовича «Вологодский ангел» (1917), вошедшую в его сборник «Чистилище» (1922), хотя ей предшествовал рассказ с тем же сюжетом и заглавием (1916), печатавшийся в периодике («Огонек». 1916, № 14). В обеих вещах речь идет о соблазненном и погибшем вологодском юноше Алеше.

332

Филистимляне — населивший Палестину, многократно упоминаемый в Ветхом Завете пришлый языческий народ, неизменный противник израильтян.

333

Производное от «субалтерн-офицер» («Subaltern-offizier» — нем.) — общее название младших офицеров в разных армиях, в том числе в русской.

334

В трагедии Фридриха Шиллера «Коварство и любовь» (1784) главный герой Фердинанд фон Вальтер умоляет свою юную возлюбленную Луизу Миллер, чтобы она отреклась от письма, порочащего ее имя и ею подписанного: «Ну, солги, Луиза! солги!» (Сцена вторая).

335

См. письмо 45, стихотворение «Я люблю безнадежный покой...».

336

Вера Александровна Александрова, рожд. Мордвинова, в замужестве Шварц (1895-1966) — редактор, публицист, критик, с 1922 г. жила вместе с высланным из России мужем в Берлине, сотрудничала в «Социалистическом вестнике», с 1933 г. жила в Париже, с 1940 г. в США, главный редактор Издательства им. Чехова. Ее переписка с Г. И. по поводу издания «Петербургских зим» опубликована в «Новом журнале» (1996, кн. 203-204).

337

Pen-club — International PEN, основанная в 1921 г. в Лондоне организация, борющаяся за свободу творческого выражения и взявшая на себя правозащитные функции по отношению к писателям, чьи политические свободы ущемляются правительствами или любыми иными органами любых стран. Первым президентом ПЕНа был английский писатель Джон Голсуорси (Galsworthy). Наименование «PEN», помимо прямого значения «перо», является также аббревиатурой «Poets, Essayists, Novelists», ибо первоначально организация объединила только поэтов, эссеистов и романистов.

338

Стихотворение Одоевцевой, посвященное Н. И. Ульянову, «С Новым Годом, современники...» («Русская мысль». 1954, № 623,13 янв., с. 3) заканчивается строчкой: «С Новым Годом, дальний друг!..».

339

Ширяев в газете «Наша страна» (1954, № 236, 17 июля, с. 6) написал статью «О двух книгах». В ней сравнивается роман «Оставь надежду навсегда» и сборник рассказов Михаила Бойкова «Сокровище сердец», сравнивается не в пользу Одоевцевой по одной простой причине: Бойков был свидетелем советских ужасов, автор романа «Оставь надежду навсегда» не была. С первых строк статьи об этом и пишется: «Ирина Одоевцева выехала из России в самом начале двадцатых годов, в эмиграции стяжала некоторую литературную известность <…>, литературный труд для нее, насколько это известно автору этой статьи, приятное заполнение досуга. Михаил Бойков — новый эмигрант, не выехавший, но прорвавшийся с боем из советской России, <…> литературный труд для него не только основная жизненная профессия, но глубоко владеющее им призвание» (благодарим Н. Л. Казанцева за присылку ксерокопии этой статьи).

340

Перефразированная строчка из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830): «Ты им доволен ли, взыскательный художник?».

341

«Crossfire» («Перекрестный огонь») — снятый в Голливуде (1947) на студии RKO фильм режиссера Эдварда Дмитрыка (Dmytryk), получивший несколько призов в США и Европе. Первый голливудский, и один из первых в США, фильм об антисемитизме.

342

Лидия Александровна Толстая, рожд. де Миллер (1903-1978) и Иван Михайлович Толстой (1901-1982), супруги, знакомые Гуля и Г. И. с Одоевцевой по Парижу. После войны помогали тем из советских граждан, кому грозила выдача советским властям, перебраться в США. Переехав в США, Толстые продолжали помогать политическим беженцам из СССР. О Л. А. и И. М. Толстых Гуль пишет в «Я унес Россию» (Т. III. «Россия в Америке».

343

И. М. Толстой, внук Л. Н. Толстого, церковный регент.

Очевидно, какие-то шутливые музыкальные пьесы, как-то связанные и с «размахайчиками», персонажами «Распада атома», стилизованными, похожими на людей зверьками. Изображениями «размахайчиков» Г. И. украшал свои письма, рукописи и книги.

345

Роман Гуль. «Цветаева и ее проза» («Новый журнал». 1954, июнь, кн. XXXVII, с. 129-140)

346

Статья Г. И. для изданного в трех томах (Париж, 1955-1957) «Бурелома» Бурова (см.письма 20, 59, 142).

347

Без знаков препинания записанные строчки из пушкинской «Оды его сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825): «Вам с Бейроном шипела злоба, / Гремела и правдива лесть. / Он лорд — граф ты! Поэты оба! / Се, мнится, явно сходство есть».

348

Строчка из первоначально посвященного Одоевцевой (в сб. «Огненный столп» посвящение снято) стихотворения Н. С. Гумилева «Лес» (1921): «...твои зеленоватые глаза, / Как персидская больная бирюза».

349

Суперлативная форма — форма «превосходной степени», в данном написании —- от англ. superlative (superlatif — фр.).

350

«Наша страна» — русская монархическая еженедельная газета, издаваемая в Аргентине (Буэнос-Айрес) с 1948 г. по настоящее время. Кроме того, 27 июля Одоевцева отмечала свой день рождения.

351

Выражение, восходящее к ветхозаветной Псалтири: «утешение в бедствии моем» (118:50).

352

Реминисценция из напечатанного в кн. XXXVIII «Нового журнала» стихотворения Г. И. «Эти сумерки вечерние...»: «(В чайной "русского народа / Трезвенники спирт глушили: / - "Внутреннего" - жарь резинами! / - Немца - закидаем шапками!)».

353

Стихотворение «Дождь шумит по грифельной крыше, / Еле слышно скребутся мыши / Там, внизу, этажом пониже - / Очень много мышей в Париже...» («Новый журнал». 1954, кн. XXXVIII, с. 181).

354

См. письма 33, 51, 53.

355

Из стихотворения Ахматовой «Я улыбаться,перестала...» (1915): Одной надеждой меньше стало, / одною песней больше будет».

356

«Не такие царства погибали» - реплика К. П. Победоносцева о судьбе России в его разговоре с Александром III.

357

А. В. Луначарский на одном из антирелигиозных диспутов, позабывшись, захотел сослаться на известную поговорку «Дорого яичко ко Христову дню», но, спохватился и вместо «Христова дня» произнес «...к известному дню».

358

См. письма 33,51,53,55.

359

В фонде Карповича из Бахметевского архива в Колумбийском университете, где хранятся письма к нему Г. И., писем за 1954 г. нет.

360

Этого письма в BLG нет.

361

Юлия Леонидовна Сазонова, рожд. Слонимская (1887-1957) – режиссер кукольного театра, театровед, прозаик, с 1920 г. в эмиграции, жила в Болгарии, с 1924 г. во Франции, с начала Второй мировой войны в США, с 1955 г. снова во Франции. Г. И. был знаком с ней еще по Петербургу. В 1916 г. он переводил для Театра марионеток французскую пьесу XVII века, в постановке которой в «Привале комедиантов» принимала участие Сазонова, тогда Слонимская.

362

Экспромт Гуля имеет источник: опубликованное посмертно в «Аполлоне» (1910, № 8) стихотворение И. Ф. Анненского «Петербург» («Желтый пар петербургской зимы...»).

363

Каламбур, ставший популярным благодаря неоконченным предсмертным стихам Маяковского: «...Как говорят инцидент исперчен / любовная лодка разбилась о быт...».

То есть «Новый журнал», на титульном листе которого написано «New Review» — обязательный в США английский подзаголовок издающегося в стране иноязычного печатного органа.

365

В начале февраля 1955 г. Г. И. и Одоевцева уехали из Парижа в Йер, департамент Вар, под Тулоном в интернациональный дом «Босежур» («BeausJjour»). Он был создан под эгидой ООН для престарелых политических беженцев, не имеющих французского гражданства. Существует до сих пор, хотя русских постояльцев в нем давно нет. Перед отъездом 20 января в зале Музыкального общества («Русская консерватория»») в Париже состоялся вечер Г. И, на котором он сам и Одоевцева читали его стихи, а Терапиано сделал доклад.

366

Одна из любимых, но не совсем точно цитируемых максим Г. И. из книги Григория Ландау «Эпиграфы» (Берлин, 1927): «Если близкому человеку надо объяснять, то не надо объяснять». Григорий Адольфович Ландау (1877-1941) — философ, эссеист, с 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. жил в Берлине, сотрудничал и в парижских изданиях, в частности в «Числах». В 1938 г. переехал в Ригу, где в июне 1941 г. был арестован советским властями и 15 ноября 1941 г. умер во время следствия в Сурмогском ОЛПе № 8 Усольлага (Соликамский район Пермской области). Некоторые мысли и выражения Ландау прямо или косвенно постоянно цитируются и в стихах, и в эссеистике, и в письмах Г. И.

«Слипинг» — спальный вагон (англ. «sleeping»).

368

Евгений Михайлович Яконовский (1903-1974) — журналист, прозаик, в эмиграции с 1920-х, во Франции; в 1950-е сотрудник «Возрождения», в котором после отставки Мельгунова занимал как ответственным секретарь редакции ведущее положение в формировании портфеля журнала. Печатался также в «Русском Воскресении», «Гранях» и др. эмигрантской периодике. Яконовский написал статью памяти Г. И. в «Возрождении» (1958 № 82, с. 122-126) «Принц без короны» и, по предположению Адамовича «Русском Воскресении» (1955, № 18,20 окт., с. 3).был автором подписанной псевдонимом Андрей Шепель статьи «Моцарт и Сальери», в которой Г. И. уподоблен Моцарту, а Адамович — Сальери.

369

«Ничего не забыли, но и никогда ничему не учились» — благодаря инверсии здесь остроумно перефразируется известное изречение французского адмирала де Пана (de Panat) о роялистах (1796): «Никто из них ничего не забыл и ничему не научился»

370

Рецензия на антологию «На Западе», которую Г. И. обещал написатьеще в мае 1954 г. (см. письмо 31). «Погибли для вечности» и общанные «воспоминания».

371

Роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда».

В одной книжке «Нового журнала» (1954, кн. XXXIX) напечатана и рецензия Юрасова на роман Одоевцевой, и статья Ульянова о Ходасевиче «Застигнутый ночью».

373

Содержание и дату выпуска в эфир этого скрипта установить не удалось.

374

Надежда Филаретовна фон Мекк, рожд. Фроловская (1813-1894) — ко времени знакомства с Чайковским вдова с миллионным состоянием, владелица домов в Москве, поместий и вилл в России и за границей. К Чайковскому относилась, по ее словам, с «самым высоким из всех чувств, возможных в человеческой натуре» и, естественно, всячески помогала ему. Стала своего рода символом благородного, бескорыстного меценатства.

375

Евгений Францевич Роговский (1888-1950) — эсер, в эмиграции с 1918 г., стал бизнесменом, был директором «Русского дома» в Жуан-ле-Пене.

376

«Лежал прекрасно, первоклассно, уйти я вовсе не хотел» — ни в одном из четырех вышедших к этому времени стихотворных сборников Терапиано такой фразы нет. Она вообще не в духе его несколько отстраненной от быта поэзии, хотя не исключено, что взята Гулем из какого-то стихотворения, напечатанного только в периодике.

377

Скорее всего Гуль имеет в виду цыганский романс А. П. Денисьева «К чему скрывать?» («К чему скрывать, что страсть остыть успела...» (около 1890).

3. Н. Гиппиус много говорила и писала о «Распаде атома». По словам Г. И., ее письма к нему сгорели вместе с виллой «Парнас» под Биаррицем во время налета союзной авиации весной 1943 г. В данном случае речь идет скорее всего о статье Гиппиус «Черты любви» в парижском альманахе «Круг» (1938, кн. 3, с. 139-149). Но возможно, имеется в виду и какое-то письмо Гиппиус, не обязательно к Г. И.

379

Гуль вспоминает посвященное Г. И. стихотворение Игоря Северянина «Диссона» (1912): «В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою шелковой, / Ваше Сиятельство любит по вторникам томный журфикс…».

Дальше оставлено место, чтобы от руки вписать по-английски адрес.

381

Гуль, разумеется, имеет в виду не самого Жана Жироду (Giraudoux; 1882-1944) — французского драматурга, романиста, эссеиста, умершего десятью годами раньше, а улицу в Париже, названную его именем, на которой жили Ивановы перед отъездом в Йер.

382

Перикл Ставрович Ставров, наст, фамилия Ставропуло (1895 — 1955) — поэт, прозаик, с 1920 г. в эмиграции, в Греции, с 1926 г. во Франции. В 1939-1944 г. председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции.

383

Довид Кнут, наст, имя Давид Миронович Фиксман (1900-1955) — поэт, прозаик, в 1920 г. переехал из Кишинева во Францию, участник Сопротивления, с 1942 г. жил в Швейцарии, в 1945 г. вернулся во Францию, в 1949 г. уехал в Израиль.

Дальше оставлено место, чтобы от руки вписать по-английски адрес. В. И. Жабинский, помимо псевдонима Юрасов, еще и жил под чужой фамилией, как «перебежчик» опасясь преследования КГБ.

385

Под заглавием «Отдайте ему курсив» Ильф и Петров напечатали в 1932 г. фельетон в московской «Литературной газете».

Речь идет об изданном под редакцией Г. П. Стрвуе и Б. А. Филиппова Собрании сочинений Осипа Мандельштама (Нью-Йорк, Издательство им. Чехова, 1955).

387

Аллюзия на книгу: Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. «Переписка из двух углов». Пб., 1921.

Одна из таких «обид» нанесена в получившей широкий резонанс статье «В защиту Ходасевича», напечатанной в ведущей газете довоенной эмиграции «Последние новости» (1928, № 2542. 8 марта). Вейдле, неизменный сторонник Ходасевича, упоминается в ней в таком контексте: «Антон Крайний поставил вопросительный, правда, до чрезвычайности вопросительный, знак равенства Ходасевич — Блок. В. Вейдле в обстоятельной статье подводит под эти обмолвки кропотливый многотрудный фундамент. Но обмолвиться много проще, чем "научно обосновать". Да и как обосновать и оправдать в поэзии отсутствие тайны, "крыльев" (Вейдле сам признается — "бескрылый гений"). Как заставить полюбить... отсутствие любви, полное, до конца, к чему бы то ни было?».

389

Автоцитата из стихотворения «Все чаще эти объявленья...» из сборника «Портрет без сходства».

390

Гавриил Константинович Романов (1887-1955) — князь императорской крови, сын К. Р., участник Первой мировой войны, полковник Генерального штаба, в феврале 1917 г. вышел в отставку, вскоре обвенчавшись тайно с балериной Мариинского театра Антониной Нестеровской. В 1918 г. арестован большевиками, но был вызволен благодаря хлопотам жены, М. Горького и др. Тогда же через Финляндию уехал во Францию, где в 1939 г. получил титул великого князя. Автор мемуаров «В мраморном дворце. Из хроники нашей семьи» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955).

391

Константин Константинович Романов (1858-1915) — великий князь, внук Николая I, поэт, драматург, переводчик, печатавшийся с 1882 г. под криптонимом «К. Р.». С 1899 г. был президентом Петербургской Академии наук (при нем в ней учрежден «Разряд изящной словесности»), с 1910 г. ген.-инспектор военных учебных заведений России. В это время (1907-1911) Г. И. учился в Петербурге во 2-м кадетском корпусе, о чем писал В. Ф. Маркову 1 мая 1937 г.: «Этот Гран-дюк был, кстати, большая душка, и все мы его искренно (и было за что) любили. Он мой, кстати, и литературный крестный отец: в нашем корпусе издавался журнал «Кадет Михайловец» — великолепно издавался на чудной бумаге и т. д. И там я ничтоже сумняшеся напечатал (с его высочайшего поэтического одобрения) пук арки декадентских стихов» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov, 1955-1958. Koln; Weimar; Wien, 1994, c. 55). Г И. тут весьма преувеличивает роль К. Р. в своей литературной судьбе. В журнале «Кадет-Михайловым» опубликовано лишь одно его стихотворение — «Гром» (1910, № 7, 23 ноября). Никакого «пука архи декадентских стихов» в журнале не было, а печататься Г. И. начал еще раньше — в петербургском еженедельнике «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности» (1910, N» 1). Упомянутые стихотворения К. Р. «Умер» («Умер, бедняга! В больнице военной...», 1886) и «Помнишь, порою ночною...» (1886) неоднократно были положены на музыку, а первое даже стало народной песней. В 1908 г. никаких сборников стихов К. Р. не издавалось.

392

Анекдотическое сообщение Г. И., возможно, имеет под собой какую-то реальную основу, т. к. в 1955 г. в Бразилии появилась книга К. Р. «Жемчужины поэзии» (Сан-Пауло, «Луч»), вариант петроградского издания 1916 г. «Жемчужины духовной поэзии» — с той же вступительной статьей Н. Н. Сергиевского. Кроме того, именно к секретарю редакции «Возрождение» И. К. Мартыновскому-Опишне в июле 1956 г. Г. И. обращается с просьбой о присыле книг: «Также (не к спеху) "Жемчужины поэзии" К. Р., которого, при случае, хочу отметить как даровитого поэта (и как-никак нашего любимого "шефа" в добрые старые времена). Он ведь, конечно, не сверхестественный талант, однако был хороший ученик Фета — Полонского и затюкали его совершенно несправедливо» (BL, Gen Mss Misc, Group 248, Item F-1).

393

Сергей Дмитриевич Рубинштейн (1907-1955) — сын петербургского банкира, вместе с ним в 1917 г. уехавшего из России в Европу через Финляндию; закончил Кэмбриджский университет, в 22 года стал управляющим Французско-Азиатским банком в Париже, в 1935 г. выслан из Франции, поселился в Англии, затем в 1938 г. в США, где в 1943-1945 гг. сидел в тюрьме за сокрытие налогов. 27 янв. 1955 г. убит в своем особняке в Нью-Йорке.

394

Луи Жорж Мандёль, наст, фамилия Ротшильд (Mandel; 1885-1944) — министр почт (1934-1936) и внутренних дел (1940) Франции. В 1940 г. отказался поставить свою подпись под актом о перемирии с Германией, был арестован, а когда в 1944 г. вернулся в Париж, был расстрелян по приказу начальника полиции Виши.

395

Очевидно, эта характеристика относится к «Русскому дому» в Жуан-ле-Пене, где Ивановы жили в конце 1947 — начале 1948 г. Заведовал этим домом Е. Ф. Роговский.

396

Игорь Северянин, наст, имя Игорь Васильевич Лотарев (1887 — 1941) - поэт, основатель эгофутуризма, первой литературной группы, в которую вошел юный Г. И. в 1911 г. Под маркой «Ego» вышла первая книга стихов Г. И. «Отплытье на о. Цитеру» (декабрь 1911, на титуле 1912) с «Сонетом-посланием», посвященным Игорю Северянину. Г. И. говорит о стихотворном отклике на него. Следом Игорь Северянин посвятил Г. И. еще одно стихотворение — «Диссона» (1912). Однако уже в 1912 г. Г. И. покинул группу эгофутуристов ради Гумилевского «Цеха поэтов», оставаясь с Игорем Северяниным в корректных отношениях. Они изменились после опубликования Г. И. в парижской газете «Звено» фельетонного типа очерка из серии «Китайские тени» (вошел затем в «Петербургские зимы», гл. III) — о знакомстве с «королем поэтов». Игорь Северянин отреагировал резким фельетоном в варшавской газете «За свободу» (1927, 3 мая). Кроме того, в изданных в 1934 г. в Белграде «Медальонах» он поместил желчный сонет «Георгий Иванов», поставив под ним дату написания «1926», очевидно ложную, чтобы стихотворение не показалось еще одним «ответом» на оскорбивший его фельетон. Одоевцева в книге «На берегах Сены» написала об Игоре Северянине с симпатией. Об отношениях Г. И. с Северяниным и эгофутуризмом в целом см. в книге Н. А. Богомолова «Русская литература первой трети XX века» (Томск, 1999, с. 406-432).

397

Ниже этой строчки автопортрет-шарж Г. И. в полный рост, с бабочкой, розой в руке, с размахайчиком, рядом с пальмой, под солнцем.

398

Отсылка к определению прозы и поэзии Самюэлем Кольриджем в его «Исследовании поэзии» («A Study of Poetry»): «Проза — это слова в лучшем порядке, поэзия — лучшие слова в лучшем порядке» («Prose, words in their best order, Poetry, the best words in the best order»).

399

Н. Ульянов. «Застигнутый ночью» («Новый журнал». 1954, кн. XXXIX, с. 143-154).

400

Вольная цитата — из А. Ренникова, «нововременского» фельетониста, высмеивавшего в довоенном «Возрождении» М. В. Вишняка и С. М. Соловейчика, эсеров (см.: Роман Гуль. «Я унес Россию». Т. 2. «Россия во Франции». Нью-Йорк. 1984, с. 87-88).

401

Письмо или не подписано, или отсутствует его окончание.

402

Ироничное прозвание русских «формалистов», лидером которых был Виктор Борисович Шкловский (1893-1984) — теоретик литературы, прозаик, мемуарист.

Г. И., приняв эту игру, ряд дальнейших писем к Гулю подписывал: «Жоржа». Так же именует его иногда в письмах к Гулю и Одоевцева.

404

Возможно, что этот «граф» — мифический (см. письмо 103, начинающееся обращением к Гулю: «Дорогой граф...»): Гуль шлет собственные вещи, вещи знакомых, быть может, что-то из гардероба покойного мужа Элизабет Хапгуд — Норманна Хапгуда, известного американского писателя и дипломата, личного представителя президента Вудро Вильсона в Европе.

«Быстро только кошки е..тся».

406

Гуль обыгрывает стихотворение Ахматовой «Широк и желт вечерний свет...» (1915): «Ты опоздал на много лет, / Но все-таки тебе я рада».

407

В НЖ-1980 Гуль к этой фразе делает примечание: «Рассказывают, что Тосканини как-то спросил первую скрипку своего оркестра: "Почему вы всегда такой грустный?" — "Маэстро, я не люблю музыку",- отвечала первая скрипка». На самом деле этот распространенный среди музыкантов анекдот конкретно к Тосканини отношения не имеет. Хотя, как разъяснил нам Б. А. Кац, возник он из реальной практики розыгрыша опытными оркестрантами молодых дирижеров. Во время репетиции старый концертмейстер все время играет с недовольной миной на лице. Дирижера это, естественно беспокоит, и он пытается установить, в чем дело? И, в конце концов, получает «признание»: «Все в порядке, просто я с детства не люблю музыки...».

408

Статья В. Г. Белинского (1840). Вольфганг Менцель (Menzel;1798-1873) — немецкий писатель и критик.

409

Николай Александрович Добролюбов (1836-1861) — радикальный критик, ведущий сотрудник некрасовского «Современника».

410

Николай Константинович Михайловский (1842-1904) — социолог, публицист, критик, общественный деятель народнического направления, создатель «субъективного метода» в социологии, сторонник «этико-социологического» подхода к явлениям культуры, отстаивал представления о «правде-истине» и «правде-справедливости», которыми необходимо руководствоваться при постижении законов общественной жизни. Связанный с мыслью Михайловского замысел Гуль осуществил. В начале статьи «Георгий Иванов» он написал: «...несмотря на этический уклон во взглядах на искусство, Михайловский, вероятно, все-таки прекрасно понимал его иррациональную природу, эту "страшную вещь — красоту", если говорил: "Эстетика это Каин, который может убить Авеля — этику"» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 110-111). У Михайловского в «Литературных воспоминаниях» эта мысль выражена следующим образом: «...я имел много случаев убедиться, что хотя этика и эстетика весьма близкие родственники, но между ними часто разыгрывается история Каина и Авеля. В этом, конечно, и заключается истинная причина того одностороннего и преувеличенного гонения, которое некоторые пылкие молодые головы воздвигали в шестидесятых годах на эстетику. Как бы односторонне и преувеличенно ии было это гонение, оно имело свои жизненные основания; в особенности, если к этике прибавить еще политику. И было а нем несомненное зерно правды. Его можно формулировать вопросом: Каин! где брат твой Авель??» (Н. К. Михайловский. Поли. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909, с. 40).

411

Гуль перефразирует строчки стихотворения Гумилева «Мои читатели» из сб. «Огненный столп» (1921): «Я не оскорбляю их неврастенией, / Не унижаю душевной теплотой».

412

Используемые в качестве почтовых марок специальные купоны, в отличие от марок не относящиеся к конкретной стране.

Именно так Гуль и поступил. Второй абзац его статьи «Георгин Иванов» начинается словами: «Недавно о последних стихах Иванова один мой собеседник сказал: "Мне хочется его приговорить к лишению всех прав состояния и, быть может, даже отправить в некий дом предварительного заключения"» («Новый журнал». 1955, км. XLII, с. 110).

414

«Дядя Бонифаций» — персонаж романа Юрия Юркуна «Шведские перчатки» (1914) и одноименного стихотворения Кузмина (1914; вошло в состав его книги «Нездешние вечера», 1921), написавшего к роману предисловие и стихотворение по его мотивам. В стихотворении о персонаже сказано: «Мелькнет нам дядя Бонифаций, / Как неизменный, детский друг» (указано Н. А. Богомоловым). К самому знаменитому Бонифацию, римскому папе Бонифацию VIII, этот «дядя Бонифаций» никакого отношения не имеет.

415

В «Полтаве» Пушкина о дочери Кочубея Марии сказано: «Как тополь киевских высот, / Ока стройна...».

416

Николай Моршен, наст, имя Николай Николаевич Марченко (1917 — 2001) — поэт, в 1943 г. из Киева попал в Германию, в 1950 г. переехал в США. Г. И. особенно выделил его дарование в статье «Поэзия и поэты», едва только первые стихи Моршена появились в эмигрантской печати: «Пользуюсь случаем указать на третьего поэта, имеющего все данные занять равное место рядом с Кленовским и Елагиным. Ник. Моршен такой же Ди-пи, как они. В № 8 «Граней» напечатано его 19 стихотворений, во многих отношениях замечательных. Они, конечно, не лишены недостатков. Но недостатки стихов Ник. Моршена случайны и легко устранимы, достоинства же очень значительны. Но почему-то критики, засыпающие подвалами его более удачливых товарищей — особенно Елагина — до сих пор, если ие ошибаюсь, ни разу не упомянули имя Ник. Моршена, не менее, чем они, заслуживающего внимания. Исправляю, хотя и чересчур кратко, эту несправедливость и приглашаю своих "коллег" последовать моему примеру» («Возрождение». 1950, № 10, с. 179-180).

417

Гуль говорит о книге Сергея Маковского «Портреты современников» (Нью-Йорк, Издательство им. Чехом, 1955).

418

Н. Валентинов, наст имя Николай Владиславович Вольский (1879- 1964) — историк, экономист, публицист, участник революционного движения (меньшевик), после революции редактор московской «Торгово-промышленной газеты». В 1928 г. не вернулся в Россию из командировки во Францию, перейдя в 1930 г. на положение эмигранта. В 1953 г. в Издательстве им. Чехова выпустил книгу «Встречи с Лениным», печатался в «Новом журнале».

419

Гуль имеет в виду поэму Блока «Ночная Фиалка» (1906), имеющую подзаголовок «Сон» и представляющую собой, по словам Блока, «почти точное описание виденного мной сна». Андрей Белый фиолетовые цвета и фиалковые запахи поэмы объяснял в «Воспоминаниях о Блоке» так: Блок «...пришел к удивительному, очень важному внутреннему узнанью; узнанье связалося с восприятием сильно-пахнущего фиалкою темно-лилового цвета <...> он много узнал от вживания в едко-пахучий фиалковый, темно-лиловый оттенок; оттенок его как-то странно увел от прошедшего; и открылся ему такой темный, лиловый и новый, огромнейший мир» («Геликон». 1922, № 2, с. 278-279). Вообще же Андрей Белый полагал, что в «Ночной Фиалке» блоковская «Прекрасная дама» перелицовывается в «служанку пивной».

420

«Туда приедет большевик...» — источник цитаты не установлен.

421

Остап Бендер, герой романов Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», постоянно цитируемых Г. И. и едва ли не единственно восхищавших его в современной ему советской литературе. О Бендере в «Двенадцати стульях» написано: «На другой день он привел в исполнение давнишнюю свою мечту. Купил дивный серый в яблоках костюм» (гл. XXXIX). И в начале романа также утверждалось: «Начать карьеру многоженца без дивного, серого в яблоках костюма было невозможно» (гл. V).

422

«Политическим автором» Г. И. и Гуль постоянно называют Одоевцеву — после публикации ее романа «Оставь надежду навсегда», в котором воображением автора воссоздана советская жизнь.

423

Имеется в виду рецензия Гуля на нью-йоркское «Полное собрание сочинений» Н. А. Клюева («Новый журнал». 1954, кн. XXXVI, с. 290-293).

В 1955 г. «Опыты» (кн. IV) напечатали стихотворение Адамовича «Посвящение» («Я не тебя любил, но солнце, свет…») и (кн. V) его рецензию на «Лица» Евгения Замятина.

425

В «Новом журнале» (1951, кн. XXV) напечатаны «Стихи 1950 года», двадцать стихотворений, в том числе ставшие особенно известными «Четверть века прошло за границей…», «Эмалевый крестик в петлице…», «Мелодия становится цветком…».

426

По мнению Омри Ронена, грамматически необычный конец фразы Ахматовой — возможный парафраз слов В. С. Соловьева: «Князь мира осужден и все его дела»

427

Николай Николаевич Врангель (1880-1915) — искусствовед, сотрудник «Аполлона», младший брат П. Н. Врангеля, одного из главных организаторов белого движения, Главнокомандующего Русской армией в Крыму. Н. Н. Врангель оказал большое влияние на молодого Г. И. См. о нем в письмах 75 и 80. Другому своему конфиденту последних лет жизни. В. Ф. Маркову, Г. И. писал о Н. Н. Врангеле как об «очень дорогом и близком друге», «замечательном, безвременно погибшем человеке» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov. 1955-1958, письмо от 28 мая 1956 г.) «менторе моей юности <…> удивительнейшем экземпляре русского лорда Генри» (там же, письмо от 11 июня 1957 г.).

428

Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907-1991) — поэт, журналист приятель Г. И. с 1946 г., автор воспоминаний «Сквозь смерть» (Лондон, 1980) со специальной главой о Г. И. и Одоевцевой. В его стремящихся к лирическому парадоксу, интеллектуально насыщенных стихах все же недостает самостоятельности: заметно формирующее всю его просодию влияние Г. И.

429

Процитированные по первой публикации в «Аполлоне» (1910, № 9) строчки из разных строф стихотворения Мандельштама: «Дано мне тело - что мне делать с ним. / Таким единым и таким моим? // <...> // На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло...» (1909). В «Аполлоне» первая строчка, как у Г. И.: «Имею тело: что мне делать с ним...».

430

Одна из строчек посвященного Зинаиде Гиппиус стихотворения Блока «Рожденные в года глухие…» (1914), напечатанного в том же 1914 г. в «Аполлоне» (№ 10, без посвящения). Так что касательно этого конкретного стихотворения Г. И. что-то путает.

431

Юлия Павловна Маковская, рожд. Леткова (1858—1954) — вторая жена художника К. Е. Маковского, вышедшая за него замуж в 16 лет.

432

Эта цифра постоянно называется Г. И. в письмах последних лет жизни и объясняется особенностями исчисления кровяного давления во французской медицине 1950-х, в которой единицей был «килопаскаль». 1 kPa соответствует 7,55 мм ртутного столба. Таким образом «давление 29» - это около 220 мм.

433

«Замогильные записки» Франсуа Рене де Шатобриана, изданные посмертно в 1848—1850 гг.

434

Юзеф Замойский (Zamojski; 1880—1965) — представитель древнего польского рода. В письме к Л. Д. Червинской от 25 июня 1956 В И. говорит, что Замойский — «бывший венгерский посол, <…> 1939 ушедший в чем был из своего дворца в Варшаве…» («Новый журнал». 1996, кн. 203—204, с. 195). Это неверно. Последним предвоенным послом Венгрии в Польше был Андраш Хори (Hory). Очевидно, Г.И. что-то перепутал. По предположению Омри Ронена, в 1939 г. Замойский после вторжения немцев, как и многие поляки, покинул свой дом и ушел через границу в Венгрию. В Венгрии он мог получить пристанище и в польском посольстве, существовавшем до вступления Венгрии в войну на стороне Германии в 1941 г. И уже из этого посольства отправился в пожизненное странствие закончившееся в Йере, где и умер, пережив на несколько лет Г. И.

435

Франсиско Франко Баамонде (Franko Bahamonde; 1892—1975) — вождь Испанской фаланги с 1937 по 1975 г., глава Испании (каудильо) в 1939-1975 гг.

Г. И. имеет в виду свою «Басню» («В Испании два друга меж собой…»), фривольно обыгрывающую фамилию актрисы Ольги Арбениной, за которой ухаживали одновременно Гумилев и Мандельштам.

437

Этого письма в BLG нет.

438

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872-1928) - эссеист, критик, в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине. Книга «Силуэты русских писателей» тремя выпусками вышла в Москве (1906-1910) и, естественно, никакого отношения к Одоевцевой не имела.

439

Речь, очевидно, идет о продолжении романа Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», о чем она уже несколько раз Гулю писала (см. письма 44, 47, 53).

440

Стихотворение «О жизни, что прошла давно...» («Новый журнал». 1955, кн. XLI).

441

Смысл фраз о костюме не очень ясен. Г. И. посылает Гулю свое фото (см. следующее письмо), но как тот может показать его «графу» «на своих плечах» — вопрос. Возможно, ход шутливых ассоциаций Г. И. был таков: если подарок от мифического «графа», то Г. И. играет здесь как адресат роль Гуля, которому подарен костюм. Таким образом, он сам — это «Гуль», а Гуль — это «граф».

442

«Литературный современник» — литературный журнал, издававшийся в Мюнхене в 1951-1952 гг. (вышло четыре номера). В 1954 г. под тем же названием его сменил альманах. Борис Александрович Яковлев, наст, имя Николай Александрович Троицкий (род. в 1903) — архитектор, в 1939 г. арестован, в том же году выпущен, в 1941 г. добровольцем ушел на фронт, попал в плен, с 1944 г. как журналист сотрудничал с Русской освободительной армией генерала А. А. Власова, после войны под новым именем эмигранта из Югославии жил в Мюнхене, стал председателем совета Союза борьбы за освобождение России. Ответственный редактор альманаха, в котором напечатаны по два стихотворения Г. И. («История. Время. Пространство...», «Белая лошадь бредет без упряжки...») и Одоевцевой («Сквозь облаков полупрозрачный слой...», «Я поздравление к Рождеству...»).

Г. И. имеет в виду статью Ульянова «После Бунина».

Предполагавшийся съезд эмигрантских писателей в Париже, неожиданно отмененный. Г. И. был бы туда, конечно, приглашен, но активного его участия в подготовительной работе устроители явно не желали. Например,Вейдле 18 июня 1955 г. писал из Мюнхена в Париж Борису Зайцеву, ссылаясь еще и на мнение Леонида Ржевского: «А вот насчет Г. Иванова мы оба считаем, как и Вы, что в инициативной группе ему незачем быть. Мы, собственно, и так теперь в достаточном числе. Если присоединится Набоков - хорошо; если нет - обойдемся и без него» (Columbia University/ Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, B. K. Zaitsev Papers, Box 2).

445

Стихотворение Одоевцевой из 27 строк «- За верность. За безумье тост...» («Новый журнал». 1955, кн. XL, с. 98).

В «Опытах» (1955, кн. 4) напечатана подборка стихотворений Адамовича и его статья «Поэзия в эмиграции».

447

Строки в манере Одоевцевой, но в сборниках ее стихов не обнаружены.

448

Стихотворение «Вспорхнула птичка-трясогузка...» чуть позже переделано в стихотворение «Мимозы солнечные ветки...». За исключением стихотворения «Не верю раю, верю аду...», при жизни Г. И. вообще не публиковавшегося, вся подборка вошла в «Дневник (1955)» («Новый журнал». 1955, сентябрь, кн. XLII, с. 99-103).

449

«Превознесу Тебя, прославлю; / Тобой бессмертен буду сам» - последние строчки стихотворения Г. Р. Державина «Видение Мурзы» (1801).

450

Джонас Солк (Salk; 1914-1957) — американский создатель вакцины против полиомиелита.

451

В стихотворении Г. И. «Паспорт мой сгорел когда-то...» восьмая строка в рукописи была «В плодородный вечный Нил». Г. И. к поправке прислушался, но не совсем: вместо «В многоводный...», поставил «В полноводный...». См. также письмо 71.

452

В стихотворении «Не верю раю, верю аду...» со строчкой «Раз так писали — не гуляли...» Гуль не распознает парафраз эпизода из «Войны и мира» Толстого: один из богучаровских мужиков, выносивших библиотечные шкафы князя Андрея, на замечание: «А грузно, ребята, книги здоровые!», — «значительно подмигнув», говорит: «Да, писали, не гуляли!» (т. 3, ч. 2, гл. XIV).

453

Стихотворение переделано в «Мимозы солнечные ветки...». «Трясогузка» из него исчезла.

454

Владимир Сергеевич Варшавский (1906-1978) — прозаик, с 1920 г. в эмиграции, в Праге, с 1926 г. в Париже, в годы Второй мировой войны воевал во французской армии, попал в плен, освобожден в 1945 г. С 1950 г. жил в США, в 1968 г. вернулся во Францию. Участник собраний «Зеленая лампа», лит. объединения «Круг». Известностью пользовалась его книга «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956), частично печатавшаяся в «Новом журнале» и «Опытах».

455

Имеется в виду статья З. Н. Гиппиус о «Распаде атома» «Черты любви». О «перегибах» Г. И. она пишет: «Будем, однако справедливы: во многих местах, не столько в этих "несоблазнительных" описаниях, сколько в описаниях "мирового уродства" есть **перегибы**, бесполезные для содержания, вредные художественно: **не соблюдена мера**. Но где в данной "мировой реальности" найдем мы меру? <...> на моих упреках я не настаиваю. Да и отсутствие перегибов не изменило бы судьбу книги...» (с. 148-149).

На этом письмо обрывается.

457

Первая строчка этих стихов несколько раз фигурирует как в письмах Одоевцевой, так и в письмах Гуля. Кроме того, Одоевцева вступительную заметку «От автора» к книге «На берегах Сены» завершает их прозаическим вариантом: «О, любите их, любите, удержите их на земле!» (М., 1989, с. 6).

Начиная с кн. XXXVI (1954) в «Новом журнале» стихи Одоевцевой публиковались регулярно: кн. XXXVII, XXXVIII, XLI, XLIII.

459

Строчка из стихотворения «О жизни, что прошла давно, / Бесследно канула на дно, / Не надо громко говорить...» с финалом про «Дочку нашу, / Цветок Наташу».

460

Из стихотворения «В шуме ветра, в детском плаче...», входящего сборник Г. И. «Розы».

461

Вера Назимова, героиня романа Одоевцевой «Оставь надежду навсегда».

Похоже, что первоначально писавшаяся по-французски «История ангелов» превратилась во французское окончание «Оставь надежду навсегда» (см. письма 10,42,44,47, 98).

463

Описка; очевидно, нужно «1 августа».

464

В пьесе Александра Блока «Балаганчик» (1906) Паяц «пронзительно кричит»: «Помогите! Истекаю клюквенным соком!».

465

Александр Николаевич Вертинский (1889-1957) — автор-исполнитель песен, актер, выступал с футуристами, с 1912 г. успешно снимался в нем кино, с 1916 г. стал известен как исполнитель песен (в гриме Пьеро), с 1920 г. в эмиграции, в Константинополе, затем в постоянных гастролях по Европе, в 1923-1925 гг. жил в Берлине, затем, до 1934 г., во Франции, где сблизился с Г. И., написав на его стихи несколько песен, из которых наиболее известна «Над розовым морем вставала луна...». Осенью 1934 г. уехал в США, откуда через год отправился в Китай, где в 1937 г. сотрудники советского посольства официально предложили ему вернуться в СССР, что он и сделал через несколько лет, в 1943 г. Одоевцева вспоминает начало песни Вертинского «Лиловый негр» (1916) «Где вы теперь, кто вам целует пальцы?..».

466

Столовка Мартьяныча — парижское заведение для русских эмигрантов «Мартьяныч», в 1950-е по адресу: 33 rue de Leningrad. «Snack-bar и магазин. Русская стойка», как писалось в его рекламе. Сейчас здесь расположены гостиница и ресторан «Regence», а улица переименована в ru de Saint Petersbourg (до 1945 г. rue de Petrograd).

467

Чуть переиначенный финал той же песни «Лиловый негр»: «Мне снилось, что теперь в притонах Сан-Франциско / Лиловый негр вам подает манто...».

«Чужое Небо» — сборник стихов Гумилева (1912).

469

Борис Никандрович Беляев, лит. псевдоним Щербинский (1880-1956) — доктор медицины, масон, прозаик. Г. И. был знаком с ним по «Числам», где Беляев печатался (Щербинский. «Драма на сеновале», 1930/31, кн. 4), а также по «Русскому дому» в Жуан-ле-Пене, где Беляев был врачом, ценимым в этом амплуа Буниным. Щербинский — автор романа «Post-scriptum» (Париж, 1938), его сочинениями якобы восторгался Бунин. 12 марта 1948 г. Адамович пишет Бунину: «От д-ра Беляева получил письмо с восторгами по поводу Ваших восторгов его сочинением» (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. М., 2004, с. 82).

470

Стихотворение Г. И. «Не верю раю, верю аду…».

471

Сначала имеется в виду, что нужно выкинуть первые две строфы, затем, что — все стихотворение «Мимозы солнечные ветки…», начинавшееся в черновом автографе строфой: «Вспорхнула птичка-трясогузка / Дохнула поздняя весна / И розы колыхнулись грустно / В прорезе узкого окна». Эта и следующая строфа из стихотворения удалены, но само стихотворение напечатано в «Новом журнале» (1955, кн. XLII).

472

В кн. XLII «Нового журнала» напечатаны 11 стихотворений «Дневника (1955)».

473

Владимир Алексеевич Смоленский (1901—1961) — поэт, с 1920 г. в эмиграции, в Тунисе; с 1923 г. жил в Париже.После первых же его публикаций в 1929 г. Г. И. отозвался о нем как о «новой восходящей звезде». Смоленский был избран председателем «Союза молодых поэтов и писателей». Как поэт развивался под влиянием Ходасевича и полагал себя его последователем. После войны сблизился с Г. И.

Г. И. говорит о стихотворении Ивана Елагина «Отпускаю в дорогу с Богом...» («Новый журнал». 1955, кн. XLI, с. 93-94), вошедшем позже с несколько измененной строфикой в сборник Елагина «Отсветы ночные» (1963).

475

Владимир Федорович Марков (род. в 1920) — литературовед, поэт, учился на романо-германском отделении филологического факультета ЛГУ, в 1941 г. ушел на фронт, ранен, попал в плен, жил в Германии, с 1949 г. - в США, профессор (1957—1990) русской литературы Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). Один из самых ценимых Г. И. представителей второй волны русской эмиграции. Письма Г. И. к Маркову опубликованы отдельной книгой: Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. «Briefe an Vladimir Markov. 1955-1958». Koln; Weimar; Wien, 1994. В письме к Юрию Иваску Г. И. пишет о Маркове 1 мая 1957 г.: «… чрезвычайно ценю его и как эссеиста и как поэта — и что бы он ни написал, будет обязательно „органически" умно и по существу» («Вопросы литературы». Ноябрь-Декабрь, 2008, с. 296). Маркову посвящено одно из лучших стихотворений Г. И. «Полутона рябины и малины…». Поэма «Гурилевские романсы» напечатана впервые в «Новом журнале» (1951, кн. XXV, с. 88-120). В «Опытах» Марковым опубликована поэма без названия (1955, кн. IV, с. 6-20) и заметка «О поэтах и зверях» (кн. V, 68-90), откуда взяты дальнейшие примеры.

476

Имеется в виду опера П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1890).

477

Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя, уличенный в том, что не он написал «Юрия Милославского», спохватывается: «Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой “Юрий Милославский”, так тот уж мой».

478

Из стихотворения «Где солнце, как желток, белы потемки…», вошедшего в берлинский сборник Эренбурга 1922 г. «Звериное тепло» (указано Б. Я. Фрезинским). Пушкин камергером не был: имел низший придворный чин — камер-юнкера.

479

«Орлеанская девственница» Вольтера переведена Гумилевым, Адамовичем и Г. И. при участии М. Л. Лозинского и издана в 2 томах (Пг., 1924). В издании сохранено начало песни I, давно переведенной Пушкиным. Следующие стихи - до середины песни IV - переведены Гумилевым. Дальше следует перевод Г. И. - до середины песни VII (окончание переведено Лозинским). Песни VIII и IX переведены Адамовичем. Песнь X - снова Г. И. Эти переводы редактировались Гумилевым. Второй том переводился уже после смерти Гумилева — Г. И. и Адамовичем (семь песней — Г. И. и четыре — Адамовичем). Перевод «Орлеанской девственницы» был последней литературной работой Г. И. в России. О ней рассказано в его очерке «Качка. Отъезд из России», напечатанном в рижской газете «Сегодня» (1932, № 336,4 дек.).

480

Михаил Леонидович Лозинский (1886-1955) — поэт, переводчик, член «Цеха поэтов», секретарь редакции «Аполлона», создатель журнала и издательства «Гиперборей», главных для Г. И. печатных органов 1910-х гг. (в «Гиперборее» вышла его вторая книга «Горница»). В советское время практически полностью переключился на переводческую деятельность, став в этой области одним из ведущих авторов. О Лозинском Г. И. в «Петербургских зимах». В «Орлеанской девственнице» Лозинский, кроме части песни I, перевел также варианты «Орлеанской девственницы» (вместе с Адамовичем). В повторном издании 1935 г. имена переводчиков, естественно, исчезли: к этому времени в СССР упоминание имен расстрелянного поэта и двух эмигрировавших было невозможно. Вместо их фамилий была напечатана «редакционная справка» о том, что «весь текст перевода заново проверен и обработан М. Л. Лозинским».

481

Все вклейки - вырезки из «Заметок на полях» Владимира Маркова («Опыты». 1956, кн. 6).

482

Юлий (Юлиан) Лукьянович Елец (1862—1932) — военный журналист и историк, прозаик, служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, с 1908 г. уволен в отставку в чине полковника, после революции в эмиграции, умер в Бельгии. В «Китайских тенях» («Звено». 1926. № 195, 24 окт.) Г. И. упоминает Ельца как автора журнала «Столица и усадьба». Однако ни приписанных ему афоризмов, ни посвящений принцу Мюрату в этом журнале нет. В очерке «Дон-Хайме» (1915, № 42,46) Мюрат упоминается, но рассказывается в нем о другом принце — Дон-Хайме Бурбонском. Этому же испанскому принцу посвящена книга Ельца «О, женщины!!» (СПб., 1912). Но, конечно, Елец мог печатать свои афоризмы и в других, не установленных нами изданиях.

483

Зинаида Гиппиус

484

Генри Миллер (Miller; 1891—1980) — американский писатель, прославившийся эротическими, носящими автобиографический характер романами «Тропик Рака» и др. Написанные на английском, они были запрещены и в США и в Англии до начала 1960-х гг. В 1930 г. Миллер уехал во Францию и издал там «Тропик Рака» в 1934 г., т. е. до «Распада атома». Не исключено, конечно, что издание это прошло мимо внимания Г.И. и русской диаспоры в целом.

485

Александр Иванович Тиняков, псевд. Одинокий (1886-1934) – поэт, прозаик, литературный критик, отличался «карамазовской» широтой воззрений и поведения, в 1916 г. под псевдонимами участвовал одновременно в революционных и черносотенных изданиях, сразу после 1917 г. активно сотрудничал в большевистской печати. Судьба его в советское время печальна: в поздние свои годы он зарабатывал подаянием. Тиняков — автор одной из рецензий на «Памятник Славы». Г. И. опубликовал о Тинякове художественные очерки: «Невский проспект» («Последние новости». 1927, № 2157, 17 февр.), то же — с изменениями — под заглавием «Человек в рединготе» («Сегодня». 1933, № 112, 23 апр.) и «Александр Иванович» в рижской газете «Сегодня» (1933, 22 янв.). Сценка с Тиняковым в «Бродячей собаке» вошла в «Петербургские зимы».

486

«Весы» — московский литературный ежемесячный журнал (1904-1909), основное периодическое издание символистов, фактически рукодимое Валерием Брюсовым.

487

Из ненапечатанного при жизни Тинякова стихотворения 1910—1911 гг. «Любовь» с первыми строчками (в списке Б. А. Садовского): «Я вступил в половое общение / С похотливою, жирной старухой…» (см.: Александр Тиняков (Одинокий). «Стихотворения». Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. Томск, 1998, с. 231, 321).

Речь о «костюме сером в яблоках» (см. письмо 69).

В данном случае, «модных и дорогих» — от фр. couter.

490

Honoris causa (лат.) — ради почета. Докторский диплом и звание.

491

«Отплытие на остров Цитеру» — сборник Г. И. 1937 года.

492

«Сортилежи» («sortilege» — «чары», фр.) и «шалимары» («Chalimar».-- собственное имя) — марки духов фирмы «Герлен».

493

Федор Августович Степун (1884-1965) — философ, эссеист, прозаик, с 1922 г. в эмиграции (выслан), в Германии.

М. И. Цветаева.

495

Здесь письмо обрывается.

496

Томас Манн (Mann; 1875-1955) — один из самых известных немецких писателей XX века.

497

Виктор Михайлович Чернов (1873-1952) — член ЦК эсеровской партии, с 1908 г. в эмиграции, вернулся в апреле 1917 г., стал министром земледелия во Временном правительстве, затем председателем Учредительного собрания, разогнанного большевиками, затем находился на нелегальном положении. В 1920 г. оказался в Эстонии, жил затем в Праге, с 1931 г. в Париже, после войны в Нью-Йорке. Участвовал в организации и был автором нескольких эмигрантских периодических изданий левого направления.

По свидетельству А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко и др. А. И. Тиняков без всякого «ларька» в свои поздние советские годы просил в Ленинграде (как раз на Литейном пр.) подаяние.

499

«Народная правда» — журнал, издававшийся под редакцией Гуля сначала в Париже (1948—1949), затем в Нью-Йорке (1950-1951): «Орган русского народного движения». В 1952 г. вышло несколько номеров «двухнедельника "народного движения"» газетного формата и на газетной бумаге.

500

Виктор Серж, псевдоним, наст, имя Виктор Львович Кибальчич (1890-1947) — франкоязычный прозаик, эссеист, мемуарист, родился в семье русских эмигрантов в Брюсселе, примыкал к троцкизму, в 1919 г. приехал в Россию, но стал в ней «первым диссидентом» в 1928 и 1933 гг. арестовывался, затем сослан в Оренбург, под давлением международной общественности в 1936 г. выпущен из СССР, жил в Бельгии, Франции, в 1943 г. уехал с сыном в Мексику, где жил до конца дней. Главная книга Виктора Сержа «Годы без пощады» (1946). Экземпляра «Народной правды» с рассказом Виктора Сержа найти не удалось.

501

Владимир Викторович Кибальчич (1920-2005) — живописец, график, с 1936 г. в эмиграции, жил в Бельгии, Франции, с 1943 г. в Мексике, в 2000 г. признан в Мексике «человеком тысячелетия» в области изобразительных искусств.

502

Без сомнения, именно этот рассказ Сержа под заглавием «Ленинградская больница» опубликован в переводе В. А. Бабинцева журналом «Звезда» (1994, № 6, с. 173-177). Сюжет рассказа, определенного автором как «быль», сводится к тому, что герой, Виктор Львович, приглашенный врачом ленинградской психиатрической больницы познакомиться с его заведением, куда свозят и арестованных по политическим обвинениям, встречает там литератора, знавшего «Розанова, Гершензона, Сологуба, Блока, Белого». Болезнь его уникальна: в советское время он неожиданно «потерял страх», распространил по городу листовки, объясняющие, как со страхом бороться, после чего и был отправлен в лечебницу. Изображение этого «ценителя литературы» на самом деле напоминает портрет Тинякова: «...бледное, асимметричное, удлиненное жидкой, почти белой бородкой лицо». Этот человек и в рассказе Сержа «торговал газетами где-то на углу Литейного проспекта и улицы Бассейной, а может Пантелеймоновской, традиционный квартал литераторов». То есть это то самое место, что указывают и Ахматова, и Зощенко, и Федин...

503

Конец стихотворения Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1884): «Вот эта книжка небольшая / Томов премногих тяжелей».

504

Нина Ивановна Петровская (1879-1928) — писательница, начинавшая в кругу московских символистов, автор единственной книги «Sanctus amor» (М., 1908). Больше, чем ее собственные произведения, известны ее бурные отношения с Андреем Белым, Брюсовым и др. С 1908 г. подолгу жила за границей, во Франции, Италии, в 1911 г. окончательно покинув Россию. В 1922 г. приехала в Берлин, где вновь оказалась в русской литературной среде, в 1927 г. перебралась в Париж, где и покончила с собой в полной нищете. Ее жизни посвящен очерк Ходасевича «Конец Ренаты», напечатанный вскоре после ее смерти (Рената — центральный образ романа Брюсова «Огненный Ангел», несомненным прототипом которого стала Петровская).

505

Имеется в виду строчка из стихотворения Г. И. «Жизнь продолжается рассудку вопреки. / На южном солнышке болтают старики...» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 101),; в черновом автографе которого вторая строчка была: «На теплом солнышке мечтают старички».

506

Стихотворение под № 8 вошло в состав «Дневника (1955)» («Новый журнал». 1955, сентябрь, кн. XLII, с. 102). В книге Г. И. «1943—1958 Стихи» посвящено В. Ф. Маркову.

507

Небрежно (от фр. nonchalant).

508

Начало стихотворения (пропущена строка) Михаила Кузмина из цикла «Осенний май» (1911): «Бледны все имена и стары все названья — Любовь же каждый раз нова, / Могу ли передать твои очарованья, / Когда так немощны слова?»

509

Оскар Уайльд (Wilde; 1854-1900) — английский писатель, резкий критик «буржуазной морали» с точки зрения «дендизма», он старался «обратить искусство в высшую реальность и жизнь — в чистую форму воображения». Для молодого Г. И. доктрина Уайльда несомненно была значимым явлением. В уничижительном для Г. И. смысле его с Уайльдом сравнивали не раз. Например, Э. Ф. Голлербах, вспоминая о петроградском Доме литераторов 1920-х гг., аттестовал Г. И.: «...как бы Уайльд чухломской выделки» (Эрих Голлербах. «Встречи и впечатления». СПб., 1998, с. 95).

Это пожелание было Гулем учтено.

511

У Иннокентия Федоровича Анненского (1855 — 1909), поэта, особенно ценимого Г. И., вышли две «Книги отражений»: собственно «Книга отражений» (СПб., 1906) и «Вторая книга отражений» (СПб., 1909).

Печатавшиеся преимущественно в «Аполлоне» «Письма о русской поэзии» Гумилева (рецензии на поэтические сборники современников) сам автор отдельной книгой подготовить к печати не успел. После его гибели работу завершил и издал со своим предисловием Г. И. (Пг., «Мысль», 1923). Книга вышла уже после отъезда Г. И. за границу.

513

Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) — поэт, один из создателей русского символизма, писал рецензии почти на все поэтические издания «серебряного века», в том числе положительно откликнулся и на первую книжку Г. И. «Отплытье на о. Цитеру» (СПб., 1912). Из символистов он оказал наиболее существенное воздействие на «школу Гумилева». Однако как поэта Г. И. перестал его ценить очень скоро, опубликовав статью «Творчество и ремесло», в которой «творчество» Блока противопоставлено «ремеслу» Брюсова («Русская воля». 1917, № 23, 23 янв.).

С Зинаидой Гиппиус Г. И. познакомился и сблизился уже в Париже в 1926 г. У Мережковского и Гиппиус на литературных собраниях «Зеленая лампа» Г. И. был неизменным председателем.

515

«Парижской нотой» назвали поэтическое течение в эмигрантской поэзии качала 1930-х гг., представленное авторами, так или иначе воспринявшими веяния петербургского «серебряного века» в его акмеистическом изводе. Эстетика «парижской ноты» диктовала необходимость простого, без игры, взгляда на мир, соотнесение этого взгляда с мироощущением человека, постигшего: каждое мгновение нас осеняет одно крыло — крыло смерти. Творцом и теоретиком «парижской ноты» считается Адамович. Со свойственной Г. И. в поздние годы прямотой он заявил в письме к В. Ф. Маркову 11 июня 1957 г.: «...то, что так называемая "парижская нота" может быть названа примечанием к моей поэзии, мне кажется правдой» (Georgij Ivanov i Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov..., c. 71).

516

В стихах с Андреем Белым Г. И. сближает мотив «отчаяния». Например, знаменитое стихотворение «Роз» (1931) «Хорошо, что нет Царя...» играет ту же роль в создании атмосферы книги, что у Андрея Белого в «Пепле» (1909) заглавное стихотворение «Отчаянье» («Довольно: не жди, не надейся...»). Интересно, что в жанре беллетризованной мемуаристики Г. И. с его «Китайскими тенями» и «Петербургскими зимами» оказался не последователем, а предтечей старшего современника с его трехтомной мемуарной эпопеей, писавшейся в 1929-1934 гг. Отзыв о ней Г. И. говорит о полном понимании этого литературного дела: «блистательный злобный пасквиль».

517

См. письма 65, 67, 69. Сомнительные эротические признания Блока передавал Гулю Н. Валентинов, с Блоком не знакомый, опиравшийся на фантазии Андрея Белого. Гуль цитирует их в «Я унес Россию» (Кн. III. «Россия в Америке»), где Н. Валентинову (Н. В. Вольскому) посвящена отдельная главка.

518

Цитата из «Двенадцати стульев» (не из «Золотого теленка») Ильфа и Петрова. Остап Бендер говорит Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову: «Вам придется побыть часок гигантом мысли и особой, приближенной к императору» (гл. «Союз меча и орала»).

519

Предполагавшийся во Франции съезд писателей эмиграции не состоялся.

520

«Эпилептики в футляре» — образ, несомненно связанный с образом Чехова «Человек в футляре», но видимо и со страдавшим эпилепсией Достоевским, отношение к которому у Г. И. в 1950-е гг. резко колебалось.

521

«Нива» — одно из самых популярных массовых изданий предреволюционной периодики, еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Петербурге в 1870-1918 гг. - с литературными приложениями и т. п.

522

Леонид Николаевич Андреев (1871-1919) — прозаик, драматург, короткий период сотрудничества с ним в 1916-1917 гг., описан Г. И. в одном из очерков «Китайских теней» («Звено». 1925, № 133,17 авг.). Андреев заведовал тогда литературным отделом петроградской газеты «Русская воля» и вскоре стал ее главным редактором. См. также письмо 80.

523

Юрий Львович Слезкин (1885-1947) — прозаик, в 1910-е гг. хороший знакомый Г. И. по кругу М. Кузмина. В 1916 г. Слезкин, Н. В. Кузнецов и Г. И. подают прошение о регистрации общества «Клуб деятелей искусств («Медный всадник»), просуществовавшего до февраля 1917 г.

524

Г. И. перефразирует фразу Пушкина из письма к жене от 18 мая 1836 г.: «...чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом».

525

Лили — очевидно какая-то актриса, знакомая Гуля или Хапгуда (см. письмо 81). Однако, судя по заключительной комплиментарной реплике, похоже, что под «графом» Г. И. разумеет самого Гуля.

526

В «Дневнике (1955)» («Новый журнал». 1955, сентябрь, кн. XLII, с/ 99-103) напечатано 11 стихотворений Г. И. О какой замене здесь идет речь, сказать трудно.

527

Стихотворение «Мимозы солнечные ветки…» из «Дневника (1955)» начиналось в черновой редакции строфой: «Вспорхнула птичка-трясогузка / Дохнула поздняя весна / И розы колыхнулись грустно / В прорезе узкого окна» (BL. Gen Mast. 101, Box 1, Folder 9).

528

У Г. И. в очередной кн. «Опытов» (V, 1955) напечатан «Пейзаж» («Перекисью водорода...»), у Одоевцевой — «Не во мне, а там во вне...».

529

Это стихотворение Одоевцевой расхвалил Адамович в письме к ней от 20 янв. 1956 г. («Минувшее». Кн. 21. М.; СПб., 1997, с. 426): «Стихи Ваши, Madame, в НЖ (или в "Опытах"? — "и ску и гру") я читал с восхищением Вашим блеском и мастерством, честное слово!» (цитируемые строчки из стихотворения — «Очень мне "и ску и гру", / Не с кем мне вести игру...» — оригинально обыгрывают лермонтовское «И скучно и грустно...»).

530

Вариант начальной строки русской народной песни «Ах, кабы на цветы да не морозы...», навеянный Одоевцевой, скорее всего, романом А. К. Толстого «Князь Серебряный», который она и Г. И. перечитывали в 1950-е гг. Этой же строчкой заканчивается стихотворение Г. И. «Маятника мерное качанье...» (в альманахе «Орион» она напечатана с начальным, как и у Одоевцевой, «Если б» вместо «Кабы», но исправлена в «Портрете без сходства» на «толстовский» вариант).

531

В письме к П. А Вяземскому около 7 ноября 1825 г. Пушкин, окончивший трагедию «Борис Годунов», сообщал: «...я перечел ее вслух одни, и бил в ладоши и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

Просторечное «пондравится», вместо литературно правильного «понравится», скорее всего употребляется Гулем не по неведению, а сознательно.

533

Имеется в виду строчка Г. И. в стихотворении «Жизнь продолжается рассудку вопреки...». У Г. И. сначала было написано «сибирская погода» вместо окончательного, предложенного Гулем: «симбирская погода».

534

«Обидно, эх, досадно. / До слез и до мученья...» — романс В. Р. Бакалейникова (слова А. Б. Кусикова, около 1916).

535

Роман Гуль. «Георгий Иванов» («Новый журнал». 1955» сентябрь, кн. XLII. с. 110-126).

536

Антонина Горская, рожд. Антонина Алексеевна Подерни, в замужестве Гривцова (1893-1972) - поэт, литературный критик, мемуаристка, с 1917 г. жила в Иране, с 1922 г. в Париже. Г. И. знакомился с содержанием очередной книжки «Нового журнала» до знакомства с самим журналом - по рекламному объявлению, дававшемуся в «Русской мысли». Помимо статьи Гуля, в кн. XLII объявлены и стихи Антонины Горской.

537

Аллюзия на собственное стихотворение Г. И. из «Роз»: «В глубине, на самом дне сознанья, / Как на дне колодца - самом дне...»

О какой статье или выступлении Ульянова идет речь, сказать трудно: все они содержат множество выпадов против догматических положений, устоявшихся мнений и авторитетов.

539

Георгий Адамович. «Одиночество и свобода». Нью-Йорк, 1955.

Описка: нужно «монморансийские». Но подсознание Г. И., видимо, тянет его к чему-то «российскому».

541

Велимир (наст, имя Виктор Владимирович) Хлебников (1885-1922) — один из создателей и лидеров русского футуризма, родился в дворянской семье, его отец, ученый-орнитолог, на самом деле был попечителем Малодербетовского улуса в Астраханской губернии, где и родился поэт.

Резко сатирический портрет Хлебникова дан в «Петербургских зимах». Несколько раз образ Хлебникова Г. И. обсуждал в переписке с В. Ф. Марковым. Вот постулат Г. И. в этом диалоге: «Ваше общее отношение к сюрреализму-футуризму мне кажется обоснованным, но я считаю, что сам "председатель Земного шара" был тем, что он был: несчастным идиотиком. с вытекшими мозгами <...>. Его выдумал Маяковский для партийных надобностей...» (письмо к Маркову 14 окт. 1955). Все-таки вопрос о Хлебникове для Г. И. был не совсем простой. 1 мая 1957 г. он писал Маркову: «Тянет (как с шампанского на квас) к некоему воображаемому Хлебникову. Не к подлинному — в нем не нахожу ни цутельки. Так, как к местному Графу Лотреамону с "Песнями Малдорора" (или как). Вы, наверное, отведали и этого фрукта. И заметьте — та же история: к этому Графу, как у нас к Хлебникову, тянутся инстинктивно "лучшие элементы", вот, вроде Вас. И я это понимаю и такому тяготению втайне сочувствую. Но все это топор во щах, требуется много, много набрать разного, чтобы сварить щи из такого топора. С другой же стороны <ясно>, что и Хлебников и Лотреамон — пища богов для всевозможных жуликов и шарлатанов. И чем больше Вы напишете диссертаций о Великом поэте, тем с большим основанием (и успехом) всевозможное жулье будет им в свою пользу пользоваться». Так что Г. И. вполне понимал притягательность футуриста. Последнее упоминание Хлебникова в письмах к Маркову помещено в такой контекст. «Ремизова, м<ежду> пр<очим>, я непритворно люблю и всегда любил. Это, в каком-то смысле, с молодости был мой "Хлебников" — что-то, чем и за что стоит бить морду всяческим академиям» (без даты).

543

«Николаем кровавым» называли в революционной среде и печати Николая II.

544

См. письмо 77 со строчками Одоевцевой: «Голубая кофта — / Гуль-то, Гуль каков-то» в стихотворении «Чудные подарки...».

545

Стихотворение Одоевцевой «Гладью вышитый платок...» («Новый журнал». 1955, кн. XLIII, с. 58) заканчивается строчками: «Ни о чем я не просила, / Ничего я не любила / Кроме лунных ожерелий / Да цыганского безделья».

546

«Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь...» — начальная строчка в двух стихотворениях А. Н. Апухтина: «Письмо» (1882, опубл. 1886) и «Ответ на письмо» (1885, опубл. 1896). Интересно, что этой же строчкой Г. И. начинает письмо к Н. Н. Берберовой от 31 окт. 1950 г.

547

Неточно цитируемые строчки из стихотворения Марины Цветаевой «Тоска по родине? Давно...» (1934): «Остолбеневши, как бревно, / Оставшееся от аллеи...».

548

В московской «Литературной газете» (1955, № 81,9 июля, с. 3) помещено письмо в редакцию и редакционная реплика о памятнике А. Н. Толстому «на задворках» Палеонтологического музея в Москве. Бронзовая скульптура Г. И. Мотовилова, отлитая в 1947 г., «путешествовала» по маршруту: Парк культуры и отдыха — двор литейного завода (как металлолом) — двор Палеонтологического музея. В 1957 г. монумент установлен неподалеку от дома, где жил писатель (сквер на Большой Никитской ул.).

549

«Конец Адамовича» («Возрождение». 1950. Сентябрь-Октябрь. № 11. с 179-186), несколько запоздалая, но давшая Г. И. повод к давно назревавшему разрыву отношений, рецензия на французскую книгу Адамовича «L'autre patrie» («Другая родина») (Paris, 1947). Особенное раздражение Г. И. вызвало вынесенное в книге на эпиграф утверждение Адамовича: «... Там (в СССР) нет ни эксплуатации человека человеком, нет ни праздных, ни привелигерованных... не будем же говорить о пролитой крови...». Не говорить «о пролитой крови» — это цинизм, выходящий за рамки суждения о привлекательности того или иного политического строя.

550

Henri Quatre (Генрих IV; 1551-1610) — французский король, названный «добрым», ибо мечтал о курице на столе каждого француза по воскресеньям.

551

«Carrefour» («Перекресток», фр.) — левой ориентации французский еженедельник, основан в 1945 г.

552

Андрэ Мальро (Mairaux; 1901-1976), Альбер Камю (Camus; 1913- 1960) — известные французские писатели. Гуль говорит здесь о напечатан ной в «Carrefour» (1955, 24 авт.) статье «Предшественник Мальро — Камю» французского критика Кристиана Мегре (Megret). В ней автор, говоря о несправедливо забытых авторах и книгах, написанных в годы между двумя мировыми войнами, останавливается на романе Гуля «Азеф». «Я снова, — пишет Метр» о книге. — прочел ее в один присест и с тем же восторгом, как и при первом чтении ее двадцать лет тому назад». И дальше продолжает: «И я помню, как Мальро очень высоко оценил "Азефа". <...> Мальро так восторгался тогда "Азефом" потому что персонажи этого романа, русские социалисты-революционеры и террористы начала века, были прототипами его героев из "Условий человеческого существования". Основное дело Азефа — убийство министра Плеве — предвещает 1917 год, революцию в Шанхае и все последующие события, заставившие Мальро сказать, что мир начинает быть похожим на его книги. И именно в "Азефе" мы находим первые наброски этого мира. Роман "Азеф" ценен потому, что эта книга пророческая: русский терроризм 1900-х годов — это начало пути к тем "Десяти дням, которые потрясли мир", и после которых мир никогда уже не пришел в себя» (http://Lib.krnet.ru/lat/RUSSLIT/GUL/azef.txt_Piece40.01). Сам Гуль в этой же публикации утверждает, что к новому изданию романа об Азефе, помимо желания «привести книгу в порядок и прежде всего дать ей — простоту и ясность в стиле и композиции», его подтолкнула именно эта статья Мегрэ: «Ни один отзыв о моем романе (а их было много на разных языках) не был мне так ценен, как статья Мегрэ, неожиданно появившаяся через 25 лет после выхода романа» (там же).

553

Серен Киркегард, в современном написании чаще Кьеркегор (Kierkegaard; 1813-1855) — датский теолог, философ, писатель, проповедник новой «экзистенциальной» диалектики.

554

Созданный Огюстом Роденом в 1893-1897 гг. памятник Бальзаку был установлен в Париже на перекрестке бульваров Монпариас и Распай лишь в 1939 г.

555

Строчки из стихотворения Сергея Есенина «Исповедь хулигана» (1921, опубл. в 1922).

556

Каботинка (от фр. cabotin — устар. странствующий актер, совр. актеришка, перен. комедиантка) — речь идет о какой-то актрисе, чьи вещи должны быть посланы Одоевцевой.

557

«Эввива, Эспанья!» — лозунг испанских фалангистов «Воспрянь, Испания!» Гуль пишет, странно смешивая языки: «Evviva (итал.), Espana! (испан.)». По испански: «Arriba, Espana».

558

В «Новом журнале» (1955, декабрь, кн. XLIII) напечатаны: рецензия Г. И. на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (с. 296-297), его статья «Осип Мандельштам» (с. 273-284) и стихи Одоевцевой «Гладью вышитый платок...», «Сорок градусов в тени...», «Средь меланхолических ветвей...»

559

«Плачьте, красавицы горных аулов...» - слегка измененная строчка из «Смертных песен», которые поют горцы в названной «Кавказской былью» повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» (1831, опубл. в 1832): «Плачьте, красавицы, в горном ауле, / Правьте поминки по нас...».

560

Автоцитата из стихотворения «По набережной ночью мы идем.. «...А этот разговор / На завтра мы отложим, на потом...».

561

Начав статью о Г. И. со слов согласия с мнением, что тот «первый поэт», «князь» русской зарубежной поэзии. Гуль затем уточняет: «Раньше это бедное, потертое кресло первого поэта русской эмиграции у Иванова оспаривали другие. Цветаева и Ходасевич. <…> Но Цветаевой и Ходасевича нет. Иванов еще остается у нас» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 112).

562

Из стихотворения Некрасова «Осторожность» (цикл «Песни о свободном слове», 1865): «Хорошо поет, собака, / Убедительно поет».

563

Определение поэзии Кольриджем.

564

«Последней конкретной темой, часто звучащей в оркестре ивановской поэзии, является тема убийства. К ней Георгий Иванов возвращается чрезвычайно напряженно, как к галлюцинации, причем иногда даже датирует ее годом ухода из России. "Черная кровь из открытых жил — / И ангел, как птица, крылья сложил. / Это было на слабом весеннем льду / В девятьсот двадцатом году"» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 125). И перед этим: «Только четыре совершенно конкретных темы еще остаются жить в беспредметной поэзии Иванова. Это — Россия, эмиграция, Петербург, убийство» (с. 121). К этим соображениям Гуля в дальнейшей переписке Г. И. обращается постоянно, и ими спровоцировано его сочинение об Адамовиче, запечатленное в письмах 103 и 108.

565

Финал стихотворения «Ну, мало ли что бывает?..»: «Деревья, автомобили, / Лягушки в пруду поют. / ...Сегодня меня убили. / Завтра тебя убьют».

566

Стихотворение из сборника «Розы».

567

Финал стихотворения из «Роз» «Черная кровь из открытых жил...» (1928): «Это было тысячу лет назад, / Так давно, что забыла ты».

Фраза из статьи Гуля о Г. И., хорошо ему запомнившаяся, ибо несет в подтексте весьма печальный смысл: «неизвестно, как долго Г. И. еще осталось жить».

569

В статье Гуля о Г. И. радетелем, выступившим от имени «русской матери», предположительно назван Ходасевич. Будто бы тот после выхода в 1938 г. ивановского «Распада атома» обратился к П. Н. Милюкову, редактору парижских «Последних новостей», основной газеты первой русской эмиграции. с письмом, содержащим «мольбу»: «...во имя сохранения русской семьи в эарубежьи, во имя всех лучших традиций русской общественности обойти молчанием "Распад атома" Обращение было анонимно. Подпись: "русская мать". Мольба Ходасевича, как "русской матери" на П. Н. Милюкова подействовала» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 115). Пафос, на Ходасевича совершенно непохожий. По версии Г. И., «русская мать» — это Т. И. Манухина, бывшая до войны ближе скорее к Гиппиус, чем к Ходасевичу, высмеявшему один из ее романов.

См. об этом: Андрей Арьев. «Когда замрут отчаянье и злоба» («Звезда». 2008, М > 8, с. 55-82).

571

Резюме фразы из статьи Гуля.

572

Проклятый поэт (фр) — характеристика, примененная Полем Верденом в работе «Les Poetes maudit» (1883, опубл. в 1884) к близким ему поэтам-символистам Тристану Корбье, Стефану Малларме и Артюру Рембо. Позже так стали называть многих ведущих асоциальную жизнь поэтов. в том числе самого Верлена, — не только во Франции. Само словосочетание взято Верденом, очевидно, у Бодлера.

В статье Гуля о «поэтической дороге» Г. И. сказано: «...мне кажется, он всегда искал "наиболее легкого" пути, которым прошел с Невского проспекта до Елисейских полей. Эта наилегчайшая легкость путей и перепутий часто казалась грубым общественным вызовом и даже цинизмом, и, может быть, наиболее отталкивала от поэта, создавая ему и славу "poete maudit"» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 111).

Очевидно, Одоевцева имеет в виду первоначальную редакцию своего стихотворения «Ты говорил: — На вечную разлуку...» со строчками: «В последний-предпоследний раз... / Слеза из заблестевших глаз, / Как синтетический алмаз...», напечатанного позже в «Опытах» (1957, кн. VIII, с. 4). Вошло в сборник «Портрет в рифмованной раме» с заменой эпитета «заблестевших» на «потемневших».

575

Из стихотворения Одоевцевой «Из счастия не вышло ничего...», вошедшего в сборник «Контрапункт».

576

С изменением в одном слове («прославить» вместо «прославлю») строчки из стихотворения Ахматовой «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» (1913).

577

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) - мыслитель религиозно-консервного о направления, в то же время неизменно выдвигавший на первый план «эстетику». Единственный философ, о котором Г. И. написал статью: «Страх перед жизнью (Константин Леонтьев и современность)» («Сегодня». Рига, 1932. № 268, 17 сент.), а в стихотворении «Свободен путь под Фермопилами...» (1957) сделал такое признание; «А мы, Леонтьева и Тютчева / Сумбурные ученики...». Статья Леонтьеве (о Льве Толстом) называется «Анализ, стиль и веяние» (1890).

Обсуждению «Распада атома» было целиком посвящено заседание литературного общества «Зеленая лампа» 28 янв. 1938 г., основной доклад на котором делала Гиппиус. Кроме того, она опубликовала о «Распаде атома» в рижской газете «Сегодня» эссе «В нашей парижском углу» (1938, №58.27февр.).

579

«Воображаемые портреты» («Imaginary Portraits») — сборник новелл английского писателя Уолтера Патера (Pater; 1839-1894), изданный в 1887 г. и несколько раз публиковавшийся в русском переводе, начиная с 1908 г.

580

Duanier Rousseau (фр.) — Таможенник Руссо. В молодости служивший на таможне французский художник-примитивист Анри Руссо (1844-1910).

581

Этой строчкой Г. И. заканчивает стихотворение «Туман. Передо мной дорога...»: «Стихи и звезды остаются, / А остальное все равно». Однако стихотворение опубликовано только в 1957 г. («Новый журнал», кн. LI).

582

Владислав Ходасевич. «Распад атома» («Возрождение». 1938, № 4116, 28 янв.). Эта рецензия корректна скорее по форме, чем по содержанию. В. В. Набокову, не успев ее опубликовать, Ходасевич 25 янв. 1938 г. писал. «В ближайшем номере "Возрождения" прочтите мою статью о нашем друге Георгии Иванове. Она не очень удалась, я дописывал ее в полном изнеможении вчера вечером, но кое-что в ней Вы, надеюсь, оцените» (В. Ходасевич, «Собр. соч. в четырех томах». Т. IV. М., 1997, с. 533).

583

Татьяна Ивановна Манухина, рожд. Крундышева, лит. псевдоним Таманин (1886-1962) — жена одного из известнейших в эмиграции врачей Ивана Ивановича Манухина (1882-1930), с которым в 1921 г. уехала из Петрограда в Латвию, затем в Англию и Францию, прозаик, мемуаристка, обрабатывавшая до войны мемуары митрополита Евлогия, — кандидат в «русские матери» более подходящий, чем Ходасевич.

Г. И. уподобляет преступление, которое, возможно, было совершено в квартире тетки Адамовича В. С. Белей в 1923 г. на Почтамтской, 20 в Петрограде, убийству старухи Раскольниковым в «Преступлении и наказании» Достоевского. Интересно, что В. С. Яновский, объясняя конфронтацию между Адамовичем и Ходасевичем распущенными последним в Париже слухами, тоже пишет о «старушке»: Ходасевич «...пустил остроумную сплетаю о богатой старушке, убитой в Петрограде. Это вконец взбесило капризного Адамовича...» (Василий Яновский «Поля Елисейские». СПб., 1993, с. 42). В другом месте книги Яновский пишет о «сплетне» Ходасевича как спровоцированной «чьими-то» наветами. Получается при этом, что эти «кто-то» уже не только Адамович, но и Г. И.: «Кто-то пустил слух, что Горький прогнал Ходасевича из Сорренто, потому что застал поэта роющимся в бумагах его письменного стола. На это последовал ответ, что "оба Жоржа" перед отъездом из Петрограда убили и ограбили богатую старушку» (там же, с. 108).

585

Г. И. уехал из Петрограда морем 26 сент. 1922 г. под формальным предлогом «составления репертуара государственных театров». 30 сентября он уже был в Берлине.

586

Мстислав Валерианович Добужинский (1875-1957) - живописец, график, театральный художник, постоянный участник выставок «Мира искусств». Г. И. был знаком с Добужинским как минимум с 1916 г., когда в «Привале комедиантов» художник участвовал в оформлении кукольного спектакля «Силы любви и волшебства», переведенного Г.И. с французского «комического дивертисмента». В 1921 г. Добужинский оформил сб. Г. И. «Сады». В 1924 г. эмигрировал, с 1939 г. жил в США. «Новый журнал» начиная с 1952 г. (кн. XXVIII) выходит в обложке, первый вариант которой создан Добужинским.

587

Николай Александрович Щербаков (1898-?)- с 1914 г. один из актеров студии В. Э. Мейерхольда, знакомый Г. И. по «Бродячей собаке», «Привалу комедиантов» и кругу Кузмина. В 1923 г. возобновил пантомиму «Шарф Коломбины», в которой играл у Мейерхольда в «Привале комедиантов» (1916). Дальнейшая его судьба скорее всего печальна. О. Н. Арбенина в дневниковой записи 1947 г. вспоминает Щербакова вместе с репрессированным Мейерхольдом: «Живы ли они?» (О. Н. Гильдебрандт-Арбенина. «Девочка, катящая серсо». М., 2007, с.227).

588

В 1928 г. между Г. И. и Ходасевичем возникла недобрая ссора, длившаяся шесть лет. Немного времени спустя после настоящего письма, 16 дек. 1955 г., Ю. К. Терапиано так описывает В. Ф. Маркову военную операцию против Г. И. со стороны Ходасевича: «... во время ссоры Иванова с Ходасевичем Ходасевич разослал многим писателям и другим лицам такое письмо: якобы в Петербурге Адамович, Иванов и Оцуп завлекли на квартиру Адамовича для карточной игры, убили и ограбили какого-то богача, на деньги которого затем все выехали за границу. Труп, разрезав на куски, вынесли и бросили в прорубь на Неве. Адамович нес, якобы, голову, завернутую в газету. Можете себе представить, какой был скандал; до сих то здесь, то там, то в Париже, то в Ницце, кто-нибудь рассказывает: "знаете...". Ходасевич клялся, что это правда и чт будто бы ленинградская милиция требовала у парижской полиции выдачи "преступников", но "большевикам было отказано, т. к. французы подумали, что выдачи требуют по политическим мотивам"» («Минувшее». Кн. 24. СПб., 1988, с. 283).

«Отплытие на остров Цитеру» (1937).

590

Михаил Михайлович Коряков (1911-1977) — историк, после войны с 1945 г. был сотрудником советского посольства в Париже. Весной 1946 г. скрылся, уехав в Бразилию. С 1950 г. жил в США, сотрудничал на «Радиостанции Освобождение» («Свобода»), придумал и ввел постоянную историко-политическую программу «Россия, вчера, сегодня, завтра».

591

О. Александр, Александр Дмитриевич Шмеман (1921 — 1983) — протопресвитер Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, автор трудов по истории православия, в 1953 — 1983 гг. вел еженедельную воскресную религиозную беседу на «Радиостанции Освобождение» («Свобода»).

592

Василий Семенович Яновский (1906—1989) — прозаик, врач, с 1922 г в эмиграции, в Польше, с 1926 г. в Париже, с 1942 г. в США Автор «Чисел», «Круга» и др. Многочисленные острые подробности из довоенной жизни Г И. в «монпарнасцев» содержит его книга «Поля Елисейские" (Нью-Йорк, 1982). Портрет Г. И. как личности в этой книге утрированно негативный, под стать Берберовой.

593

Около двух лет (1920-1921) в Москве заявляла о себе поэтическая (скорее антипоэтическая) группа «ничевоков». В манифесте 1920 г. она провозглашала суд над современной поэзией, глядя на нее «со стороны»: «...мы, ничевоки, ставящие диагноз паралича и констатирующие с математической точностью летальный исход» («Литературные манифесты от символизма до наших дней». М., 2000, с. 325). Никаких сколько-нибудь значительных имен эта группа в литературу не делегировала.

594

Ке фер, фер-то ке? — макароническая (благодаря русской частице «то») игра с французской фразой «que faire» («что делать»): «Что делать, делать-то что?». Приписывается Н. А. Тэффи — по ее рассказу «Ке фер?» («Последние новости». 1920, 1, 27 апр). По свидетельству Дон-Аминадо эту фразу пересказал в гостях у Тэффи А. А. Койранский, приписав ее некоему безымянному генералу (Дон-Аминадо. «Поезд на третьем пути». Нью-Йорк. 1954, с. 258-259), Одоевцева в книге «На берегах Сены» (М., 1989, с. 82), утверждала, ссылаясь на саму Тэффи, что выражение при думал ее брат, генерал Лохвицкий.

Составители и редакторы Собрания стихотворений Мандельштама: Глеб Петрович Струве (1898-1985) — историк литературы, поэт, критик, с 1918 г в эмиграция, жил в Англии, Чехословакии, Германии. Франции, с 1932 г. снова а Англии, е 1946 г в США; Борис Андреевич Филиппов, наст, фамилия Филистинский (1905-1991) — закончил в 1928 г. Институт восточных языков в Ленинграде. Первый раз арестован в 1927 г. но вскоре отпущен, в 1936 г. аестован снова. В 1941 г. освобожден, поселился в Новгороде, где и остался при немцах, в 1944 г. Переехал в Ригу, затем в Германию, в 1950 г. - в США.

В. Завалишин «Поэт сумерек культуры» («Новое русское слово». 1955, № 15457, 23 окт).

597

Аналогичная аттестация Г. П. Струве содержится в письме Бунина к Н. А. Тэффи от 16 февр. 1948 г. - о нежелании «лезть в компанию <...> рыжего болвана Глебки Струве» («Диаспора». Вып. II. СПб., 2001, с. 573).

598

В издании Николай Клюев. «Полное собрание сочинений». Т. 1-11. Редакция Б. А. Филиппова (Нью-Йорк, Издательство им. Чехова. 1954) об образе Клюева в «Петербургских зимах» Г. И. автор предисловия (т. 1), в частности, говорит: «Колоритную, хотя и сильно утрированную характеристику Клюева <...> дает Георгий Иванов» (с. 28), «За внешней правдивостью и живописностью рассказов о Клюеве Георгия Иванова сквозит глубокая отчужденность от того чувства тоски по уходящему, которое было, несомненно, главным в клюевском маскараде» (с. 49), «Если освободиться от неприятного привкуса — озлобленности и пристрастия — картина, нарисованная Георгием Ивановым, покажется внутренне правдивой» (с. 55).

599

Финальная строчка из стихотворения Г. И. «Здесь в лесах даже розы цветут...»: «Чья-то кровь на кривом мухоморе». Она на самом деле может трактоваться как ключевая к сюжету с убийством.

600

Строчка из стихотворения Г. И. «Это было утром рано...», также связана с темой убийства (на наш взгляд, с воображенным автором убийством Мандельштама в дальневосточном лагере (см. об этом: Андрей Арьев. «Когда замрут отчаянье и злоба» // «Звезда», 2008, № 8, с. 64-65).

601

«Легенда» об участии Г. И. в «мокром деле» перед отъездом из Петрограда. См. письмо 84.

602

Отсылка к стихотворению Г. И. «Дождя осеннего туманность...»: «Все это было, было, было, / Все это было, будет, бу...».

603

Локуста, правильнее — Лукуста (Lucusta; казнена в 68 г. н. э.) — известная в древнем Риме изготовительница ядов, услугами которой пользовались Калигула и Нерон, возможная участница отравлений Клавдия и Британика.

604

Ираклий Георгиевич Церетели (1881-1959) — один из лидеров меньшевиков, депутат 2-й Думы, с 1918 г. находился в составе правительства Грузии, с 1921 г. в эмиграции.

605

Юрий Петрович Денике (1887-1964) — историк, публицист, из меньшевиков, в 1922 г. оказался в Берлине в качестве сотрудника советского посольства, но скоро перешел на положение эмигранта, с 1933 г. после ареста немецкими властями переехал во Францию, с 1941 г. жил в США.

606

Абрам Саулович Каган (1888-1983) — экономист, один из создателей издательства «Петрополис», с 1922 г. в эмиграции (выслан), жил в Германии, затем в Бельгии, с 1940 г. в США, где руководил издательством «International Universities Press». См. также письма 106 и 108.

607

В статье Гуля «Георгий Иванов» (с. 117-118) цитируется фрагмент (с купюрами) письма Г. И. от 29 июля 1955 г. (№ 71) — о том, что Г. И. мог бы «...в неделю написать точно такие же "Розы". Но <...> "мозно, мозно, только нельзя"». Тут же Гуль, не ссылаясь на Г. И., использует еще одну его реплику. метящую в Адамовича:«.. .пусть его сверстники продолжают писать любовную лирику, похожую на переводы из Мюссе» (с. 117). Эти «сверстники» — конкретно Адамович, о котором Г. И. 15 июня 1955 г. (№ 66) пишет. «Вот почитайте Адамовича в "Опытах" <...> стихи вроде как "из Мюссе"».

608

На конверте (Mr Roman Goul. The New Review 223 Wert, 105 Street. New Jork 25, N. J. U. S. A.) надпись красным карандашом: «все здесь Р. Г.».

609

Борис Сергеевич Миркин-Гецевич, псевдоним Мирский (1892 — 1955) — правовед, специалист по правам человека, с 1921 г. в эмиграции, во Франции, с 1941 г. в США, где был деканом юридического факультета Нью-Йоркской высшей школы. После войны вернулся во Францию Постоянный сотрудник «Последних новостей», в которых, в частности, на печатал рецензию на «Петербургские зимы» (1928, 27 сент.), где, похвалив саму «изящную, интересную книгу», определил эпоху, в ней описанную как «истерический ренессанс».

Г. П. Струве и Б. А. Филиппов, оба, по свидетельству их знавших, были рыжими.

611

«Числа» — скорее сборники, чем журнал, издававшиеся в Париже при непосредственном участии Г. И. в 1930-1934 гг. Задачей «Чисел» было собрать молодые бунтующие против монополии на культурное лидерство «Современных записок» силы. Из-за отсутствия средств эта программа осуществлялась с трудом. Удалось выпустить лишь десять номеров «Чисел», правда, полиграфически хорошо оформленимх (образцом их создателям мерещился петербургский «Аполлон»).

«Нетрудовые доходы» были, собственно, не у самого Г. И., а у его жены, Одоевцевой. чей отец, крупный рижский адвокат Густав Гейнике, регулярно ей помогал и оставил большое наследство, благодаря которому Ивановы практически не знали житейских забот до самого конца войны, точнее — до 1944 г.

Это мнение Г. И. развивает в статье-рецензии на издание Г. П. Струве и Б. А. Филиппова: «Творчество Мандельштама после "Tristia" из года в год, как со ступеньки на ступеньку, неизменно понижается... 1923 годом еще помечен ряд замечательных стихотворений. Мандельштам на перепутьи. Он пишет то акмеистический "Век" то его антипода, абстрактную "Грифельную оду". <...> Но и там и тут безошибочное блестящее мастерство говорит само за себя» («Новый журнал». 1955, кн. XLIII, с. 277). Причины «нисхождения» поэта объяснены так: «Мандельштама физически уничтожила советская власть. Но все же он вышел на большую литературную дорогу одновременно с укреплением этой власти. <...» "Героика" взятия Зимнего дворца и всевозможных планетарных планов сливалась в одно с торжеством кубизма и футуризма. От Мандельштама, ставшего в этой атмосфере одним из учителей поэзии, его новая аудитория, естественно, ждала революционного искусства. Ждала как раз того, что Мандельштам, прирожденный классик, органически не мог дать. Это было плохо. Еще гораздо хуже было то, что это неисполнимое требование к своей поэзии со все возрастающим упорством стал проявлять он сам. <...> Мандельштам — это видно из каждой его строчки - как был, так и остался целомудренно честен в творчестве. Обманывать он и не хотел и органически не был способен. Зато со все возрастающей энергией упорства он старался обмануться сам» (там же, с. 278, 279-280). «Петербургского» Мандельштама Г. И. ценил прежде всего, твердо предпочитая его ранние стихи поздним: «Творческую смерть, приближающуюся к нему в советской Москве, он как бы заклинает именем былого нашего Петербурга, где им были созданы самые просветленные, самые чудесные стихи» (о стихотворении «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»: там же, с. 280). Безошибочно определяя авторство Мандельштама уже в поздние годы, в эмиграции, куда доходили неавторизованные списки его стихов (например, «За гремучую доблесть грядущих веков...»), Г. И. писал С. К. Маковскому в 1955 г.: «По моему твердому убеждению, это стихотворение отнюдь не "приписывалось", а очень мандельштамовское (хотя и слабое, но характерное его)». И тут же обобщал: «И мне кажется, я прав — лучший Мандельштам — это нашего времени, а потом все было хуже и хуже...» (РГАЛИ. Ф. 2512, оп. 1, ед. хр. 243, л. 5-6).

614

Яков Петрович Полонский (1819-1898) — поэт, прозаик, один из представительных русских лириков второй половины XIX века. Обе редакции его стихотворения «Узница» (1877,1878) начинаются строчками: «Что мне она! — не жена, не любовница / И не родная мне дочь...»

615

Имеется в виду стихотворение Лидии Алексеевой «Не жена и не любовница, / Не подруга и не мать...» («Новый Журнал». 1955, кн. XLII, с. 187).

616

В стихотворении Г. И. «Овеянный тускнеющею славой...» рифмы «прости» — «принести», что, конечно, точнее, чем «спаси» — «принести».

617

Г. И. вторит здесь Блоку — в интерпретации Ходасевича! В статье «Гумилев и Блок», опубликованной в 1926 г. и вошедшей затем в его «Некрополь» (1939) Ходасевич передает слова Блока о своих ранних стихах: «А теперь читаю эти стихи, как чужие, и не всегда понимаю, что, собственно, хотел сказать автор».

618

Скорее всего, Г. И. вспоминает давнее стихотворение Адамовича из его сборника «Чистилище» (1922), перепечатанное затем в его сборнике «На Западе» (1939): «Как холодно в поле, как голо, / И как безотрадны очам / Убогие русские села / (Особенно по вечерам)».

619

Финал гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Скучно на этом свете, господа!». Обыгран также в стихотворении Г. И. «По улице уносит стружки...»:« — Как скучно жить на этом свете, / Как неуютно, господа!»

620

Семен Яковлевич Надсон (1862-1887) — поэт, закончил 2-й Петербургский кадетский корпус, в котором учился и Г. И. В молодые годы Г. И. относился к его стихам пренебрежительно, как и все «модернисты», но в 1950-е признавал, что и он «тоже, по-своему, частица "нашей славы" (письмо М. М. Карповичу в апреле 1952). Надсон действительно умер молодым, однако в данном случае (насчет «рекомендации» умереть молодым) Г. И. путает его стихи с началом некрасовского, навеянного ранней смертью Д. И. Писарева, стихотворения «Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым» (1868).

621

Скорее всего, Г И. имеет в виду Игоря Северянина, 27 февр. 1918 г избранного на конкурсе повтов в московском зале Политехнического музея «королем поэтов» и известного своим литературным нарциссизмом. О «связи» с «вершинами жизни» могли, например, напомнить Г. И. строчки из стихотворения Северянина «В дни пред паденьем Петербурга...», включенного в его сборник «Соловей» (Берлин; М., 1923) и возникшие у поэта как отклик на присланную ему книжку Ильи Эренбурга: «Прошли лета. Кумиры ниже / Склонились, я — достиг вершин: / Мне автор книгу из Парижа / Прислал в обложке crepe de chine».

622

Одоевцева так передает эту устную новеллу Бунина: «Была у моих родителей кухарка, отличная стряпуха. Таких пирогов, как она пекла, я никогда нигде не ел. И нрава прекрасного — работает не покладая рук, веселая, зубы скалит и песнями заливается с утра до ночи. Только иногда на нее тоска находила. Сидит, бывало, под окошком, пригорюнившись, и жалобно вздыхает: "Родонуть бы мне!" Протомится так с месяц, все хозяйство запустит. И лишь как снова забеременеет, снова развеселится, поет, пироги печет. А как родит дитё, свезет его в "шпитательный" — незамужняя была. Через год, много два — затомится, затоскует и опять: "Родонуть бы мне!" — стонет. Он с такой чисто бабьей исступлеиной страстностью произносит это "родонуть бы мне", что я смеюсь, безудержно раскатисто смеюсь. — Родонуть бы мне, — повторяю я сквозь смех» («На берегах Сены» М., 1989, с. 282).

623

Ю. К. Терапиано и фамилия, намекающая на поэта В. Л. Корвин-Пиотровского, но и реально существующая: Корвин-Круковские — литовский дворянский род, известный с XV века.

«Отплытие на остров Цитеру» (1937).

625

Михаил Семенович Каплан (1894-1979) — издатель и книготорговец, с 1918 г. воевал в составе Русского экспедиционного корпуса и Иностранного легиона во Франции, затем работал в парижском издательстве «Я.Поволоцкий и К». В 1929 г. после разделения издательства возглавил Дом Книги, магазин и издательство.

626

Владимир Соломонович Познер (1905—1992) — поэт, прозаик, переводчик, с 1921 г. в эмиграции. Шутка об ответе невесты, выходящей замуж за Познера, — «Лучше Познер, чем никогда» — имеет распространенный характер (как и сама фамилия), не обязательно относящийся к конкретному, обоим корреспондентам знакомому лицу.

627

Дуайт Эйзенхауэр (Eisenhower; 1890-1969) - с 1943 г. Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Европе, в 1953-1961 гг. 34-й президет США от Республиканской партии.

628

Очевидно, Гуль имеет в виду свою рецензию в «Новом журнале» (1953, кн. XXXII) на «Встречи» Терапиано, соседствующую с его рецензией на «Петербургские зимы» (см. примеч. к письму 182 и само письмо).

629

Стихотворения Мандельштама «Я вернулся в мой город знакомый до слез...» (1932) со строками «Узнавай же скорее декабрьский денек,/ Где к зловещему дегтю подмешан желток...», и «Дано мне тело - что мне делать с ним...» (1909), в данной редакции вошедшее в «Камень» (1913).

630

Василий Львович Львов-Рогачевский, наст. фамилия Рогачевский (1874-1930) — публицист, литературный критик марксистского толка, участник революционного движения конца 1890-х гг. (Союз борьбы за освобождение рабочего класса и др.), неоднократно арестовывался, в 1905 г. выслан из России, вернулся в 1909 г., активным сотрудник различных русских периодических изданий революционного толка, много писал о М. Горьком, Л. Андрееве и др. Как критик противопоставлял «живую» и «мертвую» литературу, не связанную якобы с насущными вопросами современной ей действительности. После 1917 г. от собственно политической деятельности отошел, оставаясь пропагандистом создания «пролетарской культуры».

631

Леонид Витальевич Собинов (1872-1934) — один из самых известных русских лирических теноров; Федор Иванович Шаляпин (1873-1938) — самый известный русский певец (высокий бас); из певцов (басы) братьев Пироговых, Александра и Григория Степановичей, Гуль, видимо, имеет в виду старшего, Григория (1885-1931), много гастролировавшего за рубежом; Георгий Андреевич Бакланов, наст фамилия Баккис (1880-81-1938) — певец (баритон), с 1915 г. жил за рубежом.

632

Иоганнес Брамс (Brahms; 1833-1897) — немецкий композитор, дирижер пианист

633

Long Beach — дачный район Нью-Йорка на побережье Атлантического океана.

634

Из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Часть первая, гл. 4): «Молюсь "Оставь мне, Господи / Болезнь мою почетную / По ней я дворянин!" / <...> / За стулом у светлейшего / У князя Переметьва / Я сорок лет стоял, / С французским лучшим трюфелем / Тарелки я лизал».

635

«В связи с статье Романа Гуля "Георгий Иванов", в кн. 42 Н. Ж., мы получили от наших читателей подтверждение, что упоминаемое письмо в редакцию "Посл. Новостей" по поводу книги Г. Иванова "Распада атома" было написано не Влад. Ходасевичем. (Ред.)» («Новый журнал». 1955, кн. XLIII, с. 302).

636

Игорь Владимирович Чиннов (1909-1996) — поэт, эссеист, родился и с 1922 по 1944 г. жил в Латвии, получил юридическое образование в Риге (1939), работал юридическим консультантом, благодаря рекомендации Г. И. опубликовал первые стихи в «Числах» (1933). В 1944 г. переселился в Германию, с 1947 по 1953 г. жил во Франции, затем снова в Германии, с 1962 г. — США. Профессор славистики в Канзасском университете (до 1968). в университете Вандербильта в Нэшвиле (до 1976). В 1992 и 1993 годах приезжал в Россию. Умер во Флориде. Выпустил несколько поэтических сборников: «Монолог»(Париж, 1950), «Линии» (Париж. 1960), «Метафоры» (Нью-Йорк. 1968). «Пасторали» (Париж, 1976), «Автограф» (Holyoke, 1984) и др. На творчество Чиннова оказала влияние поэтика «парижской ноты», для него характерна большая формальная изысканность (эксперименты с дольниками, неклассическими сочетаниями силлабо-тонических размеров) и музыкальность стиха, сюрреалистические образы. Некоторыми критиками признавался «первым поэтом русской эмиграции» после смерти Г. И.

637

Илья Маркович Троцкий (1879-1969) — журналист, до революции сотрудник газеты «Русское слово», корреспондент, затем специальный корреспондент газеты в Берлине, с 1917 г. в эмиграции. В Берлине стал казначеем Союза русских писателей и журналистов, печатался в газетах «Дни», «Сегодня», «Новое русское слово» и др. После Второй мировой войны жил в США.

638

Иван Дмитриевич Сытин (1851-1934) — один из крупнейших русских издателей, с 1897 по 1917 г. издавал газету «Русское слово».

639

Статья Адамовича «Наследство Блока» («Новый журнал». 1956, март. кн. XLIV, с- 73-87).

640

Петр Филиппович Якубович, псевдоним Мельшин и др. (1860-1911) — поэт, революционер-народник, приговоренный в 1887 г. к смертной казни, замененной 18 годами каторги. Вернулся в Петербург в 1903 г., в 1905 г. снова арестовывался. В межреволюционное время после 1905 г. стихи его пользовались массовым спросом. О цитате из Полонского см. примеч. к письму 87. В первой редакции «Узницы» было, как у Гуля, «...ходит за мной лень и ночь», во второй — «...спать не дает мне всю ночь».

641

Чуть измененное начало цикла Михаила Кузмина «Новый Гуль»: «Американец юный Гуль / Убит был доктором Мабузо...». «Юный (нежный) Гуль» — герой кинокартины режиссера Фрица Лаига «Доктор Мабузо, игрок» (1922). ставшей заметным достижением немецкого экспрессионизма и предтечей современного «фильма ужасов». В ней маньяк-гипнотизер Мабузо охотится за молодым американцем Эдгаром Гулем. Цикл Кузмина возник под впечатлением от картины Ланга.

642

«Дездемонов платок» фигурирует в стихотворении Одоевцевой «Гладью вышитый платок...»: «- Дездемона, Дездемона, / Прелести живой цветок, / Где твой вышитый платок?», напечатанном вместе со стихотворениями «Сорок градусов в тени...» и «Средь меланхолических ветвей...» («Новый журнал». 1955, кн. XLIII.с. 58-61).

643

Из стихотворения «Сорок градусов в тени...»: «Да трескучие цикады / Этакой жарище рады» (в сб. Одоевцевой «Портрет в рмфмованной раме» датировано 1957 г.). Вторая строчка — из стихотворения «Средь меланхолических ветвей...», завершающегося двойным вопросом: «Можно ли еще писать стихи? / Можно ли еще писать стихи / Всерьез?» Этот вопрос явно отсылает к известному суждению Теодора Адорио из его «Критики культуры и общества» (1951): «Писать стихи после Освенцима — варварство». Чаще всего цитируется именно в вопросительной форме: «Можно ли писать стихи после Освенцима?».

644

Скрытая автоцитата из стихотворения Одоевцевой «По набережной ночью мы идем...»: «На завтра мм отложим, на потом...» (вошло в сб. «Контрапункт»). То, что оба названные описательно стихотворения предложено отложить «на потом» взамен других, на самом деле оказавшихся теми же самыми, или странная шутка Одоевцевой, или какая-то описка.

645

Источник цитаты не установлен. Менахем Мендель Бейлис (1874—1934) — в 1911 г. провокационно обвинен в ритуального характера убийстве одиннадцатилетнего киевского мальчика Андрея Ющинского. Два года провел в тюрьме, но был оправдан на суде, ставшем одним из самых громких процессов дореволюционной России.

646

Цитата из пьесы Гумилева «Дитя Аллаха» («Аполлон». 1917, № 6/7). В ней Юноша говорит: «Одна есть просьба у меня: / Проси умильно и приятно, / Чтоб в область белого огня / Гафиз пустил меня обратно» (картина третья).

647

Из стихотворения Ахматовой «Проплывают льдины, звеня...» (1918), вошедшего в цикл «Черный сон» книги «Anno Domini».

648

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891—1930) - востоковед, ассиролог, специалист по древним аккадскому и шумерийскому языкам, поэт, участник первого «Цеха поэтов», второй муж А. А. Ахматовой - с 1918 по 1921 г. (официальная дата развода — 1926). Г. И. вскоре после смерти Шилейко опубликовал о нем в рижской газете «Сегодня» (1932, № 301,30 окт.) фантасмагорического свойства очерк «Магический опыт».

649

Судя по вопросу и характеру Одоевцевой с Г. И. литературных пристрастий, ее интересует статья Ульянова о Ходасевиче «Застигнутый ночью» («Новый журнал». 1954, кн. XXXIX), о которой Г. И. уже спрашивал Гуля 10 мая 1955 г. (письмо 62): «Смеялись ли Вы, читая душку Ульянова, умилившегося над беспристрастием Ходасевича».

650

Г. И. тактично делает вид, что и ему источник стихов (Кузмин) неведом, развивая тему в шутливом духе.

651

Строчка из городского песенного фольклора: припев песни «Бандиты стражу перебили...»: «А поутру она вновь улыбалась / Под окошком своим, как всегда». Варианты тут разные («А наутро она улыбалась...» и т. п.), но Г. И. использует тот, что цитируется в любимом им романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» (гл. XXXVI. «Вид на Малахитовую лужу»).

То есть рецензия Г.И. для «Нового журнала» на книгу Адамовича «Одиночество и свобода».

653

Merry Christmas (англ.) - Рождество Христа, в христианских странах, кроме подлежащих русской православной юрисдикции, празднуется 25 декабря.

В согласии с сюжетом Кузмина, а не фильма Г.И. развивает тему, спсая Гуля от предрешенного выстрела. См письма 88 и 91.

Следующий «Дневник (1955-1956» из 14 стихотворений напечатан в кн. XLIV «Нового журнала» (1956, март, с. 61-66).

656

Мария Замойская, рожд. Кружевская (Zamojska; 1885-1961) - жена Юзефа Замойского.

657

М. М. Карпович воспоминания «Мое знакомство с Мандельштамом» написал и напечатал: «Новый журнал». 1957, кн. XLIX, с. 258-261.

658

Аким Львович Волынский, наст. фамилия Флексер (1861-1926) - историк искусства, литературный и балетный критик, особенно известна его книга «Леонардо да Винчи» (1900). В 1920-1926 гг. заведовал итальянским отделом издательства «Всемирная литература».

659

Рифмы эти из стихотворения Г. И. «Все туман. Бреду в тумане я...»: «Я бы зажил, зажил заново / Не Георгием Ивановым...». Напечатано в «Новом журнале» (1953, кн. XXXIII), но рифмы и у Г. И. не оригинальные, взяты, скорее всего, из эпиграммы Зинаиды Гиппиус на Ходасевича, заканчивающейся строчками: «Не приняться ли мне заново / За Георгия Иванова» (см. «Минувшее». 1998, кн. 24 с. 290).

660

Гуль цитирует письмо Степуна от 3 дек.1955 г. почти дословно, хотя слова «замечательная» в нем нет: «Прочел Вашу статью о Георгии Иванове, очень интересную и остро ставящую вопрос о любви-ненависти к России у Иванова. Белого и Блока. Об этом хотелось бы и можно было бы по-настоящему поговорить...» (BLG, Box 136, Folder 332).

661

Екатерина Леонидовна Таубер, по мужу Старова (1903-1967) — поэт, прозаик, литературный критик, с 1920 г. в эмиграции. Ее стихи в конце 1940-х - начале 1950-х постоянно соседствовали с ивановскими на страницах «Возрождения» и «Нового журнала». Г. И. писал о ней в одном их очерков «Петербургских зим» еще в 1926 г. («Дни». № 893, 1 янв.).

662

Илья Львович Тартак (1889-1981) — общественный деятель из покинувшего территорию Российской империи и натурализовавшегося в начале XX в. в Канаде и США еврейского рода Тартаков. И. А. Тартак участвовал в составе канадского военного корпуса в Первой мировой войне, вернувшись в Канаду, сблизился с эсеровскими кругами, в 1920 г. переехал в США, стал секретарем и преподавателем Русского народного университета в Нью-Йорке и одним из основателей нью-йоркского Литературного фонда; сотрудничал в англоязычных и русских изданиях левого толка, иногда писал на литературные темы.

663

Отсылка к неоднократно положенному на музыку стихотворению «Это было давно... Я не помню, когда это было...» (1895) Сергея Александровича Сафонова (1867 — 1904), поэта и прозаика.

664

«Поездочки, прогулочки — по узенькой по улочке» — слова из какой-то песенки, нами не идентифицированной.

665

Не совсем точно цитируемая строчка из «Евгения Онегина»: «Шалун уж заморозил пальчик» (Гл. 5, II).

666

Г. Струве и Б. Филиппов. «О рецензии Георгия Иванова на "Собрание сочинений" Осипа Мандельштама» (письмо в редакцию) («Новый журнал», 1956, кн. XLV, с. 296-300».

667

Г. Иванов. «Ответ г.г. Струве и Филиппову» («Новый журнал». 1956, кн. XLV, с. 301-304).

668

Фридрих Ницше (Nietzsche; 1844-1900) — немецкий философ, оказавший кардинальное воздействие на русскую культуру «серебряного века». Рихард Вагнер (Wagner; 1813-1883) — немецкий композитор, дирижер, теоретик искусства. Ницше, подводя итоги своих отношений с Вагнером, объявил его искусство «больным», заявив при этом: «За исключением моих отношений с некоторыми художниками, прежде всего с Рихардом Вагнером, я не переживал с немцами ни одного хорошего часа» («Казус Вагнер»). Подобным неразрешимым «казусом» были отношения между собой многих изначально близких друг другу художников «серебряного века».

669

Стихотворения «Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...» и «Нет в России даже дорогих могил...» из «Дневника (1955-1956)» вошли в готовящийся номер «Нового журнала» (1956, март, кн. XLIV, с. 61 и 66).

Стихотворение «Нет в России даже дорогих могил...» было Гулю посвящено и открывало «Дневник (1955-1956)».

Стихотворение «Мне весна ничего не сказала...» (там же. с. 64). Г. И отчасти последовал совету Гуля, изменив строчку: вместо «поклонился ночной синеве» стало «поклонился в ночной синеве».

Стихотворение «Все на свете дело случая...» (там же,с. 65).

673

Стихотворение «Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...» (там же, с. 66). В 7-й строчке читается «Белочка, метелочка, косточка, утенок». См. письмо 98.

674

Стихотворение «Закат в полнеба занесен...», заканчивающееся строчками: «...Леноре снится страшный сон — / Леноре ничего не снится». Ленора — героиня баллады Г.А. Бюргера «Леноре», популярной в России благодаря переводу Жуковского. В. Ф. Марков назвал стихотворение Г. И. «последним произведением» русского романтизма Стихотворение также напечатано в «Дневнике (1955-1956)» (с. 62).

675

В стихотворении «Уплывают маленькие ялики..» («Дневник (1955- 1956)», с. 61), Г. И. вместо «за жизнь» поставил «дружок»: «Припасли, дружок, немного водочки...».

676

Из стихотворения Одоевцевой «Гладью вышитый платок »: «И с трапеции балкона / Без приветствия-поклона / В спальню тихо входит страх» («Новый журнал». 1955, декабрь, кн. XLIII, с. 58). Это стихотворение было специально отмечено Адамовичем в письме к Одоевцевой от 20 янв. 1956 г.: «Стихи Ваши, Madame, я <...> я читал с восхищением Ваши блеском и мастерством, честное слово! И слышал кое-что такое же (от Гингеров — немногих, кто что-то в стихах и самой их материи смыслит). Правда, очень хорошо, и очень по-Вашему, что важнее, чем хорошо» («Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955-1958)». Публикация О. А. Коростелева // «Минувшее». Кн. 21. М.; СПб.. 1997, с. 426).

677

Г. Адамович. «Наследство Блока». («Новый Журнал». 1956, кн. XLIV, с. 73-87).

«Баллада Почтамтской улицы» —- перманентно обсуждаемая в переписке с Гулем, до сих пор не до конца ясная история с «преступлением» в феврале 1923 г. в Петрограде на Почтамтской ул.. 20. в квартире тетки Адамовича В. С. Белей, где Адамович жил до отъезда за границу в середине февраля 1923 г. (см. примеч. 9 и 13 к письму 85). У Адамовича в 1921 г. поселились поженившиеся Г. И. и Одоевцева, и из этой квартиры Г. И. уехал 26 сентября 1922 г. в Германию. В эмиграции в середине 1920-х был распушен слух, что, якобы, перед отъездом за границу Адамович. Г. И и Н А. Оцуп заманили к себе какого-то богача для игры в карты и убили его. воспользовавшись его деньгами для отъезда. Слух атот возобновился в 1950-е и очень беспокоил Г. И. См. об этом: S. Guagnelli. «Quel pasticciaccio brutto di vi Poctamtskaja» («eSamizdat», 2005. 2-3, с. 453-461) и Андрей Арьев «Когда замрут отчаянье и злоба...» («Звезда». 2008, № 8, с. 55-82).

679

С. К. Маковский. «В лесу». 7-ая книга стихов (Мюнхен, 1956; вышла в конце 1955).

680

Пьер Пужад (Poujade; 1920-2003) - французский политический деятель, организовавший в 1953 г. «Союз защиты коммерсантов и ремесленников», с националистической программой, напоминающей русским эмигрантам черносотенные отечественные организации начала XX века вроде Союза русского народа.

681

Г. И. отмечает характерную для их возраста рассеянность: вместо не наступившего еще «лета 1956» на карточке, очевидно, должно было быть обозначено «лето 1955».

682

Почему «2086», не совсем понятно. Видимо, Г. И. хочет сказать: если это не отчетливо вспоминаемое прошлое — «до 1946» — то все равно, какой нынче год, хоть «2086». Не исключена и описка, отражающая спутанную провалом в памяти ассоциацию с какой-нибудь литературной утопией или антиутопией вроде «2440» Мерсье или «1984» Оруэлла.

683

Восходящее к Горацию выражение французского писателя Анри Этьена (1531-1598). По-русски обычно говорят: «Если бы молодость знала...», что и соответствует слову «jeunesse» из французского выражения.

684

В «Русской мысли» (1956, № 851,24 янв., с. 4) Н. Е. Андреев напечатал «Заметки о журналах», в которых говорится: «...Роман Гуль написал статью о Георгии Иванове, вероятно, это самая значительная, полная и безусловно нужная всем нам характеристика творчества замечательно сложного, может быть, самого выдающегося поэта наших дней». Отрицательный отзыв Г. И. об Андрееве вызван, очевидно, тем, что ему было известно другое, напечатанное под псевдонимом П. Тверской в «Гранях», его выступление, в котором говорилось о «мертвящем смысле» стихов Г. И. Вообще подавляющее большинство самых резких высказываний Г. И. о современниках — ответ поэта на такого рода обиды, подчас мнимые.

685

При публикации стихотворения «Мне весна ничего не сказала...» кроме вставленного предлога «в» — «в ночной синеве» — «Поклонился» исправлено на «Улыбнулся» (в окончательной редакции Г. И. вернулся к «Поклонился»).

686

Стихотворение «Так, занимаясь пустяками...» также вошло в подборку «Дневник (1955-1956)», напечатанную в мартовской книжке «Нового журнала» (1956).

687

Илья Исидорович Фондаминский, псевдоним И. Бунаков (1880-1942) — общественный деятель, эсер, с 1919 г. в эмиграции во Франции, один из редакторов «Современных записок» создатель в 1935 г. чуждого Г. И. литературного общества «Круг», выпустившего три одноименных альманаха. Идеей Фоидаминского, принявшего православие и крестившегося, было обратить к христианству молодое поколение русских эмигрантских писателей. В 1941 г. Фондаминский арестован нацистами в Париже, погиб в Освенциме. В противоположность высказанному здесь суждению Г. И. о Фондаминском см. его же отзыв в письме 138.

688

Г. И. полагает, что с такими же основаниями как «фашистом» его могут назвать «кошкодавом»: так бульварная пресса называла в начале 1910-х гг. «декадентов» — по судебному разбирательству в октябре 1908 г., проходившему в Петербурге и названному прессой «процессом кошкодавов». Рассматривалось «дело об истязании кошек». Среди обвиняемых были и литераторы, в частности на суде присутствовал приговоренный к денежному штрафу редактор журнала «Межа» М. П. Ялгубцев. В газетах живо обсуждалось «падение нравов» среди «столичной богемы», и журналисты были не прочь именовать всех «декадентов» — «кошкодавами».

689

Слово из стихотворения «Отзовись, кукушечка, яблочко, звереныш...». Г. И, последовал совету Гуля заменить «гусенка» на «утенка» или «кутенка»: «Белочка, метелочка, косточка, утенок...».

690

Стихотворение «Нет на свете даже дорогих могил...» было Гулю посвящено и открывало весь «Дневник (1955-1956)» в «Новом журнале».

691

Александр Самсонович Гингер (1897-1965) — поэт, с 1920 г. в эмиграции, с 1926 г. муж Присмановой. Анна Присманова, наст, имя Анна Семеновна Присман (1892-1960) — поэт, с 1922 г. в эмиграции. И Гингер, и Присманова после войны приняли советское гражданство, но в СССР не вернулись. В парижские годы у Г. И. с ними сложились, как мало с кем, дружеские отношения.

692

1 Г. И. ждет кн. XLIII «Нового журнала» со своей статьей «Осип Мандельштам» — откликом на изданное Г. П. Струве и Б. А Филипповым «Собрание сочинений» Мандельштама.

693

Всеволод Александрович Рождественский (1895-1977) — поэт, знакомый Г. И. с времен первого «Цеха поэтов», автор мемуаров «Страницы жизни» (М.; А., 1962), включающих в себя и весьма желчно написанный портрет Г. И., не названного, впрочем, прямо по имени. «Что они с тобою сделали, бедная моя Москва» — строчка (или строчки) из неизвестного нам стихотворения Рождественского (см. о нем у Одоевцевой в книге «На берегах Невы», 1988, с. 86).

Г. И. имеет в виду свой комментарий к тексту Б. А. Филиппова, в «Новом журнале>» сохраненный:«...Никакими философемами мудрецов не передашь того <...>, что так совершенно передает Мандельштам. Читатель сознает, что у него не хватает знаний и что с "философемам»! мудрецов" он не очень то знаком...» «Катрены» также сохранены. Ими же и кончается статья Г И., «...объясните, пожалуйста, если вас не затруднит, почему,собственно, в издаваемой в Америке книге русского поэта вы всегда именуете четверостишия "катренами"? Во-первых, ведь не Жану же Кокто предназначается чеховское издание сочинений Мандельштама. Во-вторых, современные французы в аналогичных случаях говорят "strophe". "Quatrain" же в их понимании обозначает законченную в самой себе строфу, нечто близкое нашим "стансам"...».

695

Выражение «Только факты, сэр» перешло к Г. И. скорее всего от Бунина, утверждавшего в беседе с Г. И. и Одоевцевой, что «лучшего названия» для романа не найти. И тут же, «раздражаясь», отчеканил: «Я бы сжег эти "Только факты, сэр!" вместе с автором, тут, в печке» (Ирина Одоевцева. «На берегах Сены». М., 1989, с. 270). Роман с таким названием выпустила в 1933 г. в Берлине Ирина Ефимовна Кунина, прожившая после этого еще семьдесят лет (1900-2003)! Во время Гражданской войны она вышла замуж за офицера Добровольческой армии, вместе с ним эмигрировала, затем вернулась в СССР, в 1926 г. второй раз вышла замуж за хорватского адвоката Александера, уехала с ним в Загреб, но продолжала посещать СССР. После романа «Только факты, сэр» издала в Париже сборник прозы «Красная феска». В 1941 г. уехала с мужем в США, в 1955 г. вернулась в Париж, умерла в Женеве. Набоков считал ее «далеко не бездарной».

«Атомные зверьки» — невинные существа из «Распада атома», болтающие в конце произведения «по-австралийски», очевидно, возникли как модификация ивановских «размахайчиков».

697

Речь, скорее всего, идет все о том же романе «История ангелов» — «Histoire d'Anges». См. письма 10,42,44,47,70.

698

Реме Жюльяр (Juffiard; 1900-1962) — французский издатель швейцарского происхождения. В1944 г. основал издательство своего имени «Edition Julliard», в годы войны выпускал в Монако книги поэтов Сопротивления — Поля Элюара и др. После войны переехал в Париж. При его издательстве выпускалось несколько журналов, в том числе сартровский «Lea Temps modernes» («Новые времена»). Открыл французской публике Франсуазу Саган, печатал также советских авторов, его издательство первое опубликовало во Франции «Раковый корпус» Солженицына.

699

Когда и где Михаил Бакунин говорил о жизни не «без вознаграждений» не выяснено - хотя это и согласуется с его философией. В данном случае речь идет об отсутствии достойной оплаты литературного труда, в частности — достойных гонораров за изданные книги.

Очевидно, Н. Е. Андреев был членом НТС — «Народно-Трудового союза» (с 1946 г «Народно-Трудовом союза российских солидаристов»). «Солидаризм» — политико-экономическое учение, развивавшееся в Европе параллельно с социализмом и в оппозиции к нему: занимает промежуточную позицию между либерализмом и социализмом. Российские «солидаристы» настаивали в своей программе и на национальных источниках, коренящихся в славянофильской доктрине «соборности».

701

Ю. К. Терапиано.

702

Павел Николаевич Милюков (1899-1943) — общественный деятель, историк, член ЦК кадетской партии, в 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции, в Лондоне, с 1921 г. в Париже, главный редактор газеты «Последние новости», во время Второй мировой войны арестовывался нацистами. Его «Воспоминания» в 2 томах (стихи в первом томе) напечатаны в Издательстве им. Чехова под редакцией М. М. Карповича и Б. И. Элькина (1955).

703

Очевидно в статье Г. И. была отсылка к строчке Пушкина из «Моей родословной» (1830)- «Я просто русский мещанин».

704

Афоризм, приписываемый Сократу: «Scio me nihil scire» («Знаю, что ничего не знаю»). Известен в поздней версии Диогена Лаэртского, написавшего в начале III в. н. э. книгу «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»

705

«Беллетристика» Одоевцевой («Когда бушевала буря», фрагмент романа) была представлена, но напечатана не в мартовской, а в следующей, июньской книжке («Новый журнал». 1956. кн. XLV, с. 15-52)

706

«To be or not to be» — у Шекспира фраза из монолога Гамлета, использованная Гулем для описания положения дел с «Новым журналом» — «быть или не быть» ему в дальнейшем.

М. М. Карлович в связи с издательскими трудностями призвал через некоторое время читателей активно подписываться на свое издание, так как East European Fond, филиал Ford-Foundation, созданный для оказания поддержки эмиграции в ее культурной работе и субсидировавший «Новый журнал» с 1952 по 1955 г., в 1956 г. субсидии, как можно понять из обращения, прекратил (См.: «Русская мысль». 1956, № 896, 8 мая). Однако «высокими лицами» журнал вскоре был вновь «подхвачен».

708

Реминисценция из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного балл, случайно...» (1851, опубл. 1856).

709

В 1954-55 гг. в «Новом журнале» были напечатаны 5 глав работы Валентинова «Ранние годы Ленина»: «Ленин в Кокушкине» (кн. XXXVI), «Ленин в Симбирске» (кн. XXXVII), «Выдумки о ранней революционности Ленина» (кн. XXXIX), «Брат Ленина — А. Ульянов» (кн. XL), «Превращение Владимира Ульянова в Ленина» (кн. XLI).

710

«Grand Testament» - имеется а к иду «Большое завещание» (1489) Франсуа Вийона, неверно напечатанное в статье Г. И. «Осип Мандельштам» из «Нового журнала» как «Granda Testamente» (кн. XLIII. с- 283)

711

В «Дневник (1955-1956)» («Новый журнал». 1956, март, кн. XLIV) вошло 14 стихотворений. Если угадывать, какое из них не шедевр, то скорее всего это стихотворение «Кавалергардский или Конный полк...».

Chambre (фр. полит. — палата). В январе 1956 г. «пужадисты» имели большой успех на выборах а Палату депутатов (совр. Национальное собрание) Франции. Однако их фракция «Единство и братство французов» («Union et fraternite Francaises») быстро раскололась, а Пужад потерпел поражение на частичных выборах 1957 г.

713

Александр Иванович Дубровин (1855-1921) — врач, один на лидеров черносотенного «Союза русского народа», после его раскола организовал и возглавил «Всероссийский дубровинский союз русского народа». В 1920 г арестован ВЧК и вскоре расстрелян.

714

Бенито Муссолини (Mussolini; 1883 -1945) — фашистский диктатор Италии в 1922-1943 гг.

715

Возможно, Г. И. имеет в виду Расина (не Рассина): Жан Бетист Расин (Racine, 1639-1699) - французский драматург. Однако нам подобная реплика Расина нам неизвестна. Людовик XIV де Бурбон (Louis XIV; 1638-1715), получивший при рождении имя Луи-Дьёдонне «Luis-Dieudonne - данный Богом»), также и известный как «Король-солнце» (Le Roi Soleil) - король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г. Царствовал 72 года - дольше, чем какой-либо другом европейский монарх.

716

Г. И. перефразирует поговорку: «Улита едет, когда-то будет!», уже перефразированную им еще до войны на одном из «воскресений» у Мережковских, а также оброненную в адрес К. С. Елиты-Вильчковского.

717

Чуть измененная строчка из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно, и некому руку подать...» (1940): «А годы проходят — все лучшие годы!..»

718

Речь идет о стихотворении Мандельштама «Век» (1922). Читателю эта аллюзия тем более не очень понятна, ибо в канонической редакции вместо «беспомощной» стоит « бессмысленной»: «И с бессмысленной улыбкой / Вспять глядишь, жесток и слаб...». Пожелание Г. И. выполнено не было, а поэтому во всех перепечатках статьи так и осталось: «С беспомощной улыбкой признаюсь — я целиком разделяю мнение советских критиков, считающих лучшей книгой Мандельштама "Камень"».

719

Вышедшая в 1956 г. книга В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» стала одним из заметных явлений эмигрантской литературы. Рецензию на нее в «Новом журнале» вскоре напечатал Ю. Денике (1956, март, кн. XLIV, с. 293-296).

720

Александр Яковлевич Браиловский (1884-1958) — поэт, еще в отроческом возрасте замеченный Брюсовым, посвятившим ему стихотворение «Юному поэту» («Юноша бледный со взором горящим...», 1896). После революции 1905 г. дважды приговаривался к смертной казни (первый раз была заменена каторгой, второй раз он бежал и навсегда покинул Россию). В1917 г. переехал в США, отрекшись от всех революционных устремлений и идей. Писал стихи, прозу, много переводил. В 1955 г. в Нью-Йорке издан его сборник «Дорогою свободной». Печатался в «Новом журнале», в частности три стихотворения в кн. XLI (1955, июнь). Терапиано в отзыве на сборник «Дорогою свободной» охарактеризовал «гражданские мотивы» его стихов «почти сплошь слабыми, — а с точки зрения формальной иногда просто беспомощными». В виде примера Терапиано привел строчки: «Усталой поступью к закату / Плетется Человеко-день» («Русская мысль». 1956, № 856,4 февр., с. 5).

721

«Humanities Found» — «Гуманитарных фондов» сотни, какой именно имеется в виду здесь, неясно. В конце 1960 г. Одоевцева также писала о каком-то «нужном ей фонде — Гуманитарном».

Глеб Струве. «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк, Издательство им. Чехова, 1956).

723

На «Розы» Глеб Струве в 1931 г. написал рецензию («Россия и Славянство». 1931, № 151,17 окт.), в которой, рискуя дружескими отношениями с В. В. Набоковым, превозносил Г. И. даже в ущерб Ходасевичу. Г. И. 16 дек. 1931 г. отвечал на нее благодарственной открыткой с сожалением: «...я всегда жалел и жалею, что мы с Вами до сих пор не знакомы». В книге «Русская литература в изгнании» Струве пишет: «"Розы" были, думается, наивысшим достижением Иванова. Дальнейшие этапы поэтического пути его <...> это этапы на пути к тотальному нигилизму, к поэзии, отрицающей самое себя» (цит. по изданию: Глеб Струве «Русская литература в изгнании». Париж; М., 1996, с. 216).

724

Борис Константинович Зайцев (1881-1972) — прозаик, эссеист, с 1922 г. в эмиграции, с 1923 г. жил в Париже, с 1945 г. председатель парижского «Союза русских писателей и журналистов», в 1948 г. написавший Г. И., что приостанавливает его членство в нем, «до тех пор пока он оправдается от возводимых на него обвинений в дни оккупации» (в дневниковой записи И. А. Бунина от 10 февр. 1948). Письма Г. И. к Зайцеву (в частности, с похвалами его переводу «Божественной комедии» Данте) опубликованы: «Новый журнал». 1996, кн. 203-204, с. 166-170.

725

Юрий Петрович Денике (1887-1964) — историк, публицист, из меньшевиков, в 1922 г. послан в Берлин как сотрудник советского полпредства, но вскоре перешел на положение эмигранта. С 1933 г. жил в Париже, с 1941 г. — в США.

726

Слова из анонимной, но популярной (особенно после кинофильма «Юность Максима», 1934) песенки «Крутится — вертится шар голубой...»: «Где эта улица, где этот дом? / Где эта барышня, что я влюблен?». Ее литературный источник — еврейская (на идиш) песенка «Vu Is Dos Gesele...».

7 27

Стихотворение «Нет в России даже дорогих могил...».

728

Гуль в рецензии на «Петербургские зимы» писал: «пусть в ней <книге. — Публ.> есть и преувеличения, и, конечно, кое-что от Dichtung'a, но все это дано с чувством меры и мастерства». («Новый журнал». 1953, кн. XXXII, с 310).

5 Вот текст этого «собственноручного письма»: «Подтверждаю, что Георгий Иванов, живший в моей квартире в 1921-1922 гг., уехал из Петрограда за границу осенью 1922 г. Я лично с М. В. Добужинским присутствовал при его отъезде на пароходе из Петрограда. 7/1 — 1953. Г. Адамович».

Фрицибер — ящик для хранения ценных бумаг.

731

«Иллюзии и легенды» или «Легенды и иллюзии» — из того же рода неосуществленных замыслов Г. И., что и «Жизнь, которая мне снилась»

Николай Гумилев. «"Отравленная туника" и другие неизданные произведения». Ред., вступ. сь, биографии. очерк, примеч. Г. П. Струве.Нью-Йорк; 1952; Марк Львович Слоним (1894-1976) — общественно-политический деятель, журналист, литературный критик, с 1919 г. в эмиграции, жил в Италии, Чехословакии, Франции, с 1941 г. в США. Его книга. M. Slonim. «Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present». New York, 1953; Струве. «Русская литература в изгнании». Нью-Йорк, 1956. Рецензия на книгу Струве в «Новом журнале» написана М. М. Карповичем (1956, сентябрь, кн. XLVI).

733

Журнал «Грани», орган НТС, издается в Германии с 1946 г. Печатал первоначально преимущественно авторов «второй волны» русской эмиграции. Статья В. Ф. Маркова «Легенда о Есенине» напечатана в № 25 за 1955 г.

734

«Ближайший сотрудник» в статье-рецензии «Осип Мандельштам» остался неисправленным: «Я не профессиональный критик, я член "Цеха" ближайший сотрудник "Аполлона"...» (с. 275). «Близкий сотрудник» звучит, конечно, корректнее, чем «ближайший».

Датировка в статье тоже исправлена не была: вместо «в "Аполлоне" 1910 года» в обоих случаях осталось «в "Аполлоне" 1911 года» (с. 276).

736

Владимир Борисович Фредерикс (1838-1927) — граф. Министр Императорского Двора, ближайший к Николаю II человек, в 1924 г. был отпущен за границу, в Финляндию.

737

Описка в инициале: Вера Семеновна Белей, рожд. Вейнберг (1861— 1944) — сестра матери Адамовича, вдова миллионера. Квартира № 2 по Почтамтской, 20 существует в Петербурге по сей день — с той же нумерацией.

738

Николай Николаевич Белей, также Беллей (Bayley) — английский промышленник, директор Русского Общества электрических дорог и электрического освещения, председатель Общества костеобжигательных заводов.

739

«Дом искусств», Невский пр., 15, открыт 19 ноября 1919 г., закрыт осенью 1922 г. — организация деятелей искусства, известен также как построенный в 1768-1771 гг. «дом Чичерина», затем, с 1858 г., «дом Елисеевых». О людях, здесь обитавших в 1919—1922 гг. существует обширная литература. Одной из первых «Дом искусств» той поры описала Ольга Форш, назвав его «Сумасшедшим кораблем» в одноименном романе (1931).

740

Наиболее известная скульптурная группа Огюста Родена «Поцелуй» (1886, бронза) хранится в парижском Музее Родена. В петербургском Эрмитаже находится ее гипсовая копия. Однако вариантов этой композиции у Родена было множество, какой-то из них мог находиться и у Елисеевых.

741

Лицо несомненно реальное. По возрасту, инициалам, характеру службы и судьбы после революции можно осторожно предположить, что речь идет о Константине Константиновиче Медведском (1898-1937) — уроженце Старой Русы. Во время войны он служил в запасном кавалерийском полку, но был ли лейб-гусаром неясно. В 1918 г. оказался в красной армии, где до 1923 г. числился сначала помощником, потом командиром взвода, в 1925-1927 г. работал «участковым надзирателем дознания» в Сестрорецке, затем стал радиотехником. Арестован в 1936 г. в Ленинграде, отправлен на Соловки и вскоре расстрелян (сведения на «Мемориала»). Какое-то время мог служить и на Гороховой, 2 в Петрограде, где с марта 1918 г. размещалась Петроградская ЧК. Вряд ли персонажа, представленного Г. И. могла ждать участь иная. «Другом дома» Адамовича Медведский в описываемое время был уже несколько лет. О характере этой дружбы говорит запись в дневнике Кузмина от 25 марта 1915 г.: «У Адамовича трагедии. Медведский шантажирует, обирает, чуть не стреляет и т. п.» (М. Кузмин. «Дневник 1908-1915». СПб., 2005, с. 522). К 1922 г. этот Медведский — типаж уже вполне нарицательный. 11 февр. 1922 г. Кузмин делает запись в дневнике о некоей поэтессе и ее любви «к какому-то комиссарскому мальчишке, вроде Медведского» (указано Н. А. Богомоловым).

742

В Петербурге-Петрограде начала XX века существовало в разные годы несколько газет с названием «Вечернее время». Отец К. К. Медведского — Константин Петрович Медведский (1866 — не раньше 1919) — поэт, публицист, журналист, печатался в том числе и в «Вечернем времени», где работал в 1915 г.

743

Андрей Александрович Цур-Милен, в июне 1917 г. произведен из гардемаринов в мичманы, потомок известной в России с XVIII в. военной семьи Цур-Миленов. Ему посвящено стихотворение Адамовича «За миллионы долгих лет...», помеченное 1918 г., но опубликованное как раз в 1922 г. Во время войны и революции фамилия, видимо, превратилась в менее «немецкую» и менее звучную — Цурмилен (Цурмюлен).

744

Валентин Иванович Горянский, настоящая фамилия Иванов (1887-1949) — поэт-сатирик, сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», в 1918 г. уехал в Одессу, оттуда в 1920 г. в Константинополь, с 1922 по 1926 г. жил в Югославии, затем в Париже. Сотрудничал в парижском «Сатириконе», в «Иллюстрированной России» и др., в годы войны был в Париже одним из учредителей коллаборантского «Объединения русских деятелей литературы и искусства» (практически полностью потеряв во второй половине 1930-х гг. зрение!).

745

Пародийное переложение не раз положенного на музыку известного детского стихотворения Карла Александровича Петерсена (1811— 1890) «Вечер был; сверкали звезды...» (1843), имевшего заглавие сначала «Молитва», затем «Сиротка»: «Шла дорогой той старушка — / Услыхала сироту; / Приютила и согрела / И поесть дала ему; // Положила спать в постельку — / "Как тепло!" — промолвил он. / Запер глазки... улыбнулся... / И заснул... Спокойный сон!».

Американский комитет за освобождение народов России, который стоял во главе «Радиостанции Освобождение».

7 47

Александр II был убит в Петербурге 1 марта 1881 г.

748

В кн. XLV «Нового журнала» (1956, июнь) под заглавием «Когда бушевала буря» напечатан «Отрывок из подготовляемого к печати романа» Одоевцевой — о захвате и освобождении в Париже арестованных «гестапистами» еврейских детей при помощи Виктора Рачинского, главного в этом фрагменте персонажа. Очевидно, это все тот же сюжет романа о «резистансе», о котором постоянно упоминается в этой переписке

«Третий элемент» — возможно, Гуль имеет в виду «третье сословие», т. е. «простонародье».

750

В кн. XLIV «Нового журнала» (1956, март) напечатана подборка «Из неизданной книги стихов» «Очаровательные разочарования» Игоря Северянина: «Розы Христа» («Твоей души я не отрину...»), «Ночь под Рождество («Всего три слова: Ночь под Рождество...»), «Алексису Ранниту» («Есть чувства столь интимные, что их...»), «Весна в Кишиневе» («Воображаю, как вишнево...»).

751

Гуль имеет в виду реплику Г. И. в письме к нему по поводу строчки из стихотворения Браиловского «не без замечательности» (см. письмо 101) и сравнение Г. И. их взаимоотношений с парой Присманова — Гингер (см. письмо 98).

752

Книга Глеба Струве «Русская литература в изгнании».

Такая обобщающая статья Гулем не написана, но о книге Струве в «Новом русском слове» им опубликована рецензия, резко отрицательная: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться...» и т. д. (1956, № 15793,23 сент., с. 8).

754

Адам Бернард Мицкевич (Mickiewicz; 1798-1855) — польский поэт и деятель национально-освободительного движения; считается одним из трех величайших польских поэтов эпохи романтизма (наряду с Юлиушем Словацким и Зигмунтом Красиньским). Юлиуш Словацкий (Stowacki, 1809- 1849) — польский поэт и драматург. Мицкевич, родившись в Литве, в Польше вообще никогда не жил. Словацкий, хотя и поселился в конце 1820-х гг. в Варшаве (после учебы в Виленском университете), уже в 1831 г. попал в эмиграцию, из которой так и не вернулся на родину, скончавшись в Париже.

755

Дуэт Лизы и Германа у Зимней канавки возле петербургского Летнего сада в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1890).

756

Аллюзия на стихотворение Г. И. «Все на свете дело случая...».

757

Из стихотворения Г. И. «По улице уносит стружки...»: «Обедать, спать, болеть поносом, / Немножко красть. — А кто не крал?».

Сцены, описанные Г. И., в частности, в «Петербургских зимах».

759

Вариант строчек из стихотворения Г. И. «Вот более иль менее...»: «Идет старик — ругается, / Сидит собака — чешется».

760

Под заглавием «Книга о Мейерхольде» в кн. XLIV «Нового журнала» (1956) напечатана рецензия Ульянова на книгу Ю. Елагина «Темный гений».

761

На этой запятой страница обрывается. Следующая или пропущена, или Гуль, поспешив перейти к самой для него интересной части, о запятой забыл, посчитав ее точкой

762

Неточная цитата из баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1858): «И пишет боярин всю ночь напролет, / Перо его местию дышит; / Прочтет, улыбнется, и снова прочтет, / И снова без отдыха пишет».

763

Адамович в книге «Василий Алексеевич Маклаков» (Париж, 1959) пишет: «Этих двух политических деятелей сравнивали постоянно и будут сравнивать еще долго. Нет, кажется, никого, кто не признал бы, что природою Маклаков был одарен щедрее, был более гибок, разносторонен "интуитивен". Но с тем же единодушием все признают, что в качестве политического лидера Милюков был крупнее и гораздо влиятельнее». И дальше Адамович заключает: «...Милюков и Маклаков органически не могли столковаться. <...> в Маклакове преобладал именно человек с очевидными для всех сомнениями или даже слабостями, и если за ним реже следовали, то к нему искренне тянулись. Его больше любили».

«Наследство Блока» («Новый журнал». 1956, кн. XLIV).

765

Адамович по поводу вопросов Гуля пишет Г. И.: «Статья Гуля у меня есть» (3 дек. 1957). И затем Одоевцевой: Гуль «очень интересуется, соглашусь ли я с ним или буду возражать. Вернее не будет ни того ни сего. До чего все на свете одержимы литературой и самолюбием!» («Минувшее», кн. 21, с. 462,464).

766

Скорее чем реальный пейзаж, Гуль воспроизводит здесь строчку из «Танго "Магнолия"» (1931) Александра Вертинского: «Как дикая магнолия в цвету...».

«Плоды совместного творчества» в большей степени касаются стихов Одоевцевой, чем стихов Г. И. Что же касается эссеистики, то, по ее утверждению, она целиком написала «за Г. И.» эссе «Закат над Петербургом» и предисловие к тому стихов Есенина. Угадывается «рука Одоевцевой» и в некоторых поздних стихах Г. И. О совместном сотрудничестве с Г. И. Одоевцева в разные годы говорила по-разному: иногда приписывая себе авторство чуть ли не всех стихотворений, известных теперь как стихи «Посмертного дневника», иногда, наоборот, утверждая, что к записанным ею со слов Г. И. его последним стихам прикасаться чужой рукой «кощунственно». Как пример можно привести удостоверенную в поздней переписке с Гулем их совместную попытку исправить к лучшему стихотворение Г. И. «Побрили Кикапу в последний раз...». После двустороннего обсуждения решено было... вернуться к варианту Г. И. То, что Одоевцева записывала многое за Г. И. из того, что он своей рукой на бумагу не заносил, никак его авторства соответствующих текстов не отрицает. В книге «На берегах Сены» Одоевцева вообще утверждала: до смерти Г. И. «...я никогда не написала ни одной статьи» (М., 1989, с. 316). Что же касается «Посмертного дневникам, то вряд ли стоит подвергать сомнению авторство Г. И., сразу же после кончины поэта утвержденное самой Одоевцевой в письмах 181, 182, 184. Все дело тут в том или ином настроении творцов, в тех или иных их фантазиях, в те или иные минуты жизни оценивающих свою роль 8 культурной жизни прямо противоположным образом. В конце концов, в позднем письме к Гулю (9 июля 1961 г.) Одоевцева утверждала: «Я до сих пор не могу пережить обвинение в подделке "Посмертного дневника". И даже никому об этом не говорила, слишком чудовищно» (BLG, Box 10, Folder 241).

768

Перефразированная строчка из пушкинского «Поэта» (1830): «Ты им доволен ли, взыскательный художник?».

769

Речь идет о стихотворении Одоевцевой «Ночь в вагоне», интонационно и эмоционально напоминающем в некоторых строфах стихи Г. И.: «Если бы суметь спасти / <...> / Если бы суметь уйти, / не ревнуя, не любя...», и т. п.

770

Имеется в виду «дело» о преступлении на Почтамтской, 20, описанное Г. И. в письме 103.

771

Имеется в виду посланный Гулю для «Нового журнала» фрагмент романа под заглавием «Когда бушевала буря».

В следующем, июньском, номере «Нового журнала» (1956, кн. XLV, с. 104-106) появилось только одно стихотворение Одоевцевой (и ни одного Г. И.) «Ты видишь, как я весело живу...» — без особенных следов «руки» Г. И.

773

Очевидно, Одоевцева к уже посланному отрывку хочет добавить еще какую-то порцию перевода с французского своего романа.

774

Г. И. имеет в виду фрагмент из книги Владимира Варшавского «Незамеченное поколение», напечатанный в «Новом журнале» (1955, кн. XII с. 103-121).

775

Михаил Осипович Цетлин (1882-1945) — поэт (псевд. Амари), прозаик, журналист, издатель, состоял в партии эсеров и после революционных событий 1905-1907 гг. уехал из России, возвратился в 1917 г., чтобы окончательно эмигрировать в 1919 г. Жил в Париже, редактор отдела поэзии «Современных записок», с 1940 г. в США, один из создателей и первых редакторов «Нового журнала».

776

Николай Григорьевич Рейзини (Reisini; 1905-1981) — один из создателей «Чисел», в 1934 г. уехал из Франции в Харбин, с 1945 г. жил в США с греческим дипломатическим паспортом, по официальным данным родился в Афинах, в то время как Иммиграционный департамент США указывал на его еврейско-русские корни. Живя в США с инженерным дипломом, Рейзини занимался «экспортом-импортом», вкладывал деньги и кинопромышленность, коллекционировал живопись, женился в 1955 г. на Магде Ладани (Ladany), материально помогал многим своим бывшим монпарнасским друзьям (см. письма 107-108). В напечатанном «Новым журналом» фрагменте книги Варшавского, в частности, говорится: «...Один и популярных людей на Монпарнасе, Николай Рейзини, молодой философ и литературный критик (к сожалению, впоследствии Рейзини от заняти философией и литературой отстранился)» (1955, кн. XLI, с. 104).

777

Ироническая отсылка к Евангелию: «Дух дышит, где хочет» (От Иоанна, гл. III. 8).

778

Кафе «Куполь» («La Coupole») — кафе на пересечении бульваров Монпарнас и Распай в Париже, открытое в 1927 г. и декорированное русской художницей Марией Васильевой. «Санте» («La Sante») — парижская тюрьма.

779

Ирма Владимировна де Манциарли, рожд. Лютер (1878-1956) — теософка, участвовала в переводе на русский «Бхагавадгиты», печатавшейся в «Вестнике теософии» с начала 1910 г., уехала с мужем, французским промышленником Манциарли де Деллинести, в Париж, где выпустила «Бхагавадгиту» отдельным изданием в собственном переводе. Постоянно бывала в Индии, в начале 1920-х сблизилась с Джидду Кришнамурти и вошла в его орден «Звезда Востока». Вряд ли была «дурой» — просто жила в иной духовной реальности, чем русские «монпарнасцы» 1930-х. Близкий друг семьи Бердяевых, одна из основательниц парижского журнала «Третий час» (1929), затем — «Чисел». Во время войны уехала в США, умерла в Париже.

780

Николай Авдеевич Оцуп (1894-1958) — поэт, историк литературы, участник 3-го «Цеха поэтов», с 1922 г. в эмиграции, в Берлине, где вместе с Г. И. и Адамовичем возобновляет «Цех поэтов». В Париже становится главным редактором «Чисел», в 1939 г. вступил во французскую армию, воевал в рядах итальянских партизан, несколько раз арестовывался. В 1950 г. напечатан «Дневник в стихах» Оцупа, значительно превосходящий по объему «Дневник» Г. И. В книге «Русская литература в изгнании» Глеб Струве о творениях Оцупа отозвался так: «Придет, пожалуй, время, когда Оцуп-лирик будет поставлен выше Георгия Иванова с его нигилистическим "эпатажем"» (с. 219, издание 1996 г.).

781

«Где слог найду, чтоб описать прогулку...» — начало стихотворения, открывающего первую часть книги Михаила Кузмина «Сети» (1908).

782

Чуть измененная цитата из стихотворения Вл. Злобина «В часы публичной библиотеки...»: «О, кто из них при свете месяца, / Сегодня, потеряв терпение, / На чердаке своем повесится / Из чувства самосохранения?..» (Журнал «Рудин». Пг., март 1916, № 7, с. 14).

783

Очевидно, Г. И. имеет в виду «весну 1923 года», когда Адамович приехал из Петрограда в Берлин (в середине февраля 1923 г.) через Штеттин. Весной 1924 г. и Адамович, и Г. И. были уже в Париже.

784

Цитата из «Баллады о гвоздях» (1922) Н. С. Тихонова.

785

Ашет (Hashette Filipacchi Medias) — крупнейший международный издательский дом, печатающий богато иллюстрированную продукцию, журналы мод и т. п.

786

Г. И. припоминает не «Сказку о царе Салтане...», а забаву юного Пушкина «Царя Никиту», где есть по смыслу близкая к цитируемой строчка: «Одного не доставало...».

787

У А. К. Толстого в «Бунте в Ватикане» кастраты отвечают папе на его посулы получать в раю «в месяц по два пуда теста»: «Да что нам в тесте, / Будь его пудов хоть двести, / С ним не вылепишь невесте / То, чем жить с ней вместе!».

788

Ольга Петровна Хмара-Барщевская, рожд. Лесли, в первом браке Мельникова, жена пасынка И. Ф. Анненского (1867 — после 1924) — с середины 1890-х много времени проводила в семье поэта, по словам его сына Валентина Кривича, «с каким-то благоговейным вниманием следила за творчеством отца», в свою очередь посвящавшего ей стихи. Местонахождение упомянутого Г. И. альбома неизвестно (указано А. И. Червяковым).

789

Г. И. путает: «Вагнером» в их переписке с Гулем именовался он сам, в то время как Гуль был — «Ницше». «Дневник (1955-1956)» открывается стихотворением «Нет на свете даже дорогих могил...», посвященным Гулю, что можно истолковать как посвящение ему всего цикла.

«Оставь надежду навсегда».

791

Склонный к придумыванию неологизмов, Гуль придумывает слово «несессерное» — от фр. «necessaire» (букв, «необходимый»).

792

В американской прессе начала марта 1956 г. писали о Рейзини как об известном бизнесмене, которому было отказано в визе для повторного въезда в США в связи с сомнением в достоверности данных им биографических сведений. Тем не менее, в США он вернулся и умер в Нью-Йорке.

793

Аллюзия на стихотворение Г. И. «Полутона рябины и малины...» со строчкой «Играет жизнь улыбкой изумленной».

794

«Перекабыльство» (не «перекобыльство») — словцо из лексики Прохора Порфирыча, ведущего персонажа очерков Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы» (1866). Что-то вроде «если бы да кабы» (от слова «кабы», а не от «кобылы», как, должно быть, казалось Гулю). По разъяснению автора, «разговор, в котором "кабы" встречается часто <...> разговор не дельный; <...> бестолковое "галдение" в разговоре и бессмыслица в поступках».

795

Похоже на парафраз стихотворения Г. И. «Скучно, скучно мне до одуренья...», напечатанного через полтора года («Новый журнал». 1957, декабрь, кн. LI). Но, скорее всего, сама эта фраза Гуля способствовала рождению поэтического импульса.

Финансирование Издательства им. Чехова американцы — в связи с «оттепелью» в СССР — решили прекратить. «Ich sterbe» {нем.) — «Я умираю» - последние слова Чехова, умиравшего в Германии, в городке Баденвейлер.

797

Стихотворение Г. И. «Уплывают маленькие ялики...».

798

Стихотворение Г. И. «Все на свете дело случая...».

799

Юрий Павлович Анненков (1889-1974) - художник, автор графических портретов известных деятелей культуры (в том числе Г.И., 1921, украсившего второе издание «Вереска»), в 1924 г. уехал в Венецию для устройства советского отдела на XIV Международном биеннале искусств, жил в основном во Франции. В его мемуарной книге «Дневник моих встреч» (1966) одна из глав посвящена Г. И. Воспоминания «об Александре Блоке» напечатаны в кн. XLVII «Нового журнала» (1956, с. 108-132).

800

Если это стихотворение, появившееся в ближайшем, июньском, номере «Нового журнала», то это подписанное именем Одоевцевой и на нее много более похожее, чем на Г. И., «Ты видишь, как я весело живу...».

.

801

«Le Figaro» — парижская ежедневная газета, основана в 1826 г. Со времен начала Второй мировой войны — ведущая газета Франции. В конце ноября 1942 г. самозакрылась. Возобновлена в 1944 г.

802

Влиятельная парижская газета «Le Temps» («Время») основана в 1861 г., в конце ноября 1942 г. самозакрылась. Однако в 1944 г. возобновить ее было запрещено. Ее место заняла созданная по инициативе Де Голля в 1944 г. «Le Monde».

803

Лондонская независимая газета «Дэйли Мэйл» («The Daily Mail») основана в 1896 г., прославилась своим освещением международных событий. 12 апреля 1956 г. в английском парламенте состоялся обмен мнениями о предстоящем визите в Англию Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина, прибывших 18 апреля. Благодарим Ричарда Дэвиса (Richard Davies) за предоставление этого и других материалов из газеты «Дэйли Мэйл».

804

Георгий Максимилианович Маленков (1902-1988) — советский партийный и государственный деятель, выдвинувшийся при Сталине, член Политбюро и Президиума Политбюро ВКП(6)-КПСС в 1946-1957 гг., один из организаторов массовых репрессий в СССР. С 15 марта по 7 апреля 1956 г. был в Англии с визитом, предваряющим визит Хрущева и Булганина.

805

«Gang» (англ.) — шайка, банда. 5 апр. 1956 г. «Дэйли Мэйл» на первой полосе помещает статью «Поцелуй Маленкова» («The Kiss of Maienkov»), в которой называет его «мрачным членом» («dour member») «кремлевской шайки» («Kremlin Gang»).

806

Иван Александрович Серов (1905-1990) — один из руководителей советских органов государственной безопасности, в которых работал с 1939 г. В это же время близко познакомился с Н. С. Хрущевым, при котором в марте 1954 г. стал председателем КГБ при Совете министров СССР. С 1955 г. генерал армии, в 1956 г. с 22 по 27 марта подготавливал поездку Хрущева и Булганина в Англию, в частности договорившись о приезде 50 телохранителей советских лидеров. Визит советской делегации закончился большим скандалом из-за гибели английского офицера под водой возле крейсера «Орджоникидзе», на котором Хрущев с Булганиным прибыли в Портсмут. Присутствие Серова в Англии возмутило многих, и его приезд был предварен 22 марта 1956 г. на первой полосе «Дэйли Мэйл» статьей под заголовком «Русский шакал» («The Russian Jackal»). 12 апреля 1956 г. та же «Дейли Мэйл» сообщала о решении советской стороны не включать «русского шакала» в делегацию, заменив его Н. С. Захаровым в качестве лица, обеспечивающего безопасность визита. Осенью того же года во время венгерских событий Серов руководил в Венгрии массовыми арестами. В 1965 г., после падения Хрущева, исключен из партии и уволен в отставку.

807

Никита Сергеевич Хрущев (1894-1971) — советский партийный и государственный деятель, с 1949 г. секретарь ЦК и 1-й секретарь МК ВКП(6), с 1953 г, 1-й секретарь ЦК КПСС, известен своей речью на XX съезде КПСС, разоблачающей «культ личности Сталина», в 1964 г. смещен со всех своих постов.

808

Желтая собака» («yellow dog») — английский фразеологизм, обозначающий «прохвост», «трус» и т. п. Дальнейшая характеристика не совсем понятна. По-английски можно сказать о непорядочном человеке: «crooked as a dog's hind leg». По предположению Ричарда Дэвиса, Г.И. что-то напутал или неадекватно перевел. К тому же «желтыми собаками» в цит. статье из «Дэйли Мэйл» от 5 апр. названы английские коммунисты, а не Хрущев.

809

Николай Александрович Булганин (1895-1975) - советский партийный, военный и государственный деятель, в 1947-1958 гг. в звании Маршала Советского Союза, в 1948-1958 гг. член Политбюро и Президиума Политбюро КПСС, в 1955-1958 гг. председатель Совета министров СССР. Вместе с Хрущевым возглавлял советскую делегацию в Англии с 18 по 27 апреля 1956 г.

810

Сергей Владимирович Набоков (1900-1945) — с детства увлекался музыкой, вместе с братом уехал из Крыма, учился в Оксфорде, по версии, изложенной Брайаном Бойдом, в 1943 г. его арестовали в Берлине за гомосексуализм, но через пять месяцев выпустили, после чего он уехал в Прагу, где по доносу был арестован как «английский шпион» — за высказывания против Гитлера и Германии. Помещенный в концлагерь под Гамбургом, он умер в нем 10 янв. 1945 г. от истощения (см.: Брайан Бойд. «Владимир Набоков: американские годы». М.; СПб., 2004, с. 107).

811

Эти сведения нигде официального подтверждения не имеют. Во всяком случае, документированных публикаций нет. Гомосексуализм в гитлеровской Германии на самом деле преследовался, но Сергей Набоков был вторично арестован и отправлен в концлагерь за «пораженческие разговоры», а не за гомосексуализм.

812

Яков Ноевич Блох (1892-1968) — издатель, переводчик, один из основателей петроградского издательства «Петрополис». В 1922 г. уехал и Берлин, где создал берлинское отделение «Петрополиса», в 1935 г. переехал в Брюссель, затем в Швейцарию, стал руководителем швейцарского отделения Общества защиты евреев.

813

Адамович еще в 1935 г. предупреждал М. Л. Кантора: «Этот Абрам Саулович всегда был плутом...» («Зарубежная Россия. 1917-1939». Кн. 2. СПб., 2003, с. 292).

814

Очевидно, имеются в виду братья Вольфсоны: Илья Владимирович, издатель, совладелец издательства «Время», и Аев Владимирович, издатель, совладелец издательства «Мысль».

815

Александр Эммануилович Беленсон (1890-1949) — поэт, прозаик, критик, издатель журнала «Голос эмигранта» (Берлин, 1920-1922).

816

Александр Григорьевич Мовшенсон (1895-1965) — театровед, переводчик, редактор.

817

Блох Раиса Ноевна (1899-1943) — член Союза поэтов с 1920 г., по профессии медиевист, в 1922 г. уехала в Берлин, в 1933 г. переехала в Париж, в 1943 г. арестована, погибла в немецком концлагере.

818

В этом же, 1921 г. Г. И. вписывает в «Чукоккалу» пародический стишок на мотив «Чижика-пыжика»- «Оцуп, Оцуп, где ты был...», а еще раньше, в 1919-м, подписывается под совместной пародией на Оцупа «Умеревший офицер» (см. «Чукоккала». М., 1999, с. 159, 258). См. также: S. Garzonio «A proposito della canzonetta di Georgli Ivanov Ocup, Ocup gde ty byl?» // eSamizdat. 2009/1, c. 85-87.

819

Стихотворения «Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...» и «Мне весна ничего не сказала...» напечатаны в «Новом журнале» (1956, кн. XLIV, с. 64,66).

820

Стихотворение «На юге Франции прекрасны...» напечатано там же (с. 62).

821

Г. И. и Одоевцева летом 1922 г. разошлись и уезжали из Петрограда за границу порознь, о чем они сами позже предпочитали не распространяться (см., например, «На берегах Сены» Одоевцевой).

822

Адриан Иванович Пиотровский (1898-1938) — переводчик, театровед, драматург, закончил классическое отделение Петроградского университета, рожден В. В. Петуховой вне брака от Ф. Ф. Зелинского. В Ленинграде занимал видное положение в разных областях театра и кино. В1938 г. арестован и погиб в заключении. Фаддей Францевич Зелинский (1859-1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета, с 1921 г. профессор Варшавского университета, член многих иностранных академий.

823

Лохвицкий-Скалон — говоря: «сын Мирры», Г. И., очевидно, имеет в виду сына Мирры (Марии) Александровны Лохвицкой, в замужестве Жибер (1869-1905), известной поэтессы. Однако фамилия говорит в пользу другой Марии Александровны, Лохвицкой-Скалон, начальницы гимназии с художественными классами в Петербурге (Невский, 88) и затем женских Естественно-научных курсов и гимназии (Кузнечный пер., 9), где ее также именовали и «Миррой».

824

Борис Фридрихович Шульц (1895- ?) — соученик Г. И. по 2-му кадетскому корпусу (поступил в 1906 г., закончил в 1913 г.), в 1908-1909 г. одноклассник (затем Г. И. отстал, оставшись на второй год). Как и Г. И., Шульц учился казеннокоштно, как и он - сын подполковника. Сведениями о его дальнейшей судьбе не располагаем.

825

Близко к марту—апрелю, 2 мая 1923 г. в «Красной газете» похожая информация нашлась. Вечерний выпуск, раздел «Происшествия», заглавие «Загадочное преступление»: «Еще 8 февраля сего года из реки Фонтанки был извлечен железный ящик, в котором оказалась завернутая в разные тряпки голова мужчины, на вид лет сорока пяти, с черной бородкой, бритыми щеками, на голове плешь, с волосами на затылочной части. Одной из характерных примет является то, что во рту жертвы имеется на коренных зубах 13 золотых коронок, по-видимому недавно выполненных. С головы сделан фотографический снимок. Неопознанная никем голова до сих пор сохранилась и находится в покойницкой больницы имени профессора Нечаева (6. Обуховская), для осмотра и опознания. Дело об этом преступлении ведет Нарслед 10 отделения гор. Петрограда и уголовный розыск».

826

Об этой заметке в редакции петроградского издательства «Всемирная литература», в которой и Г. И. и Адамович кормились переводами в день выхода «Красной газеты» Адамович услышать никак не мог. 2 мая 1923 г. он был и от Фонтанки, и от Почтамтской за две тысячи верст — в Ницце, как раз у своей тетушки Веры Белей. Да и не содержится в ней никаких указаний на подразумеваемое Г. И. место преступления. Более того — найден «железный ящичек» в Фонтанке, а не в Мойке. То есть довольно далеко от Почтамтской. Мойка видна из окна квартиры 2 на Почтамтской, 20, да и полноводная Нева к ней много ближе, чем Фонтанка. И добраться до Фонтанки, минуя Мойку, невозможно. Не слишком рациональный поступок, если принять версию Г. И. о заранее обдуманной акции: тащиться с уликой к Фонтанке через две реки — Мойку и Екатерининский канал. Однако до этой заметки была еще одна, на которую косвенно и ссылается корреспондент газеты, 9 февр. 1923 г. в разделе «Происшествия»: «Труп. 8 февраля, в 12 ч. дня, на Фонтанке, у Обуховского моста, речной милицией был извлечен сундук, обитый жестью. В сундуке были обнаружены части тела, с признаками недавнего убийства. Сундук отправлен в уголовный розыск» («Красная газета». 1923, № 30, 9 февр., с. 3). Таким образом, речь в обеих заметках идет об одном и том же происшествии — в дни, когда Адамович еще был в Петрограде.

827

Продолжения не последовало. О сильно беллетризованном характере этой части «Баллады о Почтамтской» см.: Андрей Арьев. «Когда замрут отчаянье и злоба» («Звезда». 2008, № 8).

828

Эта телеграмма нам неизвестна.

829

«Тигр» и «глаза, как два плевка» в «отрывке из подготовленного к печати романа» Одоевцевой, напечатанного под заглавием «Когда бушевала буря» в «Новом журнале» (1956, кн. XLV), сохранены: «Гестапист уставился на него злыми понимающими глазами, усы его ощетинились, как у тигра, готового к прыжку. <…> Его бледные глаза, похожие на два плевка, скользко блеснули» (с. 23).

830

Одоевцева путает слова «капсюль» и «капсула» — в медицине — оболочка принимаемых внутрь веществ.

831

Исправлений о Рачинском не потребовалось: кроме одного фрагмента, в «Новом журнале» ничего больше из романа напечатано не было.

832

Марк Ефимович Вейнбаум (1890-1973) — журналист, эмигрант с 1913 г., жил в США, в 1922-1973 гг. главный редактор газеты «Новое русское слово», в 1950-е - председатель правления Литературного фонда в Нью-Йорке.

833

Алданов, в частности, пишет: «Разумеется, я сегодня же напишу Литературному фонду и А. А. Полякову, — он большой почитатель таланта Г. В-ча, а я постараюсь написать возможно убедительнее <...>. Думаю, однако, что Р. Б. Гуль незнаком с практикой Правления Фонда, с размером его ссуд и, в частности, с его, Правления, отликом на мои ходатайства о разных лицах, правда, слишком, по-видимому, многочисленные. Насколько мне известно, Фонд почти никогда больше 50 долларов не ассигнует, — по крайней мере людям, живущим в Европе <...>. Что же касается моих ходатайств, то лишь один раз дали 50 долларов, а то все 25, 15 и недавно даже 10!» (BLG, Box 20, Folder 489).

834

Яков Моисеевич Цвибак, псевдоним Андрей Седых (1902-1994) — прозаик, журналист, с 1920 г. в эмиграции, жил в Париже, постоянный сотрудник «Последних новостей», с 1942 г. жил в Нью-Йорке, работал в «Новом русском слове», главным редактором и владельцем которой стал в 1973 г. В цит. письме к Одоевцевой Алданов пишет: «...немало мог бы собрать Яков Моисеевич Цвибак <...>. Я не знаю Ваших с ним нынешних отношений, но если (никак не гарантирую) он что-либо сделает, то не иначе, как по Вашему личному письму, а никак не по моему»

835

Из цикла (№ 6, опубл. в 1914) Александра Блока «Жизнь моего приятеля»: «День проходил, как всегда: / В сумасшествии тихом».

Эти выражения из отклика Струве и Филиппова были устранены М. М. Карповичем, смягчившем также и ответ Г. И.

837

См. письмо 101.

838

«По поводу "Собрания сочинений" Мандельштама» («Опыты». 1956. кн. V, с. 92-94). Подписан лишь инициалом А.

839

Второй отрывок из романа «Когда бушевала буря» ни в «Новом журнале», ни где-либо еще, напечатан не был. См. письмо 23.

840

В кн. XLV «Нового журнала» вместе с отрывком из романа Одоевцевой напечатано ее стихотворение «Ты видишь, как я весело живу...».

841

О каких «книгах» Струве пишет Одоевцева, неясно. В это время вышла его «Русская литература в изгнании», но ничего «гнусного» или недостоверного по поводу «невозвращенчества» или издательства «Петрополис» в ней не говорится.

Эта правка редакцией «Нового журнала» внесена.

Все обоюдно некорректные выражения оппонентов Г. И. и его самого были при публикации устранены М. М. Карповичем, в том числе упомянутое «честнее» заменено на «правильнее».

844

Снова аллюзия на «Переписку из двух углов» Вячеслава Иванова и М. О. Гершензона.

845

Одоевцева имеет в виду переписанный ею от руки «Ответ гг. Струве и Филиппову» Г. И., напечатанный в «Новом журнале» (1956, кн. XLV, с. 301-304). В публикации подобного рода придирки, да еще касающиеся Гумилева, а не Мандельштама, изъяты.

846

Снова отсылка к «Жизни моего приятеля» Блока.

847

См. письмо 116.

848

Терапиано в это время публикуется в «Русской мысли» практически еженедельно — в авторском ежесубботнем обзоре «Новые книги». Несомненно, Одоевцева имеет в виду ближайший ко времени написания письма этот его «литературный подвал» с откликом на книгу Струве «Русская литература в изгнании» («Русская мысль». 1956, № 910, 9 июня, с. 4-5).

849

Владимир Марков. «Моцарт» («Новый журнал». 1956, кн. XLIV, с. 88- 113). Адамович по поводу оценки Г. И., Одоевцевой и своей Маркова и его «Моцарта» писал 18 дек. 1956 г. Юрию Иваску: «Многие его и хвалили. Кроме того, он не из тех, кто от критики и даже хулы вянет. Он за себя постоит. Помолчать и подумать ему не вредно, а что из него выйдет толк — я уверен, и вообще насчет его "данных" (но не всех свершений) с Вами вполне согласен. Я летом был у Ивановых, которые из-за него на меня напали, в частности из-за "Моцарта". Я сказал Жоржу: "Не могу поверить, что тебе эта выспренная чепуха - нравится". Он ответил: "Да я, в сущности, не читал, а человек он милый"» («Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935-1961)». Предисловие, публ. и коммент. Н. А. Богомолова // Диаспора V. Париж; СПб., 2003, с. 492).

850

Георгий Адамович «Наследство Блока» («Новый журнал». 1956, кн. XLIV, с. 73-87).

851

В журнале русских символистов «Весы» З. Н. Гиппиус в 1906-1908 гг. была одним из ведущих критиков, хотя жила она в это время вместе с Мережковским в Париже.

852

В публикуемом фрагменте Одоевцевой «Когда бушевала буря» немецкий шофер, возвращающий родителям захваченную «гестапистами» еврейскую девочку, говорит: «Schweinehunde эти доносчики... Такая прелестная, такая арийская девочка!..».

853

В кн. XLV «Нового журнала» вместе с фрагментом романа Одоевцевой напечатано ее стихотворение «Ты видишь, как я весело живу!..».

Гуль тут иронически смешивает выражение из «Интернационала» («своею собственной рукой») с библейской притчей о мудром суде царя Соломона (Третья Книга Царств, гл. 3,16-28).

855

«Обмердированье» — очевидно, неологизм Гуля, калькирующий французский глагол emmerder с корнем «merde» — «дерьмо». Публикация в одном номере «Нового журнала» обоих писем в редакцию возмутила Б. А. Филиппова, написавшего Г. П. Струве 22 авг. 1956 г.: «...Пересылаю Вам не лишенное интереса (как курьез морального порядка) письмо Михаила Михайловича Карповича. Как он пишет в нем, он не только внес в наше письмо НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ни с кем из нас дополнительные изменения и смягчения, но и счел нужным послать — еще до выхода в свет номера "Нового журнала" — наше письмо "для ознакомления и ответа" Георгию Иванову. Видите ли, "так принято". Когда вышел номер "Нового журнала", я был поражен появлением ответа Г. Иванова сразу же вслед за нашим весьма обезличенным и более чем смягченным письмом. Таковы литературные нравы. НИЧЕГО ПОДОБНОГО Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ДАЖЕ В СССР, уверяю Вас». В указанном Филипповым письме Карпович сообщал ему 10 авг. 1956 г.: «...Гуль показал мне письмо Иванова, который заблаговременно, предвидя возражения со стороны редакторов Соб. соч. Мандельштама, просил непременно прислать ему текст возражения, чтобы он мог в том же номере на него ответить. Так как это общепринятый порядок, — не было оснований ему в этом отказать. Вместе с тем, предвидя с его стороны всякие "фиоритуры", я не хотел давать ему лишнее для них основание. Тут я и внес дополнительные изменения в текст Вашего и Г. П. письма. Когда пришел ответ Иванова, я безжалостно выкинул из его текста многие "полемические красоты", сообщив ему через Гуля об их неуместности...» (указано Павлом Нерлером, подготовившим письма для публикации в «Новом журнале»).

856

Ильязд, наст, имя Илья Михайлович Зданевич (1894-1975) — поэт, художник, художественный критик, был близок к Михаилу Ларионову и Наталии Гончаровой. В 1920 г. уехал из Грузии в Константинополь, с 1921 г. жил в Париже. За границей продолжал придерживаться левых взглядов на искусство и политику (в частности, в 1923 г. устроил чествование в Париже Владимира Маяковского, а в 1927 г. написал роман «Восхищение», предназначавшийся для советской аудитории, но в СССР не изданный). В Париже работал художником по тканям, издателем малотиражных книг, оформлявшихся крупнейшими художниками Франции — Матиссом, Пикассо, Леже и др.

857

Из стихотворения Г. И. «Если бы жить… Только бы жить… / Хоть литейном заводе служить. // Хоть рудокопом с тяжелой киркой…».

858

В речи, посвященной пятидесятилетию со дня рождения Михаила Кузмина, 29 сент. 1920 г. Блок акцентировал внимание слушателей на одном: «Профессиональный союз поэтов» «...устроен для того, чтобы найти средства уберечь вас, поэта Кузмина, и таких, как вы, от разных случайностей, которыми наполнена жизнь и которые могли бы вам сделать больно. <...> вас <...> мы хотели бы и будем стараться уберечь от всего, нарушающего ритм, от всего, заграждающего путь музыкальной волне» (Александр Блок. Собр. соч. в 8 тт. Т. 6. М.; Д., 1962, с. 439-440).

859

Надежда Яковлевна Мандельштам, рожд. Хазина (1899-1980) — преподаватель, мемуаристка, в 1919 г. в Киеве познакомилась с Осипом Мандельштамом, стала его женой, жила с ним до ареста поэта в ночь с 1 на 2 мая 1938 г. Автор получивших широкую известность, изданных первоначально за границей «Воспоминаний» (1970). Затем изданы: «Вторая книга» (1972) и «Третья книга» (1978).

860

Илья Александрович Груздев (1892-1960) — литературовед, входил в литературную группу «Серапионовы братья» («Братнастоятель») с момента ее основания в 1921 г. Самая известная работа Груздева — «Жизнь и приключения Максима Горького» (1927). Написанная первоначально для детей (во многом по материалам, собранным М. Л. Слонимским), она переиздавалась неоднократно, разрастаясь в исследование «Горький и его время».

861

Эти легенды возникли в основном из-за скандала по поводу редактирования Мандельштамом перевода «Тиля Уленшпигеля» Шарля Де Костера, уже переведенного А. Г. Горнфельдом и В. Н. Карякиным. В 1927 г. Мандельштам заключил договор именно на редактирование этого перевода с московским издательством «Земля и фабрика». Однако в 1928 г., когда книга вышла, на ее титуле значилось: «Перевод с французского Осипа Мандельштама».

862

Установить, что Б. А. Филистинский, взявший в 1945 г. псевдоним Филиппов (были и другие псевдонимы, но не Эрдени), имел какое-то отношение к человеку с такой фамилией, не удалось. Во всяком случае автора какого-либо стихотворного сборника с такой фамилией не обнаружено.

863

«Мусор слов» — ни в каких библиографических справочниках книги стихов с таким названием не обнаружено.

864

В немногочисленных публикациях Корнея Чуковского в «Красной газете» середины 1920-х гг. ни рецензии, ни подобной шутки не обнаружено.

865

«Кипарисовый ларец» — вышедший в 1910 г. посмертно главный сборник стихов И. Ф. Анненского, подготовленный в основном самим автором. Точно так же посмертно в 1958 г. вышел сборник Г. И. «1943 — 1958 Стихи)», о котором он начал хлопотать в 1956 г.

866

Чухлома — город в Костромской губернии, у поколения Г. И. — символ глухомани, как, например, в его собственном стихотворении «Ветер с Невы. Леденеющий март...» или в отзыве о нем самом Э. Ф. Голлербаха.

867

«Рифма» — издательство, специализировавшееся исключительно на публикации книг стихов. Основано в Париже в 1949 г. Ириной Яссен. После ее смерти 28 ноября 1957 г. руководство перешло к Софье Прегель. В редколлегию издательства входили Г. Адамович, С. Маковский, Г. Раевский, П. Ставров и др. Секретарь редакции — А. Элькан. Издательство под названием «Содружество поэтов» нам неизвестно. Возможно, для Г. И. это некий собирательный образ: до войны в Выборге было поэтическое общество «Содружество», издававшее «Журнал "Содружества"»», в Варшаве «Литературное содружество», в Париже «Союз молодых поэтов и писателей», в Берлине «Союз поэтов»... .

868

Первая книга В. С. Варшавского — «Семь лет, встреча эмигранта с Красной Армией» (Париж, 1950).

869

Владимир Иванович Лебедев (1883-1956) — эсер, общественный деятель, журналист, прозаик, в эмиграции с 1908 г., в 1917 г. вернулся в Россию, управлял морским министерством во Временном правительстве, участник белого движения, с 1919 г. жил в Париже, в 1921-1936 гг. жил в Праге, Белграде и Париже, в 1920-1932 гг. соредактор «Воли России», в 1936 г. переехал в США, где стал председателем Общества приехавших из Европы. Под «увековечением памяти» Лебедева Г. И., очевидно, имеет в виду объявленную подготовку сборника «Памяти В. И. Лебедева», изданного в 1958 г.

Постоянно цитируемые в этой переписке строчки стихотворения Одоевцевой «По набережной ночью мы идем...».

С 1951 по 1960 г. Адамович преподавал русский язык и литературу в Манчестерском университете (Англия).

872

Адамович, в частности, писал Одоевцевой 17 июня 1956 г.: «...Марков сочинил развязный вздор, Бог знает что (но есть почтительная фраза о Жорже). Кстати, и о Моцарте в Нов. жур. — тоже вздор, и как все это написано!» («Минувшее», кн. 21. М; СПб., 1997, с. 429). Под «развязным вздором» Адамович имеет в виду «Заметки на полях» Маркова, напечатанные в «Опытах» (1956, кн. VI) со словами о Г. И. как о «большом поэте».

873

Марков в «Заметках на полях» оценил главу о Чернышевском из «Дара» Набокова следующим образом: «...роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи "общественной" России» (с. 65). Вишняк (в свое время исключивший главу о Чернышевском из печатавшегося в «Современных записках» «Дара») тут же выступил с отповедью, сразу в двух газетах — «Новом русском слове» (10 июня 1956) и «Русской мысли» (12 июня).

В «Русской мысли» отклики на последний сборник Г. И. совпали с материалами о кончине поэта. О самой книге «1943—1958 Стихи» первая статья — К. Д. Померанцева — появилась 12 авг. 1958 г., т. е. еще до ее выхода. Затем последовали статьи Ю. К. Терапиано (8 ноября 1958 г.) и Н. Д. Татищева (27 ноября 1958 г.). «Русское Воскресение» — парижский еженедельник православно-монархического направления, издававшийся в 1955—1961 гг., — ни на кончину Г. И., ни на его сборник не отозвалась вовсе. В то же время «бума и рекламы» от этой газеты, незадолго перед тем (20 окт. 1955 г.) сравнившей Г. И. с Моцартом, поэт мог ожидать.

875

Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888-1982) — публицист, прозаик, публиковалась с пятнадцати лет, с 1908 г. училась философском факультете Высших женских курсов в Москве, увлеклась и сблизилась с Гиппиус и Мережковским, в 1914 г. уехала в Германию для продолжения занятий философией, но с началом войны вернулась через Швейцарию домой. За границей познакомилась с произведениями русских социал-демократов, большевиков в том числе. В революцию 1917 г. оказалась в числе восторженно принявших и февраль, и октябрь. В советское время пишет агитационной направленности прозу и публицистику, оказывается автором одного из первых «производственных» романов («Гидроцентраль», 1930) и разрабатывает литературную «лениниану».

876

Стихотворение Г. И. «Паспорт мой сгорел когда-то...» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 101).

877

Отец Адамовича Виктор Михайлович Адамович (1839-1903) — с 1898 г. генерал-майор, начальник Московского военного госпиталя, всю жизнь прослужил по военной части, в 1868 г. несколько месяцев состоял членом батальонного суда, был уездным военным начальником в Смоленске, затем в Москве, но, как явствует из его послужного списка, хранящегося в РГВИА, никогда никакого отношения к жандармскому корпусу не имел (указано О. А. Коростелевым).

878

В рецензии на кн. XXXIV «Нового журнала» Адамович писал в «Русской мысли» 5 июля 1956 г. (№ 921, с. 5): «...психологически, жизненно ивановская тема близка есенинской, — разумеется, лишь к Есенину самого его последнего периода, — в том смысле, что у обоих поэзия душевной ликвидации, поэзия "обманувших надежд" поэзия "облетевших цветов, догоревших огней" уничтожила всякие иные побуждения к творчеству. Порыв возникает из-за того, что рваться, собственно говоря, уже не к чему».

879

Одоевцева имеет в виду публикацию своего фрагмента «Когда бушевала буря». Адамович в обзоре XLIV книги «Нового журнала» откликнулся на него очень благожелательно: «...в отрывке этом нет и следа какой-нибудь подражательности <...>. За Одоевцевой прочно установилась репутация писателя веселого, легкого, жизнерадостного, что отчасти верно, — и держится не впечатлении исключительно стилистическом. Звук ее фразы действительно легок, порывист, и ни в коем случае не располагает к меланхолии и задумчивости. Бунин, очень ее любивший, как-то пошутил: "Читаю и будто сижу в лифте... вверх — вниз, вверх — вниз!" <...> Но индивидуальность Одоевцевой глубоко противоречива. В основании ее писаний лежит ужас перед жизнью и перед беззащитностью человека» («Русская мысль». 1956, № 951, 13 сент., с. 2).

880

Перефразированная строчка из цыганского романса Саши Макарова 1910-х гг. «Вы просите песен, их нет у меня». См. также письмо 163.

881

«Милый друг, я умираю / Оттого, что был я честен, / Но зато родному краю, / Верно, буду я известен» — начало стихотворения (1861) Н. А. Добролюбова.

882

«Эмиграция так бедна, что у нее нет даже стула» — по отзывам специалистов по Ходасевичу, эта острота нигде не зафиксирована. Скорее всего, Гуль услышал ее от Берберовой, с которой постоянно общался после ее приезда в США (он же и встречал ее, когда в 1950 г. она приехала на корабле из Франции).

883

Отсылка к стихотворению Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

884

«Хороша страна моя родная..» — аллюзия на популярную советскую песню Исаака Дунаевского на слова Василия Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная...» (из кинофильма «Цирк», 1936). Признание в любви к Америке Гуль сделал и в «Моей биографии»: «Ни одну страну, где я жил в эмиграции, я не любил так, как Америку. И природу, и людей, и стиль жизни, и настоящую свободу, которой здесь, пожалуй, даже чересчур много» («Новый журнал». 1986, кн. 164, с. 31).

885

Очевидно очередной каламбур Гуля, пародирующего текст «Интернационала»: «проклятьем заклейменный» «проклетарий».

886

Федор Степун. «Бывшее и несбывшееся». В 2 томах (Нью-Йорк, Издательство им. Чехова. 1956).

887

Цитаты из стихотворения Н. А. Некрасова «Еще тройка» (1867): «Сидит с осанкою победной / Жандарм с усищами в аршин, / И рядом с ним какой-то бледный / Лет в девятнадцать господин».

888

Елизавета Семеновна Адамович, рожд. Вейнберг (1867-1933) — после смерти мужа в 1903 г. жила в Петербурге, с начала 1920-х во Франции, преимущественно у сестры В. С. Белей в Ницце, где и похоронена.

889

По-польски были изданы две книги Гуля: Roman Gul. «General Bo». Z upowainienia autora przetozife Halina Pilichowska. Warszawa, 1933; Roman Gul. «Cherwoni Dowddcy. Woroszytow, Budennyj, Bliicher, Kotowskij». Warszawa, 1934. «Генерала Бо» «с разрешения автора перевела Галина Пилиховска», в книге «Красные маршалы...» переводчик не указан.

890

Открытый в 1950 г. Земгором («Объединение земских и городских деятелей», созданное в 1915 г., упраздненное большевиками в 1918 г. и продолжившее свою деятельность как «Российский Земско-городской комитет помощи русским гражданам за границей») в Cormeilles-en-Parisis (к северо- западу от Парижа) Дом для престарелых русских эмигрантов. Существует до настоящего времени.

891

Георгий Диодорович Чернояров (?-1954) — с 1921 г. исполнитель и дирижер оркестров русских народных инструментов, сначала в Сербии, затем в разных странах Европы. Г. И., очевидно, находится под впечатлением от заметки в «Русской мысли» (1956, № 1931, 28 июля, с. 7), в которой сообщается, что 9 июля 1956 г. в городе Эпинале (Вогезы) «...была совершена панихида и освящение памятника» Черноярову на его могиле.

892

Аллюзия на пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа...»

893

Неточная цитата из русской революционной песни 1880-х гг. «Вы жертвою пали» («Похоронный марш»). Автор неизвестен, слова А. Архангельского. Особенно популярна была в начале XX века и после Февральской революции 1917 г. Исполнялась на похоронах В. И. Ленина. В оригинале: «А деспот пирует в роскошном дворце».

894

«Ce la realite, que faire...» — «Такова реальность, что делать, делать-то что?».

895

Андре Терив (Andre Therive, 1891-1967) — писатель, критик, вел отдел литературной хроники в парижской газете «Время» (Le Temps), продолжавшей писать «о поэзии» в годы войны и закрывшейся в ноябре 1942 г. После войны Андре Терив отделался «общественным порицанием» (см. также письмо 135).

«Plon» — одно из ведущих французских литературных издательств (Париж). Основано в 1947 г.

897

Надежда Александровна Тэффи, наст, фамилия Лохвицкая, по мужу Бучинская (1872-1952) — писательница, поэтесса, прославившаяся еще до революции преимущественно своими юмористическими рассказами и фельетонами, в 1918 г. уехала из Петербурга на Украину, оттуда, из Одессы — в эмиграцию. С 1920 г. жила в Париже. Чуть неточно цитируемая фраза взята из ее не раз переиздававшихся в 1910 г. «Юмористических рассказов» («Книга вторая»): «- Мы хотим работать, каждый человек любит работать, а они отрывают. Но мы бы не обижались, если бы тут серьезные дела. Нет! Но нас, главным образом, возмущает безнравственное поведение вышеизложенного субъекта», - жалуются сослуживцы на героя рассказа «Кулич».

898

Отсылка к определению прозы и поэзии Самюэлем Кольриджем в его «Исследовании поэзии» («A Study of Poetry»): «Проза — это слова в лучшем порядке, поэзия — лучшие слова в лучшем порядке» («Prose, words in their best order, Poetry, the best words in the best order»).

899

Н. Ульянов. «Застигнутый ночью» («Новый журнал». 1954, кн. XXXIX, с. 143-154).

900

Роман Гуль. «О книге Глеба Струве» (рец. на книгу «Русская литература в изгнании»). «Новое русское слово». 1956, 23 сент, № 15793, с. 8.

901

Две первые строчки — чуть измененное начало навеянного смертью Д. И. Писарева стихотворения Н. А. Некрасова: «Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым!» (1868).

902

Строчка из стихотворения Блока «Шаги командора»: «На вопрос жестокий нет ответа, / Нет ответа — тишина». Почти дословно использована в финале стихотворения самого Г. И. «Холодно бродить по свету…» (1930): «Донна Анна! Нет ответа. / Анна, Анна! Тишина».

903

В предисловии «К критике политической экономии» (1859) Карл Маркс писал: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Очевидно, Г. И. имеет в виду Фрэнсиса Бэкона (Bacon; 1561—1626), английского философа, родоначальника «индуктивного метода» и «эмпиризма», автора популярного изречения «Знание — сила». Приведенное конкретное изречение Бэкона нам неизвестно, но оно соответствует духу его философии.

904

В Польше после смерти просталински ориентированного Болеслава Берута власть перешла к более либеральному, только что выпущенному из заключения Владиславу Гомулке (Gomulka; 1905-1982), избранному в 1956 г. Первым секретарем ЦК находившейся у власти Польской объединенной рабочей партии.

905

Г.И., несомненно, благодарит за «габардин» (а не за «кабардин»), плащ или пальто из плотной шерстяной ткани (от gabardine, англ., фр., – слово, обозначающее саму ткань).

906

Иоганн Петер Эккерман (Eckermann; 1792-1854) — немецкий писатель, секретарь Гете, автор книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (1837-1848). Русский перевод — 1891 г. (в сокращении) и 1934 г. (полный).

907

Аллюзия на финал стихотворения «Юнкер Шмидт» (1854) из «Козьмы Пруткова»: «Погоди, безумный, снова / Зелень оживится! / Юнкер Шмидт! честнбе слово, / Лето возвратится!».

908

Слегка переиначенные заключительные строчки стихотворения Александра Блока «Скифы» (1818): «В последний раз — на светлый братский пир / Сзывает варварская лира!»

909

Георгий Иванов. «"Бурелом" Александра Бурова» («Русская мысль». 1956, № 975, 8 ноября, с. 4-5).

910

Анна Андреевна Гумилева, рожд. Фрейнганг (1887-1956) — жена Д. С. Гумилева, брата Н. С. Гумилева. Ее статья «Николай Степанович Гумилев» напечатана в «Новом журнале» (1956, кн. XLVI, с. 107-126) и вызвала нелестные отзывы не только Г. И., но и Ахматовой: «Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени мещанку и кретинку А. А. Гумилеву, которая к тому же ничего не помнит не только про Н. Гумилева, но и про собственного мужа» («Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)». Москва; Torino, 19%, с. 250).

911

О Г. Я. Аронсоне см. примеч.письму 20. Г. И. имеет здесь в виду его воспоминания, печатавшиеся в «Новом журнале» в 1945-1946 гг. Их первый эпизод «бесхитростно» озаглавлен «Московские зимы» (1945, кн. X).

912

Дмитрий Степанович Гумилев (1884—1922) — учился в университете и нескольких военных заведениях, в 1910 г. вышел в отставку, в 1914 г. — с началом войны — был призван из запаса, произведен в поручики, участвовал в нескольких сражениях, награжден четырьмя орденами, в 1916 г. контужен, на чем его военная карьера и завершилась. В 1921 г. Д. С. Гумилев работал юрисконсультом в петроградском Союзе поэтов, после ареста брата уехал с женой в Ригу, умер в Режице (Резекне).

913

Владимир Смоленский. «Собрание стихотворений» (Париж, 1957). Составлено из стихов двух первых сборников («Закат», 1931, «Наедине», 1938) к новых стихотворений. Появление «Собрания стихотворений» сделало автора очень популярным в эмигрантской среде. По свидетельству К. Д. Померанцева, его выступления в Париже привлекали больше слушателей, чем выступления Г. И. Интересно, что Г. И. заявку на отзыв о книге уже сделал до этого письма к Гулю - в «Возрождение», написав секретарю редакции журнала И. К. Мартыновскому-Опишне в конце 1956 г.: «Не знаю, продолжаете ли Вы желать моего постоянного сотрудничества. Если да — теперь, наконец, могу им заняться. Для начала я бы пустил статью о новой книге Смоленского. Надеюсь, что она скоро выйдет, но, хотя вообще, я могу писать быстро, но для такой сериозной темы мне, конечно, нужно время. Так что если книга должна скоро выйти, то лучше всего если Вы пришлете мне корректурный оттиск загодя» (BL. Gen Mss Misc, Group 248, Item F-l).

914

«Собрание стихотворений» Смоленского вышло без обозначения издательства, указана только типография «Navarre».

915

Никаких «Иллюзий и Легенд» Г. И. так и не написал. Не сохранились даже фрагменты их, если они вообще были.

916

Конец стихотворения Г. И. «Черная кровь из открытых жил...».

917

Димитрий Алексеевич Шаховской, поэтический псевдоним Странник (1902-1989) — с 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. в Париже, с 1922 г. в Брюсселе, где в 1926 г. издавал журнал «Благонамеренный», в том же году принял монашеский постриг на Афоне, затем жил в Сербии, с 1932 г. по 1945 г. настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. Летом 1945 г. выслан во Францию, откуда в 1946 г. уехал в США. В монашестве Иоанн, с 1961 г. архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

918

Рецензия М. М. Карповича на книгу Глеба Струве «Русская литература в изгнании» напечатана в «Новом журнале» (1956. кн. XLVI). Г. И. ни письма в редакцию, ни рецензии на книгу Струве не написал.

919

Стихотворение Г. И. «Иду — и думаю о разном...».

920

Из стихотворения Г. И. «Иду — и думаю о разном...»: «И вспоминаю, холодея. / Что я уже не человек, // А судорога идиота /...»

921

См. письмо 1. Оба стихотворения («Иду и думаю о разном...»» и «Свободен путь под Фермопилами...») напечатаны в мартовской (XLVIII) кн. «Нового журнала» за 1957 г. — не «отдельно от "прочей сволочи"», но на первом месте, «не считаясь с алфавитом».

922

Эта замена сделана: «"Урра!" из пасти патриота, / "Долой!" из глотки бунтаря».

923

Имеется в виду юбилей Февральской революции 1917 г. в России, активным участником которой был М. В. Вишняк (член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, член Московской городской думы и др.).

924

Предназначенное для «Современных записок», едва ли не самое известное стихотворение Г. И. «Хорошо, что нет Царя...» было напечатано в «Числах» и затем вошло в «Розы» (1931). М. В. Вишняк был в это время одним из соредакторов «Современных записок» и их «ответственным секретарем».

925

Анатолий Евгеньевич Величковский (1901-1981) — поэт, прозаик, с семнадцати лет участвовал в Гражданской войне в составе Добровольческой армии, с 1919 г. жил в Польше, с 1926 г. — во Франции, в Каннах, Леоне, с начала 1940-х в Париже. Стихи печатал с 1947 г., в 1952 г. издал сборник «Лицом к лицу» (Париж, «Рифма»), постоянный автор «Нового журнала». В 1956 г. (декабрь, кн. XLVII, с. 70-72) напечатаны 6 его стихотворений: «Покоя, солнца и лазури...», «Во тьме твои глаза горят...», «Смотрел на садик, с городской улыбкой...», «Прибита к столбикам доска...», «Здесь орешник...», «Глядит луна...».

926

Олег Павлович Ильинский (1932-2003) — поэт, литературовед, с 1944 г. в Германии (вместе с родителями), с 1956 г. в США. Печатается с 1950 г., в «Новом журнале» с 1952 г. В кн. XLVII напечатаны: «Май сорок пятого»: 1. «Ночью стреляли. Гулко с захлебом...», 2. «От листвы кустарники распухли...»; Из поэзии Болеслава Колосовского: 1. «В лопухах, за молочной фермой», 2. «Борзятнику, стрелку, поэту»; Студентка: 1. «Майские дни в атмосфере успеха...», 2. «Она была по хрупкости фигуры»; На пароходе («Часть палубы застеклена...»).

927

Борис Викторович Савинков, псевдоним В. Ропшин (1879-1925) — политический деятель, член ЦК партии эсеров, прозаик, публицист, с 1911 г. в эмиграции, в апреле 1917 г. вернулся в Россию, стал комиссаром Временного правительства, управлял военным министерством, в марте 1918 г., организовал Союз защиты родины и свободы, был одним из руководителей Ярославского восстания, затем уехал в Париж, Варшаву, снова в Париж, где возобновил дружеские отношения с Мережковскими. В августе 1924 г. нелегально вернулся в Россию, где был арестован и погиб в заключении. Его сын Лев Борисович Савинков (1912-1987) — поэт, прозаик, член редколлегии парижского «ежемесячника утвержденцев» «Завтра» (1933- 1935), «национал-марксистского» направления. Лев Савинков участвовал в гражданской войне в Испании в составе интербригады, затем — в годы Второй мировой войны — во французском сопротивлении.

928

В кн. XLVII «Нового журнала» (с. 92) напечатано стихотворение Гингера «Тибетская песня» («Хвала вам, шесть концов: Восток, Юг, Запад, Север..»).

929

Наталия Николаевна Дудорова, рожд. Шульгина (1889-1976) — правнучка Баратынского, жена контр-адмирала Б. П. Дудорова, с лета 1917 г. военно-морского атташе в Японии, в 1923 г. уехала с ним в Калифорнию, писала стихи и прозу, участница «Литературно-художественного кружка» в Сан-Франциско, собиравшегося в 1921-1957 гг. у Е. П. Грот; печаталась в сборниках этого кружка «Дымный след» (1925), «Земля Колумба» (1936), «У Золотых ворот» (1957). В «Новом журнале» (1956, кн. XLVII, с. 80) опубликовано стихотворение Дудоровой «Старые книги» («В тесной лавке букиниста...»).

930

К стихотворению Горской «Душа смиренна, дух мятежен...» поставлен эпиграф из Бердяева: «Душа пассивна, Дух активен». Адамович в письме к Одоевцевой от 11 февр. 1957 г. сделал приписку: «В качестве литературного развлечения: прочтите в новом "Нов. журн." стихи Madame Горской. Я только что получил и насладился» («Минувшее». Кн. 21. М.; СПб., 1997, с. 440).

931

В кн. XLVI «Нового журнала» (с. 46-47) напечатаны стихотворения Анны Присмановой: «Утро» («Сыро. Блещет иней тонкий...») и «Облако» («Вода, вставая утром из русла...»).

932

В кн. XLVI (с. 49) «Нового журнала» напечатано стихотворение Гингера «Угол» («Незаслуженное чудо...»). Его сборник стихов «Весть» вышел в Париже 17 окт. 1956 г. (в выходных данных — 1957) и был отрецензирован в «Новом журнале» Юрием Трубецким (1957, кн. L, с. 286).

933

Юрий Анненков. «Об Александре Блоке» («Новый журнал». 1956, кн. XLVII).

934

Подпись «Г. И.»нарисована как орнамент.

935

Под фразой «Это не от паранойи...» поставлены три жирные точки, обведенные волнистым орнаментом.

936

В стихотворении Г. И. «Свободен путь под Фермопилами...» («Новый журнал». 1957, кн. XLVIII) пропущена вторая строфа: «И, опуская пурпур царственный / На метафизику и проч., / Обломки власти государственной / Небрежно покрывает ночь». Однако строфа эта не была восстановлена и в сборнике Г. И. «1943 — 1958 Стихи». Скорее всего, было два автографа этого стихотворения: со строфой и без нее (со строфой — в приложенном к письму от 21 марта 1957 г. запоздавшем автографе, замененном на автограф из письма от 17 сент. 1956 г.). Нам строфа известна только по устному воспроизведению К. Д. Померанцева.

В это же время, не уверенный в издании книги его стихов «Новым журналом», Г. И. готов принять предложение, поступившее от «Возрождения». 1 апреля 1957 г. он писал секретарю редакции этого журнала И. К. Мартыновскому-Опишне: «Относительно издания моих стихов — что за вопрос? — как говорили в Одессе. Само собой я был бы очень рад издать собрание своих стихов. Нов. Журнал с полгода назад собрался было издать такое собрание моих стихов, но потом что-то закис и, думаю, что они, прогорая, никогда не издадут. Так что в отношении "Возрождения" я совершенно свободен. Очень тронут Вашим желанием чем можете мне услужить и буду очень рад, если что-нибудь из этого получится. Сообщите подробнее как и что» (BL. Gen Mss Misc, Group 248, Item F-l).

938

Очевидно, стихотворения «Бредет старик на рыбный рынок...» и «Нечего тебе тревожиться...», напечатанные в сентябрьской (L) кн. «Нового журнала».

939

Георгий Сергеевич (Саркисович) Евангулов (1894-1967) - поэт, прозаик, первые сборники стихов вышли в 1918-1920 гг. в Грузии, в 1921 г. эмигрировал во Францию, вошел в парижскую литературную группу «Палата поэтов», издал сборники «Белый духан» (1921) и «Золотой пепел» (1925), печатался в «Современных записках», «Звене», «Парижском вестнике» и др. Глава из романа «Игра» напечатана в «Новом журнале» (1956. Декабрь. Кн. XLVII, с. 34-69). Умер в Германии..

940

Для французов Мюссе всегда «Grand Musset» («Великий Мюссе»). Кроме того, Г. И. имеет в виду его «главную книгу», «Исповедь сына века», с которой, как можно понять из письма, Терив сравнивал посланный Одо евцевой Гулю отрывок из написанного первоначально по-французски романа «Histoire des Anges». Его фрагмент напечатан в «Новом журнале» в 1956 г. (кн. XLV) под названием «Когда бушевала буря», В дальнейшем, до 1962 г., когда началась публикация ее мемуаров «На берегах Невы», никакой прозы Одоевцевой в «Новом журнале» не печаталось. Насколько проза Одоевцевой как русская, так и французская, выдерживает сравнение с Рабле и Мюссе — большой вопрос.

941

Стихотворение Г. И. «Это только синий ладан, / Это только сон во сне...» (1930), входящее в «Розы».

942

Passons — часто встречающееся в письмах Г. И. французское словцо, означающее: «не стоит говорить», «оставим».

943

Аллюзия на стихотворение Г. И. «Все чаще эти объявленья...», заканчивающееся строчкой: «Ну, абсолютно ничего!».

В «Возрождении» в 1957 г. печатался роман Одоевцевой «Год жизни», отвергнутый «Новым журналом». Там же напечатаны «Стансы» Г. И. (№ 64, апрель).

945

Стихотворения «Иду — и думаю о разном...» и «Свободен путь под Фермопилами...».

946

Из Евангелия от Иоанна (1, 5): «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

947

Татьяна Николаевна Карпович, рожд. Потапова (1897-1973) — В Первую мировую войну была медсестрой, в 1922 г. уехала в США к мужу. Во время Второй мировой войны помогала русским беженцам.

948

Конец стихотворения Г. И. «Смилостивилась погода...»: «Ах, не все ль равно / (Перед тем, как в лунном свете / Улететь в окно)».

949

Конец стихотворения Ахматовой «Со дня Купальницы-Аграфены...» (1913): «Приду и стану на порог, / Скажу: "Отдай мне мой платок."».

950

Стихотворение «Скучно, скучно мне до одуренья!..». Просьба Г. И. выполнена не была: и в «Новом журнале» (1957, декабрь, кн. LI, с. 51), и в последнем сборнике «1943 — 1958 Стихи» строчка напечатана без начального многоточия: «Мне бы прогреметь на барабане».

951

Семен Соломонович Юшкевич (1868—1927) — прозаик, драматург, автор романа «Леон Дрей» в 2-х тт. (1911), с 1920 г. в эмиграции, во Франции, издал в Париже и Берлине несколько книг.

952

Формально А. А. Ахматова была замужем за Н. С. Гумилевым с 1910 по 1918 г., но расстались они много раньше, в начале 1914 г.

953

Анна Николаевна Гумилева, рожд. Энгельгардт (1894—1942), актриса, жена Н. С. Гумилева с 1918 г. А. Н. Гумилевой в 1922 г., как жене расстрелянного поэта, Петроградское землячество в Париже по ходатайству Г. И. оказало материальную помощь. Погибла, как и ее дочь Елена Николаевна (1919—1942), погибших во время блокады Ленинграда.

954

Строчки из предназначенного в сентябрьскую книжку «Нового журнала» стихотворения Г. И. «Смилостивилась погода…» (опубликовано в следующей, декабрьской (1957, кн. LI).

955

Обозначающая смерть финальная метафора из того же стихотворения «Смилостивилась погода…».

956

«Урыльник» - правильнее «урильник», ночной горшок. Здесь - унитаз.

957

Несомненно, к данному письму относятся отложившиеся в архиве среди бумаг Гуля в отдельную папку стихотворения, перешедшие в декабрьскую книжку «Нового журнала»: «Скучно, скучно мне до одуренья!..», «Накипевшая за годы…», «Смилостивилась погода…» (все три переписаны рукой Одоевцевой, но с подписью под каждым «Георгий Иванов»), «Туман. Передо мной дорога…» (автограф).

На обороте страницы со стихотворением «Накипевшая за годы…» приписка:

«Скажите Вашему соседу и другу Вишняку, что проклятый фашист, т. е. я, чрезвычайно оценил благородный тон его книги о Совр<еменных> Зап<исках>. Если бы все так писали Воспоминания! Особая личная благодарность за портрет Фондаминского, которого теперь лягает каждый забытый “поколенец", в свое время льстивший и заискивавший перед И<льей> Исид<оровичем> — очаровательнейшим человеком. И Ад<амович> заодно.

Кстати Вишняк, цитируя стихи Ходасевича, отлепил гаффу. Выходит из цитаты, что “*ангел* мычит безумно и ревет"!» (BLG. Box 49, Folder 1250). (Действительно, поставив перед строкой «Лишь ангел Богу предстоящий» отточие, вместо строчки «Заумно, может быть, поет», автор, цитируя стихи по памяти, эту самую «гаффу» «отлепил»: «Лишь Ангел, Богу предстоящий, / Да Бога не узревший скот / Мычит безумно и ревет».)

В сентябрьской книжке «Нового журнала» (1957, кн. L, с. 110-111) напечатаны стихотворения Г. И. «Бредет старик на рыбный рынок...» и «Нечего тревожиться...» (второе напечатано со смысловой ошибкой: «Под песочком, голодая...» вместо «Под песочком Голодая...», т. е. острова на Неве).

958

Стихотворение Чиннова «К луне стремится, обрываясь…» («Новый журнал». 1957, кн. XLIX). Гуль не замедлил сообщить об этом автору (26 сент. 1957): «…недавно Жорж Иванов в письме, среди прочего, написал: “Нахожу стихотворения Чиннова очаровательными. А как на Ваш вкус?”. — Видите, старик Державин Вас заметил» («Письма запрещенных людей», с. 483).

959

В декабрьскую книжку «Нового журнала» (1957, кн. LI) в состав «Дневника 1957» вошло пять стихотворений: «Скучно, скучно мне до одуренья!», «Накипевшая за годы...», «Смилостивилась погода...», «Туман. Передо мной дорога...», «Отвлеченной сложностью персидского ковра...» плюс перепечатанное с исправлением ошибки (см. примеч. к письму 138) стихотворение «Нечего тебе тревожиться...».

960

Трудно признать автором этого фразеологизма Державина, так мог выразиться кто угодно. Тем более, что это скорее всего калька с немецкого «ganz und gar» (см. об этом: «Ваш М. Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова». М., 2008, с. 194).

961

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817-1903) — драматург, математик, философ, познакомился в 1841 г. с двадцатидвухлетней парижанкой Луизой Симон-Диманш, ставшей его любовницей, затем гражданской женой, «московской купчихой», как ее в официальных бумагах именовал Сухово-Кобылин. В 1850 г. Симон-Диманш была убита в Москве при невыясненных обстоятельствах. Сухово-Кобылин восемь лет находился под следствием, дважды сидел в тюрьме, пока в 1857 г. Александр II не на ложил подтверждающую резолюцию на решении Государственного Совета России приговорить Сухово-Кобылина к церковному покаянию за любовную связь.

962

В «Горе от ума» А. С. Грибоедова заключительная реплика Фамусова: «Ах, Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!».

963

Обращенные к Татьяне слова няни из «Евгения Онегина»: «- Дитя мое, ты нездорова; / Господь помилуй и спаси!» (Глава третья, XIX).

964

Артуро Тосканини (Toscanini; 1867-1957) — итальянский дирижер, начиная с 1898 г. по 1929 г. несколько раз становился главным дирижером миланского театра «Ла Скала», в США был руководителем Нью-йорского филармонического оркестра и симфонического оркестра Национального радио. Анекдот с репликой его «первой скрипки» достоверного подтверждения не имеет.

965

В журнальном варианте статьи Гуля «Георгий Иванов» написано: «Раньше это бедное, потертое кресло первого поэта русской эмиграции оспаривали другие. Цветаева и Ходасевич. ... Но Цветаевой и Ходасевича нет. Иванов еще остается у нас. Как мы долго будем с ним вместе — Бог знает» (с. 112).

966

Владимир Марков. «О поэзии Георгия Иванова» («Опыты»». 1957, кн. VIII, с. 83-92).

967

Неточная цитата из стихотворения «Улица» вологодского поэта Василия Сиротина: «Левая, правая где сторона. / Улица, улица, ты, брат, пьяна». Стихотворение опубликовано в 1859 г. как «перевод с немецкого» и затем стало широко известной «Цыганской песней» благодаря композитору Л. И. Дюбюку, положившему его на музыку.

Именно эти два стихотворения («Бредет старик на рыбный рынок...» и «Нечего тебе тревожиться...») и напечатаны в сентябрьской (L) книжке «Нового журнала». И еще пять — в декабрьской (LI) плюс перепечатанное заново из-за смысловой ошибки стихотворение «Нечего тебе тревожиться...».

969

История с убийством Луизы Симон-Диманш (см. примеч. к письму 139) обсуждается уже полтора века. Изначальная версия, послужившая, причиной обвинения Сухово-Кобылина в причастности к убийству такова: повар и слуга Сухово-Кобылина, сознавшиеся в этом преступлении и осужденные судом, заявили затем, что их признания вырваны под пыткой и что они ни в чем не виновны. Таким образом подозрение в причастности к убийству пало на самого Сухово-Кобылина как на его организатора, и его фактическое неучастие в нем (алиби) не всех убеждает в его невиновности.

М. В. Вишняк. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Нью-Йорк, 1957.

Утверждение не мимолетное, характеризующее эстетические воззрения Гуля в целом, ярко выраженные, например, в письме к Кленовскому, как их в свою очередь пересказывает адресат в письме к арх. Иоанну Шаховскому от 21 июня 1953 г.: «Он, видите ли, пришел к убеждению, что в стихах моих слишком много "цветов добра" (это как контраст к бодлэровским "цветам зла") и что он предпочел бы иметь от меня последние, ибо они, по его мнению, художественно всегда более ценны, чем "цветы добра"» (Архиепископ Иоанн Шаховской. «Переписка с Кленовским». Париж, 1981. с. 38).

972

Всеволод Михаилович Гаршин (1855-1888) — прозаик, художественный критик, страдал наследственным психическим заболеванием, покончил с собой, бросившись в пролет лестницы. Генрих Клейст (Kleist; 1777-1811) — немецкий писатель-романтик, из потомственной военной семьи, сам офицер, совершил со своей недолгой знакомой Генриеттой Фогель двойное самоубийство.

973

Календы (Calendae, Kalendae) — в римском лунном календаре первый день каждого месяца. У греков календ не было. Однако у римлян возникла поговорка «ad Calendas Graecas» — «до греческих календ», то есть отложить на неопределенно долгий срок.

974

В «Опытах» (1957, кн. VIII) напечатано стихотворение Г. И. «Зима идет своим порядком...», в «Возрождении» (1957, № 64) — «Стансы».

А. О. Гукасов

976

Из стихотворения Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893) «Старик» («У лесной опушки домик небольшой...», 1877): «Ладно, ладно, детки, дайте только срок, / Будет вам и белка, будет и свисток».

977

Антон Крайний (З. Н. Гиппиус). «Литературные размышления О розах и о другом».(«Числа», 1931. кн. 4, с. 149-154).

Владимир Марков. «О поэзии Георгия Иванова» («Опыты». 1957 кн. VIII, с. 83-92).

979

Статья написана и напечатана: Георгий Адамович. «Наши поэты (Георгий Иванов)» («Новый журнал». 1958, кн. LII, с. 55-62).

980

Трехтомный «Бурелом. Роман-летопись поколений последних императоров» (Париж, 1955—1957) Бурова, сопровожден «лестным» отзывом Г. И. (см. примеч. к письму 20)

981

У Г. И. в декабрьской книжке «Нового журнала» (1957, кн. LI) напечатан «Дневник 1957»: «Скучно, скучно мне до одуренья!..», «Накипевшая за годы…», «Смилостивилась погода…», «Туман. Передо мной Дорога…», «Отвлеченной сложностью персидского ковра…» и стихотворение «Нечего тебе тревожиться…», в предыдущей книжке напечатанное со смысловой ошибкой. У Одоевцевой - «Средиземноморский ад...» и «Скользит слеза из-под закрытых век...». Оба вошли затем в сборник «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976) в новой редакции.

982

Г. И. постоянно ошибается в имени поэта: Виктор Лазаревич Поляков (1881—1906) — его книга «Стихотворения» издана посмертно (СПб., 1909). Блок отзывался о нем как о «печальном, строгом, насмешливом, умном и удивительно привлекательном юноше». Но тут же добавлял: «В Полякове дремала, кажется, настоящая злоба; какие-то искры подлинного поэтического, неведомо на что направленного, восторга вспыхивали на его красивом и нежном лице» (Блок. Собр. соч., т. 5, с. 411). Стихотворение Одоевцевой, посвященное судьбе Виктора Полякова, «Средиземноморский ад…» напечатано в «Новом журнале» (1957, кн. LI) с посвящением: «Памяти поэта Сергея Полякова (1909)» и с неверно, кроме имени, указанным годом смерти. Вошло, исправленное, в ее сборник «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976). Г. И. писал Иваску 21 янв. 1958 г.: «Говорить, что моя поэзия хороша — стало более менее банальностью. А вот прочтите <…> “Памяти С. Полякова” и скажите, <emphasis>что</emphasis> в русской поэзии сейчас имеется равного» («Вопросы литературы». 2008. Ноябрь-Декабрь, с. 304). Интересно в связи с этим признание Одоевцевой в письме к В. Ф. Маркову от 20 марта 1958 г.: «...стихи на смерть Полякова стал писать Г. В., и я у него украла тему и даже "концентрированный зной" и в тартарары» («In memoriam». Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000, с. 448). У самого Г. И. реминисценции из Полякова содержатся в стихотворении «Меняется прическа и костюм...» («Новый журнал», 1952, кн. XXXI). См. об этом у Н. А. Богомолова в «Русской литературе первой трети XX века» (Томск, 1999, с. 444-446).

983

Какой из двух братьев В. Полякова — Владимир или Дмитрий — имеется тут в виду, сказать трудно.

984

Борис Владимирович Никольский (1870-1919) — юрист, историк литературы, автор «Сборника стихотворений» (СПб., 1899), редактор Собрания сочинений Фета, с 1900 г. приват-доцент на кафедре русской словесности в Петербургском университете, редактор «Литературно-художественного сборника», в котором напечатаны первые стихи Блока, посещавшего его литературный кружок (впрочем, в своем дневнике Никольский отметил Блока как «отрицательную величину» и «декадента»; но именно он составил посмертный сборник В. Л. Полякова). С1903 г. Никольский стал членом черносотенного «Русского собрания» (на стороне А. И. Дубровина), был близок к двору. Позже Никольский получил профессорство в Юрьевском (теперь Тартуском) университете. После революции вместе с Юрьевским университетом оказался в Воронеже. В июне 1919 г. расстрелян по приговору петроградской ЧК. См. о Б. В. Никольском в работе В. И. Беззубова и С. Г. Исакова «Блок — участник студенческого сборника» («Блоковский сборник II». Тарту, 1972).

985

Это выражение — в разных вариациях — постоянно употребляли и Г. И., и Одоевцева, иногда приписывая его З. Н. Гиппиус.

986

Эти строчки из стихотворения, посвященного памяти В. Полякова «Средиземноморский ад...», из поздней редакции стихотворения, вошедшего в сборник «Портрет в рифмованной раме», исключены. Вариант в «Новом журнале» (1957, кн. LI, с. 58): «В Пушкинскую ли Метель, / В Гоголевскую ль Шинель».

987

Вишняк (см. примеч. 12 к письму 36), эсер, несомненно, в отличие от Г. И., признавал благотворность Февральской революции 1917 г. в России и должен был, по представлениям Г. И., возмутиться строчками «Стансов»: «И меркнет Русская корона / В февральскую скатившись грязь».

988

В публикации «Стансов» строфа «...Двухсотмиллионная Россия, — / "Рай пролетарского труда", / Благоухает борода / У патриарха Алексия» лишилась последней, замененной точками, строки.

989

Рассказ Достоевского «Бобок» из «Дневника писателя» за 1873 г. — «записки одного лица», обиженного литератора, который «ходил развлекаться, попал на похороны» — в последние годы жизни привлекает внимание Г. И. постоянно. В Маркову в недатированном письме он сообщает: «Кстати я хочу (хочется) написать для души статейку "Бобок", оттолкнувшись в применении к эмиграции — и самому себе — от мерзкого рассказчика гениального Феодора Михайловича. Интересно Ваше мнение, т. е. есть ли в этом самом, т. е. Достоевского "Бобке" элемент гениальности или просто напросто мерзость, совпадая в этом мнении (я совпадаю) с огромной орясиной на сей счет, т. е. с Буниным» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov, c. 82). Тому же Маркову 24 февр. 1958 г. он пишет: «Адски нужен мне "Бобок" Достоевского и, представьте, никто в целом Париже не может мне достать или переписать на машинке. <...> Ваш покорный слуга. (Бобок)» (с. 91). О влиянии «Бобка» на «Петербургские зимы» Г. И. см.: S. Guagnelli, «Sulla prosa memorialistica di Georgij Ivanov». Europa Orientalis, 2006 (XXV), c. 17-36.

990

Вольная цитата из стихотворения Мандельштама «Феодосия», вошедшего в сб. «Tristia»: «Недалеко до Смирны и Багдада, / Но трудно плыть, а звезды всюду те же».

991

Чуть измененная последняя фраза «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя. У Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» Часто встречается в публикуемой переписке, использована также в финале стихотворения Г. И. «По улице уносит стружки...» (1950).

992

Зоя Симонова в мае 1957 г. поселилась в «Beausejour». В письме к Ю. К. Терапиано от 10 янв. 1958 г. Г. И. снова возвращается к ней, критикуя поэтический раздел «Русской мысли»: «Целый ряд поэтов, которых следовало бы печатать, — не помещаются, а мерзкие графоманы так и валят толпой, безграмотные, самодовольные и наглые. Они не отличают пятистопного от шестистопного ямба, не знают самых примитивных азов, у них "шумит холодный Гиперборей" (Трубецкой) и советская Лайка из стратосферы стремится вернуться на родную твердь (Зоя Симонова) и т. д., и т. д. Эта последняя поэтесса, кстати, может быть лауреатом и образцом бездарной и наглой графоманки. Mea culpa — т. е. точнее "culpa" Одоевцевой, пославшей сдуру ее, Симоновой, стихи в редакцию. Но Одоевцева, посылая, отобрала и исправила то, что посылала, не подозревая, что открывает дорогу к печатанью черт знает какой последующей графоманской галиматьи. Скажите, что это значит? <...> Так нельзя. Пользуясь тем, что Вам, т. е. газете, на русскую поэзию наплевать, Вы отдаете ее страницы, как-никак большой и единственной сейчас русской газеты, на "пир" кретинов от стихотворчества» (BL, Gen Mss 301, Box 1, Folder 5). Уже после смерти Г. И. стихи и прозу Симонова печатала также в «Возрождении» (1963-1968).

993

Брюсов в 1910—1912 гг. заведовал литературно-критическим отделом петербургского журнала «Русская мысль».

994

Гумилев в 1909 г. участвовал в создании «Аполлона» и вел в нем поэтическую рубрику до ухода на фронт в 1914 г.

995

Стихотворение «Скучно, скучно мне до одуренья!..» заканчивается строфой: «...Вечный сон: забор, на нем слова. / Любопытно — поглядим- ка. / Заглянул. А там трава, дрова. / Вьется та же скука-невидимка».

996

Отсылка к строчкам этого же стихотворения: «Мне бы прогреметь на барабане, / Проскакать на золотом баране...». Г. И. по памяти, но довольно точно, цитирует начало романа Федора Сологуба «Творимая легенда» (1907): «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт». О Сологубе Г. И. писал в «Петербургских зимах» (гл. XV), начав главку ставшей знаменитой и приписываемой (в том числе и самим Г. И.) В. В. Розанову характеристикой: «Кирпич в сюртуке». Однако, как пишет 30 янв. 1963 г. Гулю Одоевцева, эта аттестация исходит от самого Г. И.: «...большинство исторических изречений не принадлежат тем, кому их приписывают. <...> Даже розановское определение Сологуба "Кирпич в сюртуке" принадлежит не Розанову, а Жоржу, и только из скромности было приписано Жоржем Розанову — "ведь мог сказать! А мне приходилось читать, "как при мне сказал Розанов, «Сологуб — кирпич в сюртуке»" даже... у Бунина. И, наверно, Бунину казалось, что он слышал это "крылатое словцо" от Розанова своими ушами» (BLG, Box 10, Folder 242). Между тем и это установление авторства трудно признать окончательным, так как до появления «Петербургских зим» и до публикации главки о Сологубе в «Последних новостях» (1927,13 дек.) З. Н. Гиппиус в «Звене» в 1924 г. (№ 68) косвенно утверждала приоритет Розанова: «...Розанов знал, что к Сологубу не очень подъедешь: "Кирпич в сюртуке!"». Одоевцева о Сологубе писала также в книге «На берегах Сены».

997

Г. И. имеет в виду книгу Глеба Струве «Русская литература в изгнании».

998

Стихотворение «Нечего тебе тревожиться...» было перепечатано в исправленном виде в кн. LI «Нового журнала» (1957, с. 54).

999

Одоевцева лежала в тулонском госпитале в конце августа 1957 г. (см. ее письмо к В. Ф. Маркову от 29 авг. 1957: «In memoriam», с. 434-435).

1000

Слово, обозначающее отпечатанный на пишущей машинке текст, Г. И. относит к женскому роду («пишмашь»), Гуль — к мужскому («пишмаш» (см. письма 140, 141).

1001

Этим стихотворением из кн. LI «Нового журнала» (с. 54) завершается ставший посмертным сборник Г. И. «1943-1958 Стихи».

1002

Стихотворение «Туман. Передо мной дорога...». В печати Элизабет Хапгуд ни этого, ни какого-либо другого стихотворения Г. И. посвящено не было.

1003

Этот роман о Бакунине первоначально был издан под названием «Скиф» в 1931 г. Новое издание: «Скиф в Европе: Бакунин и Николай I» (Нью-Йорк, 1958). Очевидно, роман вышел чуть раньше года, обозначенного на титуле.

1004

По просьбе Одоевцевой Адамович согласился написать о Г. И. статью. Просьба эта была вызвана, по мнению Адамовича, надеждами весьма фантастическими. В письме к Одоевцевой от 22 окт. 1957 г. он сомневался: «...не затеяли ли Вы все это в надежде на Нобелевскую премию? Ведь о каких-то шагах Жоржа в этом смысле я слышал уже давно» («Минувшее», кн. 21. М.; СПб., 1997, с. 456). За день до этого письма, 21 окт., Адамович так реагировал на эту просьбу: «...что у Жоржа какой-то зуд, мало мне понятный, я знаю давно, и отчасти мне даже лестно, что он непременно желает моей статейки...» (там же, с. 455). Версия об ожидании Нобелевской премии поддерживается Одоевцевой в ее книге «На берегах Сены»: «...приехавший из Америки профессор М. сообщил ему, что Америка представит его кандидатом на Нобелевскую премию следующего года, если будет благоприятствовать конъюнктура» (с. 191).

1005

Имеется в виду кн. VIII «Опытов» (1957), в которой напечатано эссе Г. И. к 80-летию А. М. Ремизова, его стихотворение «Зима идет своим порядком...», а также статья Маркова «О поэзии Георгия Иванова».

1006

Владимир Николаевич Ильин (1890-1974) — философ, богослов, публицист, с 1919 г. в эмиграции, жил в Берлине, с 1927 по 1940 г. профессор Русского богословского института в Париже, во время Второй мировой войны жил в Германии, затем снова в Париже. Отличался неуравновешенным характером (широкий резонанс в эмиграции получила, например, его громкая и неожиданная ссора с Бердяевым в 1934 г.). В начале 1940-х печатался в русской профашистской прессе в Берлине. «Письмо в редакцию» «Нового русского слова» — реакция Вишняка на статью Ильина «Дмитрий Иванович Менделеев» («Возрождение». 1957, № 69, с. 5-27). Вишняк приводит попавшее к нему обращение Ильина во Внешнеполитического ведомство национал-социалистической партии Германии, в котором автор делится своими планами продолжения книги «Сокровища немецкой культуры». В обращении сказано: «<...> К "Сокровищнице немецкой культуры" должна примкнуть следующая книга под заглавием "Гитлер — сверхчеловек; Розенберг — его пророк и Ничше — предтеча". В ней будет показано, что за культурой "Средняя Европа — Германия" последовала сверх-культура национал-социализма, созданная сверх-человеком и человеко-богом Адольфом Гитлером. Он первый настоящий сверх-человек, появление коего возвестил Ничше. <...> заканчивается вторая часть моего произведения громоподобным вагнеровским аккордом для возвеличения трех образов — Адольфа Гитлера, Альфреда Розенберга и Фридриха Ничше. Хайль Гитлер. Владимир Ильин» (1957, N» 16199, 3 ноября, с. 7). Ильин ответил Вишняку обращением «К друзьям и читателям о доносчиках и клеветниках» («Возрождение». 1957, 72, с. 134-138), завершив его такой характеристикой «документа»: «...если это не фальшивка, сфабрикованная Розенбергом, то это, по-видимому, кухня Вишняка, более позднего периода». Про «кухню Вишняка» здесь несомненный навет. Не опровергающий наличие «обращения», но существенный аргумент Ильина основан на том, что после войны французским следствием в действиях Ильина, депортированного в 1941 г. из Парижа в Берлин, состава преступления не обнаружено. Что касается «человеко-бога», то по христианскому словоупотреблению, «человекобог» противополагается «богочеловеку» Христу: «Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил богочеловека...» (Достоевский. «Дневник писателя». 1880, август). Кто-кто, а Ильин был в курсе

этой широко обсуждаемой в русской религиозной философии начала XX века дилеммы. Так что прославление «ницшеанского» «человекобога» Гитлера закодированно носит у Ильина отрицающий прославляемого смысл. Или же подтверждает тезис Ильина о «фальшивке», изобличающей в этом пункте интеллектуально не слишком образованных ее составителей. Интересно также, что дата письма Гуля на день опережает событие. Очевидно, Вишняк, живший в Нью-Йорке в одном доме с Гулем, ознакомил его с письмом перед тем, как отдать в газету.

1007

«Критика чистого разума» (1781) — один из главных трудов немецкого философа Иммануила Канта.

1008

Автоцитата из «Китайских теней» («Последние новости». 1930, 22 февр.). Речь идет о Мандельштаме в Коктебеле и старушке-ларечнице, его подкармливавшей: «Если же он, потеряв чувствительность, рассеянно тянется к чему-нибудь более ценному — коробке печенья или плитке шоколада, — добрая старушка, вежливо отстранив его руку, говорила грустно, но твердо: "Извиняюсь, господин Мандельштам, это вам не по средствам"» (в последнем слове, очевидно, ударение делалось на последнем слоге — «средствам» — для рифмы и просторечия. Фраза была на вооружении не только у Г. И., но и у его друзей (например, у Адамовича в письме к Одоевцевой от 8 апр. 1957: «Минувшее». Кн. 21, М.; СПб., 1997, с. 445).

1009

«Кипарисовый ларец: Вторая книга стихов. Посмертная» Анненского московское издательство «Гриф» выпустило в 1910 (не 1911) г. На нее в 1910 г. Г. И. под псевдонимом Г. Владимиров напечатал в петербургском еженедельнике «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности» первую в своей жизни рецензию.

1010

В первых сообщениях по поводу запуска в СССР спутника («биологического») с собакой Лайкой на борту кличка собаки не называлась. Да и слово «Лайка» обозначает скорее породу, чем имя.

1011

Альфонсо Фьорелло Капоне, по кличке Аль Капоне (1899—1947) — американский бутлегер, гангстер итальянского происхождения, которого правосудию за решетку посадить как раз не удалось: умер в собственном доме во Флориде.

Джон Герберт Дилингер (1903—1934) — американский гангстер, с 1924 по 1933 г. сидел в тюрьме, выйдя из которой создал банду, специализирующуюся на ограблении банков, ввел в практику захват заложников, в 1934 г. объявлен «государственным преступником номер один», застрелен сотрудниками ФБР.

1012

Приведено в статье А. И. Куприна «Памяти Чехова» (1904): «"Славный народ — собаки!" — говорил он иногда с добродушной улыбкой».

1013

В «Красном и черном» Стендаля слова из размышления Жюльена Сореля на суде после вынесения ему смертного приговора (гл. 41): «le grand peut-etre».

1014

В письме к Одоевцевой (разумеется, прочитанном Г. И.) от 21 окт. 1957 г. Адамович писал об этой статье: «Обещаю твердо <...>, что буду писать с лучшими чувствами и лучшими намерениями, но без рассуждений, отступлений, сомнений, сравнений <...> не обойдусь. Впрочем, может быть, и без сравнений будет, не знаю еще. Уверяю Вас, что так будет лучше, глубокомысленнее. <...> Ни одного слова в статье "против" не будет, все будет "за"...» («Минувшее». Кн. 21, с. 454). См. также примеч. 4 к письму 145.

1015

Адамович под заголовком «Комментарии» публиковал свою эссеистику с начала 1930-х в разных изданиях, в том числе в «Новом журнале». Из них составлена одноименная книга (Вашингтон, 1967). В свою очередь М. М. Карпович также публиковал в «Новом журнале» «Комментарии» к различным статьям очередной книжки журнала.

1016

Юрий Фельзен, наст, имя Николай Бернгардович Фрейденштейн (1894-1943) — прозаик, с 1918 г. жил в Риге, с 1921 г. в Берлине, с 1924 г. в Париже, участник собраний «Зеленая лампа» и др., в 1942 г. арестован нацистами, погиб в Освенциме. Сергей Иванович Шаршун (1888-1975) — художник, поэт, прозаик, с 1912 г. жил во Франции, Испании, снова во Франции, участник собраний «Зеленая лампа» и др.

1017

Об упомянутой степени доктора богословия В. Н. Ильин писал в автобиографии: «Степень доктора богословия (православного) я получил от покойного патриарха Алексия без каких бы то ни было ходатайств с моей стороны» (Владимир Ильин. «Эссе о русской культуре». СПб., 1997. с.7).

1018

В статье «О поэзии Георгия Иванова» Марков написал: «Не знаю, насколько правильно называть Георгия Иванова "последним русским поэтом" Но назвать его первым русским поэтом из живущих сейчас есть много оснований» («Опыты». 1957, кн. VIII, с. 85). Статья завершается словами о «последнем поэте России», «из глухой европейской дыры царящего над русской поэзией» (с. 92). То есть трансформированной цитатой из стихотворения самого Г. И. «Белая лошадь бредет без упряжки...» (1954): «Я, что когда-то с Россией простился /.../ И не заметил, как вдруг очутился / В этой глухой европейской дыре».

1019

В честь 80-летия А. М. Ремизова в «Опытах» (1957, кн. VIII) помещено эссе о нем Г. И. (без заглавия), «дерзость» которого состояла и в общем, обличающем эмигрантское бескультурье тоне, и в обобщениях: «...что получил Ремизов, кроме снисходительного непонимания за свою долгую творческую жизнь? В России он всегда был где-то "сбоку-припеку" вне "большой литературы" — вне больших издательств, вне "солидных журналов", не скажу вне читателя, но, конечно, читаемый далеко не так, как он это заслужил и заслуживает своим исключительным даром. Так было в России, так есть и в нашей "охраняющей русскую культуру" эмиграции».

1020

Г. И. путает «Двенадцать стульев» с «Золотым теленком», в котором «монархист» Федор Хворобьев жалуется: «Я уже на все согласен. <…> Пусть хоть Милюков. Все-таки человек с высшим образованием и монархист в душе» (гл. VIII, «Кризис жанра»).

1021

Н. С. Хрущев.

1022

«Красной газеты», ежедневного органа петроградской, затем ленинградской, большевистской партийной организации, в это время давно уже не существовало. Она издавалась с 1918 по 1939 г.

1023

«Гагизм» — от фр. «gaga» (впавший в детство, рамоли).

1024

Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец (1903-1983) — поэт, прозаик, журналистка, переводчица, автор мемуаров, потомок мореплавателя адмирала И. Ф. Крузенштерна. С начала 1920-х жила в Харбине. В Китае дважды выходила замуж, сначала за поэта С. Ф. Степанова, затем, после его смерти в 1934 г., еще за одного поэта — Н. В. Петереца, жила с конца 1930-х гг. в Шанхае, с 1953 г. в Бразилии, откуда летом 1957 г. завязала эпистолярное знакомство с Ивановыми. В 1961 г. переехала в США. См. публикацию письма Г. И. к Ю. В. Крузенштерн: Андрей Арьев. «Свой брат — черносотенец» («In memoriam: Иосиф Васильевич Трофимов». Daugavpils, 2009,402-408) и Andrej Ar'ev «"Siete dei nostri, una cemosotenka". Una lettera di Georgij Ivanov a Ju.V. KruzenJtern-Peterec» («eSamizdat». 2009, ltC. 183-187).

1025

Стихотворение Одоевцевой «Скользит слеза из-под закрытых век...» с посвящением Ю. Крузенштерн-Петерец опубликовано в кн. LI «Нового журнала»» (1957, декабрь, с. 59). Первоначальный эпиграф из Тургенева весьма важен, т. к. сюжетообразующий тургеневский мотив стихотворения без него можно и не распознать: «О чем бы ни молился человек, / Он непременно молится о чуде». Это почти прямая цитата из входящей в «Стихотворения в прозе» Тургенева «Молитвы»: «О чем бы ни молился человек — он молятся о чуде». В поздней редакции стихотворения Одоевцевой, вошедшей а се сборник «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976), посвящение снят но эпиграф из Тургенева не восстановлен.

1026

Приписка. Очевидно, в письмо были вложены какие-то лепестки цветов из Йера.

1027

Стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» («У окна качается пальто…») опубликовано в «Новом журнале» (1958, кн. LII), вошло затем в сборник «Портрет в рифмованной раме».

1028

М. С. Каплан (см. примеч. 20 к письму 87) в 1955 г. создал с сыновьями фирму «Инокниги», так что, видимо, пересылать через него Ивановым гонорары в Йер из Нью-Йорка особого труда не составляло.

1029

Роман «Скиф в Европе».

1030

Начало стихотворения Михаила Кузмина «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» (1907) из первого его сборника «Сети».

1031

Также мотив из Кузмина: «Могу ли передать твои очарованья, / Когда так немощны слова?» («Бледны все имена и стары все названья. .», 1911), «Слова пустые странно говорят…» и т. п.

1032

Аллюзия на сборник стихов Бориса Пастернака «Поверх барьеров».

1033

«Маргарита, это ты ли?» — возможно, отсылка к одному из переводов «Фауста» Гете.

1034

Мотив из Достоевского. Например, в «Идиоте» (часть третьи, гл. V) Ипполит пристает к князю Мышкину: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет "красота"? Господа, — закричал он громко всем. — князь утверждает, что мир спасет красота!»

1035

В «Новом журнале» (1957, декабрь, кн. LI, с. 51-54) напечатаны стихотворения Г. И.: «Скучно, скучно мне до одуренья...», «Накипевшая за годы...», «Смилостивилась погода...», «Туман. Передо мной дорога...», «Отвлеченной сложностью персидского ковра...», «Нечего тебе тревожиться...».

1036

Анна Тихоновна Шмеман, рожд. Шишкова (1895-1981) — родилась в Самарской губ,, скончалась в Париже.

1037

Израиль Григорьевич Раузен (1882-1977) — эсер, эмигрировал, жил в Париже, затем в Нью-Йорке. Вместе с братом Леонидом Григорьевичем Раузеном (1884-1960) был владельцем крупнейшей русской типографии Нью-Йорка, в ней напечатаны все книги Издательства им. Чехова, в ней же с 1949 г. печатался «Новый журнал» (сообщено И. Н. Толстым).

1038

Окончание письма утрачено.

1039

По аналогии со «стихо» вместо «стихотворение» Гуль хочет внедрить «предисло» вместо «предисловие» (это удостоверяется письмом 141).

1040

В «Собрание стихотворений» Смоленского вошли оба его довоенных сборника и новые стихи.

1041

К. Д. Померанцев статье «О старом и новом» в «Русской мысли» (1958, № 1159, 11 янв., с. 4) предпослал эпиграф из Г. И. («И гадко в этом мире гадком / Жевать вчерашний пирожок») и начал ее словами: «Георгия Иванова с полным правом можно было бы назвать настоящим и единственным современным поэтом-экзистенциалистом. Экзистенциалистом гейдеггеровского толка, с той только разницей, что если немецкий философ просто отрицает существование вне — или экстра — человеческих духовных ценностей, то русский поэт понимает, что если эти ценности и существуют, то говорить о них в наше время является сплошь и рядом "жеванием вчерашнего пирожка"».

1042

Парижский Дом Книги. См. примеч. 3 к письму 15.

1043

Стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» («У окна качается пальто...») напечатано в «Новом журнале» (1958, март, кн. LII).

1044

Бакунин и Николай I из «Скифа в Европе».

1045

Варнава Препотенский (не Препотянский) — персонаж из «Соборян» (1872) Н. С. Лескова, учитель, ставящий некие опыты над утопленником.

1046

.

1047

Г. И. цитирует начало 6 гл., 7 подгл., «Скифа в Европе» (Нью-Йорк, 1958, с. 147): «Ночь была непроницаема, может быть, в разрыв и глядела звезда, ее не видали едущие. Карета неслась от Альтенбурга к Дрездену сумасшедшим аллюром. Хрипели лошади. Окруженный факелами майор фон Торклус быстро облегчался на крупной рыси, карета окружена конными жандармами; последним, на размашистой кобыле, скакал старый вахмистр».

1048

Пьеса Леонида Андреева «Анатема» (1908) поставлена в 1909 г. в МХТ В. С. Немировичем-Данченко с В. И. Качаловым в главной роли современного Мефистофеля. В «Китайских тенях» («Звено». 1925, № 133, 17 авг.) Г. И. писал об Андрееве в том же, что и здесь, духе: «И в редакционном кабинете, и в квартире все у Андреева было грандиозное <...>. Гигантские кресла и шкафы, гигантский письменный стол, гигантские панно на стенах».

1049

Все приписки рукой Одоевцевой, на полях.

1050

«Добавление» написано рукой Одоевцевой.

1051

Любимый анекдот Г. И. о Гончарове, имеющий реальное основание. Племянник (и не один) у писателя был, а своей сестре А. А. Музалевской Гончаров писал 27 сент. 1868 г.: «Я теперь бедненький старичок, живущий весьма ограниченными средствами в обрез» (указано М. В. Отрадиным). Было ему в это время 56 лет, он работал над завершением «Обрыва».

С. А. Водов, главный редактор «Русской мысли».

1053

«Дорогой Сергей Акимович!

Не откажите в любезности поместить в "Р. М" в порядке литературно-педагогическом, нижеследующие строки. В одном доме за чайным столом сидели мать, отец, их одиннадцатилетний сын и гость. Гость оказался не особенно церемонным. Перед ним стояла коробка конфет, и он за чаем поедал одну конфету за другой, так что к концу чаепития коробка была пуста. Когда гость ушел, мальчик взглянул на пустую коробку, потом на родителей и сказал: "Нам, конечно, не жалко, но мы удивляемся". Родители засмеялись, но по существу вопроса были вполне согласны с сыном.

В № 1159 «Русск. Мысли» от 11 января с. г. К. Померанцев поместил статью "О старом и новом". Начало ее таково: "Георгия Иванова с полным правом можно было бы назвать настоящим и единственным современным поэтом-экзистенциалистом"

В сентябрьской книжке "Нового журнала" за 1955 год, в статье "Георгий Иванов" я писал: "Если на Георгия Иванова надо было бы наклеить ярлык какого-нибудь "изма", то это сделать было бы просто. Георгий Иванов — сейчас единственный в нашей литературе экзистенциалист. Пусть литературные критики (и он сам) так его еще не наименовали, но всякий, кто знает его поэзию и прозу, увидят это с ясностью". Прочтя начало статьи К. Померанцева, я вспомнил фразу мальчика: "Нам, конечно, не жалко, но мы удивляемся"

Искренне Ваш *Роман Гуль».*

1054

К. Д. Померанцев ответить не замедлил. 6 февраля 1958 г. в «Русской мысли» (№ 1170, с. 4) появилось и его «Письмо в редакцию»:

«Дорогой Сергей Акимович!

В ответ на письмо в редакцию Романа Гуля в № 1167 "Русской мысли" относительно моей статьи "О старом и новом", считаю нужным разъяснить, что по трудным обстоятельствам эмигрантской жизни я еле-еле нахожу время для ознакомления с современной мировой литературой, общественной и философской мыслью и решительно лишен возможности читать все эмигрантские издания. Таким образом, я никогда ни одного произведения Романа Гуля не читал, о чем, кстати, очень сожалею. Впрочем, если бы я и прочел статью Романа Гуля о Георгии Иванове, я все-таки не сослался бы на нее, так как об экзистенциализме Георгия Иванова Лев Шестов говорил уже двадцать лет тому назад.

Искренне Ваш *К. Померанцев*

P. S. Кстати, от В. П. Крымова я знаю, что Роман Гуль очень услужливый и обязательный человек, и мне очень жаль, что вышло такое недоразумение».

На этом P. S. Гуль, как видно из дальнейших его писем, остановил особое внимание. Характеристика Гуля тут явно совпадает с отзывом о нем Г. И. в письме к самому Гулю в ноябре 1953 г. (№ 18): «...рассчитываю <...> на Вашу любезную исполнительность <...>. Ощущаю Вас как в высшей степени внимательного и исполнительного члена редакции...» В этом письме посторонней рукой (очевидно самого Гуля) слово «исполнительность» обведено карандашом).

1055

Аллюзия на эпиграмму Пушкина «Как сатирой безымянной...» (1829): «В полученье оплеухи / Расписался мой дурак?».

1056

Давшие повод к дуэли строчки из стишков, сочиненных на именинах Степки Сальникова в романе А. Ф. Писемского «Богатый жених» (1851): «Ты парень добрый, хоть и пень... / Не хочешь ли покушать, брат, мякины?» (Часть I, гл. 7).

1057

Приписка на полях рукой Одоевцевой.

1058

Г. И. имеет в виду рецензию Адамовича на «Скифа в Европе» Гуля («Русская мысль». 1958, 27 февр.).

1059

Адамович и на самом деле в письме от 2 февр. 1958 г. этим обстоятельством объяснял Одоевцевой (не самому Г. И.) невозможность прислать копию: «Madame, я не могу прислать Вам копии (т. е. Жоржу — ибо Вы хитрите <дальше вырезана часть письма, как раз та, где Адамович ссылается на «копирку; см. письмо 156 — *Публ.*>...» («Минувшее». Кн. 21, с. 469). На следующий день, 3 февр. он отправляет статью Гулю: «Вот "Георгий Иванов". Я ему написал, что если он не будет доволен, я "расстаюсь с ним вечным расставанием". Надеюсь — будет» («Письма Георгия Адамовича к Роману Гулю». Публикация, вступит, заметка и примеч. Вадима Крейда // «Новый журнал». 1999, кн. 214, с. 203). См. также примеч. 4 к письму 145 и примеч. 10 к письму 146.

1060

Марина Цветаева. «Лебединый стан. Стихи 1917-1921 гг.». Подготовка к печати и предисловие Г. П. Струве; вступит, статья Ю. П. Иваска (Мюнхен, 1957).

1061

Одоевцева в письме к В. Ф. Маркову от 20 марта 1958 г. высказала о «Лебедином стане» схожее мнение: «Стихи меня, к сожалению, не совсем восхитили, за небольшим исключением. Я ждала большего» («In memoriam». СПб.; Париж, 2000, с. 449).

1062

Возможно, окончание письма утрачено, т.к. нет подписи и последняя фраза оборвана.

1063

Гуль имеет в виду роман «20000 лье под водой» (1870) Жюля Верна (Verne; 1828-1905), французского писателя, одного из создателей научно-фантастического жанра в литературе.

1064

Перефразированное окончание «Видения Мурзы» (1798) Державина: «Превознесу Тебя, прославлю; / Тобой бессмертен буду я».

1065

В составе советского «Уголовного кодекса» политическая статья 58, по которой преимущественно осуждались «враги народа».

1066

«Письмо в редакцию» К. Д. Померанцева (см. примеч. 10 к письму 153). Прозвище «Апельсинов», в дальнейшем «Апельсинцев», возникло по ассоциации: апельсины, как и померанцы — из одного семейства цитрусовых.

1067

Имитация стиля пушкинской «Полтавы»: «За ним вослед неслись толпой /…/ И Шереметев благородный, / И Брюс, и Боур, и Репнин…».

1068

«Мост» — издательство при «Новом журнале», по существу даже не издательство, а издательская марка, под которой вышло большинство книг Гуля, начиная с середины 1950-х и до середины 1980-х гг.

1069

ЦОПЭ (ZOPE) — «Центральное объединение политических эмигрантов» (первоначально «послевоенных эмигрантов»), с обширной издательской программой («Технология власти» А. Авторханова, первые выпуски альманаха «Мосты» и др.). Располагалось в Мюнхене.

1070

.

1071

«Покавка» — очевидно, каламбур самого Гуля, произведенный от «поковки» (подковывание коня) и фамилии писателя Кафки.

1072

«Pen Club In Exile» (англ.) — «Пен клуб в изгнании» (Гуль в русской транскрипции слово «Эксайл» пишет через английское «х», читаемое как «кс».

1073

Возможно, ироническая отсылка к поэме Андрея Белого «Первое свидание» (1921).

1074

Даниил Лукич Мордовцев (1830-1905) — прозаик, публицист, писал на исторические темы по-русски и по-украински. В Издательстве им. Чехова переиздан его роман «Железом и кровью» (о присоединении Кавказа к России в XIX веке).

1075

Отсутствующая в рукописях самого Льва Толстого, эта реплика на вопрос о произведениях Леонида Андреева записана в нескольких вариантах. Например, А. С. Сувориным в «Дневнике» 5 июля 1907 г. переданная ему фраза зафиксирована так: «Андреев все меня пугает, а мне не страшно». В конце концов, все эти пересказы отшлифовались в афоризм: «Он пугает, а мне не страшно».

1076

Из басни И. А. Крылова «Осел и соловей» (1811): «Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, / И прилегли стада».

1077

Александр Васильевич Никитенко (1804-1877) — мемуарист, автор обширного «Дневника», служил цензором.

1078

В. А. Александрова (см. примеч. 2 к письму 51) и ее муж Соломон Меерович Шварц, наст, фамилия Моносзон (1883-1973) — меньшевик, высланный в январе 1922 г. из России. Вместе с ним уехала из Москвы в Берлин и Александрова.

1079

В. Яновский. «Челюсть эмигранта» («Новый журнал». 1957, кн. XLIX, часть I, с. 52-100; кн. L, часть II, с. 58-109).

1080

Не совсем точно процитированное начало стихотворения Лермонтова (1837): «Расстались мы; но твой портрет / Я на груди моей храню...».

1081

Очевидно перифраз Указа Петра I в Думе «говорить по ненаписанному, дабы дурь каждого видна была».

1082

«Я стар, я сед, мои седины...» — из-за многочисленности аллюзий («Я стар, я сед. А ты юна...» и т. п.) конкретный источник цитаты оставляем неопознанным.

1083

«Нам не жалко, но мы удивляемся» — назидательная фраза из письма Гуля в «Русскую мысль» (см. примеч. 9 к письму 153).

1084

Начало стихотворения Марины Цветаевой из «Лебединого стана» «Ex — ci-devant» (1920) — «Выбывший из "бывших"» (фр.). Впервые напечатано в составе «Повести о Сонечке» («Русские записки». Париж, 1938, № 3). Гуль считал это стихотворение лучшим в «Лебедином стане» и одним из лучших цветаевских стихотворений вообще.

1085

Рецензия Гуля на «Лебединый стан» Цветаевой напечатана в «Новом журнале» (1958, кн. LIII).

Берберова с сентября 1957 г. была секретарем отдела ЦОПЭ в США (см. примеч. 7 к письму 155).

1087

Виктор Андреевич Мамченко (1901-1982) — поэт, журналист, с 1920 г. в эмиграции: Тунис, с 1923 г. Париж. Участник «Зеленой лампы», «Круга» и др. Инициатор «Объединения русских поэтов в Париже» (1924) и «Союза молодых русских поэтов и прозаиков» (1936).

1088

Оценка, видимо, относится к довоенному, французскому, периоду творчества Яновского, уехавшего в 1942 г. в США. После этого Г. И. вряд ли мог ему что-то «сказать». Однако, в своей «книге памяти» Яновский вкладывает в уста Г. И. именно приведенную оценку своих сочинений, дословно: «Вы великодержавный писатель...» (Василий Яновский. «Поля Елисейские». СПб., 1993, с. 121). И ее же, скорее всего, упоминает в обсуждаемом письме, местонахождение которого нам не известно.

1089

Повесть Яновского «Челюсть эмигранта», напечатанная в «Новом журнале» (1957, кн. XLIX, L), затем — отдельной книгой (Нью-Йорк, 1957).

1090

Что означает глагол «скомплеменить», неясно — по-видимому, «сделать комплимент», что совершенно затемняет смысл фразы. Может быть, тут описка и Одоевцева хотела сказать «скомпоновала» (фразу «Я как безумный бился в корчах») по статье Адамовича, то есть по его рецензии на «Челюсть эмигранта» в «Новом русском слове» (1957, № 16234, 8 дек., с. 8).

1091

В кавычках — вклеенный обрывок письма Адамовича к Одоевцевой от 2 февр. 1958 г. (см. примеч. 2 к письму 154).

1092

Кроме «Ночи в вагоне», в «Новом журнале» (1958, кн. LII,) других стихотворений Одоевцевой не напечатано. Речь, очевидно, идет об одном из двух стихотворений, напечатанных в следующей книжке (LIII, с. 55-57) под общим заглавием «Разностопные ямбы»: «Лазурный берег, небо Ниццы...» и «Отравлен воздух, горек хлеб...».

1093

Г. И. заменяет в готовящемся сборнике стихотворение «Это было утром рано...» (с эпиграфом из стихотворения Мандельштама «Что поют часы-кузнечик...») на прилагавшееся к этому письму «Так, занимаясь пустяками...» (см. примеч. 3 к письму 158).

1094

Это стихотворение вошло в сборник с посвящением Т. Г. Терентьевой.

1095

Приоритет Гуля в изобретении слова «стихо» сомнителен. Скорее всего, этот литературный жаргон восходит к Андрею Белому. Во всяком случае, еще до знакомства с Гулем Г. И. употребляет его в письме к Берберовой от 31 окт. 1950. г.

«Рабочая группа» — редакционный сектор ЦОПЕ.

1097

Здесь оставлено место, чтобы вписать адрес от руки.

1098

Федор Тарасович Лебедев (1898-1965) — преподаватель и журналист, в Гражданскую войну был военным корреспондентом при армии генерала Е. К. Миллера на Северном фронте. С 1922 г. в эмиграции, жил в Эстонии. Во время войны редактировал в Ревеле газеты «Северное слово» и «За родину», с 1944 г. жил в Берлине, затем в Мюнхене, где (под псевдонимом Ф. Тарасов) стал главным редактором иллюстрированного журнала «Сатирикон» (1951-1953). Один из организаторов ЦОПЕ и главный редактор издательства. С1958 г. — председатель правления ЦОПЕ.

1099

Отсылка к стихотворению Г. И. «Иду — и думаю о разном...» со строчками: «И в этом мире безобразном / Благообразно одинок».

1100

Письмо В. С. Яновского к Ивановым (см. письма 153 и 155).

1101

Адамович в письме к Одоевцевой от 21 дек. 1957 г. сообщал о Гуде и его статье: «Очень интересуется, соглашусь ли я с ним или буду возражать. Вернее, не будет ни того, ни сего. До чего все на свете одержимы литературой и самолюбием» («Минувшее». Кн. 21, с. 464).

1102

Отсылка к стихотворению Г. И. «Скучно, скучно мне до одуренья!..» со строчкой: «Мне бы прогреметь на барабане...».

1103

Г. И. попал в госпиталь числа 6 — 7 марта 1958 г. 20 марта Одоевцева сообщает В. Ф. Маркову: «Только что отнесла Ваше письмо Г. В. в госпиталь. Он уже больше недели находится там на исследовании. Ему стало так скверно, что он наконец согласился на это. Но переживает он это невероятно тяжело. <...> Вчера я говорила с старшим врачом госпиталя, которому кто-то сообщил, что Г. В. "русский Виктор Гюго" <...> — пусть будет Виктор Гюго, раз из-за этого он занимается здоровьем Г. В. — "Если бы он был обыкновенным смертным, я предоставил бы его его участи" Сказал он мне, что у Г. В. "повреждена мораль" и что его надо хоть на время вырвать из дома и поставить в нормальные условия жизни» («...Я не имею отношения у Серебряному веку...». Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956-1975). Публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // «In memoriam». СПб.; Париж. 2000, с. 447).

1104

Издательство и журнал «Гиперборей», редактором-издателем которого был М. Л. Лозинский, существовали в Петербурге начиная с 1912 г. Количество изданных книг было невелико, и ориентировано было издательство на публикацию собственных авторов из «Цеха поэтов». Первой была издана в марте 1912 г. книга Михаила Зенкевича «Дикая порфира». Большую роль в издательских делах «Гиперборея» играл Н. С. Гумилев.

1105

Цель замены стихотворения «Это было утром рано...» на «Так, занимаясь пустяками...» — изъять из собрания стихотворений текст, истолкованный Гулем как подтверждение ивановской «страсти к убийству».

1106

Корректура Г. И. послана не была — и потому, что книжка журнала уже печаталась, и по соображениям, высказанным Адамовичем в письме к Гулю от 23 апреля 1958 г.: «Совершенно согласен, что посылать корректуру статьи Ивановым не следовало. Если бы послали, беды, конечно, не было бы, но en principe — это никуда не годится! Ивановы, и он, и она — люди "по ту сторону" если не добра и зла» то чего-то вроде, и, кроме того, они просили у меня не только корректуру, но и текст до отсылки Вам. Я и отговорился: "просите корректуру!" чтобы избежать поправок, — но на Вашем месте не послал бы и корректуры» («Новый журнал». 1999, кн. 214, с. 203-204).

1107

Гуль писал не о Леконт де Лиле, а о Клоде Руже де Лиле (Rouget de Lisle; 1760 — 1836) — французском поэте и композиторе, авторе «Военной песни Реймской армии», ставшей «Марсельезой», национальным гимном. Гуль проводил параллель между Руже де Лилем, которому «пришлось скрываться и спасаться» от санкюлотов, и не признавшим в «Марсельезе» своей песни, Блоком, автором «Двенадцати», которому чужды были политические спекуляции на его поэме, и Г. И. с его стихами о России, «за тридевять земель уходящими от эмигрантского штампа» («Новый журнал». 1955, кн. XLII, с. 122).

1108

Хотя фамилия Кьеркегора по-русски транслитерируется разными способами, написание Г. И. свидетельствует, видимо, о его приблизительном знакомстве с книгами этого «отца» экзистенциализма. Об оценке Г. И. как экзистенциалиста Шестовым, Гулем и Померанцевым см. письмо 153.

1109

См. примеч. 9 к письму 153.

1110

Слово «риторика» Г. И. всюду пишет, ориентируясь на французское начертание: rhetorique.

1111

Так у Г. И., нужно 8 и дальше 9.

1112

Гулю, пока Г. И. находился в госпитале, письмо Яновского было уже отправлено — 16 марта, и Гуль на него ответил — 25 марта. Это, ответное, письмо Г. И. прочитать не мог, т. к. это его письмо и письмо Гуля разошлись в пути.

1113

См. примеч. 7 к письму 153. В. Ф. Маркову 29 декабря 1955 г. Г. И. также «жаловался»: «...Извините, я ведь "бедный, больной старик", как писал Гончаров племяннику, просившему у него пять рублей» (Georgij ivanov / Irina Odojevceva. «Briefe an Vladimir Markov...», с. 5). И через полтора года 1 мая 1957 г., снова: «Я бедный больной старичок, как отвечал Гончаров когда у него племянник клянчил деньги» (там же, с. 57).

1114

Письмо 158.

1115

Из «последней» кн. «Нового журнала», т. е. декабрьской (Li) за 1957 г., в книгу «1943 — 1958 Стихи» включены все шесть стихотворений «Дневника 1957». Из всех «Опытов» напечатаны: «Все представляю в блаженном тумане я...», «Ветер с Невы. Леденеющий март...», «А еще недавно было все, что надо...» и «Зима идет своим порядком...».

1116

Из стихотворения Г. И. «Зима идет своим порядком...»: «И гадко в этом мире гадком / Жевать вчерашний пирожок».

1117

Владимир Смоленский. Собрание стихотворений (обложка А. Икскюля). Париж, Типография «Navarre», 1957,208 с.

1118

Эмануэль Сведенборг (Swedenborg; 1688-1772) — шведский теософ мистического склада, естествоиспытатель, объяснявший систему мироздания и духовидчески толковавший Библию. Был сторонником идеи «точного» соответствия земных явлений и потустороннего «царства духов», что особенно корреспондировало с интуициями людей русского «серебряного века». Гуль к ним прямо не относился, но в курсе проблематики этой был.

1119

На этом письмо обрывается.

1120

ЦОПЭ.

1121

Рефрен из пьесы Чехова «Три сестры».

1122

Известные философы: Карл Ясперс (Jaspers; 1883-1969); Лев Шестов, наст, фамилия Лев Исаакович Шварцман (1866-1938); Николай Александрович Бердяев (1874-1948).

1123

В конце апреля — начале мая 1958 г. Г. И. писал об этой истории И. К. Мартыновскому-Опишне: «Из Парижа время от времени прибывают свежие новости и сплетни: Вы тоже, наверно, слыхали от одного из "певцов эмиграции" <Смоленского. — Публ.>, которого до сих пор я считал своим другом, что я ищу контакта с Эренбургом, чтобы ехать в Москву. Ищу, кстати, через Померанцева, который Эренбурга в глаза не видел, это я-то, близко знакомый с Эренбургом, как и с многими из СССР литературы свыше 40 лет!» (BL. Gen Mss Misc, Group 248, Item F-l). Адамович об этих слухах писал Одоевцевой 25 марта 1958 г.: «На историю со Смоленским не обращайте внимания. Водов преувеличивает ее значение. Собака лает, ветер носит, особенно, если собака подвалила» («Минувшее». Кн. 21, с. 476).

1124

Переиначенная реплика из «Коварства и любви» Шиллера. См. примеч.к письму 50.

1125

Слова В. В. Розанова из книги «Уединенное» (1912): «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости».

1126

Чуть измененная цитата из эпиграммы «Ex ungue leonem» Пушкина на журнал «Благонамеренный», посланная в письме к П. А. Вяземскому в начале июля 1825 г.: «Он по когтям узнал меня в минуту, / Я по ушам узнал его как раз».

1127

Речь идет о рецензии Г. И. на «Коня Рыжего». См. письмо 160.

1128

В обзоре кн. XLIX, L «Нового журнала» (1957), где печаталась повесть Василия Яновского «Челюсть эмигранта», Адамович сравнил ее автора с Набоковым только в том смысле, что оба критически относятся к Достоевскому, в частности к его знаменитой речи о Пушкине («Русская мысль». 1957, № 1149,19 декабря). См. примеч. к письму 156.

1129

Подобное издание найти не удалось.

1130

Очевидно, речь идет о словах из письма Василия Яновского к Одоевцевой, пересланного Гулю.

1131

Стихотворение «Поговори со мной о пустяках...» из «Портрета без сходства» в книгу «1943—1958 Стихи» вошло.

1132

Стихотворение из «Садов» «Не о любви прошу, не о весне пою...».

1133

Стихотворение «Это было утром рано...» (см. примеч. 8 к письму 156 и примеч. 3 к письму 158).

1134

А. И. Герцен. «Письма из Франции и Италии». Нью-Йорк, «Мост», 1958.

1135

Саркастическая расшифровка Гулем аббревиатуры ЦОПЕ (см. письмо 155).

1136

Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940) — публицист, общественный деятель, один из организаторов и затем председатель петербургского Религиозно'философского общества, ближайший друг Мережковских, вместе с ними в январе 1920 г. нелегально покинул Россию, жил в Польше.

1137

Владимир Ананьевич Злобин (1894-1967) — поэт, лит. критик, лит. секретарь Мережковских, вместе с ними и Философовым нелегально покинул Россию.

1138

В 1955-1958 гг. Злобин опубликовал в «Возрождении» несколько работ о Гиппиус из своей книги о ней «Тяжелая душа», в частности, «Гиппиус и Философов» (1958, № 74-76). Здесь имеется в виду начало публикации в № 74 (февраль).

1139

Сюжетно значимый эпизод из «Братьях Карамазовых» Достоевского.

1140

В «Братьях Карамазовых» Федор Павлович Карамазов в главе «За коньячком» (Часть первая, гл. VIII) говорит сыну, Ивану: «Я за умных людей стою. <…> Знаешь, что я люблю? Я люблю остроумие».

1141

В июньском (1958, кн. LIII) «Новом журнале» напечатаны два стихотворения Одоевцевой, в том числе «Отравлен воздух, горек хлеб...» с центральным образом Хлебникова: «И Хлебникова светлый профиль / В пурпурном ящике-гробу. / — Приветствую твою судьбу, / "Земного шара Председатель"! / Приветствую в тебе творца, / я твой читатель — почитатель / ница». Одоевцева посвятила эти стихи В. Ф. Маркову, интенсивному стороннику Хлебникова, пойдя в оценке Хлебникова резко наперекор Г. И. Самому Маркову Одоевцева писала 20 марта 1958 г.: «Я написала стихи, которые хочу Вам посвятить. <...> Г. И., как Вы знаете, стал перечитывать Ваши статьи и читал мне о Хлебникове вслух. Меня и Ваша статья «О Хлебникове»: «Грани». 1954, № 22. — Публ.>, и цитаты из Хлебникова "пронзили". Результатом чего и посвящение Вам...» («In memoriam». СПб.; Париж, 2000, с. 448).

1142

Гуль «который раз подряд» цитирует строчку из стихотворения Блока «Седое утро» (см. примеч. 3 к письму 41).

1143

Интерн — сверхштатный врач, прикомандированный к лечебному учреждению — для повышения квалификации.

1144

Александр Иванович Карпинский, практикующий врач, работавший в 1910-е гг. в петербургском Психоневрологическом институте, член Русского общества нормальной и патологической психологии. Карпинские — известная в России с XVIII века семья медиков, в том числе и лейб-медиков.

1145

У Розанова в «Опавших листьях. Короб первый» эти слова записаны несколько раз подряд: «Как с головной болью каждый день поутру: — "Почему не позвал Карпинского?" "Почему не позвал Карпинского?" "Почему не позвал Карпинского?" (все лето 1912 г.)». И в «Коробе втором» то же самое: «Вот на остающиеся 10 лет жизни я несчастен потому, что не позвал вовремя Карпинского».

1146

Стихотворение «Зима идет своим порядком...», напечатанное в «Опытах» (1957. Кн. VIII).

1147

Стихотворение «Это было утром рано...», в сборник «1943-1958 Стихи» так и не вошло. См. примеч. к письму 158.

1148

Стихотворение «Так, занимаясь пустяками...», в сборнике «1943-1958 Стихи» осталось.

1149

Николай Васильевич Макеев (1889-1974) — правый эсер, член Учредительного собрания, в 1919 г. эмигрировал, с 1920 г. член исполкома Земгора в Париже, в конце 1930-х — 1940-е работал при Луаре; муж Берберовой до 1947 г, В середине 1956 г. Макеев поселился в Beausejour.

1150

Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861-1925) - в марте—июле 1917 г. глава Временного правительства, эмигрировал, 1918-1920 гг. возглавлял Русское политическое совещание в Париже.

1151

В статье «Георгий Иванов» Гуль цитирует письмо к нему Гю И. от 29 июня 1955 г. (№ 37): «Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич» («Новый журнал». 1955. Кн. XLII, с. 117-118). Во вступительной статье поправлено: «Не хочу иссохнуть, как иссох...» (с. 11).

1152

Юрий Павлович Одарченко (1903-1960) — поэт, с 1920-х гг. жил в Париже. В журнальном варианте было написано: «В нашей небольшой зарубежной литературе именно Иванов начинает влиять. Именно у него уже есть литературные попутчики (отмечу своеобразное дарование Юрия Одарченко) и неожиданные подражатели (их не называю)» (с. 118)- Этот фрагмент сохранился и во вступительной статье к книге (с. 11).

1153

Владимир Сергеевич Печерин (1807-1885) — переводчик, поэт, мемуарист, автор ходившего в списках стихотворения «Как сладостно — отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья!» (1834). В 1836 г. навсегда уехал из России. Интерпретируя стихи Г. И. о России, Гуль отсылал читателя к опыту других писателей, в том числе Печерина: «Когда-то Брюсов написал довольно страшные строки — "Родину я ненавижу". Еще острее эту тему развивал Печорин». Во вступительной статье написание фамилии исправлено (с. 14).

1154

Во фразе «Столь же двоедушно и резко, как тема России, сквозь лирическую сонность подана Георгием Ивановым и тема эмиграции» никаких изменений Гулем сделано не было, слово «двоедушно» осталось и во вступительной статье (с. 15).

1155

Опечатка в начальной строчке стихотворения «Не обманывают только сны...» во вступительной статье исправлена (с. 15).

1156

Абзац из журнального варианта статьи, начинающийся словами «Последней конкретной темой часто звучащей в оркестре ивановской поэзии является тема убийства», из вступительной статьи убран вовсе.

1157

Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848-1913) — поэт, с именем которого связана в России разработка концепции «чистого искусства».

1158

Символика эта характерна и для поздней лирики Г. И.: «Волны шумели: "скорее, скорее"! / К гибели легкую лодку несли...» и др. Однако несомненна совершенно грубая подкладка этой сентенции, самим Г. И. приведенный стишок в очерке «Невский проспект»: «...Мы все на легком катере / летим к ...» («Последние новости». 1927, № 2294, 4 июля, с. 2).

1159

«Новая Элоиза» — роман в письмах (1761) Ж.-Ж. Руссо. «Новый Ролла» — «неоконченный роман в отрывках» из книги Кузмина «Глиняные голубки» (1914). Но важнее здесь у Г. И. аллюзия на поэму А. де Мюссе «Ролла» (1833), герой которой Жак Ролла страдает романтической тоской, «болезнью века», влекущей его к самоубийству.

1160

Стихотворение это в сборник «1943 — 1958 Стихи» вошло.

1161

Фотография в книгу Г. И. «1943 — 1958 Стихи» не попала. Впервые воспроизведена в книге Анны Колоницкой «Все чисто для чистого взора...» (М., 2001) без датировки, затем на фронтисписе книги Георгий Иванов. «Стихотворения». СПб., 2005 («Новая библиотека поэта») — с неправильной датировкой «1940-е гг.». Перепечатана также в книге: Арьев-2009 (с верной датировкой — 1958). См. иллюстрации.

1162

Из стихотворения Гумилева «Память» (1921): «Память, ты слабее год от году...».

1163

Следующая книга стихов Одоевцевой «Десять лет» вышла лишь в 1961 г. (Париж, «Рифма»).

1164

Аллюзия на первую главу «Евгения Онегина»: «С героем моего романа / Без предисловий, сей же час / Позвольте познакомить вас...».

1165

Аллюзия на стихотворение «Жди меня и я вернусь. / Только очень жди...» (1941) Константина, наст. имя Кирилл, Михайловича Симонова (1915-1979) — популярного, особенно в годы войны и послевоенное время, советского поэта, прозаика, публициста, приезжавшего сразу после войны в Париж.

1166

Информация об изданных книгах Г. И., помещенная в конце сборника «1943 — 1958 Стихи».

1167

О М. М. Корякове см. примеч.к письму 86. В «Русской мысли» (1958, № 1186, 15 марта, с. 2-3) М. В. Вишняк напечатал статью «Дьявольское обольщение» — об октябрьском перевороте 1917 г. в России. В ней оспаривается бытовавшее в разных кругах «мистическое» истолкование событий, вновь воспроизводимое в «Новом русском слове» М. М. Коряковым, в своей рубрике «Листки из блокнота» заявившим о «дьявольской», а не «политической» подоплеке революции. По Корякову «большевизм - это дьявол». Вслед за первой статьей Вишняк напечатал новую — «Еще о дьяволе и М. М. Корякове» («Русская мысль». 1958, № 1194,3 аир., с. 2-3), возражение на очередные «Листки из блокнота» Корякова («Новое русское слово».1958, 16 марта). Отвергая нападки личного свойства — о связи участников революции с дьяволом — Вишняк приводит историю, почерпнутую из самого Корякова, в прошлом советского орденоносца. Эпизод «как капитан Коряков, не успев еще выбрать для себя свободу», «от души "порадовался за дуру Дуньку и за Европу тоже" когда ее, "курносенькую", семнадцати лет от роду, советские чекисты силком вталкивали в машину, чтобы везти из Парижа на родину, а та "плакала и даже отбивалась кулаками"?!». Позже Гуль в книгу «Одвуконь» (1973) включит статью «Дунька и Коряков».

1168

Вслед за двумя статьями Вишняк публикует в «Русской мысли» еще и третью (1958, № 1200,17 апр., с. 3) «Адвокат дьявола», которая и вызвала реплику Одоевцевой.

1169

Очевидно, на своем фотопортрете Г. И., расписавшись, поставил дату «1988» вместо «1958».

1170

На этом снимке рука Г. И., положенная на подлокотник кресла, действительно кажется «четырехпалой».

1171

В журнальном варианте статьи Гуль, сравнивая Г. И. с Цветаевой и Ходасевичем, пишет: «Я не говорю о Бунине, тема о Бунине-поэте для меня совсем особая» (с. 112).

1172

Отклики Бориса Пастернака на последний сборник Г. И. нам неизвестны, как и вообще какие-нибудь его отзывы о стихах Г. И. Вряд ли идея рассылки книги «1943 — 1968 Стихи» Пастернаку и советским журналам была осуществлена. Немногое, что тут можно привести, это письмо Одоевцевой к Гулю от 12 дек. 1958 г.: «Я с Пастернаком познакомилась в Берлине в 23-ем году, и он сделал мне самый пышный комплимент — т. е. моим стихам — который я слышала в моей жизни. Но и без того он мне очень понравился» (BLG, Box 10, Folder 241). О содержании этого комплимента можно, очевидно, судить по устному свидетельству Одоевцевой. В берлинском кафе «...Андрей Белый, перечисляя присутствующих, сказал Пастернаку, что среди них и Одоевцева. И тут Пастернак, оживившись, заявил: "Как, Ирина Одоевцева! ... это лучшее, что сейчас есть в русской поэзии"» (Анна Колоницкая. «Все чисто для чистого взора...». М., 2001, с. 176). По версии Г. И., Пастернак после одного из выступлений Одоевцевой в Берлине, обращаясь к нему, сказал: «Куда нам с Вами до нее!».

1173

Все замечания Г. И. в издании сборника «1943—1958 Стихи» учтены.

1174

По крайней мере в отношении «цветка» употребимо и «засох» и «иссох».

1175

Начало и рефрен цикла Владислава Ходасевича «Дактили» (1927): «Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго...».

1176

Одоевцева имеет в виду фотографию Г. И. для сборника «1943 — 1958 Стихи» (см. письмо 164).

1177

Используя образы самого Г. И. (заглавие книги «Портрет без сходства» и начало стихотворения «Как туман на рассвете, чужая душа...»), Одоевцева описывает впечатление от последнего снимка Г. И.

1178

Стихотворение Г. И. «Бредет старик на рыбный рынок...».

1179

К. Д. Померанцев.

1180

Ренэ Клер (Clair; 1898-1981) — французский кинорежиссер, в его франко-итальянском фильме «Порт де Лила» («Porte des Lilas», 1957) действие происходит на окраине Парижа, под музыку Жоржа Брассанса (он же исполняет роль Артиста), с персонажами, по словам самого режиссера, «подобными той унылой местности, которой достаточно немного тумана, трех капель дождя или мимолетного солнечного блика, чтобы совершенно изменить свой вид» (Рене Клер. «Сценарии и комментарии» М., 1969, с. 259).

1181

Гуль иронически использует начало покаянного псалма: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи!» (Псалтирь: 129,1).

1182

В стихотворении Г. И. «Насладись, пока не поздно...» первоначально было: « Тем, что в мире грациозно, / Беззаботно и легко». Г. И. последовал совету Гуля и вместо «Беззаботно» поставил «Грациозно».

1183

Гуль вспоминает события двухгодичной давности: визит советских лидеров в Англию в марте-апреле 1956 г. (см. письмо 108). Г. М. Маленков тогда был приглашен на Большие национальные скачки под Ливерпулем, во время которых лошадь королевы-матери Devon Loch упустила победу на самом финише. В апреле 1958 г. Маленков уже отрешен от власти и отправлен на «хозяйственную работу».

1184

6 апр. 1956 г. в «Дэйли Мэйл» напечатан отчет о заключительной пресс-конференции Маленкова в Англии, в котором приведен и вопрос журналистки: «Испытывает ли г-н Маленков чувство вины за свое участие в сталинских чистках?» («Does Mr Malenkov feel any sense of guilt for the part he played in the Stalin purges?»).

1185

Николай Робертович Эрдман (1900-1970) — драматург, киносценарист, в молодости примыкал к имажинистам, в 1933 г. был арестован, приговорен к ссылке, однако в начале 1934 г. на экраны выходит фильм «Веселые ребята», по сценарию Эрдмана и В. З. Масса, приобретший необыкновенную популярность, чем, видимо, объясняется некоторое смягчение его участи. И хотя имена сценаристов из титров к фильму были изъяты, место ссылки Эрдману в 1935 г. изменяется на город Томск, где он получает работу в местном театре. В 1941 г. был мобилизован и получил назначение в Ансамбль песни и пляски НКВД, в 1951 г. Эрдман стал лауреатом Сталинской премии за фильм «Смелые люди».

1186

Демьян Бедный, наст, имя Ефим Алексеевич Придворов (1883-1945) — поэт-сатирик, баснописец, еще до революции сблизившийся с большевиками и одобренный самим Лениным, в середине 1930-х подвергался критике со стороны властей, однако сохранил свое достаточно привилегированное положение до конца

1187

Эрдман часто писал басни, за которые скорее всего и был арестован, в соавторстве с В. З. Массом, также репрессированным. Точное авторство возможно установить далеко не всегда.

1188

Существует бесчисленное количество вариантов этой «поэмы», вошедшей в фольклор советской поры. Установить точно авторство Демьяна Бедного не удалось.

1189

Адамович по поводу реакции Гуля на свою статью о Г. И. в «Новом журнале» (1958, март, кн. LII) писал Одоевцевой 3 марта 1958 г.: «Гуль прислал письмо с восторгом по поводу моей статьи о Жорже. Карповичу будто бы тоже очень понравилось. Действительно, не статья, а бонбон» («Минувшее». 1997, кн. 21, с. 470).

1190

5 мая 1958 г. Адамович писал Одоевцевой: «...Гуль <...> спрашивает, кто мог бы написать рецензию <...>. Я посоветовал Степуна, который имеет вес и все-таки человек настоящий, хотя и болтун. <...> Степун, кажется, Жоржин поклонник, иначе, конечно, он не годится» («Минувшее». Кн. 21, М.; СПб., 1997, кн. 21, с. 484). Ф. А. Степун печатно на сборник Г. И. «1943 — 1958 Стихи» не откликался.

1191

Вейдле о Г. И. после его смерти впервые написал в цикле эссе «О тех, кого уже нет»: «21. Георгий Иванов» («Новое русское слово». 1976, № 24011, 1 авг., с. 5).

1192

Многие из подаренных Г. И. книг украшены его рисунками.

1193

Элизабет Ферстер-Ницше (1848 — 1935) — с 1895 г. опекунша и собственница наследия своего больного брата, автор многотомной «Жизни Фридриха Ницше», в то же время была с братом в очень непростых отношениях: несколько раз Фридрих порывал их с ней вовсе, в частности, в 1884 г. из-за ее «проклятого антисемитизма», как он объяснил знакомому в одном из писем. Однако в данном контексте Одоевцева, возможно, пишет не о Элизабет Ницше, а о себе самой: Г. И. с Гулем постоянно представляют себя в этой переписке «Вагнером» и «Ницше», что дает основание Одоевцевой назвать себя «сестрицей Ницше». В таком случае речь у нее идет о каком-то отзыве на ее сочинения.

1194

Стихотворение «Отравлен воздух, горек хлеб...» («Новый журнал».1958, июнь, кн. LIII), вошедшее позже в сборник «Портрет в рифмованной раме». Одоевцева здесь беспокоится, что непонятным окажется вынесение в отдельную строку окончания «-ница», благодаря чему рифмуется и «председатель-» и «Творца»: «"Земного шара председатель", / Приветствую в тебе Творца! / Я твой читатель-почитатель- / ница». «Дева ветреной воды» — цитата из Хлебникова (первоначально у Одоевцевой было «дева ветреных забав»). См. примеч. к письму 162.

1195

В той же кн. LIII «Нового журнала» (с. 55-56) напечатанные «Разностопные ямбы» («Лазурный берег, берег Ниццы...») также вошли в сборник «Портрет в рифмованной раме» с небольшой синтаксической правкой данного отрывка.

1196

Это пожелание Г. И. исполнено. Интерес представляет дата 1943 г.: видимо, тогда Г. И. решил вернуться к поэзии. Но никакого его стихотворения достоверно к этой дате отнести нельзя, ни одно 1943 г. не помечено. Печатать стихи Г. И. вновь начал в 1945 г. — после восьмилетнего перерыва. Кроме того, в Йере Г. И. с Одоевцевой жили с 1955 г. (в книге остался 1953 г.).

1197

Строчка из «Разностопных ямбов». В окончательной редакции: «Таинственно белеют койки, / Как будто окна на Неву».

1198

Здесь к письму приклеена этикетка «CUSTOMS — DOUANE» с аигло- французскими инструкциями о таможенных пошлинах.

1199

Альбумин — основной белок крови, вырабатываемый в печени. По современным параметрам норма альбумина в крови людей старше шести десяти — 34-48 гр. на литр.

1200

Письмо Гуля с рекомендацией по поводу этой строчки в BLG отсутствует. В конце концов, в «Разностопных ямбах» утвердился вариант «Как будто окна на окна на Неву». В «Новом журнале» напечатано «Подобно окнам на Неву» (см. письмо 171).

1201

1В стихотворении «В пышном доме графа Зубова...» осталось «о Италии»: «О блаженстве, о Италии / Тенор пел...».

1202

В стихотворении «Мелодия становится цветком...» правка не принята. В строчке «И Лермонтов один выходит на дорогу», помимо очевидной ассоциации со стихотворением Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» слово «один» своим звоном, напоминающим звон дорожного колокольчика или звон шпор — «динь!» — более чем уместно.

1203

Это предложение Гуля также осталось без внимания: строчка «Зато как человек я умираю», завершающая стихотворение «Игра судьбы. Игра добра и зла...», сохранена.

1204

О возникновении этой строчки и всего стихотворения Одоевцева рассказывает:

«Однажды, сидя со мной за утренним чаем и ведя самый незначительный разговор, он вдруг прервал самого себя на полуфразе:

— Постой, постой, подожди... — задумался на минуту: — Вот я сейчас сочинил. Послушай!

Туман... Тамань- Пустыня внемлет Богу. Как далеко до завтрашнего дня!.. И Лермонтов один выходит на дорогу, Серебряными шпорами звеня.

Я почувствовала дрожь в груди и закрыла глаза от волнения. То, что эти гениальные стихи были созданы здесь, при мне, мгновенно, казалось мне чудом. А он, не понимая моего волнения, спокойно рассказал мне, что только что, бреясь в ванной, он сочинил начало стихотворения "Мелодия становится цветком" и сейчас, размешивая сахар в чашке, досочинил его конец.

Он совсем не понимал, не отдавал себе отчета, что эти стихи — одна из вершин русской поэзии XX века» («На берегах Сены», с. 157-158).

.

1205

В родительном падеже нужно «простаты» (ж. род) — предстательной железы.

1206

Вальтер Гизекинг (Gieseking; 1895-1956) — немецкий пианист и композитор, прославился исполнением Моцарта.

1207

Клод Дебюсси (Debussy; 1862-1918) — французский композитор, дирижер, пианист, сопровождавший Н. Ф. фон Мекк в ее путешествиях по Европе.

1208

Очевидно, Гуль имеет в виду стихотворение Чиннова «Голоса» («Я все еще помню Балтийское море...»), напечатанное в ближайшей кн. «Нового журнала» (1958, сентябрь, кн. LIV, с. 67).

1209

Имеется в виду Элизабет Хапгуд. В английской традиции жен часто представляют не только по фамилии мужа, но и по его имени.

1210

Конец письма отсутствует. Но, возможно, это иронический эллипсис, подразумевающий пропуск положенных в конце письма любезностей.

1211

Стихотворения Одоевцевой из «Нового журнала» (1958, кн. L1II) под общим заглавием «Разностопные ямбы»: «Лазурный берег, берег Ниццы...» и «Отравлен воздух, горек хлеб...».

1212

В последних книжках «Опытов» напечатаны стихотворения Чиннова «Вечный образ: счастье — ветер в поле...» (кн. VII), «Ни добрых дел, ни твердой воли нет...» и «О Воркуте, о Венгрии (- о чем?) / О Дахау и Хирошиме...» (1957, кн. VIII). «Фонтан» — стихотворение «К луне стремится, обрываясь...» («Новый журнал». 1957, кн. XLIX), одобренное также Г. И. (см. письмо 138).

1213

Рецензия Глеба Струве на «Собрание стихотворений» Владимира Смоленского («Новый журнал». 1958, кн. LIII).

1214

В рецензии на изданный Глебом Струве «Лебединый стан» Цветаевой Гуль писал: «К стихам М. Цветаевой Г. Струве дает небольшое предисловие. Оно, мне кажется, нуждается в двух уточнениях. В нем сказано, что стихи "Лебединого стана" — "в большинстве нигде не напечатанные". Я думаю, что это неверно. Много стихов этой книги вошли в "Разлуку", другие были напечатаны в парижских журналах. А стихи 1917 года печатались в России. Из-за границы, конечно, трудно установить, где именно. Но многие из них, как напр. "Царю на Пасху" в литературных кругах были давно и широко известны. Сошлюсь хотя бы на поэта и критика Ю. Офросимова, от которого я впервые услышал эти стихи в 20-х годах в Берлине. Вторая неточность касается лично М. И. Цветаевой. Г. Струве пишет, что Цветаева "вернулась в Россию — по чисто-личным мотивам". Конечно, так было бы нам приятнее. Но истине это не соответствует. Вот что М. Цветаева писала до отъезда в СССР: — "В России мне все за поэта прощали. Здесь мне этого поэта прощают... мои *русские* вещи при всей моей уединенности и волей не моей, а своей, рассчитаны на множества. Здесь множеств — физически нет, есть группы... Не тот масштаб, не тот ответ. В России, как в степи, как на море, есть откуда и куда сказать. Если б давали говорить... А в общем просто: здесь *та* Россия, там — *вся* Россия..." Это, конечно, "мотивы", к сожалению, не "чисто-личные". И за эту свою ошибку Цветаева заплатила самоубийством» («Новый журнал». 1958, кн. LIII, с. 279-280).

1215

Речь идет о «Разностопных ямбах». См. письма 170-172.

1216

В «Новом журнале», 1958, кн. LIII, напечатаны: Ирина Одоевцева «Разностопные ямбы» (с. 55-57); Роман Гуль. М. Цветаева. «Лебединый стан. Стихи 1917-1921 гг.»(с. 279-281); Роман Гуль. Н. Краснов. «Незабываемое» (с. 281-285); Г. Струве. В. Смоленский. «Собрание Стихотворений» (с. 295- 300).

1217

Адамович был в Йере у Ивановых проездом за два дня до этого письма, 10 авг. 1958 г., а в этот же день 12 авг. писал Одоевцевой из Ниццы: «Пишу в сладком тумане дружеской встречи, еще не совсем рассеявшемся. Как и что у Вас? Очень рад был у Вас побывать, несмотря на болезнь Жоржа. Пусть приободрится, он худ, конечно, но вид — ничего, и цвет лица, и все прочее. У меня на это глаз острый. Не надо поддаваться болезни, это важнее всех лекарств. А Вы, Madame, меня до мозга костей поразили своей юностью. Годики ведь уже не столь маленькие, а вид с ума сводящий» («Минувшее». Кн. 21. М.; СПб., 1997, с. 493).

1218

Иваск в Йер к Ивановым не приезжал.

1219

Очевидно, узнав о смерти Г. И. 26 августа 1958 г. в госпитале Йера, М. М. Карпович послал Одоевцевой телеграмму, или письмо, в архиве не сохранившиеся, а это письмо вместе со стихами Г. И. передал Гулю.

1220

По тексту из настоящего письма это четверостишие впервые опубликовано во втором издании «Стихотворений» Г. И. («Новая библиотека поэта». СПб., 2010, с. 467).

1221

В «Новом журнале» под рубрикой «Посмертный дневник» стихи Г. И. публиковались: 1958, кн. LIV, LV; 1959, кн. LVI, LVIII; 1960, кн. LIX, LXI; 1961, кн. LXIII.

1222

В «Новом журнале» в начале 1960-х печатались главы, составившие книгу «На берегах Невы». Основной корпус воспоминаний о Г. И. написан Одоевцевой позже и вошел в ее книгу «На берегах Сены».

1223

Текст этой записки опубликован только в 1994 г. («Новый журнал», кн. 194, с. 295):

«Благодарю тех, кто мне помогал. Обращаюсь перед смертью ко всем, кто ценил меня как поэта, и прошу об одном. Позаботьтесь о моей жене, Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни, и я ей бесконечно обязан.

Если у меня действительно есть читатели, по-настоящему любящие меня, умоляю их исполнить мою посмертную просьбу и завещаю им судьбу Ирины Одоевцевой. Верю, что мое завещание будет исполнено.

Георгий Иванов».

1224

Через месяц Одоевцева переехала в Русский дом в Ганьи (Gagny) под Парижем.

1225

«Подсчет» вписано посторонней рукой вместо зачеркнутого «я счет» (см. письмо 182).

1226

«Ну, а все-таки» вписано посторонней рукой вместо зачеркнутого «Но когда-нибудь» (см. письмо 182).

1227

Георгий Иванов. «1943 — 1958 Стихи». Нью-Йорк, Издание «Нового журнала», 1958. Тираж 500 экз. Вышла через две недели после смерти Г. И. Непосредственный отклик Гуля на смерть Г. И. нам неизвестен.

1228

См. письмо 181.

1229

В печатной редакции — «ведя подсчет».

1230

Первая строфа стихотворения: «Перед тем, как умереть, / Надо же глаза закрыть. / Перед тем, как замолчать, / Надо же поговорить».

1231

Affidavit — письменная декларация под присягой, дающаяся перед тем, как что-либо узаконить официально. В данном случае, обязательство приглашающего принять на себя все расходы по устройству приглашенного, включая возможные болезнь, несчастный случай и смерть.

Одоевцева посетила США только в 1965 г. в связи с подготовкой к изданию ее книги «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967). После этого визита она была в США еще дважды в 1968 г.

1233

L. Chaize — лицо неустановленное.

1234

Елена Петровна Грот, рожд. Баранова (1891-1968) — поэтесса, мемуарист, в эмиграции с 1916 г., с начала 1920-х в США, инициатор создания первого русского литературного кружка в Сан-Франциско, печаталась в «Новом русском слове», после войны — редактор газеты «Русская жизнь (Сан-Франциско). Одоевцева писала о ней В. Ф. Маркову 30 июля 1957 г.: «Е. Н. Грот прислала Г. В. 20 долларов в читателе-почитательском пресимпатичном письме. <…> Деньги он принял без обиды — обижаться не на что. Не ее вина, что Г. В. в таком положении, что ему не до обиды и гордости» («In memoriam». 2000, с. 432). И в другом письме от 8 дек. 1957 г.: «Е. И. Грот, оказавшаяся добрейшей душой, посылает Г. В. лекарства и всячески старается для нас» (там же, с. 442).

1235

О Ю. В. Крузенштерн-Петерец см. примеч. к письму 148.

1236

В «Новом журнале». (1958, кн. LIV, сентябрь, с. 290) появился некролог «Памяти ушедших. Г. В. Иванов» (без подписи); «26 августа с. г. на юге Франции в Йер после мучительной болезни скончался поэт Георгий Владимирович Иванов. Это большая потеря для русской поэзии. И большая потеря для нас, для "Нового Журнала" постоянным сотрудником которого Г. В. состоял. После второй мировой войны, почти все свои стихи Г. В. печатал в нашем журнале. В издании "Нового Журнала" только что вышла последняя книга его стихов - "1943-1958 Стихи", которую Г. В., к сожалению, увидеть не успел.

Георгий Иванов родился в 1894 году в военной семье. Окончил в Петербурге кадетский корпус. В литературу Г. В. вошел перед первой мировой войной. Тогда вышли сборники его стихов: "Отплытие на остров Цитеру", "Горница" "Лампада" "Вереск" "Памятник славы". В те годы Г. В. был ближайшим сотрудником журнала "Аполлон" и входил в "Цех поэтов" дружа с его возглавителем Николаем Гумилевым.

В начале двадцатых годов Г. В. вместе с своей женой поэтессой Ириной Одоевцевой эмигрировал. Короткое время он прожил в Берлине. Позднее — обосновался в Париже. За годы эмиграции Г. В. выпушены сборники стихов — "Сады" "Розы", "Отплытие на остров Цитеру", "Портрет без сходства" и "1943-1958 Стихи". Кроме этих сборников вышли две книги прозы — "Распад атома" и в двух изданиях "Петербургские зимы". За последнее время о поэзии Георгия Иванова было напечатано несколько больших статей: в "Новом Журнале" Романа Гуля "Георгий Иванов" (кн. 42), Георгия Адамовича "О наших поэтах. Георгий Иванов" (кн. 52) и в журнале "Опыты" (№ 8) статья Владимира Маркова "О поэзии Георгия Иванова". Мы надеемся в ближайших книгах "Н. Ж." дать оценку последнего сборника стихов Г. В.

Вдове покойного, Ирине Владимировне, мы выражаем наше глубокое сочувствие в постигшем ее горе».

1237

Панихида состоялась 5 окт. 1958 г.

1238

Николай Николаевич Мартьянов (1894-1984) — эсер, участвовал в 1918 г. в неудавшемся покушении на Ленина, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции, завершил в Праге высшее образование (в России учился в Московском университете), с середины 1820-х гг. жил в США, где закончил Колумбийский университет. Основал собственное издательство и открыл книжный магазин (в том же здании, где размещалась редакция «Нового русского слова», в котором Мартьянов регулярно сотрудничал). Как издатель известен выпуском настольных и отрывных календарей, печатающихся под его именем до сих пор...

1239

Александр Михайлович Перфильев (1895-1973) —- однокашник Г. И. по второму кадетскому корпусу поэт, музыкант (а частности, автор знаменитого романса «Ах, эти черные глаза...»), прозаик, с 1921 г. в эмиграции. до 1944 г. жил в Риге, с 1945 г. — в Мюнхене, сотрудник «Радио Освобождением («Радио Свобода»). Его воспоминания «Георгий Иванов» напечатаны в «Новом русском слове» (1958, № 16621, 21 сент., с. 8).

1240

«Общее дело» — сведений об этой газете у нас нет.

1241

В «Русской мысли» после кончины Г. И. были опубликованы: Юрий Терапиано. «Памяти Георгия Иванова» (1958, № 1258,31 авг., с. 5); Николай Оцуп. «Памяти Георгия Иванова» (1958, № 1262, 9 сент., с. 4); Лидия Червинская. «После панихиды» (1958, № 1270, 27 сент., с. 5).

1242

Вяч. Завалишин. «Последний сборник Георгия Иванова» («Новое русское слово». 1958, 28 сент., с. 8).

1243

Совершенно фарсовый случай произошел в Париже. Е. М. Яконовский предполагал поместить в «Русском Воскресении» некролог Г. И., о чем вскоре и рассказал публике в «Русской мысли»: «В пятницу 29 августа секретарь редакции газеты "Русское Воскресение" попросил меня написать статью — некролог по поводу кончины Георгия Владимировича Иванова. Статья предполагалась в 30 строк. Одновременно должно было быть напечатано траурное объявление от лица редакции и воспоминания о покойном Л. Д. Червинской. В понедельник 1 сентября М. В. Голубев неожиданно заявил мне (привожу буквально его слова), что Николай Михайлович Полянов (редактор "Р. В.") категорически отказывается печатать что-либо о покойном поэте, т. к. он "позволил себе оскорбить птицу". "Птицей" оказался "орел двуглавый" из знаменитого стихотворения...» (1958, № 1264, 13 сент., с. 5). Стихотворение это («Овеянный тускнеющею славой...») было напечатано как раз в «Новом журнале» (1955, кн. XLII, с. 100). См. также примеч. к письму 117.

1244

Стихотворение «Жизнь продолжается рассудку вопреки...». В нем «болтают старички» определенно в Йере, в доме для престарелых, а не в Ницце.

1245

Возможно, стихотворение не вошло в состав книги еще и из-за его содержания, неприятного для русских обитателей «Beausejour».

1246

Отдельной книгой «Посмертный дневник» так и не вышел. Как единый цикл опубликован впервые в книге: Георгий Иванов. Собрание стихотворений. Edited by Vsevolod Sechkarev and Margaret Dalton. Wurzburg. 1975.

1247

Стихотворение «Верной дружбе глубокий поклон...». Напечатано в «Новом журнале» (1958, кн. LV, с. 103-104), вошло затем в сборник Одоевцевой «Портрет в рифмованной раме».

1248

Этой миссис Чейз из Морского ведомства в Индии Одоевцева только что просила отправить одну книгу (см. письмо 178).

1249

Роман Гуль. «Победа Пастернака»» («Новый журнал». 1958, кн. LV, с. 111-129).

1250

В «Новом русском слове»» отчет о вечере найти не удалось. См. также следующее письмо (182).

1251

Георгий Адамович. «Георгий Иванов» («Новое русское слово». 1958, № 16663,2 ноября, с. 8).

1252

Гуль имеет в виду просьбу Одоевцевой (см. письмо 180) переслать ей или уничтожить «Дело Почтамтской улицы» (см. письма 103 и 108). Эта просьба выполнена Гулем так и не была, несмотря на высказанные еще несколько раз в дальнейшей их переписке напоминания Одоевцевой.

1253

См. «Возрождение». 1958, № 82. Фото Г. И. с Одоевцевой в Йере. Одоевцева в присланной из США черной шляпе с полями. Фото не раньше конца 1955 г.

1254

Это малоизвестное стихотворение хорошо было известно самому Гулю. В важном для себя письме к Александре Львовне Толстой 22 апр. 1976 г. (после смерти своей жены Ольги Гуль) он, полностью его процитировав, вспоминал, что сам его и опубликовал в литературном приложении к берлинской газете «Накануне» в 1922 г.: «Как мудрый отравитель, время, / Поит нас незаметным ядом. / Нежней, нежнее будьте с теми, / Чье сердце бьется с вами рядом. / Словам и клятвам верьте, верьте! / Непрочно пламя в хрупком теле. / Ведь только после нашей смерти / Нас любят так, как мы хотели» (Роман Гуль. «Я унес Россию». Т. 1, часть 9). Автор стихотворения — Екатерина Александровна Галати, по мужу Косвен (1890-1935) — в 1915 г. издала в Петрограде стихотворный сборник «Тайная жизнь», а в советское время еще один, «Золотой песок» (М., 1924). Переводила (в том числе Альбера Самена, которого переводил и Г. И.) и писала детские стихи, часто под фамилией своего мужа.

1255

Толстовский фонд — благотворительный фонд помощи русским эмигрантом, основанный в США в 1939 г. дочерью Льва Толстого Александрой Толстой.

1256

Судя по поставленной дате, Одоевцева ошибается (?): день рождения Г. И. — 10 ноября (?) (по новому стилю)

1257

В «Опытах» (1958, кн. IX, с. 3) напечатаны стихотворения Г. И. «Отчаянье я превратил в игру...» и «Для голодных собак понедельник...» — вне цикла «Посмертный дневник». Одоевцевой они включены в него лишь в «Собрании стихотворений» (Wurzburg, 1975).

1258

В «Возрождении» (1958, № 83, с. 85-86) были напечатаны стихотворения Г. И. «Умер булочник сосед...» и «Собиратели марок, эстеты...»

1259

4 София Юльевна Прегель (1894-1972) — общественная деятельница, издатель, поэт, прозаик, с 1922 г. в эмиграции в Париже, затем в Берлине, с 1932 г. снова в Париже, с 1942 г. в Нью-Йорке, где начала издавать журнал «Новоселье», высмеянный в рецензии Г. И. «"Новоселье" на новоселье» («Возрождение». 1950, № 11), в 1948 г. вернулась в Париж, где с конца 1957 г. возглавляла издательство «Рифма».

1260

Из стихотворения Ахматовой «Чернеет дорога приморского сада...» (1914): «Я очень спокойная. Только не надо / Со мною о нем говорить».

1261

Ю. Терапиано. «Георгий Иванов. "1943 — 1958 Стихи"» («Русская мысль». 1958, № 1288, 8 ноября, с. 4).

1262

Леонид Иванович Страховский (1898-1963) — историк, филолог, поэт, с 1920 г. в эмиграции, в 1922 г. напечатал в Берлине под псевдонимом Леонид Чацкий сборник стихов «Ладья», жил и учился в Бельгии, с 1937 г. в США, с 1946 г. в Канаде, профессор истории в Торонтском университете, президент Канадской ассоциации славян. Познакомился с Г. И. в 1918 г. в Петрограде. Опубликовал в «Russian Review» (1949, January) одну из первых статей о Г. И. на английском: «Georgi Ivanov — Paragon of Verse».

1263

Журнал «Современник» начал выходить в Канаде (Торонто) с 1960 г. под редакцией Страховского и издавался до 1980 г.

1264

Рецензия Гуля на «Петербургские зимы» дана в блоке с его рецензией на «Встречи» Терапиано. Сравнение было определенно не в пользу Терапиано (см. «Новый журнал». 1953, кн. XXXII).

Эта характеристика не воспрепятствовала тут же возникшей между Одоевцевой и Терапиано обоюдной симпатии. Вскоре после переезда Одоевцевой в Ганьи отношения между ними установились в высшей степени дружеские. Терапиано Одоевцева обязана и возобновлением литературной деятельности, и созданием мемуаров «На берегах Невы», и, отчасти, «На берегах Сены», посвященных «Светлой памяти Юрия Терапиано». Рассказывая о первых месяцах своей жизни без Г. И., Одоевцева в этой книге пишет: «...я не поверила бы, что снова смогу улыбаться и превращать будни в праздники. И этим я обязана главным образом Юрию Терапиано. Не знаю, во что превратилась бы моя жизнь, если бы я тогда не встретилась с ним. <...> Юрий Терапиано не только поддержал меня, но и вернул в литературу» (М., 1989, с. 314-315).

1266

31 марта 1958 г. Адамович писал Одоевцевой: «Но мало людей, которым можно верить в смысле действий, а не слов. "Человек человеку — бревно", единственно, что хорошо сказал покойник Ремизов, любимый Ваш и Жоржа писатель» («Минувшее». Кн. 21, с. 478). С этой строчки начинается и одно из стихотворений Одоевцевой, вошедших в сборник «Портрет в рифмованной раме»: «"Человек человеку бревно". / Это Ремизов где-то давно / Написал...». Изречение Ремизова из его повести «Крестовые сестры» (1910), своего рода ее лейтмотив (указано А. М. Грачевой), перефразирует восходящее к Плавту известное латинское выражение: «человек человеку волк» («homo homini lupus est»).

1267

Перенесение праха Г. И. из Йера на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем состоялось через пять лет после его смерти — 23 ноября 1963 г.

1268

Приписка на полях первой страницы письма.